

Радичева

**Ракитская
Галина Яковлевна**

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ

Том третий

**Теория и практика
социально-трудовых отношений**

Социальная политика

**Москва
Школа трудовой демократии имени Г.Я.Ракитской
2017**

Ответственный за выпуск
Б.В. Ракитский

УДК 316.334.3
ББК 66.3,4
Р19

Р19 **Ракитская Г.Я.**
Основные труды. Том третий. Теория и практика социально-трудовых отношений. Социальная политика. – М.: Школа трудовой демократии имени Г.Я. Ракитской; ПРОБЕЛ-2000, 2017. – 772 с.

ISBN 978-5-98604-623-5
ISBN 978-5-98604-651-8 (Том III)

«Основные труды» классика нового, современного обществознания Галины Яковлевны Ракитской (1939-2013) содержат произведения по широкому кругу идеологических, теоретических и практических проблем.

В третий том вошли произведения, посвящённые теории и практике социально-трудовых отношений и социальной политике.

Для исследователей-обществоведов, преподавателей, активистов рабочего и профсоюзного движения.

УДК 316.334.3
ББК 66.3,4
Р19

Составление, макетирование
и подготовка к изданию третьего тома
Б.В.Ракитский

© Ракитская Г.Я. и наследники, 2017
© Школа трудовой демократии имени Г.Я. Ракитской, 2017
© ПРОБЕЛ-2000, 2017

ISBN 978-5-98604-623-5
ISBN 978-5-98604-651-8 (Том III)

Школа трудовой демократии имени Г.Я. Ракитской
119361 Россия. Москва. Улица Озёрная, 25-287

Третий том «Основных трудов» издан на средства:

***Ракитского Бориса Васильевича,
Бима Александра Семёновича,
Манделя Давида,
Никулиной Ларисы Георгиевны
Урусова Валентина Яковлевича***

НОВОЕ УЧЕНИЕ О СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ И О СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

**(вступительная статья к третьему, четвёртому
и пятому томам «Основных трудов» Г.Я.Ракитской)**

В 1980-х годах начало складываться, а в 1990-е годы в основном сформировалось новое учение о социально-трудовых отношениях и о социальной политике. Сформировалось оно в СССР и в новой России. За рубежами (во всяком случае, на Западе) аналогов этому учению пока нет.

Основными и решающими исследователями и теоретиками нового учения оказались Галина Яковлевна Ракитская и я. Многое делалось и сделано вместе (совместно). Но у Галины Яковлевны лидерство и более весомый вклад в исследовании социально-трудовых отношений, а у меня, пожалуй, — в исследовании и выстраивании теорий социальной политики и социального хозяйства.

Считаю полезным и уместным очертить новое учение с нескольких важных сторон:

— со стороны последовательного применения целостного обществоведческого подхода (так называемой высокой методологии);

— со стороны нового (и последовательно научного) обоснования предметной области;

— со стороны качественно более высокой практической учения.

Но прежде обозначу основные вехи и обстоятельства становления нового учения.

Вехи и обстоятельства становления

В начале 1979 я перешёл на работу в НИИтруда Госкомтруда СССР. В мои должностные обязанности вхо-

дило курирование нескольких научных отделов, в том числе отделов заработной платы, трудовых ресурсов, общих проблем труда. С самого начала пришлось полностью впрячься в подготовку крупного научного доклада об изменениях в характере и содержании труда. Доклад предназначался для высокого собрания по линии Совета Экономической взаимопомощи (СЭВ)¹. Через год (в 1980) я подготовил постановочную программу перспективных научных исследований проблем труда².

Примерно в это же время Галина Яковлевна завершила свой блистательный труд по социально-экономической эффективности научно-технического прогресса и советовалась со мной относительно тематики будущих исследований. Я порекомендовал заняться проблематикой труда. Она занялась, при этом очень охотно делилась замыслами и наработками, мы многое обсуждали и этим как бы «ускоряли» друг друга на поприще социально-трудовых исследований.

Вскоре стали выходить публикации Г.Я.Ракитской уже по социально-трудовой проблематике, а в 1986 появилась объёмная публикация фундаментального характера³. В ней были представлены результаты исследования нескольких ключевых аспектов:

- научная разработка категории «социально-трудовые отношения»;
- структура социально-трудовых отношений;
- стратегические цели преобразований трудовой жизнедеятельности;
- проблематика отношения людей к труду.

¹ Доклад «Изменения в характере, содержании и условиях труда в связи с научно-техническим прогрессом» – М.: 1980. 39 с.

² Б.В.Ракитский. Обоснование важнейших направлений исследования общих проблем труда. – М.: 1980. 44 с.

³ Г.Я.Ракитская. Проблемы и направления развития социально-трудовых отношений в СССР. — М.: ВНИИСИ. 1986. 61 с.

В других публикациях в то же время нашли отражение исследования взаимоотношений личности и трудового коллектива.

Немаловажным было разграничение социалистических и тоталитарных характеристик социально-трудовых процессов и отношений.

Работа приостановилась на несколько лет в связи с перестройкой и четвёртой русской революцией. В пишущую машинку была заправлена, как сейчас помню, 112-я страница «беловика» докторской диссертации, когда Галина Яковлевна заявила мне как о решённом деле:

— Знаешь, я пошла в движение. Не до монографий сейчас. Начинается очень серьёзное время.

Был март 1987.

К систематическим научным исследованиям социально-трудовой проблематики Г.Я.Ракитская вернулась году в 1995. Но до этого социально-трудовые проблемы органично присутствовали в публикациях и документах более широкого общественного характера. По сути, с 1987 мы участвовали в разработке рабочей (классовой) политики в антитоталитарной и антиимперской революции и в практическом развитии демократического рабочего (и профсоюзного) движения.

«Большим контекстом» наших научных и практически-движенческих разработок 1988-1994 гг. стала проблематика исторического выбора Россией своего будущего. Мы, разумеется, работали на вариант выхода нашей страны и нашего народа из тоталитаризма в социализм. Этому были посвящены теоретические работы о социализме и о критериях социалистичности, о деформациях и перерождениях общества, о стратегии и тактике перестройки, о её понимании как социальной революции, о закономерностях переходного периода, о движущих силах общественного развития вообще и революции – в частности. Основным же предметом в этом «большом контексте» были классовые интересы и проблемы трудящихся и эксплуатируемых. Название одной из работ Галины Яковлевны точно схватывает этот предмет — «Место трудящихся в будущей

России». Другое точное обозначение того же самого предмета — название моей работы «Принципы рабочей политики».

История России двинулась, как известно, от тоталитаризма к капитализму, притом самой скверной дорогой — через бандитский капитализм, через периферийно-зависимый капитализм, через утрату завоеваний четвёртой русской революции «не доходя» до жизнеспособного нового общественного устройства. В новой исторической полосе задачи у нас оставались те же, что и в период революции, — идейно обслуживать рабочее движение. При этом сверхважно подчеркнуть — **демократическое рабочее движение**. Организациями, на которые мы серьёзно опирались, были Комитет содействия рабочему движению и самоуправлению трудящихся (создан в июне 1990), Институт перспектив и проблем страны (создан в конце 1991), Школа трудовой демократии (создана в 1994).

В процессе такой научной и общественной деятельности, направленной классово-политически, совершенно логично возникали проблемы социального положения трудящихся; социальной справедливости не в абстрактной, а в конкретно-исторической её постановке; обоснования стратегических и тактических требований рабочего и профсоюзного движения; наращивания субъектности (самостоятельности и влияния) профсоюзов и общественных движений трудящихся. И всё это — не в «книжном» теоретическом преломлении, не в «нейтральной» обстановке, а при реальных столкновениях с интересами и действиями иных общественных классов. Наряду с проблемами собственной классовой идеологии возникали и остро стояли проблемы собственной социальной политики трудящихся и эксплуатируемых классов.

В 1992-1993 я работал директором Института проблем занятости РАН и Минтруда России. В разгар «шоковой терапии» имел возможность от лица института атаковать Министерство труда и занятости населения РФ и обличать проводимую им и правительством социальную по-

литику экономического геноцида населения. Этой возможностью пользовался сполна.

Когда в 1993 г. формировался Совет по социальной политике при Президенте РФ, мне было поручено научное руководство разработкой проекта Президентской программы «Стратегия и приоритеты социальной политики». Уже в 1994 в качестве предпрограммной разработки мною была подготовлена «Концепция социальной политики». Эта работа сильно продвинула становление теоретических основ социальной политики, включая её сущность, стратегию и приоритеты. К сожалению, было ещё слишком мало кадров, способных полноценно включиться в работу такого масштаба. А в 1995 дело остановилось по причине свертывания Совета по социальной политике при Президенте РФ.

В 1996 по заказу Минтруда России я выполнил фундаментальное исследование «Концепция социальной защиты для современной России».

Был и ещё один «поворот судьбы», способствовавший серьёзному продвижению в создании нового учения о социально-трудовых отношениях и о социальной политике. В 2000 профессор Н.А.Волгин получил кафедру социальной политики в Российской академии государственной службы при Президенте РФ. Он пригласил меня перейти на эту кафедру. Состоялся следующий разговор:

— Спасибо, Николай Алексеевич! Я бы перешёл, если бы Вы поставили задачу сделать кафедру российским (а значит — и мировым) лидером в науке о социальной политике.

— Да-да! Такую задачу и поставим!

Увы! Ни постановка, ни решение этой задачи усилиями кафедры не состоялись. Но мы с Галиной Яковлевной трудились именно в ключе лидерства, далеко не всегда совпадая в постановках и в разработках с руководством кафедрой. Но сделать дело в целом нам удалось. Наука о социальной политике сложилась. Галина Яковлевна завершила к 2003 фундаментальное исследование

социально-трудовых отношений⁴. Чтобы охват проблематики социальной политики был достаточно полным, мне пришлось «попутно» разработать теорию социального хозяйства (отторгнутую, кстати сказать, кафедрой, на которой мы работали).

**Высокая методология
(целостно обществоведческий подход)**

Принципиальная новизна нашего учения о социально-трудовых отношениях и о социальной политике в целом обеспечена новым методологическим подходом, новым видением сущности социально-трудовых и социально-политических процессов. Я говорю «новым подходом», «новым видением», но обязан подчеркнуть, что этот подход провозглашён и очерчен ещё в 19 веке. Это диалектический метод и это диалектико-материалистическое понимание движения общества.

Диалектический подход (в отличие от любых метафизических) ухватывает закономерности движения целостностей, в которых причины и следствия способны меняться и реально меняются местами. Реальное бытие целостно и потому адекватно может быть понято и описано только диалектическим мышлением (знанием).

Материалистическое понимание истории ухватывает способность общества двигаться самостоятельно, то есть быть целостностью, не нуждаться во внешних для себя причинах и предназначениях. Бытие человечества есть целостность, его реальное движение (его история) может быть адекватно понято и описано только диалектико-материалистическим мышлением (знанием).

Таковы философские высоты 19 века. Применение диалектико-материалистического мировоззрения в исследова-

ниях реальных процессов бытия человечества и реальных общественных процессов порождает высокую методологию — историко-материалистический, или целостный подход. Не очень точно, но в определённых пределах допустимо называть этот подход целостно обществоведческим. Г.Я.Ракитская и я неоднократно разъясняли существо этого подхода как ценнейшего мировоззренческого и методологического наследия⁵.

Проще, но по существу говоря, великие философы 19 века (больше всего И.Кант, Г.В.Ф.Гегель, К.Маркс, Ф.Энгельс) прорвались к пониманию того, что мерой истинности (достоверности) знания является его соответствие реальному бытию. То есть к пониманию того, что философские представления и теоретические (научные) выводы о сущностных и содержательных связях и характери-

⁵ *Впервые суть и содержание этого подхода развёрнуто изложены в монографии Г.Я.Ракитской «Социально-трудовые отношения (общая теория и проблемы становления их демократического регулирования в современной России)». — М.: Институт перспектив и проблем страны. 2003. 480 с. Позже мы не раз возвращались к тематике целостного подхода: См. Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Актуальность высокой методологии для исследований и практического осуществления социальной политики. — Периодическое издание «Перспективы и проблемы России». Выпуск 30. — М.: Институт перспектив и проблем страны. 2003. 43 с.; Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Методологический геном будущего обществознания, необходимого общественной практике. — Периодическое издание «Обществознание большинства». Выпуск 6. — (ИУТЭ) Ноябрь 2009. С. 3-43; Б.В.Ракитский. О способах и перспективах общественного бытия (историко-материалистический очерк). — М.: Институт перспектив и проблем страны. 2011. 94 с.; Б.В.Ракитский. Фундаментальные методологические подходы к выработке целостного научного знания об обществе и человеке в обществе (то есть о человечестве как форме бытия). — Периодическое издание «Обществознание большинства». Выпуск 13. — М.: ИУТЭ. Август 2015. С. 46-67.*

⁴ *Ракитская Г.Я. Социально-трудовые отношения (общая теория и проблемы становления их демократического регулирования в современной России). — М.: Институт перспектив и проблем страны. 2003. 480 с.*

стиках процессов и явлений могут и должны быть по возможности точным и полным отражением реальных закономерностей и реальных атрибутов (свойств) бытия. В этом смысле основные закономерности реального бытия и основные закономерности истины как процесса познания — одни и те же закономерности. Да и сам процесс познания — практический процесс, а познания — часть реальности (бытия).

Вот от этих рубежных философских высот мы и пытались не отступать ни на шаг. Из-за этого и пришлось кардинально пересмотреть прежние представления и о социальной политике в целом, и о социально-трудовых отношениях.

Можно провозглашать истинность исторического материализма как метода или присягать ему, но не справляться с его применением в научных исследованиях. Яркий и трагичный пример этого — экономическое учение К.Маркса, изложенное в его «Капитале». Метод «Капитала», к большому сожалению, — это не диалектический метод исторического материализма, а метод экономического материализма (экономического детерминизма), то есть метафизический метод. Как только К.Маркс стал исходить из представлений о базисе и надстройке, об экономике как об абсолютной причине всего общественного движения, так сразу целостный (историко-материалистический) подход стал ему недоступен. Учения о капиталистической формации в целом у него не получилось. Получилось нечто вроде «Экономикс» с «экономическим человеком» и с «персонифицированным капиталом» в главных ролях.

В современных науках об обществе отсутствуют реальные целостные люди, реальные целостные социальные типы, реальные общности и социальные группы, отсутствует реальное бытие человечества. Вместо них фигурируют «экономические человеки», «военные человеки», «человеческие капиталы», «человеческие факторы», «демографические факторы» и прочие обломки различных целостных реалий. Из феноменов этого сорта широко известна, например, введенная К. Марксом категория «товар

рабочая сила». Использование наукой подобных «обломков целостного» сильно искажает знания в сравнении с реальностью.

Каким образом возникают эти «обломки», искажающие представления о реальном мире? Чаще всего они возникают оттого, что исследователь, сосредоточиваясь на предмете своего исследовательского интереса, упускает из виду существенную связанность предмета своего исследования с другими реалиями. Этим он как бы **вырывает** изучаемый предмет из той реальности, в которой тот существует. Изучаемое перестаёт для исследователя быть органической составной частью реальной целостности. К примеру, К.Маркс рассматривает наём работника капиталистическим предпринимателем. Процесс найма кажется предпринимателю и работнику похожим на куплю-продажу. И К.Маркс считает наём куплей-продажей. Остаётся только определить, какой именно товар покупается-продаётся. Работник и предприниматель думают, что покупается и продаётся труд. К.Маркс доказывает, что не сам труд, а лишь способность к труду, то есть рабочая сила. Отсюда понятие «товар рабочая сила». Это, возможно, было бы научным достижением, если бы наём действительно был куплей-продажей. Но он лишь внешне похож на куплю-продажу, его реальная природа вовсе не рыночная, не обменная. А потому категория «товар рабочая сила» — не научное достижение, а сугубое заблуждение.

Легко объяснить, в чём при рассмотрении найма ошибся К.Маркс. Рабочая сила — всего лишь свойство человека, нанявшегося быть работником. Что происходит со «всеми человеком», когда он будто бы «продал рабочую силу»? Может ли наниматель обращаться с ним так же, как с другими купленными ресурсами для производства? Предприниматель полагает, что именно так и надо обращаться. А общество и сами работники (да и предпринимательство как класс) шаг за шагом осознают, что нельзя. И рядом с гражданским правом (регулирующим отношения по поводу владения, пользования и распоряжения имуществом) вырастают трудовое право и рабочее и профсоюз-

ное движение. При этом — вот это отметьте особенно! — трудовое право регулирует вовсе не отношения по поводу владения, пользования и распоряжения рабочей силой, а отношения по поводу включения человека в общественно-организованную практическую деятельность и по поводу его положения в этой деятельности. Рассматривая процесс найма, К.Маркс упустил из виду многие существенные аспекты положения человека в обществе. Стоит ли при этом удивляться, что при объяснении, например, природы заработной платы К.Марксу не потребовался аспект классовой борьбы и всё свелось к тощей формуле: «заработная плата — превращённая форма стоимости и цены товара рабочая сила»? Это был большой шаг назад в сравнении со Смитовым анализом природы заработной платы.

М.И.Туган-Барановский предпринял попытку отойти от Марксовой трактовки заработной платы. Социальная теория заработной платы делает честь этому выдающемуся учёному.

Но в целом рассмотрение социально-трудовых проблем до конца XX века оставалось в пространстве нецелостного подхода. И не только рассмотрение социально-трудовых проблем, но всей социально-политической проблематики. Первым и последним, кто рассматривал положение общественного класса целостно, был Фридрих Энгельс⁶. Увы, его подход по ряду причин со временем оказался утраченным.

Когда я говорю о новом учении о социально-трудовых отношениях и о социальной политике в целом, я имею в виду совокупность методологических, теоретических и прикладных научных разработок, осуществлённых с позиций целостного подхода. Того самого, который обосновала философская мысль 19 века, но который до сих

⁶ *Ф.Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. По собственным наблюдениям и достоверным источникам (1844-1845). — К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения. Изд. Второе. М.: Госполитиздат. 1955.*

пор не был применён в исследованиях социально-трудовых и социально-политических процессов и отношений.

Основными линиями (асpekтами) обновления (и в этом смысле новациями) стали следующие:

1. Все трудовые и все социальные процессы рассматриваются не иначе, как неотрывно от целостного общественного контекста, а если говорить совсем точно — в актуальном целостном контексте. Ближайшим общим следствием такого рассмотрения становится трактовка трудовых процессов и отношений как социально-трудовых, а социальных процессов и отношений — как социально-политических. Перемена кардинальная. Вместо рассмотрения предмета в одном измерении появляется рассмотрение предмета в нескольких измерениях, а точнее — во всех актуальных (практически значимых) измерениях.

2. Все обществоведческие «истины», страдающие изъяном одномерности, девальвируются и становятся «бывшими истинами», догмами, вытесняются из научного оборота. Не методами «заклеймить», «запретить», «ослабить», а путём выработки содержательных новых истин (концептов, концепций, понятий, категорий, учений). Жизнеспособное новое знание вытесняет устаревшее, догматическое, как и всегда бывало прежде.

В свете новых подходов «человек экономический» выглядит не просто как недомыслие, а как плод намеренного калечения, как нечто антигуманное. И, конечно же, вспоминается о классовых корнях заблуждений, а партийность «Economics» бросается в глаза.

3. Целостный подход несовместим с такой познавательной «новацией», как междисциплинарный подход. Между ними не меньшая пропасть, чем между живописью и раскрашиванием картинок или игрой в кубики. Складывание (приращивание) фрагментарных знаний заведомо не может дать знания целостного, так как целое нетождественно полному набору фрагментов. Междисциплинарный подход — это модернизированная метафизика, тогда как целостный — имманентно диалектический.

Предметная область

Предмет исследования — это целенаправленно познаваемое. Для наук об обществе и о человеке в обществе несомненным предметом являются сущность (закономерности и тенденции), содержание (структура, устройство) и формы движения бытия человечества, включая и общественные формы.

Нам с Г.Я.Ракитской, конечно, со студенческой скамьи были известны напевы о том, что, например, предмет политической экономии — не сами экономические процессы, не само общественное производство, а лишь общественная форма этих процессов, то есть отношения по поводу общественного производства, сиречь производственные отношения. В нашей исследовательской деятельности подобные интеллектуальные построения, мне кажется, негодились. Мы изучали и сами процессы, и взаимоотношения участников этих процессов как единое целое и именно так представляли себе предмет своих исследований.

Наезженная мыслительная колея, в которой и мы начинали свой научный путь, состояла в рассмотрении труда и благосостояния (уровня жизни) как феноменов экономических. Конечно же, явно неэкономические, но в то же время явно сущностные характеристики (свойства, атрибуты) и труда, и жизнеобеспечения буквально «бросались в глаза», но на это глаза традиционно закрывались. Поэтому когда я в 1970-е годы стал поднимать вопросы образа жизни, к этому относились как к пропагандистской, а не как к научной работе⁷. Чуть позже, когда рост реальных доходов в СССР критически замедлился, власти стали поощрять рассуждения об образе жизни, но в основном

⁷ Ракитский Б.В. *Экономические основы советского образа жизни*. — Киев. 1975. 24 с.; Ракитский Б.В. *Основы советского образа жизни (на грузинском языке)* — Тбилиси. 1976. 30 с.; Ракитский Б.В. *Образ жизни: рубежи 1985 года*. — М.: Изд. политической литературы. 1981. 94 с.

как о своего рода компенсации низких темпов роста и низкого уровня жизни населения. Тогда же пришли к нам нелегальные западные рассуждения о качестве жизни.

Из упомянутой наезженной мыслительной колеи мы выбирались и выбрались не методом прибавления (присоединения) некоторых социальных атрибутов-довесков к сугубо экономическим трактовкам, а радикально — благодаря принципиально иному видению процессов труда и жизнеобеспечения и их места в общественном движении. Это принципиально иное видение я постарался толково очертить гораздо позже⁸. Но пользовались мы этим принципиально новым видением с самого начала, преобразуя его в принципиально новую методологию и закрепляя как новую методологию в процессе теоретических и практических исследований. На основании своего научного опыта можем удостоверить, что методология, теория и процесс познания — неразрывная целостность; ничто в этой целостности не появляется раньше другого. То есть методология и теория возникают, апробируются и закрепляются в процессе познания.

В чём существо того принципиально нового видения процессов труда и жизнеобеспечения, благодаря которому нам удалось выбраться из наезженной мыслительной колеи и преодолеть сугубо экономические трактовки трудовых отношений и благосостояния? Оборачиваясь назад и обобщая траекторию движения нашей мысли, можно сказать, что мы с Г.Я.Ракитской отошли от фунда-

⁸ Ракитский Б.В. *О способах и перспективах общественного бытия (историко-материалистический очерк)*. — М.: Институт перспектив и проблем страны. 2011. 94 с.; Ракитский Б.В. *Фундаментальные методологические подходы к выработке целостного научного знания об обществе и человеке в обществе (то есть о человечестве как форме бытия)*. — Периодическое издание «Обществознание большинства». Выпуск 13. — М.: ИУТЭ. Август 2015. С. 46-67.

ментальных положений Марксова учения о базисе и надстройке и о производственных отношениях.

У К.Маркса момент объективности базиса (производственных отношений) трактуется в экономико-материалистическом (экономико-детерминистском) ключе. В силу этого аспекты субъектного действия остаются далеко в стороне при уяснении объективных закономерностей общественного движения. Не то, чтобы К.Маркс отрицал какую-либо причастность субъектных действий к объективным закономерностям, а просто в учении о производственных отношениях как о реальном базисе ему субъектные действия не понадобились. К.Марксу в 1859 и позже не понадобился тот подход, который он очертил в 1843-1844: «...Материальная сила может быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»⁹. Мы же отнеслись к этому подходу как к фундаментально ценному и при объяснении любых общественных, в том числе и экономических процессов стали учитывать субъектные действия как реальный фактор, а в случаях субъектных действий масс (социальных групп, общностей, классов, каст и т.п.) — как объективный фактор, как «материальную силу» (в терминологии К.Маркса).

Предметная область исследований труда и жизнеобеспечения благодаря этому преобразилась кардинально. Взамен прежних понятий появились принципиально новые. Взамен трудовых отношений предметом исследования стали социально-трудовые отношения, взамен проблем уровня жизни — проблемы социальной политики. Тут следует подчеркнуть существеннейшую тонкость: речь не о дополнении рассмотрения труда или жизнеобеспечения социальными аспектами (например, аспектами социальных последствий), а о рассмотрении труда и жизнеобеспечения не иначе, как в ракурсе субъектных действий. На первый план вышли такие свойства труда и жизнеобеспечения, как взаимоотношения социальных сил в этих про-

цессах (по поводу этих процессов). Отсюда совершенно иное содержательное наполнение категории «социально-трудовые отношения» (в сравнении с традиционной категорией «трудовые отношения»). Отсюда же появление совершенно новой научной категории «социальная политика», практически имеющей мало общего с традиционной трактовкой социальной политики как мероприятий государства в области повышения благосостояния (в тоталитарной терминологии — как «заботы партии и правительства о благе народа»).

Выработанные нами новые ключевые категории определены так:

«СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ — отношения между участниками общественной практики (преобразовательной деятельности) по поводу её целевой направленности, условий и способов осуществления, по поводу получения и предназначения результата труда, распоряжения результатом труда.

Термин «социально-трудовые отношения» (в отличие от термина «трудовые отношения») вошел в отечественную научную литературу сравнительно недавно, в начале 1980-х годов. Его смысловая нагрузка — подчеркнуть, что преобразовательная деятельность всегда осуществляется в определённой социальной (общественной) форме и это выдвигает на первый план **проблему социального положения** (положения в обществе) субъектов этой деятельности, а не проблему рационального использования людей как трудовых ресурсов, как факторов производства»¹⁰.

«СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА — универсальная, внутренне присущая обществу форма самовоспроизведения (развития) общественной структуры; субъектные взаимодействия (взаимоотношения) классов, социальных групп, общностей, других устойчивых элементов общест-

⁹ К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Том 1. Стр.422.

¹⁰ «Энциклопедия трудящегося и эксплуатируемого народа» <www.shkolatd.ru>

венной структуры по поводу сохранения и изменения их социального положения.

... Социально-политические отношения существуют в обществе не обособленно, а **как общественная форма** всех без исключения хозяйственных, культурных, потребительских процессов. Социальная политика привносит в эти процессы их связанность с разнообразием интересов классов, социальных групп, общностей. К примеру, увязанность экономических процессов с интересами делает их политико-экономическими процессами. В некоторых отраслях хозяйства и сферах отношений влияние (роль, значение) социально-политических отношений особенно существенно и даже является фактором, задающим их качественную определённость. Таковы комплекс отраслей социального хозяйства и социально-трудовая сфера. (См. *Социальное хозяйство; Социально-трудовые отношения*).¹¹

В увязке с ключевыми понятиями (категориями) возник довольно развитой новый (или содержательно обновлённый) категориальный аппарат. В его составе такие научно разработанные понятия, как «социальное положение (классов, социальных групп, общностей)»; «социальные состояния», «социальное хозяйство», «отношение к труду», «стратегическая направленность», «социальная направленность», «типы трудовых судеб», «вопрос социальный», «движения социальные», «субъекты социальной политики первичные», «субъекты-представители (социальные институты)», «защищённость социальная», «риски социального происхождения (социальные риски)», «интересы социально-групповые (классовые)», «нормальное», «общность социальная», «стратегия и приоритеты социальной политики», «силы социальные», «социальные типы работников» и другие.

Всё это вместе и означает, что возникло новое учение со своей более развитой предметной областью и со своим новым, более полным и глубоким содержанием.

¹¹ Там же.

Факторы высокой практичности нового учения о социально-трудовых отношениях и о социальной политике

Высокая практичность нового учения о социально-трудовых отношениях и о социальной политике в целом коренится в самой природе научного знания. Познание есть сторона практики, внутренне присущий (имманентный) практике процесс. Познание ведётся для практики, ради практики; структура практической деятельности непременно включает в себя познавательную деятельность, неполна и неэффективна без неё. Именно поэтому если возникает новое учение о каких-либо явлениях или процессах, мы вправе ожидать и требовать от него большей практичности, большей практической отдачи.

Новому учению о социально-трудовых отношениях и о социальной политике в целом, как уже отмечалось, свойствен целостный подход. Благодаря этому познаваемая реальность отображается в большем числе актуальных измерений (аспектов), нежели при нецелостных (метафизических) подходах. Даже самый развитой междисциплинарный подход заведомо уступает целостному, ибо он как бы конструирует целое из фрагментов, как бы «оснащает» предмет познания всё новыми и новыми связями с иными реалиями, но ему неоткуда почерпнуть несубъективный критерий актуальности или неактуальности этих связей. При целостном подходе предмет познания находится всегда в контексте целого, так что все связи предмета познания «всегда наготове», но практическая направленность познания выделяет в целостном контексте актуальный целостный контекст¹².

¹² Более развёрнуто об этом см. в публикации *Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я. Методологический геном будущего обществознания, потребного общественной практике* — М.: *Институт перспектив и проблем страны. 2010. Раздел «Целостнообществоведческий подход (метод)»*

Новое учение о социально-трудовых отношениях и о социальной политике в целом обладает высокой практичностью ещё и потому, что целостный подход обеспечивает ему непременно воспроизводимый конкретно-исторический характер знания.

И, наконец, целостный подход обеспечивает знаниям особую конкретность.

«Как изучает свой предмет любая из методологий, не являющаяся целостнообществоведческой? Она как бы останавливает объект, расчленяет его, отделяя ту часть, которую будет изучать под своим предметным ракурсом. Она, стало быть, препарирует объект для изучения, упрощает объект, делает его частичным, неполным. Это неизбежное следствие глубокой специализации общественных наук. Их предметы частичны, очень специализированы. Ситуация такая, как в медицине, где врачи специализируются на конкретных болезнях отдельных органов, но никто не занят здоровьем организма в целом. В общественных науках такое предметное дробление сильно отдаляет изучаемую часть объекта от реальной практики, от живой взаимосвязи в рамках практического целого. Отсюда их специфическая проблема — обрести практическую ценность, по возможности вернуть или компенсировать потерянную целостность. Решается эта проблема в последние десятилетия практически “на ощупь”: с помощью междисциплинарного подхода, многофункционального анализа, а там, где объект устроен попроще, нежели общество, — с помощью системного подхода, синергетического подхода и т.п.

Словом, все методологии (кроме целостнообществоведческой) культивируют исследовательские подходы по схеме “*утратить, а потом вернуть или компенсировать*”, добыть сперва упрощённое знание, отражающее усечённый объект, часть объекта с “обрубленной частью связей”, а затем складывать из добытого частичного знания более ёмкое, более или менее приближающееся к полному.

Целостнообществоведческий подход основан на совершенно иных принципах. Прежде всего, основоположники исторического материализма исходили из настоятельной потребности восстановить целостность обществоведения. Это не означало нигилистического отношения к узко предметным общественным наукам, а означало актуализацию целостного знания об обществе. Такой, к примеру, великий труд, как “Положение рабочего класса в Англии” Ф.Энгельса, — разве укладывается он в конкретные социологические исследования? Конечно, не укладывается. Поэтому-то Ф.Энгельс — основатель грядущей социологии, какой теперь всё ещё нет.

Знание, добытое с помощью целостнообществоведческого подхода, сохраняет в себе отражение связи предмета с актуальным целостным контекстом. Это изначально придаёт ему высокую меру практической пригодности. Этот вывод можно выразить и по-другому: **сущностное знание, полученное на основе целостнообществоведческого метода, обладает свойствами особой конкретности**. Конкретность в нём как бы архивирована (свёрнута) и легко и эффективно разворачивается. Это можно обозначать (трактовать) терминами “жизненность”, “практичность”. То есть это та самая хорошая теория, практичней которой, по выражению Л.Больцмана, нет ничего. Да и то сказать: все мы по привычке к странному представлению о конкретном как о детальном описании устройства. А ведь конкретное-то — это **единство** многообразного, **целостная** полнота связей и отношений. Конкретное содержательно разнообразием единого, но не суммированного, а целостного»¹³.

За годы научных исследований и одновременно пропаганды собственной идеологии демократического рабочего движения нам приходилось не раз убеждаться в

¹³ *Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я. Методологический геном будущего обществознания, потребного общественной практике* — М.: Институт перспектив и проблем страны. 2010. Стр. 23-25.

высокой практичности нового учения о социально-трудовых отношениях и о социальной политике в целом.

Во-первых, в общении с коллегами-учёными не раз выяснялось, что они испытывают трудности, связанные с отсутствием научных категорий, ухватывающих тот или иной важный аспект, казалось бы, давно описанных процессов или явлений. У нас такие обоснованные понятия обычно уже были, мы ими охотно делились и получали «спасибо» от коллег. Запомнились такие ситуации с понятиями «социальные состояния», «социальные общности», «претендентские (абитуриентские) социальные группы», «ситуативные социальные общности» (применительно к бюджетникам), «стратегии социальной политики».

Во-вторых, будучи вооружены новым учением, мы нередко оказывались практически полезными и понятными активным рабочим и их организациям. Не случайно мы активно привлекались для подготовки программ и уставов движений и организаций трудящихся, для консультаций по выработке требований при забастовках и однажды даже для репетиции забастовки. Проиллюстрирую практичность наших подходов самым простым реальным примером.

В марте 2010 мы с Г.Я.Ракитской проводили профсоюзную учёбу в Североуральске с горняками знаменитой «Красной шапочки». Выяснилось, что их давно мучает совершенно практический вопрос, который они поставили и перед нами:

— Мы собираемся потребовать у работодателя существенной прибавки к зарплате. Но не знаем, как это требование обосновать. В Трудовом кодексе опереться не на что. Пробовали рассчитывать. Брали себестоимость продукции и перечень затрат. Тоже ничего убедительного не наработали. Может, Вы нам посоветуете, как обосновывать?

— Дорогие мои! — говорит Галина Яковлевна. — Так можно обосновывать только требования вернуть отнятое. Ну, например, зарплата работников со страховыми платежами (без зарплаты начальства) составляла три года на-

зад, допустим, 60% от цены (цены, а не себестоимости) тонны бокситов...

— Да, мы знаем цену нашей продукции на мировых биржах!

— Ну вот! Было скажем, 60% от мировой цены, а через три года доля заработка работников (без доходов начальства) в цене упала до 48%. При этом ни техника, ни технология, ни организация добычи не изменились. Тут расчёты могут быть убедительным обоснованием. Требуется довести долю заработка до 60% в цене продукции, поднять с 48% до 60%, то есть увеличить зарплату на 25% $\{(60\% - 48\%) : 48\% \times 100 = 25\%\}$. Понятно?

— Понятно вроде. Здорово!

— Но у вас-то, наверное, не этот случай. У вас, предположим, соотношение заработка работников к цене как было, так и осталось на уровне 60%. А вы хотите повышения.

— Да! Вот у нас так. Чем обосновать? И можно ли вообще обосновать?

— Можно. Надо просто заявить работодателю, что требуем повышения заработка, к примеру, на 15%.

— ???

— Что вы так удивляетесь?

— Так работодатель скажет, что себестоимость вырастет и продукция станет неконкурентоспособной... Шахта обанкротится...

— А вы урезоньте работодателя. Напомните ему, что продукция продаётся не по себестоимости, а по цене. Цена останется прежней, шахта не обанкротится. А вот доля заработка (со страховыми платежами) в цене вырастет с 60% до 69%. Соответственно, доля прибыли в цене сократится, допустим, с 32% до 23%. Только и всего.

— Так он же потребует обосновать, с какой стати зарплата должна вырасти, а прибыль сократиться!

— Вот! А отсюда начинается то, что требует другого взгляда на вещи, на место трудящихся в обществе и в производстве. Вы, рабочие, — не товар рабочая сила, а люди с потребностями и интересами. Вы — самостоятель-

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА¹⁴

Не будет преувеличением сказать, что среди проблем совершенствования хозяйственного механизма центральное место в настоящее время занимает проблема создания условий для роста трудовой активности советских людей. Традиционные направления поиска средств её решения при помощи дальнейшего развития распределительных отношений, в первую очередь принципов, форм и методов оплаты труда, должны быть сегодня дополнены серьёзными исследованиями других факторов роста активности трудящихся в сфере общественного производства. Эти факторы лежат в области изменения характера и содержания трудовой жизнедеятельности людей, поскольку именно её характер и содержание всё более существенно влияют на отношение людей к труду.

Существуют специфические сложности совершенствования тех сторон хозяйственного механизма, которые должны обеспечить повышение индивидуальной трудовой активности. Сложности эти проистекают из объективной «двойственности» социально-экономических функций членов социалистического общества. С одной стороны, они функционируют как составляющий элемент системы производственных ресурсов. Поэтому ряд общественных требований к результатам и формам трудовой жизнедеятельности людей проистекает из необходимости рационализации использования ресурсов, экономически эффективного их распределения и перераспределения в народном хозяйстве. С другой стороны (и это в первую очередь), они

¹⁴ *Статья написана Г.Я.Ракитской в соавторстве с В.Г.Гребенниковым.*

ные субъекты социально-трудовых отношений и социальной политики. И в этом качестве предъявляете требования и готовы настаивать на них. Если, конечно, действительно готовы. Такие, как у вас, вопросы решают не закон стоимости и не трудовые кодексы, а соотношение классовых сил.

— Что же получается? Всё наше обоснование сводится к «мы хотим»?

— Не совсем так. На «хотим» ваш работодатель ответит «Хотеть не запрещено, но на хотенье есть терпенье». Поэтому так: хотим и требуем, и будем настаивать на своих требованиях. Вплоть до забастовки. Да ещё постараемся подключить классовую солидарность других горняков!

— Хм! А ведь такое обоснование нам подходит.

Обоснование прямо вытекало из нашего нового учения. Я помню, как многообещающе прозвучало для нас тогда это рабочее «нам подходит».

являются объектом государственной социальной политики, цель которой — повышение благосостояния людей, создание условий для их свободного развития. Поэтому все предложения по совершенствованию хозяйственного механизма, затрагивающие хотя бы в малой степени положение трудящихся, должны быть рассмотрены сквозь призму общественных интересов по направленному изменению этого положения.

Есть единственно верный путь совершенствования хозяйственного механизма с учётом неизбежного «двойственного» подхода к трудящемуся — это выработка системы социально-экономических ограничений на способы использования людей как трудовых ресурсов и конкретизация их до уровня норм и правил хозяйствования. Последние должны регламентировать деятельность тех звеньев народного хозяйства, которые имеют отношение к подготовке, использованию, распределению и перераспределению трудовых ресурсов.

Обоснованную разработку системы указанных ограничений на способы использования людей как трудовых ресурсов (назовем её системой социально-трудовых требований к хозяйственному механизму) можно осуществить только в том случае, если все социальные проблемы сферы трудовой жизнедеятельности рассматривать в широком контексте задачи роста народного благосостояния. А это значит, что положение трудящихся в сфере трудовой жизнедеятельности (социально-трудовое положение) следует считать одной из сторон самого благосостояния. Все социальные проблемы сферы трудовой жизнедеятельности становятся, следовательно, проблемами совершенствования социально-трудовых отношений в целях повышения уровня благосостояния. Причём формы решения социально-трудовых проблем определяются на основе общей долговременной стратегии социально-экономического развития. Этого требует как логика исследования социально-экономических проблем социалистического общества, так и актуальность усиления внимания к аспектам долгосрочного развития народного хозяйства, в частности, в

связи с разработкой Комплексной программы научно-технического прогресса в СССР на 1986-2005 годы.

В настоящей статье излагается общая концепция такого подхода к социально-трудовым аспектам совершенствования хозяйственного механизма.

Социально-трудовые отношения — это отношения по поводу трудовой жизнедеятельности людей, то есть по поводу формирования, функционирования, воспроизводства и развития их как трудящихся.

Структура социально-трудовых отношений обусловлена абстрактно-логической структурой трудовой жизнедеятельности. Перечислим основные элементы этой структуры:

- формирование (развитие) у членов общества способностей к труду, то есть совокупности качеств, позволяющих им при прочих равных условиях занимать определённое место в системе общественного разделения труда;

- включение членов общества в систему общественного разделения труда в качестве исполнителей определённых трудовых функций и перемена трудовых функций (распределение и перераспределение людей по видам трудовой деятельности);

- выполнение трудовых функций, то есть процесс самой трудовой деятельности (труд как таковой);

- прекращение трудовой деятельности («выход» членов общества из системы общественного разделения труда).

Реальная индивидуальная трудовая жизнедеятельность характеризуется, во-первых, преобладанием определённых элементов её абстрактно-логической структуры в различные периоды жизни людей. Преобладание тех или иных из этих элементов — конституирующий фактор структуры трудового жизненного цикла, то есть определённой последовательности существенно различных периодов, или стадий трудовой жизнедеятельности — на-

пример, получение профессии, трудоустройство, работа, выход на пенсию.

Для реальной трудовой жизнедеятельности характерно, во-вторых, пересечение, совмещение различных элементов её абстрактно-логической структуры. Так, формирование и развитие способностей к труду происходит в процессе самого труда; перемена труда может осуществляться не как особый процесс перераспределения людей в организационной структуре производства, а в форме изменения содержания самого труда — как изменение широты и сложности трудовых функций. Социально-экономический характер различных стадий трудового жизненного цикла определяется в значительной степени пересечением, совмещением разных элементов абстрактно-логической структуры трудовой жизнедеятельности. Так, процесс получения квалификации может быть трудовым и нетрудовым, труд может сопровождаться интеллектуальным развитием или интеллектуальной деградацией личности и т.п.

Стадии трудового жизненного цикла в их специфической общественной форме назовем **формами** реальной индивидуальной трудовой жизнедеятельности. Совокупность форм реальной трудовой жизнедеятельности в их взаимообусловленности характеризует **тип** реальной индивидуальной трудовой жизнедеятельности.

В обществе одновременно реализуются существенно различные типы трудовой жизнедеятельности, иными словами, социально-экономически различные типы «трудовых судеб» людей. Существенно различны, например, трудовая судьба типа «учеба в вузе, трудоустройство в форме государственного распределения специалистов, работа в НИИ в качестве специалиста, выход на пенсию по старости» и трудовая судьба типа «обучение в сельской школе без получения профессии, служба в армии, трудоустройство в порядке оргнабора, работа на стройке в качестве разнорабочего, получение рабочей квалификации без отрыва от производства, выход на пенсию по инвалидности в результате производственной травмы».

Тип реальной трудовой жизнедеятельности характеризует социально-трудовое положение трудящихся, социально-трудовую сторону образа жизни и является в силу этого одним из самых существенных параметров, формирующих социально-классовую структуру общества.

Под социально-трудовым благосостоянием (социально-трудовой стороной благосостояния) следует понимать именно такие социально-экономические стороны жизни людей, социальных групп и слоёв, классов, социальных общностей, совокупность которых формирует специфический, качественно определённый реальный тип их трудовой жизнедеятельности.

Среди социальных проблем, подлежащих разрешению в перспективном периоде, должны быть выявлены проблемы, возникающие в связи с необходимостью целенаправленного изменения социально-трудовых характеристик благосостояния как реального типа трудовой жизнедеятельности. Общая целенаправленность развития в этой области (как и во всех других областях) — движение к социально-экономическому равенству, к полному благосостоянию, к созданию условий для свободного развития всех членов общества. Более конкретно это означает, что социально-трудовые программы должны носить комплексный характер: они должны не только изменять, устранять те или иные характеристики трудовой деятельности (например, ликвидировать тяжёлый ручной труд, улучшать условия труда и т. п.), а предусматривать мероприятия по изменению типов трудовой жизнедеятельности в целом, по возвышению этих типов, по созданию всех необходимых условий для ликвидации определённых типов и тем самым по изменению социально-классовой структуры общества.

Разработка системы комплексных программ в социально-трудовой сфере должна базироваться на выявлении существенно различных типов реальной трудовой жизнедеятельности и тенденций их изменения; на оценке современных форм трудовой жизнедеятельности по критериям социальной эффективности и вычленении «низ-

ших» и «высших» из этих типов; на формулировке и обосновании стратегических и очередных задач в области повышения типов индивидуальной трудовой жизнедеятельности; на долгосрочном целенаправленном прогнозе социально-трудовых характеристик благосостояния. Посредством социально-трудовых программ будут заданы именно те элементы хозяйственного механизма, которые мы называли социально-трудовыми требованиями.

Центральный момент разработки долгосрочного целенаправленного прогноза социально-трудового благосостояния как необходимой предпосылки формирования программ в сфере трудовой жизнедеятельности — обоснование конкретных целей по изменению социально-трудового положения трудящихся, подлежащих достижению к концу прогнозного периода. Эти цели должны быть определены с учётом следующих аспектов:

- объективно необходимой конечной стратегической направленности развития социально-трудовых отношений;

- характеристики этапных целей социальной политики в сфере трудовой жизнедеятельности;

- реальной оценки исторических сроков, необходимых для подъёма социально-трудового благосостояния на тот или иной уровень.

Методология обоснования задач в области изменения социально-трудового благосостояния в долгосрочном периоде состоит, по нашему мнению, в следующем.

Конечная стратегическая направленность (конечная цель) развития социально-трудовых отношений определяется необходимостью создания таких общественных условий, которые обеспечивают отношение каждого члена общества к труду как к с а м о ц е н н о м у с о ц и а л ь н о м у б л а г у . Альтернатива такого отношения людей к труду — отношение к нему лишь как к средству, обеспечивающему личное материальное благосостояние, то есть как к средству, обеспечивающему удовлетворение физических, духовных потребностей и потребностей в определённых социальных условиях жизни посредством потребления ре-

зультатов труда (результатов материального и духовного производства, выступающих как совокупность благ и услуг). Массовый характер того или иного отношения к труду в условиях высокого уровня материального благосостояния, понимаемого в указанном нами смысле, выражает потребительский или непотребительский характер общества.

Необходимые предпосылки отношения всех членов общества к труду как к самоценному социальному благу (то есть предпосылки непотребительского характера высококоразвитого общества) — это, во-первых, изменение системы личных потребностей, во-вторых, изменение характера и расширение содержания индивидуальной трудовой жизнедеятельности.

Отношение людей к труду как к самоценному социальному благу не может быть обеспечено лишь определённым социальным обликом самого труда (ликвидацией тяжелых и вредных для здоровья видов труда, повышением творческого содержания труда и т. п.) или даже всей трудовой жизнедеятельности. Дело в том, что различия в содержании индивидуальной трудовой жизнедеятельности (поскольку они выступают не как различия социально-экономического ранга) неизбежны и в «идеальном» будущем¹⁵. Не исключено, что эти различия станут более разнообразными и даже возрастут. Следовательно, должна быть сформирована (и сформирована планомерно) такая система личных потребностей, другими словами, должен так измениться сам человек, чтобы различия в трудовой жизнедеятельности не влияли на общее отношение людей к труду как к самоценному благу и не приобретали социально-экономической значимости. Сущность изменения

¹⁵ *Мы здесь не касаемся конкретного характера этих различий — будут ли они состоять в неодинаковом соотношении творческих или нетворческих элементов на тех или иных стадиях жизненного цикла, в неодинаковой «легкости» этих стадий, будут ли это чисто профессиональные различия или какие-либо иные.*

системы личных потребностей — качественное её возвышение, изменение структуры потребностей. Ведущим звеном в этой системе станут потребности в социальной, в том числе в трудовой активности. Удовлетворение же потребностей в привычных материальных и духовных благах и услугах (при расширении и качественном возвышении круга этих потребностей¹⁶) будет играть роль условия, предпосылки для развития потребностей в высокой социальной активности.

Указывая на сущность второй необходимой предпосылки отношения всех к труду как к самоценному благу, необходимо подчеркнуть, что речь идёт об изменении характера и расширении содержания именно трудовой жизнедеятельности (см. выше), а не об изменении характера и содержания только самого труда. Характер трудовой жизнедеятельности изменится так, что она станет способом свободного выявления, реализации и развития индивидуальных способностей и наклонностей каждого члена общества. Расширение содержания трудовой жизнедеятельности понимается нами в том смысле, что все виды общественно-полезной активности (в том числе, например, активная роль в управлении общественными процессами) получают «статус» трудовой жизнедеятельности. Это, в частности, означает, что в значительной мере утратит сегодняшний смысл деление времени на рабочее и свободное; по крайней мере, в основу этого деления будут положены иные, нежели теперь, признаки.

Вторая из указанных предпосылок отношения всех членов общества к труду как к самоценному социальному благу составляет главное содержание полного социально-трудового благосостояния, характеризует сущность коммунистического облика (единого типа) трудовой жизнедеятельности. Более содержательное описание полного

¹⁶ *Мы далеки от мысли проповедовать аскетизм будущего общества, но не считаем верным представлять себе его как общество с беспредельным ростом материальных потребностей.*

социально-трудового благосостояния заключается в структурном его представлении в качестве определённой системы отношений, включающей такие планомерно создаваемые и поддерживаемые общественные условия, как:

- социально-экономически равные условия формирования у членов общества способностей к труду (первоначальной подготовки и переподготовки к труду) в соответствии с их индивидуальными природными способностями, наклонностями, физиологическими особенностями, причём в формах, развивающих способности;

- социально-экономически равные условия, обеспечивающие первоначальное включение членов общества в систему общественного разделения труда в той роли, которая в наибольшей степени соответствует их способностям к труду (в том числе физиологическим особенностям — полу, возрасту и т. п.);

- социально-экономически равное положение членов общества в процессе самого труда, обеспечивающее свободное проявление и развитие их способностей к труду и протекающее в социально-экономических и производственных условиях, исключающих какие-либо вредные последствия (в том числе ограничения) для физического, интеллектуального и социального развития личности;

- социально-экономически равные условия перемены труда в формах, обеспечивающих соответствие круга и сложности трудовых функций индивидуальным способностям к труду и изменению этих способностей (в форме перемены области деятельности, вида деятельности, в форме многосторонности и комплексности трудовых функций);

- социально-экономически равные условия, обеспечивающие прекращение трудовой жизнедеятельности лишь по причинам естественно-физиологического характера.

Этапные социальные цели в сфере трудовой жизнедеятельности — это цели, достижение которых является очередной качественно новой ступенью в развитии социально-трудовых отношений по пути к конечной цели и оз-

начает, следовательно, подъём социально-трудового благосостояния на качественно новый уровень. Этапные цели следует описать по той же схеме, что и конечную стратегическую, — определить сущность социально-экономических перемен в сфере трудовой жизнедеятельности и конкретизировать их содержание в соответствии со структурными составляющими социально-трудовых отношений.

Сущность и содержание качественно нового уровня социально-трудового благосостояния могут быть верно выявлены лишь в увязке с исследованием этапных целей по подъёму материального благосостояния. Такая увязка нужна потому, что обе стороны благосостояния обуславливают друг друга и только вместе составляют новую ступень в повышении народного благосостояния.

Для обоснования этапных целей необходимо также проанализировать современное положение трудящихся в сфере трудовой жизнедеятельности, а также возможные результаты реализации тех или иных тенденций его изменения. В ходе анализа подлежат выявлению различные типы индивидуальной трудовой жизнедеятельности; «низшие» (социально неэффективные) типы — те, которые противоречат или же в наименьшей степени соответствуют стратегической целенаправленности развития социально-трудовых отношений. Этапные цели должны предусматривать изменение характера и содержания индивидуальной трудовой жизнедеятельности и принципиальную невозможность реализации социально неэффективных её типов.

Если исходить из нереальности подъёма социально-трудового благосостояния на качественно новый уровень за двадцатилетний прогнозный период (в связи с наличием, в частности, серьёзных актуальных проблем в области повышения материального благосостояния), то необходимо сформулировать социальные цели в сфере трудовой жизнедеятельности на ближайшие 20 лет. Этими целями обрисовывается определённый комплекс социально-экономических предпосылок, позволяющих в дальнейшем, за пределами 2005 года, решить этапную задачу. Крите-

рием социальной эффективности ближайших целей будет служить их соответствие той направленности, которая задана характеристикой качественно нового уровня социально-трудового благосостояния.

В результате реализации ближайших перспективных целей социальный облик трудовой жизнедеятельности радикально не изменится, но будут устранены наименее эффективные (по социальным критериям) формы и типы индивидуальной трудовой жизнедеятельности или, во всяком случае, существенно понизится вероятность их реализации. Тем самым будут обеспечены определённые сдвиги в социально-классовой структуре общества, но сдвиги неэтапного масштаба.

Для обоснования как этапных, так и ближайших перспективных целей по совершенствованию форм трудовой жизнедеятельности нужен определённый методический аппарат анализа и прогноза социальных результатов реализации сложившихся тенденций, а также способы такого задания целевых требований к уровню социально-трудового благосостояния, которые позволяют перейти к планированию необходимых мероприятий.

В качестве главного инструмента анализа и прогноза следует, по нашему мнению, использовать метод экономико-статистического моделирования. В ходе моделирования мы считаем необходимым разработать несколько разновидностей аналитических и прогнозных моделей. Для примера можно привести контуры двух моделей.

Первая — модель обобщённой характеристики наличных общественных условий трудовой жизнедеятельности, на основе которой могут быть выявлены наиболее вероятные типы трудовой жизнедеятельности.

Эта модель описывает вероятности определённой формы протекания последующей стадии трудового жизненного цикла в зависимости от того, в какой форме протекала предшествующая стадия. Например, вероятность поступления окончивших городскую школу а) в вуз; б) в ПТУ; в) на производство; г) в Советскую Армию. Вероятности фиксируются на уровне фактических пропорций,

имевших место в определённом году. Проследив по описанной матрице вероятностей тех или иных переходов «трудовую судьбу» родившихся в данном году, получим условное распределение этого контингента населения по типам трудовой жизнедеятельности. Анализируя полученное распределение, можно оценить комплекс наличных (для взятого года) общественных условий, формирующих трудовую жизнедеятельность¹⁷. Анализ тех же данных позволит определить наиболее вероятные типы трудовой жизнедеятельности при неизменности тенденций предыдущего развития общественных условий, запечатлённых в характеристиках переходов во взятом году.

Вторая модель — прогноз трудовой жизнедеятельности населения СССР (методом сдвига во времени).

В ней в качестве исходной используется матрица вероятностей первой модели. В модель вводится продолжительность каждой стадии и продолжительность переходов от одной стадии к другой.

Всё население СССР (за исключением неработающих пенсионеров) группируется по стадиям и общественным формам трудовой жизнедеятельности — по их фактическому состоянию в исходном для прогноза году. Затем оценивается, в какую стадию трудового цикла переходит соответствующая часть населения за прогнозный период. Эта оценка осуществляется в соответствии с исходной матрицей вероятностей перехода от стадии к стадии в той или иной общественной её форме. В расчёт включается население, которое родится в прогнозном периоде. В результате получим структуру населения по формам трудовой жизнедеятельности в конце прогнозного периода. Ре-

¹⁷ *Такое распределение — структура населения не по фактическим, а по наиболее вероятным в современных условиях типам трудовой жизнедеятельности, то есть именно обобщённая характеристика этих условий. Подобно этому показатель продолжительности предстоящей жизни обобщенно характеризует условия жизни, а не фактическую её продолжительность.*

зультат прогноза по второй модели может быть интерпретирован как состояние, которое может быть достигнуто, если в прогнозном периоде тенденции, сложившиеся в сфере трудовой жизнедеятельности и воплощенные в наличных общественных её условиях, не претерпят изменений.

Основным массивом исходной информации для построения моделей указанных типов послужат данные существующей статистики. Ряд данных может быть, очевидно, получен при помощи специальной обработки накопленных результатов социологических обследований, в поле зрения которых попали те или иные аспекты трудовой жизнедеятельности. Для оценки значений некоторых параметров моделей придётся либо организовать специальные прямые обследования выборочного характера, либо воспользоваться методом экспертизы.

Обе модели позволят получить расчёты, от которых можно отталкиваться при формулировании этапных целей по повышению уровня социально-трудового благосостояния, целей социально-трудовых программ на двадцатилетнюю перспективу, а затем и при обосновании системы мероприятий по совершенствованию форм трудовой жизнедеятельности.

Мы предполагаем, что на основании моделей можно будет выявить такие типы трудовой жизнедеятельности, вероятность реализации которых весьма существенна, и среди них — типы социально неэффективные. Каждый тип, очевидно, должен обладать достаточной распространённостью. Есть основания полагать, что удастся обнаружить «критические» звенья типов трудовой жизнедеятельности, то есть такие формы в этой сфере жизнедеятельности, реализация которых на той или иной стадии трудового цикла с наибольшей вероятностью, закономерно определяет дальнейшую «трудовую судьбу», формирование этой судьбы по какому-то типу.

Объектами программ в социально-трудовой сфере должны стать в первую очередь именно «критические»

звенья социально неэффективных типов индивидуальной трудовой жизнедеятельности.

Цели по возвышению социально-трудового благосостояния, подлежащие реализации к концу прогнозного периода, предполагается задавать посредством модели, структура которой аналогична структуре моделей, описанных выше. При этом желательно рассмотреть несколько вариантов структуры типов трудовой жизнедеятельности на конец прогнозного периода. Все эти варианты как различные способы движения на данном, двадцатилетнем, отрезке времени к качественно новому уровню социально-трудового благосостояния должны быть направлены на достижение этой этапной цели.

Сложность реализации очерченного подхода к разработке задающей модели связана с тем, что целевые требования этапного масштаба не могут и не должны быть представлены в слишком конкретной форме, например, через задание количественной структуры населения по типам трудовой жизнедеятельности. Их допустимо выражать лишь на качественном уровне как направления развития и общий характер этапных социально-экономических достижений. Способ перехода от характеристики этапных целей на качественном уровне к описанию целей прогнозного периода на языке, пригодном для дальнейшего планирования конкретных мероприятий, подлежит специальной проработке. Думается, что в задающей модели необходимо и достаточно представить важнейшие направления сдвигов в структуре населения в терминах изменения вероятностей реализации тех или иных форм трудовой жизнедеятельности. Соотношением вероятностей будут заданы приоритеты тех или иных сдвигов. Могут быть заданы также различные варианты движения к этапной цели на ближайшем двадцатилетнем отрезке времени.

Если задачи прогноза на определённую перспективу (в нашем случае — на 20 лет) рассматривать независимо от этапных целей, то достаточно обоснованный критерий социальной допустимости вариантов отсутствует. Ес-

ли нет чёткой социальной однонаправленности вариантов, их различия приобретают по преимуществу экономический характер, то есть они связаны с более или менее «оптимистическим» прогнозом ресурсных возможностей экономики.

Разработка предложений о государственных мероприятиях по совершенствованию форм трудовой жизнедеятельности потребует качественного анализа общественных условий, являющихся причинами образования «критических» звеньев социально неэффективных типов трудовой жизнедеятельности. Объектом анализа по возможности должны быть и условия «вхождения» в трудовую жизнедеятельность — социальное происхождение, место рождения и т. п. Определить причины образования «критических» звеньев — это значит вычленить основные социальные проблемы в области трудовой жизнедеятельности, которые надо решать в первую очередь. При установлении приоритетов этих проблем следует учесть и внешние (по отношению к самим социально-трудовым проблемам) обстоятельства — характер и масштаб отрицательных последствий их нерешённости для других общественных сфер и необходимость (при прочих равных условиях) рационализации общественных затрат на осуществление социальных мероприятий. Границы варьирования мероприятиями при разработке целенаправленного прогноза определяются целевыми задающими моделями.

В рамках целенаправленного прогноза на двадцатилетний период проблема повышения уровня социально-трудового благосостояния должна быть конкретизирована до перечня (круга) основных комплексных социально-трудовых программ и взаимосвязанных сроков их реализации; главных требований к программам, подлежащим последующей разработке на основании прогноза; предложений об основных плановых государственных мероприятиях, обеспечивающих повышение социально-трудового благосостояния до прогнозного уровня.

Одно из важнейших требований к программам — это требование комплексного возвышения форм трудовой

жизнедеятельности, что, в частности, должно выражаться в сквозном характере программ: объектами изменений должны быть все «критические» звенья данного социально неэффективного типа трудовой жизнедеятельности и все социально неэффективные типы. Это требование в полном объеме может быть выполнено путём разработки системы взаимоувязанных программ.

Социальные задачи по изменению социально-трудовых отношений, подлежащие решению в течение и к концу прогнозного периода, выполняют роль критериев эффективности всех фактических, прогнозируемых и планируемых общественных процессов, которые обуславливают определённость трудовых характеристик благосостояния. На основе этих критериев должна оцениваться социальная эффективность следующих (как минимум) процессов:

- подготовки, распределения и перераспределения трудовых ресурсов в народном хозяйстве;
- изменения числа и состава (структуры) рабочих мест в народном хозяйстве;
- изменения распределительных отношений, в первую очередь принципов, форм и методов оплаты труда;
- развития техники, технологии и организации производства;
- изменения в режиме использования трудовых ресурсов;
- развития отраслей сферы обслуживания населения (здравоохранения, коммунально-бытового обслуживания, детских учреждений, общественного питания и т. п.);
- развития сферы обслуживания работника на предприятиях;
- изменений в системе социального обеспечения.

Реализация концептуальной идеи о разработке прогноза социально-трудового благосостояния при ориентировке на стратегическую задачу превращения труда в самоценное социальное благо позволит строго сформулировать основные социальные проблемы в сфере трудовой жизнедеятельности, наметить направления и пути их ре-

шения в прогнозном периоде. В частности, с позиций целевых требований подлежат строгому определению и обоснованию и содержание, и направление, и плановые результаты решения таких социальных проблем, как:

- комплексная проблема развития социалистического труда (его характера, содержания, условий, организации, оплаты и пр.) на основе, соответствующей зрелому социализму;
- проблема создания законченной, целостной системы (механизма) государственных гарантий права на труд;
- проблема преодоления существенных различий в конъюнктуре трудоустройства в разных районах страны и для разных категорий трудящихся;
- проблема преодоления существенной неравномерности развития содержания и условий труда у различных категорий работников;
- проблема преодоления существенных различий в степени удовлетворённости работой у различных категорий трудящихся;
- проблема дальнейшего развития производственной активности трудящихся на основе развития социалистического соревнования и укрепления добровольной сознательной дисциплины;
- проблема мобилизации крупных неиспользуемых резервов повышения эффективности общественного производства в сфере труда.

В качестве иллюстрации принципиального подхода к постановке и решению социальных проблем с позиций целенаправленного прогноза социально-трудового благосостояния остановимся на проблеме, получившей название **занятость населения**.

Занятость в общепотребительном смысле, близком к заимствованному из проблематики капиталистического хозяйства, — обеспеченность трудоспособного населения рабочими местами, точнее, отношения между участниками производства по поводу обеспечения их рабочими местами. Управление занятостью при социализме, со-

ответствующее такому её пониманию, должно по преимуществу обеспечивать баланс предложения и спроса на рабочие места.

Специфический интерес к проблеме занятости в последнее время обусловлен широким распространением представлений о наличии и нарастании в стране неблагоприятной ситуации так называемого дефицита трудовых ресурсов. В основном под влиянием этих представлений формируются сегодня предложения о ряде конкретных социально-экономических мероприятий — таких, как мероприятия по стимулированию рождаемости, по повышению мобильности коренного населения ряда южных районов страны и др.

Разработка долговременной государственной стратегии повышения народного благосостояния требует и позволяет рассмотреть проблему занятости населения в более широком контексте всех социально-трудовых проблем. В ряде аналитических и прогнозных разработок обеспечение полной и рациональной занятости рассматривается именно как социальная, а не сугубо экономическая проблема вплоть до предельно широкого её толкования, включающего в проблематику занятости практически чуть ли не все актуальные проблемы сферы трудовой жизнедеятельности.

Проблема занятости должна получить соответствующее место, постановку и решение как одна из социальных и в то же время как одна из экономических (воспроизводственных) проблем, возникающих в связи с необходимостью совершенствования форм трудовой жизнедеятельности и повышения экономической эффективности использования трудовых ресурсов.

В рамках изложенных выше представлений о содержании социально-трудовых отношений пониманию категории «занятость населения» в условиях социалистического общества соответствует следующее определение: занятость населения есть его трудовая жизнедеятельность в тех формах, которые являются общественно по-

лезными (общественно необходимыми) на данном этапе развития общества.

Проблема рациональной занятости **как экономическая (воспроизводственная) проблема** — это установление таких пропорций распределения населения между различными формами трудовой жизнедеятельности (в том числе, но не только сферами и видами общественно организованного труда), которые обеспечивают максимальный экономический рост.

Проблема рациональной занятости **как социальная проблема** — это создание общественных условий, обеспечивающих (гарантирующих) населению реальную возможность такой смены форм трудовой жизнедеятельности в течение жизненного цикла, которая не приводила бы к реализации типов трудовой жизнедеятельности, социально неэффективных по конкретно-историческим критериям общества на данном этапе его развития.

Управление процессами распределения и перераспределения населения по формам трудовой жизнедеятельности должно исходить из приоритета социальных критериев рациональной занятости над экономическими её критериями. В частности, при разработке крупномасштабных мероприятий по перемещению контингентов населения в системе общественного разделения труда (например, по вовлечению женщин в общественное производство, по территориальным перемещениям трудовых ресурсов и т.п.) необходимо исходить из недопустимости их перехода к менее эффективным в социальном плане формам трудовой жизнедеятельности.

Такой общий принципиальный подход требует существенной конкретизации, учитывающей различные линии (формы) субординации социальных и экономических критериев. Существует, по меньшей мере, три формы их субординации в условиях, когда долгосрочная целенаправленность развития социально-трудовых отношений обоснована и задана:

— приоритет социальных целей над интересами повышения экономической эффективности использования людей как трудовых ресурсов.

Учёт этой линии субординации критериев особенно актуален сейчас при разработке общегосударственных и межотраслевых долгосрочных программ и крупномасштабных мероприятий;

— приоритет народнохозяйственных критериев над локальными критериями. Учёт этой линии субординации особенно актуален сейчас при разработке мероприятий отраслевого масштаба и в масштабах предприятий (объединений);

— приоритет долгосрочных целей над текущими. Учёт этой линии субординации критериев особенно актуален сейчас в связи с необходимостью разработки взаимосвязанной системы долгосрочного, пятилетних и годовых планов.

Одна из важнейших сторон совершенствования хозяйственного механизма — создание общественных условий, обеспечивающих ориентировку всей системы планирования и управления на приоритет социальных критериев. В то же время социально-трудовые требования, вытекающие из долгосрочных общественных целей, из долгосрочной стратегии повышения народного благосостояния, должны регламентировать формы использования людей в качестве трудовых ресурсов **н о р м а т и в н ы м** способом. Социально-трудовые требования относятся как раз к тем параметрам хозяйственного механизма, которые устанавливаются в централизованном порядке и выполняются не на основе стимулирования, а в порядке хозяйственной и государственной дисциплины.

Печатается по тексту публикации в Сборнике трудов ВНИИСИ. Выпуск 3. «Социально-экономические проблемы совершенствования хозяйственного механизма». М.: ВНИИСИ. 1982. Стр. 3-13.

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ТРУДЕ В УСЛОВИЯХ ИНТЕНСИФИКАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА

При реализации стратегии повышения народного благосостояния в условиях интенсификации общественного производства возникает ряд серьёзных и сложных проблем, связанных с осуществлением в рамках этой стратегии необходимых преобразований в важнейшей сфере жизнедеятельности людей — в труде.

Для перехода к преимущественно интенсивному использованию общественных ресурсов требуется усилить материальную заинтересованность хозяйствующих звеньев в снижении издержек производства, в рациональном использовании накопленного потенциала, в том числе в уменьшении привлекаемых трудовых ресурсов и затрат живого труда. Ориентация звеньев на режим всесторонней экономии неизбежно должна повлиять на социальный облик труда — на его содержание, условия, интенсивность, формы перемены, словом, на те параметры, которые важны с точки зрения реализации, воспроизводства и развития способностей человека к труду и других индивидуальных свойств личности. Главная задача заключается здесь в том, чтобы не допустить превращения интенсификации в самодовлеющий процесс, чтобы ресурсосбережение не стало решающим фактором, направляющим социальные преобразования в сфере труда. Необходимо, напротив, чтобы и эти преобразования, и конкретные способы интенсивного ведения хозяйства направлялись общественными целями по изменению социально-трудового положения людей (их положения как работников). Интенсивный экономический рост должен, следовательно, воплощаться не только в росте уровня потребления результатов материального и духовного производства, в прогрессивном из-

менении форм быта и досуга советских людей. Социально-целевым требованием к интенсификации производства является также необходимость осуществлять этот процесс при адекватных социализму формах трудовой жизнедеятельности и при прогрессивном изменении этих форм. Интенсификация должна выступать средством поступательного (комплексного) и, при прочих равных условиях, быстрого общественного прогресса, для чего необходим жёсткий контроль за последовательностью реализации различных социальных интересов — как общенародного, так и социально-группового уровня.

Сказанное выше о социальной направленности интенсивного экономического роста отражает такие особенности хозяйственного развития в условиях социалистического способа производства, которые коренятся в присущих ему отношениях собственности. Социалистическая их специфика состоит в наличии возможности и необходимости подчинить способы и результаты хозяйствования коренным интересам всех трудящихся — интересам улучшения и выравнивания социально-экономических условий жизнедеятельности в целях свободного развития личности каждого члена общества. По отношению к сфере труда это означает необходимость планомерно обеспечивать постоянные при прочих равных условиях рост и выравнивание возможностей для реализации, воспроизводства и развития наклонностей и способностей личности в процессе труда.

Сложности выполнения названной программной для социализма задачи в области труда связаны с объективно присущей социалистическому хозяйству многоуровневой и звенной структурой. Такая структура — необходимое условие для оперативной мобилизации хозяйственной предприимчивости и инициативы, для наиболее полного выявления резервов экономического роста в интересах быстрого подъёма народного благосостояния. В то же время при неотлаженности целеполагающих и целеподчиняющих элементов хозяйственного механизма звенно-уровневая структура воспроизводства закономерно долж-

на порождать ситуацию рассогласования результатов и способов хозяйствования с объективно обусловленными общественными целями по изменению форм трудовой жизнедеятельности.

Важно подчеркнуть, что преобразование труда, полностью соответствующее целям социальной политики, не может быть обеспечено при помощи согласования экономических интересов, порождаемых звенно-уровневой структурностью хозяйства, с системой социально-экономических интересов, порождаемых социально-классовой структурностью общества. Соображения экономической выгоды могут, конечно, побудить хозяйственные звенья к таким техническим и организационным решениям, которые отвечают сложившимся интересам тех или иных категорий работников. Так, в настоящее время становится всё более очевидным, что в деле повышения трудовой активности работников, сокращения текучести кадров, увеличения производительности труда, преодоления нехватки рабочей силы роль важнейшего средства играет удовлетворение потребностей современного работника в облегчении и улучшении условий труда, в повышении его содержательности, в наличии реальных возможностей для роста квалификации, профессионального продвижения. Поэтому на повестку дня в качестве актуальных задач выдвигается сокращение рабочих мест тяжелого физического труда, труда с вредными для здоровья условиями, уменьшение масштабов распространения малосодержательных и непрестижных видов труда. Необходимость планомерного решения этих задач сегодня осознана в полной мере, а адекватным способом их решения справедливо считается осуществление целевых программ в сфере труда. Одной из таких программ является разрабатываемая ныне общегосударственная целевая комплексная программа сокращения в народном хозяйстве ручного труда.

Следует, однако, отметить, что главным импульсом для усиления планомерной, целенаправленной организации вытеснения из производства непривлекательных ви-

дов труда послужили и до сих пор служат потребности хозяйственной практики по преодолению дефицита предложения определённых видов труда. Это явно прослеживается, например, в мотивах и оценке результатов движения «Ручной труд — на плечи машин», родившегося в Запорожской области и оформившегося в серьёзную работу её партийных и хозяйственных органов по повышению эффективности использования трудовых ресурсов на основе механизации и автоматизации производства, сокращения ручного и физически тяжёлого труда на предприятиях, стройках, в колхозах и совхозах области. Главные итоги проведённой большой работы оцениваются сквозь призму хозяйственных интересов — в росте производительности труда, в повышении степени обеспеченности производства кадрами, в снижении текучести и т.п. [см., например, 3].

Такой угол зрения вполне правомерен для хозяйственного звена — будь то предприятие, отрасль или регион. Для звена изменение социального облика труда является фактором повышения экономической эффективности своего функционирования. Экономически целевой подход к преобразованию труда делает улучшение его социальных характеристик лишь следствием хозяйственных решений независимо от того, когда достигается социальный эффект, — одновременно с экономическим или до него, независимо от того, как осуществляются соответствующие мероприятия, — эпизодически, под давлением чрезвычайных производственных обстоятельств или же как продуманная, дальновидная, планомерная, но узкохозяйственная стратегия звена.

Описанная ситуация неизбежно приводит к таким явлениям, которые замедляют, затрудняют процесс преобразования труда на основах, полностью адекватных социализму. Во-первых, для реализации локальных экономических интересов хозяйствующих звеньев оказывается вполне достаточной ориентация на сложившиеся потребности работников. В то же время изменение этих потребностей, возвышение их структуры, рост запросов трудящихся, соответствующие объективной социальной на-

правленности развития социализма, выступают зачастую как фактор, противодействующий реализации хозяйственных интересов. Во всяком случае, если процесс изменения социального характера труда не ставится под строгий контроль со стороны общества, то нельзя надеяться, что развитие материально-технической базы производства и его организации доставит необходимые основания для превращения труда в самую настоящую жизненную потребность всех членов общества. Во-вторых, что не менее важно, при экономической целенаправленности совершенствования рабочих мест социальные результаты научно-технических решений по переходу к более производительной технологии, хозяйственных решений по использованию работников, «освобождённых» от менее производительного или непривлекательного труда, и т. п. лишь случайно и частично могут совпасть с общественными интересами из числа тех, что составляют специфическую систему очередных задач социалистического общества в области улучшения и выравнивания социально-экономического положения работников. Вполне же реальная противоречивость социальных последствий интенсификации производства, с одной стороны, и общественных целей в области труда, с другой, — потребует в дальнейшем разработки специальных программ по ликвидации отрицательных последствий развития техники, технологии и организации, выделения на это дополнительных средств.

Таким образом, принцип «то, что выгодно обществу, должно быть выгодно предприятию», хотя и отражает специфически социалистическую субординацию общественных интересов, есть, однако, формула, в которой выражены необходимость и возможность согласования коллективных и народнохозяйственных **экономических** интересов. Эта формула «не работает», когда требуется обеспечить **приоритет целей общегосударственной социально-трудовой политики над экономическими интересами на любом уровне хозяйства, в том числе на народнохозяйственном уровне**. Приоритет социально-политических интересов достигается не на основах

экономической выгоды, а на основах хозяйственной дисциплины и всесторонней ответственности за её соблюдение.

Степень фактического использования объективных возможностей (преимуществ) социализма в деле реализации коренных интересов трудящихся самым тесным образом определяется тем, насколько удаётся на деле провести принцип безусловного приоритета социальных интересов, причём провести его в таких конкретных формах, которые отвечают политическому характеру социальных целей социализма — последовательной ликвидации классовых и всех других социально-экономических различий между людьми. Здесь уместно напомнить о критической оценке В.И. Лениным того параграфа проекта программы РСДРП, где цель замены капиталистических производственных отношений социалистическими характеризовалась как «планомерная организация общественного производственного процесса для удовлетворения нужд как целого общества, так и отдельных его членов». Замечания В.И. Ленина подчёркивают, что ни планомерная организация общественного производства, ни удовлетворение нужд членов общества не составляют специфики социализма: «этакую-то организацию, пожалуй, ещё и тресты дадут»; «такое «удовлетворение» «даёт» и капитализм». Специфика социализма — в изменении «направителя планомерности» (им становится всё общество) и в качественном отличии того, что должна дать планомерная организация производства: «не только для удовлетворения нужд членов, а для обеспечения *полного* благосостояния и свободного *всестороннего* развития всех членов общества» [1, с. 232, 2, с. 248].

Из всего сказанного выше следует, что все программы в сфере труда, каковы бы ни были первоначальные побудительные мотивы к их возникновению, должны быть объединены общей социальной стратегией преобразования труда. Эту стратегию следовало бы представить в форме социально-целевого блока комплекса программ в сфере труда. Назначение блока — задать такие социаль-

ные требования к решениям, затрагивающим эту сферу, которые, ограничивая свободу хозяйственных звеньев в использовании факторов повышения экономической эффективности производства, обеспечивали бы в то же время вполне определённый характер и последовательность социальных перемен в труде. Однако в настоящее время отсутствуют не только достаточно полные разработки, задающие единую целевую направленность программам в сфере труда, но и необходимая предпосылка для научного обоснования планово-программных решений — научный целевой долгосрочный прогноз труда. В то же время решения о разработке ряда конкретных программ в сфере труда приняты и осуществляются, в частности решение о разработке упомянутой выше целевой комплексной программы сокращения ручного труда в народном хозяйстве.

Осуществление программы сокращения ручного труда во многом определит характер изменения сферы труда в течение ближайших 20–30 лет в связи с широкими масштабами его распространения в народном хозяйстве. В настоящее время только в материальном производстве на ручных операциях занята почти половина работников. При этом сокращение его доли на протяжении двух последних десятилетий сопровождалось увеличением абсолютной численности занятых немеханизированным трудом. При сохранении сложившейся за последние 20–25 лет тенденции изменения темпов сокращения ручного труда доля занятых ручным трудом не при машинах и механизмах, по нашим ориентировочным расчётам, составила бы в начале 2000-х годов в промышленности — около 25%, в строительстве — не менее 40%.

Широкое применение ручного труда и недостаточные темпы его сокращения позволяют видеть в ускорении процесса замены ручного труда машинным важнейший резерв роста производительности труда, выдвигают сокращение рабочих мест малопродуктивного ручного труда на роль средства, которое должно существенным образом способствовать устранению диспропорций между потребностями производства в рабочей силе и наличными

трудовыми ресурсами. Сокращение ручного труда ускоренными темпами (намечено ускорить их в 3-4 раза) должно стать неотъемлемым моментом долговременного курса на интенсификацию общественного производства. В условиях отсутствия социально-целевого блока программ в сфере труда чрезвычайно важно найти способы (пусть и менее эффективные, чем на основе прогноза труда) социально целенаправить процесс вытеснения из народного хозяйства ручного труда. В противном случае за чисто количественными характеристиками динамики этого процесса могут скрываться существенно различные в социальном отношении варианты развития производства.

Один из реальных вариантов — такой, в котором процесс интенсификации производства будет направляться лишь совершенствованием стимулирующих сторон хозяйственного механизма. В этом варианте при прочих равных условиях система хозяйственных предпочтений не учтёт при замене ручного труда потребности самого работника и общества в целом в расширении возможностей для реализации, нормального воспроизводства и развития индивидуальных свойств личности. Не учтёт потому, что с точки зрения узкоэкономических интересов категория «ручной труд» выступает лишь как характеристика определённой технологии производства — либо менее производительной, чем машинная; либо не обеспеченной необходимой рабочей силой; либо отвлекающей рабочую силу, нужную для других звеньев производства и т.п. Сам же работник ручного труда предстаёт здесь только в своей функции одного из факторов производства, как носитель необходимых производству способностей к труду.

Следует заметить, что в настоящее время ручной труд более широко применяется как раз там, где механизация труда могла бы дать наибольший экономический эффект. Так, в сфере материального производства в основном производстве сейчас механизирован труд 74% рабочих, во вспомогательном — лишь 29% рабочих. И это в условиях, когда при одних и тех же затратах во вспомогательном производстве можно высвободить в 3 раза боль-

ше людей, чем в основном. Эта ситуация воспроизводится не потому, что в хозяйстве обеспечивается приоритет социальных интересов над экономическими, а как следствие слабой экономической заинтересованности хозяйственных звеньев в интенсивном использовании трудовых ресурсов. В ряде случаев замена ручного труда невозможна из-за отсутствия необходимых технических решений. Но они часто отсутствуют опять же в силу того, что хозяйственный механизм не обеспечивает в должной мере ориентации производства на утилизацию таких решений, ориентации науки на их поиск. Усиление экономических стимулов хозяйственной деятельности способно привести к массовому переходу работников от ручного труда к неручному. Однако этот факт сам по себе далеко не является необходимым и достаточным свидетельством прогрессивных для социализма сдвигов в его социальной структуре.

Дело в том, что направленность социализма на создание условий для свободного развития всех членов общества означает, что в число характеристик объективного социально-экономического положения людей непременно должна среди прочих входить и такая, как уровень достигнутых реальных возможностей для развития личности в процессе самого труда. Существенные различия в уровне таких возможностей должны признаваться существенными социально-экономическими различиями. Есть много аргументов, которые позволяют считать, что в настоящее время содержание и условия труда на ряде типов рабочих мест предоставляют принципиально равные или существенно не равные возможности для индивидуального развития независимо от ручного или неручного характера трудовых функций. Специальный анализ может, по нашему мнению, подтвердить, что многие виды механизированного труда из тех, что квалифицируются сегодня как монотонный труд, труд во вредных для здоровья условиях и т.п., в гораздо большей степени сдерживают индивидуальное развитие, препятствуют ему, чем ряд видов ручного труда. А если это так, то признак «занятость ручным трудом» (ручным трудом вообще, без каких-либо дополни-

тельных уточнений) нельзя рассматривать как характеристику худшего социально-экономического положения работника по сравнению с положением работников неручного труда.

Таким образом, характеристики «ручной труд», «механизированный труд» не являются группообразующими признаками социальной структуры социалистического общества. Поэтому для заключения о прогрессивности сдвигов в этой структуре, для вывода о достаточной для социализма социальной эффективности процесса замены ручного труда необходим специальный анализ, цель которого — выявить существенно различные в социально-экономическом отношении типы переходов от одного вида труда к другому, типы изменений «трудовых судеб» в результате ликвидации тех или иных рабочих мест ручного труда. Одни из них будут отнесены к социально прогрессивным, социально эффективным для социализма переходам (те, которые расширяют возможности для развития личности), другие получат оценку непрогрессивных, социально неэффективных.

Следует заметить, что индивидуальная оценка работниками ситуации перехода от ручного труда к неручному может кардинально разойтись с её оценкой по общественным критериям. Субъективная удовлетворённость трудом может повыситься в силу того, что изменение других параметров жизнедеятельности (например, уровня потребления в результате роста заработка) соответствует специфической индивидуальной мотивации работника или же объективно играет роль фактора, компенсирующего данной группе работников ухудшение содержания и условий труда. Данные ряда социологических обследований свидетельствуют и о том, что в настоящее время отсутствие должной целенаправленности научно-технического прогресса приводит в значительной части случаев к социально неэффективным (по общественным критериям) изменениям параметров труда при переходе работников на новые рабочие места, а субъективная удовлетворённость трудом при этом также падает.

В связи с тем, что рассматриваемый вариант предполагает неизменность механизмов социального целеполагания и целеподчинения, в материально-технической базе производства должны непременно сохраниться такие рабочие места неручного труда, переход к которым от ручного принципиально не расширит возможности развития личности работника. Усиление лишь экономически целевой направленности производства не даёт никаких гарантий и на тот счёт, что если рабочие места ручного труда останутся, то это будут как раз те, которые обеспечивают лучшие возможности индивидуального развития, чем исчезнувшие виды ручного труда.

Приведённые выше соображения позволяют утверждать, что реализация курса на вытеснение ручного труда (даже при полной его ликвидации) в данном варианте не даст социального эффекта такого характера, который в полной мере соответствует прогрессивной линии развития социалистического труда. Наряду с положительными социальными последствиями непременно останутся, воспроизведутся в неизменном виде старые или возникнут новые отклонения от социалистического типа трудовой жизнедеятельности, которые принципиально устранимы на данном этапе развития. Невозможно в силу этого (при всех положительных социальных изменениях в сфере труда) добиться в рассмотренном варианте развития такого нового качества трудовой деятельности, которое было бы полностью адекватно зрелому социализму.

При преимущественно экономически-целевой направленности интенсификации социальная неэффективность преобразования сферы труда, в том числе и сокращения ручного труда, исключает оценку этих процессов как экономически эффективных с точки зрения общества в целом. Если распределением экономического эффекта, полученного в звеньях хозяйства, не будут обеспечены необходимые условия для изъятия определённых контингентов работников с «обочины» социального прогресса, то оценка варианта как эффективного в экономическом отношении была бы равносильна применению несоциали-

стических критериев эффективности. Другими словами, была бы равносильна признанию нормальными для социализма таких путей развития, на которых интересы каких-либо социальных групп приносятся в жертву другим общественным интересам.

Иные итоги, принципиально отличные от итогов рассмотренного варианта, может дать лишь преобразование труда в условиях комплексного совершенствования хозяйственного механизма. Мы имеем в виду объективно необходимый и вполне реальный вариант, в котором интенсификация использования трудовых ресурсов обеспечивается усилением соответствующих стимулов и в то же время жёстко регламентируется нормами и правилами хозяйствования, вытекающими из необходимости решения социальных проблем и системы социальных задач общегосударственного масштаба. Подобного рода нормы и правила хозяйствования должны обеспечивать первоочередную ликвидацию таких рабочих мест, которые в наибольшей степени препятствуют развитию человека, способствуют его деградации в физическом, интеллектуальном или социальном планах. Тем самым ставятся общественные барьеры к социально неэффективным изменениям в трудовых судьбах.

Преобразование сферы труда в условиях второго варианта осуществления интенсификации производства предполагает реальную постановку социальных целей этого преобразования. Речь идёт, в частности, о невыполнимости требования расширить возможности для развития в процессе труда по отношению ко всем работникам, которые находятся сегодня в самом худшем (в этом смысле) положении. И дело здесь не в том, что отсутствуют необходимые технические или экономические возможности — их отсутствие в настоящее время может повлиять лишь на сроки осуществления тех или иных мероприятий. Дело в том, что социальный облик некоторых категорий работников сформировался под воздействием характера их труда окончательно, и поэтому такие работники в принципе не способны к повышению уровня своего образования, про-

фессиональной квалификации, к увеличению сложности трудовых функций. Следовательно, по отношению к таким работникам необходимо и достаточно выдвинуть такого рода требования, которые не допустили бы их деградации (или дальнейшей деградации), — требования оздоровить условия труда, облегчить труд, в том числе и при помощи механического расширения круга посильных для них функций, разнообразящих процесс труда. Заметим, что подобное расширение круга функций зачастую только и достигается сегодня при бригадной организации труда в бригадах нового типа и оценивается самими работниками весьма высоко.

Реальная постановка социальных задач в условиях второго варианта интенсификации требует, следовательно, разработки системы дифференцированных научно-технических, организационных и экономических мероприятий. Одни из них обеспечат прогрессивные изменения в индивидуальных трудовых судьбах тех контингентов трудящихся, которые способны к соответствующей смене места в системе общественного разделения труда; они обеспечат также будущим поколениям трудящихся более широкие, чем минимальные сегодня, возможности развития. Другие мероприятия будут адресованы тем контингентам трудящихся, которые уже вовлечены в общественное производство, но не способны вступить на путь подлинного социального прогресса в силу отрицательных социальных последствий предыдущих этапов общественного развития. Специфические проблемы, порождаемые существованием второго контингента должны быть, в частности, учтены при совершенствовании государственной системы социальных компенсаций (дополнительных выплат, льгот). Социальными компенсациями (в случае их необходимости) должны дополняться до общественно нормального качественного состояния условия жизнедеятельности этого контингента трудящихся на протяжении всего оставшегося периода их занятости в сфере общественно организованного труда, поскольку ликвидацией социально недопустимой технологии не может быть обеспечено этим

трудящимся нормальное для данного этапа развития общества содержание труда (мы опираемся на представление о сущности и функциях социальных компенсаций при социализме, сформулированное в [4]).

Сокращение ручного труда в условиях комплексного совершенствования хозяйственного механизма стало бы лишь одним из частных, конкретных направлений социального преобразования труда, его органической частью, не имеющей своих собственных целей. В этом случае не понадобилась бы постановка целей в терминах, задающих темпы сокращения ручного труда или уменьшение абсолютных размеров занятости ручным трудом. Оценку эффективности варианта также не следовало бы связывать с реализацией намеченных темпов. В самом деле, переход всего хозяйства на целенаправленный интенсивный рост обеспечит как социальную эффективность всех хозяйственных процессов, так и экономический эффект гораздо большего масштаба, чем набор мало увязанных друг с другом социальными требованиями научно-технических и экономических программ. Преобразование сферы ручного труда во втором из рассмотренных нами вариантов интенсификации производства реализует единый социально-экономический подход к его сокращению. С точки зрения этого подхода вовсе не все виды ручного труда подлежат ликвидации. Некоторые из его современных видов или видоизменения могут сохраниться в течение всего периода движения к стратегическим общественным целям.

Реально мыслим и третий вариант интенсификации производства, характер которого существенным образом должен повлиять на социальные итоги сокращения ручного труда в народном хозяйстве. Это вариант, при котором современный хозяйственный механизм в целом принципиально не меняется (ни целенаправляющие его элементы, ни элементы, обеспечивающие заинтересованность звеньев в интенсивных методах хозяйствования). В силу того, что действующий хозяйственный механизм недостаточно гибок, чтобы более или менее своевременно отреагиро-

вать на потребности (и реальные возможности), повысить степень интенсивности протекания тех или иных процессов и создать условия для новых шагов в решении социальных проблем, требуется как бы внешнее дополнение к хозяйственному механизму в форме разработки и осуществления специальных (отдельных) мер. Без таких мер резервы высвобождения рабочей силы с малопроизводительных и бесперспективных для развития работника участков остаются неиспользованными, сами собой не вовлекаются в процесс преобразования. В этих условиях сокращение ручного труда, если выдвинута такая особая цель, также требует применения особых мер для своей реализации.

Реально ли добиться существенного сокращения ручного труда в условиях третьего варианта? Мы считаем это вполне реальным, несмотря на то, что специальные меры по реализации программы сокращения ручного труда не будут органически увязаны с общехозяйственным механизмом, и поэтому он неизбежно будет их либо отторгать, либо адаптировать к системе существующих хозяйственных интересов. Следует заметить, что успехи, которые в последние годы есть в области вытеснения ручного труда, получены именно с помощью таких специальных мер (например, с помощью введения специальных показателей по механизации труда, стимулирования за уменьшение доли ручного труда на предприятиях и др.).

Найти пути достаточно эффективной увязки особых методов по реализации программы сокращения ручного труда с инертным хозяйственным механизмом — задача, с нашей точки зрения, практически неразрешимая. В то же время вполне очевидны факторы, которые определяют малую эффективность вытеснения ручного труда, если этот процесс организуется программой, существующей как бы в отрыве от общего контекста народнохозяйственного развития.

Недостаточная социальная эффективность сокращения ручного труда в третьем из рассматриваемых нами вариантов интенсификации обусловлена самой постанов-

кой сокращения ручного труда как такового в качестве конечной цели программы. Как было показано при разборе первого варианта, «освобождение» работника от ручного труда не является для социализма достаточным социальным эффектом. А поскольку этот вариант, как и первый, предполагает неизменность механизма подчинения всего общественного производства социальной политике, постольку прогрессивность изменений в «трудовой судьбе» освобожденных от ручного труда работников остаётся вопросом открытым. Следовательно, открыт вопрос и о возможности интерпретировать в качестве экономического эффекта, полностью соответствующего природе социализма, такие следствия реализации программы, как рост производительности труда в звеньях, уменьшение диспропорций между предложением труда и спросом на труд и т.п.

Следует добавить, что фактическое повышение экономической эффективности использования трудовых ресурсов в звеньях — далеко не обязательное следствие реализации программы сокращения ручного труда в условиях неизменности общехозяйственного механизма. Если заинтересованность звеньев в экономии трудовых ресурсов реально не увеличивается (а этого можно достичь только комплексным совершенствованием стимулирующих элементов хозяйственного механизма), то специальные меры по механизации труда могут привести к насыщению производства техникой, но при этом действительного высвобождения работников не происходит. Звенья отчитываются о результатах проведения научно-технических мероприятий в терминах относительной экономии труда и заработной платы, а «лишние» работники остаются на предприятиях. Фактическая избыточность работников (по сравнению с технологическими потребностями) приводит к падению интенсивности труда, становится фактором, ухудшающим его организацию и в конечном счёте превращается в тормоз технического прогресса, сдерживает комплексную механизацию и автоматизацию производства. Все это — вполне логичные следствия ори-

ентации на замену ручной технологии как на самоцель, логичные следствия порядка, при котором объектом регламентаций и стимулирования являются не конечные результаты функционирования звена, а отдельные средства их достижения (в нашем случае — сокращение ручного труда).

Важнейшие факторы интенсификации производства находятся не только в области механизации и автоматизации труда, но и в области совершенствования форм его организации. В современных условиях большие и все возрастающие надежды возлагаются, в частности, на развитие бригадной формы организации и стимулирования труда. Её распространение рассматривается как одно из самых доступных средств наведения порядка на производстве, повышения его производительности, нормализации интенсивности труда и даже как средство прогрессивных социальных преобразований в труде. Действительно, опыт функционирования бригад в рамках государственных предприятий как относительно самостоятельных звеньев (на принципах хозрасчёта, подряда) даёт материал для рассуждений и оценок на этот счёт. Весьма настоятельно обобщение накопленного опыта для выявления тенденций влияния бригадной формы нового типа на осуществление долговременной стратегии преобразования труда. Актуальные для настоящего времени требования к сфере труда, проистекающие из этой стратегии должны обеспечить в качестве очередного достижения этапного масштаба создание таких общественных условий, на базе которых может быть реализовано зрелое социалистическое отношение к труду всех членов общества.

Адекватным зрелому социализму отношением к труду мы считаем заинтересованное и ответственное отношение человека к труду как к общественно полезной деятельности, необходимому источнику средств своего существования и средству (способу) своего развития.

Это определение учитывает как социалистическую специфику структуры личных интересов трудящихся, так и интересы социалистического общества по привлечению

людей к общественно полезному труду и по развитию личности в процессе труда. Оно учитывает, следовательно, необходимость взаимосвязи системы личных интересов в целом с системой общественных стимулов к труду. Отдельные же стороны их взаимосвязи отражаются такими категориями, как личная материальная, моральная, творческая заинтересованность в труде.

Мы разделяем точку зрения, согласно которой материальная личная заинтересованность в труде имеет место при определённом сочетании материальных стимулов к труду и личных материальных интересов. При этом материальный стимул связывает размер дохода (материального вознаграждения) с количеством и качеством общественно полезного труда, а личный материальный интерес связывает размер дохода с уровнем развития личных материальных потребностей (точнее, таких личных потребностей, удовлетворение которых опосредуется величиной трудового дохода и общественными условиями его реализации). Аналогично этому моральная и творческая заинтересованность в труде складываются как взаимосвязь уровня развития моральных (творческих) личных потребностей, морального (творческого) вознаграждения и количества и качества общественно полезного труда.

Материальные потребности, побуждающие человека к трудовой или иной деятельности, по природе своей безразличны к характеру самой деятельности — к её содержанию, условиям, общественной форме её результатов. Поэтому для создания материальной заинтересованности в труде необходимо и достаточно (при прочих равных условиях) использовать в качестве вознаграждения за труд лишь материальное поощрение от общества.

Если бы работник руководствовался только материальными интересами, то для него было бы неважно, в какой мере величина материального поощрения связана с реальной общественной значимостью результатов его труда; для него было бы неважно также, какое влияние оказывает сам труд на индивидуальные свойства его личности, в том числе на развитие его способностей к труду.

Специфика личных моральных потребностей состоит в том, что они побуждают человека к общественно полезной, общественно значимой деятельности. Поэтому в соответствии с уровнем развития моральных потребностей человека (то есть с уровнем морального развития личности) создание моральной заинтересованности в труде опосредуется наличием какой-либо одной или двух следующих форм морального вознаграждения: престижного поощрения от общества, удостоверяющего общественную значимость труда данного работника; оценки самим работником результатов своего труда как общественно значимых. Вторая форма морального вознаграждения не зависит от общественного признания или непризнания значимости личной деятельности. Если бы работник руководствовался только моральными интересами, то для него были бы безразличны как величина материального вознаграждения за труд, так и содержание и условия труда.

Обычно, выделяя творческие интересы, стимулы, заинтересованность наряду с материальными и моральными, имеют в виду творчество в подлинном значении этого слова — как «деятельность, порождающую нечто новое, никогда не бывшее ранее» [5, с. 185]. Однако объяснить характер трудового поведения человека, исходя только из наличия материальных, моральных и творческих (в указанном смысле) потребностей, не удаётся. Приходится привлекать категорию «содержательность труда», чтобы учесть такую конкретную направленность личных потребностей, как потребности человека в интересной для него деятельности, в её разнообразии, в реализации своих способностей и склонностей к определённым видам деятельности, в проявлении и реализации деятельной инициативы и самостоятельности, наконец, потребность человека в дальнейшем совершенствовании своих способностей, в том числе в совершенствовании своих узкопрофессиональных навыков. Эти разнообразные личные интересы (в том числе и интерес к собственно творческой деятельности) суть различные конкретно-исторические способы проявления имманентно присущей человеку по-

требности в деятельности как таковой. Осознанность этой потребности индивидом формирует конкретное содержание личных интересов как потребностей в деятельности определённого характера. Уместно называть этот спектр потребностей потребностями человека в *развивающей его деятельности*, потребностями в развитии своей личности. При этом потребность в творческом характере деятельности следует считать лишь одной из конкретных форм потребностей в развитии личности.

Таким образом, в отличие от материальной и моральной заинтересованности, для создания заинтересованности в развивающем труде не нужны ни поощрение от общества (материальное или престижное), ни самооценка индивидом своей значимости для общества как работника, выполняющего общественно полезный труд. Для создания этого вида заинтересованности в труде необходимо лишь, чтобы обладал определёнными характеристиками сам процесс труда, чтобы этот труд обладал свойствами развивающей деятельности, чтобы он был средством развития личности. Такое качество труда для всех обеспечивается социализмом не сразу, а в процессе совершенствования материально-технической базы и социально-трудовых отношений. Направленность их совершенствования на ликвидацию видов труда, способствующих стагнации личности и тем более деградации каких-либо социально значимых свойств человека, — необходимая основа для того, чтобы изменение отношения к труду удерживалось в русле прогрессивного развития в сторону зрело-социалистического к нему отношения.

О зрелом социалистическом отношении к труду можно говорить лишь в том случае, если трудовое поведение человека определяется наличием всех трёх видов заинтересованности в труде — и материальной, и моральной, и заинтересованности в развивающей трудовой деятельности, причём их наличием в сбалансированном, уравновешенном виде. В отличие от этого, собственно коммунистическое отношение к труду предполагает, что потребности в общественно полезном характере деятель-

ности и в свободном развитии своей личности посредством этой деятельности играют ведущую роль в системе интересов человека.

В условиях социализма отсутствие любого из трёх видов заинтересованности в труде или же существенное превалирование какого-либо из них следует квалифицировать как отклонение от социалистического отношения к труду. Такого рода отклонения могут возникать по различным причинам — как в силу неразвитости общественных условий трудовой жизнедеятельности, выступающих вознаграждением за труд, так и в силу деформации системы личных интересов из-за недостаточного уровня развитости тех или иных потребностей. Это в полной мере относится и к творческой заинтересованности, если она не сопровождается стремлением к общественно полезным результатам труда. Более того, творчество ради творчества, продуцирование нового ради нового, без чёткой целенаправленности на настоятельные общественные потребности (особенно в области фундаментальных и прикладных наук и в области создания техники и технологии) следует, на наш взгляд, считать одним из самых реальных и опасных отклонений от социалистического отношения к труду у соответствующих категорий работников. И дело здесь не только в недостаточной подчинённости науки и проектно-конструкторской деятельности потребностям сегодняшнего дня. Дело также в самой природе творческого интереса — в том, что вознаграждением здесь является сам процесс труда, и это может вызывать к жизни не только бесполезные результаты, но и результаты, объективно противоречащие общенародным интересам.

Социально-экономические преобразования сферы труда на данном этапе развития СССР должны быть ориентированы на создание таких условий трудовой жизнедеятельности, на базе которых будет складываться заинтересованность в развивающей деятельности у всех категорий трудящихся. Совершенствование хозяйственного механизма и распределительных отношений должно обеспечить условия для усиления материальной и мо-

ральной заинтересованности в труде. Необходимо также совершенствовать систему методов идеологического воздействия на развитие личных интересов трудящихся, равно направленного на осуждение и профилактику как нетрудового образа жизни, иждивенчества, так и исключительно потребительских мотивов к труду, преувеличенно «жертвенного» к нему отношения или же творчества ради творчества (так называемого чистого творчества). Следует, кроме того, направить общественные усилия на осуждение любых попыток навязывать подобного рода идеалы и соответствующие им типы поведения средствами литературы, искусства или иными средствами.

Проведённое нами исследование специфики бригад нового типа привело к следующим, существенным с точки зрения задачи формирования зрело-социалистического отношения к труду, выводам.

Бригаду правомерно рассматривать как новую форму непосредственно коллективной трудовой жизнедеятельности. Непосредственность трудового коллективизма бригады состоит: в непосредственной («зримой» для работника) реальной коллективной и личной материальной ответственности членов бригады за результаты коллективного труда, которая обеспечивается распределением между работниками заработка, начисленного бригаде в целом; в непосредственно коллективном самоуправлении, коллективность которого выражается в наличии у всех членов бригады реальных возможностей влиять на содержание внутрибригадных управленческих решений, а непосредственность — в тенденции к замене профессионально закреплённого управленческого труда трудом непрофессиональных управляющих. Именно эти черты ставят бригаду в один ряд с такими известными историческими формами непосредственно коллективной трудовой жизнедеятельности, как община, коммуна, артель, колхоз и т.п. Своеобразие социальной природы бригады определяется тем, что она является формой непосредственного трудового коллективизма в государственном секторе социалистического народного хозяйства. Функционирование

бригады способствует в настоящее время решению целого ряда социально-экономических проблем. Укажем главные из них.

Бригада приводит в действие ряд факторов, способствующих нормализации отношения работников к труду: она способствует формированию и закреплению заинтересованного и ответственного отношения к труду как к общественно полезной деятельности и необходимому источнику средств существования. В бригадах создаются условия для преодоления следующих отклонений от социалистического отношения к труду: индивидуализма (в формах иждивенчества и люмпенства; рвачества и карьеризма), который реализуется либо в недостаточной (ниже общественно нормального уровня) интенсивности труда, либо в направленности трудовой активности исключительно на личные интересы, либо в нетрудовом образе жизни; преувеличенной индивидуальной ответственности за результаты общественного труда, которая реализуется в превышающей общественно нормальный уровень интенсивности труда, в навязывании другим (при помощи демагогического извращения критериев социалистического отношения к труду) повышенной интенсивности труда или форм трудовой активности, игнорирующих необходимость её общественной полезности. Нормализуя отношение к труду, бригада возвращает его в русло прогрессивного развития зрелого социалистического к нему отношения.

Бригада способствует восстановлению нормальной трудовой активности массы рабочих. Нормализация трудовой активности, в первую очередь повышение интенсивности труда значительной части работников до общественно нормального уровня, является сегодня наиболее важной задачей в области социально-экономического развития. Путь повышения эффективности производства за счёт роста интенсивности труда, при прочих равных условиях не пригодный для социализма, в современных условиях социально необходим, ибо этот путь предотвращает размывание трудовой основы социалистического строя,

упрочивает эти основы. Бригада обеспечивает и более жёсткую направленность трудовой активности работников на результаты труда, соответствующие интересам предприятий.

Бригада способствует формированию опыта самоуправления рабочих на коллективных (демократических) началах, преодолению элементов бюрократизма в управлении низовыми звеньями и создаёт условия для изживания излишнего вмешательства администрации предприятий в процесс оперативного управления трудом. В то же время черты непосредственности, присущие бригадному самоуправлению (в форме тенденции к замене профессионально закреплённого управленческого труда трудом непрофессиональных управляющих), находятся в противоречии с достигнутым строем социально-трудовых отношений. Для социализма характерно реальное обобществление труда в форме устойчивого профессионально-должностного его разделения и закрепления. Бригаде ещё предстоит пройти путь от нерасчлененности собственно трудовых и управленческих функций, свойственной ранним, непосредственным формам демократизма в самоуправлении, в сторону зрелых форм коллективного самоуправления. Последние предполагают выполнение управленческого труда квалифицированными профессионалами по поручению коллектива, под его контролем и за вознаграждение, размер которого определяется специфической сложностью и фактической эффективностью управленческой деятельности.

Реальность трудового коллективизма бригады создаёт условия, в которых возможно обеспечить более строгое исполнение администрацией предприятий её прямых обязанностей по организации производства и труда. Возникают условия для объединения усилий рабочих и государства в деле подчинения действий администрации хозяйственной политике, отвечающей подлинно общественным интересам.

В бригадах достигается большая привлекательность труда для отдельных рабочих — при помощи совме-

щения профессий труд разнообразится, сбивается его монотонность и он тем самым облегчается. Однако способ изменения содержания труда в бригадах не является серьёзным качественным сдвигом в повышении содержательности труда, поскольку базой этого изменения является старая техника и технология и оно не связано с созданием качественно иных — многосторонних, комплексных, существенно более сложных, творческих — профессий. Изменение характера и содержания трудовых функций в бригадах состоит по преимуществу в возвращении к некоему «исходному» состоянию, нарушенному излишней специализацией и рационализацией функций в результате недостаточной социальной направленности научно-технического развития производства, в результате некритической ориентировки на западный путь технического развития. Бригадная форма сама по себе, без вовлечения в орбиту технического освоения принципиально иных научных и инженерных идей не способна создать необходимую основу для превращения труда в средство развития каждого работника. Именно поэтому принципиально неверно формирующееся сейчас у части хозяйственных руководителей мнение о необходимости приспособлять процесс развития техники и технологии производства к условиям бригадной организации и стимулирования труда. Долговременная научно-техническая политика социалистического государства не должна ориентироваться на формы организации труда, порождённые в низовых хозяйственных звеньях текущим состоянием техники, сложившейся системой управления и необходимостью решения чрезвычайных экономических и социальных задач. Она должна ориентироваться на долговременные социально-экономические цели и предполагает постоянный поиск новых организационных форм и методов мобилизации внутрипроизводственных резервов экономического роста.

Реализация перечисленных выше основных социально-экономических функций (преимуществ) бригадной формы жёстко связана с соблюдением социальной установки на функционирование бригады как одного из эле-

ментов механизма социалистической государственной собственности. Деятельность бригады должна осуществляться на основах, присущих общенародной социалистической, а не кооперативно-коллективной, коммунально-коллективной или артельно-групповой собственности. Бригада не должна превращаться в разновидность колхоза, коммуны или артели. Этим требованием определяется принципиальный характер норм и правил, регламентирующих хозяйственную деятельность бригад нового типа. Бригаду должны отличать от артели меньшая хозяйственная самостоятельность, от артели и колхоза — меньшая степень полноты материальной ответственности за итоги коллективного труда, от коммуны — недопустимость ориентировки материальной заинтересованности членов бригады только на результаты коллективного труда. Современная практика даёт, однако, многочисленные примеры недоучёта этих социальных требований со всеми отрицательными экономическими и социальными следствиями их игнорирования.

Важнейшая социальная функция норм и правил хозяйствования, определяющих социально приемлемые модификации бригадной организации труда, — ограничить права бригадного коллектива в решении вопросов, касающихся социального и экономического положения отдельных работников, для того чтобы не допустить ущемления их интересов и прав. Здесь необходим, во-первых, строгий контроль за соблюдением принципов единой государственной политики в области оплаты труда, с тем чтобы члену бригады как работнику государственного сектора обеспечить гарантии, адекватные планомерному его включению в систему общественного разделения труда: гарантию минимального размера индивидуального заработка за нормируемый минимальный личный трудовой вклад и минимального размера индивидуального дохода при невозможности заработать его по причинам, не зависящим от самого работника; гарантию меры дифференциации индивидуальных заработков внутри бригады в меру различия личных трудовых вкладов. В настоящее вре-

мя в бригадах есть и уравнилельные тенденции, и излишняя дифференциация заработков. Необходим, во-вторых, строгий контроль за тем, чтобы поиск способов повышения трудовой активности не выливался в создание особой бригадной юрисдикции и особой бригадной морали, чтобы бригаде не делегировалось право вершить над рабочими гражданский и моральный суд от имени государства и общества. Подобные тенденции реализуются в ряде случаев в связи со стремлением администрации предприятий переложить на бригаду свои обязанности и свою долю ответственности за нормальную организацию производства и труда, превратить её в некий инструмент автоматического решения сложных задач внутрипроизводственного управления трудом.

Важнейшей социальной функцией норм и правил, регламентирующих деятельность бригад, является также задача не допустить чрезмерного обособления бригады внутри предприятия, чреватого перерождением социалистического отношения к труду в психологию членов обособившейся от коллектива предприятия артели.

Перспективы использования бригадной формы определяются следующими обстоятельствами. Её экономическая роль по существу сводится к восстановлению нормальной интенсивности труда. Резервы экономического роста, которые бригада может мобилизовать при неизменном характере техники, технологии, общехозяйственного механизма, будут, очевидно, исчерпаны в течение ближайшего десятилетия. Долговременная утилизация социальной роли бригадной формы — нормализации отношения к труду, накопления опыта коллективного самоуправления и пр. — возможна лишь в условиях социально направленного научно-технического прогресса и комплексного совершенствования хозяйственного механизма, обеспечивающего большее согласование личных, коллективных и общенародных интересов. В этом случае прогрессивные социальные накопления бригадной формы, если через неё «пройдет» основная масса рабочих, будут использованы за пределами собственно бригадных кол-

лективов, станут одним из моментов трудовой жизнедеятельности коллективов предприятий. В противном случае значение положительных сдвигов в социально-трудовых отношениях будет утрачено. В бригадах начнут устойчиво преобладать либо колхозные, либо уравнилельные, либо артельные тенденции; станут реально возможными перерождение коллективного самоуправления бригад в самоуправление бюрократического типа с противопоставлением интересов управляющих бригадой интересам её коллектива, возврат к администрированию и, как следствие социального перерождения бригад, — снижение трудовой активности рабочих, снижение интенсивности и производительности их труда.

Подводя итоги сказанному об использовании бригад нового типа в качестве фактора интенсификации производства, следует подчеркнуть, что бригада есть метод временного, паллиативного, а не окончательного, кардинального решения социальных и экономических проблем, порожденных несоответствием форм и методов хозяйствования друг другу и реальному современному состоянию общественного воспроизводства. Бригадную форму необходимо развивать в тесной связи с дальнейшим, комплексным совершенствованием системы управления хозяйственными звеньями, с демократизацией всей общественной жизни, с укреплением государственной, хозяйственной и трудовой дисциплины. При этом следует иметь в виду, что реализация намеченной партией стратегии социально-экономического развития неизбежно породит новые формы местного почина, местной инициативы в области организации труда наряду или взамен бригадной формы.

Литература

1. Ленин В.И. Замечания на второй проект программы Плеханова. — ПСС, т. 6, с. 212-238.
2. Ленин В. И. Замечания на комиссионный проект программы. — ПСС, т. 6, с. 241-253.
3. Журнал «Социалистический труд» 1978, № 2; 1979, № 1 и № 12; 1982, № 10.

4. Оников Л.Л., Ракитский Б.В. Сущность и функции социальных компенсаций при социализме. — В сб. «Системный анализ показателей социально-экономического развития на разных уровнях народного хозяйства». Тезисы научной школы-семинара. Брест, 7-12 июня 1982 г., ч. II. Минск, 1982, с. 46-47.

5. Гайдено В. Творчество. — «Философская энциклопедия», т. V, М.: Изд. «Советская энциклопедия», 1970, с. 185-186.

Печатается по тексту публикации в Сборнике трудов ВНИИСИ. Выпуск 2. "Социально-экономические проблемы интенсификации общественного производства" — М: ВНИИСИ, 1983. Стр. 39-53.

ОСНОВНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ ТРУДОВОГО КОЛЛЕКТИВА КАК ОСНОВА ЕГО СИСТЕМНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Возрастание социально-хозяйственной роли трудовых коллективов в условиях демократизации требует углубления научных представлений о системе процессов и отношений, протекающих в форме функционирования трудовых коллективов. Фундаментальный теоретический принцип систематизации знаний — выявление сущности вплоть до самой глубокой её разновидности — основного противоречия системно изучаемого явления.

Основное противоречие социалистического трудового (производственного) коллектива обществоведческой наукой пока что не выявлено. Предлагаемая нами трактовка — первая в этом отношении и в методологическом плане опирается на Марксов анализ основного противоречия капиталистической фабрики.

Социалистическому трудовому коллективу свойственно следующее объективное основное противоречие: противоречие между тенденцией к подчинению трудящегося требованиям всё ещё не адекватной гуманной природе социалистического строя техники и технологии производства (в связи и в меру необходимости обеспечить экономически эффективное функционирование звена) и тенденцией к превращению коллективной трудовой жизнедеятельности в сферу гармоничного развития личности, в сферу самоценной и полноценной трудовой и социальной активности трудящихся (в связи с необходимостью реализации общественных интересов по освобождению труда, по последовательной гуманизации производства), Социализму присущи две главные формы разрешения этого противоречия.

Во-первых, пределом требований коллектива к конкретным работникам должны выступать социальные нор-

мы, регулирующие характер, содержание, условия труда и его оплаты. Общество регулирует также границы применения отношений социального компенсирования в случае, если производственно-технологическая специфика звена предъявляет к работнику более жёсткие требования, нежели установленные социальные нормы. В пределах этих условий трудовой коллектив развивает активность и инициативу работников.

Тенденцию формирования и функционирования трудящихся в качестве частичных (односторонне развитых) работников, питаемую современной материально-производственной базой, трудовой коллектив обязан перетягивать демократическим характером управления производством и трудом. Демократическая организация управления в звене расширяет сферу активности человека, гармонизирует его жизнедеятельность, а тем самым расширяет, гармонизирует, в целом возвышает индивидуальные способности и потребности трудящихся. Такая организация управления необходима как один из способов фактического подчинения экономических критериев эффективности функционирования звена социальным критериям прогресса трудовой жизнедеятельности.

Во-вторых, социалистическое общество должно проводить целенаправленную политику изменения материально-производственной базы функционирования трудовых коллективов. Суть этой политики — создание материально-производственной базы, рассчитанной на гармонично развитого работника.

Важнейшие современные проблемы развития трудовых коллективов и пути их решения определяются тем, что рассмотренное выше противоречие значительно модифицировано из-за длительного отставания механизма хозяйствования от объективных потребностей социалистической практики. Одна из этих проблем — преодоление сложившегося социально-группового обособления администрации хозяйственного звена, противодействующего реальному повышению роли трудящихся в управлении производством, трудом и социальным развитием трудово-

1986

=====

ВСЕСОЮЗНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
СИСТЕМНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Г. Я. Ракитская

ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР

Препринт

го коллектива. Другая проблема — ограничение прав и роли звеньев в формировании принципиального характера технико-технологической базы производства при расширении их прав и роли в области улучшения социально-производственных условий труда.

Для решения названных проблем наиболее существенное значение имеют, на наш взгляд, следующие меры:

- необходимо разработать и внедрить нормы и правила хозяйствования, обеспечивающие реализацию долгосрочной социально-трудовой и вытекающей из неё научно-технической государственной политики, ужесточить контроль за их соблюдением;

- обеспечить функционирование коллектива как полноправного и ответственного органа демократического управления звеном;

- осуществить переход к организационно-правовому регулированию отношений трудового коллектива с государством на основе коллективных договоров с вышестоящими звеньями управления;

- последовательно укреплять хозяйственный порядок, усилить государственный контроль и надзор за соблюдением социальных и экономических прав и свобод личности.

Печатается по тексту в сборнике: «Системное моделирование производства, распределения и потребления (тезисы Всесоюзной школы-семинара) Секция 1,2» /Госплан СССР; Академия наук СССР; Министерство ВнС-СО РСФСР; Воронежский обком КПСС; ВНИИСИ; Воронежский госуниверситет/ – Воронеж. Май 1986. Стр. 14-15.

Москва 1986

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

i. Социально-трудовые отношения и их место в социальном механизме общественного прогресса

1.1. Социально-трудовые отношения социализма как категория науки

1.2. Структура социалистических социально-трудовых отношений

II. Перспективные цели социалистического общества в сфере преобразования трудовой жизнедеятельности

2.1. Стратегические цели социализма по преобразованию трудовой жизнедеятельности

2.2. Формирование адекватного социализму отношения людей к труду — этапная задача

Заключение

Литература

ВВЕДЕНИЕ

Планомерное преобразование социально-экономических отношений в сфере трудовой жизнедеятельности людей (социально-трудовых отношений) — составная часть социально-политической стратегии социалистического государства.

Актуальность исследования принципиальных путей и конкретно-исторических форм совершенствования социально-трудовых отношений в специфических условиях СССР на этапе развитого социализма обусловлена прежде всего необходимостью усилить роль стратегических социально-целевых установок в планомерном изменении общественных условий трудовой жизнедеятельности советских людей. В настоящее время должная социальная направленность общественных процессов, влияющих на положение людей в сфере трудовой жизнедеятельности, не обеспечивается в полной мере в первую очередь из-за того, что перспективные потребности общества (долгосрочные цели) в области развития способов трудовой жизнедеятельности людей не определены с той степенью строгости и полноты, которая необходима сегодня для реализации функций долгосрочного социально-экономического, и научно-технического прогнозирования и планирования, для практического освоения программно-целевого метода управления трудом. Многие из социально-экономических задач, определивших преобразования в сфере труда в предшествующие периоды, уже решены в СССР. Другие же, которые были ранее весьма далекой перспективой и не требовали поэтому детализации, в историческом плане существенно приблизились. Из-за отсутствия достаточно конкретизированных применительно к современным условиям целевых установок на перспективу фактические способы трудовой жизнедеятельности людей формируются и складываются сейчас в значительной мере либо как социальные последствия научно-технического развития производства, либо как следствия и формы ре-

шения текущих экономических и социальных проблем локального масштаба (отраслевого, регионального, низового хозяйственного звена), а не как планомерные результаты реализации общегосударственной долговременной социальной политики в сфере труда. Требуется более тесная увязка всех текущих и рассчитанных на перспективу научно-технических, организационных, хозяйственных решений с единой долговременной стратегией дальнейшего совершенствования социально-трудовых отношений, конкретизированной с учётом уже достигнутого уровня их развития и с учётом современных достижений марксистско-ленинского обществоведения в области исследования целей и путей социального прогресса. В связи с этим всё более настоятельными в теоретическом и практическом планах становятся систематизация и конкретизация содержания перспективных и ближайших целей по преобразованию способов трудовой жизнедеятельности социалистических работников в целом, отдельных социальных групп, определение субординации различных целей и очерёдности их достижения.

Актуальность исследования стратегии дальнейшего совершенствования социально-трудовых отношений обусловлена также историческими координатами современной стадии развития советского общества. Важнейшая особенность этой стадии определяется тем, что она — начало этапа развитого социализма. Для неё специфичны наличие и необходимость решения ряда задач, относящихся по своему характеру к предшествующим этапам. Именно с нерешённостью таких задач связано возникновение ряда негативных явлений, ряда устойчивых негативных тенденций в развитии социально-экономических процессов, многих социально острых экономических проблем, в том числе и в сфере трудовой жизнедеятельности людей. Разработка стратегии становления зрелых (адекватных развитому социализму) форм социально-трудовых отношений с учётом необходимости нормализации общественных процессов очевидна. Ясно также, что конкретно-историческая стратегия неизбежно должна отличаться от

теоретико-логической линии перерастания социалистического труда в труд коммунистический, поскольку в перспективные задачи встраиваются нерешённые на прежних этапах, а также задачи до устранения отрицательных последствий предшествующего развития.

Одна из предпосылок реализации такого подхода к перспективному прогнозированию и долгосрочному планированию труда — наличие чётких критериев разделения уже сложившихся и современных новых явлений и тенденций на позитивные (соответствующие социалистической линии прогресса) и негативные (не соответствующие этой линии). Однако ни обоснованной системы таких конкретно-исторических критериев, ни строгой развёрнутой методологии их разработки не существует. В связи с этим в предмет исследования социально-трудовых отношений должны войти следующие задачи: конкретизация целей общества в сфере труда до уровня системы конкретно-исторических критериев прогрессивности социальной динамики; осмысление реальной ситуации с использованием этих критериев и выявление глубинных причин устойчивых негативных тенденций; использование результатов такого целенаправленного анализа действительности для определения основных, ключевых для современных условий социально-трудовых проблем.

В настоящее время из-за отсутствия теоретических обобщений, базирующихся на единых представлениях об адекватных развитому социализму способах трудовой жизнедеятельности, определение путей и перспектив преобразования труда основывается, как правило, на представлениях о необходимости ликвидации и предотвращения достаточно очевидных отрицательных явлений, решения уже возникших в сфере труда острых социально-экономических проблем. Подобный "негативный" способ задания целей заведомо снижает реальную значимость прогнозных работ, существенно ограничивает возможность эффективного их использования в качестве одной из основ разработки долгосрочных социальных программ и оценки социальной эффективности осуществляемых или

намечаемых хозяйственных мероприятий по интенсификации общественного производства. Необходим переход к "позитивной" постановке перспективных целей в области преобразования труда, т.е. к их формулировке под углом зрения того нового, что должно возникнуть, а не того только, что должно быть ликвидировано, преодолено. Перспективные цели должны задавать принципиально новые рубежи в прогрессивном преобразовании труда, определять очередную качественно новую ступень его развития.

В настоящей работе изложены результаты, полученные автором в ходе исследования названных выше теоретико-методологических задач. Работа является, по нашему мнению, необходимым этапом разработки такой концепции совершенствования социально-трудовых отношений, которая могла бы выполнить целезадающую (в области развития сферы труда) роль при прогнозировании и выборе принципиальных путей и конкретных направлений долгосрочной экономической и научно-технической государственной политики. Она может способствовать целенаправленному обобщению большого аналитического материала, накопленного советскими исследователями, по фактическим формам, факторам и результатам осуществления социально-трудовых процессов.

Главный замысел работы — изложить суть целенаправленного исследования социально-трудовых отношений, показать его необходимость и преимущества — полностью отвечает современному образу научного мышления, ориентированному на обеспечение системности анализа социально-экономических процессов. Непосредственной теоретической опорой при реализации целенаправленного исследования социально-трудовых отношений автору служила разработанная им ранее (см. [13]) общая концепция социально-экономической эффективности социалистического общественного производства и научно-технического его прогресса.

I. СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ИХ МЕСТО В СОЦИАЛЬНОМ МЕХАНИЗМЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОГРЕССА

I.1. Социально-трудовые отношения социализма как категория науки

Общее определение социально-трудовых отношений

Социально-экономические отношения в сфере трудовой жизнедеятельности — первое, самое общее определение социально-трудовых отношений.

Трудовая жизнедеятельность — один из четырёх классов процессов в структуре жизнедеятельности людей в современном обществе. Другие сферы жизнедеятельности — семейно-бытовая, досуговая, общественно-политическая. Таким образом, данное выше общее определение социально-трудовых отношений указывает, во-первых, на место объекта исследуемых отношений в структуре общественных процессов.

Здесь уместно отметить, что в основу классификации общественных процессов на сферы индивидуальной жизнедеятельности и на сферы воспроизводства положены различные и независимые признаки. Сферы жизнедеятельности составляют объективную логическую структуру жизни индивидов. Сферы общественного воспроизводства (производство, распределение, обмен, потребление) выделены в соответствии с объективной логической структурой движения ресурсов в обществе. Формы и результаты движения общественных ресурсов выступают по отношению к жизнедеятельности человека экономическими условиями и материальными средствами существования и развития человека, т.е. объективными условиями удовлетворения потребностей людей, порождаемых всеми сферами (процессами) их жизнедеятельности.

Данное выше общее определение социально-трудовых отношений указывает, во-вторых, на целостный

обществоведческий подход к анализу отношений в сфере трудовой жизнедеятельности.

Встречающиеся в литературе суждения о том, к какой области явлений относятся отношения в сфере труда (к экономической ли, социальной, организационной или социально-психологической и т.п.), отражают неправомерный взгляд на общественную реальность, который существует в силу разделённости исследований на различные специальные общественные науки. Каждая из этих наук, не умея наладить взаимодействие с другими в исследовании труда, стремится изобразить трудовые отношения в целом как часть своего предмета. На деле же единый объект (трудовая жизнедеятельность людей) искусственно "разрывается" различными фундаментальными и конкретными общественными науками, а потому получить выводы, значимые для теории и практики социалистического управления трудом, невозможно без междисциплинарной координации исследований, которую, однако, осуществить весьма сложно.

Целостный обществоведческий подход к изучению труда означает, что исследователь с самого начала и в ходе всего анализа применяет всю совокупность теоретико-методологических научных знаний о взаимосвязях общественных процессов и отношений. Стремление следовать этому принципу выражено в данном нами общем определении социально-трудовых отношений как отношений социально-экономических (а не, скажем, только экономических).

Для определения стратегии совершенствования способов трудовой жизнедеятельности людей деление отношений по поводу этой жизнедеятельности на экономические (базисные, не зависящие от воли и сознания людей) и социальные (как надстроечные или часть надстроечных) не имеет практического смысла, неприменимо. Действительно, для человека важны все условия трудовой жизнедеятельности — всё, что влияет на развитие индивидуальных свойств его личности, а тем самым и на его образ жизни. В то же время способ жизнедеятельности лю-

дей (их образ жизни) не определяется лишь объективными условиями. Он всегда опосредуется индивидуальным осознанием объективных обстоятельств, является проявлением субъективного отношения человека к объективным условиям удовлетворения его потребностей. В жизнедеятельности человека объективное и субъективное нераздельно слиты, едины, могут быть лишь искусственно разорваны формально-логическим анализом. Это не значит, что, исследуя пути преобразования образа жизни, надо перейти исключительно в область действия индивидуальных сознаний, в область психологическую. Это значит, что в нашем исследовании следует опираться на представление о человеке как о совокупности всех общественных, а не только экономических отношений¹⁸

Конечно, сказанное не означает, что все факторы, влияющие на характер и конкретные формы жизнедеятельности людей, являются равнозначными, а потому должны исследоваться с равной степенью конкретности. В зависимости от задач исследования определённые причинно-следственные связи оказываются в центре внимания, а потому должна доминировать в исследовании та или иная сторона обществоведческих знаний и её специфические методы анализа и обобщения. Мы, следовательно, вправе и обязаны перейти от общего определения социально-трудовых отношений к более содержательному, отражающему их сущность как составной части целенаправленно развивающихся социалистических общественных отношений.

¹⁸ *Критика одностороннего выпячивания экономических факторов дана классиками [см.2, с. 394-395, 396; 3, с. 82- 84; 4, с. 151; 5, с. 149 и др.].*

**Сущность социалистических
социально-трудовых отношений.
Целевая направленность — неперенная
предпосылка их структуризации**

Сущность социально-трудовых отношений при социализме состоит в том, что они — отношения по поводу планомерного становления социалистических способов трудовой жизнедеятельности и их преобразования в зрелые (адекватные развитому социализму) формы социалистического образа жизни.

Приведённое определение констатирует существование жёсткой целевой направленности развития социально-трудовых отношений при социализме, подчинённость преобразования способов трудовой жизнедеятельности людей специфически социалистическим общественным целям. Именно эта целенаправленность требует, чтобы развитие труда осуществлялось планомерно.

Содержание социально-трудовых отношений, являясь более конкретной их характеристикой, нежели сущность, хотя и не определяется ею целиком и может быть поэтому (в отличие от сущности) представлено вариантно, в то же время должно быть понято и описано лишь с учётом их сущности. Введённое нами определение означает, что описание объективно необходимых форм становления и развития социально-трудовых отношений нельзя дать в отрыве от представления о самих целях социалистического общества в области труда. Поэтому между определением сущности ж анализом содержания социально-трудовых отношений должен лежать анализ социально-экономических целей преобразования труда. Другими словами, важнейшие процессы и взаимосвязи, составляющие объективное содержание (структуру) социалистических социально-трудовых отношений, нельзя, не имеет смысла обозначать даже в самом общем плане без достаточно определённых утверждений о социалистических целях развития труда.

**Сознательно-трудовой образ жизни —
общественная норма социализма**

Первое, что следует сказать о целях социалистического общества в сфере труда, — это то, что при социализме должно кардинально измениться место труда в обществе.

Труд всегда был и остаётся основой развития человечества, главной сферой жизнедеятельности людей. Но это не тождественно тому, что подготовка к труду, собственно трудовая деятельность в период трудоспособности и послетрудовой период жизни всегда были необходимыми моментами жизнедеятельности каждого члена общества. Напротив, для антагонистических формаций характерно качественное различие образа жизни разных социально-классовых групп и в первую очередь существенно различная роль труда в их жизнедеятельности. Так, способ жизнедеятельности капиталистического класса по своей внутренней сущности — нетрудовой. Поэтому социально обусловлен (и в этом смысле нормален) для людей этого класса нетрудовой тип индивидуальной жизнедеятельности, хотя реальные индивидуальные судьбы могут складываться и по трудовому (точнее, трудоподобному) типу. Образ же жизни наёмных работников является по своей внутренней сущности вынужденно-трудовым. Он включает в себя, в частности, такое закономерное для жизни наёмного класса в целом явление, как безработица. Поэтому для реальных индивидуальных судеб наёмных работников периоды лишения возможности работать — явление нормальное (если норму понимать как социальную обусловленность явлений, а не как его этическую или какую-либо иную оценку).

Социалистическая революция передаёт руководство производством и обществом в руки трудящихся прежде всего именно для того, чтобы уничтожить эксплуатацию, а затем преодолеть социальные различия между трудящимися, "сделать всех — работни-

к а м и " [6, с.277]. При этом право каждого на труд и его обязанность трудиться неразрывны ж только вместе выражают неэксплуататорскую природу строя и направленность его развития на интересы лишь трудящихся.

Обозначая глубочайшую историческую перемену в характере труда при переходе от капитализма к социализму, все мы чаще всего упоминаем освобождение труда от эксплуатации. Это правильно. Но это лишь негативная характеристика объективно необходимой и исторически значимой перемены. Задумаемся над тем, как охарактеризовать эту перемену, так оказать, в позитивных терминах. Ведь можно ответить на вопрос "освободить от чего", а можно ответить ещё и на вопрос "для чего освободить". Так вот: для чего социализм освобождает труд от эксплуатации? Ответ однозначен: происходит поворот от вынужденно-трудового образа жизни рабочего класса и всего трудового народа к сознательно-трудовому или, что то же самое, добровольно-трудовому образу жизни.

Кстати, только осознание коренной исторической перемены в характере труда под углом зрения того нового, что возникает, под углом зрения становления сознательно-трудового образа жизни позволяет правильно понять новое, присущее только социализму соотношение ряда общественных явлений. Приведём пример, наиболее важный для нашего исследования.

Возьмём диалектику, соотношение права на труд и обязанности трудиться. В условиях сознательно-трудового образа жизни право на труд выступает как одно из важнейших конституционных прав и свобод личности, как право на применение способностей и в то же время право на развитие личности. Государство при этом обязано создавать и развивать систему общественных гарантий права на труд. Но — и это чрезвычайно важно! — каждый трудоспособный обязан в социалистическом обществе воспользоваться своим правом на труд, притом в полном объеме. Вся система государственного и общественного воздействия на человека (включая правопорядок, мораль, общественное мнение и т.д.) должна быть направлена при социа-

лизме на формирование у человека сознательного, добровольного стремления осуществить своё право на труд и тем самым выполнить обязанность трудиться.

В этом ракурсе специфически социалистическое содержание приобретает и понятие ответственности человека перед обществом. Обязанности а ответственность являются социальной характеристикой положения человека в обществе, корреспондирующей системе гарантий как ответственности общества перед человеком. Оставляем в стороне вопрос о конкретном механизме взаимоувязки ответственности я гарантий. Нам важно подчеркнуть новую для истории, не существовавшую до социализма их органическую сопряжённость.

Итак, социализм по сути своей не приемлет принудительные методы привлечения людей к труду. Основой трудового образа жизни членов социалистического общества должен быть сознательный, добровольный общественно полезный труд как составная часть социально активной и гуманистически направленной жизнедеятельности людей. Сознательно-трудовой образ жизни всех классов, всех социальных групп, каждого человека — общественная норма социализма. Отклонения индивидуальных способов жизнедеятельности от трудового образа жизни, если они приобретают достаточно массовый устойчивый характер, — свидетельство серьёзных недостатков в механизме социально-экономического развития. (Это не относится, естественно, к переходному периоду от капитализма к социализму, для которого были характерны в ряде стран многоукладная экономика, безработица и пр.)

Конечно, не любой труд (не трудовая жизнедеятельность как таковая) отвечает коренным интересам трудящихся. Качества труда и самого человека, соответствующие коммунистическому и социалистическому идеалам, — предмет второго раздела работы как следующего шага анализа целей социализма в сфере труда. Пока же рассмотрим содержание социально-трудовых отношений, опираясь на сказанное о месте труда в жизни членов социалистического общества.

1.2. Структура социалистических социально-трудовых отношений

Отношение к труду — основополагающий элемент социально-трудовых отношений

Чтобы направить активность человека в русло сознательно-трудового образа жизни, общество формирует и выдвигает перед ним определённые условия — стимулы в труду.

Стимулы к труду связывают материальное вознаграждение, которое общество гарантирует индивиду, и другие гарантируемые ему вознаграждающие условия с определёнными общественными требованиями к индивиду. Это, во-первых, требования к количеству и качеству результатов труда. Это, во-вторых, требования к способам достижения результатов (нормы и правила поведения человека в общественном производстве). И, наконец, требования общества к способностям человека к труду — к его профессиональной подготовке, уровню квалификации, инициативности, самостоятельности и пр. Гарантируя индивиду те или иные вознаграждающие условия лишь при выполнении тех или иных общественных требований, стимулы тем самым содержат информацию и об ответственности человека перед обществом в сфере труда.

Стимулы к труду — только одна из предпосылок добровольности (сознательности) трудового образа жизни и добросовестного исполнения человеком необходимых с точки зрения общества трудовых функций. Есть ещё две необходимые предпосылки:

— наличие у человека личного интереса к тому или иному труду, возникающего лишь при соответствии выдвигаемых обществом вознаграждающих условий осознанным личным потребностям индивида;

— оценка индивидом того или иного труда как сильного для него, т.е. осознанное им соответствие общественных требований своим реальным индивидуальным

возможностям (фактическим способностям к труду или же возможностям сформировать необходимые трудовые потенции).

Процесс сопоставления, сознательного соотнесения человеком стимулов к труду со своими потребностями и реальными возможностями и есть процесс формирования его отношения к труду как субъективного отношения к кругу совершенно объективных обстоятельств.

Мы можем теперь дать следующее определение.

Отношение к труду — это форма индивидуального сознания, выражающая зависимость степени приятия или неприятия индивидом реально доступных ему в данном обществе условий трудовой жизнедеятельности от уровня и реальных возможностей развития в данном обществе самого человека (его потребностей и способностей).

Очевидно, что человек может добровольно принять на себя соответствующие обязательства перед обществом в сфере труда (т.е. сознательно принять ограничения на свободу своего поведения в этой сфере) лишь при определённом соотношении стимулов к труду, личных интересов и оценки индивидом своих возможностей. При их соответствии друг другу складывается личная заинтересованность в труде и ответственное отношение личности к нему¹⁹.

¹⁹ *Наше представление о сущности этих категорий является обобщением и развитием следующей позиции, касающейся сущности материальных стимула, интереса и материальной заинтересованности:*

"Стимул устанавливает связь размера вознаграждения (дохода) с объёмом и качеством деятельности, направленной на достижение более общего ... интереса", а интерес "связывает размер вознаграждения с величиной необходимых потребностей". "Материальная заинтересованность складывается на основе определённого сочетания (соизмерения) стимула и интереса". В ней "проявляется взаимосвязь трёх объективных экономических явлений: количества и качества общественно полезной

Заинтересованное и ответственное отношение к труду — этим выражается взаимосвязь интересов личности и интересов общества в сфере труда при социализме, обеспечивающая сознательность и общественно полезную направленность трудового образа жизни индивидов.

Тезис о необходимости соответствия стимулов интересам людей и их способностям вовсе не равнозначен тезису о манипулировании людьми во имя каких-то целей, не связанных с их интересами, или же во имя целей, связь которых с их интересами им самим не ясна, ими не осознана. Напротив, при отлаженности социального и экономического механизмов социалистического хозяйствования общественные требования к индивиду в сфере труда определяются содержанием единой для всех трудящихся стратегической направленности их интересов на создание условий для свободного развития каждого и всех членов общества. При этом реальность прогрессивного (по социалистическим критериям) развития общества обеспечивается как активностью всех трудящихся в сфере управления, так и отсутствием монополии каких-либо социальных групп, слоёв, классов на решающее средство (условие) общественно-экономического прогресса при социализме — на постановку целей общества и на выбор наилучшей стратегии и тактики движения к ним. Широкий демократизм общенародного социалистического государства, суть которого составляет реальный доступ (реальное представительство) всех социально-классовых групп к управлению общественно-экономическими процессами и благодаря этому учёт интересов всех этих групп в общественном прогрессе, — это момент сущностной специфики социалистического способа производства, общая социальная основа сознательно-трудового образа жизни.

Организационные формы, в которых при социализме происходит выдвижение и конкретно-историческое ранжирование общественных целей, не входят в предмет

деятельности, реального дохода (поощрения, вознаграждения) я уровня развития потребностей" [14, С.49-50].

нашего исследования. Более того, отношения по поводу выдвижения целей преобразования самого труда оставлены нашим определением сущности социально-трудовых отношений за рамками этих отношений. Это, конечно, не случайно: при социализме отношения по поводу целеполагания относятся к сфере социально-политических отношений. Социально-трудовые отношения начинаются там, где проявляется воздействие политических решений на условия и способы трудовой жизнедеятельности. Однако, оставив процесс общественного целеполагания вне сферы социально-трудовых отношений, мы вовсе не разорвали органическое единство целенаправленности развития труда с социально-трудовыми отношениями. Наше исследование подчинено как раз раскрытию этой органической взаимосвязи.

Отношение к труду — основополагающий элемент социально-трудовых отношений и важнейшая характеристика отношения человека к обществу в целом. Оно является сущностным моментом образа жизни людей и внутренним содержанием их трудовой жизнедеятельности. Оно определяет характер их социального (в том числе трудового) поведения.

Отношение людей к труду может быть, конечно, рассмотрено как социально-психологическая категория. В этом случае в поле зрения исследователя попадают явления такого уровня конкретности, который отражает сходство и различия типов индивидуального психологического склада, специфику окружающей человека социальной среды. Однако в контексте поиска путей формирования социалистических способов трудовой жизнедеятельности необходимо и достаточно рассматривать отношение к труду в его социально-экономической определённости. Это значит, что система личных потребностей и система общественных стимулов к труду, социальные гарантии и формы ответственности индивида в сфере труда, направленность и способы развития личности должны быть рассмотрены в том их качестве, которое закономерно определяется спецификой общественного строя.

Способен ли и должен ли социализм создать и утвердить единый, общий для всех членов общества тип отношения к труду, за рамки которого не выходят (при всём их разнообразии) особенности отношения к труду отдельных социальных групп, отдельных людей? А если способен, то каковы средства решения этой проблемы? Ответить на эти вопросы — это значит решить задачи, которые мы поставили в качестве предмета нашего исследования.

Сознательно-трудовой образ жизни как форма реализации заинтересованного и ответственного отношения к труду — наиболее общая социальная характеристика образа жизни и способа трудовой жизнедеятельности, адекватная положению трудящихся в социалистическом обществе. Однако такое представление о социальной сути трудовой жизнедеятельности абстрагируется от того, что эту жизнедеятельность составляют различные по содержанию конкретные процессы и что она разворачивается во времени. Социалистический характер отношения к труду и трудового образа жизни должен обеспечиваться определёнными чертами всех структурных составляющих трудовой жизнедеятельности. Учёт структуры трудовой жизнедеятельности позволит охарактеризовать содержание социально-трудовых отношений в более полном объеме.

Качественную определённость (социальную специфику) структуры трудовой жизнедеятельности индивидов необходимо выводить из того, что в условиях социализма каждый член общества должен формироваться, существовать и развиваться как трудящийся, т.е. как человек, способный принимать и действительно принимающий (в меру способностей к труду) участие в созидательной деятельности общества.

Мы различаем абстрактно-логическую и реальную структуру индивидуальной трудовой жизнедеятельности.

Абстрактно-логическая структура индивидуальной трудовой жизнедеятельности

Абстрактно-логическая структура социально-экономических процессов — известный методологический приём историко-материалистического, в том числе и политико-экономического анализа. Наиболее известный экономистам пример подобной структуры — Марксова характеристика структуры воспроизводства в виде фаз производства, распределения, обмена в потребления. Абстрактно-логическая структуризация социально-экономических процессов незаменима как предпосылка научного выявления их законов и категорий, т.е. выявления объективного, устойчивого в явлениях и процессах, необходимого, служащего причиной качественной определённости конкретных форм движения.

Выявляя абстрактно-логическую структуру индивидуальной трудовой жизнедеятельности, мы вправе абстрагироваться от той реальной последовательности (реального чередования) конкретных событий трудовой жизни, которая обусловлена индивидуальностью, единичностью отдельных человеческих судеб. Мы вправе выявить структуру трудовой жизнедеятельности совокупного трудящегося социалистического общества. Все её элементы воплощаются в индивидуальных трудовых судьбах. Но "собрав" их воедино, абстрагировавшись от индивидуального (единичного) и от социально-группового (особенного), мы получим возможность в высокой мере типизировать процессы трудовой жизнедеятельности, не утратив их качественной реальности, и тем самым вычленим те виды отношений, закономерности формирования и развития которых станут для нас сущностными характеристиками индивидуальных трудовых судеб. То есть мы обращаемся к структуре трудовой жизнедеятельности совокупного трудящегося ради выявления тех типичных процессов, разнообразное сочетание которых даёт индивидуальные трудовые судьбы.

Мы уже подчёркивали выше, что изучаем специфически социалистические социально-трудовые отношения. Гуманистическая социальная природа этих отношений должна быть в должной мере учтена в выявляемой нами типологии социально-трудовых процессов.

Исходя из сказанного, предлагаем следующую абстрактно-логическую структуру индивидуальной трудовой жизнедеятельности в социалистическом обществе.

1. Развитие способностей к труду (включая их воспроизведение) не иначе как составной части гуманистически направленного развития личности. Это означает подход к формированию способностей к труду как к решающему средству обеспечения все большей свободы личности в обществе.

2. Применение (реализация) способностей не иначе как на поприще общественно полезной деятельности. (Критерием общественной полезности служит при этом направленность деятельности на обеспечение общественного прогресса как движения к полному социальному равенству). Это означает несовместимость с социализмом любых видов эксплуататорской, паразитической, вредной обществу деятельности. Это означает также непризнание общественно нормальной такой трудовой судьбы, которая базируется на интеллектуально-созерцательной деятельности или на так называемом свободном ("чистом") творчестве. Высокий статус познавательной и творческой деятельности при социализме несовместим с наукой ради науки, с творчеством ради творчества, т.е. не приемлет трудовую жизнедеятельность, очищенную, свободную от общественно полезной гуманистической направленности, от моральной ответственности за результаты деятельности.

3. Необходимое и достаточное соответствие возможностей приложения (применения) способностей к труду состоянию постоянно развивающихся способностей к труду. Это означает, во-первых, недопустимость безработицы, т.е. недоступности общественно полезного труда в меру трудоспособности для кого-либо

из членов общества. Это означает, более того, недопустимость недоиспользования способностей к труду (по причине нехватки соответствующих рабочих мест; из-за несоответствия фактически вменяемых трудовых функций профессиональной подготовке и квалификации работника; из-за отсутствия достаточного разнообразия конкретных форм организации трудового процесса), т.е. недопустимость частичного отстранения трудящегося от в полной мере активного участия в осуществлении общественного прогресса. Это означает, в-третьих, непризнание общественно нормальной такой трудовой судьбы, в которой угасание способностей к труду происходит не под воздействием факторов лишь естественно-физиологического характера, но и по причине реальной недоступности видов деятельности, сохраняющих (воспроизводящих) и развивающих социально значимые свойства личности.

Трудовая судьба как ключевой компонент индивидуальной жизнедеятельности

Из позиции, занятой нами в отношении абстрактно-логической структуры трудовой жизнедеятельности, вытекает, что в условиях социализма социально значимо, ценно для общества осуществление индивидуальных трудовых судеб по вполне определённого типу. Однокачественность реальной структуры индивидуальной трудовой жизнедеятельности и структуры трудовой жизнедеятельности совокупного трудящегося — вот принципиальное требование социализма к трудовым судьбам каждого и всех членов общества.

Категория "тип реальной структуры индивидуальной трудовой жизнедеятельности" (или, что то же самое, "тип реальной трудовой жизнедеятельности", "тип трудовой судьбы") вводится нами как результат обобщения следующих двух взаимосвязанных явлений: наличия множества различных конкретно-исторических форм организации трудовой жизнедеятельности, опосредующих реализацию её абстрактно-логической структуры; наличия

множества различных по структуре трудовых жизненных циклов конкретных людей.

К конкретно-историческим формам организации трудовой жизнедеятельности — будем называть их далее институциональными формами сферы труда или же просто формами реальной трудовой жизнедеятельности — мы относим как планомерные государственные формы организации (методы, механизм реализации) социально-трудовых процессов, так и сложившийся вопреки или в дополнение к ним фактический порядок осуществления этих процессов, в том числе и такие формы стихийной их организации, которые (именно из-за отсутствия планомерности) не обеспечивают необходимое содержание жизнедеятельности.

В систему институциональных форм сферы труда входят:

1) порядок получения образования, формы профессиональной подготовки и переподготовки людей. Они опосредуют развитие способностей к труду, а, следовательно, степень реальной доступности для индивида трудовой жизнедеятельности и тех или иных конкретных занятий на протяжении его жизни;

2) правила и формы трудоустройства (в том числе изменения места работы), действующие в рамках общественно организованного производства, а также порядок организации и условия функционирования индивидуальных хозяйств и промыслов. Эти институциональные формы опосредуют применение человеком своих способностей к тем или иным конкретным занятиям, а следовательно, степень его причастности к общественно полезной деятельности и уровень реальных возможностей развития (в том числе воспроизведения) социально значимых свойств личности;

3) формы организации труда как такового, опосредующие степень фактической реализации индивидуальных способностей и уровень возможностей развития личности в процессе трудовой деятельности:

а) система профессий и должностей как способ специализация трудовых функций и их комбинирования;

б) нормы, правила и фактический порядок использования трудовых ресурсов в звеньях хозяйства (в том числе режим работы и отдыха; система охраны труда; порядок регламентации условий труда; механизм компенсации неблагоприятных условий труда);

в) системы внутрипроизводственного управления трудом (в том числе методы нормирования труда; системы и формы оплаты труда; механизм соревнования в процессе труда и пр.);

4) правила и нормы, определяющие порядок прекращения участия людей в общественном производстве и условия жизни людей, временно, частично или окончательно утративших трудоспособность. Эти институциональные формы (в меру тесноты их связи с характеристиками трудовой деятельности — видами труда, уровнем его оплаты, трудовым стажем и пр.) опосредуют выбор человеком конкретных занятий, степень и длительность периода его общественно полезной трудовой активности, а следовательно, степень использования человеком предоставляемых ему обществом возможностей развития личности и фактической реализации способностей к труду.

Системой институциональных форм принципиально ограничивается разнообразие возможных вариантов реальной трудовой жизнедеятельности людей. Каждый из таких вариантов складывается как последовательность функционально различных (по роли в жизни человека), стадий индивидуального трудового жизненного цикла, т.е., характеризуется определённой структурой этого цикла. Современные формы организации труда, свойственные индустриальной ступени его обобществления (в том числе профессионально-должностное разделение и закрепление труда), определяют некую единообразную структуру трудового жизненного цикла для подавляющего большинства трудящихся, а именно следующую последовательность его стадий:

— общеобразовательная подготовка;

— включение в производство в качестве исполнителя определённых трудовых функций (с предваряющей это включение специальной профессиональной подготовкой к труду или без неё);

— трудовая деятельность, т.е. труд как таковой (совмещаемый со специальным профессиональным обучением или без него);

— перемещение в системе общественного разделения труда (с предваряющей его профессиональной подготовкой, повышением квалификации или без них);

— выход из системы общественного разделения труда в связи с утратой трудоспособности (перевод в группу общественных иждивенцев).

Под влиянием конкретных обстоятельств в пределах очерченной выше наиболее массовидной структуры трудового жизненного цикла в обществе одновременно реализуются существенно различные трудовые судьбы. Нас интересуют существенные социально-экономические их различия, т.е. такие различия составляющих трудовую судьбу форм реальной трудовой жизнедеятельности, которые, опосредуя степень реализации её абстрактно-логической структуры, приводят к существенной дифференциации людей по уровню и характеру динамики (от стадии к стадии трудового жизненного цикла) развития их способностей к труду и социально значимых свойств личности в целом. Существует при этом закономерная связь между стадиями трудового жизненного цикла: формы реальной трудовой жизнедеятельности на каждой стадии определяют, в каких формах может протекать следующая (следующие).

Социальный тип реальной трудовой жизнедеятельности (трудовой судьбы) — это, следовательно, совокупность взаимообусловленных по последовательности конкретных форм трудовой жизнедеятельности индивидов, которая воплощается в качественно определённых уровне и направленности развития личности индивида-субъекта трудовой судьбы (в том числе развития его способностей к труду), от которых зависит степень доступности индивиду тех или иных форм участия в созидательной деятельности общества.

Социальный тип реальной трудовой жизнедеятельности характеризует одну из сторон социально-экономического положения трудящихся в социалистическом обществе (логично называть её социально-трудовым благосостоянием) и является одним из наиболее существенных параметров, формирующих его социально-классовую структуру.

Существует, очевидно, причинно-следственная связь между социальными типами реальной трудовой жизнедеятельности и отношением к труду субъектов этих типов, т.е. социально-классовых групп общества. Следует, однако, иметь в виду, что особенности в отношении людей к труду, поскольку оно есть форма индивидуального сознания, гораздо многообразнее, нежели разнообразие типов реальной структуры трудовой жизнедеятельности, и не связаны с этой структурой жёстко, однозначно. Имеет место к тому же и обратная зависимость — отношение к труду активно влияет на структуру трудовой и всей жизнедеятельности индивида. При этом существенно важным фактором при формировании трудовой судьбы является оценка индивидом перспектив своей трудовой жизнедеятельности, оценка реальности осуществления для него тех или иных возможностей в данном обществе. В отношении к труду, следовательно, в существенной мере проявляется уровень фактически достигнутого в обществе социально-экономического равенства как степень реальной свободы людей в области формирования своей трудовой судьбы по типу, отвечающему индивидуальным целевым ориентациям.

Итак, проблема типизации отношения к труду в условиях социализма тесно связана с проблемой типизации реальной структуры трудовой жизнедеятельности. Средства, обеспечивающие единый, общий для всех членов общества тип её реальной структуры, за рамки которого не выходят особенности трудовых судеб отдельных социальных групп, конкретных людей, — это одновременно и средства обеспечить единое направленное развитие отношения всех людей к труду.

II. ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ЦЕЛИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В СФЕРЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ТРУДОВОЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

2.1. Стратегические цели социализма по преобразованию трудовой жизнедеятельности

Определяя содержание стратегических целей социализма в области преобразования труда, не следует, да и невозможно детально описывать конкретные условия будущей (коммунистической) трудовой жизнедеятельности, в том числе конкретные институциональные формы её организации. Стратегическими целями должны задаваться ориентиры развития, принципиально некорректируемые в ходе истории. Попытки преждевременной, необоснованной детализации чреваты навязыванием прогнозным разработкам произвольной, субъективистской целенаправленности.

Нельзя ли, однако, обойтись при прогнозировании формулировкой целей, подлежащих реализации лишь в рамках принятого ныне двадцатилетнего прогнозного горизонта? Или обойтись, по крайней мере, формулировкой целей очередного этапа в развитии социалистического труда, значительно превосходящего, надо полагать, по длительности двадцатилетний период? На эти вопросы мы даём отрицательный ответ. Социальные задачи прогнозируемого периода нельзя рассматривать независимо от этапных целей (т.е. целей, достижение которых ознаменует переход социально-трудовых отношений на качественно новую ступень их развития), поскольку вне ориентации на этапные цели прогноз теряет качественную определённость, исчезает граница между социально приемлемыми и социально неприемлемыми вариантами прогноза. В то же время содержание самих этапных целей объективно обусловлено не столько исходным уровнем развитости условий трудовой жизнедеятельности, сколько ролью данного этапа как очередного шага по пути движе-

ния к стратегическим целям, иначе говоря, содержание этапных целей следует формулировать в тесной связи со стратегической социальной направленностью развития сферы труда. Поэтому экскурс в область будущего (коммунистического) способа трудовой жизнедеятельности — не прихоть исследователя, не интеллектуальная игра, не жанр социальной фантастики. Это — необходимый момент научного обоснования целевой ориентации долгосрочного прогноза развития труда, следовательно, один из моментов самого прогнозирования.

Итак, характеризуя стратегическую направленность преобразования труда, необходимо определить сущностные (закономерные, коренные) черты адекватных полному коммунизму отношений в сфере трудовой жизнедеятельности. Как подойти к такому описанию? Из проведённого нами выше анализа структуры социально-трудовых отношений вытекает, что плавное социальное их содержание выражают присущие данному общественному строю отношение людей к труду и тип реальной трудовой жизнедеятельности»

Общий подход к выявлению стратегической направленности развития отношения к труду

При выявлении стратегической направленности развития отношения людей к труду следует в полной мере учитывать необходимость реализации обоснованного марксистско-ленинской обществоведческой наукой идеала, определяющего место труда в жизнедеятельности членов будущего коммунистического общества. Идеал этот выражен классической формулой: превращение труда в первую жизненную потребность каждого человека. Другими словами, труд должен стать важнейшим из самоценных социальных благ²⁰. Стало быть, раскрывая суть коммунистиче-

²⁰ Напомним, что альтернативой обществу, в котором труд — самоценное благо, является (в условиях высокого

ского отношения к труду, мы должны указать, каковы принципиальные черты социального механизма, обеспечивающего сознательное и полное приятие индивидом труда в качестве способа своего существования. А для этого потребуются охарактеризовать социальную специфику личности в коммунистическом обществе (т.е. качественную специфику системы личных потребностей и уровня развитости индивидуальных способностей), а также социальную специфику стимулов к труду, выдвигаемых этим обществом.

Стратегическая направленность развития социальной специфики личности

Специфику личных социально-экономических потребностей членов коммунистического общества (по нашей терминологии, стратегических, или коренных личных интересов социалистических трудящихся) мы выявим, конкретизируя следующее представление о конечной цели общественного прогресса при социализме, не подлежащее корректировке, с точки зрения любого марксиста: конечной целью является создание общества, в котором свободное развитие каждого является условием свободного развития всех [1, с.447; 7, с. 12]²¹.

Свободное развитие личности (т.е. свободное развитие и свободная реализация всех социально значимых потенций человека) — вот первая характеристика системы стратегических личных потребностей. Необходимо, однако, чётко обозначить смысл категории "свобода" применительно к будущему обществу. Ясно, что речь идёт не о свободе человека от общества, а о его свободе в обществе

уровня материального благосостояния) антагонистическое потребительское общество. Социальный механизм становления и нарастания потребительства описан нами в [11; с.10-12].

²¹ "Конечная цель", естественно, условный термин. Состояние, адекватное названной цели, "конечно" только относительно этой цели.

ве, т.е. о его свободе в рамках совместной созидательной деятельности людей, производящих условия своего существования и развития. Поэтому более точное определение стратегических личных потребностей — свободное развитие и свободная реализация индивидуальных способностей в общественно полезной жизнедеятельности. Но и эта формула нуждается в уточнении, касающемся механизма, который направляет активность человека в русло общественно полезного образа жизни.

Очевидно, что тезис о свободном развитии каждого противоречит порядку установления какими-либо особо компетентными труппами людей норм и правил, принудительно ограничивающих свободу поведения кого-либо в целях создания наилучших условий для развития всех. Признание абсолютной моральной ценностью не только своей личной свободы, но и права других на свободное развитие и, следовательно, добровольное самоограничение индивидом свободы своего поведения — только этим обеспечивается реальность свободного развития всех. Ни юридические нормы и кодексы, ни директивные уставы, ни набор детальных самоограничений (детальных правил, предписываемых человеком самому себе), а глубоко осознанные внутренние нравственные установки — вот что должно определять в будущем обществе конкретное поведение человека в конкретных ситуациях.

Внутренняя нравственная установка есть адекватная свободному обществу форма единства человека и общества, индивидуальных и всеобщих интересов. Это — обобщённая формула социальной свободы индивидуума, выражающая в индивидуальном преломлении такую характеристику будущего общества, какой является полное социально-экономическое равенство.

Нравственно ориентированный образ жизни станет главным поприщем для применения способностей людей, поприщем их повседневного, активного и свободного творчества. Причём творчества неисчерпаемого, если под творчеством понимать инициативное и самостоятельное

поведение человека в неисчерпаемо многообразных конкретных жизненных ситуациях.

Таким образом, социальную специфику стратегических личных социально-экономических потребностей мы усматриваем в следующем: в их системе ведущая роль принадлежит моральным потребностям человека, а именно потребности в активной общественно полезной жизнедеятельности как в объекте неограниченного применения своих способностей, как в способе их свободной реализации и развития. Это определение абстрагируется от каких-либо материально-технических, экономических средств и условий удовлетворения личных потребностей и от каких-либо конкретных институциональных форм жизнедеятельности. Оно выражает поэтому как раз качественную определённую стратегических личных потребностей.

Мы далеки от мысли, что система потребностей людей будущего не включает гораздо более широкие, чем ныне, материальные потребности и более богатые по содержанию, более сложные духовные потребности. Но не в росте материальных и интеллектуально-созерцательных потребностей суть глубоких перемен в их системе. Суть, напротив, в том, что они не будут расти до типу "потребление ради потребления" и что интеллектуально-творческие и социально-нравственные потенции людей не будут приноситься в жертву безграничному росту потребления. Внутренняя противоречивость такой постановки ясна и нам, и читателю. Но она означает только, что мы не считаем будущее общество свободным от диалектической противоречивости развития. Возможно, что постоянный поиск способов разрешения этого противоречия, т.е. поиск новых целей, новых объектов приложения физических, интеллектуальных и нравственных потенций людей станет важнейшей проблемой будущего общества и стимулом, побуждающим его выйти за пределы Земли.

Обратимся теперь к другой стороне личности трудящегося будущего общества — к уровню развитости его способностей, который, естественно, тесно связан, неразрывно слит в личности человека с его потребностями.

Привычным термином, определяющим стратегическую направленность развития индивидуальных способностей, является термин "всесторонность", который, на наш взгляд, приемлем лишь в случае верного понимания характера этой всесторонности.

Принцип свободного развития личности включает признание необходимым учёта индивидуальных различий людей по их природным способностям и наклонностям. Он не приемлет любые формы, расистских по сути концепций искусственного выведения новой породы «гомо сапиенс», равных друг другу по естественно-природным данным. Этот принцип, следовательно, не совместим с единообразием (стандартизованностью) развития людей, пусть даже и в форме предельно широкой, но стандартной всесторонности. Из этого, в частности, вытекает, что представление о человеке будущего как о человеке с непременно высоко развитыми творческими потенциями (разумеется, в узкосовременном, обыденном понимании творческих способностей как способностей порождать некие принципиально новые для человечества научные знания, технические открытия или шедевры литературы и искусства) не согласуется с гуманистическим характером принципа свободного развития личности²².

Не располагая к тому же сегодня какими-либо вескими основаниями для заключения о характере разделения (специализации) труда в будущем обществе, о характере необходимых личных специальных знаний и навыков и о времени, потребном для их приобретения, а потому не имея представлений о конкретных формах перемены тру-

²² *Это, казалось бы, далёкое от реальных проблем современности положение имеет, тем не менее, прямой выход на прогнозные разработки, поскольку содержание и место творческих функций в составе функций совокупного работника определяют требования к характеру и структуре совокупности рабочих мест, следовательно, к направлениям развития материально-технической базы общества.*

довых функций в течение жизни человека, мы не вправе трактовать всесторонность человека будущего в духе всезнайства или в духе мастерства на все руки. Мы не имеем, следовательно, оснований утверждать, что всесторонность развития человека будет воплощаться в свободной смене конкретных занятий в любой момент или же в определённый какой-то момент трудового жизненного цикла. Мы не вправе утверждать и обратное — что такая ситуация для будущего принципиально исключена. Выход из этого рассуждения, по-видимому, один. Раз мы отказываемся от определения уровня развитости способностей в том смысле, что этот уровень позволит индивиду абсолютно свободно переходить от одних трудовых функций к другим, и в то же время не закрываем эту возможность, то мы тем самым ещё раз подтверждаем свою позицию о неизбежности качественного изменения содержания трудовой жизнедеятельности. Следовательно, должны качественно измениться и возможности, предоставляемые обществом для формирования способностей человека.

Любые из трудовых (точнее, общественно полезных) функций должны в будущем обществе давать полный простор для реализации интеллектуально-творческих, социально-нравственных и физических потенциалов индивида. В то же время возможности для формирования способностей человека должны быть таковы, чтобы он мог свободно, в полном соответствии со своими природными способностями и наклонностями выбирать конкретные виды деятельности в будущей системе социально значимых её видов. А это значит, что требование всесторонности развития относится, строго говоря, не к отдельному человеку, а к общественным условиям формирования его способностей. Всесторонне развитыми, предельно многообразными должны быть условия и способы социализации человека, т.е. институциональные формы развития его физиологических, нервно-психических, коммуникативных, интеллектуальных, культурных потенциалов. Причём эти условия и способы должны обеспечивать возможность высокой мобильности способностей, в том числе и возможность бы-

строго их видоизменения, приобретения новых знаний и других качеств. Они должны обеспечивать каждому человеку реальную возможность по мере усложнения его способностей или изменения наклонностей осуществлять переход к иным социально значимым функциям.

Теперь у нас есть всё необходимое для того, чтобы обозначить главное содержание, социальную специфику уровня развитости способностей индивида в обществе полного социально-экономического равенства. Её следует усматривать в гармоничности (т.е. в сбалансированности и в неразрывном единстве) интеллектуально-творческих, социально-нравственных и физических потенциалов; критерием гармоничности является возможность обеспечить созидательную направленность жизнедеятельности человека, высокую степень его мобильности в системе социально значимых видов деятельности, а также нравственную ориентацию жизнедеятельности и её активность в меру естественно-природных данных индивида.

Стратегическая направленность развития стимулов к труду

После оказанного не составляет принципиальных трудностей очертить характер общественных стимулов к труду, адекватных стратегическим целям развития социализма.

Ведущим стимулом к труду, конечно же, должен стать общественно полезный характер самого труда и всей трудовой жизнедеятельности. При этом определяющая роль нравственных установок в системе личных потребностей означает, что грань между трудом как деятельностью в рамках общественного производства материальных и духовных благ и другими видами деятельности, если они обладают значимостью не только для субъекта этой деятельности, но и для развития других членов общества, должна, по-видимому, исчезнуть. Причём логично предположить, что ни масштабы такой деятельности, ни степень её влияния на жизнь общества (условия ли

это развития общества в целом, отдельных групп или отдельных людей), ни материальный субстрат её результатов (вещественные ли это, духовные или моральные ценности) не будут иметь значения для её бытия и признания составной частью общественно полезной жизнедеятельности. Сказанное полностью согласуется, на наш взгляд, с такой принципиально некорректируемой в марксизме стратегической целевой установкой, какой является принцип "от каждого — по способностям, каждому — по потребностям". Ведь этот принцип есть не что иное, как констатация независимости (для общества полного социально-экономического равенства) уровня личного материального благосостояния ни от конкретного места человека в системе социально значимых видов деятельности, ни от величины индивидуального вклада в общественный эффект.

В систему стимулов к труду (точнее, к общественно полезной жизнедеятельности, если учесть только что сказанное) для личности, конкретные интересы которой конституируются потребностью в свободном развитии и свободной реализации своих социально значимых способностей, непременно должно входить и содержание жизнедеятельности, поскольку оно определяет меру развития и реализация индивидуальных способностей. Нет нужды (да и невозможно) говорить что-либо конкретное о стадиях жизненного цикла, составляющих общественно полезную жизнедеятельность индивида в будущем обществе. Необходимо и достаточно воспользоваться приёмом абстрактно-логической структуризации, который был нами уже применён.

Но прежде — небольшое отступление в область методологии.'

Одной из исходных теоретико-методологических посылок данной работы является представление о социализме как о качественно определённом способе производства. А это значит, что нам чужд взгляд на социализм как на конгломерат общественных явлений и отношений уже полностью коммунистических и таких, которые остались от досоциалистических времён. Однако эта позиция, призна-

вая качественные различия социализма и полного коммунизма, противостоит в то же время я абсолютизации (преувеличению) их различий, чреватой неверным подходом к управлению общественным развитием, в том числе и к долгосрочному социально-экономическому и научно-техническому прогнозированию. Опорой долгосрочному прогнозированию должно служить представление о способе будущей (коммунистической) жизнедеятельности как о целевой характеристике, исходя из которой должен быть организован процесс развития общественных отношений на этапе социализма. Ориентацией на эту характеристику обеспечивается единство, сознательная (планомерная) координация всех конкретных общественных процессов при социализме, обеспечивается их бытие в качестве средств, адекватных стратегическим целям и делающих именно в силу этой адекватности реальным достижение этих целей. Существенные отклонения от принципиальной линии прогрессивного развития конкретных общественных процессов (в том числе и способов трудовой жизнедеятельности) могут обернуться такой качественной спецификой общественных отношений, которая, не являясь социалистической, уведёт общество в сторону иного, некоммунистического будущего.

Указанная теоретико-методологическая позиция имеет чрезвычайно важное значение для определения современной стратегия совершенствования социально-трудовых отношений. Имеет смысл ещё раз подчеркнуть особую роль социально-трудовых отношений в механизме социального прогресса человечества. Эти отношения — социальная форма развития личности трудящихся, концентрированно выражающая направленность развития человечества в ту или иную из двух прямо противоположных сторон: в сторону ли возвышения социально-нравственных и созидательных потенций людей, следовательно, в сторону прогресса совместной созидательной разумной деятельности или же, напротив, в сторону потребительского образа жизни, стандартизации личности, люмпени-

зации трудящихся, следовательно, в сторону деградации человеческого общества как такового.

В свете сказанного должно быть понятно, что процессы социалистической трудовой жизнедеятельности и процессы коммунистической общественно полезной жизнедеятельности составляют вместе единую линию общественного прогресса в интересах трудящихся, и принадлежность к этой линии гораздо в большей мере должна отличать их от способов трудовой жизнедеятельности в антагонистических формациях, чем друг от друга.

Посла такого отступления можно утверждать, что абстрактно-логическая структура индивидуальной трудовой жизнедеятельности в условиях социализма должна отличаться от абстрактно-логической структуры общественно полезной жизнедеятельности индивида в условиях полного коммунизма не по составу основных процессов и не по направленности их влияния на развитие личности и всего общества. Их должна различать только лишь (но это и есть как раз глубокое качественное различие социалистического и коммунистического общественного строя!) степень реальной свободы личности в сфере трудовой жизнедеятельности, то есть степень реальных возможностей гармоничного развития индивидуальных способностей и степень полноты их реализации. Различие по этому признаку — важнейшее различие социализма и коммунизма как разных ступеней социально-экономического равенства, социальной справедливости.

Сохраним общий контур абстрактно-логической структуры жизнедеятельности индивида, который мы считаем адекватным социализму (см. подраздел 1.2.). Введём требование полной свободы развития личности в обществе. Мы получим искомое — характеристику содержания общественно полезной жизнедеятельности, которое будет выступать одним из стимулов к такой жизнедеятельности в коммунистическом обществе:

1) полностью свободное и гармоничное развитие интеллектуально-творческих, социально-нравственных и физических потенций личности в соответствии с природ-

ными способностями и склонностями индивида как основы его активного участия в формировании и использовании средств и условий общественного прогресса;

2) полностью свободное применение (реализация) индивидуальных способностей в деятельности по формированию средств и условий общественного прогресса;

3) полное соответствие возможностей приложения (применения) социально значимых потенций личности состоянию их свободного и гармоничного развития.

Здесь читатель вправе спросить: а стоило ли рассуждать о стратегических потребностях и стимулах, ежели необходимые для целенаправленного прогноза труда принципиальные требования к характеру и содержанию социалистической трудовой жизнедеятельности были известны автору с самого начала? Ответ будет стандартным: логика исследования и логика изложения его результатов, хотя и соотносятся друг с другом, но всё же не совпадают. Процесс исследования всегда итеративен. И, конечно, некоторые качественные черты социалистической трудовой жизнедеятельности мы гипотетически предположили с самого начала; ряд других был обоснован наукой ещё до начала нашего исследования. Однако для обоснования, уточнения и систематизации этих характеристик анализ стратегической направленности развития был совершенно необходим. Более того, лишь определившись в отношении стратегической направленности, мы сможем перейти к тем характеристикам труда и социально-трудовых отношений, которые адекватны развитому социализму. В разделе I о качественной специфике этого этапа не было речи.

Сущность отношения к труду в обществе полного социально-экономического равенства

Формулируя краткое определение сущности коммунистического отношения к труду, будем опираться на наше общее определение отношения к труду (см. подраздел 1.2.). В то же время мы обязаны отдать себе отчёт в том,

что речь вообще-то пойдет об отношении человека к общественно полезной деятельности, что вытекает из анализа стратегической направленности развития личных потребностей, индивидуальных способностей и содержания трудовой жизнедеятельности. Это — момент принципиальный, поскольку касается перспектив изменения структуры всей индивидуальной жизнедеятельности, а потому определяет отношение социалистического общества к становлению и развитию тех или иных её конкретных видов и форм.

Суть отношения людей к общественно полезной деятельности в обществе полного социально-экономического равенства состоит, с нашей точки зрения, в том, что это отношение индивида к ней как к цели и как к полностью адекватному этой цели способу своего существования, свободного и гармоничного развития.

Стратегическая направленность развития социального типа индивидуальной трудовой судьбы

Описать коммунистический тип реальной общественно полезной жизнедеятельности, используя для этого будущие институциональные формы, — задача неразрешимая, да и не имеющая практического смысла. Нужно другое — дать такую характеристику этого типа, которая, будучи воспринята как стратегический ориентир, не станет попыткой навязать историческому процессу лишь один из возможных путей преобразования сферы труда, о реальности и эффективности которого нельзя сказать ничего определённого заранее.

Социальный тип реальной общественно полезной индивидуальной жизнедеятельности в обществе полного социально-экономического равенства должен характеризоваться, с нашей точки зрения, индивидуальностью (единичностью) совокупности взаимообусловленных по последовательности конкретных форм этой жизнедеятельности.

В самом деле, каково главное требование со стороны абстрактно-логической структуры будущей общест-

венно полезной жизнедеятельности к её реальной структуре как форме (способу) своей реализации? Требование это — обеспечить максимальное разнообразие институциональных форм жизнедеятельности, необходимое для полностью свободного (т.е. не ограничиваемого узостью и стандартностью этих форм) развития и реализации индивидуальных способностей. Поэтому состав и последовательность конкретных форм реальной жизнедеятельности должны носить чисто индивидуальный характер. Взаимосвязь же их между собой в жизни каждого человека будет, очевидно, обусловлена природными способностями и наклонностями, последовательностью стадий естественно-природного жизненного цикла и реальной свободой выбора каждым любых конкретных форм общественно полезной жизнедеятельности.

Из сказанного логично вытекает, что стратегической социальной направленностью развития институциональных форм социалистической трудовой жизнедеятельности следует считать увеличение разнообразия этих форм с учётом многообразия природных способностей и наклонностей людей и формируемых на их основе обществом реальных способностей людей к общественно полезной деятельности. Естественно, что увеличению разнообразия этих форм в сторону всестороннего многообразия должна быть поставлена чёткая социальная граница — совершенствование системы этих форм должно всё более расширять, а не сужать условия для развития личности на каждой из стадий трудового жизненного цикла.

2.2. Формирование адекватного развитому социализму отношения людей к труду — этапная задача

Стратегические цели социализма в области преобразования труда характеризуют принципиальную направленность совершенствования социально-трудовых отношений. Путь к достижению этих целей имеет объективную логику. Главное в ней — то, что средства достижения стратегических целей должны быть адекватны им. Использо-

вание тех или иных средств допустимо лишь после установления их соответствия стратегическим ориентирам.

Стратегические ориентиры ничего не говорят о последовательности конкретных социально-экономических преобразований. Необходим их перевод (конкретизация) в формы, пригодные для использования в качестве целей долгосрочных прогноза, плана, социальных программ. Это — первый фактор, требующий определения этапных целей, т.е. комплекса взаимоувязанных, содержательно (качественно) конкретизированных долгосрочных социальных целей, подлежащих одновременной реализации и в силу этого способных служить основой для разработки различных вариантов траектории движения к ним, другими словами, — различных вариантов социально-экономического и научно-технического прогнозов. Другой фактор — наличие закономерных, причинно-следственных связей между общественными явлениями. Бессистемные "забегания" вперёд в одних областях при отставании других неизбежно приводят к понижению общего уровня организации социально-экономических процессов, порождают чрезвычайные проблемы, обостряют противоречия. Необходимость комплексного (поступательного) развития также предъявляет к постановке целей преобразования способов жизнедеятельности людей требование этапной их систематизации.

Ориентировка долгосрочного прогнозирования на этапные цели означает существенное изменение нынешней его логики. Прогнозирование в рамках Комплексной программы научно-технического прогресса СССР во всех её циклах ориентировалось на заранее заданный срок (двадцатилетний период), а не на этапные цели не только формально, но и по существу. Исходным пунктом прогноза должна стать формулировка этапных целей. Затем, после ориентировочной оценки длительности этапа, можно, разрабатывая варианты траектории поступательного социально-экономического развития в рамках этапа, получить обоснованные социальные и экономические целевые установки на период, заданный горизонтом прогноза.

Главное содержание общественно-экономического развития страны в настоящее время составляет совершенствование построенного у нас социализма. В ходе этого процесса постепенно складываются и приобретают закономерный характер полностью развитые, зрелые формы всех социалистических общественных отношений. Сформировать систему общественных отношений, полностью адекватных развитому социализму, — такова главная очередная этапная цель. Совершенствование социально-трудовых отношений на основах, присущих зрелому социализму, — составная часть развития современных социально-экономических отношений в СССР. Вполне логично считать, что центральная роль отношения к труду в системе социально-трудовых отношений превращает задачу формирования адекватного развитому социализму отношения к труду в этапную социальную цель развития сферы труда.

Главное содержание адекватного развитому социализму отношения к труду

Адекватным зрелому социализму отношением к труду следует, на наш взгляд, считать заинтересованное и ответственное отношение людей к нему как к общественно полезной деятельности, необходимому источнику средств своего существования, средству и способу своего развития.

Это определение учитывает как социалистическую специфику структуры личных интересов трудящихся, так и интересы социалистического общества по привлечению людей к общественно полезному труду и по развитию личности в процессе труда. Оно учитывает, следовательно, необходимость взаимосвязи системы личных интересов в целом с системой общественных стимулов к труду. Отдельные же стороны их взаимосвязи отражаются такими категориями, как личная материальная, моральная, творческая заинтересованность в труде.

Для создания материальной заинтересованности в труде необходимо и достаточно (при прочих равных условиях) использовать в качестве вознаграждения за труд лишь материальное поощрение от общества. Если бы работник руководствовался только материальными интересами, то для него было бы не важно, в какой мере величина материального поощрения связана с общественной значимостью результатов его труда; для него было бы не важно также само по себе содержание труда.

В соответствии с уровнем нравственного развития личности создание моральной заинтересованности в труде опосредуется либо престижным поощрением, удостоверяющим общественную значимость труда данного работника, либо оценкой самим работником результатов своего труда как общественно значимых. Если бы работник руководствовался только моральными интересами, то для него были бы безразличны как величина материального вознаграждения за труд, так и содержание и условия труда.

Обычно, выделяя творческие интересы, стимулы, заинтересованность наряду с материальными и моральными, имеют в виду творчество как «деятельность, порождающую нечто новое, никогда не бывшее ранее» [15, с. 185]. Однако объяснить характер трудового поведения человека только исходя из наличия материальных, моральных и творческих (в указанном смысле) потребностей не удаётся. Приходится привлекать категорию "содержательность труда", чтобы учесть такую конкретную направленность личных потребностей, как потребности в интересной деятельности, в её разнообразии, в реализации способностей и склонностей к определённым видам деятельности, в проявлении и реализации деятельной инициативы и самостоятельности, наконец, потребность человека в дальнейшем совершенствовании своих способностей, в том числе узкопрофессиональных навыков. Эти разнообразные личные интересы суть различные конкретно-исторические способы проявления имманентно присущей человеку потребности в деятельности как таковой. Осознанность этой потребности индивидом формирует кон-

кретное содержание личных интересов как потребностей в деятельности определённого характера. Уместно называть этот спектр потребностей потребностями человека в развивающей его деятельности. При этом потребность в творческом характере труда следует считать лишь одной из конкретных форм потребностей в развивающей деятельности.

В отличие от материальной и моральной заинтересованности для создания заинтересованности в развивающем труде не нужны ни поощрение от общества, ни самооценка индивидом своей значимости как работника, выполняющего общественно полезный труд. Необходимо лишь, чтобы сам процесс труда обладал свойствами развивающей деятельности, чтобы он был средством развития личности. Такое качество труда для всех обеспечивается социализмом не сразу, а в процессе совершенствования материально-технической базы и социально-трудовых отношений. Направленность их преобразования на ликвидацию видов труда, способствующих стагнации личности и тем более деградации каких-либо социально значимых свойств человека, — необходимая основа для того, чтобы изменение отношения к труду удерживалось в русле прогрессивного развития в сторону зрело-социалистического к нему отношения.

О зрелом социалистическом отношении к труду можно говорить лишь в том случае, если трудовое поведение человека определяется наличием всех трёх видов заинтересованности в труде — и материальной, и моральной, и заинтересованности в нём как в развивающей деятельности, причём их наличием в сбалансированном, уравновешенном виде. Другими словами, ни один из видов заинтересованности не должен играть доминирующей, определяющей роли в трудовом поведении человека²³. На-

²³ *Обращаем внимание на то, что сбалансированность всех видов — не оговорка, а наша принципиальная позиция. Мы не считаем, что развитому социализму адекватна ведущая роль материальной заинтересованности. Этапная*

против, различные виды заинтересованности должны быть взаимосвязаны так, чтобы человеку не приходилось жертвовать какими-либо из своих интересов ради удовлетворения других.

Для развитого социализма отсутствие любого из трёх видов заинтересованности в труде или же существенное превалирование или ослабление какой-либо из них следует квалифицировать как отклонение от социалистического отношения к труду. Такого рода отклонения возникают не только в силу неразвитости общественных условий трудовой жизнедеятельности, выступающих вознаграждением за труд, но и в силу деформации системы личных интересов.

Негармоничность интересов из-за неразвитости моральных потребностей (индивидуализма) — почва для таких отклонений от социалистического отношения к труду, которые проявляются в паразитизме (иждивенчестве), рвачестве, карьеризме. Представим себе, что при индивидуалистической деформации интересов человека размер оплаты труда не соответствует его притязаниям. Причин ослабленной материальной заинтересованности может быть три: материальное стимулирование не увязывает в должной мере величину трудового дохода с количеством и качеством труда; потребности в потребительских благах превышают покупательную способность реально доступного человеку заработка; неразвитость материального интереса по сравнению даже с той оплатой, которая установлена в обществе за минимальный нормируемый трудовой вклад. Нетрудно понять, что происходит, если при индивидуалистической системе личных интересов и ослабленной материальной заинтересованности в сфере общественно организованного труда у человека отсутствуют к тому же такие социально-нравственные установки, как честность, уважение к труду и т.п., неразвито правосознание, а сам процесс труда, содержание трудовых функций ему не интересны.

цель — именно обеспечение уравновешенности всех видов заинтересованности в труде.

Неизбежное следствие всего этого — неприятие требований общества к индивидуальному трудовому поведению. При таком отношении к труду вместо добровольного добросовестного общественно полезного труда перед нами — иждивенческое, рваческое или карьеристское поведение. Конкретные формы такого поведения — недобросовестное выполнение работы, стремление получить больше фактически заработанного, уклониться от каких-либо профессиональных или должностных обязанностей, а то и вовсе от участия в общественно полезном труде. Активность человека может переключиться на поиск нетрудовых доходов; на противозаконную экономическую деятельность; на продвижение по службе любой ценой при отсутствии должных способностей.

Другая форма негармоничности интересов — доминирование моральных потребностей. Само по себе такое доминирование, конечно, нельзя считать отрицательным явлением. Но в определённых условиях неспособность нарушить моральные или же правовые нормы (неприятие, скажем, "выводиловки", использования служебного положения в личных целях; неприятие иждивенчества, нетрудовых доходов и т.п.) оборачивается иной стороной. Мы имеем в виду условия реальной недоступности индивиду смены места в системе общественного разделения труда по тем или иным причинам. В этом случае выполнение неинтересных, вредных; или же малооплачиваемых трудовых функций становится по сути своей принудительным. При этом труд, как правило, менее производителен по сравнению с общественно нормальным уровнем. Такой тип отклонения от социалистического отношения к труду (т.е. вынужденное принятие предоставляемых обществом условий трудовой жизнедеятельности) менее очевиден, чем первый, но он не менее, чем первый, не согласуется с социалистическим отношением к труду.

Трудно поддаётся распознаванию и такой тип отклонения от социалистического отношения к труду, который характеризуется доминированием заинтересованности в труде как в деятельности, развивающей личность (в

частности, собственно творческой заинтересованности) в условиях ослабленной моральной заинтересованности в труде. Ослабление (отсутствие) последней может возникать по разным причинам — по причине индивидуалистической деформации интересов, по причине осознания индивидом бесполезности своего труда (в силу плохой организации труда в рамках конкретного коллектива, а также в силу несовершенства общего механизма хозяйствования). При отсутствии чёткой целенаправленности труда в рассматриваемой ситуации на подлинно общественные интересы трудовое поведение творческого работника приобретает, так сказать, анархический характер. И в области фундаментальных и прикладных наук, и в области создания техники и технологии это может приводить не только к появлению бесполезных результатов, но и результатов, объективно противоречащих интересам социалистического прогресса.

Мы не ставили перед собой задачу дать здесь строгую теоретическую классификацию возможных типов отклонений от социалистического отношения к труду. Мы привели лишь несколько примеров, позволяющих лучше понять, какой смысл мы вкладываем в понятие "сбалансированность", уравновешенность всех видов заинтересованности в труде. Однако эти примеры — не плод нашей фантазии. Это именно те реальные явления, которые получили в настоящее время значительное распространение. Понять механизм их возникновения и воспроизведения — это первый шаг, необходимый для поиска эффективных средств преодоления негативных тенденций, нормализации отношения к труду и его дальнейшего прогрессивного развития.

Критика леворевизионистских взглядов на отношение к труду

Необходимо конкретно-историческое понимание негативных характеристик отношения к труду. Всё сказанное

выше об отклонениях от социалистического отношения к труду справедливо только для исторических условий социализма, свободного от так называемых деформаций²⁴. Если говорить понятиями, принятыми в официальных партийных документах, то описанные отклонения являются действительно отклонениями и заслуживают отношения к себе как к отклонениям только в исторических условиях социализма, который свободен от нарушения ленинских норм общественной, государственной и партийной жизни.

Если же в реальной практике становятся влиятельными и берут верх левацко-ревизионистская или праворевизионистская идеологии, кардинально меняется сама точка отсчёта, по отношению к которой можно говорить об отклонениях, меняется само содержание общественно нормального отношения к труду.

Покажем это на примере левацкой деформации социализма²⁵.

Левацкая деформация социализма возникает в условиях, когда идеология "казарменного коммунизма" становится руководящим принципом практической деятельности, а трудящиеся массы оказываются в обста-

²⁴ *В настоящее время проблема деформаций социалистического строя обсуждается в советской литературе и является остро дискуссионной*

²⁵ *Тем самым мы откликаемся на целиком разделяемое нами положение, высказанное заведующим Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС В.А.Медведевым на Всесоюзной научно-практической конференции "Совершенствование развитого социализма и идеологическая работа партии в свете решений июньского (1983г.) Пленума ЦК КПСС". "Любое углубление положительного знания, — сказал В.А.Медведев, — должно сопровождаться критикой чуждых представлений, разоблачением буржуазной идеологии. Без такой критики ни одно научное исследование нельзя считать завершённым. ... Нужна глубокая критика общеполитических, общеметодологических основ антимарксистских идейно-теоретических концепций" [10, с.115].*

новке по существу принудительного труда. Формы и степень принудительности могут быть разнообразными (от полпотовских военизированных лагерей-коммун и маоистских "народных коммун" до значительно менее насильственных, внешне подчас даже якобы добровольных форм принуждения). Но существо всегда одно. Как оно обнаруживается?

Один из достоверных способов обнаружения истинной сути социально-трудовых отношений в данном конкретном обществе таков. Составляем социальный портрет образцового труженика данной общности, то есть такого, который в точности выполняет все нормы и правила трудовой жизнедеятельности, предписываемые законом и официально поощряемой моралью рассматриваемой общности. Мысленно ставим такого образцового труженика в реальные массовидные условия трудовой жизнедеятельности. Выявляем характеристики его общественно-трудового положения. В обществе с казарменно-коммунистической деформацией образцовый труженик являет собой тип солдата трудовой армии. Он либо вообще лишён реальных прав и свобод человека, либо они лишь записаны на бумаге и не реализуются.

Само собой разумеется, что отклонения от казарменно-коммунистического идеала труженика нельзя рассматривать без учёта трагического положения наших братьев по классу. Явления недисциплинированности приобретают в условиях общества-казармы черты неповиновения насилию; явления апатии, безразличия — черты неприятия навязываемого казарменного идеала; активный протест — характер демократической борьбы.

Отклонения от казарменно-коммунистического идеала могут иметь разный социальный характер и вести к разным социальным последствиям. По их характеру эти отклонения можно разделить на две категории:

— стихийно осуществляемые компенсации за бесправное положение в форме разнообразных нарушений установленных вождями-командирами правил поведения, труда, жизни;

— сознательно подготавливаемый и выражаемый протест, развитие демократических по своим целям движений.

Стихийно осуществляемые компенсации, становясь постепенно нормой поведения многих, приводят к загниванию казарменно-коммунистически деформированного общества, разлагают нравы, ведут к деклассированию трудящихся, их социальной деградации, люмпенизации. На этой базе неизбежно нарастают преступность, деморализация, иждивенчество, наркомания и т.п. Рассматриваемая форма отклонений от деформированной нормы социально-трудовых отношений не рождает здоровых социальных сил, способных противостоять казарменной деформации.

Исторический выход из казарменно-коммунистической деформации — возвращение в русло социалистического развития путём демократизации общественной и экономической жизни, восстановления ленинских принципов хозяйствования, социалистической морали, гуманистических идеалов.

Оценка отношения к труду в современном советском обществе

Перейдём к принципиальной оценке отношения к труду, характерного для современного советского общества. В этом деле правомерно опереться на ряд официальных партийных положений.

«Сегодня требуется всестороннее изучение существующих зрелому социализму неантагонистических противоречий, особенностей их разрешения в условиях крепнущего социально-политического и идейного единства советского общества, — указывалось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС. — Здесь, как и в любом социальном организме, идёт борьба нового со старым, действуют не только созидательные, но и негативные тенденции. Это, к примеру, местничество и ведомственность, бюрократизм и консерватизм. Следует вскрывать причи-

ны этих и других подобных явлений, находить средства их преодоления" [8, с. 12].

В этом же докладе приведённый подход применён к оценке ряда социальных явлений: "Воспитание нового человека неотделимо от самой энергичной борьбы с пьянством, хулиганством и тунеядством, спекуляцией и хищениями социалистической собственности, взяточничеством и стяжательством. Было бы неправильно видеть во всех этих уродливых явлениях, вызывающих беспокойство и справедливое возмущение трудящихся, одни лишь "пережитки прошлого" в сознании и поведении людей. Причины многих из этих "болячек" следует искать и в сегодняшней практике, в просчётах тех или иных работников, в реальных проблемах и трудностях нашего развития, в недостатках воспитательной деятельности. Поэтому для устранения негативных явлений нужны не только постоянные пропагандистские усилия, но и меры экономического, организационного и правового порядка" [8, с. 16-17].

Высказанный на пленуме ЦК КПСС подход применим и к оценке современного отношения людей к труду. Прежде всего, нельзя закрывать глаза на ряд весьма глубоких причин, порождавших и порождающих негативные отклонения от нормального отношения к труду. Среди этих причин в своё время были нарушения социалистической законности, последствия чего сказываются и до сих пор. Имеют место отклонения от социалистических принципов распределения и хозяйствования, явления безответственности, бесхозяйственности, тунеядства, бюрократизма [9; 10, с. 31, 32] и т.п. Всё это объективные для трудящихся причины, подталкивающие к отступлениям от последовательно социалистического отношения к труду. Под воздействием этих причин возникает и воспроизводится глубокий конфликт моральных принципов и материального интереса, правовых норм и интересов дела, интересов дела и личных интересов работников.

На базе подобного конфликта развиваются разнообразные формы самодеятельного приспособления к нему, неадекватного социализму разрешения конфликта. Из-

за сохранения причин противоречий возникают стихийные формы компенсации, осуществляемые явочным порядком. Неантагонистичность противоречий находит весьма своеобразное проявление во взаимном примиренчестве: рабочих — с недостатками организации и управления, управляющих органов — с нарушениями общественных норм трудовой деятельности. Длительное существование подобной взаимоотношности, нетребовательности, отсутствия достаточной гласности проблемы привело к массовому отступлению от нормальной интенсивности труда, к недисциплинированности, расхлябанности и т.п.

Меры по наведению порядка, начатые в 1983 г., были формой повышения требовательности к кадрам. В результате их применения сократился разрыв между общественно нормальным и фактическим уровнями трудовых усилий и их результативности. Понятно, что были взяты самые-самые легкодоступные резервы. По нашему убеждению, глубоко неверно мнение, будто более решительное применение мер, аналогичных мерам 1983 года, даст решение всех проблем хозяйства и, в частности, приведёт к адекватному зрелому социализму отношению к труду. Считать так — значит смешивать совершенно разные по своему характеру явления: и действительно антиобщественные, и носящие со стороны труженика приспособительный характер к плохой общественной организации труда.

С антиобщественными явлениями, со служебными преступлениями надо бороться более решительно, обеспечивая при этом широкую и полную гласность. Это поле деятельности для строгого применения закона, для повседневного народного контроля.

Другое дело — многочисленные формы стихийно осуществляемых компенсаций (мелкие или бескорыстные нарушения правил, недоработки, расхлябанность, умеренные приписки в ходе "выводиловки" и т.д. и т.п.). И здесь, конечно, требуются контроль, гласность, меры воздействия. Однако главное средство — улучшение организации хозяйства, устранение бюрократизма, осуществление ком-

плексного и кардинального совершенствования механизма социалистического хозяйствования, устранение уравниловки в распределении. Это самая надёжная основа восстановления того, что утрачено в социалистическом отношении людей к труду, залог и предпосылка развития зрелых форм социалистического отношения к труду.

Основные направления конкретизации этапной цели развития социально-трудовых отношений

Описывать стратегические цели в определённом смысле проще, нежели этапные, хотя они и отстоят от нас гораздо дальше. Дело в том, что стратегические цели развития труда — это, развёрнутые принципиальные научно-идеологические формулы, выражающие (с учётом логики взаимосвязи способов жизнедеятельности людей и социальной специфики личности) коренные интересы человечества по освобождению труда и трудящегося от эксплуатации, по ликвидации любых способов угнетения и господства человека над человеком, по устранению возможности произвола и насилия над личностью, словом, по созданию общества полного социально-экономического равенства. Представления об этой (социально-политической) сути направленности развития не подвержены влиянию каких-либо конкретно-исторических обстоятельств независимо от того, удаётся или не удаётся обществу строго выдерживать линию развития, соответствующую социально-политическим критериям исторического прогресса. Иное дело — этапные цели.

Этапные цели — это качественно новое состояние социально-экономических отношений, к которому данная социалистическая страна должна прийти путём преобразования сложившейся (к моменту формулировки этапных целей) конкретно-исторической системы отношений. Выдвинутое нами выше требование качественной характеристики этапных целей — это требование отвлечься от несущественного, в частности, от предугадывания таких условий трудовой жизнедеятельности, как сугубо техни-

ческие характеристики производственной базы общества и конкретные институциональные формы жизнедеятельности. Однако требование отвлечься от несущественного для выявления закономерной логики развития социалистических отношений не тождественно требованию отвлечься от любой вообще конкретно-исторической специфики. Напротив, процесс более углублённого научного познания общих для всех стран закономерностей социалистического и коммунистического самопреобразования общества включает в себя выявление объективно необходимого механизма планомерного формирования социально-экономических целей. Одна из существенных черт такого механизма, на наш взгляд, — максимальный учёт при определении очередных целей этапного масштаба конкретно-исторической специфики системы общественных отношений, сложившихся в результате предшествующего развития данной страны. Следовательно, содержание этапных целей развития социально-трудовых отношений должно быть представлено гораздо богаче, сложнее, чем стратегической, а потому гораздо сложнее, гораздо более трудоёмка и более длительна работа по формулировке этапных целей.

Мы не ставили поэтому перед собой неразрешимую задачу — дать настолько конкретизированное описание этапной цели, насколько это и необходимо, и достаточно для долгосрочного прогнозирования труда. Участие в этой работе — направление наших дальнейших исследований в рамках разработки общей концепции развития сферы труда для Комплексной программы научно-технического прогресса СССР. В то же время ряд моментов, существенных для этого описания, мы можем осветить, отталкиваясь от результатов анализа стратегической цели и гипотетических предположений о характере фактически сложившейся системы социально-трудовых отношений в СССР.

Сердцевиной описания этапной цели должна быть (согласно логике, реализованной для стратегической цели) характеристика социальной специфики личности работни-

ка и социальной специфики стимулов к труду как базы адекватного социализму типа отношения к труду.

Сбалансированность всех трёх видов заинтересованности в труде предполагает, что социальной спецификой системы личных потребностей является гармоничность (уравновешенность) материальных, моральных и интеллектуально-творческих интересов. В отличие от этого, в обществе полного социально-экономического равенства ведущую роль играют моральные потребности. Выдвигать такое же требование по отношению к социализму (пусть и развитому) — это забегание вперёд, попытка перепрыгнуть через целый исторический этап развития. Однако так же неверно считать, что развитому социализму адекватна ведущая роль материальных интересов. Если развитие от сегодняшнего дня пойдёт в сторону всё большего усиления материальных интересов, а моральные и интеллектуально-творческие будут отставать, то, по нашему мнению, нормализация и дальнейшее прогрессивное развитие отношения к труду в историческом плане существенно отдалятся. Мы говорим именно об интересах, а не о стимулах к труду. Роль материальных стимулов надо как раз существенно повысить, так как материальная заинтересованность в сфере общественно организованного труда в настоящее время ослаблена по сравнению с общественно нормальным уровнем.

В системе интересов необходимо ныне усиливать роль интеллектуально-творческих запросов (в частности, путём более свободного доступа трудящихся и особенно молодежи к высшему образованию), а также роль моральных установок. Главное средство морального воспитания — совершенствование форм участия всех трудящихся в управлении, демократизация общественной жизни²⁶.

²⁶ «В дальнейшем развитии и углублении демократии, — отмечалось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, — партия видит могучее, действенное средство коммунистического воспитания трудящихся, формирования нового человека» [8, с. 16].

Сбалансированность всех трёх видов заинтересованности предполагает, что социальной спецификой уровня развитости индивидуальных способностей является гармоничность (уравновешенность) физических, социально-нравственных, интеллектуально-творческих способностей человека к труду. Здесь следует подчеркнуть, что критерий гармоничности способностей социалистического работника должен быть существенно отличен от критерия их гармоничности в обществе полного социального равенства. Иначе и быть не может, если мы, настаивая на единстве стратегической и этапной целей, настаиваем и на их качественных отличиях по степени реальной свободы личности в обществе. Каков же этот критерий?

Будем исходить из вывода марксистско-ленинской общественной науки и партийной установки о бесклассовом социалистическом обществе как об идеале общества развитого социализма, в котором, однако, сохраняются существенные в социально-экономическом отношении групповые различия. Это значит, что содержание критерия гармоничности развития способностей к труду нельзя определять в отрыве от представления о характере различий, которые будут составлять основу социально-групповой структуры общества.

По нашему мнению, наиболее реалистично связывать существенные социально-экономические различия групп трудящихся на протяжении всего этапа развитого социализма с сохранением и усилением ведущей роли общественно организованного производства и с сохранением института профессионального разделения труда в рамках этого производства. А это означает, что естественно-природные способности и наклонности индивида не будут в полной мере учтены при формировании конкретных способностей к труду. Это означает также необходимость развития института перемены труда в форме многосторонности и комплексности профессиональных трудовых функций в целях обогащения содержания труда, обеспечения его характера как деятельности, развивающей личность работника.

Принципиальным направлением и результатом изменения содержания трудовых функций будет, на наш взгляд, преодоление таких наиболее глубоких социально-экономических различий (противоречий), какими являются сегодня различия между умственным и физическим, творческим и нетворческим трудом, между трудом управленческим и исполнительским, индустриальным и мануфактурным. Следует отметить, что в научной литературе представления о способе разрешения этих противоречий всё ещё тяготеют к одной из сторон каждого из них как к идеалу. Так, формой разрешения противоречия между физическим и умственным трудом представляется ликвидация физического труда; формой разрешения противоречия между творческим и нетворческим трудом — ликвидация нетворческого труда и т.п. Мы усматриваем здесь методологический сбой — желание устранить "плохую" сторону противоречия и оставить "хорошую", не замечая при этом, что обе они — взаимосвязанные и неразрывные стороны единого социально-экономического явления (процесса). Общественный прогресс не может осуществляться и никогда не осуществлялся по метафизической схеме. При разработке этапных целей преобразования труда надо исходить из необходимости движения к качественно новым способам трудовой жизнедеятельности — к новому типу взаимосвязи человека и техники (если мы ищем формы разрешения противоречия между умственным и физическим трудом), к новому типу развивающей человека деятельности (если мы ищем формы ликвидации противоречия между творческим и нетворческим трудом), к новому типу механизма управления процессом труда (если мы ищем формы разрешения противоречия между управленческим и исполнительским трудом) и т.д.

С учётом сказанного критерием гармоничности развития индивидуальных способностей социалистического работника является, на наш взгляд, возможность обеспечить ориентацию активности человека на общественно полезный труд и перемену труда в рамках профессий, обладающих свойствами развивающей деятельности, в меру

изменения общественных потребностей и в меру изменения трудоспособности человека.

Говоря о специфике системы стимулов к труду, отметим, что наличие материального стимула — принципиальное отличие социалистической системы стимулов к труду от системы стимулов к общественно полезной деятельности в обществе полного социально-экономического равенства.

Стимулом к труду будет также содержание трудовой жизнедеятельности (в том числе и самого труда), а именно её свойство обеспечивать развитие человека независимо от конкретного состава функций. Это предполагает высокую степень дифференциации технологической базы общества, ориентированной на учёт (хотя и не полный) различий в характере природных способностей людей, т.е. предполагает высокую степень подчинённости технотехнологических средств и организации труда конкретному многообразию требований людей к содержанию трудовых функций. Подчиненность технологии интересам и способностям человека, требованию их развития, а не приспособление человека к нуждам технологии — это главная, принципиальная характеристика адекватной развитому социализму материально-технической базы общества.

Требование к труду (трудовой жизнедеятельности) как к деятельности развивающей содержит в "снятом виде" такую широко распространённую характеристику направленности изменения в содержании и условиях труда, как ликвидация вредных влияний на физическое здоровье и иные свойства индивида. Конечно, требование устранить из состава функций совокупного работника такие, которые оказывают вредное воздействие на какие-либо стороны личности, гораздо легче выдвинуть, чем реализовать. Но его несоблюдение для каких-либо групп трудящихся будет означать, что этапная цель социализма ещё не достигнута. В то же время отсутствие указанных недопустимых трудовых функций — лишь необходимая предпосылка достижения этапной цели. Сама же цель гораздо богаче, сложнее — обеспечить существенно иное, чем ныне, новое качество труда, а именно — превратить труд в деятель-

ность, развивающую физические, социально-нравственные и интеллектуально-творческие стороны личности каждого работника. Напомним при этом, что исходные чисто ресурсные возможности экономики не являются фактором, модифицирующим этапные цели. Они влияют лишь на длительность этапа.

Конкретно-историческая постановка этапных целей должна включать такое описание способов трудовой жизнедеятельности людей, которое выражает уровень возможностей для развития каждой из социальных групп к концу этапа. Каким образом можно охарактеризовать состав социальных групп по признаку существенных различий в способах трудовой жизнедеятельности к степени этих различий? В соответствии с развиваемой нами концепцией эту задачу можно решить, используя для описания существенно разные социальные типы индивидуальных трудовых судеб, реализуемых в рамках их единого социалистического типа (характера).

При описании социально-групповых типов трудовых судеб следует использовать лишь такие институциональные формы трудовой жизнедеятельности (группы форм), различие которых обуславливает существенную разницу в её содержании, следовательно, в уровне развитости личности и в возможностях её дальнейшего развития. Типология форм трудовой жизнедеятельности по указанному признаку — важнейшее направление анализа социально-трудовых отношений, актуальная научная и практическая задача.

Для типизации трудовых судеб придётся в полной мере учесть, каковы (к моменту долгосрочного прогнозирования труда) реальные отклонения от социалистического отношения к труду и от социалистического типа реальной трудовой жизнедеятельности, а также насколько они массовидны и стабильны. В зависимости от этого те или иные отклонения будут приняты во внимание как объективная характеристика исходной социально-классовой структуры, подлежащей нормализации и планомерному прогрессивному преобразованию. Специфика исходной социальной структуры общества определит особенности продвижения классов и отдельных социальных групп к

общему для всех (по коренным чертам) типу трудовой жизнедеятельности. Она определит, следовательно, конкретные направления развития условий трудовой жизнедеятельности, поскольку для разных групп потребуются различные способы и формы приобщения их к этому единому типу, адекватному развитому социализму.

Этапные цели должны определять содержание и формы реальной трудовой жизнедеятельности таким образом, чтобы принципиально исключить возможность реализации определённых типов трудовых судеб как социально неприемлемых (социально неэффективных) для развитого социализма. В частности, исключить возможность такой взаимосвязи конкретных форм реальной трудовой жизнедеятельности, при которой на следующей стадии трудового жизненного цикла сужаются условия для развития личности или же (что ещё менее приемлемо) не обеспечивается нормальное воспроизведение каких-либо из социально значимых свойств личности

Методический аппарат анализа и прогноза уровня социально-трудового благосостояния

Наша гипотеза о методическом аппарате анализа сложившейся структуры типов реальной трудовой жизнедеятельности, прогноза результатов реализации сложившихся тенденций и задания целевых требований к сфере трудовой жизнедеятельности (как этапного масштаба, так и на горизонт прогнозирования в рамках этапа) состоит в следующем.

В качестве главного инструмента анализа и прогноза следует, по нашему мнению, использовать метод экономико-статистического моделирования. В ходе моделирования мы считаем необходимым разработать несколько разновидностей аналитических и прогнозных моделей. Для примера приведём контуры двух моделей.

Первая — модель обобщённой характеристики наличных общественных условий трудовой жизнедеятельности, на основе которой можно выявить наиболее вероят-

ные типы трудовой жизнедеятельности. Модель описывает вероятности определённой формы протекания последующей стадии трудового жизненного цикла в зависимости от того, в какой форме протекала предшествующая стадия. Например, вероятность поступления окончивших городскую школу а) в вуз; б) в ПТУ в) на производство; г) в Советскую Армию. (Пример условный, так как типологией форм мы ещё не располагаем) Вероятности фиксируются на уровне фактических пропорций, имевших место в определённом году. Проследив по описанной матрице вероятностей тех или иных переходов "трудовую судьбу" родившихся в данном году, получим условное распределение этого контингента населения по типам трудовой жизнедеятельности. Анализируя полученное распределение, можно оценить комплекс наличных (для взятого года) общественных условий, формирующих трудовую жизнедеятельность. Анализ тех же данных позволит определить наиболее вероятные типы трудовой жизнедеятельности при неизменности тенденций предыдущего развития общественных условий, запечатлённых в характеристиках переходов во взятом году.

Вторая модель — прогноз трудовой жизнедеятельности населения СССР (методом сдвига во времени), В ней в качестве исходной используется матрица вероятностей первой модели. В модель вводится продолжительность каждой стадии и продолжительность переходов от одной стадии к другой.

Все население СССР (за исключением неработающих пенсионеров) группируется до стадиям и формам трудовой жизнедеятельности — по их фактическому состоянию в исходном для прогноза году. Затем оценивается, в какую стадию трудового цикла переходит соответствующая часть населения за прогнозный период. Эта оценка осуществляется в соответствии с исходной матрицей вероятностей перехода от стадии к стадии в той или иной её форме. В расчёт включается население, которое родится в прогнозном периоде. В результате получим структуру населения по формам трудовой жизнедеятельности в

конце прогнозного периода. Результат прогноза по второй модели может быть интерпретирован как состояние, которое может быть достигнуто, если в прогнозном периоде тенденции, сложившиеся в сфере трудовой жизнедеятельности и воплощённые в наличных общественных её условиях, не претерпят изменений, .

Обе модели позволят получить расчеты, от которых можно отталкиваться при формулировании этапных целей по повышению уровня социально-трудового благосостояния, целей социально-трудовых программ на двадцатилетнюю перспективу, а затем и при обосновании системы мероприятий по совершенствованию форм трудовой жизнедеятельности.

Мы предполагаем, что на основании моделей можно будет выявить такие типы трудовой жизнедеятельности, вероятность реализации которых весьма существенна, а среди них — типы социально неэффективные. Каждый тип, очевидно, должен обладать достаточной распространённостью. Есть основания полагать, что удастся обнаружить "критические" звенья типов трудовой жизнедеятельности, то есть такие формы в этой сфере жизнедеятельности, реализация которых на той или иной стадии трудового цикла с наибольшей вероятностью определяет формирование дальнейшей трудовой судьбы по какому-то типу. Объектами программ в социально-трудовой сфере должны стать в первую очередь именно "критические" звенья социально-неэффективных типов индивидуальной трудовой жизнедеятельности.

Цели по возвышению социально-трудового благосостояния, подлежащие реализации в конце прогнозного периода, можно, на наш взгляд, задавать посредством модели, структура которой аналогична структуре моделей, описанных выше. При этом желательно рассмотреть несколько вариантов структуры типов трудовой жизнедеятельности на конец прогнозного периода. Все эти варианты как различные способы движения на данном (двадцатилетием) отрезке времени к качественно новому уровню

социально-трудового благосостояния должны быть направлены на достижение этой этапной цели.

Сложность реализации очерченного подхода к разработке задающей модели связана с тем, что целевые требования этапного масштаба не следует представлять в слишком конкретной форме, например, количественной структурой населения по типам трудовой жизнедеятельности. Думается, что в задающей модели необходимо и достаточно представить важнейшие направления сдвигов в структуре населения в терминах изменения вероятностей реализации тех или иных форм трудовой жизнедеятельности. Соотношением вероятностей будут заданы приоритеты тех или иных сдвигов.

Разработка предложений о государственных мероприятиях по совершенствованию форм трудовой жизнедеятельности потребует качественного анализа общественных условий, являющихся причинами образования "критических" звеньев социально неэффективных типов трудовой жизнедеятельности. Определить причины образования "критических" звеньев — это значит вычленив конкретные социальные проблемы в области трудовой жизнедеятельности, которые надо решать в первую очередь.

В рамках целенаправленного прогноза на двадцатилетний период пути повышения уровня социально-трудового благосостояния должны быть конкретизированы до круга основных комплексных социально-трудовых программ и взаимосвязанных сроков их реализации; главных требований к программам, подлежащим последующей разработке на основании прогноза; предложений об основных плановых государственных мероприятиях, обеспечивающих повышение социально-трудового благосостояния до прогнозного уровня. Одно из важнейших требований к программам — комплексное возвышение форм трудовой жизнедеятельности, что, в частности, должно выражаться в сквозном характере программ: объектами изменений должны быть все "критические" звенья данного социально неэффективного

типа трудовой жизнедеятельности и все социально неэффективные типы. Это требование в полном объеме может быть выполнено путем разработки системы взаимосвязанных программ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целенаправленный подход к анализу современных тенденций развития социально-трудовых отношений позволяет свести многообразие конкретных проблем, которые то и дело возникают в сфере труда, к нескольким крупным ключевым проблемам. Необходимость вычленения ключевых проблем обусловлена тем, что преодоление негативных тенденций и стратегическая направленность развития социально-трудовых отношений могут быть обеспечены лишь при комплексном подходе к совершенствованию условий трудовой жизнедеятельности. Именно это мы и стремились показать в данной работе.

В настоящее время совершенствование техники и технологии производства, форм организации труда, совершенствование системы образования и профессиональной подготовки и другие процессы, влияющие на социально-трудовое положение советских людей, в недостаточной степени увязаны друг с другом, не отвечают требованию комплексности и ориентируются по большей части на решение задач экономического характера или же на решение наиболее очевидных, лежащих на поверхности проблем и противоречий. Некомплексность не может дать устойчивого, долговременного эффекта.

Важнейшими комплексными проблемами развития социально-трудовых отношений, на наш взгляд, являются следующие.

1. Создание и дальнейшее развитие целостной системы (механизма) государственных гарантий права на труд.
2. Реализация, воспроизводство и гармоничное развитие индивидуальных свойств личности в процессе труда.

3. Гармоничное развитие индивида в рамках коллективных форм трудовой жизнедеятельности,

В ходе разработки Комплексной программы научно-технического прогресса СССР в рамках целевого прогноза труда предстоит проработать все три названные ключевые комплексные проблемы, доведя эту проработку до целостной системы практических мероприятий. Это должна быть в методологическом отношении по существу пионерная разработка, предполагающая эффективную координацию исследователей разных специальностей. Мы полагаем, что основой подобной координации во многом могут послужить развитые в настоящей работе методологические подходы и теоретические положения. Эти подходы и положения были выработаны и частично апробированы нами при анализе некоторых комплексных народнохозяйственных проблем в той форме, в какой они были поставлены руководящими органами или фактически решаются. Среди этих проблем — мобилизация трудовой и социальной активности работников; интенсификация общественного производства; сокращение применения в народном хозяйстве ручного труда; создание бригад нового типа и распространение бригадной формы организации и стимулирования труда и др. (Резюме некоторых из этих исследований см. в [12].) Проведённая апробация показала зауженность самой постановки проблем, необходимость придания им должной комплексности, социально-политической широты. Методология, развиваемая нами, позволила подойти к анализируемым проблемам как к частным случаям более общих проблем. Это убеждает нас, что принципы и конкретные методы решения социально-трудовых проблем должны основываться на этой методологии.

Изложенные в данной работе результаты позволяют вести дальнейшее целенаправленное исследование социально-трудовых отношений, причём вести его, ориентируясь на практические нужды долгосрочного прогнозирования и долгосрочного планирования развития сферы трудовой жизнедеятельности советских людей и совершенствования социалистического образа жизни в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Марко К. и Энгельс Ф.** Манифест Коммунистической партии. — К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 4.
2. **Энгельс Ф.** Йозефу Блоху, 21 (-22) сентября 1890 г. — К.Марко и Ф.Энгельс. Соч., т. 37.
3. **Энгельс Ф.** Францу Мерингу. 14 июля 1893 г. — К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 39.
4. **Ленин В.И.** Материализм и эмпириокритицизм. — ПСС, т. 18,
5. **Ленин В.И.** Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов? — ПСС, т. I.
6. **Ленин В.И.** Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата. — ПСС, т. 39.
7. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята 7 октября 1977 г. — М.: Политиздат, 1978.
8. Пленум Центрального Комитета КПСС, 14-15 июня 1983 г.: Стенографический отчет. — М.: Политиздат, 1983.
9. Инициатива, организованность, эффективность. — Правда, 12 апреля 1985 г.
10. Совершенствование развитого социализма и идеологическая работа партии в свете решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции. Москва, 10-11 дек. 1984 г. — М.: Политиздат, 1985.
11. **Ракитская Г.Я., Ракитский Б.В.** Цели и критерии социально-экономического прогресса. — В сб.: Экономика и общество (истоки и современные проблемы марксистской методологии исследования социально-экономического развития). Сборник трудов. Выл. 8 — М.: ВНИИСИ, 1983.
12. **Ракитская Г.Я.** Преобразования в труде в условиях интенсификации производства. — В сб.: Социально-экономические проблемы интенсификации общественного производства. Сборник трудов. Выл. 2 - М.: ВНИИСИ, 1983.

13. **Ракитская Г.Я.** Цели социально-экономического развития и эффективность научно-технического прогресса. Препринт. — М.: ВНИИСИ, 1982.
14. **Ракитский Б.В.** Что такое экономические методы хозяйствования. — М.: Московский рабочий, 1969.
15. Философская энциклопедия, т. V. — М.: Советская энциклопедия, 1970

Печатается по тексту публикации: Г.Я.Ракитская. Проблемы и направления развития социально-трудовых отношений в СССР. — М.: ВНИИСИ. 1986. 61 с.

О СОЦИАЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ ЗАВОДСКОГО СОЦИОЛОГА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ФАКТОРОВ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРУДА

Концентрация в настоящее время внимания на социальных факторах повышения эффективности производства и труда не означает, что в прежние периоды развития страны игнорировалось существование тесной связи социально-экономических условий жизнедеятельности и уровня развитости личности трудящихся с собственно экономическими процессами на предприятиях (с текучестью кадров, интенсивностью труда, ростом производства). Напротив, современные социально-групповые различия во многом сложились в результате более активного использования социальных факторов эффективности в тех сферах хозяйства, развитию которых в те или иные конкретные периоды придавалось приоритетное значение. Проблема социальных факторов реально актуализируется сейчас стремлением хозяйственной практики компенсировать недостаточную действенность сложившегося механизма хозяйствования в области мобилизации технико-технологических и организационно-экономических резервов производства.

Однако меры, влияющие на социальный облик трудовой и внепроизводственной жизнедеятельности работников, нельзя считать обоснованными, если аргументом в их пользу служит лишь необходимость решения производственно-экономических задач. Эти меры должны органично вписываться в процесс всестороннего прогрессивного совершенствования образа жизни трудящихся, в процесс всё более полного осуществления социалистических его принципов и форм. Другими словами, использование социальных факторов эффективности производства необходимо и допустимо только в условиях обеспечения приори-

тета социальных критериев прогресса в развитии личности и организации труда, быта, досуга трудящихся.

Соблюдение социальных границ подчинения работника требованиям техники, технологии и экономической эффективности неизбежно исключает часть резервов роста производительности труда и рентабельности из числа допустимых для практического применения. Кроме того, для прогрессивного совершенствования жизнедеятельности работников необходимо осуществление на предприятиях и таких мероприятий в области развития трудовых коллективов, которые не дают экономического эффекта.

В связи с этим требуется строгая, соответствующая природе социалистического строя постановка задачи повышения роли социальных факторов (т.е. того, что сейчас называют человеческим фактором) в ускорении социально-экономического развития страны. Следует учитывать два аспекта этой задачи.

Один аспект — это необходимость явного и полного использования социальных резервов эффективности везде, где они по тем или иным причинам используются ещё недостаточно. Применительно к конкретному предприятию это по существу есть задача обоснования такой комплексной системы мероприятий по повышению эффективности хозяйствования, которая строилась бы с учётом общей и специфической для того или иного контингента работников взаимосвязи (взаимоусиления или противодействия) технических, организационных и социально-экономических факторов эффективности.

В разработке и практической реализации подобной системы мероприятий роль заводского социолога чрезвычайно велика, поскольку он может привлечь к решению этой задачи богатый опыт, накопленный отечественной и зарубежной наукой, обеспечить профессиональное (взамен прежнему, по преимуществу кустарному) видение проблем и предложить там, где это целесообразно, испытанные стандартные процедуры их решения.

Однако в настоящее время всё более настоятельным становится другой аспект рассматриваемой задачи —

последовательная демократизация производства, его гуманизация. Только на этой основе могут быть выявлены и реализованы подлинно социалистические по своей природе, а потому наиболее действенные в конечном счете факторы общественно-экономического развития, в том числе многообразные конкретные социальные резервы повышения экономической эффективности производства и труда.

Никто не возражает против положения, что при социализме производство для человека, а не человек для производства. В то же время хозяйственники-практики (и многие социологи) на деле исходят из такого понимания человеческого фактора, при котором человек оказывается лишь объектом управления наряду с техникой, технологией и другими факторами производства.

Формирование нового типа хозяйственного мышления невозможно без усвоения задачи демократизации, без осуществления подлинной демократизации на деле.

Роль социологов-практиков в осуществлении этой задачи зависит от общей концепции социологической службы на предприятии. Единства здесь нет. Долгое время заводская социология развивалась без ясного осознания её коренных задач. Но в последние годы всё яснее обозначаются два противоположных подхода.

Один из них отождествляет задачи заводских социологов с задачами администрации предприятий по обеспечению выполнения производственных планов и улучшению показателей хозяйственной деятельности. Для него характерно низведение заводской социологии до уровня лишь прикладной инженерной науки, а заводской социологической службы — до уровня одного из обычных функциональных подразделений предприятия. Такая позиция социолога ведёт к тому, что использование процедур так называемой социальной технологии, предлагаемых для повышения эффективности производства, неизбежно начинает играть функцию одностороннего управления работником во имя целей данной организации.

Теоретическим истоком и оправданием концепции заводской социологии как обслуживающей преимущественно производственно-экономические цели администрации предприятия служит упрощённое представление об общественных функциях социалистического предприятия.

В условиях ускорения социально-экономического развития возникает ряд новых задач. Заводские социологи призваны помочь трудовому коллективу углубить разработку программ социального развития трудового коллектива. Правоммерно также было бы поставить вопрос о причинах, по которым заводские социологи зачастую вынуждены маскировать гуманистическую направленность своей деятельности на предприятиях, оправдывать соображениями сиюминутного экономического эффекта целесообразность осуществления мероприятий, соответствующих социальной политике социалистического государства.

Совершенно справедливо утверждение, что в теоретико-методологическом обосновании деятельности социологической службы предприятия ведущую роль должна играть теория социалистического трудового коллектива [1]. Верный подход к решению проблемы места и роли заводской социологии предполагает понимание того, что функции социалистического трудового коллектива не сводятся к экономическим функциям предприятия как хозяйственного звена. У социалистического трудового коллектива есть ещё и социальная функция — быть проводником политики социалистического государства по превращению коллективной трудовой жизнедеятельности в сферу гармоничного развития личности, в сферу полноценной и самоценной трудовой и социальной активности трудящихся. Содействие заводской социологии выполнению этой функции несовместимо с технократически-бюрократическим отношением к работнику, которое неизбежно рождается при односторонней ориентации социологических разработок на цели роста только экономической эффективности производства.

Закон СССР о трудовых коллективах ставит задачу последовательной реализации ленинских положений "об участии трудящихся в управлении, о том, что каждый труженик должен чувствовать себя хозяином на своём предприятии и представителем всей страны" [2]. Это относится и к заводским социологам. Они должны быть представителями именно общенародных интересов, обслуживать своими исследованиями не только одну администрацию, но и весь трудовой коллектив. Однако интересы администрации и рядовых тружеников не тождественны, расходятся в конкретных производственных ситуациях. Важно подчеркнуть, что в условиях коренного единства этих интересов (т.е. если их противоречивость носит по сути неантагонистический характер) заводские социологи могут и должны работать, не становясь односторонне на позиции либо администрации, либо каких-либо иных групп или категорий работников. Это делает их исследования объективными, научно глубокими, прогрессивными. Такая социальная позиция позволяет непредвзято оценить действия как администрации, так и других категорий работников. Она позволяет выявить бюрократический, формалистский характер руководства коллективом, отклонения от социалистического отношения к труду у тех или иных групп работников, здоровый или нездоровый социально-психологический климат в бригаде, цехе и т.д.

Столь независимое положение социологической службы способен гарантировать руководитель предприятия или организации, а также общественные организации во главе с партийной организацией. По мере реальной активизации трудящихся в сфере управления производством гарантии независимой от односторонне групповых интересов позиции социологов будут укрепляться.

Второй важный момент, определяющий место социологов в трудовом коллективе, связан с пониманием механизма осуществления рекомендаций, разработанных социологическими службами.

Всем социологам знакомо чувство, когда опирающиеся на обследования оценки и рекомендации ка-

жуются достоверными и единственно возможными подходами к осуществлению дальнейшей деятельности. Возникает желание внушить единственно правильное решение руководителю, разработать для управляемых такие процедуры проявления их активности, которые однозначно и кратчайшим путём приводили бы их к единственно верным вариантам поведения. Другими словами, постоянно возникает желание подменить выводами, оценками и рекомендациями социологической службы жизнь трудового коллектива. Такая позиция вызывает следующее возражение: наука не может заменить собой практику, накопление трудящимися реального опыта социального управления.

Примером могут быть проведение и использование результатов социологических опросов для повышения обоснованности оценок деловых и личных качеств руководителей. Несомненно, что изучение общественного мнения, в том числе и в рамках отдельных предприятий, может и должно играть существенную роль в отслеживании динамики и направленности развития социальных процессов. В то же время неверно было бы преувеличивать значение социологических опросов в деле демократизации процессов управления производством. Изучение мнения коллектива о том или ином руководителе или же о претенденте на ту или иную руководящую должность способствует, конечно, принятию администрацией более правильных решений в области подбора и расстановки кадров. Однако вряд ли справедливо утверждать, что подобным способом можно "преодолеть существующие здесь элементы формализма" [3].

Вполне правомерно сейчас на уровне первичного звена трудового коллектива типа бригады (а в дальнейшем и применительно к другим его звеньям) делать ставку на реальную выборность руководителей, что предполагает не только и не столько учёт рекомендаций социологов, сколько гласное обсуждение кандидатур, открытое столкновение различных позиций, мнений. В общем же случае заводскому социологу как специалисту в области управле-

ния социальными процессами должно быть чуждо стремление помочь коллективу избежать ошибок в ущерб задаче привить трудящимся навыки социалистического демократического самоуправления, открыть рабочим возможности приобретения и накопления собственного опыта решения соответствующих их компетенции социально-производственных проблем.

Исходя из сказанного о роли и социальной позиции заводских социологов следует в принципе рассмотреть и вопрос о приемлемости или неприемлемости тех или иных конкретных методов эмпирических исследований, направленных на выявление и мобилизацию социальных факторов эффективности труда.

По-видимому, ряд традиционных для социологии методов исследования социальных процессов должен будет уступить место иным методам, более адекватным задаче дальнейшей демократизации жизнедеятельности трудового коллектива.

Возьмём для примера метод анонимных опросов, зачастую играющий роль основного источника информации для социолога. Метод этот вполне адекватен такому управлению трудом, которое рассчитано на разъединение работников, на недопущение их совместного обсуждения положения дел на предприятии и тем более — их совместных действий. Адекватен он и такой роли заводского социолога, которая сознательно или по заблуждению ограничена обслуживанием только администрации. Так что социолог отстраняется или самоустраняется от активизации мыслей, настроений, действий конкретных работников и низовых коллективов. В условиях демократизации управления трудом (а она с необходимостью следует из установок партийных решений и Конституции СССР) метод анонимных опросов всё чаще будет оказываться фактором, тормозящим формирование социальной активности в коллективе, направляющим активность не в самое эффективное русло. Он недостаточно полно выявляет истинную готовность членов коллектива принять активное участие в управлении.

Несомненно, метод анонимных опросов будет применяться и впредь. Однако гораздо более эффективным способом выявить истинные настроения работников и уловить ряд существенных нюансов в социально-психологической атмосфере трудового коллектива (а также решить и ряд других задач — см., например, работу [4]) является метод интервью, понуждающий социолога покинуть позицию беспристрастного исследователя, занять граждански ответственную позицию. В этом случае социолог оказывается действительно членом коллектива, а не посторонним наблюдателем с позиций "чистой науки" и не односторонне смотрящим на происходящее референтом администрации.

Опыт интервьюирования рабочих убеждает в большом их доверии к интервьюерам, чётко и впрямую ставящим злободневные вопросы, подтвердил вывод о том, что доверие поддерживается принципиальной позицией социолога [4]. Многие рабочие говорят, что готовы подтвердить сказанное ими при любом открытом обсуждении. Это позволяет уточнить оценки достоинств и недостатков ряда усвоенных нашей конкретной социологией инструментов исследования. Уточнение это уже начинается и, по-видимому, будет расширяться. Крайне важно, чтобы оно с самого начала шло в русле демократизации жизни трудового коллектива.

Л и т е р а т у р а

1. Сысоева Л.Л. "Социальная инженерия" и специфика промышленной социологии. — Журнал «Социологические исследования». 1984, № I,
2. Закон Союза Советских Социалистических Республик "О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями". — М.: Юрид. лит. 1984.
3. Колодин Б.Н. Ориентируясь на мнение коллектива. — Журнал «Социологические исследования». 1985. № 2.
4. Герчиков В.И. Методы работы заводского социолога. — Журнал «Известия Сибирского отделения АН

СССР. Серия экономики и прикладной социологии». 1984. №7. Вып.2.

Печатается по публикации в сборнике: «Социальные резервы повышения качества и эффективности труда. Материалы семинара». М.: Московский дом научно-технической пропаганды. 1986. Стр. 30-35.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ТРУДОВОМ КОЛЛЕКТИВЕ

Вопросы положения трудящегося в социалистическом трудовом коллективе изучены в настоящее время недостаточно. Отсутствует целостная концепция социалистического трудового коллектива, охватывающая представления о его общественных функциях и формах социально-экономической организации на разных этапах социализма. Без такой концепции трудно осмыслить и оценить реальные тенденции развития социально-экономических отношений в трудовых коллективах, обосновать долгосрочную стратегию совершенствования коллективных форм трудовой жизнедеятельности.

Содержащиеся в литературе подходы к проблематике социалистического трудового коллектива зачастую неудовлетворительны в двух отношениях.

Во-первых коллективистские начала (коллективизм) в организации того или иного процесса рассматриваются как синоним его социалистического характера. Между тем коллективизм сам по себе означает не более чем общественный характер (обобществлённость), а, стало быть, не является порождением социализма и не исчерпывает его существа.

Во-вторых, развитие коллективных форм жизнедеятельности отождествляется с укреплением коллективизма и более того — с прогрессом социалистического типа жизнедеятельности. Между тем коллектив не является единственной институциональной формой коллективизма. Кроме того, коллективизм и коллектив могут быть по своему характеру как социалистическими, так и несоциалистическими; то же самое можно сказать и о тенденциях, складывающихся внутри коллектива.

В связи с изложенным требуется уточнить ряд ключевых понятий.

Трудовой коллективизм. Общая черта всякого трудового коллективизма — такой способ связи участников общественного воспроизводства, который обеспечивает их функционирование как единого целого. Участниками общественного воспроизводства могут быть как отдельные труженики (или семьи), так и группы трудящихся (трудовые, или производственные коллективы).

Социалистический трудовой коллективизм принципиально отличается от коллективизма несоциалистического типа, хотя в нём и проявляются черты, свойственные всякому обобществлению труда и производства. Коллективизм принимает социалистический характер в том случае, если деятельность участников воспроизводства не только осуществляется как единое целое, но и:

во-первых, подчинена целям созидания полного социально-экономического равенства;

во-вторых, не препятствует развитию личности трудящегося, способствует этому развитию.

Социалистический трудовой коллективизм есть обобществление трудовых усилий, проявлений способностей к труду, но вовсе не обобществление самих этих способностей и тем более — не обобществление людей со всеми присущими им способностями. Он жёстко связывает в едином процессе труда лишь часть индивидуальных свойств, не подавляя разнообразия проявлений других свойств, в том числе и в сфере труда.

Трудовой (производственный) коллектив — определённым образом внутренне организованная группа людей, образующая вместе со средствами производства целостно функционирующее относительно обособленное звено воспроизводственной (социально-хозяйственной) структуры общества. По ряду причин (в первую очередь из-за общности производственных технологий и совпадения некоторых из конкретно-исторических ориентаций управляющих обществом структур) имеет место сходство отдельных черт внутренней организации и способов связи трудовых

коллективов с обществом в разных формациях. Однако социальная природа производственных коллективов (т. е. их социально-экономические функции и сущность трудовых отношений в рамках самих коллективов) существенно зависит от характера общественного строя.

Коллективная организация труда не является для социализма лишь средством достижения необходимых обществу хозяйственных результатов. Трудовой коллектив — ячейка самого социалистического общества, звено его политической, экономической и социальной систем (см. [4, с. 7—8; 5, с. 3]). А потому не только эффективность совместного участия группы трудящихся в общественном воспроизводстве, но и характер способов трудовой жизнедеятельности группы в целом и каждого её члена определяют социалистичность производственного коллектива.

Важнейший вывод из сказанного состоит в следующем: экономическая история человечества не дала, да и не могла дать социализму таких примеров коллективной организации труда, которые можно было бы без существенных изменений использовать в механизме социалистического хозяйствования. В связи с этим необходимо, изучая возможности заимствования нашей практикой применяемых в несоциалистических странах форм и методов коллективной организации труда, строго разграничивать приемлемое и не приемлемое для социализма. Пример такого социально-политического подхода мы находим в ленинских работах о кооперации.

Проблема положения личности в трудовом социалистическом коллективе существует в силу того, что конкретный коллектив выступает звеном, опосредующим включение индивида в трудовую жизнь общества, так что совокупность требований, предъявляемых им к работнику, существенно определяет возможности и направления развития индивидуальных свойств личности.

Какой бы ни была производственно-технологическая специфика хозяйственных звеньев, их социально-экономическая организация (система форм и методов управления производством и трудом) должна способствовать

осуществлению социальной функции трудового коллектива — быть активным и последовательным проводником стратегической политики социалистического государства по расширению и выравниванию условий развития личности в сфере труда и по обеспечению соответствия возможностей приложения индивидуальных способностей к труду их развивающемуся состоянию. Выполнение трудовыми коллективами названной функции закономерно представляет собой столь глубокую проблему, что правомерно говорить о существовании объективного основного противоречия социалистического трудового коллектива²⁷. Каковы источники и суть этого противоречия?

Технико-технологической и организационной (т. е. материально-производственной) базой современного общества является фабрично-машинная индустрия. Поэтому и при социализме общественно нормальное требование к человеку как к работнику — коллективный характер трудовой жизнедеятельности (закон всякой кооперации труда). Нормы и правила трудового поведения, обусловленные кооперацией труда, есть предпосылка и условие участия индивида в общественном производстве. Это определённые требования к результативности труда, к способам её обеспечения (дисциплинированности, организованности, режиму работы), к уровню развития работников (профессиональной подготовке, квалификации, инициативности, самостоятельности и т. п.). На этой основе, общей для всякого фабрично-машинного производства, в зависимости от характера общественного строя складываются разные по типу трудовые коллективы.

²⁷ *Выявление такого противоречия необходимо для научного обоснования социально-экономических мероприятий по развитию трудовых коллективов. XXVII съезд КПСС определил анализ объективных противоречий социалистического общества, выработку обоснованных рекомендаций по их разрешению как неотложную задачу общественных наук на современном этапе развития (см. [3, с. 57]).*

Капиталистическая фабрика соединяет деспотизм машин с деспотизмом управления трудом и по сути своей стремится ограничить развитие личности работника теми пределами, которые диктуются применяемыми технико-технологическими средствами. При этом, по словам К. Маркса, «все средства для развития производства превращаются в средства подчинения и эксплуатации производителя, они уродуют рабочего, делая из него неполного человека, принижают его до роли придатка машин» [1, с. 660]. Новейшие методы управления трудом в капиталистических фирмах, рассчитанные на использование социальных факторов эффективности производства, прежде всего дополняют эксплуатацию физических потенций человека эксплуатацией других его качеств (см., например, [6]). Капиталистическая система всё больше превращает трудящегося в придаток всей машинной цивилизации (см, [7, с. 9-12]).

Социализм меняет общественный строй производства, но сама материально-производственная база (техника, технология и в определенной мере организация производства) остаётся долгое время сходной с капиталистической, что обуславливает длительное сохранение тяжелого физического, монотонного, вредного для здоровья и т. п. видов труда. Социализм сохраняет, кроме того, хозяйственную обособленность звеньев экономики, товарный обмен и денежно-стоимостной механизм соизмерения коллективных и индивидуальных вкладов в совокупный экономический эффект.

В силу этих обстоятельств социалистическому трудовому коллективу свойственно противоречие между тенденцией к подчинению трудящегося требованиям всё ещё не адекватной гуманной природе социалистического строя техники и технологии производства (в связи и в меру необходимости обеспечить экономически эффективное функционирование звена) и тенденцией к превращению коллективной трудовой жизнедеятельности в сферу гармоничного развития личности, самоценной и полноценной трудовой и социальной активности трудящихся (в связи с

необходимостью реализации общественных интересов по освобождению труда, по последовательной гуманизации производства).

Очертим главные формы разрешения этого противоречия.

В каждый данный момент коллектив как субъект проведения в жизнь общенародных интересов обязан обеспечить общественно нормальные социально-производственные условия труда и в то же время должен осуществлять комплекс требований к работникам, направленный на обеспечение эффективности функционирования звена. Пределом таких требований должны выступать социальные нормы, регулирующие содержание, условия труда и его оплату. В случае, если производственно-технологическая специфика звена предъявляет к работнику более жёсткие требования, нежели установленные обществом нормы (отклонения не в пользу работника), возникает необходимость социальных компенсаций. Их функция — смягчение и предотвращение отрицательного влияния труда, снижающего возможности развития конкретного индивида по сравнению с общественно нормальными. Границы применения отношений социального компенсирования также регулируются обществом.

Однако и при общественно нормальных условиях производства материально-производственная база, пока она ещё не является полностью адекватной социалистической природе строя, постоянно питает тенденцию своего рода технико-технологического деспотизма, формирования и функционирования трудящегося как частичного, односторонне развитого работника. Эту тенденцию трудовой коллектив в соответствии со своей социальной функцией обязан преодолевать демократической организацией управления производством и трудом. На этой проблеме необходимо остановиться.

Управление, конечно же, не может не отражать объективной взаимосвязи трудящихся с техникой и технологией. Но весь вопрос в том, насколько жёсткими могут и

должны быть эти взаимосвязи. Демократическое (коллективное в рамках закона) самоуправление в звене — один из необходимых способов противостоять ограничивающему развитию личности технико-технологическому деспотизму, фактически подчинить экономические критерии эффективности функционирования звена социальным критериям прогресса трудовой жизнедеятельности. Управление в звене, благодаря демократическому характеру, должно быть при социализме с самого начала и на протяжении всей его истории поприщем для приложения тех личностных свойств трудящихся (социально-нравственных и интеллектуально-творческих), для развития которых не даёт ещё достаточно простора собственно трудовой процесс. «... Для нас важно, — говорил В.И. Ленин, — привлечение к управлению государством поголовно всех трудящихся. Это — гигантски трудная задача. Но социализма не может ввести меньшинство — партия. Его могут ввести десятки миллионов, когда они научатся это делать сами. Нашу заслугу мы видим в том, что мы стремимся к тому, чтобы помочь массе взяться за это самим немедленно, а не учиться этому из книг, из лекций» [2, с. 53].

Участие в управлении трудом и производством расширяет сферу активности человека, гармонизирует его жизнедеятельность, а тем самым расширяет, гармонизирует, в целом возвышает индивидуальные способности и потребности. Этим должно обеспечиваться развитие трудящихся, опережающее требования материально-производственной базы, что способствует усилению социальной направленности научно-технического прогресса, подчинению техники везде, где это становится возможным, задачам развития личности. Следует отметить, что стиль хозяйственного (в том числе управленческого) мышления, сформировавшийся в нашей стране в обстановке форсированной индустриализации и низкого образовательного потенциала населения, включает, как правило, установку подтягивать культурно-технический уровень работников к требованиям техники и технологии. В современных условиях этот стиль мышления проявляется в представлениях

о необходимости формировать работника, трудовые ресурсы в соответствии с требованиями научно-технической революции, разворачивающейся, якобы, по своим собственным, внутренним (не зависящим от общественного строя) законам. Если администрация или трудовой коллектив руководствуются таким подходом, то они превращаются в силу, не противостоящую тенденции технико-технологического деспотизма, а фактически способствующую ей. Принципиально так же обстоит дело, если трудовой коллектив ориентирован на узкоэкономические критерии эффективности своей деятельности.

Иначе выглядит решение тех же самых проблем с точки зрения установок партии на усиление социальной ориентации экономики. Эти установки исходят из того, что в современном производстве нет жёсткой связи между техникой и технологией как причинами и характером труда и управления трудом как следствием, что причина и следствие в реальном производстве меняются местами и имеет место взаимодействие. Другими словами, наличный материально-производственный аппарат оставляет возможности для демократического варианта управления трудом, для такой организации труда, которая основана на гуманных принципах и предполагает социальные границы подчинения работника требованиям техники, технологии и экономической эффективности. Несомненно, что эти социальные ограничения неизбежно исключают часть резервов роста производительности труда и рентабельности, однако в условиях научно-технического прогресса в целом могут перекрываться социальными резервами роста такой эффективности. В то же время в условиях медленного прогресса техники разрыв между социальными резервами и социальными ограничениями увеличивается.

Основное противоречие социалистического трудового коллектива невозможно разрешить, ограничившись лишь собственными усилиями трудовых коллективов. До конца и радикально оно может быть разрешено лишь в условиях осуществления активной общегосударственной политики, направленной на принципиальное изменение

материально-производственной базы функционирования трудовых коллективов. Суть этой политики — переход от наличной материально-производственной базы с имманентно присущей ей тенденцией технико-технологического деспотизма к такой, которая рассчитана на функционирование гармонично развитого работника. Научно-технический прогресс характеризуется при этом социальной заданностью, подчинён в первую очередь социальным целям.

Создание условий развития личности в трудовом коллективе усложняется на современном этапе последствиями длительного отставания механизма хозяйствования от объективных потребностей практики. Главные осложняющие причины — отсутствие норм и правил хозяйствования, обеспечивающих необходимую социальную направленность научно-технического прогресса; наличие излишних ограничений самостоятельности звеньев в осуществлении государственной социально-экономической стратегии; неразвитость форм и методов осуществления демократического самоуправления звеньев.

Указанные обстоятельства делают одной из наиболее актуальных задач создание таких нормативно-правовых условий хозяйствования, которые, с одной стороны, ограничили бы роль звеньев в формировании социального типа технико-технологической базы производства, подчинили бы их деятельность общегосударственным стратегическим установкам, а с другой — расширили бы их экономические возможности и роль в области прогрессивного (по общественным критериям) улучшения способов трудовой жизнедеятельности. В настоящее время из-за отсутствия жёсткого социального контроля за научно-техническим прогрессом хозяйственная стратегия звеньев под воздействием производственно-экономических задач фактически консервирует технико-технологическую базу, не отвечающую целям гармоничного развития личности.

Другая актуальная задача — преодоление разноравноправности интересов работников преимущественно исполнительного труда (трудящихся, собственно трудово-

го коллектива) и работников преимущественно управленческого труда (администрации). Наличие таких групп констатируется де-юре Законом СССР о трудовых коллективах от 17 июня 1983 г. — статья 4 Закона различает в рамках трудового коллектива администрацию и трудящихся, а статья 7 предусматривает порядок заключения коллективных договоров между трудовым коллективом и администрацией звена (см. [5]).

Сложившееся обособление администрации закрепляет в звеньях бюрократические методы, затрудняет осуществление трудовым коллективом своих законных полномочий в области управления производством, трудом и социальным развитием. В результате хозяйственное звено становится проводником тенденций, противодействующих реализации единой государственной политики в области социальной и экономической организации труда, его нормирования и стимулирования. Социальная обстановка в звене, складывающаяся в этих условиях, недостаточно способствует развитию социальной и трудовой активности трудящихся, нередко порождает отклоняющиеся от социалистических форм социально-трудового поведения, а также нарушения трудового законодательства при попытках бороться с этими явлениями.

Современная практика пытается компенсировать недостатки хозяйственного механизма путём развития новых форм организации и управления трудом на уровне первичного звена. Одной из таких, порождённых инициативой снизу, форм является бригадная. Не рассматривая подробно социальный смысл и перспективы её использования, отметим только, что бригадный метод не способен сыграть роль универсального инструмента преодоления негативных явлений в сфере труда, автоматически обеспечить прогрессивную направленность его преобразования. Организация труда, соответствующая целям гармоничного развития личности трудящегося, возможна лишь в условиях комплексного совершенствования социально-экономического механизма хозяйствования, демократиза-

ции управления производством и трудом в масштабах всего трудового коллектива.

Для решения проблемы гармоничного развития личности в трудовом коллективе необходимо осуществить следующий комплекс взаимосвязанных мер.

Во-первых, включить в состав общей концепции совершенствования механизма хозяйствования нормы и правила, вытекающие из долгосрочных государственных социально-трудовых программ и обеспечивающих их реализацию научно-технических программ.

Во-вторых, развить организационно-управленческие структуры и процедуры, реально обеспечивающие функционирование трудового коллектива как полноправного органа демократического управления, ответственного за проведение общегосударственной социальной политики в сфере труда.

В-третьих, обеспечить роль партийных организаций и советов трудовых коллективов как представителей интересов всего общества, гарантировать независимость их позиции от односторонне групповых интересов, складывающихся в коллективе; выработать формы более активного выявления и согласования интересов различных социальных групп внутри трудового коллектива.

В-четвертых, ввести в трудовое законодательство положения, открывающие возможность развития разнообразных форм организации труда с учётом профессиональной, демографической, региональной и т. п. специфики различных категорий работников; предотвратить чрезмерное обособление трудовых коллективов и их низовых звеньев (в том числе бригад), возможное противопоставление коллективных интересов общегосударственным и личным.

В-пятых, осуществить комплексную реформу оплаты труда и социальных компенсаций.

В-шестых, найти такие формы организации и стимулирования управленческого труда, которые обеспечили бы функционирование администрации как одной из про-

фессиональных групп единого трудового коллектива, работающей по поручению коллектива и под его контролем.

В-седьмых, целесообразно перейти от организационно-правового регулирования отношений трудового коллектива с государством на основе коллективных договоров с администрацией звена к их регулированию на основе договоров всего трудового коллектива с вышестоящими звеньями управления. Содержание этих договоров должно быть расширено до уровня планов социального развития как составной части общей системы государственного планирования.

В-восьмых, широко развернуть работу, направленную на развитие в трудовых коллективах социально-хозяйственного правосознания, последовательно усиливать государственный контроль и надзор за соблюдением социальных и экономических прав и свобод личности.

Л и т е р а т у р а :

1. Маркс К. Капитал, т. I. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23.
2. Ленин В. И. Доклад о пересмотре программы и изменении названия партии 8 марта 1918 г. — В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36.
3. Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция. Принята XXVII съездом КПСС. — М.: Политиздат, 1986.
4. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. — М.: Политиздат, 1977.
5. Закон Союза Советских Социалистических Республик «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями», — М.: Юрид. лит., 1984.
6. Труд в капиталистическом производстве: проблемы управления. — М.: Наука, 1984.
7. Ракитская Г.Я., Ракитский Б.В. Цели и критерии социально-экономического прогресса. — В сб.: Экономика и общество (Истоки и современные проблемы марксистской методологии исследования социально-экономического развития). Вып. 8, М.: ВНИИСИ, 1986.

РЕЦЕНЗИЯ О МОНОГРАФИИ «ТРУД В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ»²⁸

В монографии анализируются новые явления в организации и управлении трудом в промышленно развитых капиталистических странах, вскрываются причины, тенденции и противоречивые результаты активизации капиталистических фирм в сфере поисков организационных факторов повышения эффективности труда.

Для советского читателя данная работа интересна прежде всего стремлением исследовать способы управления трудом в капиталистических фирмах в тесной связи как с особенностями развития материально-технической базы производства в условиях научно-технической революции, так и с задачами господствующего класса по сохранению и упрочению своего положения в общественной структуре, по расширению и усилению эксплуатации трудящихся. Благодаря этому определяется ряд сходных для социалистических и капиталистических стран черт рационализации труда, наличие которых обусловлено фабрично-машинным характером производственной технологии и ориентацией на повышение экономической эффективности производства. Вместе с тем — это особенно важно подчеркнуть — строго выдержанная марксистско-ленинская идеологическая позиция авторского коллектива помогает читателю глубоко уяснить принципиальную, коренную противоположность адекватной социализму системы организации труда и системы капиталистической его организации при всех новейших модификациях последней.

²⁸ «Труд в капиталистическом производстве: проблемы управления» Отв. ред. Н.А. Климов. М., «Наука», 1984, 278 с.
Рецензия написана Г.Я.Ракитской и Б.В.Ракитским.

Актуальность работы далеко не исчерпывается тем, что в ней разоблачаются попытки буржуазных теоретиков и пропагандистов затушевать социальные антагонизмы современного капитализма. Научное, социально ориентированное изучение капиталистического опыта рационализации труда — необходимая предпосылка эффективного (по социалистическим критериям) использования нашей практикой хозяйствования некоторых из применяемых современными капиталистическими фирмами форм и методов организации труда, непереносимое условие разграничения приемлемого и непереносимого в зарубежном опыте для социализма. Рецензируемая работа вносит, по нашему мнению, существенный вклад в формирование верного, идеологически взвешенного отношения к опыту промышленно развитых стран капитализма в области управления трудом.

В первой главе монографии сконцентрированы основные положения и выводы, которые, по замыслу авторов, должны быть подтверждены и конкретизированы в последующих главах. Такое построение книги делает читателя активным участником исследовательского процесса. Он не только знакомится с фактами, но может вместе с авторами осмысливать их в свете предложенных теоретических гипотез, может либо согласиться с этими гипотезами, либо опровергнуть их, если приведённые аргументы представляются ему недостаточно убедительными. Следует отметить, что не все разделы книги, посвящённые конкретным формам организации производства и труда, в равной мере соответствуют глубокому теоретико-методологическому потенциалу первой главы. Некоторые теоретические положения этой главы, хотя и воспроизводятся на протяжении книги применительно к отдельным формам организации трудовых отношений, носят иной раз декларативный характер. Налицо как бы нереализованный идейный задел, постановка задачи, ждущей новых исследований.

В рецензируемой работе в целом удачно сочетаются глубокий критический анализ и содержательная инфор-

мация. В первую очередь это относится к пятой главе, посвященной организации участия трудящихся в управлении производством, девятой главе — о положении мастера в современной капиталистической промышленности; шестой главе, в которой рассматриваются новые формы организации и стимулирования труда учёных и инженеров.

Научная достоверность полученных выводов в решающей мере обеспечивается тем, что авторский анализ опыта капиталистического управления трудом базируется на вскрытии сущностных противоречий. Такой подход предполагает трудоёмкую работу по типизации проблем управления трудом, по отбору среди них важнейших, с одной стороны, для зарубежной практики, а с другой — для организации труда при социализме. Этим монография выгодно отличается от ряда других публикаций, в которых описание зарубежного опыта ведётся в ракурсе, вычлняющем по большей части внешнее сходство процессов организации и оплаты труда при капитализме и социализме.

В книге даётся глубокий предметный анализ новых явлений в управлении трудом в развитых капиталистических странах, и при этом читатель получает достаточные основания для формирования своего отношения к рассматриваемым нововведениям. Покажем это на двух примерах.

В последние 15-20 лет формы организации рабочего времени стали более гибкими. Обеспечение значительного разнообразия режимов работы предполагает решение многих производственных и внепроизводственных проблем. В книге показаны как результаты использования модифицированной структуры рабочего времени («сжатая рабочая неделя», «сдвинутые» графики работы, «гибкое рабочее время» и пр.), так и главные причины, приведшие к распространению этих нововведений. Одна из причин — классово-социальная. Она обусловлена интересом капитала интенсифицировать труд, обеспечить выгодные ему мобильность кадров и структуру занятости, повысить конкурентоспособность фирмы на рынке труда. Но есть и дру-

гая причина, лежащая в сфере взаимоотношений человека с современной техникой, с современными условиями жизни и связанная со стремлением человека освоить интересные его формы быта и досуга, совместить их с участием в производстве. Авторы книги анализируют обе причины, показывают борьбу интересов по поводу модифицированных режимов работы.

Другой пример — использование групповой (бригадной) организации труда. В нашей литературе возможности и преимущества бригадной организации труда часто рассматриваются вне связи с характером внешней по отношению к бригаде социальной среды. Высказывается мнение, что форма групповой организации труда, основанная на коллективной материальной заинтересованности и ответственности и на групповом самоуправлении, как таковая адекватна социализму. В связи с этим порождаются иллюзии, будто бы распространение бригадного метода способно сыграть роль чуть ли не панацеи от возникших у нас в последнее время негативных явлений в сфере труда, автоматически обеспечить дальнейшую прогрессивную направленность преобразования труда. Развеять подобные иллюзии, показать зависимость социальной сущности, социальных функций групповой организации производства и труда от специфики общественного строя и прежде всего от характера всей системы социально-трудовых отношений, отстоять марксистско-ленинское представление о несамостоятельности общественной природы артельно-групповой кооперации труда — задача весьма актуальная, имеющая непосредственные выходы в социалистическую практику совершенствования управления. Отсюда лежит путь к определению жёстких рамок, единых, устанавливаемых государством норм и правил функционирования бригады, при соблюдении которых допустимо использовать эту форму организации труда как один из способов повышения экономической эффективности социалистического производства. Исходя из сказанного, мы считаем безусловным достоинством монографии рассмотрение не только технико-технологических и сугубо экономических

аспектов групповой организации труда, но и специфических для капитализма причин и результатов данного нововведения. В работе показано, что отношение предпринимателей и разных слоёв трудящихся к групповой организации труда, её конкретным формам является существенно различным, во многом прямо противоположным. В целом же, как пишут авторы, «рабочий видит в новых формах организации труда средство усиления эксплуатации своих способностей» (с. 53-54). В упрёк авторам можно поставить, пожалуй, то, что они лишь упоминают об использовании предпринимателями групповой организации труда в качестве способа создавать «видимость совпадения целей рабочих и руководителей» (с. 43). Это явление заслуживает, на наш взгляд, большего внимания. В частности, следовало бы подробнее разъяснить позицию тех профсоюзов, которые видят в групповой организации труда реформистскую ловушку для рабочего класса (с. 54).

Авторы книги, стремясь глубоко раскрыть противоречия, формирующие капиталистическое управление трудом, на наш взгляд, сами в известной степени затрудняют свою собственную задачу. Над ними как бы довлеет идея, что всякие новые явления в управлении трудом надо непременно связывать с технико-технологическими изменениями. Наличие такой связи неоднократно подчеркивается. Так, на изменения в технологии, обусловленные научно-техническим прогрессом, указывается как на одну из непосредственных причин появления групповой организации труда (с. 39—40, 53), новой (проектной) формы управления исследованиями и разработками (с. 164), привлечения рабочих к управлению производством (с. 104) и др. Не случайно аргументированно доказать непосредственное влияние технико-технологических факторов на организацию труда авторам удаётся далеко не всегда. Напротив, логика исследования выводит их на анализ взаимодействия социально-экономических явлений самого широкого спектра. Именно такой анализ заслуживает всяческой поддержки, поскольку один и тот же уровень развития производительных сил, один и тот же тип техники и техно-

логии производства могут относительно продолжительное время существовать при наличии различных форм организации управления. Организация и управление в значительно большей мере зависят от социальных условий, нежели от уровня и характера техники. Производительные силы определяют характер общественных отношений, по словам Ф. Энгельса, лишь в конечном счете. Что же касается конкретных ситуаций, то общественные отношения обычно выступают решающим фактором, притом настолько, что служат критерием отбора вариантов как организационных, так и технико-технологических решений. На понимании этого основаны современные подходы к определению социальной эффективности хозяйствования.

Поэтому следует поддержать авторов, когда они, по существу, противопоставляют свои суждения распространенным у нас представлениям о том, что какой-либо технико-технологический тип производства единственно адекватен капитализму или социализму (скажем, поточно-конвейерный — капитализму, автоматизированный — социализму). Монография, с нашей точки зрения, выиграла бы, если бы в целом верная позиция авторского коллектива была высказана и проведена более отчётливо. Это в гораздо большей степени помогло бы преодолению указанного схематизма, сильно затрудняющего понимание реальных процессов организации труда как при капитализме, так и при социализме. Разграничивающий критерий адекватности следует искать не в самой технике, а в социальном типе её использования и развития, воплощающем суть общественного строя. Здесь, собственно, нет ничего принципиально нового. Это просто взгляд К. Маркса на применение машин. Но опыт показывает, что на каждом новом этапе нашей технической цивилизации его приходится как бы заново творчески осваивать.

Важное достоинство монографии, которое следует отметить, — рассмотрение проблем управления трудом в контексте реальной обстановки классовой борьбы в капиталистическом обществе. Сложность идейной борьбы и социальные конфликты отражаются в книге при рассмот-

рении почти всех конкретных нововведений. Убедительно критикуются старания идеологов буржуазии изобразить новшества как однозначно прогрессивные явления. Отмечена социальная ограниченность позиции руководства ряда профсоюзов в отстаивании интересов рабочего класса, чёткость социально-политической оценки капиталистической рационализации труда коммунистическими партиями (с. 61, 105, 116-117). Тем не менее, читателю хотелось бы получить более цельное представление об отношении различных рабочих организаций к нововведениям в сфере труда, об их позитивных программах в области организации и управления трудом.

Важным и сложным вопросом является оценка нового опыта по критериям общественного прогресса. Мы не поддерживаем поиски некой «природы новой организации труда, продиктованной развитием производительных сил» (с. 18), если они абстрагированы от характера общественного строя. Более актуальным представляется нам вопрос о том, присущи ли рассматриваемые нововведения природе капитализма или же они являются своеобразными элементами будущей социалистической организации труда, будто бы зарождающимися при капитализме. В книге преобладает верный, на наш взгляд, подход, согласно которому в недрах капитализма не создаются элементы социалистической организации труда, а происходит подготовка предпосылок для рождения такой организации (с. 117 и др.).

Вопрос о прогрессивности новшеств и о подготовке предпосылок социалистической организации труда не сводится авторами к рассмотрению новых форм и методов управления трудом лишь в узкопроизводственном плане. В происходящих изменениях важно отметить социально прогрессивное, потенциально действенное, а именно укрепление классового сознания рабочих, укоренение в среде трудящихся научного понимания социальной справедливости и прогрессивности. Процесс этот далеко не прост. И в работе показано, что в ряде случаев некоторые категории рабочих выступают прямо против своего коренного

классового интереса (с. 54). Техничко-технологические и организационные новшества нередко формируют реакционные настроения у части рабочих, и только классовая солидарность способна пересилить эти негативные влияния.

В рецензируемой монографии проведён глубокий теоретический анализ актуальных вопросов управления трудом в капиталистических странах, приведена обширная и разносторонняя информация, сделаны интересные и полезные для практики выводы и предложения.

Печатается по публикации в журнале «Вопросы экономики» 1986. № 4. Стр. 147-150.

САМОУПРАВЛЕНИЕ НА ПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ²⁹

Осуществление радикальной хозяйственной реформы и особенно курса на существенное расширение самостоятельности низовых звеньев (предприятий, объединений, организаций³⁰) должно сопровождаться коренным изменением способов формирования в звеньях самостоятельных управленческих решений. Суть необходимого и коренного изменения принципов и форм самоуправления на производстве — их демократизация, причём демократизация на социалистической основе.

Достижение в полной мере социалистической демократии во всех сферах общественной жизни (в том числе демократически-социалистических способов жизнедеятельности трудовых коллективов предприятий) относится к числу важнейших характеристик очередного качественно нового состояния советского общества. Однако демократизация занимает особое место в ряду целей и задач текущего этапа: она является задачей чрезвычайного характера, предпосылкой и условием решения всех других целей, задач и проблем. Процесс демократизации ни одной из сфер жизни общества нельзя откладывать на конец этапа или на конец прогнозируемого периода в рамках этапа. Необходимо, напротив, исходить из того, что демократизация — задача первоочередная, требующая незамедлительного решения во всех своих главных составных частях и аспектах. Конкретные формы осуществления социалистической демократии в обществе и на производстве будут совершенствоваться в ходе

накопления широкими трудящимися массами реального опыта коллективного управления.

Есть немало сторонников иного варианта демократизации общественной и хозяйственной жизни в СССР. Он представляется как возможность и даже необходимость отложить на неопределённое время реальное вовлечение широких масс населения в процесс управления обществом и производством в связи с якобы неготовностью масс к осуществлению на деле демократических прав и свобод. Предполагается при этом, что расширение хозяйственной самостоятельности предприятий, рост экономической эффективности производства, усиление материальной заинтересованности, существенное повышение уровня жизни как бы автоматически подведут трудящиеся массы к восприятию социально-нравственных ценностей свободы и демократии и сформируют у них способности к демократическому образу жизни.

Последствия длительного существования в СССР бюрократически-казарменной деформации общественных отношений действительно объективно препятствуют быстрому окончательному освоению населением общедемократических и, тем более, демократически-социалистических способов, форм жизнедеятельности. Тем не менее, стратегия откладывания всесторонней демократизации под предлогом неготовности советского народа к свободе абсолютно неприемлема, ибо лишает нашу страну исторической перспективы перехода в русло прогрессивного развития, социалистической нормализации общественно-экономических отношений.

Как и всё совершенствование хозяйственного руководства, развитие самоуправления на производстве может сложиться по-разному в зависимости от того, произойдет ли по существу или формально социалистическая демократизация в обществе, в том числе и в сфере социально-политического управления. Тем самым получаем два основных варианта развития самоуправления на производстве:

²⁹ Статья написана Александром Семёновичем Бимом, Галиной Яковлевной Ракитской и Тamarой Евгеньевной Кузнецовой.

³⁰ Далее именуются «предприятия».

— демократически-социалистическое самоуправление;

— формально-демократическое самоуправление с объективной тенденцией перехода к открыто недемократическим методам и формам.

Следует ожидать, что в ближайшие годы развернётся острая идейно-теоретическая и практическая борьба за осуществление одного из двух указанных вариантов самоуправления на производстве. В условиях официально провозглашённого XXVII съездом КПСС и подтверждённого январским (1987 г.) Пленумом ЦК КПСС курса на социалистическую демократизацию тенденция к реализации недемократического варианта самоуправления будет существовать в форме преднамеренной или непреднамеренной примитивизации процедур вовлечения трудящихся в управление, в форме выхолащивания содержательной стороны коллективно принимаемых решений, а также в форме подмены принципов социалистического коллективного самоуправления артельно-групповыми (а то и коммунально-групповыми) принципами.

Невозможность подлинной демократизации производства без общих социально-политических реформ достаточно очевидно была продемонстрирована в семидесятых годах, когда в ходе распространения бригадной организации труда практика решала вопрос о функциях и границах рабочего самоуправления на предприятиях. За редким исключением, рабочее самоуправление не вышло за рамки бригад и сосредоточилось на распределении заработков и дисциплине труда. Как и следовало ожидать, это не привело к сколько-нибудь значительному или длительному подъёму трудовой и социальной активности. Более того, это способствовало становлению и закреплению в бригадах недемократической обстановки солидарной ответственности, артельной круговой поруки. Такая ситуация активно формировалась и поддерживается до сих пор администрацией предприятий (и обслуживающим её руководством заводских общественных организаций), поскольку позволяет руководителям предпри-

ятий переложить на бригаду часть своих обязанностей и свою долю ответственности за нормальную организацию производства и труда. Возникнув в недемократической социальной среде, бригада стала по преимуществу удобным инструментом давления на рабочих руками их же товарищей такими способами, которые граничат с прямыми нарушениями конституционных прав и свобод личности.

Стратегия постепенного расширения сферы рабочего (народного) самоуправления по принципу "сначала в рамках бригады, затем в масштабах цеха, предприятия, потом — города, республики, страны" — эта стратегия не пригодна в принципе, ибо она есть лишь модификация неприемлемого варианта откладывания демократизации производства до лучших времен. Для того чтобы превращение рабочих, всего трудового коллектива в субъектов управления предприятием (так сказать, в его "хозяев") было неформальным и необратимым, необходимо одновременно с мероприятиями по подчинению администрации контролю со стороны коллектива решительно перестраивать на демократических началах всю систему социально-политических отношений.

Практическое решение задачи демократизации социально-политической системы следует начать с восстановления силы закона и правопорядка. Подлинная демократия не существует вне закона и над законом. Это положение январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС должно быть положено в основу предстоящего качественного преобразования советского общества. Восстановление и укрепление социалистической законности является проблемой номер один и в сфере развития производственной демократии.

К настоящему времени массовые нарушения норм хозяйственного, трудового права стали обычными не только из-за ослабления государственной и хозяйственной дисциплины, но и по причинам объективного характера — из-за несоответствия различных норм друг другу и реальному современному состоянию общественного про-

изводства. В связи с этим формируется общественная поддержка, моральное оправдание тех хозяйственников, которые для выполнения государственных заданий или же для пользы коллектива идут на нарушения норм, правил, инструкций.

Требуется решительная и непримиримая борьба с любыми отступлениями от закона и одновременно с этим — активизация на демократических началах законодательной деятельности, обновление устаревших законов и норм, качественное изменение процедур законотворчества с целью реального, а не формального привлечения к этой деятельности трудовых коллективов, общественных организаций, всех граждан.

Абсолютно неприемлемым (хотя весьма и весьма реальным) следует считать такой вариант развития социально-политических отношений, при котором лозунгом демократизации прикрываются и поощряются акции, противоречащие действующим законам. Это касается и тех случаев, когда по вине тех или иных государственных органов задерживается введение действительно нужных нормативных актов. Так, многие вопросы перестройки решаются ныне на основании указаний местных партийных комитетов, не имеющих статуса закона. Происходит противопоставление авторитета партийных организаций и авторитета закона, что не способствует повышению правосознания и укреплению правопорядка.

Сказанное выше о взаимосвязи демократизации социально-политической системы СССР и развития самоуправления трудовых коллективов позволяет выработать научно обоснованные и политически взвешенные подходы к оценке возникающих и правомерно вырабатываемых форм демократизации на производстве. Сейчас не следует пытаться прогнозировать всю совокупность этих форм. Это неизбежно привело бы к ненужной формализации процессов самоуправления, а, следовательно, к профанации самой идеи демократизации.

Новые конкретные формы самоуправления будут появляться в соответствии с потребностями реальной

жизни и проходить апробацию на практике. Государственное руководство этой стороной демократизации должно состоять прежде всего в оперативном совершенствовании действующего законодательства. При этом, с одной стороны, следует не допускать какого-либо нарушения общенародных и индивидуальных интересов ввиду ложно понимаемых интересов коллективов, выраженных в попытках гипертрофирования тех или иных форм самоуправления. С другой стороны, государственные органы (как и общественные организации) не должны допускать консервации устаревших форм самоуправления, а, наоборот, должны способствовать развитию новых прогрессивных его форм. Необходимо неуклонно обеспечивать реализацию этих основополагающих требований в действующих и вновь принимаемых государственных нормативных актах. Уместно ещё раз отметить, что полнокровное, действительно прогрессивное развитие конкретных форм самоуправления может происходить только в рамках законодательных установлений, неукоснительное следование которым в перспективном периоде выступает одним из главных критериев глубины демократизации общественной жизни.

Особо важной задачей является недопущение бюрократических извращений духа и буквы законодательных актов о самоуправлении трудовых коллективов. К сожалению, накоплен большой опыт быстрой бюрократизации зарождающихся элементов самоуправления, подчинения их деятельности стилю и методам работы управленческого аппарата. Это приводит к выхолащиванию социального смысла демократизации, к пассивности и даже апатии членов общества к течению государственных и общественных дел.

В настоящее время появились, апробируются, выдвигаются на роль адекватных задачам демократизации и начинают оформляться законодательно такие конкретные формы деятельности трудовых коллективов, как общие собрания (конференции), советы трудовых коллективов, выборность руководителей, замещение вакантных

должностей по конкурсу, аттестация кадров. Ниже излагаются предложения о принципиальных направлениях совершенствования и развития этих форм; при этом первостепенное внимание уделяется обеспечению их соответствия стратегическому курсу на последовательную демократизацию сферы социально-трудовых отношений.

Общее собрание (конференция) рассматривается как основная (высшая) форма производственной демократии. Новый Закон о производственном предприятии (объединении) относит к ведению общего собрания все главные вопросы, решение которых входит в компетенцию предприятия. В процессе дальнейшего совершенствования законодательства целесообразно предоставить общему собранию право на инициативу в постановке перед законодателем вопроса о расширении (изменении) собственных прерогатив. Такое право должно стать широко применяемой формой обратной связи общих собраний и законодательных институтов; на её основе последние будут получать импульсы к постоянному совершенствованию законодательства. Важно декларировать и гарантировать свободную постановку и обсуждение на общих собраниях любых вопросов производственной и общественной жизни трудового коллектива всеми его членами (делегатами конференции). В этом залог того, что общие собрания станут проявлением реальной демократии.

Необходимо установить, каким большинством голосов принимаются те или иные решения общего собрания. Простого большинства недостаточно: пока трудовые коллективы не привыкли к демократии, обеспечить простое большинство путем того или иного "силового воздействия" может быть не так уж трудно, но вряд ли это будет основой для принятия демократических по существу решений.

Требуется — это пока не сделано — чётко определить подчинённую роль руководителя по отношению к общему собранию. Единоначалие — это принцип, действующий в рамках выполнения законодательства, правил хозяйствования, решений общего собрания. Такой под-

ход в полной мере отвечает содержанию и задачам демократизации, повышению ответственности руководителей перед трудовыми коллективами. Если так, то должна быть предусмотрена нормативная процедура обеспечения проведения в жизнь решения общего собрания в случае несогласия с ним руководителя. С другой стороны, нужно оградить руководителя от некомпетентного и безответственного вмешательства в его текущую работу.

Целесообразно закрепить законодательно принятие важнейших решений собрания тайным голосованием. Это — необходимая основа действительно свободного волеизъявления трудящихся.

Следует разграничить функции трудового коллектива и вышестоящего по отношению к предприятию органа управления в части "выборов-утверждения" руководителя. Пока не ясно, что произойдёт, если, скажем, вышестоящий орган не захочет утверждать избранного общим собранием руководителя, будет навязывать свою кандидатуру? В этом случае функция общего собрания по выборам руководителя окажется фикцией. Логика требует отнести вопрос о выборах руководителя в полной мере к компетенции общего собрания трудового коллектива. Вышестоящий орган должен быть наделён, во-первых, правом в случае несогласия с избранной кандидатурой представить общему собранию соответствующие доводы; во-вторых, правом постановки перед общим собранием вопроса об освобождении уже работающего руководителя — также с представлением убедительных доказательств его несоответствия должности. Споры между вышестоящим органом и трудовым коллективом по этим вопросам должны решаться в судебном порядке.

Необходимо дополнить принцип выборности руководителя принципом конкурсного замещения соответствующих должностей. Конкурс должен объявляться заблаговременно, быть свободным, равным, гласным. Вышестоящий орган и другие организации не имеют права отвода кандидатов. Было бы полезным избирать на общем собрании конкурсные комиссии, которые предварительно

подробно знакомились бы с кандидатами на должность, формировали мнение о них и доводили это мнение до сведения общего собрания. На крупных предприятиях, где высока вероятность большого числа желающих участвовать в конкурсе, целесообразно, чтобы общие собрания заранее определяли число кандидатур, которые должна отобрать конкурсная комиссия. Недопустимо, чтобы собранию представлялся один кандидат, а потом все удовлетворённо констатировали, что он избран (о таких случаях сообщает центральная печать). Представляется, что конкурсная комиссия может быть довольно "пёстрой" по своему составу: в неё можно было бы включать представителей трудового коллектива, общественных организаций данного предприятия, вышестоящего органа, ветеранов, предприятий-потребителей, научных организаций и др. Не следует возлагать функции конкурсной комиссии на совет трудового коллектива; комиссия — это временное формирование с единственной функцией — экспертизы кандидатуры на должность руководителя.

Наконец, в рамках совершенствования деятельности общих собраний, нужно установить регулярные отчёты руководителей (например, по итогам года). Неудовлетворительный результат отчёта следует считать основанием для предупреждения или объявления досрочного конкурса или освобождения руководителя от должности в установленном законом порядке.

Совет трудового коллектива — это избираемый демократическим путём орган, являющийся в промежутках между собраниями основной формой производственной демократии. Совет, принимая решения в рамках своей компетенции, не подменяет общего собрания. Его важнейшая задача — способствовать наиболее полному осуществлению решений общего собрания по основным вопросам социального развития трудового коллектива и производственной деятельности предприятия. Совет готовит общие собрания, определяет необходимость и сроки их созыва, контролирует соблюдение установленных законодательством или собранием норм

представительства членов трудового коллектива на конференциях.

Целесообразно рассмотреть вариант законодательного закрепления норм представительства различных социально-профессиональных групп в совете трудового коллектива. Например, рабочие и рядовые инженерно-технические работники, служащие — третья часть состава; руководители среднего звена (бригадиры, мастера) — также третья часть, инженерно-технические работники и служащие — руководители цехов, отделов и предприятия в целом, а также представители общественных организаций — ещё одна треть состава.

Важно установить, что председателем совета трудового коллектива, его заместителями и секретарём не могут являться руководители предприятий и его подразделений (цехов, отделов, служб и др.), а такие руководители общественных организаций.

Совет самостоятельно определяет порядок своей работы, руководствуясь действующим законодательством и решениями общего собрания. Следует запретить каким-либо органам управления посредством инструктивно-методических материалов регламентировать деятельность советов трудовых коллективов.

Выборность руководителей означает свободное волеизъявление всех членов трудового коллектива по доводу избрания руководителей производства на должности, отнесённые законодательством к категории выборных. Принцип выборности предполагает также свободное выдвижение, характеристику и отвод кандидатов на выборные должности. Не должно быть никаких препятствий для предложения каждым желающим и своей кандидатуры на ту или иную должность.

Выше уже подчеркивалось, что в современных условиях и в прогнозируемой перспективе действительно свободное волеизъявление может быть обеспечено тайным голосованием.

В производственной сфере в предстоящем периоде круг выборных должностей следует ограничить теми,

которые зафиксированы в Законе о предприятии — должностями первых руководителей предприятий и их подразделений. Задачей ближайшей перспективы является распространение принципа выборности на учреждения непромышленной сферы с учётом специфики их деятельности, особенностей социального развития трудовых коллективов.

Конкурсный отбор на руководящие должности, во-первых, реализуется в рамках принципа выборности. Следует развивать как специально объявляемые конкурсы, так и свободное выдвижение ряда кандидатур на одну и ту же должность на любом этапе обсуждения. Во-вторых, конкурсный отбор постепенно должен быть распространён как наиболее типичный и объективный способ расстановки кадров специалистов в материальном производстве, в непромышленной сфере и в сфере управления. Создание соответствующего механизма — одна из важных задач предстоящего этапа.

Аттестация работников — это, в общем-то, уже освоенный практикой способ оценки результатов труда специалистов. Демократизация предполагает усиление роли коллективов, коллективного мнения в этой работе. Соответствующим образом необходимо усовершенствовать процедуру аттестации. Аттестационные комиссии должны работать гласно, даже публично. Это только повысит объективность оценки. В то же время в целях обеспечения объективности требуется совершенствование общегосударственных критериев оценки труда специалистов и других централизованно устанавливаемых нормативов, на основе которых проводится аттестация.

Важно разработать меры по согласованию задач и процедур аттестации и конкурсного отбора. Общей основой такого согласования является то, что аттестация обеспечивает оценку труда, а конкурсный отбор — выбор наилучшего кандидата на данную должность, в том числе путём сменяемости кадров руководителей и специалистов. Поэтому аттестация в общем случае не означает

отсутствия необходимости проведения конкурса, и наоборот: конкурс может дать лучшего кандидата на должность, а работник, занимавший эту должность раньше и получивший положительную аттестацию, может быть использован по-другому.

Развитие самоуправления трудовых коллективов не должно сопровождаться чрезмерным организационным усложнением тех или иных процедур. В то же время потребуется большая, чем сейчас организационная работа. Её следует воспринимать не как издержки, излишние затраты времени и усилий, а как необходимое условие действительной демократизации управления в сфере социально-трудовых отношений.

Одной из форм трудового коллектива является коллектив колхоза. Колхоз — производственная форма кооперативного хозяйства, основанная на кооперативной (групповой) форме собственности на средства производства, объективными характеристиками которой являются групповая общность присвоения и групповая обособленность. В этом состоит принципиальное отличие кооперативного хозяйственного коллектива от государственного. Конкретно это реализуется в том, что, во-первых, кооперативный (колхозный) коллектив ведёт хозяйство, исходя из собственных ресурсных возможностей, и, во-вторых, член коллектива (колхозник) связан с колхозом не только как работник, но и как гражданин (условиями труда и жизни, правовым статусом). Следовательно, самоуправление в кооперативе (колхозе) должно составлять основу его существования и хозяйственного функционирования.

Кооперативный характер колхозов, как и любого кооперативного предприятия, определяется господствующими производственными отношениями и, начиная с момента возникновения колхозов, модифицируется под влиянием хозяйственной системы, исторически сложившейся в нашей стране и охватывающей наряду с государственным кооперативно-колхозное хозяйство. Колхозы связаны не только с кооперативными (групповыми), но и с общенародными средствами (земля, мелиоративные,

ирригационные, инфраструктурные сооружения, отчасти общественные фонды потребления и т.п.). Их интересы как кооперативных хозяйств во многом совпадают с общенародными. Сами причины возникновения колхозов в наших условиях в большей мере определялись интересами той части народного хозяйства, которая не относится к кооперативно-колхозному производству, поэтому колхозы уже при создании частично потеряли и не использовали в полной мере хозяйственные особенности и социальные принципы кооперативного хозяйства: создавались не добровольно, а с элементами принуждения; их участники несли хозяйственные потери и т.п. Поэтому и самоуправление в них было относительным и распространялось преимущественно на некоторые внутриколхозные отношения.

Внешние связи и отношения колхоза определялись действующим на протяжении многих лет хозяйственным механизмом, основанным на регламентированных, а не на товарных связях, присущих кооперативному характеру производства, и ограничивающим хозяйственную самостоятельность колхозов. Хозяйственный механизм сблизил внешние связи и отношения кооперативных и государственных хозяйств. Унификации этих связей (единые органы управления и система планирования для колхозов и совхозов), стремлению скорее избавиться от кооперативной формы производства (перевод колхозов в совхозы) способствовал теоретический постулат о более низком уровне кооперативного обобществления (необходимость сближения двух форм собственности) для всех отраслей народного хозяйства и для всех типов экономических отношений и на всех этапах.

Экономическое давление, оказываемое на колхоз как на кооперативное хозяйство, распространялось преимущественно на его внешние связи, т.е. связи с государством, причём эти связи государство устанавливало с каждым отдельным колхозом, а не о колхозной системой. Конкретно эти связи реализовались в том, что коллектив колхоза должен был выполнять обязательства перед го-

сударством, заданные им и исходящие преимущественно из его интересов при слабом учёте интересов колхоза как коллектива кооперативного хозяйства.

В то же время внутриколхозные отношения содержали, насколько это было возможно, кооперативные черты, что не могло не отражаться на сохранении коллективом колхоза черт самоуправления; колхозы вели производство за счёт преимущественно собственных воспроизводственных источников, изыскивая для них реальные формы, в том числе и создание несельскохозяйственных производств; сами выбирали формы организации труда; уровень оплаты труда работников в каждом хозяйстве определялся его экономическими возможностями; создавались различные внутриколхозные фонды помощи колхозникам, бесплатного содержания детских учреждений в колхозах и т.п.

Действующий социальный механизм также оказывал давление на кооперативную природу колхоза, но такая важная черта самоуправления, как выборность председателя и правления колхоза, — сохранялась, хотя во многих случаях на практике носила весьма условный характер.

По мере происходящих перемен, в том числе и в хозяйственном механизме, относительная экономическая свобода колхозов в реализации внутрикооперативных отношений способствовала использованию в них принципов хозяйствования и самоуправления, которые были затем перенесены на государственные предприятия, — расширение действия товарно-денежных отношений (покупка колхозами техники МТС, продажа продукции на колхозных рынках и т.п.), введение хозрасчёта и учёт реальной себестоимости, подрядные формы организации труда и т.п. Практика развития государственных предприятий не противопоставила им с точки зрения самоуправления ничего конкретного, не привнесла ничего иного, а использовала эти принципы как присущие и государственной форме хозяйства. Таким образом, с точки зрения самоуправления кооперативная форма хозяйства и

на современном этапе оказалась способной к сопоставимости с существующими государственными формами организации производства.

Изменения социальной обстановки в стране предъявляет новые требования с позиций развития принципов самоуправления к государственной и кооперативной формам ведения производства. В государственной форме должны быть выработаны принципы самоуправления, адекватные этой форме хозяйства. Кооперативная форма всё в большей мере должна исходить из того, что член кооператива в современных условиях является прежде всего членом общества, а затем уже членом кооператива (колхозником). Это означает, что участник кооперативного производства может выбирать, где ему работать и жить, и связывает свою жизнь с кооперативом (колхозом) в том случае, если **ему** обеспечиваются лучшие, чем вне кооператива, условия жизни и труда. Если же таковые не создаются, работник покидает кооператив (колхоз). В этой связи конкретными формами реализации принципов кооперативного самоуправления должны стать возможность выбора самими членами кооператива не только направлений ведения производства, его хозяйственной структуры, но формы хозяйственной организации, принципов ведения производства, включения в кооперативную структуру более высокого ранга или самороспуска кооперативной организации, выработки принципов распределения её имущества и т.п.

Современный этап развития производства свидетельствует о широких возможностях использования кооперативных форм. Изменения, наметившиеся в хозяйственном и социальном механизмах, вероятно, позволят реализовать кооперативное самоуправление более широко; во внутрикооперативных (колхозных) отношениях — путём возрождения экономически слабых колхозов и их трудовых коллективов, создания различных кооперативных форм по обслуживанию населения, кооперативов самого населения. По мере увеличения числа кооперативов по обслуживанию населения и расширения сферы их

влияния могут быть образованы кооперативные системы. Создание и развитие кооперативов населения может также привести к образованию кооперативных систем, объединяющих само население.

В этих системах может быть осуществлен последовательный принцип кооперативного самоуправления, расширена общность присвоения, преодолена обособленность относительно ограниченной (кооперативной) группы участников, усилены процесс обобществления и охват новыми формами самоуправления, выходящими за рамки отдельного хозяйства, значительного числа участников кооперативной системы.

В перспективе по мере выработки на государственных предприятиях соответствующих принципов самоуправления, которые могут быть перенесены на кооперативное хозяйство, реально ожидать создания единых социалистических производственных звеньев, трудовые коллективы которых будут функционировать на единых общенародных принципах самоуправления, впитавших в себя и кооперативные, и государственные черты.

Печатается по тексту, опубликованному в сборнике статей «Совершенствование планового руководства экономикой». М.: ЦЭМИ АН СССР. 1987. Стр. 97-111.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Коренное улучшение организации фундаментальных исследований в научных учреждениях — настоятельная проблема сегодняшнего дня. Требуется серьёзная перестройка всей цепочки процедур управления научно-исследовательским процессом, включая планирование, контроль, оценку результатов и стимулирование научного труда. Главная цель такой перестройки, отвечающая решениям XXVII съезда партии, — повышение эффективности и качества исследований и разработок. Достижение этой цели невозможно без внедрения в повседневную жизнь трудовых коллективов исследователей принципов состоятельности и без широкой демократизации управления научно-исследовательским процессом.

Чтобы обеспечить курс на повышение эффективности труда в научных учреждениях поддержкой со стороны активной части сотрудников, пробудить инициативу и энергию тех, кто ещё не утратил способности к научной деятельности, необходимо, во-первых, чётко обозначить конкретные задачи, которые должны быть решены в первую очередь, первоочередные рубежи, подлежащие достижению; во-вторых, определить и создать все необходимые организационные предпосылки решения этих задач.

Первоочередными задачами настоящего времени в деле повышения эффективности и качества фундаментальных научных исследований нам представляются следующие две.

Первая задача — обеспечить **нормально высокий уровень (качество)** научных исследований и разработок. Более содержательная формулировка этой задачи: уровень (качество) результатов работы каждого сотрудника

должен быть не ниже уровня, соответствующего его **формально признанной квалификации**. Под формально признанной квалификацией понимается при этом такая характеристика сотрудника, которая отражает его должностные обязанности, зафиксированные в должностных инструкциях (роль в исследовательском процессе, мера самостоятельности и ответственности), а также потенциальную квалификацию, соответствующую его образованию, ученой степени.

Обоснованием этой первой задачи является реальное состояние дел в области качества научных результатов. В настоящее время фактические требования к уровню научных результатов не настолько жёстки, чтобы стимулировать работника в полной мере использовать свою квалификацию. Сотрудники к тому же часто привлекаются к выполнению оперативных заданий, требующих меньшей квалификации, чем их формально признанная квалификация. Можно, конечно, возразить, что выдавать результаты, соответствующие квалификации, — обязанность каждого и что поэтому надо искать способы мобилизации исследователей на достижение большего, чем положено по квалификационно-должностным требованиям. В абстрактной постановке это верно, но применительно к современным условиям — не верно. В современных условиях, когда значительная часть сотрудников действительно не использует в полной мере свою квалификацию, когда не отработан сам механизм оценки соотношения качества работы и уровня квалификации, когда поощрение работников не зависит жёстко от того, выполняют они или нет минимальный круг своих обязанностей,³¹ необходимо найти способы заинтересовать основную массу научных сотрудников в достижении результатов, соответствующих формально признанной квалификации. Требовать от всех сразу только большего — сейчас нереально, преждевременно. В то же

³¹ В идеале от этого должны зависеть не только премии, моральное поощрение, но и зарплата, и должность.

время при оценке итогов работы достижение результатов, превышающих нормативные требования, должно фиксироваться и всячески поощряться.

Вторая задача — обеспечить **нормально высокую интенсивность** труда всех сотрудников. Более содержательная формулировка этой задачи: объём и сложность работ, возлагаемых на каждого сотрудника, должны как минимум соответствовать кругу его должностных обязанностей и обеспечивать полную загрузку сотрудника в течение рабочего времени.

Обоснованием этой задачи является фактическое положение дел в области распределения работ между сотрудниками. В настоящее время планирование научно-исследовательского процесса не обеспечивает равномерной загрузки работников с учётом их должности и квалификации. Нет отработанных механизмов нормирования труда научных работников, занятых фундаментальными исследованиями, а потому часть из них работает в обстановке постоянных и некомпенсируемых материально и морально перегрузок, у другой же части напряжённость труда (причём, при таком же уровне оплаты) явно недостаточна. Совершенствование способов распределения работ между сотрудниками — существенный резерв повышения эффективности и качества исследований. К тому же при равномерной загрузке значительно облегчается задача сравнения конечных результатов, поскольку уменьшается различие в факторах эффективности и качества, не зависящих от самих работников. Требование обеспечивать определённую минимальную загрузку работников не означает, что не должны фиксироваться и поощряться повышенные усилия. Оно означает только, что требовать большего, чем предусмотрено должностными обязанностями и соответствует квалификации работника, — нельзя. Но можно и необходимо отмечать и поощрять тех, кто использует свои индивидуальные способности так, что выполняет работу большего объёма или большей сложности, чем нормируемый минимум.

Организационными предпосылками, условиями выполнения указанных задач являются:

- разработка способов установления степени соответствия фактического уровня (качества) результатов работы формально признанной квалификации её исполнителей, или, что то же самое, способов оценки работников по степени использования ими своей квалификации;

- разработка мер по рациональному использованию квалификации сотрудников;

- разработка способов планирования и учёта напряжённости труда сотрудников.

Для решения каждой из этих трёх проблем организации научно-исследовательского процесса должны быть найдены такие формы, которые ясно и непосредственно ориентировали бы научных работников на достижение по меньшей мере нормальной напряжённости труда и нормального качества его результатов. Предлагаемые ниже формы (способы) соответствуют, на наш взгляд, этому требованию.

Способы установления степени соответствия качества работы уровню формально признанной квалификации её исполнителей

Целесообразно ввести примерно следующую шкалу (сетку) уровней формально признанной квалификации (ФПК) научных сотрудников.³²

Руководители работ — сотрудники, обязанные выполнять функции научного руководителя или как минимум ответственного исполнителя конкретных работ (темы, разделы или этапы тем, задания):

V уровень ФПК — главный научный сотрудник, доктор наук;

³² В предлагаемой шкале учтены квалификационные характеристики должностей научных сотрудников. Она должна уточняться в каждом НИИ исходя из соответствующих должностных инструкций, утверждённых в установленном порядке.

IV уровень ФПК — заведующий сектором (лабораторией), ведущий научный сотрудник, старший научный сотрудник, доктора или кандидаты наук;

III уровень ФПК — старший научный сотрудник, без степени.

Исполнители работ — сотрудники, обязанные как минимум самостоятельно выполнять отдельные работы, предусмотренные рабочими программами по темам (разделам, этапам):

II уровень ФПК — научный сотрудник, младший научный сотрудник, ведущий инженер, кандидаты наук или без степени.

Технические работники — сотрудники, обязанные обслуживать исследовательский процесс по заданиям сотрудников более высокого уровня ФПК:

уровень ФПК — старший инженер, инженер, лаборант, высшее или среднее образование.

Степень использования сотрудниками уровня своей ФПК предлагается оценивать в терминах: неудовлетворительно, нормально, превосходно. Фактическая квалификация работника может быть и ниже, и выше формально признанной, что и улавливается оценкой, но лишь в той мере, в какой фактическая квалификация действительно реализуется в результатах работы, а не является "вещью в себе".

Способы формирования оценки качества работы сотрудников по степени использования ими ФПК, а также кем эта оценка производится, должны зависеть от того, каковы были фактические функции сотрудника в научно-исследовательском процессе в рассматриваемом периоде.

Оценка фактических руководителей конкретных работ по степени использования ФПК. Оценка фактических научных руководителей и ответственных исполнителей конкретных работ производится по отдельным работам не реже одного раза в год. Рассматривается либо законченная работа, либо её раздел, этап. Оценку производят члены дирекции или совещательные органы при дирекции (секция Учёного совета, Учёный совет).

Процедура оценки должна включать последовательное принятие двух решений.

Первое решение — одобряющее или не одобряющее работу как таковую независимо от того, кем и в какой срок она выполнена. Это решение обусловлено тем, имеет ли работа, по мнению оценивающих, научную или практическую ценность, готова ли она для передачи заказчику, целесообразно ли (если это раздел или этап) продолжать исследование в избранном направлении.

Второе решение принимается только после первого. Это собственно сама оценка степени использования руководителями работы своей ФПК при её выполнении. Предлагаются следующие правила принятия второго решения.

А. Оценка "неудовлетворительно", если

а) не одобрена работа как таковая;

б) работа одобрена, но имеет место не обоснованное объективными, по мнению оценивающих, обстоятельствами существенное превышение сроков её выполнения по сравнению с планом (заданием).

Б. Если работа одобрена и выполнена своевременно или с опозданием, но по обстоятельствам, признанным объективными, то применяется следующий общий принцип присвоения конкретной оценки:

"нормально" — если качество работы признано соответствующим уровню ФПК её руководителей;

"превосходно" — если качество работы признано превосходящим уровень ФПК её руководителей;

"неудовлетворительно" — если качество работы признано не соответствующим (ниже) уровню ФПК её руководителей.

Досрочное выполнение работы никак не влияет на оценку руководителей по степени использования ими ФПК, а учитывается на других стадиях формирования оценки итогов научной работы.

Особенности присвоения конкретных оценок сотрудникам разных уровней ФПК следующие.

1. Главный научный сотрудник (V уровень ФПК) получает оценку "нормально" в том случае, если, по мнению

оценивающих, его работа действительно открывает принципиально новое направление исследований (разработок). Он получает оценку "неудовлетворительно", если его работа находится в русле традиционных представлений, не открывает новые направления развития данной области знаний. Ему присваивается оценка "превосходно", если работа является столь крупным достижением, что её следует выдвинуть на конкурсное поощрение за пределами института — на Государственную или какую-либо именную премии, на какую-либо международную премию и т.п.

2. Заведующий сектором (лабораторией), ведущие научные и старшие научные сотрудники, имеющие учёную степень (IV уровень ФПК), получают оценку "нормально", если, по мнению оценивающих, качество выполненной ими работы соответствует квалификации обычного, "среднего" доктора наук — для докторов; квалификации обычного, "среднего" кандидата наук — для кандидатов. Они получают оценку "превосходно", если работа выполнена на уровне, превышающем квалификацию "среднего" доктора наук — для докторов, превышающем квалификацию кандидата наук — для кандидатов. Им присваивается оценка "неудовлетворительно", если работа выполнена на уровне, который не отвечает квалификации соответственно доктора или кандидата наук.

Соответствие качества работы квалификации доктора или кандидата наук не следует понимать так, что каждая работа должна быть выполнена на уровне диссертации, чтобы получить оценку "нормально". Его следует понимать следующим образом: требования к самой проблеме и уровню её решения в оцениваемой работе аналогичны тем, которые предъявляются к масштабу, актуальности проблемы, к научной новизне, теоретической и практической значимости результатов при защите диссертаций. При этом, конечно, должны учитываться плановые сроки выполнения работ, которые не могут не влиять на детальность проработки проблемы. Присвоение оценки с учётом соответствия качества работы учёной степени означает, что сотрудники IV уровня ФПК, выполняющие функции ру-

ководителей работ, должны систематически подтверждать присвоенную им учёную степень.

3. Старшие научные сотрудники без степени (III уровень ФПК) получают оценку "нормально" автоматически, если работа, в которой они выполняли функции научного руководителя или ответственного исполнителя, одобрена и выполнена своевременно; оценку "превосходно" — если, по мнению оценивающих, качество работы соответствует квалификации кандидата (тем более, доктора) наук; оценку "неудовлетворительно" — только в случае неодобрения работы как таковой или же если одобренная работа выполнена несвоевременно по неуважительным причинам.

4. Научные сотрудники со степенью или без степени, а также все другие, отнесенные ко II уровню, если они фактически выполняли функции по меньшей мере ответственного исполнителя работы (и эта их роль официально зафиксирована), получают оценку "превосходно" автоматически в случае одобрения работы и своевременного её выполнения. Они получают оценку "неудовлетворительно", если работа не одобрена или превышен по необъективным причинам срок её выполнения.

Научный руководитель работы и её ответственные исполнители получают одну и ту же оценку по степени использования ФПК, если не указан или же указан, но не чётко фактический вклад каждого из них в данную работу. При этом работа оценивается на соответствие уровню ФПК того из них, у кого он выше, в том числе с учётом учёной степени.

Любой из фактических руководителей работ имеет право при обсуждении своей работы в любых инстанциях института высказать своё мнение об оценке, которую он заслуживает, т.е. имеет право защищать свою работу. Оценка "неудовлетворительно" может быть опротестована в вышестоящих инстанциях института. Последняя инстанция — директор института.

Руководитель отдела, заместитель директора, директор (далее называемые "организаторы") не должны оцениваться по степени использования ФПК на основании отдель-

ных работ. Качество результатов их работы — фактические достижения подчинённых им работников, а не личный вклад в разработку конкретных тем. Поэтому целесообразно, чтобы организаторы принимали участие в конкретных работах, как правило, в качестве научных консультантов, что должно официально фиксироваться. Организаторы могут принимать на себя роль одного из руководителей работы, но не могут быть единственным её руководителем. Оценку по степени использования ФПК получают в этом случае другие руководители (не организаторы), причём работа оценивается на соответствие их уровню ФПК независимо от того, какую учёную степень имеет организатор.

Вопрос о компетентности дирекции и Учёного совета выносить решение о соответствии качества работы квалификации доктора или кандидата наук требует обоснования.

Именно Учёный совет принимает решения (а директор их утверждает) о соответствии сотрудников занимаемым должностям при прохождении конкурсов, при аттестации сотрудников, т.е. решения такого же типа, правда, ещё более сложные. К тому же в институтах нет другого какого-либо органа, который юридически имел бы право принимать решения рассматриваемого типа.

Второй вопрос: насколько мнение Учёного совета правильно? Главное, что требуется — это обеспечить *единство* оценки, применение *единого подхода* к оценке различных работ в рамках института. Даже если качество работ, признанных соответствующими квалификации доктора или кандидата наук, на самом деле (что само по себе трудно поддаётся точному определению) ниже или выше этой квалификации, то обеспечивается по крайней мере верное соотношение оценок — кто работает лучше, а кто хуже. Кроме того, очень важно повышение роли Учёного совета в оценке качества работ. Это усилит ответственность каждого руководителя работы, будет более чётко, чем сейчас, информировать коллектив о требованиях, которые предъявляются руководством института к качеству результатов исследований.

Оценка фактических исполнителей конкретных работ по степени использования ФПК. Фактические исполнители работы, если уровень их ФПК выше II-го (т.е. обязанные выполнять роль не ниже ответственного исполнителя), как правило, вообще не оцениваются. Подробнее об этом будет сказано несколько ниже. Оценка сотрудников II-го уровня ФПК — научных сотрудников, младших научных и ведущих инженеров — производится в отделах (секторах). В крупных подразделениях для присуждения оценки целесообразно создавать Совет экспертов. Оценка "неудовлетворительно" может быть опротестована исполнителем и отменена (повышена) только руководителем подразделения.

Исполнители, отнесённые ко II уровню ФПК, получают оценку "нормально", если работа одобрена, выполнена в срок и в ней достаточно ясно указано, что конкретно сделано исполнителем самостоятельно в процессе исследования. Они получают оценку "превосходно", если качество личного вклада исполнителя в одобренную и выполненную в срок работу соответствует квалификации не ниже кандидата наук³³. Оценка "неудовлетворительно" присваивается в двух случаях: во-первых, если исполнитель не выполнил самостоятельно какой-либо части исследования или же его личный вклад ясно не обозначен; во-вторых, если работа не одобрена или же существенно превышен срок, а исполнитель, хотя и выполнил самостоятельно часть исследования, не настаивает на дифференцированной оценке³⁴. Не ходатайствует об этом и ни-

³³ Этот критерий правомерен и для кандидата наук, поскольку роль исполнителя объективно даёт меньше возможностей для реализации фактической квалификации, чем роль руководителя работы.

³⁴ Настаивать на этом — "естественное" право исполнителя, так как он мог выполнить свою часть работы добросовестно и в срок, а работа в целом не одобрена или выполнена с опозданием не по его вине, а по вине руководителей работы.

кто из руководителей данной работы. В противном случае следует рассмотреть вопрос об оценке исполнителя с учётом качества его личного вклада и своевременности выполнения порученной части исследования по отношению к рабочей программе.

Исполнители, отнесённые к I уровню ФПК, оцениваются в секторах (лабораториях) исходя из следующих принципов:

- оценка производится по совокупности заданий, выполненных сотрудником в течение года, с учётом добросовестности и своевременности их выполнения;

- оценка не зависит от одобрения или неодобрения отдельных работ дирекцией (Учёным советом) или же от конечного срока выполнения плановых тем, разделов, этапов, если только эти сроки не были сорваны по вине данного технического исполнителя;

- при одном и том же характере, сложности и качестве результатов работы сотрудник со средним образованием должен получать оценку выше, чем сотрудник с высшим образованием;

- оценка присваивается в обстановке гласности на общем собрании сектора (лаборатории) с учётом мнения руководителей других подразделений, если сотрудник привлекался к работам в них;

- заведующий сектором (лабораторией) может не согласиться с мнением коллектива о неудовлетворительной оценке сотрудника и дать ему оценку "нормально". Это право он не может использовать два раза подряд по отношению к одному и тому же сотруднику.

Общей предпосылкой правильного применения методов оценки сотрудников по степени использования ФПК является обязательное указание фактической роли каждого в каждой работе. Если фактическая роль отличалась от предусмотренной рабочей программой или планом, то научный руководитель или организаторы должны при окончательном оформлении работы зафиксировать фактические роли её участников.

Меры, способствующие рациональному использованию квалификации сотрудников

Кроме метода оценки сотрудников по степени использования ФПК, в систему этих мер входят следующие:

- метод отказа от оценки по степени использования ФПК;

- метод конкурсного формирования рабочих групп для выполнения важнейших тем;

- принципы подведения итогов соревнования между сотрудниками;

- формы поощрения и санкций по итогам соревнования.

Метод отказа от оценки вводится во избежание применения оценки по степени использования ФПК (со всеми вытекающими из этого последствиями для сотрудника) в случаях, когда на самом деле квалификация сотрудника не могла быть использована в полной мере по не зависящим от него обстоятельствам. Метод применяется только к сотрудникам II-V уровней ФПК. Общие принципы применения метода отказа от оценки следующие.

1. Сотрудник, не получивший в предыдущем году ни одной оценки "неудовлетворительно" (назовем его условно "нормальным"), имеет право в момент распределения работ объявить, что, по его мнению, поручаемая ему работа или роль в работе требует квалификации меньшей, чем его формально признанная квалификация. В этом случае организаторы могут либо поручить данную работу или роль в работе другому, либо фиксируется, что сотрудник не должен оцениваться по степени использования ФПК на основании данной работы. Если "нормальный" сотрудник не отказался от оценки в момент распределения работ, то в дальнейшем он не имеет права отказаться от оценки. Организаторы или Учёный совет, напротив, имеют право отказаться от оценки сотрудника на основании той или иной работы.

2. Сотрудник, получивший в предыдущем году хотя бы одну оценку "неудовлетворительно" (назовём его ус-

ловно "плохим" сотрудником), не имеет права отказаться от оценки по степени использования ФПК. Право не выдвигать "плохого" сотрудника на оценку имеют организаторы.

3. И "нормальный", и "плохой" сотрудники имеют право выдвинуть свою работу на оценку после её окончания, если раньше они сами или организаторы решили этого не делать.

4. Организаторы должны стремиться к равномерному, поочередному распределению между "нормальными" сотрудниками работ, не требующих применения их ФПК. "Плохим" сотрудникам эти работы могут поручаться вне очереди, чаще, чем другим.

5. В год введения предлагаемых принципов организации все сотрудники должны считаться "нормальными".

Конкурсный порядок формирования рабочих групп для выполнения наиболее важных или наиболее сложных тем может в принципе иметь следующий вид.

Организаторы выделяют среди тем предстоящего планового периода такие, в которых в силу их особой важности или сложности имеют право участвовать лишь самые лучшие работники. Из работников, изъявивших желание участвовать в этих работах, отбираются те, которые имеют лучшие оценки по степени использования ФПК. Чтобы заинтересовать лучших сотрудников в участии в наиболее важных и сложных темах, целесообразно заранее объявлять размеры премирования за успешное их выполнение, выделять на премирование наибольшие суммы. Участие в таких работах следует предавать гласности и считать почетным для сотрудника.

Способы планирования и учёта напряженности труда. При помощи оценки по степени использования ФПК и лучшего распределения работ обеспечивается должная сложность работ, но не их объём. Поэтому для повышения интенсивности труда всех работников до нормального уровня требуется совершенствование форм и методов планирования и контроля загрузки сотрудников. Целесо-

образны, на наш взгляд, следующие их формы (методы): метод объявления трудоёмкости каждой работы; планирование и контроль за индивидуальной работой на основе личных творческих планов (ЛТП) и личных творческих отчетов (ЛТО).

Метод объявления трудоёмкости должен состоять в том, что по каждой работе указывается необходимое число сотрудников определённой квалификации (за исключением сотрудников I уровня ФПК), которые должны выполнить её за определённый срок. Если к работе фактически привлечено больше, чем по объявленной трудоёмкости, то её надо выполнить раньше срока, либо сотрудники должны участвовать и в других работах. Если меньше, то при прочих равных условиях будет считаться, что сотрудники работают с интенсивностью выше нормальной.

ЛТП-ЛТО предлагается нами в качестве форм нормирования труда отдельных работников II-V уровней ФПК и контроля за соблюдением норм. Эта форма позволит планировать нормальную напряжённость труда и выявлять тех, у кого напряжённость труда была фактически выше или ниже нормальной.

ЛТП-ЛГО каждого работника II-V уровней ФПК могут состоять из двух частей, но обязательно должны включать первую часть.

Первая часть ЛТП-ЛГО — перечень плановых и сверхплановых работ, обеспечивающих *среднюю (нормальную)* интенсивность труда. По содержанию — это работы, способность к выполнению которых предусмотрена должностными обязанностями сотрудника. Решение о включении в первую часть ЛТП и ЛТО работ, выполняемых по личной инициативе, принимается непосредственным административным руководителем сотрудника. Он же определяет и примерную трудоёмкость этих работ.

Совокупность работ, указываемых в первой части ЛТП всеми сотрудниками института, должна как минимум обеспечивать выполнение плановых тем, заданий. Форми-

рование первой части ЛТП производится с учётом объявленной трудоёмкости работ.

Вторая часть ДТП-ЛТО должна содержать перечень работ (обязательств), обеспечивающих интенсивность труда *выше среднего уровня*. При этом вводится правило: повышенная интенсивность труда достигается не только соответствующим объемом работ или досрочным их выполнением, но и повышенным качеством хотя бы одной из работ первой части ЛТП-ЛТО (т.е. оценкой "превосходно") при условии получения по всем другим работам из первой части оценки "нормально".

Досрочное выполнение работ считается свидетельством повышенной интенсивности труда при трёх условиях: если в работе участвовало сотрудников не больше, чем предусмотрено объявленной трудоёмкостью; если во второй части ЛТП-ЛТО указано, на какие конкретно работы планируется затратить и фактически затрачено высвободившееся время; если время выполнения работ сокращается не менее, чем на 15-20% по сравнению с плановым.

В целях улучшения планирования и контроля за напряжённостью труда необходимо, чтобы ЛТП составлялись под контролем непосредственного административного руководителя сотрудника, чтобы ЛТП и ЛТО обсуждались в обстановке широкой гласности в лабораториях, в отделах и утверждались непосредственным административным руководителем. Необходимо также подвергать ЛТП-ЛТО выборочному контролю представителями других лабораторий, отделов, профбюро, профкомом.

Неудовлетворительная оценка сотрудника по степени использования ФПК автоматически означает, что фактическая напряжённость его труда была в отчётном периоде недостаточной.

Общественная работа большинства сотрудников не должна учитываться при планировании и учёте напряженности труда. Требуется обеспечить по возможности равномерное распределение общественной работы и ра- зовых поручений.

Для работников, избранных или назначенных на наиболее важные, ответственные общественные должности, вводится порядок, в соответствии с которым при оценке степени напряженности их ЛТП-ЛТО учитывается заранее объявленная трудоёмкость общественной работы. Перечень и трудоёмкость таких общественных обязанностей должны быть утверждены директором института по согласованию с общественными организациями института или же Советом трудового коллектива, если он будет функционировать.

При недобросовестном выполнении общественной работы загрузка по ней должна быть исключена из ЛТО.

На общественные работы, загрузка которыми учитывается в ЛТП-ЛТО при определении степени их напряжённости, должны выдвигаться лишь такие работники, которые в предыдущем году не получили ни одной неудовлетворительной оценки по степени использования ФПК. Сотрудник может быть отозван с любой общественной работы сразу же после того, как получил оценку "неудовлетворительно" независимо от того, на какой срок он был избран или назначен.

Учёба в институте, заочной аспирантуре, в среднем учебном заведении учитывается при определении нормальной напряжённости труда в той мере, в какой это предусмотрено продолжительностью учебных оплачиваемых отпусков и количеством льготных дней.

Сотрудники I уровня ФПК должны составлять не ЛТП-ЛТО, а индивидуальные отчёты об участии в тех или иных работах, о выполнении заданий в течение года. Оценка напряжённости их труда производится в секторах (лабораториях) одновременно с оценкой по степени использования ФПК.

Фактическая напряженность труда каждого сотрудника на основании ЛТО или индивидуального отчета оценивается в следующих терминах; *недостаточная, средняя, выше средней*. Сотрудники II-V уровней ФПК получают оценку напряженности труда "выше средней" в случае,

если ими выполнены работы и обязательства не только первой части ЛТП-ЛТО, но все или некоторые обязательства второй части. При этом меру сверхсредней напряжённости определять не следует, поскольку превышение обусловлено индивидуальными способностями сотрудника и никак не может быть пронормировано.

В качестве повышенных социалистических обязательств отдельных сотрудников II-V уровней ФПК могут быть приняты лишь такие, которые взяты из второй части ЛТП, поскольку именно они обеспечивают интенсивность труда выше среднего уровня. Это означает, что социалистические обязательства будут строго индивидуальны, а не единообразны.

Принципы подведения итогов соревнования между сотрудниками

Подведение итогов соревнования между сотрудниками состоит в общей оценке *каждого* сотрудника и в выявлении лучших, хороших, средних и отстающих сотрудников.

Итоги соревнования должны предаваться гласности во всём их объёме, а не только в объявлении победителей. Другими словами, коллектив института должен знать своих лучших товарищей, должен знать, кто работает хорошо, но должен также и знать, кто отстаёт, а кто является середняком.

Подведение итогов соревнования происходит по единой системе критериев во всех подразделениях. Поэтому техническая часть работы может и должна быть децентрализована по секторам (лабораториям), но при контроле со стороны профбюро и выборочном контроле со стороны профкома.

Критерии оценки итогов соревнования:

А — степень использования сотрудником своей ФПК по отдельным работам, входящим в первую часть ЛТП-ЛТО;

Б — фактическая интенсивность труда;

В — дисциплина труда;

Г — добросовестность учебы (для студентов и аспирантов);

Д — добросовестность выполнения посильной общественной работы (для тех, чья общественная работа не учитывается при планировании и оценке фактической напряженности труда).

Последовательность критериев в этом перечне соответствует их субординации.

Выявление отстающих, средних, хороших и лучших сотрудников II-V уровней ФПК производится за шесть "туров"

Первый тур — отбор по критерию "А".

Сотрудники, подучившие хотя бы одну неудовлетворительную оценку по степени использования ФПК по работам, входящим в первую часть ЛТП-ЛТО, считаются *отстающими* и не проходят во второй тур.

ВТОРОЙ ТУР — ОТБОР ПО КРИТЕРИЮ «Б».

Сотрудники, имеющие оценку интенсивности труда "недостаточная", также считаются *отстающими* и не могут участвовать в третьем туре. Все отстающие не имеют права на премирование и другие поощрения по итогам работы в отчётном периоде — ни по каналам соревнования, ни по каким-либо иным каналам.

Третий тур — отбор по критерию "В".

Сотрудники, имеющие административные взыскания за нарушение дисциплины труда, вынесенные и оформленные в установленном порядке, считаются *средними*. Они не проходят в четвёртый тур.

Четвёртый тур — отбор по критерию "Г".

Сотрудники, пользовавшиеся оплачиваемыми учебными отпусками, льготными днями, но не выполняющие учебных планов, считаются *средними* и не могут участвовать в пятом туре соревнования.

Пятый тур — оценка и отбор по критерию "Д".

Сотрудники, общественная работа которых не учитывалась как фактор напряжённости труда в ЛТП-ЛТО и которые, по мнению общественных организаций, выполняли эту общественную работу недобросовестно,

формально, считаются *средними* и не проходят в шестой тур.

Все средние сотрудники не имеют права на премирование или какое-либо иное поощрение по итогам соревнования, но могут быть поощрены по каким-либо иным каналам за отдельные работы по усмотрению администрации.

Шестой тур — отбор по критерию, отражающему "превосходное" использование ФПК.

Сотрудники, прошедшие в шестой тур и имеющие хотя бы одну оценку "превосходно" по степени использования ФПК, считаются *лучшими*. Остальные, прошедшие в шестой тур, считаются *хорошими*.

Подведение итогов соревнования между сотрудниками I уровня ФПК происходит по такой же схеме, что и для II-V уровней, но имеет некоторую специфику. Первый и второй туры совмещаются в один. Решение о прохождении в третий тур принимается на основе сформированной в секторе (лаборатории) общей оценки работы таких сотрудников по первым двум критериям: неудовлетворительно, нормально или превосходно.

Предлагаемая процедура отбора для выявления итогов индивидуального соревнования при правильном её применении позволит более объективно, чем сейчас, определять тех, кто работал лучше других. Поэтому нет необходимости чисто формально ограничивать число победителей соревнования. Такое ограничение, напротив, лишь снизит или сведёт на нет стимулирующие возможности предлагаемой системы. Первое место могут занять и два, и один, и десять человек.

Отказ от оценки сотрудника по степени использования ФПК влияет на итоги индивидуального соревнования следующим образом. В первом туре подведения итогов сотрудники, не **имеющие** ни одной оценки по степени использования ФПК, вообще не учитываются. В этом случае отказ от оценки есть по существу отказ участвовать в соревновании. Это означает, что сотрудник не может получить никакого поощрения (в том числе не

может премироваться) по итогам соревнования, как и средние сотрудники. Но в отличие от средних те, кто не участвует в соревновании, не могут быть поощрены и по каким-либо другим каналам, если в предыдущем году они имели хотя бы одну оценку "неудовлетворительно". Сотрудники, которые участвуют в соревновании, но имеют оценки не по всем работам, могут премироваться только по тем работам, по которым они имеют оценку по степени использования ФПК.

Формы поощрения и санкции по итогам соревнования

Принципы поощрения научных сотрудников и применения санкций по итогам соревнования должны быть кардинально изменены по сравнению с действующим порядком.

Метод оценки сотрудников по степени использования ФПК в сочетании с методом отказа от оценки, планирование и контроль за интенсивностью труда, а также подведение итогов соревнования с выявлением передовиков, средних и отстающих дадут надёжную информацию о соответствии сотрудников занимаемым должностям. Она должна быть использована при аттестациях, а также служить основанием для досрочных переаттестаций. Итоговая оценка качества исследовательского труда должна служить основанием для повышения и понижения зарплаток в пределах должностнойвилки, установления и снятия надбавок, а также для премирования сотрудников. Следует исходить из того, что премирование должно охватывать только передовиков, а средний размер премии должен составлять не менее 40% должностного оклада.

Целесообразно шире использовать моральные и творческие стимулы высоких достижений. Следует рассмотреть возможность и целесообразность применения таких форм поощрения победителей соревнования, как первоочередное предоставление творческих отпусков на завершение диссертаций или монографий; стажировка в

других научно-исследовательских учреждениях; преимущественное право на заграничные командировки в соответствии с координационными планами; преимущественное право на командировки для участия в конференциях, симпозиумах и т.п.; преимущественное право на отпуска за свой счёт; введение в состав Совета экспертов подразделения и в состав Учёного совета или его секций на годовой срок; включение в резерв на выдвижение, если эта форма подбора и подготовки руководящих кадров сохранится.

Важно подчеркнуть, что перестройка организации фундаментальных исследований на основе принципов, изложенных в настоящей статье, решила бы проблему усиления роли и повышения эффективности социалистического соревнования в соответствующих научных учреждениях. Действительно, эта проблема утратила бы самостоятельность, поскольку цели, способы и предпосылки предлагаемой рациональной организации научно-исследовательского процесса практически целиком совпадают с целями, способами и предпосылками рациональной организации соревнования.

Главное условие успешного внедрения и функционирования предлагаемой нами системы планирования, контроля, оценки результатов и стимулирования исследований — добиться, чтобы все сотрудники и, в первую очередь, руководители подразделений, ведущие и старшие научные сотрудники восприняли основные её цели — повысить качество исследований и интенсивность труда до общественно нормального уровня. Другим не менее важным условием успешного функционирования системы является понимание каждым сотрудником внутренней её логики, взаимосвязи её элементов, а также понимание всеми необходимости отрабатывать совместными усилиями детали новой системы в процессе ее апробирования и при дальнейшем практическом применении. Основные идеи этой системы по сути весьма просты, но для того, чтобы она действовала и дала эффект, следует ориентировать трудовые коллективы научно-исследовательских институ-

тов на то, что выработка и совершенствование конкретных процедур, реализующих предлагаемые простые идеи, должны стать по преимуществу результатом коллективного творчества.

Печатается по тексту, опубликованному в сборнике: "Совершенствование планового руководства экономикой" М: ЦЭМИ АН СССР, 1987. Стр. 133-152.

1988

Советская социологическая ассоциация
АН СССР

Центральная научно-исследовательская секция
социологии труда

Центральная научно-исследовательская секция
социологии организации и управления

Клуб социальных инициатив ССА АН СССР

Группа «Самоуправление»

Памятная записка научно-практической конференции

«Производственное самоуправление: опыт, теория, перспективы»

(г. Москва, 4–6 февраля 1988)

Редакционная группа:

*Ракитская Г.Я., Герчиков В.И.,
Золотарев В.Б., Корсетов В.Е.,
Кудюкин П.М., Монахов В.Н.,
Ракитский Б.В., Фарбер В.Г.,
Шубин А.В., Эйдельман Я.Л.*

Москва – 1988

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВВЕДЕНИЕ. ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИИ

1. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ И УСЛОВИЯ
ПРОИЗВОДСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ.
ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ В ОБЩЕСТВЕ.
МЕСТО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЕ
 2. ПРЕДПОСЫЛКИ, ФУНКЦИИ И ГРАНИЦЫ
САМОУПРАВЛЕНИЯ
 3. МЕХАНИЗМЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ
И ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ
 4. СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА И СОЦИАЛЬНАЯ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНО-
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП ТРУДОВОГО КОЛЛЕКТИВА
(РАБОЧИХ, СПЕЦИАЛИСТОВ, РУКОВОДИТЕЛЕЙ)
 5. ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ И ФОРМЫ АКТИВИЗАЦИИ
ТРУДЯЩИХСЯ
 6. УРОКИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ:
ТУПИКОВЫЕ ПУТИ (ВОЗМОЖНЫЕ ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ)
РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В ХОДЕ БОРЬБЫ С КОМАНДНО-
НАЖИМНЫМИ МЕТОДАМИ РУКОВОДСТВА
 7. УРОКИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ:
СПОСОБЫ АДМИНИСТРАТИВНО-БЮРОКРАТИЧЕСКОГО
ТОРМОЖЕНИЯ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА
И ВЫХОЛАЩИВАНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО
СОДЕРЖАНИЯ САМОУПРАВЛЕНИЯ
 8. КОРДИНАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ ОРГАНОВ
САМОУПРАВЛЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ УРОВНЕЙ
 9. СТРОГОЕ СОБЛЮДЕНИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА – НАПРАВЛЕНИЕ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ
НА ПРОИЗВОДСТВЕ
- ПРИЛОЖЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИИ

Цели конференции:

1. Правильно поставить проблему, то есть выявить главные противоречия развития социалистической демократизации на производстве.

2. Выявить основные различия в представлениях о функциях, границах и характере производственного самоуправления. Определить, являются ли эти различия коренными и устойчивыми (непримиримыми), зависящими от различий в положении социальных групп.

Найти способы сблизить позиции и подходы, чтобы несущественные расхождения не становились помехой для практического объединения действий и обмена опытом.

3. Зафиксировать, из-за чего могут возникать ошибки рабочего движения в ходе борьбы с командно-нажимными методами руководства и каковы самые типичные ошибки, тупиковые направления действий.

4. Зафиксировать, какими способами, в каких формах и какие социальные силы, группы и инстанции могут препятствовать социалистической демократизации на производстве.

5. Определить степень соблюдения на производстве прав и свобод трудящихся, степень их готовности включиться в управление предприятием.

6. Сформулировать стратегию и тактику действий трудящихся по развитию демократического самоуправления.

В конференции приняли участие около 300 человек из 31 города страны, в том числе 46 рабочих, около 60 ИТР и служащих (из них – 38 заводских и отраслевых социологов), 110 ученых и преподавателей вузов, 16 работников партийных, советских, профсоюзных и комсомольских органов, 30 студентов и аспирантов, 20 руководящих

работников предприятий и отраслей, 13 представителей прессы.

Выступили более 50 человек, проведён круглый стол производителей.

На заседаниях председательствовали:

А. И. Пригожин, П. М. Кудюкин, В. И. Герчиков, А. В. Шубин, Б. В. Ракитский.

Памятная записка подробно обсуждена на заседании 6 февраля.

Редакционная группа:

Ракитская Г. Я., Герчиков В. И., Золотарев В. Б., Корсетов В. Е., Кудюкин П. М., Монахов В. Н., Ракитский Б. В., Фарбер В. Г., Шубин А. В., Эйдельман Я. Л.

Организаторы конференции:

Ракитский Б. В., Пригожин А. И., Герчиков В. И., Ракитская Г. Я., Кудюкин П. М., Корсетов В. Е., Пельман Г. Л., Шубин А. В., Шкира А. Д., Никифоров В. Л., Байдин В. И., Монахов В. Н., Безносиков В. Н., Сопова Н. И., Эйдельман Я. Л., Ефремов С. К., Человьян А. В.

**1. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ
И УСЛОВИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ.
ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ
И СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ
В ОБЩЕСТВЕ.
МЕСТО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЕ**

Развитие производственного самоуправления – один из важных путей революционной перестройки советского общества, возрождения ленинских принципов демократического централизма. Трудовой коллектив может и должен стать активным проводником в жизнь экономической и социальной политики, отражающей интересы социалистического общества, а каждый конкретный работник – сознательным полноправным участником общественно-политического и социально-экономического процесса, в том числе и на своём рабочем месте. Осуществление радикальной хозяйственной реформы и особенно линии на существенное расширение самостоятельности низовых звеньев (предприятий, объединений, организаций) должно сопровождаться коренным изменением способов формирования в звеньях самостоятельных решений. Суть коренного изменения принципов и форм самоуправления на производстве – их социалистическая демократизация. Все управленческие решения должны приниматься и осуществляться в обстановке свободного доступа всех социально-профессиональных групп трудового коллектива к информации, к разработке стратегии и тактики социального и хозяйственного развития звена, в обстановке строгого соблюдения законности, неукоснительного соблюдения прав и свобод личности.

В СССР нет сейчас и не будет в ближайшие годы более важной задачи, чем всесторонняя демократизация. При этом весь комплекс проблем демократизации может и должен решаться «в одном пакете» и без промедления. Из-за длительных бездействий ситуация и так обостри-

лась до степени общественного кризиса. Дальше медлить нельзя. И не надо ссылаться на возможные ошибки. Ошибки поправимы, а бездеятельность ведёт к непоправимым последствиям.

Конференция отмечает, что есть немало сторонников иного варианта демократизации общественной и хозяйственной жизни в СССР. Он мыслится как возможность и даже необходимость отложить на неопределённое время реальное вовлечение широких масс населения в процесс управления обществом и производством в связи с якобы неготовностью масс к осуществлению на деле демократических прав и свобод. Предполагается при этом, что расширение хозяйственной самостоятельности предприятий, рост экономической эффективности производства, усиление материальной заинтересованности, существенное повышение уровня жизни как бы автоматически подведут трудящиеся массы к восприятию социально-нравственных ценностей свободы и демократии и сформируют у них способности к демократическому образу жизни.

Последствия длительного существования в СССР казарменной деформации общественных отношений действительно объективно препятствуют быстрому и окончательному освоению населением общедемократических и, тем более, демократически-социалистических способов и форм жизнедеятельности. Тем не менее стратегия откладывания всесторонней демократизации под предлогом неготовности советского народа к свободе абсолютно неприемлема, ибо лишает СССР исторической перспективы возвращения в русло прогрессивного развития, социалистической нормализации общественно-экономических отношений.

Как и всё совершенствование хозяйственного руководства, развитие самоуправления на производстве может сложиться по-разному в зависимости от того, произойдёт ли по существу или формально социалистическая демократизация в обществе, в том числе в сфере социально-

политического управления. Реальны два основных варианта развития самоуправления на производстве:

- демократически-социалистическое самоуправление;
- формально-демократическое самоуправление с объективной тенденцией перехода к открыто недемократическим методам и формам.

В настоящее время явно обозначилась, а в ближайшие годы развернётся острая идейно-теоретическая и практическая борьба за осуществление одного из двух основных вариантов самоуправления на производстве. В условиях официально провозглашённого XXVII съездом КПСС и подтверждённого январским (1987г.) Пленумом ЦК КПСС курса на социалистическую демократизацию тенденция к реализации недемократического варианта самоуправления будет существовать в форме преднамеренной примитивизации процедур вовлечения трудящихся в управление, в форме выхолащивания содержательной стороны коллективно принимаемых решений, а также в форме подмены принципов социалистического коллективного самоуправления принципами круговой поруки, солидарной ответственности, групповой юрисдикции и морали, уравнительного распределения и тому подобное.

Невозможность подлинной демократизации производства без общих социально-политических реформ достаточно очевидно была продемонстрирована в 70-х годах, когда в ходе распространения бригадной организации труда практика решала вопрос о функциях и границах самоуправления на предприятиях. Возникнув в недемократической социальной среде, бригада стала по преимуществу инструментом давления на рабочих руками их же товарищей такими способами, которые граничат с прямыми нарушениями конституционных прав и свобод личности. Стратегии постепенного расширения сферы рабочего (народного) самоуправления по принципу «сначала в рамках бригады, затем в масштабах цеха, предприятия, потом – города, республики, страны» – эта стратегия непригодна в принципе, ибо она есть лишь видоизменение неприемле-

мого варианта откладывания демократизации производства до лучших времён. Для того, чтобы превращение рабочих, всего трудового коллектива в субъектов управления предприятием (так сказать, в его «хозяев») было неформальным и необратимым, необходимо одновременно с подчинением администрации контролю со стороны коллектива и ростом самостоятельности предприятий решительно перестраивать на демократических началах всю систему социально-политических отношений.

В настоящее время тенденция к самостоятельности предприятий, самоуправление и производственная демократия неизбежно будут вступать в противоречие (конфликты) с существующими командными и бюрократическими структурами, создавать «зоны напряжения» в сложившихся экономических и социально-политических отношениях. Важно, чтобы эти конфликты находили позитивное решение, выступали «моторами» радикальной экономической реформы и политической демократизации. Таким образом, на начальных этапах перестройки (до проведения общедемократических политических реформ) самоуправление явится формой привлечения трудящихся к участию в утверждении социалистической демократии и первым шагом к возрождению власти Советов в её ленинском понимании. В условиях же, когда такой тип власти будет установлен во всей стране, производственное самоуправление станет одним из низовых её звеньев.

2. ПРЕДПОСЫЛКИ, ФУНКЦИИ И ГРАНИЦЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ

Развитие самоуправления может идти на здоровой основе, в интересах общества и человека только как составная часть социалистической демократизации страны и радикальной экономической реформы. Подчеркнуть это крайне важно, так как первые шаги в сторону хозрасчёта, самофинансирования, самоуправления делаются нередко с отступлениями от решений январского и июньского (1987 года). Пленумов ЦК КПСС. При всяком возникновении не-

довольства переменами со стороны трудящихся следует внимательно разбираться, вызваны ли эти недовольства справедливыми повышениями требовательности к работнику или же нарушениями Закона СССР о государственном предприятии, основных постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР по вопросам реформы³⁵, нарушениями трудового законодательства и т. п.

Демократизация управления на производстве теснейшим образом связана, с одной стороны, с углублением и расширением демократических структур и процессов в жизни всего общества, в деятельности местных Советов, с другой – с развитием хозрасчётных отношений как во всей народнохозяйственной системе, так и внутри предприятия. Она связана также с правовой проработкой всех содержательных и процедурных вопросов властных отношений в системе управления предприятиями. Так, в частности, значительные трудности с введением выборности руководителей, созданием советов трудовых коллективов и передачей широких решающих полномочий общим собраниям и советам коллективов в значительной мере объясняются нерешённостью вопросов экономической и юридической ответственности коллективов и руководителей за те или иные негативные результаты деятельности (начиная с невыполнения заданий и кончая, скажем, несчастными случаями и уровнем профзаболеваний).

На конференции звучали голоса несогласия с идеями радикальной хозяйственной реформы, развития хозрасчёта и самоуправления, предостерегающие против опасности стихии рынка и т. п. Нельзя не слышать эти голоса, особенно в условиях, когда неумелое или извращённое осуществление намеченных мер начинает возбуждать в среде производителей опасливое или негативное отношение к реформе. Участники конференции в своём

подавляющем большинстве считают линию на демократизацию и радикальную хозяйственную реформу единственно правильной политикой, отражающей общенародные интересы. Трудности или искажения в осуществлении этой политики следует отделять от замысла, существа политики демократизации и радикальной хозяйственной реформы. И бороться как раз с причинами трудностей и искажений, а не с принципами намеченных преобразований.

Ряд важнейших принципов осуществления производственной демократии и функций самоуправления сформулирован в ст. 6 Закона о предприятии вполне определённо:

- 1) полная широкая гласность;
- 2) участие трудового коллектива и его общественных организаций в выработке важнейших решений и контроле их исполнения;
- 3) выборность всех линейных (первых) руководителей – от бригадира до директора – при сохранении принципа единоначалия в управлении.

Порядок принципов существенен.

Развитие гласности означает: прекращение сокрытия под разными предлогами информации от коллектива; введение регулярной широкой публикации заводской статистики, специальную подготовку информации для полного и правильного восприятия всеми категориями работников; обеспечение быстрого и лёгкого доступа к информации о работе и жизни коллектива для любого интересующегося работника.

Участие в выработке и контроле исполнения важнейших решений требует:

- а) организации демократических процедур разработки всех перспективных программ и планов (особенно социальных), иницирующих участие в этом максимального количества работников, а не только специалистов;
- б) широкого использования экспресс-опросов общественного мнения;
- в) принципиального изменения отношения к предложениям работающих, формирования временных рабо-

³⁵ Все эти документы опубликованы в 1987 году в различных изданиях, например, в сборнике документов «О коренной перестройке управления экономикой» (М.: Политиздат, 1987).

чих «Групп инициативной реализации» под руководством авторов предложений;

г) создания совета трудового коллектива с широким объёмом решающих прав;

д) перестройки технологии и организации производства с целью максимального повышения самоуправляемости работников на своих рабочих местах;

е) внимания советов трудовых коллективов к уровню организации оперативного взаимодействия подразделений предприятия, а также основных категорий работников (рабочих, инженеров, технологов и мастеров). При этом не следует развивать «рабочий контроль» как форму дублирования функций ИТР, служащих и руководителей. Дублирование отбирает много времени без должного эффекта.

После вступления в действие Закона СССР о государственном предприятии все ныне работающие линейные руководители обязаны пройти утвержденную Законом процедуру выборов. Проведение перевыборов всех руководителей – очень большая и сложная работа, требующая предварительной подготовки, отработки всех процедур и документации, проведения исследований и учёбы. Велика опасность формального её исполнения. Самым принципиальным представляется совмещение выборности с демократизацией процедур разработки программ развития.

В ходе конференции подтвердилось, что в среде научной, практических работников и в среде рабочих доминируют две существенно разные концепции (позиции), касающиеся организационно-экономических предпосылок и содержания (функций, границ) самоуправления трудовых коллективов государственных предприятий. Главное расхождение — по вопросам нормирования и оплаты труда.

Сторонники *одной из этих концепций* считают, что пороки ныне действующей системы государственного нормирования и государственной тарифной системы непреодолимы, а потому предлагается возложить функции нормирования труда и распределения зарплат исклю-

чительно на трудовые коллективы. Если следовать этой концепции, то размер гарантированной части заработка, продолжительность и режим работы, право на рабочее место должны устанавливаться не от имени общества в целом, а низовым трудовым коллективом. Социальная защищённость заработка и права на труд теряет в этом случае государственную опору и суживается до защищённости решениями трудового коллектива. Социально-экономические последствия состязательности между трудовыми коллективами складываются как следствие только различий в достигнутой ими экономической эффективности. В силу изложенного эта концепция может быть названа «кооперативно-конкурентной».

«Кооперативно-конкурентная» концепция допускает возможность распределения прибыли между работниками государственного предприятия в зависимости от величины вложений их личных средств в развитие производства (в том числе и в форме распределения доходов на акции). Таким способом предлагается предотвратить «проедание» коллективом всей полученной прибыли, обеспечить заинтересованность рабочих в принятии и осуществлении экономически эффективной долгосрочной хозяйственной и научно-технической стратегии развития предприятия.

Кооперативно-конкурентная концепция не нашла сколько-нибудь серьёзной поддержки на конференции. По мнению её противников, различия в доходах работников государственных предприятий нельзя отрывать от различий трудовых вкладов. Такой отрыв не способствует восстановлению социалистического принципа распределения по труду, развязывает нездоровую конкуренцию между рабочими, вместо того чтобы способствовать развитию их взаимопомощи, сотрудничества, солидарности.

П р и м е ч а н и е. По настоянию одного из докладчиков (В.Е.Корсетова) включаем в Памятную записку изложение его концепции, примыкающей, по мнению организаторов конференции, к кооперативно-конкурентным представлениям об организации социалистического производ-

ства. Согласно мнению В.Е.Корсетова, экономической основой самоуправления должна стать самостоятельная деятельность непосредственных исполнителей, направленная на развитие производства и стимулируемая определённым образом. Осуществление такой деятельности возможно за счёт децентрализованных капиталовложений из средств бригады при условии получения новаторами (бригадами) всей экономии фонда заработной платы, полученной от модернизации производства. За этот счёт осуществлялось бы бригадное самофинансирование. В настоящее время сферой децентрализованных капиталовложений может стать рационализация производства. В дальнейшем развитие бригадного самофинансирования должно привести к росту самостоятельности подразделений (служб, цехов, участков, бригад) предприятия и, при возможности, к частичному выходу их на рынок, что, в частности, позволило бы решить проблему состыковки мощностей различных ступеней производства одного предприятия.

Для *второй концепции* характерно настаивание на необходимости жёстких социальных границ при расширении прав и функций трудовых коллективов, настаивание на том, что демократизацию производства в государственном секторе не следует подменять введением кооперативных принципов. Существенное расширение самостоятельности предприятий, переход к полному хозрасчёту, развитие внутрипроизводственного хозрасчёта не должны стирать грань между государственными и кооперативными предприятиями, превращать государственное предприятие или его подразделения в разновидность колхозов. Поэтому важнейшей предпосылкой самоуправления трудовых коллективов является регулирование ключевых процессов функционирования предприятий общегосударственными законами, в том числе законами, реализующими единую общегосударственную политику в области нормирования и оплаты труда. (Содержание и методы проведения этой политики, конечно же, должны быть радикально изменены по сравнению с существующими.) Соблюде-

ние общегосударственной политики должно обеспечивать равную оплату за равный труд, гарантировать каждому, кто работает с общественно нормальной интенсивностью труда (выполняет нормы), рабочее место и оплату труда на общественно нормальном уровне.

Вторая концепция не допускает распределение прибыли вне зависимости от различий трудовых вкладов участников, то есть не допускает возможность получения доходов от нетрудовой экономической деятельности.

На конференции подчеркивалась самооценность участия рабочих в управлении. Эта позиция противостоит утилитарному, узко прагматическому подходу к производственной демократии. Защитники прагматического подхода полагают, что привлечь рядовых работников, рабочих к активному участию в работе органов самоуправления можно лишь при помощи экономических стимулов, на основе непосредственной материальной выгоды от выполнения управленческих функций. Однако уже имеющийся опыт показывает, что трудящиеся охотно идут на участие в управлении без расчёта на личное вознаграждение, а с расчётом на общее улучшение дел.

Не станет ли демократизация управления причиной ухудшения его качества? Ведь современное производство, как указывалось в ряде выступлений, требует дальнейшего углубления профессионализма в управлении. Выполнение функций управления становится всё сложнее. Как рабочему угнаться за этим усложнением? Не станут ли его инициативы, а тем более претензии на участие в управлении помехой?

Ответ на эти вопросы был предложен.

Во-первых, не все усложнения продиктованы объективными потребностями. Многие в управлении излишне усложнено устаревшей организацией дела, нежеланием радикальных перемен, бюрократизмом. Процесс демократизации – и в политической сфере, и в сфере производства – сделает ненужным большинство таких функций, которые может выполнять лишь человек, прошедший школу бюрократического управления. Управление во многом ста-

нет доступным для людей без специальной профессиональной подготовки.

Во-вторых, было обращено внимание на различие стратегического и оперативного управления. Органы демократического самоуправления могут вполне компетентно выдвигать стратегические социально-экономические цели функционирования и развития предприятия, пользуясь при этом, когда понадобится, консультациями профессиональных социологов, экономистов и т. д. Они могут с должной глубиной осуществлять контроль за соблюдением стратегии социального и экономического развития, а также контролировать, достаточна ли оперативность текущего экономического и технического руководства, осуществляемого администрацией предприятия.

Участники конференции подчеркнули необходимость развития разнообразных форм политического, социально-экономического и правового обучения трудящихся, необходимость обеспечить всем желающим (а не только «резерву») право учиться управлению в специальных школах, университетах, клубах и пр. В сочетании с демократизацией выдвижения на руководящие должности (вплоть до самовыдвижения при выборах) это позволило бы значительно расширить социальную базу формирования кадров управления, подрывало бы недемократическую кадровую политику.

3. МЕХАНИЗМЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Самоуправление предполагает, что выполнение части управленческих функций не оформляется в устойчивую профессиональную специализацию их исполнителей, то есть отсутствует устойчивое закрепление этих функций за одними и теми же людьми. В этих условиях наиболее важная и сложная проблема – создание компетентных, дееспособных, авторитетных органов самоуправления. Наилучшие способы формирования этих органов должны быть найдены в ходе практической дея-

тельности с учётом конкретных местных особенностей (производственных, национальных и пр.).

Процедуры создания и деятельности органов самоуправления, осуществления производственной демократии – не второстепенный вопрос. Они могут создать более или менее благоприятные условия для проявления демократического содержания самоуправления, а могут привести и к его выхолащиванию.

Самоуправление и производственная демократия не сводятся только к выборам Совета трудового коллектива и руководителей. Требуется создание именно *системы* самоуправления и производственной демократии, пронизывающей весь коллектив снизу доверху. В противном случае СТК превратится в орган, с одной стороны, неподконтрольный коллективу, а с другой – лишённый механизмов получения и анализа информации, выработки самостоятельных решений и проектов.

Высший орган власти на предприятии – конференция (в небольших коллективах – общее собрание), формируемая из делегатов подразделений предприятия. Делегаты будут полнее выражать интересы своих коллективов, если избрание осуществляется с императивным мандатом (то есть позиция делегата определяется наказом пославшей его группы). Должен существовать механизм самозова конференции независимо от администрации и от СТК – например, рабочие группы конференции в подразделениях, постоянный президиум конференции, созыв конференции по требованию первичных подразделений или общественных организаций и т. п. Именно на конференции решается задача согласования интересов различных подразделений предприятия и социальных групп его коллектива, а также интересов предприятия с интересами всего общества.

Исполнительный орган трудового коллектива – СТК. Советы должны создаваться не только на предприятиях, но и в крупных его подразделениях. Закон СССР о государственном предприятии (объединении) предусматривает прямые выборы в качестве единственного способа

формирования Советов трудовых коллективов всех уровней. Однако из опыта проведения выборов на предприятиях в 1986–1987 гг. можно сделать вывод: прямые выборы вполне удовлетворительно решают вопросы подбора кадров только в низовом звене, там, где все друг друга в коллективе знают. В больших коллективах приходится часто голосовать за малознакомого по работе человека. Да и отозвать его, если он оказался неподходящим, практически очень трудно. Ты за него голосовал – а он тобой командует и контролю не поддаётся.

Возможна другая система формирования Совета трудовых коллективов, построенная на принципе делегирования, в пользу которой высказалось большинство участников конференции. Делегирование – это комплектование вышестоящих органов управления из представителей нижестоящих с правом отзыва делегата пославшей его группой в любое время. На предприятии делегирование выглядит следующим образом: бригада посылает своего представителя (представителей) в цеховой совет; цеховой совет посылает своих представителей в Совет трудового коллектива предприятия. В отличие от прямых выборов для отзыва делегата нет необходимости собирать общее собрание завода (цеха), а достаточно поставить вопрос об отзыве на одном из регулярных собраний бригады, совета цеха. Для того чтобы делегаты действительно представляли интересы пославших их групп, их деятельность в СТК должна осуществляться на основе императивного мандата.

Система делегирования обеспечивает реальную зависимость делегата от пославшей его группы. Эта система позволяет формировать решения на основе мнения большинства. Система делегирования создаёт препятствия сосредоточению органов самоуправления на социальных интересах, чуждых большинству членов трудового коллектива. Существенные элементы делегирования могут быть реализованы в рамках действующего Закона о предприятии. Для этого основа списка кандидатов на выборах СТК должна формироваться из кандидатов подраз-

делений, а требование подразделения об отзыве своего представителя из СТК обязательно должно рассматриваться конференцией коллектива.

На конференции указывалось, что система делегирования не лишена недостатков. При делегировании существуют меньшие, чем при прямых выборах, возможности представительства и защиты интересов меньшинства. Подразделенческая основа представительства приводит к ослаблению возможностей социальных групп межподразделенческого характера быть представленными в органах самоуправления. Это наиболее серьезные и, видимо, неустранимые недостатки. Говорилось, что императивный мандат лишает делегата всякой свободы действий и делает систему принятия решений громоздкой и неоперативной. Однако очевидно, что императивный мандат может определять лишь основные принципы позиции делегата, по конкретным же вопросам он принимает решения самостоятельно, отчитываясь затем перед делегировавшей его группой, которая в необходимых случаях может не утвердить его решение. Высказывалось мнение, что многоступенчатый характер выборов увеличивает возможность манипулирования, так как уже со второго уровня теряется главное преимущество делегирования – хорошее знание друг друга. Это возражение не учитывает существенного момента – делегирование должно производиться не вновь избранным, а *работающим* органом. В целом же в современных условиях преимущества делегирования превышают его недостатки.

Советам трудовых коллективов принадлежит важная роль в проведении выборов руководителей. Именно СТК принимают решения о сроках выборов, объявляют конкурсы для отбора кандидатов на выборы, разрабатывают требования к кандидатам, организуют подготовительную работу.

При самоуправлении и производственной демократии возникает сложная система представительства интересов на предприятии. Её элементами являются СТК, вы-

борная администрация, профсоюзная и партийная организации.

Всё большую роль в развитии самоуправления и производственной демократии будут играть разнообразные объединения трудящихся. Они должны выполнять многообразные функции, защищая групповые интересы, выдвигая своих кандидатов, разрабатывая их программы, предлагая различные проекты, связанные с развитием предприятий, осуществляя политическое воспитание своих членов. Они выступают как важный механизм контроля за деятельностью администрации и органов самоуправления, а также в качестве социальной опоры самоуправления.

В новых условиях должны изменяться место и роль социологической службы – она должна перейти в подчинение СТК и осуществлять сбор и обработку информации, необходимой для осуществления самоуправления, участвовать в подготовке решений его органов и разработке проектов и предложений.

4. СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА И СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП ТРУДОВОГО КОЛЛЕКТИВА (РАБОЧИХ, СПЕЦИАЛИСТОВ, РУКОВОДИТЕЛЕЙ)

Проблему социальной защищённости в начальный период радикальной реформы управления можно рассматривать, по крайней мере, в трёх аспектах.

Первый связан с бюрократической реакцией на нововведения, стремлением использовать вновь вводимые правовые нормы для консервации по существу прежних порядков на производстве. Второй связан с возможными отклонениями разных процессов социально-экономического развития по сравнению с курсом на демократизацию. Третий связан с общей спецификой новых отношений, закладываемых внедрением самоуправления и производственной демократии.

Важно не забывать, что общественные формы, вводимые даже с самыми лучшими намерениями, не всегда наполняются именно тем содержанием, которое предполагалось. Внедрение бригадного самоуправления и подряда показало, что бюрократия легко извращает и приспособливает любые нововведения, стремясь в каждом случае отделить эффект организационного новшества от необходимых социальных цепей его внедрения, т.е. получить эффект как бы в чистом экономическом виде. Ещё в конце семидесятых – начале восьмидесятых годов бригадные формы организации труда начали широко использовать для скрытия внутрисменных простоев, оплаты труда одних рабочих за счёт заработка других, оплаты неполноценных, недогруженных сверхурочных за счёт заработка бригады и т. д. Используя противоречия рабочих различных профессий в советах комплексных бригад (этих прообразах современных советов низовых трудовых коллективов), общую пассивность и забитость, не стесняясь самого элементарного обмана, администрация соответствующего уровня во многих случаях получила возможность манипулировать решениями советов бригад, подавлять недовольных, преследовать "не в меру активных".

Уже советы комплексных бригад стали широко практиковать отказ от законных прав от имени трудового коллектива, его частей и отдельных членов. С возникновением СТК это явление приобрело ещё большее распространение. Советы трудового коллектива соответствующего уровня часто пытаются представить органом, абсолютно полномочным в отношении всех членов данного коллектива. В условиях наступления радикальной хозяйственной реформы эти попытки стимулируются стремлением её объективных противников во что бы то ни стало сохранить экстенсивные методы хозяйствования, что проявляется, в частности, в неудержимом росте количества сверхурочных работ и работ в выходные дни. На конференции рабочие привели примеры приспособления для этих целей новых СТК. Особенно настораживает тот факт, что настойчивые попытки увеличить продолжительность рабочей недели повсеместно сочетаются с различными незаконными способами оплаты за счёт разного рода премий из фонда материального поощрения.

Реальное соотношение сил, прежде всего отсутствие массовой социальной базы сторонников самоуправления вследствие пассивности огромного большинства рабочих, указывает на очень большую вероятность бюрократического извращения производственного самоуправления, использования его как основы для произвола в отношении работников, так как бороться против "решения коллектива", например, в судебном порядке, несомненно, психологически намного сложнее, чем против решения администрации.

Естественным развитием бюрократически извращённой системы производственного самоуправления по мере роста самостоятельности предприятия и внедрения внутреннего хозрасчёта является трансформация его в *технократическое самоуправление*. Опасность такой трансформации существует из-за реального разрыва компетентности в вопросах управления рабочих, с одной стороны, и специалистов, с другой, а также из-за отсутствия вероятности и стимулов для сравнительно быстрого преодоления этого разрыва хотя бы по отношению к кругу вопросов, связанных с технико-технологическим и организационным обеспечением каждого данного рабочего места. Понятно, что развитие технократического самоуправления опасно постепенной монополизацией собственности на средства производства в руках вновь возникающего, пока ещё аморфного социального слоя, но способного в дальнейшем быстро осознать и закрепить свои обособленные интересы.

Решение вопросов социальной защищённости в обстановке радикальной экономической реформы видится, с одной стороны, в соблюдении и гарантиях трудовых и гражданских прав трудящихся, укреплении законности и правопорядка на демократической основе, с другой, – в реорганизации и демократизации профсоюзов, превращённых ныне в бюрократические придатки отраслевого управления, с третьей, – и в этом главное – во всемерной активизации самих трудящихся.

Проблема социальной защищённости имеет и такой специфический аспект, как взаимоотношения частей трудового коллектива, различных профессиональных групп, а также различных уровней управления и самоуправления. Практика показывает, что преобладание в СТК работников какой-либо про-

фессии (из-за численного их превосходства в данном производстве) сплошь и рядом приводит к выпячиванию односторонних интересов, к использованию администрацией профессиональной сплоченности преобладающей группы с целью подавления интересов работников других профессий. Всё это требует более четкой отработки демократических процедур формирования органов самоуправления, правовой регламентации представительства интересов профессиональных и цеховых групп в советах трудовых коллективов.

Необходимость социальной защиты руководителей предприятий вытекает из возможности необоснованного и некомпетентного вмешательства советов трудовых коллективов в процессы текущего управления предприятием, а также из возникающего порой желания предъявить руководителям необоснованно большие требования и потребовать от них "скорого эффекта". Проблема социальной защищённости тесно связана с применением принципа ответственности за хозяйственный риск, со справедливым распределением этой ответственности между руководителями и коллективом. Уже сейчас требуется более точное определение прав и обязанностей коллектива в его взаимоотношениях с руководителем, а также прав и обязанностей руководителя в его взаимоотношениях с коллективом. Эти положения должны быть ясными и чёткими настолько, чтобы руководитель имел возможность доказать (в том числе в судебном порядке) своё соответствие должности в случае, если претензии коллектива к нему необоснованны.

В условиях выборности целесообразно ввести порядок заключения трудовых договоров руководителя с избравшим его коллективом, в которых должны быть оговорены конкретные (с учётом специфики данного предприятия, цеха и т. п.) права и обязанности договаривающихся сторон.

5. ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ И ФОРМЫ АКТИВИЗАЦИИ ТРУДЯЩИХСЯ

Перевод предприятия на хозрасчётные принципы деятельности, необходимость добиваться серьёзного по-

вышения эффективности общественного производства усиливают потребность в активизации трудящихся не только в производственном, но и в социально-политическом плане. Сегодня в той или иной степени обществом и самими трудящимися осознана потребность в активизации каждого работающего в общественном производстве. Вместе с тем социальная и психологическая готовность сделать реальные шаги в этом направлении в целом не может быть высокой по ряду причин. Среди них: давление прежних стойких стереотипов, отсутствие навыков социальной и гражданской активности, отсутствие готовых форм реализации и организации активности трудящихся.

В настоящих условиях, существующих на производстве, активизация рабочего самоуправления и самовыражения практически блокируется общей структурой производства в целом и структурой самого трудового коллектива. Трудовой коллектив сегодня представляет собой функциональное звено общего механизма предприятия, действующего по преимуществу на командно-приказных и исполнительских началах. Поэтому первоочередной в активизации трудящихся является необходимость вывести коллективы из режима исполнительской деятельности в режим диалоговый, демократический, т.е. в режим совместного поиска с руководством предприятия взаимовыгодных решений.

Активизация рабочего движения одновременно означает его политизацию, т.е. рост социально-политического влияния различных форм профессиональной и межпрофессиональной организации трудящихся как на предприятиях, так и вне их.

В настоящих условиях роль общественных и политических органов (партком, профком, комитет комсомола) в жизни трудовых коллективов сводится к усилению вовлечения в работу общих механизмов и процессов, подлежащих в подавляющей своей части бюрократическому контролю и регламентации. Таким образом, без обретения коллективами реальных прав решающего голоса в решении вопросов, касающихся их производственной деятель-

ности и социально-политического статуса всего коллектива и отдельных его членов, активизации трудящихся ожидать не приходится.

В сложившихся условиях активизация рабочего движения вообще и самоуправления на производстве, в частности, немыслима без создания первичных форм самоорганизации трудящихся на предприятиях.

Становление таких форм и развитие их происходит на принципах неформального лидерства и личной организационной инициативы. При этом представляется важным, чтобы с первых шагов своей деятельности неформальные структуры на производстве добивались положений, при котором, работая внутри действующих управленческих, организационных и политических механизмов и в сотрудничестве с ними, они привносили бы в их работу элементы конструктивного обновления.

Вместе с тем подключение инициативных групп трудящихся к деятельности официальных (и традиционных вообще) структур вероятнее всего будет сопряжено с серьезнейшим нежеланием руководства последних не только допустить неформальные группы активистов к участию в управлении производством, но и признать за ними право на равный диалог.

В этой связи, равно как и по причине относительной малочисленности активных инициаторов рабочего самоуправления на конкретном предприятии, желательно проводить предварительную работу по объединению (по крайней мере, на уровне информационно-координационном) существующих микрогрупп активистов на предприятиях каждого достаточно крупного, но при этом четко обозначенного региона – района, области, небольшой республики. Помощь относительно оформившегося местного органа (в виде, например, консультационно-координационного совета рабочей инициативы) позволит осуществить при невозможности работать вместе и внутри официальных органов управления параллельную организационную деятельность на предприятии.

В качестве способов активизации рабочего движения в масштабах конкретного производства может быть предложена линия на изживание на нём наиболее консервативных пережитков командных методов управления, связанных с принуждением трудящихся к выполнению сверхурочных, авральных, неритмично спланированных работ, с превращением добровольных субботников в обязательные рабочие дни и т. п.

Обозначим чётко ещё раз: надо работать, активизироваться в рамках существующих организационных форм, наполняя их живым, демократическим содержанием. Но если косность и консерватизм столь сильны, что парализуют процесс демократизации, не надо терять силы на их преодоление. Надо создавать новые формы, которые будут работать лучше старых и конкретным делом докажут свою полезность социалистической демократизации на производстве. Решения январского и июньского (1987 г.) Пленумов ЦК КПСС открывают путь к живому творчеству народа, хотя этот путь нелегкий.

6. УРОКИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ: ТУПИКОВЫЕ ПУТИ (ВОЗМОЖНЫЕ ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ) РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В ХОДЕ БОРЬБЫ С КОМАНДНО-НАЖИМНЫМИ МЕТОДАМИ РУКОВОДСТВА

Новая политическая обстановка в стране, начало процесса демократизации привели к возникновению рабочего движения, одним из важнейших направлений которого станет борьба за развитие самоуправления и производственной демократии, против командно-нажимных методов руководства. При отсутствии живой традиции, недостаточном высоком уровне политико-правовой культуры, при необычной и во многом беспрецедентной исторической ситуации возможны и даже неизбежны ошибки и тупиковые «ходы». Они лишь начинают проявляться, но их опасность увеличится по мере нарастания массовости рабочего движения.

Сейчас преждевременно говорить о конкретных ошибках, но можно обозначить характер наиболее вероятных тупиковых путей.

Один из них – **политический догматизм**, то есть прямолинейный перенос на нашу реальность классических теоретических схем и, соответственно, применение таких форм и методов в практике рабочего движения, которые были эффективны в конкретно-исторических условиях начала века, но не отвечают особенностям современного советского общества, характеру назревших задач его переустройства.

Явно тупиковой была бы **абстрактная политизация** рабочего движения, то есть слабая его увязка с конкретными задачами и проблемами демократизации производства и общественной жизни. Абстрактная политизация – это выдвижение слишком общих лозунгов (типа борьбы с бюрократией или бюрократизмом вообще), вместо того чтобы в тесном сотрудничестве со всеми прогрессивно настроенными членами трудового коллектива (в том числе специалистами, руководителями) находить, осваивать и отстаивать формы и методы коллективного управления.

Ещё одна опасность – **замыкание движения на узко экономических вопросах и корпоративно-групповых интересах**. Это может выражаться в нежелании считаться с объективной ситуацией, в непонимании необходимости в определённых случаях отказаться от немедленных выгод для решения долгосрочных задач, в попытках решать проблемы своего подразделения в отрыве от проблем всего предприятия, а предприятия – в отрыве от задач углубления экономической реформы и политической демократизации в стране в целом. Основой подобных ошибок могут быть настроения социального изживенчества, привычка к безусловным социальным гарантиям. Главная причина узко экономической ориентации рабочего движения – непонимание того, что без политической демократизации никакие завоевания (улучшения) не могут быть ни существенными, ни устойчивыми.

Названные выше тупиковые пути могут сопровождаться «начальствованием», персонификацией «врага» в бюрократе, причём, как правило, ближайшем, а то и просто в любом ИТР. Отсюда излишняя конфронтация с администрацией предприятия даже тогда, когда возможен и необходим поиск сотрудничества с ней (другое дело, что такое сотрудничество может принимать форму *конфликтного сотрудничества*). Часто эта ошибка связана с иллюзией о возможности существенных улучшения при замене «плохого» начальника «хорошим», что отвлекает от борьбы с глубинными пороками существующей системы управления. Этот же подход может приводить к недооценке роли специалистов в процессе производства и в самоуправлении, выливаться в черносотенно-антиинтеллигентские настроения.

Самые насущные задачи рабочего движения (они целиком относятся и к преобразованию жизнедеятельности трудовых коллективов) – создание механизмов народовластия на основе равноправия социальных групп, на основе социалистической законности. Заботой рабочих должен стать поэтому не поиск способов обеспечить доминирование (диктат) своих интересов в трудовом коллективе, а поиск способов выявления и взаимоприемлемого согласования интересов всех социально- профессиональных групп трудового коллектива при строгом соблюдении законных прав каждого работника и контроле за выполнением каждым своих обязанностей.

7. УРОКИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ: СПОСОБЫ АДМИНИСТРАТИВНО-БЮРОКРАТИЧЕСКОГО ТОРМОЖЕНИЯ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА И ВЫХОЛАЩИВАНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ САМОУПРАВЛЕНИЯ

Развитие самоуправления трудовых коллективов и производственной демократии приводит в перспективе к существенным изменениям в системе формальных и неформальных управленческих отношений, задевая тем са-

мым интересы различных групп аппарата управления, партийных органов и общественных организаций, в том числе и бюрократизированной их части.

Каждая из этих групп реагирует по-своему на становление самоуправления в соответствии со своими специфическими интересами.

Администрация предприятий, как правило, не хочет поступаться полнотой своей власти внутри предприятия; многие руководители опасаются зависимости от волеизъявления трудового коллектива; широко распространено мнение, что придание реальных управленческих полномочий органам самоуправления приведёт к хаосу, потере управляемости и развалу производства. С другой стороны, наиболее активные и самостоятельные руководители уже разглядели в самоуправлении возможность не только определённой защиты от давления со стороны отраслевых и местных органов власти и управления, но и решения руками СТК «неприятных» вопросов (типа сокращений и т. п.), организации якобы добровольного самоограничения прав трудящихся. Практика уже многократно показала, как законные права трудящихся нарушались с помощью бригадного самоуправления. В результате всех этих явлений на значительной части предприятий формируется своеобразный «директорский» тип самоуправления, характеризующийся тем, что СТК создаётся как чисто совещательный орган, изолированный от воздействия «снизу»; председателем «избирается» директор или кто-либо из его заместителей, в лучшем случае знатный рабочий (Герой социалистического труда, депутат Верховного Совета, делегат съезда), который часто выступает «прикрытием» и «толкачом» при директоре. Активистов из рабочих, рядовых специалистов и руководителей низшего и среднего звена, пытающихся добиться реального самоуправления (а также выдвигаемых снизу кандидатов на руководящие должности), стремятся дискредитировать («демагоги», «псевдоправдолюбцы»), изолировать, выжить с работы, расколоть на «хороших» и «плохих», так или иначе запугать или подкупить. Всё это облегчается разобщённостью

активистов как на предприятии, так и между различными предприятиями.

Обычно позиции руководства партийной и общественной организаций совпадают с позицией администрации. У профкома добавляется отношение к СТК как к конкуренту или дублёру. Существует явная тенденция к обязательному включению руководителей общественных организаций в состав СТК (даже без выборов, вопреки закону). Позиция партийной организации может, однако, отличаться спецификой, связанной с отношением местных партийных органов к развитию самоуправления.

Местные партийные органы находятся в двойственном положении. С одной стороны, они должны быть проводниками политической линии на демократизацию, в том числе и на производстве, а с другой – тесно связаны с местными органами власти и основными предприятиями своего региона. Таким образом, они оказываются на пересечении противоречивых интересов. В сочетании с инерцией «рапортно-командного» подхода это часто приводит к форсированию создания СТК на предприятиях без достаточной подготовки, что, независимо от намерений инициаторов, приводит опять же к формализму.

Местные органы власти и управления часто видят в самоуправлении и угрозу своим возможностям слабо контролируемого и бесплатного использования ресурсов предприятия для местных нужд.

В наибольшей мере развитие самоуправления и производственной демократии противоречит интересам отраслевых органов управления. Для них представляет опасность не только реальное, но и «директорское» самоуправление при сильном и независимом директоре. И в том, и в другом случаях повышается сопротивляемость предприятий давлению «сверху». В ответ министерства и ведомства могут применить следующие средства: разработка отраслевых документов (типовые положения, рекомендации и т. п.), ограничивающих и выхолащивающих самоуправление и производственную демократию; злоупотребление своим правом на неутверждение избранных

коллективом руководителей; использование экономических и организационных рычагов, например, установление нормативов, дискриминирующих неугодные предприятия; объединение (присоединение) предприятий в производственные и государственные производственные объединения или вывод из них и т. п.

Типичными чертами формализованного (независимо, под чьим давлением) самоуправления являются:

- создание СТК в отрыве от первичных производственных подразделений;
- нарушение норм представительности в составе СТК как коллективов подразделений, так и организованных социальных групп коллектива;
- совмещение функций директора и председателя или избрание председателем лица, удобного директору;
- отсутствие у СТК реальных управленческих полномочий;
- формальные и манипулируемые выборы, фактическая монополия «четырёхугольника»³⁶ на выдвижение кандидатов;
- отсутствие у СТК и коллектива в целом достаточного доступа к информации, отсутствие организационных процедур, обеспечивающих разработку самостоятельных и альтернативных проектов решения проблем предприятия;
- отсутствие механизмов рабочего контроля за деятельностью администрации и СТК;
- отсутствие механизмов социальной поддержки самоуправления – возможностей для самоорганизации социальных групп на предприятии «по горизонтали» и «по вертикали», социальной и правовой защиты активистов, их общения и объединения;

³⁶ **Примечание ответственного за выпуск издания.** «Четырёхугольник» на предприятии (в организации) в советские времена – это директор предприятия, секретарь партийного комитета КПСС, председатель профкома и секретарь комитета ВЛКСМ.

– подавление, изоляция или нейтрализация активистов, добивающихся реальной демократизации.

Наиболее надёжной и всеобъемлющей гарантией от торможения и выхолащивания процесса демократизации является устойчивая активизация трудящихся и создание поддерживающих её институциональных форм: рабочих клубов (самодетельных объединений в поддержку самоуправления), контрольных групп, развитие гласности и обеспечение доступа к информации, возможность самозова конференции трудового коллектива, создание системы СТК в подразделениях предприятия, распространение делегирования как метода формирования органов самоуправления.

Уменьшению возможностей административно-бюрократического давления на развитие самоуправления способствовало бы углубление экономической реформы, а именно отказ от индивидуализации экономических нормативов, предоставление предприятиям права по своему усмотрению вступать в различные объединения и выходить из них, реализация реформ ценообразования, системы распределения средств производства и произведённой продукции и т. д.

Смягчению недоверия руководящих работников на предприятиях к самоуправлению способствовало бы разъяснение (на реальных примерах, когда они возникнут) того, что создание действенной системы самоуправления (при соответствующих гарантиях социальной и правовой защиты руководителей) облегчает работу руководителя.

Сопrotивляемость органов самоуправления административно-бюрократическому нажиму повысится также в результате координации деятельности органов самоуправления.

8. КОРДИНАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ ОРГАНОВ САМОУПРАВЛЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ УРОВНЕЙ

Становление самоуправления и производственной демократии, потребность защищать и углублять этот про-

цесс необходимо приводят к поиску путей обмена опытом, взаимопомощи, координации действий органов самоуправления. Прежде всего, возникает потребность в координации между органами самоуправления предприятий–смежников и предприятий, находящихся в одном регионе. В первом случае координация происходит, прежде всего, для решения производственных вопросов, связанных с кооперацией предприятий. Здесь возможны регулярные двух- и многосторонние консультации СТК, введение представителей предприятия–потребителя в СТК предприятия–поставщика.

На региональном уровне в перспективе целесообразно создание местных объединений (союзов, советов) СТК, защищающих интересы предприятий перед местными органами власти, а также обеспечивающих обмен опытом работы, обучение активистов органов самоуправления, создание консультационно-методических центров по самоуправлению на общественных или хозрасчётных началах, потребуется и издание печатных органов таких местных объединений. Важно, чтобы их создание не форсировалось бюрократически, а исходило от самих СТК. В перспективе такие объединения перерастут в «производственные палаты» местных Советов.

Уже сейчас целесообразно начинать создание координационно-методических центров по самоуправлению на общественных началах там, где для этого есть условия. Они могут создаваться на основе отделений Советской социологической ассоциации, Всесоюзного экономического общества, самодетельных общественно-политических организаций, занимающихся проблемами самоуправления и производственной демократии.

Необходимо добиваться более полной и регулярной публикации материалов о положительном и, что не менее важно, отрицательном опыте самоуправления и производственной демократии, введения постоянных рубрик в газетах, регулярных передач с заседаний СТК, конференций трудового коллектива и т. п. по телевидению. При этом необходимо сотрудничество координационно-

методических центров в средствах массовой информации на постоянной основе.

Делу координации деятельности органов самоуправления способствовало бы создание Ассоциации (Федерации) производственных (рабочих, ИТРовских, объединённых и т. д.) клубов, а также создание других самостоятельных организаций рабочих–активистов.

9. СТРОГОЕ СОБЛЮДЕНИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА – НАПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ НА ПРОИЗВОДСТВЕ

Среди трудящихся бытует суждение: «В наших законах не разберёшься и правды всё равно не добьёшься». С таким настроением надо бороться, оно мешает активизации людей и их трудовых коллективов, оправдывает бездействие. В трудовом законодательстве нет ничего такого, в чём не может разобраться рабочий самостоятельно либо при помощи добросовестного юриста. Было бы намерение.

Другое дело, что законы и подзаконные акты (постановления, инструкции, рекомендации и т. п.) командно-нажимной системы управления содержат множество противоречий, нестыковок, общих мест в вопросах, относящихся к трудовому праву. Это открывало (и открывает до сих пор) возможность произвола, незаконного нажима на трудящегося и трудовые коллективы со стороны администрации, в том числе и при помощи сговора администрации с руководством профсоюзной организации. Демократизация хозяйственной и политической жизни, развитие социалистического производственного самоуправления невозможны без серьёзного, целенаправленного анализа и пересмотра на демократической основе правового оформления трудовых отношений, без создания надёжных механизмов (способов), обеспечивающих реализацию законных прав трудящихся, социальную защиту законных прав.

Нарушение трудовых прав на современном советском производстве – совсем не редкость. Редкость – сопротивление таким нарушениям. В одиночку сопротивляться труднее, чем сообща. Профсоюзные организации обязаны защищать права трудящихся. Если они не делают этого, то надо заставлять их это делать. Люди свыклись с тем, что профсоюзы во всём соглашались с администрацией и часто отмахиваются от самых сложных вопросов – от требований работников к администрации. Заставить профсоюзные организации перестроиться вполне по силам самим работающим, самим членам профсоюзов. Выбирайте в профбюро, в профкомы, завкомы только тех, которые способны отстаивать права и интересы товарищей настойчивее, чем свои собственные. Но и помогайте им. Преодолейте апатию и собственную лень, вникайте шаг за шагом, статья за статьей в Конституцию СССР и своей республики, в Основы трудового законодательства, в Кодекс законов о труде. Это ваш вклад в политическую перестройку страны. Незнающий своих законных прав и свобод рабочий, ИТР, служащий, руководитель – самая лёгкая жертва командно-нажимного управления. Знающий свои права и свободы – это человеческий фактор утверждения ленинских принципов демократического централизма, гарантий гражданского достоинства каждого. Главная задача – не позволять нарушать законные права и свободы, сознательно выполнять определённые законом обязанности, сознавать их в полном объёме. Демократизация невозможна иначе, как на основе сознательной дисциплины.

Закон нужно соблюдать, даже если он вам не нравится, и требовать этого от других. Одновременно можно и нужно улучшать законы.

Начатая в настоящее время в соответствующих инстанциях работа по совершенствованию законодательства о труде не исключает, а – в условиях демократизации – предполагает право трудящихся высказывать суждение по всему комплексу относящихся сюда и затрагивающих их непосредственные жизненные интересы вопросов.

Привлечём внимание лишь к одному злободневному вопросу. Существенным пробелом в действующем трудовом законодательстве является непоследовательное проведение принципа равноправия сторон в трудовых отношениях.

Эта непоследовательность присуща немалому числу норм трудового права и порождает многочисленные случаи произвола администрации по отношению к работникам, ущемляет принцип социальной справедливости, создаёт условия для неправильного разрешения трудовых споров в судах.

Одним из примеров нарушения принципа равноправия в трудовом законодательстве являются нормы, регулирующие заключение и расторжение трудового договора, точнее, несоответствие между этими нормами.

Необходим тщательный анализ трудового права с целью выявления и устранения случаев неравноправия работника с администрацией в трудовых правоотношениях.

К работе по совершенствованию трудового законодательства должна подключиться широкая общественность как путём обсуждения проблем трудового права в печати, та и, вероятно, путём создания исследовательских групп на общественных началах или на базе общественно-го финансирования.

Производственное самоуправление без социалистической демократизации общества, без слома командно-нажимной системы управления не может принести пользы. Нельзя позволять использовать развитие производственного самоуправления как средство омоложения, модернизации, укрепления командно-нажимных методов. Такая опасность есть и в ближайшие годы останется. Будьте бдительны! Смотрите на свои проблемы шире, по-государственному, политически глубоко. Задавайте снова и снова ленинский вопрос «кому это выгодно?». Ищите дела и идеи, выгодные делу перестройки, делу осуществления линии партии «Больше демократии, больше социализма!».

У широких слоёв трудящихся пока нет ни навыков, ни четких представлений о самоуправлении. И навыки, и понимание приходят тем быстрее, чем активнее мы включаемся в демократизацию. Не боги горшки обжигают. Каждый не только может, но и должен (особенно в современных условиях) вложить свои силы, свой разум, свою душу в социалистическую демократизацию. Только так мы победим и в себе, и в обществе всё то, что мешает нам быть свободными людьми в свободной стране.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В ходе конференции был высказан ряд конкретных предложений, в том числе о подготовке учебных пособий по самоуправлению; о более тесном сотрудничестве рабочих-активистов с учеными-социологами, экономистами, психологами, специалистами по управлению; о создании «Рабочего университета самоуправления» при ССА АН СССР или ВЦСПС; о создании по образцу Польши (Центр по проблемам самоуправления при Госсовете и 19 специализированных консультативных центров) организаций, занимающихся изучением самоуправления и практической помощью органам и активистам самоуправления (консультирование, юридическая помощь и защита и пр.). Реализация их позволила бы повысить уровень компетентности трудящихся в вопросах самоуправления, способствовала бы более эффективному решению возникающих проблем.

Приводим отдельные положения и постановки, не отраженные выше в тексте Памятной записки.

1. Об общей правовой основе самоуправления: не только трудовой коллектив, но и гражданин должен рассматриваться как субъект политической системы.

2. Необходимо ускорить разработку нормативных документов, обеспечивающих нормальное развитие процесса демократизации управления производством, предотвращающих нарушения законодательства.

3. Законом СССР о государственном предприятии (объединении) определено, что представители админист-

рации не должны превышать четверти общего числа членов Совета трудового коллектива. Однако нет ясности в вопросе о том, кого из работников предприятия следует в данном случае понимать под администрацией.

4. Необходима широкая публикация и разъяснение в печати, по телевидению и пр. всех законов, подзаконных актов и научных рекомендаций, касающихся функционирования предприятия и производственного самоуправления.

5. Следует широко популяризировать опыт самоуправления средствами массовой информации. Необходимо также подготовка и публикация материалов, адресованных непосредственно рабочим, с рекомендациями, разъяснениями, советами, как поступать в том или ином конкретном случае (например, как созвать собрание коллектива, если администрация этого не хочет, и т. п.). Необходимо также издание соответствующих пособий и для руководителей в целях разъяснения им их прав и способов законной защиты своих прав в условиях демократизации управления производством.

6. При всей необходимости разработки и пропагандирования эффективных процедур осуществления производственного самоуправления следует учитывать, что накопленный опыт ещё слишком мал и поэтому ставить вопрос об унификации процедур сейчас было бы преждевременно. Необходимо, напротив, обеспечить условия для зарождения и использования самых разнообразных форм и методов демократического самоуправления, отвечающих разнообразию местных (в том числе национальных) условий.

7. Следует активизировать научную работу по изучению опыта социалистических и капиталистических стран (в том числе скандинавских, Японии и др.) в области самоуправления на предприятиях с целью вычленения того, что социально допустимо и может быть с пользой применено у нас.

8. Одной из актуальных задач социологов на предприятиях следует считать задачу всячески способствовать

развитию культуры демократического управления. С этой целью широко пропагандировать и способствовать внедрению в практику работы коллективов таких форм демократии, как общественная аттестация кадров, создание экспертных советов по оценке вклада работников, конкурсный отбор руководителей, создание новых институтов информирования и гласности на предприятиях и др.

9. Следует обратить внимание Советской социологической ассоциации, Всесоюзного экономического общества и других общественных организаций на высказанную на конференции её участниками—рабочими потребность более тесных контактов активизирующихся рабочих с социологами, экономистами, философами и др. как по линии совместных разработок, исследований, совместных практических дел, так и по линии развития сети кружков, университетов и других форм распространения марксистско-ленинских гуманитарных знаний среди рабочих в увязке с актуальными проблемами радикальной перестройки общественных отношений в СССР.

10. Следовало бы создать в рамках Советской социологической ассоциации АН СССР (возможно, при ЦНИС социологии труда) группу консультирования и научно-методической помощи по проблемам производственной демократии коллективам, объединениям и отдельным лицам из числа активистов рабочего самоуправления.

11. Необходимо направить усилия советских социологов совместно с представителями других отрядов обществоведения (юристов, экономистов, психологов и др.) на разработку и практическое освоение дифференцированных социальных технологий внедрения различных форм (вариантов) производственного самоуправления в трудовых коллективах с учётом их специфики (государственные и кооперативные предприятия, крупные, средние и мелкие, технически развитые и отсталые и т. д.).

12. В связи с общественной важностью и теоретико-методической неразработанностью многих ключевых аспектов производственного самоуправления в новых условиях хозяйствования целесообразно провести повторно

научно-практическую конференцию по аналогичной проблематике в начале 1989 года.

13. Целесообразна подготовка книги «Основы производственного самоуправления: экономические, организационные и социальные аспекты» коллективом авторов из МГУ, Института проблем управления, ВШПД, Института психологии АН СССР, ВНИИСИ, ЛГУ и других учреждений и издание этой книги массовым тиражом.

Впервые опубликовано в виде брошюры

— М.: ССА АН СССР. 1988. 33 с.

1988

=====

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ К ТРУДУ

Социально-трудовые отношения оказываются в фокусе как демократизации, так и радикальной хозяйственной реформы. «Наша надежда на революционное очищение и возрождение, — сказал М.С.Горбачёв, — заключается в том, чтобы раскрыть огромные социальные ресурсы социализма посредством активизации личности, человеческого фактора. В результате перестройки социализм может и должен в полной мере реализовать свои возможности как строй реального гуманизма, служащий человеку и возвышающий его»³⁷. Предстоящие перемены в обществе требуют тщательного обоснования радикальных мер.

Добровольный труд: уже при социализме

К настоящему времени исследованиями в области труда накоплен богатый фактический и аналитический материал по формам, факторам и результатам осуществления различных социально-трудовых процессов, таких, как изменение условий и содержания труда, динамика структуры занятости, подготовка кадров, текучесть рабочей силы, совершенствование организации и стимулирования труда и пр. В то же время существует явный дефицит фундаментальных теоретических разработок, позволяющих формировать единую государственную стратегию планомерного преобразования способов и условий трудовой жизнедеятельности населения. Даже в рамках Комплексной программы научно-технического прогресса СССР ещё не удаётся создать реалистическую концепцию це-

³⁷ Горбачёв М. С. *Октябрь и перестройка: революция продолжается.* М., Политиздат, 1987, с. 32,

ленаправленного развития социально-трудовых отношений на длительную перспективу, которая могла бы выполнить роль организующего стержня всех конкретных исследований трудовой проблематики, а также роль критериальной основы при планировании и оценке фактических результатов социально-хозяйственных и научно-технических мероприятий.

Обеспечить целенаправленность преобразования социально-трудовых отношений — составная часть задачи повышения социальной эффективности всего общественно-экономического развития. Условием решения этой задачи является научное определение как стратегических целей социалистического общества, так и вытекающих из них целей этапного масштаба. Однако практика в течение долгого времени не выдвигала перед наукой соответствующих чётких требований, конкретных социальных заказов. Наука, в свою очередь, недостаточно инициативно ставила вопрос о необходимости серьёзной разработки перспективных целей и определения закономерных этапов преобразования труда для выполнения функций долгосрочного социально-экономического и научно-технического прогнозирования, для практического освоения программно-целевого метода управления трудом. Исследования этих проблем носили эпизодический характер. Поэтому фактические способы трудовой жизнедеятельности людей складывались в значительной мере либо как социальные последствия экономического и научно-технического развития, либо как следствия и формы решения текущих проблем локального масштаба, а не как планомерные результаты реализации общегосударственной долговременной социальной политики.

Из-за отсутствия глубокой концептуальной проработки этапных целей при определении актуальных проблем труда и путей их решения не используются строгие научные критерии, позволяющие квалифицировать те или иные явления и тенденции как позитивные (нормальные для социализма, соответствующие линии прогрессивного развития) и негативные (отклоняющиеся от линии про-

грессивного развития). При этом конкретные задачи формулируются по преимуществу «от осознанного негатива», то есть исходя из необходимости ликвидировать достаточно очевидные отрицательные явления, разрешить уже возникшие, лежащие на поверхности противоречия и проблемы. В результате, как правило, решения оказываются некомплексными, нерадикальными, что порождает новые, не менее острые и трудноразрешимые проблемы. Всё более настоятельным и в теоретическом, и в практическом планах становится переход к «позитивной» постановке перспективных целей и очередных задач, основанной на диалектическом понимании процесса формирования нового качественного состояния общественных явлений. Необходима формулировка целей развития под углом зрения именно того нового (не имеющего точных аналогов в современной действительности), что *должно возникнуть*, а не только того, что следует ликвидировать, преодолеть.

Согласно нашим исследованиям, и в стратегических, и в этапных целях социализма в сфере трудовой жизнедеятельности центральное место занимает становление качественно нового отношения людей к труду. Программная для марксизма стратегическая цель — превращение общественно полезного труда (а точнее, общественно полезной деятельности) в одну из самых настоятельных потребностей (первую потребность) социально равных свободных людей. Ни в коей мере не теряя из виду связи этапной цели со стратегической, тщательно сверяя этапные цели с коммунистической перспективой, необходимо сейчас на первый план выдвинуть всё же содержательные конкретно-исторические характеристики — становление и превращение в неотъемлемую составную часть общественных отношений специфически социалистического типа отношения к труду. Чтобы стать организующей идеей, этапная цель должна быть содержательна по конкретно-историческим, а не только по перспективно-стратегическим критериям.

Обоснование специфики социалистического отношения к труду — теоретическая задача, значение которой в

полной мере ещё не осознано, а потому она до сих пор не поставлена в явном виде. Важнейшие научные результаты в области изучения отношения к труду связаны с выявлением реально сформировавшихся мотивов трудовой деятельности и стимулов к труду, с типологией фактического трудового поведения. Эмпирические исследования, описание реальных процессов — несомненные достижения в сравнении с оторванными от жизни схоластическими рассуждениями. Однако как бы чутко и внимательно мы ни относились в пределах научного анализа к выявлению тенденций, никакая тонкость их установления и измерения не может заменить и подменить собой необходимости качественно оценивать соответствие реального хода изучаемых процессов целесообразным задачам. Анализ, индифферентный к целям социально-экономического развития, не в состоянии отличить складывающееся от должного, склонен интерпретировать выявленные устойчивые тенденции как закономерности социалистического развития. Для обеспечения действенной связи науки о труде с практикой, для разработки эффективных и социально оправданных мер по нормализации и дальнейшему развитию социально-трудовых отношений аналитические исследования следует увязывать с представлениями о том, на какую ступень прогресса способен и должен социализм поднять отношение каждого и всех к труду.

Труд всегда был и остаётся основой развития человечества, главной сферой жизнедеятельности людей. В то же время в антагонистических формациях роль труда в жизнедеятельности разных социально-классовых групп существенно различна. Для нас важно отметить, что образ жизни наёмных работников в капиталистическом обществе является по своей внутренней сущности вынужденно-трудовым.

Пролетарская социалистическая революция, передавая руководство производством и обществом в руки трудящихся, освобождает их не от труда, а от эксплуатации труда. Следовательно, переход от капитализма к социализму означает необходимость коренного изменения

характера труда, формирования принципиально нового образа жизни трудящихся. В чём состоит эта историческая перемена? Как определить её, так сказать, в позитивных терминах? Для чего революция освобождает труд от эксплуатации? Мы видим единственный вариант ответа: происходит поворот от *вынужденно-трудового* образа жизни рабочего класса и всего трудового народа к *добровольно-трудовому* образу жизни. Добровольный общественно полезный труд как составная часть социально активной и гуманистически направленной жизнедеятельности людей — вот то новое, что должно возникнуть вместе с новым общественным строем и необратимо утвердиться в процессе и в результате социалистического преобразования труда. Из признания качественности отличий социализма от полного коммунизма вытекает, что при социализме должен действовать существенно иной, чем в коммунистической перспективе, социальный механизм, обеспечивающий привлечение людей к труду и их трудовую активность. Однако было бы неверно настолько преувеличивать их различия, чтобы относить реальную свободу индивида в сфере трудовой жизнедеятельности к характеристикам и достижениям лишь коммунистического общества. ***Добровольность трудового образа жизни — вот конкретно-исторический облик решения социализмом задачи освобождения трудящихся от эксплуатации, насилия, угнетения, произвола, конкретно-историческая степень реальной свободы личности в сфере трудовой жизнедеятельности на социалистической стадии развития.*** При этом конституционную обязанность трудиться нельзя отождествлять с принудительностью, вынужденностью труда. Неразрывная связь права на труд и обязанности трудиться выражает неэксплуататорскую природу социалистического строя, направленность его развития на интересы лишь трудящихся.

Социалистическое государство с самого начала должно подчинить социально-экономическое развитие целям создания и расширения материальных и духовных предпосылок добровольности участия людей в сози-

дательной деятельности общества. Принудительные методы привлечения к труду социализм не приемлет по самой своей сути³⁸. Государственная социальная политика преобразования условий трудовой жизнедеятельности и вся система государственного и общественного воздействия на самого человека (включая правопорядок, мораль, общественное мнение и пр.) должны обеспечивать формирование добровольного стремления у каждого, способного к труду, осуществить своё право на труд и тем самым выполнить свою обязанность трудиться. Государство обязано при этом создавать и развивать систему общественных гарантий права на труд.

Для того чтобы направить активность *юридически свободного* человека в русло трудового образа жизни, любое общество формирует и выдвигает перед ним заинтересовывающие условия — стимулы к труду. Стимулы связывают вознаграждение за труд (материальное, моральное, творческое) с определёнными требованиями к работ-

³⁸ *Нередко эта позиция встречает следующее возражение: дескать, распределение по труду есть форма специфического экономического принуждения к труду. Такое возражение строится, видимо, на неверном отождествлении принуждения с объективной необходимостью.*

В рамках одной и той же объективной необходимости может складываться и сознательное (и в этом смысле свободное, добровольное) её принятие, и отчуждённое к ней отношение (как к внешнему, враждебному обстоятельству). На основе первого типа отношения складывается добровольная, сознательная дисциплина, на основе второго — принудительная дисциплина. Социализм предполагает живое творчество трудящихся масс, осознающих объективную необходимость не как враждебное обстоятельство, а как реальный факт своей практики, конкретизирующий формы проявления социальной и трудовой активности, а не пресекающий её. Ни на одном из этапов нормального здорового развития социализма не может возникнуть необходимость заменить добровольность принудительностью.

нику — нормами и правилами труда. Информирова работника о возможности получить то или иное вознаграждение лишь при выполнении установленных норм и правил, стимулы тем самым содержат информацию и о его ответственности перед обществом в сфере труда.

Стимулы к труду — только одна из предпосылок привлечения человека к труду и добросовестного исполнения возлагаемых на него трудовых функций. Вторая предпосылка — наличие у человека интереса к тому или иному труду, который возникает лишь при соответствии вознаграждающего компонента стимулов его личным потребностям (материальным, моральным, творческим). Третья предпосылка — оценка индивидом труда как сильного для себя (в том числе с учётом реальных возможностей сформировать необходимые трудовые потенции).

Процесс сопоставления, сознательного соотношения человеком стимулов к труду со своими потребностями и реальными возможностями и есть процесс формирования его отношения к труду как субъективного отношения к кругу совершенно объективных обстоятельств.

Исходя из сказанного, правомерно дать следующее определение. Отношение к труду — это форма индивидуального сознания, выражающая зависимость степени приятия или неприятия индивидом реально доступных ему в обществе условий и способов трудовой жизнедеятельности от уровня и реальных возможностей развития в данном обществе самого человека (его потребностей и способностей). Отношение к труду, следовательно, — важнейшая характеристика отношения индивида к обществу в целом, определяющая характер социального, в том числе и трудового, поведения людей.

Очевидно, человек может добровольно принять на себя соответствующие обязательства перед обществом в сфере труда (то есть добровольно принять ограничения на свободу своего поведения в этой сфере) лишь при определённом соотношении стимулов к труду, личных интересов и оценки им своих возможностей. При их соответствии

друг другу складывается личная заинтересованность в труде и ответственное отношение работника к нему³⁹.

Отношение к труду может быть рассмотрено (и преимущественно рассматривается) как социально-психологическая категория. В этом случае в поле зрения исследователя попадают явления такого уровня конкретности, как типы индивидуального психологического склада, различия людей по их природным наклонностям и способностям, приёмы управленческого воздействия на трудовую мотивацию и т. п. Однако в контексте поиска путей становления социалистических способов жизнедеятельности необходимо и достаточно рассматривать отношение к труду в его социально-экономической определённости. Это значит, что факторы, формирующие отношение к труду, должны быть приняты во внимание в том составе и качестве, которые закономерно определяются спецификой общественного строя.

Перейдём теперь к рассмотрению социально-экономического содержания социалистического отношения к труду.

Демократия — условие добровольного труда

При социализме каждый трудоспособный должен участвовать в общественном производстве, при этом уровень благосостояния и общественный статус человека непременно должны зависеть от эффективности его труда.

³⁹ *Наше представление о сущности и взаимосвязи этих категорий является обобщением и развитием позиции, касающейся сущности материальных стимулов, интереса и материальной заинтересованности, обоснованной в советской литературе ещё в середине 60-х годов (см., например, Ракитский Б.В. Общественные фонды потребления как экономическая категория. М., Мысль, 1966, с. 147-151). Однако до сих пор бытуют отождествление заинтересованности либо со стимулом, либо с интересом или мотивацией, сведение стимулирования к материальному стимулированию и т. п.*

Именно поэтому труд должен доставлять человеку *необходимые средства существования и развития*. Именно поэтому недопустимы безработица или же частичное отстранение трудящихся от активного участия в производстве по организационно-экономическим причинам.

В социалистическом обществе поприщем применения способностей к труду должна быть лишь *общественно полезная* деятельность, то есть действительно направленная на обеспечение общественного прогресса в интересах трудящихся. Это означает несовместимость с социализмом не только эксплуататорской, паразитической и подобной деятельности, но и непризнание общественно нормальной трудовой судьбы, которая базируется на интеллектуально-созерцательной деятельности или на «свободном» (чистом) творчестве. Высокий статус познавательной и творческой деятельности при социализме не приемлет труд, свободный от гуманистической общественной значимости и от личной моральной ответственности за его результаты.

Гуманистическая природа социалистического строя предполагает и требует, чтобы труд удовлетворял потребности человека в интересной для него деятельности, в её разнообразии, в проявлении инициативы и самостоятельности, в реализации и совершенствовании его способностей, словом, потребность в развивающей деятельности. Социализм на высшей своей стадии не совместим с сохранением таких видов труда, которые способствуют стагнации и тем более деградации социально значимых сторон личности (будь то физические, интеллектуально-творческие или социально-нравственные). Социалистический гуманизм не приемлет в качестве идеала и практической задачи преобразование трудовых функций каждого человека в творческие, если творчество понимать как деятельность, производящую принципиально новые научные, технические, культурные ценности. Линия на превращение социалистического труда в исключительно творческий (в указанном буквальном смысле) означала бы на деле игнорирование различий людей по естественно-природным

данным и фактическим способностям к труду, противоречила бы стратегической цели — созданию условий для свободного развития личности. При социализме на стадии его зрелости труд должен быть *средством и способом развития* каждого человека, то есть должно обеспечиваться необходимое и достаточное соответствие возможностей приложения способностей к труду состоянию постоянно развивающихся способностей к труду.

Всё сказанное позволяет, на наш взгляд, сделать следующий вывод: адекватное социализму на стадии его зрелости отношение людей к труду — это *заинтересованное и ответственное отношение каждого человека к нему как к общественно полезной деятельности, необходимому источнику средств существования, средству и способу развития личности*. Это определение учитывает как социалистическую специфику структуры личных интересов трудящихся, так и интересы социалистического общества по привлечению людей к общественно полезному труду и по гармоничному развитию личности в процессе труда. Оно учитывает, следовательно, необходимость взаимосвязи системы общественных стимулов к труду с системой личных интересов в целом. Отдельные же стороны их взаимосвязи отражаются такими категориями, как личная материальная, моральная, творческая заинтересованность в труде.

О подлинно социалистическом (зрелом социалистическом) отношении к труду можно говорить лишь в том случае, если социальное, в том числе трудовое, поведение людей определяется наличием всех трёх видов заинтересованности в труде — и моральной, и материальной, и заинтересованности в нём как в развивающей деятельности, причём при их сбалансированности, уравновешенности. Другими словами, ни один из этих видов заинтересованности не должен играть доминирующей, ведущей роли в формировании характера индивидуального социального поведения. Это необходимо подчеркнуть, поскольку экономические разработки часто исходят из предположения, что материальная заинтересованность именно доминирует и

должна доминировать в обеспечении заинтересованности в труде. Такой подход объясняет разве что механизм манипулирования личностью с помощью экономических средств, но не объясняет, каким образом должна обеспечиваться историческая перемена в характере труда — переход от вынужденно-трудового образа жизни к добровольно-трудоному⁴⁰.

В соответствии с изложенным пониманием сути социалистического отношения к труду одним из признаков зрелости социализма следует считать такую взаимосвязь различных видов заинтересованности в труде, при которой человеку не приходится поступаться какими-либо из своих потребностей, то есть мириться с их удовлетворением на уровне ниже общественно нормального, ради удовлетворения других (например, поступаться материальными во имя творческих или моральных). Подобные ситуации служат почвой, питающей представления части социологов о

⁴⁰ *Исследователи, считающие, что материальная заинтересованность должна играть доминирующую, ведущую роль при социализме, как правило, опираются на следующее положение В.И.Ленина: «Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рождённого великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчёте потрудитесь построить сначала прочные мостки, ведущие в мелкокрестьянской стране через государственный капитализм к социализму...» (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 151). Однако данное положение Ленина относится к первоначальному этапу социалистического строительства, мы же ведём речь об отношении к труду на высшей стадии социализма. При этом следует обратить внимание на то, что Ленин даже для периода развития «через государственный капитализм к социализму» не рассматривает энтузиазм и материальную заинтересованность как альтернативные типы заинтересованности в труде. Он во все не отбрасывает энтузиазм, высоко ценит его, но не считает, что только энтузиазм или только материальная заинтересованность достаточны для привлечения массы к социалистическому строительству.*

том, будто бы уже сейчас есть категория людей, у которых материальная заинтересованность в труде отошла на задний план, и в силу этого они опередили своих современников в отношении к труду. Такого рода рассуждения не выдерживают критики: превалирование творческой или моральной заинтересованности в ущерб материальной нельзя считать прогрессивно опережающим развитием отношения к труду, поскольку оно возникает не как свободный выбор человеком образа и условий жизни, а как результат вынужденного приятия им сложившихся ненормальных условий оплаты труда.

Следует особо подчеркнуть, что добровольность — сущностная характеристика социалистического способа трудовой жизнедеятельности, а не характеристика конкретно-исторических форм её организации. За внешне сходными формами — порядком трудоустройства, системами стимулирования и пр., предполагающими юридическую свободу граждан и фиксацию их согласия выполнять установленные законом нормы и правила труда, могут скрываться существенно различные по типу способы обеспечения взаимосвязи интересов личности и интересов общества (государства) в сфере труда.

Возможность добровольно-трудового образа жизни создаётся при социализме в связи с объективной однонаправленностью стратегических (коренных) интересов всех трудящихся на создание условий для свободного развития каждого и всех членов общества. Эта возможность может быть реализована только в условиях социалистической демократии, только при фактическом вовлечении трудящихся масс в управление всеми теми социально-экономическими процессами, от прогрессивного развития которых зависит достижение стратегических целей социализма.

Реальный доступ к общественно-политической деятельности, к управлению производством и трудом на всех его уровнях необходим, во-первых, для осознания трудящимися единства своих коренных личных интересов с общенародными. Во-вторых, реальное участие в управ-

лении обязательно для формирования трудящимся такой личной нравственной позиции, как служение идеалам справедливости, гуманизма, прогресса в конкретных повседневных делах. В-третьих, демократическое социалистическое управление требуется для того, чтобы находить такие способы решения конкретно-исторических проблем, которые в необходимой и достаточной мере согласуют текущие интересы различных социальных групп, не противопоставляют эти группы друг другу в ходе общественного прогресса.

Социалистическая демократия — общая социально-политическая основа добровольно-трудового образа жизни. Без её постоянного поддержания и развития добровольность участия людей в общественно организованном производстве сохраняется лишь на уровне формальных признаков. На деле же (по сути) способ трудовой жизнедеятельности вырождается в вынужденный, принудительный, в основе которого лежат механизмы манипулирования личностью во имя целей, связь которых с интересами трудящихся им самим не ясна, не осознанна, а то и вовсе отсутствует.

Кстати сказать, в капиталистическом обществе формальные признаки добровольности участия трудящихся масс в производстве налицо. Новейшие методы управления трудом в капиталистических фирмах расширяют систему стимулов к труду, используют для повышения эффективности производства разнообразные социальные факторы, в том числе привлечение рабочих и рядовых служащих к управлению. Однако отсутствие стратегической однонаправленности интересов господствующего класса и трудящихся масс неизбежно ограничивает функции последних в управлении сферой принятия решений текущего или локального масштаба. Причём одновременно с этим капиталистический способ производства закономерно развивает как предпосылку манипулирования трудящимися социальные механизмы, стандартизирующие личность и потому сдерживающие социальную активность людей. Ведущей в отношении эксплуатируемых классов к

труду и при современном капитализме остаётся материальная заинтересованность, а тенденция формирования потребительской системы интересов и ценностей (поскольку она захватывает все более широкие слои населения) становится самым тревожным явлением в развитии личности трудящихся.

Наша трактовка социального типа отношения к труду на высшей стадии социализма помогает поставить проблему повышения трудовой активности на реальную конкретно-историческую почву, разделить стратегические и ближайшие задачи в этой области, обозначить, какие можно и должно ставить на современном этапе, а какие — преждевременно. Исходя из конкретно-исторического подхода, следует признать теоретически и практически несостоятельным представление о возможности выдвижения в качестве составной части социальной политики задачи превратить общественно полезный труд хотя бы для части людей в самую настоятельную потребность уже при социализме.

Логика становления социалистического отношения к труду

Закономерности становления социалистического отношения к труду определяются логикой процесса коренного изменения характера труда.

Первоочередные задачи и мероприятия социально-трудовой политики пролетарского социалистического государства — переход к социалистическим принципам распределения, в том числе распределению по труду, и, говоря словами В.И. Ленина, «привлечение к управлению государством поголовно всех трудящихся»⁴¹. Такое изменение организационно-экономических и социально-политических отношений — важнейшее условие для создания и усиления личной материальной и моральной заинтересованности в труде. Трудности осуществления на деле со-

циалистических принципов распределения и социалистической демократии немалые. Однако к решению этих проблем социалистическое общество может и должно приступить сразу же. Ведь только при новой организации хозяйственной и общественной жизни возможно подчинить развитие техники и технологии производства гуманистическим требованиям к содержанию трудовых функций.

Прочную материально-техническую основу социалистических социально-трудовых отношений невозможно создать в короткие исторические сроки. Пролетарское социалистическое государство получает в наследство от предшествующей истории такую материально-техническую базу, которая постоянно питает тенденцию технократического деспотизма по отношению к трудящемуся, тенденцию его формирования и развития как частичного, односторонне развитого работника, по выражению К. Маркса, «неполного человека». Пока материальные производительные силы ещё не соответствуют гуманной природе нового строя, отношение людей к труду как к способу развития личности скорее исключение, чем правило. Иначе говоря, периоду становления социализма адекватен такой социальный тип отношения к труду, для которого характерна ослабленность (а то и отсутствие) заинтересованности в труде как в развивающей деятельности. Но это нормальное явление, если создан и действует механизм обеспечения социальной направленности преобразования материально-технической базы общества.

Непременный и важнейший элемент такого механизма — демократическое (коллективное в рамках закона) управление производством и трудом в каждом трудовом коллективе. Демократический характер управления в звеньях хозяйства расширяет сферу активности человека, гармонизирует его жизнедеятельность, в целом возвышая индивидуальные способности и потребности. Нет иного способа, кроме вовлечения трудящихся в управление, провести в жизнь политику социалистического государства по освобождению труда, по гуманизации жизнедеятельности трудящихся, по созданию материально-

⁴¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 36, с. 53.

технической базы, рассчитанной на гармонично развитого работника. Нет иного способа противостоять ограничивающему развитию личности технико-технологическому деспотизму и иного способа подчинить экономические критерии эффективности функционирования хозяйственных звеньев социальным критериям прогресса трудовой жизнедеятельности.

Для того чтобы внести свой вклад в реализацию установок XXVII съезда КПСС и последующих Пленумов ЦК КПСС на радикальность, революционность перестройки общественной жизни, наука о труде должна строго квалифицировать (качественно определить) и понять глубинные причины тех форм социального поведения, значительное распространение которых политическое руководство и широкое общественное мнение справедливо относят к негативным, несовместимым с социализмом. Мы имеем в виду такие явления, как получение нетрудовых доходов; противоправную экономическую деятельность; использование служебного положения и вообще социального статуса по преимуществу в личных целях; сужение сферы духовно развивающей, нравственно ориентированной или творческой деятельности людей до масштабов частной, в том числе семейной жизни; массовые нарушения трудовой, хозяйственной, государственной дисциплины; бюрократические формы осуществления должностных управленческих функций; приписки и пр. Изложенные представления о специфике и логике развития социалистического отношения к труду могут, на наш взгляд, способствовать решению названных выше задач.

Каковы объективные основы несовместимых с социалистическим образом жизни форм индивидуального социального поведения? Непосредственной и общей их основой правомерно считать устойчивое развитие отношения к труду по руслу, отклонившемуся от линии социалистического прогресса. Для разных видов отклонений в рамках несоциалистического типа отношения к труду характерно отсутствие, значительное превалирование или ослабление тех или иных видов заинтересованности в

труде. Глубинная причина самих этих отклонений — несоответствие характера и направленности развития многих важных для человека условий и способов трудовой жизнедеятельности системе личных интересов трудящихся. Механизм появления и закрепления отклонений от линии становления социалистического отношения к труду в общих чертах следующий.

Из-за деформированности по сравнению с принципами и закономерностями социализма механизма хозяйствования не обеспечивается в должной мере общественно полезная направленность функций, возлагаемых на трудящихся в рамках общественно организованного производства, не обеспечивается реальный статус труда в нём как источника общественно нормального уровня личных доходов, фактора справедливой дифференциации доходов и социального положения человека. Развитие технико-технологической и, соответственно, организационно-управленческой сторон производства без должной подчинённости целям его гуманизации не обеспечивает качество труда как деятельности, гармонично развивающей физические, социально-нравственные и интеллектуально-творческие свойства личности каждого работника. В условиях, когда реально трудно, а то и практически невозможно сменить место в системе общественного разделения труда, выполнение неинтересных, вредных, бесполезных или недостаточно оплачиваемых функций превращается по сути дела в вынужденное, принудительное. Под воздействием всех этих обстоятельств возникает и воспроизводится глубокий конфликт (противоречие) гуманистических моральных принципов, гражданского и правового сознания индивида, с одной стороны, индивидуальных материальных и творческих интересов — с другой. На базе подобного конфликта закономерно возникают и развиваются разнообразные формы самостоятельного приспособления к нему, неадекватного социализму разрешения конфликта. При этом условием субъективного выхода из конфликта, то есть условием перехода человека к формам индивидуального поведения, компенсирующим отсутствие должных

гарантий прав и свобод, неизбежно становится деформация, дегармонизация системы личных интересов в различных её вариантах.

Для потребительской деформации системы личных интересов характерно превращение потребления материальных и духовных благ в высшую цель жизнедеятельности. Пассивное потребление — это иждивенчество, рассчитывающее на содержание индивида за счёт общества. Активное потребление основано на одностороннем отождествлении индивидом своего общественно-экономического положения с объёмом зарабатываемых благ. При этом всё богатство гуманистического образа жизни низводится к стандартному идеалу потребления, заимствованному нередко из несоциалистической системы ценностей. Потребительство — наиболее очевидный тип деформации личности. Часто поэтому исследователи и общественность акцентируют своё внимание на причинах и методах борьбы с явлениями, за которыми стоит именно потребительская дегармонизация системы интересов. Но есть ещё по крайней мере три разновидности негуманистической деформации типа личности. Все они в той же степени несовместимы с социализмом, как и потребительство.

Аскетической деформацией системы личных интересов правомерно называть такую, для которой характерно существенное ослабление материальных или духовных (особенно интеллектуально-творческих) интересов в связи с усвоением и приятием индивидом демагогических морализаций критериев гражданского долга. Важнейшее условие этой деформации — реальная недоступность для индивида тех или иных средств, способов развития и сфер (объектов) применения своих способностей, в том числе перемены труда.

Конформистской деформацией интересов можно назвать такую, при которой ослабление (по сравнению с общественно нормальным уровнем) социально-нравственных интересов принимает форму низведения, сужения

индивидом критериев своей связанности с обществом до факта получения законных доходов от общества.

И, наконец, тщеславие как тип развития личности — это ослабленность социально-нравственных интересов человека в силу подмены идеалов служения обществу идеалом общественной известности, общественного признания, а в более завуалированной форме — в силу подмены подлинно гуманистических идеалов идеалом так называемого свободного, чистого творчества.

Целенаправленный анализ современного состояния социально-трудовых отношений заставляет сделать вывод, что создание объективных предпосылок (материальных и духовных) для социалистического отношения к труду — это этапная цель преобразования труда в СССР. Настоятельная задача фундаментальной науки о труде состоит в содержательной конкретизации этапной целевой установки. Современную радикальную перестройку сферы труда следует направить на нормализацию процесса развития социально-трудовых отношений, то есть на переход в русло, ведущее к этапной цели. К числу первоочередных акций по социалистической нормализации трудовой жизнедеятельности относятся, в частности: радикальная реформа нормирования и оплаты труда, на основе которой должна быть налажена социальная защищённость заработка и права на рабочее место; реорганизация на демократических началах кадровой политики, замена существующих принципов организации и оплаты труда управляющих научно обоснованным определением их функций и распределением по количеству и качеству труда; снятие всех искусственных ограничений социальной мобильности населения и прежде всего административно-принудительных методов прикрепления людей к месту жительства и месту работы; комплексная реформа ценообразования и системы налогообложения населения; демократизация жизнедеятельности трудовых коллективов.

Практическое применение изложенных представлений о сути и стратегии развития социалистического отношения к труду не должно примитивизироваться. Сфера

использования уже имеющихся выводов и тех, которые предстоит разработать, — социальная политика государства, а конкретно — деятельность общегосударственных ведомств и организаций. Формы, в которых это может быть эффективно проведено, — прежде всего целенаправленный прогноз социально-трудовых отношений: комплексные целевые программы, связанные с преобразованием сферы труда; крупные мероприятия государственных планов в социальной области. Не следует стремиться к поспешному введению всякого рода конкретных показателей в планах социально-экономического развития предприятий. Не надо надеяться на долговременный эффект разрозненных, не объединенных единой концепцией мер, в том числе мер по укреплению дисциплины и организованности в сфере труда, если они будут предприниматься в отрыве от комплексного совершенствования социального механизма хозяйствования или же без учёта восприимчивости разных социальных групп к тем или иным воздействиям, направленным на преодоление специфических для них отклонений от руслу прогрессивного развития отношения к труду.

Печатается по тексту, опубликованному в журнале «Вопросы экономики». 1988. № 7. Стр. 99-109.

Учитывать специфику перестройки при постановке и решении проблем занятости

(выступление на круглом столе журнала «Вопросы экономики» на тему: «Как не допустить безработицы?»)

Г. Ракитская (к. э. н., старший научный сотрудник Института экономики АН СССР) Мне представляется необходимым всесторонне оценить современное положение дел в области реализации права на труд, прежде чем говорить о возможности его ухудшения в ходе экономической реформы, в том числе об опасности безработицы. Можно ли считать сложившиеся условия привлечения к труду в целом нормальными, приемлемыми для социализма? В частности, действительно ли в стране нет никаких явлений типа безработицы и правы ли те, кто связывает угрозу её возникновения с расширением самостоятельности предприятий? Анализ свидетельствует о несоответствии предшествующего развития отношений в сфере занятости критериям социалистичности. Необходима качественно новая политика государства в данной сфере, отвечающая линии на демократизацию и социалистическую нормализацию общественной жизни.

Одна из особенностей современной ситуации состоит в том, что значительная часть людей, числящихся работающими, как бы «расписана» по предприятиям и учреждениям, чтобы под видом заработной платы, по существу, получать незаработанное пособие на жизнь. Эти люди работают либо с интенсивностью, намного ниже общественно нормальной, либо вообще неэффективно, без всякой реальной общественной пользы. Сверхзанятость во многом скрывает имитацию полезной занятости, как

специфический механизм уравнительного распределения пособий на жизнь.

Применительно к непомерно разросшемуся управленческому аппарату мало говорить только об имитации занятости. Часть партийно-государственного и хозяйственного аппаратов превратилась в обособившуюся паразитическую касту, условием существования и воспроизведения которой стал многочисленный контингент людей, выполняющих антинародные командные, запретительные и карательные функции.

Неэффективная занятость, паразитизм одних и сверх того ухудшающаяся организация общественного труда в определённой мере компенсируются тем, что другие работают в условиях постоянного перенапряжения с чрезмерной интенсивностью. Кроме того, у ряда категорий трудящихся продолжительность рабочего дня и рабочей недели устойчиво превышает установленную законом. Распространение сверхурочных работ и работ в выходные дни приняло в последние годы недопустимые масштабы.

Современная ситуация характеризуется также нехваткой рабочих мест в сельской местности ряда южных районов либо круглый год (аграрное перенаселение), либо в отдельные сезоны, сложностями с трудоустройством в малых и средних городах. К этому следует добавить необеспеченность работой, соответствующей полученному образованию, части людей творческих профессий в крупных городах.

. Существенно для нынешнего состояния занятости наличие значительного по численности контингента людей, потерявших по тем или иным причинам возможность работать на условиях обычной для большинства (постоянной) занятости. Это так называемые бичи, «профессиональные» сезонники, бродяги. Вполне обоснованы опасения, что без должных социальных мероприятий процесс освобождения предприятий и организаций от ненужных им работников приведёт к быстрому росту люмпенизированных слоёв за счёт алкоголиков, наркоманов и других лиц,

утративших способность к систематическому труду, самодисциплине.

И, наконец, необходимо отметить важнейшую специфическую черту казарменной деформации общества — по преимуществу принудительный характер труда взамен добровольно-трудового образа жизни, адекватного, по теории, социалистической формации. Говоря о принудительности, я имею в виду всю совокупность способов организации и материальных условий жизнедеятельности, фактически сводящую на нет возможность свободного выбора и перемены места в системе общественного разделения труда, когда формально (юридически) свободные люди вынуждены довольствоваться малооплачиваемой, мало-содержательной, тяжелой или бесполезной работой. До сих пор сохраняются и прямые искусственные ограничения социально-трудо-вой мобильности (административное прикрепление к месту жительства, к рабочему месту), а завоеванное Великим Октябрем право на достойно оплачиваемый восьмичасовой рабочий день трансформировалось в обязанность работать не меньше 8 часов с оплатой, далеко не всегда пропорциональной реальному трудовому вкладу.

Учёт изложенного ставит вопрос о допустимости открытой, так сказать, «нормальной» (с выплатой соответствующих пособий) безработицы в СССР в широкий контекст проблемы кардинального изменения структуры занятости и характера труда.

Содержание социалистических критериев полной эффективной занятости определяется интересами трудящегося человека. Поэтому социализм несовместим ни с имитацией занятости, ни с паразитизмом, ни с антиобщественной направленностью трудовых функций. Точно так же он несовместим с принудительностью труда и с решением любых, даже самых насущных, задач ценой принудительного отстранения (как полного, так и частичного) кого-либо от участия в созидательной жизни общества, Материальное направление социалистического развития условий привлечения к труду — создание комплекса предпосы-

лок, формирующих добровольность трудового образа жизни и обеспечивающих каждому возможность труда на общественно нормальных условиях занятости.

Категория «общественно нормальные условия занятости» требует конкретно-исторического определения с учётом всех особенностей, существенных для формирования потребностей в труде (региональных, национальных и пр.). Критерии таких условий занятости будут со временем ужесточаться. Общественно нормальными условиями занятости к моменту завершения перехода от казарменной деформации в русло социалистического прогресса правомерно считать доступность для каждого какой-либо посильной и полезной обществу работы, её справедливую (по труду) оплату, соблюдение трудящимися и всеми субъектами хозяйствования законодательно установленных норм и правил, регулирующих трудовую деятельность.

К первоочередным преобразованиям, необходимым для выполнения этих требований, относятся последовательная демократизация законодательства и преодоление незаконных способов привлечения к труду и лишения рабочего места, произвола в отношении режима труда и его оплаты. Становление социальной защищённости неразрывно связано с утверждением прав трудящихся на организованный протест против сложившихся условий труда и трудоустройства, включая право на забастовки. Требуется также возрождение независимых от государства и администрации организаций (союзов) трудящихся, выражающих и отстаивающих специфические интересы различных социально-профессиональных групп. Должна быть реальной возможность выбора формы занятости (государственный сектор, кооператив, индивидуальный труд). Необходимо найти и закрепить такие способы социальной защиты интересов и прав трудящихся, чтобы при всём их различии для работников разных секторов непременно соблюдался конституционный принцип равноправия.

Так, в государственном секторе следует каждому, кто работает с нормальной интенсивностью труда (выпол-

няет должностные обязанности, нормы), гарантировать рабочее место и общественно нормальную, а не минимальную оплату труда. Введение этого принципа (взамен предложений по ужесточению конкуренции между работниками для вытеснения «слабых») потребует, в свою очередь, радикального обновления общегосударственной политики в области нормирования и оплаты труда. Государственное материальное обеспечение временно незанятых — очевидная мера в период перестройки, введение которой должно сопровождаться активизацией деятельности государства по созданию новых рабочих мест, системы переподготовки и трудоустройства населения. Отмена фактических запретов на выбор профессии и занятие должностей, ограничений на выбор места жительства, на свободу выезда из страны и возвращения, осуществление широких программ социальной помощи нетрудоспособным, а также специальных программ, предупреждающих рост люмпенизированных слоев, — всё это тоже необходимо для становления добровольности труда, входит в число задач объективно назревшей социальной революции, должно укорениться как общественная норма и стать затем основой дальнейших шагов по пути социалистического развития

Печатается по публикации в журнале «Вопросы экономики» 1989. № 2. Стр.19-21.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ОБНОВЛЕНИЯ: ОБЩЕСТВО И ЧЕЛОВЕК

Раздел первый.

Социальная политика в контексте перестройки

(Извлечения из текста раздела)

Концептуальные проблемы социализма

Г.Я. Ракитская. Я не разделяю широко распространённого мнения, будто бы современная наука не может сколько-нибудь толково ответить на вопрос: «Что такое социализм?» Я отношусь как раз к тем, кто придерживается противоположного мнения. Обществоведение, по моему глубокому убеждению, располагает сегодня всем необходимым для того, чтобы научно строго охарактеризовать сущностные черты социализма как специфической общественной формации. Правда, такая задача под силу только исследователям, прочно стоящим на мировоззренческих позициях марксизма-ленинизма и применяющих марксистско-ленинскую методологию научного анализа. Заметьте, что я говорю об общем мировоззрении и методологии Маркса, Энгельса, Ленина, а вовсе не об их высказываниях по отдельным вопросам, которые догматик, начётчик преподносит как вечные, абсолютные истины вопреки представлениям самих классиков об относительности знания и тесной связи научных выводов с конкретно-историческим контекстом.

Каждый, кто берётся отвечать на вопрос: «Что такое социализм?» — должен сначала объяснить свой подход к этой проблеме, свой способ рассуждения. Если такого объяснения нет, то спор о верности или неверности определения становится бессмысленной тратой сил и времени. Аргументация подхода — важнейшее условие из

числа тех, что превращают столкновения разных точек зрения на социализм в научную дискуссию. Именно поэтому, прежде чем говорить о признаках социализма, кратко остановлюсь на методологии поиска его современного научного определения.

Сейчас много говорят о том, что настало время разработать новую концепцию социализма. Это верно, если новая концепция противопоставляется сталинистским концепциям, в которых абстрактные формулы вульгарного марксизма соседствуют с отождествлением конкретных форм казарменных общественных отношений с сущностными социалистическими. В то же время неверно, разрабатывая новую концепцию социализма, становиться на путь, так сказать, неоапологетики. Я имею в виду вполне реальную, к сожалению, тенденцию доказывать социалистичность всех новых форм политической и экономической жизни, если только они хоть чем-то лучше (демократичнее или экономически эффективнее) прежних, казарменных. Ни к чему хорошему ни в теории, ни на практике не может привести такая концепция социализма, которая не отличает социалистическое от общедемократического, не различает формационные характеристики социализма от явлений, связанных с поиском путей возвращения казарменно-деформированного общества в русло социального прогресса.

Т.И. Заславская. Дорогие коллеги! Если уж строгость научной мысли, то строгость. Что такое деформированное общество, или, как ещё говорят, «казарменно-деформированное», если оставаться в рамках понятия «общественно-экономическая формация»? Это социализм, капитализм, феодализм? Или это нам в данном случае неважно? А ведь отличить социалистические преобразования от общедемократических, по-видимому, можно только с учётом сути имеющегося общества.

Б. В. Ракитский. Вопросы не праздные и теоретически сложные. Но на них имеются в нашей науке принципиальные ответы. В 1988 г. вышли «Очерки политической экономии социализма» (Изд-во «Наука»), В этой моногра-

фии впервые изложена общая теория деформаций и перерождений социализма. Она включает трактовку возможностей, типологию возникновения деформаций, выделение видов деформаций, рассмотрение выхода из деформаций. Получается, что деформированное общество нельзя с полной определённой отнестись к той или иной формации. По меркам истории это состояние общества кратковременно и как бы зыбко. Отличить общедемократическое от социалистического в преобразованиях в обстановке деформаций можно, не прибегая к формационным характеристикам. Почему? Да потому, что причина деформации (если это казарменная деформация) — антидемократичность общественных порядков. Переход к демократическим нормам жизни — только предпосылка проявления глубинной сути строя, например, социализма.

Но, быть может, всё-таки будем следовать основным руслом нашего обсуждения?.. Итак, мы подбирались к концепции социализма со стороны общих методологических требований к ней.

Г.Я. Ракитская. Современная концепция социализма должна быть свободна как от вульгарностей, апологетики сталинского образца, так и от прагматизма, апологетики нового образца. Она должна быть явно связана с гуманистическими традициями ортодоксального марксизма-ленинизма. Она должна быть последовательно гуманистической, то есть должна отражать коренные, а не текущие интересы трудящихся масс, но выражать их в таких требованиях (критериях социалистичности), которые учитывают весь позитивный и негативный социальный опыт трудящихся в XX в.

А.П. Бутенко. Вот это крайне важно. Очень многое упирается в весьма важную проблему — характер научно разработанного социалистического идеала. Не будет преувеличением сказать, что всё ещё широко распространено его догматическое понимание как некой раз и навсегда созданной марксизмом неизменной логической конструкции, вся последующая теоретическая жизнь которой состоит в её всесторонней конкретизации при практиче-

ском воплощении. При таком понимании исчезает развитие самой сути идеала, ибо получается, будто применительно к условиям меняется только его форма. Однако такой подход противоречит диалектике, которая исходит из того, что всё в мире развивается, в том числе развивается и социалистический идеал, ибо сам идеал создаётся на основе пролонгирования в будущее сегодняшних тенденций, которые сами по себе невечны. Они изменяются, меняются и социальные идеалы, в том числе и социалистический идеал.

Г. Я. Ракитская. Спасибо за поддержку. Действительно, и сейчас есть исследователи, которые решают для себя проблему критериального описания социализма весьма просто — путём отбора и механического объединения положений классиков о социализме (в первую очередь положений В.И. Ленина), высказанных ими в разное время по разным поводам. В результате применения такого метода получается конгломерат разноплановых формулировок, включающих характеристики существенно разного уровня конкретности, несущих к тому же сильный отпечаток исторически преходящих задач и обстоятельств. Плодотворное для нужд революционной перестройки обращение к классическому наследию не имеет ничего общего с подобным методом.

Ключ к современному научному определению социализма может быть найден, если правильно понято назначение этого определения. В самом деле, для какой надобности и кого мы хотим вооружить знанием о необходимых и достаточных признаках социалистичности общественных процессов и явлений? Вчера мы бы сказали, что знание это нужно правящей партии, чтобы уверенно вести народ к светлому коммунистическому будущему. И сразу же отмели бы таким ответом важнейшие для социализма характеристики его политической системы и образа жизни трудящихся.

Сегодня проблема функций и адресата обществоведения выглядит иначе. Знание отличительных признаков социализма, говорим мы сегодня, нужно самому наро-

ду для того, чтобы уметь оценивать выдвигаемые различными политическими силами стратегические установки, конкретные социальные и экономические программы, а также фактические методы и результаты деятельности с точки зрения соответствия последовательному гуманизму, чтобы уметь распознавать в идеологии и социальной практике тенденции, уводящие общество в сторону от развития по пути ко все более полной, свободной реализации интересов каждого и всех трудящихся.

Такое понимание социального предназначения науки предъявляет следующие главные требования к характеру и содержанию концептуального описания социализма. Во-первых, необходимо явное обозначение сути той перемены в образе жизни трудящихся, которую должен принести с собой переход в русло социалистического развития. А для этого недостаточно (хотя и необходимо) указания на то, что социализм ликвидирует эксплуатацию и другие формы отношений господства и подчинения. Следует ещё охарактеризовать должную перемену в образе жизни трудящихся в позитивном плане, то есть в категориях, фиксирующих принципиально новые, качественно иные его черты. Во-вторых, следует определить наиболее существенные для трудящихся характеристики стратегической направленности общественного прогресса при социализме. Здесь должны быть зафиксированы такие моменты, которые в силу именно своей существенности сохраняют значимость целевых ориентиров в пределах всего социалистического этапа развития. И в-третьих, необходимо вычленить комплекс общественных условий, необходимых и достаточных для обеспечения нового образа жизни и для реализации стратегических целей. Другими словами, следует охарактеризовать способы (механизм) организации политических и социально-экономических отношений, гарантирующие необратимость социальных завоеваний трудящихся и поступательность прогресса в рамках социалистического выбора.

Важно подчеркнуть, что критериальные признаки социализма могут выполнить роль научно обоснованного

ориентира для практических оценок и действий только в том случае, если они не будут излишне приземлёнными, если удастся избежать произвольной детализации и псевдоактуализации определения. Претензии на знание, предугадывание каких-либо якобы адекватных социализму конкретных форм социальных взаимоотношений, быта, хозяйствования — бесперспективны и опасны. Подобные претензии могут привести лишь к попыткам навязывания историческому процессу таких путей, о реальности и эффективности которых нельзя сказать ничего определённого заранее. Точно так же критериальные характеристики социализма должны быть «очищены» от любых указаний на технико-технологические или сугубо экономические параметры результатов и предпосылок социального развития.

В совокупности содержательных признаков (критериев) социализма должна быть в полной мере отражена, конкретизирована его сущность, специфический закон его движения. Согласно классикам марксизма, сущность социализма состоит в уничтожении классов.

Т.И. Заславская. Согласно взглядам К. Маркса и Ф. Энгельса, в уничтожении классов состоит сущность коммунизма, а не социализма. Понятие «социализм» они вообще употребляли в ином смысле, чем мы (для обозначения не первой стадии коммунизма, а специфического «крыла» обществоведческой теории). Поэтому сущность социализма в их трактовке — вещь довольно расплывчатая. Да и сам вопрос о реальности и конкретных путях уничтожения классов в обозримой перспективе (а зачем, нам необозримая?) недостаточно ясен.

Г.Я. Ракитская. Позвольте решительно возразить. Вот хотя бы формула В.И. Ленина, дважды им повторённая в статье 1919 г.: «Социализм есть уничтожение классов»⁴². Ленин даже попробовал обозначить этапы этого уничтожения, положив в основу этапирования процесс изменения социальной структуры общества. «Уничтожение»

⁴² Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 39. С. 276, 279.

— такое слово, которое может толковаться и как процесс и как результат. Так вот, коммунизм наступает тогда, когда уничтожение классов (не в физическом, разумеется, а в социальном смысле) произошло. А пока процесс уничтожения идёт, принято говорить о социализме. Следовательно, уничтожение классов следует трактовать не иначе, как исторически длительный процесс преодоления социально-экономического неравенства людей, созидания равных для всех социально-экономических условий свободной жизнедеятельности. Понимание сути, закона движения социализма обогатилось к настоящему времени отчетливым осознанием решающей, ведущей роли социальной активности, исторического творчества самого народа как средства действительной гуманизации общества. В связи с этим необходимо воспринять как одну из сущностных черт социализма последовательную демократическую организацию политических отношений (демократический характер государства).

Не вдаваясь в дальнейшую аргументацию, очерчу теперь необходимый и достаточный круг критериев социалистичности общественных процессов и явлений.

1. Свобода от политического и экономического господства человека над человеком.

Здесь важен акцент на двух моментах. Во-первых, признаком социалистичности является не только отсутствие экономической эксплуатации, но и любых других способов и форм угнетения, дискриминации, произвола, подавления какими-либо социальными группами (классами, кастами и проч.) других социальных групп. Во-вторых, должны существовать социальные механизмы, которые отторгают и, главное, предотвращают рецидивы отношений и возрождение в массовом сознании идеологии господства-подчинения.

2. Добровольно-трудовой образ жизни всех индивидов и социальных групп; добровольность всех форм жизнедеятельности, всех совместных, согласованных действий субъектов общественных отношений.

Добровольность — это конкретно-исторический облик решения социализмом задачи освобождения труда и трудящегося от экономической эксплуатации и внеэкономических способов принуждения. Это одновременно и конкретно-историческая форма (мера, степень) реальной свободы личности в социалистическом обществе. Основу добровольности трудового образа жизни составляет высокий статус общественно полезного труда: труд должен быть не только источником общественно нормального уровня личных доходов, фактором справедливого социального положения людей и справедливой дифференциации их доходов, но и средством, способом развития личности. Существование труда, способствующего стагнации и тем более деградации каких-либо социально значимых свойств человека, несовместимо с социализмом.

3. Последовательно гуманистическая направленность общественного прогресса.

Такая направленность включает в себя как улучшение материальных условий и способов жизнедеятельности всех социальных групп, так и уменьшение различий между ними по возможностям проявления и развития индивидуальных свойств людей. Социализму адекватна жёсткая подчинённость научно-технического, экономического и социального прогресса задачам расширения условий для гармоничного развития физических, социально-нравственных и интеллектуально-творческих сторон личности, увеличения многообразия этих условий, обеспечения всё большей их доступности каждому человеку. Социализм несовместим с единообразием (стандартизованностью) условий жизни и самих людей, пусть даже и в форме стандартной всесторонности.

4. Народовластие, неотъемлемость всей полноты власти.

Народовластие адекватно социализму и на начальных, и на всех других стадиях его развития. Народовластие — это такой механизм государственной власти и управления, при котором все социальные группы и общности, все граждане имеют реальный доступ (реальное

представительство) к деятельности по выдвижению целей общества, по выбору стратегии и тактики их реализации, по распределению эффекта и оценке результатов общественного развития. Социализм несовместим с монополизацией какими-либо группами, слоями, классами сферы подготовки, принятия и руководства осуществлением решений, касающихся социально-экономических процессов.

5. *Равноправие, реальное равенство всех перед законом.*

Неправовое общество не может быть социалистическим.

6. *Неукоснительная, без малейших исключений социальная защищённость любых действий, поступков, намерений и решений граждан, их социальных групп и организаций, если они не противоречат закону.*

Социализму соответствует защищённость законных интересов, прав и свобод стабильными государственными гарантиями.

7. *Органическая взаимоувязка, сопряжённость прав и свобод личности, народа, социальной группы или общности с системой их обязанностей перед обществом.*

8. *Демократический централизм в руководстве хозяйством.*

Здесь следует подчеркнуть, что отстаивание необходимости демократического централизма сегодня зачастую воспринимается как защита методов управления хозяйством, утвердившихся в сталинскую эпоху и сохранившихся до наших времён. На самом деле демократический централизм является антиподом сложившегося в СССР командно-карательного типа управления.

Назову поэтому важнейшие черты демократического централизма. Это, во-первых, верховенство народа как организатора всей хозяйственной жизни. Во-вторых, строгая субординация (иерархия) функций и звеньев системы управления для обеспечения единой целенаправленности развития экономики. Это, в-третьих, коллективное (в рам-

ках закона) управление. Его суть в том, что на каждом уровне хозяйства решения принимаются теми субъектами хозяйствования (или же их полномочными, подконтрольными им представителями), деятельность которых должна затем регламентироваться этими решениями. Демократический централизм в руководстве хозяйством немыслим без равноправия субъектов хозяйствования, без социальной защищённости инициативы, самостоятельности, предприимчивости. Он немыслим также без гарантий трудовых и хозяйственных прав и без гарантий свободы трудящихся, трудовых коллективов в отстаивании своих прав.

9. *Планомерная организация общественного производства.*

Она позволяет консолидировать усилия и на основе сознательной (добровольной) координации процессов, сфер производства и хозяйственных действий развернуть в максимальной мере инициативу, предприимчивость, разнообразие действий на благо общества.

10. *Социально-экономическая оценка результатов производства и справедливое распределение его эффекта.*

Социализм не только не отменяет, а, напротив, использует товарно-денежный, рыночный механизм общественного соизмерения реальных вкладов в общий экономический эффект. Как известно, рынок был огромным шагом к справедливому соизмерению реальных вкладов в экономический эффект. Социализм не только не утрачивает плюсов рыночного механизма справедливости, но весьма существенно развивает и улучшает его. Социализм позволяет дополнительно к прежде учитывавшимся факторам учитывать ещё и реальные различия в объективных условиях деятельности и тем самым осуществлять контроль со стороны общества и со стороны государства за мерой труда (мерой действительно собственных усилий работника или трудового коллектива) и мерой потребления. Существенно важно, кроме того, что оценка общественной полезности результата не может исчерпываться при социализме экономическим эффектом, а должна учи-

тивать приоритетность социальных целей перед экономическими.

Современная концепция социализма, конечно же, не сводится к перечислению этих десяти характеристик. Каждая из них требует и уточнения, и более детального обоснования, развёрнутого описания. Необходимо, кроме того, более чётко обозначить внутренние связи этих характеристик друг с другом и с сущностными чертами социалистического строя. Я полагаю, что многое для такой работы в нашей науке уже накоплено. Предложенная мною систематизация содержательных признаков социализма вписывается в её логику.

Т.И. Заславская. Обрисовано некое идеальное общество, которое непонятно откуда и как может появиться. Очень мало привязки к реальным тенденциям, чистая «мечта», «Туманность Андромеды». При характеристике социализма политические черты резко преобладают над экономическими, то есть над производственными отношениями. Тогда какая же это формация?

Г.Я. Ракитская. Потому и формация, что дело не сводится только к экономике, то есть к способу производства. А откуда социализму взяться и как — это вопросы, научно решённые ещё в XIX и в начале XX века. Есть теория социалистической революции. Есть практика социалистических революций. Накапливается практика и развивается теория социальных революций в обществах современного советского типа. Да ведь Вы и сами не раз уже говорили о необходимости «второй социалистической революции». Разве цель такой революции, по Вашему мнению, не социализм?

Т.И. Заславская. Для того чтобы назвать перестройку (пусть только по замыслу) второй социалистической революцией, требуется серьёзный анализ пройденного нашим обществом исторического пути. Нужно ясное понимание того, в какие периоды оно двигалось к социалистическим целям, а в какие — теряло социалистические завоевания. Советские учёные активно ищут ответ на этот вопрос, обсуждая социальную сущность таких этапов раз-

вития страны, как военный коммунизм, нэп, сталинщина, хрущёвская «оттепель», брежневский застой, равно как тот пункт «шкалы» развития социализма, где наше общество находится в настоящее время. Как известно, многие историки сходятся в том, что во второй половине 20-х годов в стране произошел контрреволюционный переворот, в результате которого начатое было строительство социализма сменилось перерождением общественных отношений. В период сталинщины с её массовыми репрессиями и уничтожением миллионов людей апелляция к социалистическим целям и ценностям была эффективным средством управления поведением трудящихся, по отношению же к сути режима играла всего лишь роль фигового листка. Краткая хрущёвская «оттепель» была неумелой и непоследиательной попыткой вернуть страну на путь социалистического строительства. Исторически она не была подготовлена и потому не имела больших шансов на успех, хотя можно утверждать, что без неё не было бы сегодняшней перестройки. Последовавший затем период стагнации означал возвращение на колею перерождения социализма. Пропагандистские утверждения о том, что к середине 70-х годов в СССР было создано «развитое социалистическое общество», столь же слабо отражали действительность, как и сталинский тезис о построении социализма в середине 30-х годов.

Начатая в 1985 г. перестройка — это вторая и наиболее решительная попытка возвращения советского общества на путь развития социализма. Именно поэтому, чтобы решить названную задачу, перестройка должна перерасти во вторую социалистическую революцию.

.....

О самоуправлении

Г.Я. Ракитская. Самоуправление есть иное выражение самостоятельности элементов социально-политической и экономической структуры общества. Применительно к обществу в целом понятие «самоуправление» бес-

смысленно, по меньшей мере, не представляется строго научным. Здесь применимы категории, схватывающие характер (тип) управления, — общественное управление, государственное управление и его разновидности (диктатура или демократия; буржуазная или социалистическая демократия и пр.).

Под лозунгом развития самоуправления скрываются сейчас существенно разные представления о задачах и способах борьбы с командно-карательными методами деятельности нашего государства, чаще всего называемого (с лёгкой руки профессора Г.Х. Попова) административной системой. Упомянутая выше формула назревшего якобы перехода от социалистической демократии к общественному самоуправлению (читай: к негосударственному, общественному управлению) в официальных документах не прижилась, ибо из неё следовал лозунг отмирания государства в ходе перестройки. Акцент совершенно правильно был смещён начиная с январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС на демократизацию государства. Но то, что не прижилось как формула дальнейшего развития для общества в целом, весьма упорно укореняется в массовом сознании как концепция прогрессивного развития хозяйственных звеньев и сфер хозяйства. Суть, конечно, не в терминах, а в содержательном их наполнении.

Одно дело, если под самоуправлением звена подразумевается его функционирование на последовательно демократических началах, то есть как составной части механизма социалистической государственности. Необходимыми атрибутами такого «самоуправления» являются коллективность принятия решений и деятельность только в рамках закона. Совсем другое дело, если идея самоуправления противопоставляется государственным способам регулирования общественно-экономических процессов. При таком понимании идея самоуправления противопоставляется и демократии вообще, и социалистической демократии в частности. Ведь демократия — это форма государства, и не следует «забегать вперёд», выводя регулирование противоречивых социальных отношений из-

под контроля всего общества на основе государственной защиты прав и свобод граждан, трудовых коллективов.

Реализация вместо демократии идеи самоуправления (в её полном объёме) не приведёт к подрыву, устранению прежних, казарменных форм руководства. Она может лишь видоизменить и даже ужесточить произвол, беззаконие, нажим на трудящихся. Первые шаги аренды, семейного подряда, новой кооперации во многом подтверждают эти опасения. В обстановке задержки радикальной реформы политической системы расширение самостоятельности хозяйственных звеньев чревато недемократическими формами производственного самоуправления. Самоуправление в таких условиях соседствует с псевдодемократизацией: примитивизируются процедуры вовлечения рядовых работников в управление, выхолащивается содержательная сторона коллективно принимаемых решений, выборность руководителей сосуществует с их бесправием перед лицом вышестоящей власти.

Лозунг самоуправления, таким образом, маскирует действительные задачи перестройки — переход к демократической государственности, к демократическому централизму, к коллективному управлению, опирающемуся на государственную поддержку, то есть на защищённость законом, обществом.

Изменения условий жизни трудящихся под воздействием перестройки

Г.Я. Ракитская. Главная перемена, которую должна принести перестройка в сферу труда и производства, — по типу та же, что и во всех других областях. Это возвращение в русло прогрессивного развития на основе демократизации, создание предпосылок для социалистического развития труда. Что это конкретно означает?

Важнейшая особенность казарменной деформации нашего общества — по преимуществу принудительный характер труда взамен добровольно-трудоового образа жиз-

ни, который (по теории) адекватен социализму. Говоря о принудительности, я имею в виду всю совокупность способов организации и материальных условий жизнедеятельности, фактически сводящую на нет возможность свободного выбора и перемены (в соответствии с изменением способностей к труду) места в системе общественного разделения труда. Для нынешней ситуации характерно такое положение, когда формально (юридически) свободные люди вынуждены довольствоваться либо малооплачиваемой, либо малосодержательной, тяжелой или бесполезной работой. До сих пор сохраняются и прямые искусственные ограничения социально-трудовой мобильности — административное прикрепление к месту жительства, к рабочему месту. Завоеванное Великим Октябрем право на достойно оплачиваемый 8-часовой рабочий день трансформировалось в обязанность работать не меньше восьми часов с оплатой, далеко не всегда пропорциональной реальному трудовому вкладу. Материально — техническая база и соответственно организационно — управленческая сторона производства постоянно питают тенденцию технико-технологического деспотизма по отношению к трудящемуся, тенденцию его формирования и функционирования как частичного, односторонне развитого работника, по выражению К. Маркса, «не полного человека».

Может ли перестройка кардинально изменить характер труда? Ведь революционная перестройка — ограниченный по времени процесс. И ей не по плечу решить «одним махом» все задачи гуманизации трудовой жизнедеятельности. Нет, по-моему, особой надобности доказывать этот тезис. Однако можно ещё напомнить о неблагоприятном положении в сфере занятости.

Не секрет, что значительная часть людей, числящихся работающими, как бы «расписана» по предприятиям и учреждениям, чтобы под видом заработной платы получать, по существу, незаработанное пособие на жизнь. Часть партийно-государственного и хозяйственного аппаратов приобрела характер обособившейся паразитической касты, нужды которой обслуживает за народный счёт, как

теперь признано, многочисленный контингент командных, запретительных и карательных органов. Совершенно недопустимые масштабы приняло распространение сверхурочных работ и работ в выходные дни. К этому следует добавить аграрное перенаселение в ряде южных районов страны, нехватку рабочих мест в малых и средних городах, а в крупных городах — необеспеченность работой части людей творческих профессий.

Образовался, кроме того, значительный по численности контингент людей, потерявших по тем или иным причинам возможность работать на условиях обычной для большинства (постоянной) занятости, — так называемые «бичи», «профессиональные» сезонники, бродяги.

В таких условиях максимум, что можно требовать от перестройки, — это, повторяю, возврат в русло прогресса, обеспечение гуманистической направленности развития социально-трудовых отношений. Содержательно я сформулировала бы эту задачу следующим образом: гарантировать каждому какую-либо посильную и полезную обществу работу, её справедливую (по труду) оплату, создать условия, побуждающие трудящихся и всех субъектов хозяйствования соблюдать законодательно установленные нормы и правила, регулирующие трудовую и производственную деятельность. Не слишком ли скромны эти требования? Приведу минимальный перечень первоочередных преобразований, необходимых для их выполнения, чтобы снять подобный вопрос.

К первоочередным преобразованиям следует отнести демократизацию трудового законодательства и недопущение незаконных способов привлечения к труду и лишения рабочего места, произвола в отношении режима труда и его оплаты. Становление социальной защищённости неразрывно связано с демократизацией жизнедеятельности трудовых коллективов и с утверждением права трудящихся на организованный протест против сложившихся условий труда и трудоустройства, включая право на забастовки. Требуется возрождение полноправных социально-профессиональных организаций (союзов) трудя-

щихся, объединяющих их на началах действительной добровольности. Нужна реальная возможность выбора формы занятости (государственный сектор, кооперативы, индивидуальный труд). Должны быть найдены и закреплены такие способы защиты интересов и прав трудящихся, чтобы при всём их различии для работников разных секторов соблюдался конституционный принцип равноправия.

Необходимой акцией перестройки является также радикальное обновление общегосударственной политики в области нормирования и оплаты труда. Государственное материальное обеспечение временно незанятых — очевидная мера в период перестройки, введение которой должно сопровождаться активизацией деятельности государства по созданию новых рабочих мест, системы переподготовки и трудоустройства населения. Отмена фактических запретов на выбор профессии и занятие должностей, ограничений на выбор места жительства, на свободу выезда из страны и возвращения, осуществление широких программ социальной помощи нетрудоспособным, а также специальных программ, предупреждающих рост люмпенизированных слоев, — всё это необходимые слагаемые становления добровольности труда. Они достигаются в ходе социальной революции, постепенно становятся общественной нормой, а затем основой дальнейших шагов по пути социалистического развития.

.....

Б.В. Ракитский, Перейдём к социальным аспектам политической реформы. В развёрнутом виде эта тема откроется перед нами в четвертом разделе. Но уже сейчас нам надо, что называется, занять позицию. В частности, но вопросу о государстве, государственности в условиях перестройки.

Начнём с простого вопроса. Зачастую ругают всё государственное как главное зло. Как вы смотрите на это?

Н.Я. Петраков. Тут у меня такая позиция. Не надо оглуплять государственную собственность. Мы все выверты и выдумки сталинских порядков приписываем как объ-

ективно присущее государственной собственности. И получается, что от государственной собственности нечего ждать чего-либо дельного и хорошего. Очевидно неумная позиция. Государственная собственность может функционировать в нормальных формах.

Г.Я. Ракитская. Возложение ответственности за кризисное положение страны на всеохватность государства — весьма модный сейчас мотив критики системы нашего социального устройства. В какой-то мере такой взгляд отражает ход реальных процессов, но отражает односторонне, поверхностно, путая причины со следствиями. К сожалению, этот мотив всё отчетливее стал звучать даже в среде людей, считающих себя профессионалами в общественном знании.

Целостных концепций, научно обосновывающих атаку на государство, не сформулировано ни в литературе, ни в устных дискуссиях. Но за отдельными высказываниями, предложениями по конкретным проблемам, за обменом мнениями по частным вопросам угадывается контур концепции, какой она могла бы быть, если бы была высказана в полном объёме.

Государственное управление, получается по этой концепции, — основное зло. Когда управляет государство, централизация становится всеохватывающей, удушающей всякую инициативу, всякое движение. Государственное управление неизбежно вырождается в администрирование, в бюрократизм. Административные методы оказываются единственными рычагами реального воздействия на управляемые уровни и звенья, а экономические методы превращаются в формальный придаток к административным. Что надо делать? Надо отказаться от административных и перейти к экономическим методам управления, предпочесть государственным формам ведения хозяйства, науки, культуры негосударственные, действующие на основах самоуправления. Это и обеспечит необходимую демократизацию.

В противовес такой концепции, витающей в атмосфере плюрализма частных мнений, фрагментарных суж-

дений и не увязанных между собой конкретных предложений, следует напомнить, что и демократия, и её антипод — диктатура являются типами государства. Не государственность как таковая, а казарменный (диктатурный) характер государства, командно-карательный тип власти и управления — глубинная причина дегуманизации общества, экономического застоя, разложения нравов, социальной и духовной деградации.

Демократическому государству свойственно ограничивать свободу социального поведения граждан лишь в тех областях, где сталкиваются действительно противоречивые интересы и где поэтому требуется внешнее (на основах законности и равноправия) регулирование процесса согласования интересов и действий социальных сил. Демократическое государство не вмешивается во взаимоотношения людей, если несовпадение их интересов не достигает степени социально-экономической противоречивости. Демократия открывает возможность общественной самостоятельности, самоуправления в рамках законных ограничений. Казарменное государство, напротив, не различает подобных «тонкостей», продуцирует и навязывает нормы и правила поведения, детальные указания там, где можно обойтись без государственного регулирования.

Социально-психологическая подоплека, социальный смысл концепции ограничения сферы деятельности казарменного государства, «отделения» от него тех или иных областей общественно-экономической жизни — неверие в возможность демократического преобразования нашего общества, капитуляция перед лицом тех трудностей, с которыми связана действительно радикальная, действительно демократическая, революционная перестройка.

Бороться надо не с государством, а с его казарменной деформированностью, не за устранение прямых директивных (административно-государственных) методов управления, а с произволом, беззаконием государственного аппарата. Администрирование как необоснованное, произвольное командование, понукание и репрессивное

действие — вот антипод экономически обоснованных решений и методов их реализации. Бороться надо не за стимулы в противовес директивам, а за научно обоснованные директивы в увязке с научно обоснованными стимулами.

Надежда на возможность «потеснить» казарменное государство, на возможность его сосуществования с общественным самоуправлением, разделения функций между казарменным государством и общественностью — это, я уверена, иллюзия. Если и удастся существенно потеснить, то только в результате разворачивания народных демократических движений, в результате революции снизу. А зачем победившей революции оставлять свободные зоны для старых, казарменных порядков? Не для того же, чтобы сохранять постоянную опасность их реставрации? Победа нашей революции, которую мы скромно называем пока перестройкой, станет началом новой, подлинно демократической, социалистической государственности.

Б.В. Ракитский. Не будем заходить излишне далеко в раскрытии социальных аспектов политических реформ. О политике разговор впереди. Сейчас нам надо было лишь «схватить» общую тональность будущего разговора на тему «человек и перестройка». Это мы и сделали, обсудив в общем виде проблемы отчуждения и активизации, направления «заботы о человеке» и, наконец, общественное значение политических реформ. В следующих разделах можно и нужно смелее углубиться в более содержательное раскрытие этих проблем, так как генеральные связи уже обозначены.

А.П. Бутенко. Хотелось бы добавить ещё вот что. Разумеется, было бы неправильно рассматривать социальную борьбу вокруг перестройки — за и против неё — как классовую борьбу: сейчас у нас нет политической оппозиции перестройке, и в этом смысле все по одну сторону баррикад. Однако жизнь не позволит, чтобы эта формула стала спасительным знаменем для консервативно-бюрократических сил. Ибо нельзя не видеть, что бюрократизм и бюрократия, консерватизм и консерваторы, догматизм и догматики, очковтиратели и казно-

крады, поборники выводиловки и уравниловки, националисты и шовинисты, люди с отчетливо выраженными собственническими устремлениями — всё это реальные социальные силы, выступающие против перестройки, за сохранение старых порядков.

А.Г. Здравомыслов. И я хотел бы отметить важный момент общего характера, который мы пока не затронули, но он позже навряд ли всплывёт. Сейчас многие пугаются довольно резких высказываний по идеологическим вопросам. Однако нынешняя атака на марксизм, на так называемый «научный коммунизм», есть атака на догматику, на нормативистский подход к социализму, на те функции идеологии, которые были закреплены за нею в рамках административно-командной системы. Причины кризиса теории социализма заключаются, во-первых, в том, что эта теория в её доктринерском и нормативистском истолковании выступала составной частью командно-административной системы, и, во-вторых, в выдвижении на первый план охранительных функций самой теории, в вытеснении исследовательских и аналитических её сторон нормативистским подходом.

Б. В. Ракитский. Оба замечания не так-то и очевидны. Насчёт «классовой борьбы» проще — эта тема всплывёт в конце дискуссий. А вот насчёт «атак на марксизм» — придётся оставить вопрос за пределами бесед. Лично я считаю, что усиливается социал-демократическая струя в идеологии, и в частности учащаются попытки очистить марксизм-ленинизм от классового подхода и учения о непереносимости социальных революций. На мой взгляд, то, что атакуется под флагом борьбы с «догматикой», надо защищать и защищать как живую душу нашей идеологии. Но позвольте не входить сейчас в дискуссии на эту тему.

Г.Я. Ракитская. В плане решаемой нами сейчас задачи — выработать общую позицию о значении перестройки для человека — нам не уйти от обобщённой оценки уже сделанного перестройкой. Мы достаточно пространно говорили о социализме, называли критерии социалистичности. Но давайте зададимся вопросом: решают ли пре-

образования последних лет проблему социалистического обновления жизни человека?

Вопрос, поставленный в такой форме, не прост для ответа. Долгое время обществоведы выполняли функции толкователей и пропагандистов якобы всегда правильных партийно-правительственных решений. Сегодня мы постепенно начинаем подходить к иному пониманию профессионального долга ученых. Широкое обсуждение законопроектов в последние два-три года показало, что позиции официальных разработчиков законов и постановлений в ряде случаев существенно расходятся с общественным мнением. Расхождения эти обусловлены, во-первых, тем, что нет единого понимания социализма, критериев социалистичности, критериев общественного прогресса, и, во-вторых, разными представлениями о первоочередных задачах перестройки в СССР. Критерии социализма были названы. Однако оценивать намеченные партией и правительством преобразования общественных отношений непосредственно по этим критериям было бы неверно.

Дело в том, что первоочередная задача назревшей в стране революции — демократизация хозяйственной и всей общественной жизни. Самое точное определение объективных целей, характера необходимой перестройки — выход из казарменной деформации общества, переход в русло прогресса. Преобразования, направленные на эти цели, создают возможность развития по социалистическому пути. При этом вероятен прямой выход к социализму — если демократизация общественных отношений с самого начала будет радикальной, последовательной. Однако реален и другой путь — либерализация политических и экономических отношений, создание общедемократических механизмов как предпосылки для дальнейшей, более радикальной социалистической гуманизации общества. Какой сценарий осуществится на деле, зависит в первую очередь от соотношения социальных сил, от глубины и масштабности общественных демократических движений, без которых не будет ни социализма, ни демократии. Таким образом, с мо-

ей точки зрения, самым актуальным и наиболее корректным, что ли, является вопрос о том, соответствуют ли намеченные преобразования, а также реальные стратегия и тактика партии задачам антиказарменной революции, способствуют ли они развитию социальной активности народа, становлению и расширению демократических движений, создают ли основы для исторического революционного свободного творчества народа.

В целом, как мне представляется, высшие эшелоны власти и вся демократически мыслящая часть общества прошли (начиная с 1985 г.) большой путь в осознании подлинных задач перестройки и способов её осуществления. К XIX Всесоюзной партийной конференции окончательно сложилось понимание того, что без коренного преобразования политической системы невозможны радикальные перемены в экономической и других сферах. Раньше такой четкой постановки не было. В 1985 году в центре внимания партии был лозунг ускорения социально-экономического развития. А решения партийной конференции на первый план поставили демократизацию политических отношений, проблему народовластия, возрождения народного характера Советов.

В то же время нельзя не отметить, что реализация идей радикальной политической реформы наталкивается на упорное сопротивление консервативных сил, защитников старых порядков, и это влияет на содержание принимаемых решений, законов, постановлений, рождает в условиях неразвитости народных демократических движений половинчатые реформы.

Так, например, проект Закона о выборах народных депутатов СССР справедливо подвергался серьёзной профессиональной критике именно с точки зрения задач демократизации. Но эта критика мало учтена в принятом Верховным Советом СССР тексте Закона. Нельзя не напомнить об указах Президиума Верховного Совета СССР, определяющих порядок волеизъявления трудящихся в форме митингов, демонстраций, собраний и проч. Эти указы дают возможность и законные основания облечённым

властью противникам перестройки защищаться от активизирующихся трудящихся под предлогом борьбы со стихией, анархией, экстремизмом, массовыми беспорядками. Защищённость права трудящихся на организованный протест против сложившихся условий жизни, труда — важнейшее направление демократизации, предпосылка мирного преодоления казарменной деформации общества. К сожалению, гарантий этого права пока нет. Замечу, кстати, что наша пресса иной раз договаривается до того, что якобы демократия неизбежно должна сопровождаться применением репрессий против народа на законных основаниях.

Вот, например, какое «открытие» преподнесла нам «Комсомольская правда» 20 января 1989 г. в статье О. Дмитриевой и А. Новикова: «Парадокс: когда в нашем обществе демократией и не пахло, не было и дубинок. Сейчас — наоборот. Так что же, две эти вещи неразделимы? Выходит, что так». В такого рода высказываниях (а они довольно-таки распространены) есть явная подтасовка. Резиновых дубинок на улицах раньше не было. Но что было? Конечно, дубинки лучше сталинских застенков и расстрелов без суда. Но дубинки против людей, вышедших на митинг за увековечение памяти жертв сталинизма, — это не демократия.

Несколько слов о характере намеченных преобразований в сфере управления экономикой, по реформированию хозяйственного механизма. Линия июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС и все решения, направленные на расширение многообразия форм хозяйствования, на развитие товарно-денежных отношений, производственного самоуправления, несомненно, являются прогрессивными, в целом отвечают задачам активизации трудящихся, демократизации хозяйственной жизни. Они открывают возможность социалистического выхода из современного кризисного состояния экономики и общества. Однако и эти решения всё ещё некомплексны, а потому не дают гарантий последовательной демократизации производства, её необратимости, гарантий социалистичности управления.

Нерешёнными остаются центральные вопросы — создание надёжных механизмов социальной защиты прав и свобод трудящихся в хозяйственной сфере, в первую очередь защиты права на рабочее место, на общественно нормальный уровень трудового дохода (зарплата), права на свободный выбор и перемену формы занятости. Эти задачи не решить без обеспечения свободы объединения трудящихся и трудовых коллективов в ассоциации (организации, союзы и проч.), которые смогли бы выражать и отстаивать специфические профессиональные и любые другие интересы людей в сфере труда и хозяйствования. Но в этой области законотворческая деятельность явно отстает, запаздывает. А пока конкретных решений нет, нельзя говорить о соответствии критериям демократичности и тем более социалистичности.

Следует учитывать, что на стадии выхода из казарменной деформации общества может вновь возникнуть, возрождаться многоукладность экономики. Именно с этих позиций надо оценивать решения, касающиеся индивидуальной трудовой деятельности, кооперативов, различных моделей хозрасчёта, аренды. Далеко не всегда при этом новая форма собственности приводит к повышению экономической эффективности и росту доходов работников, является непременно социалистической. Переход к подряду, аренде, кооперативным принципам — это такое новое, которое прогрессивно по сравнению с однообразием казарменно-деформированных отношений. Но потребуются ещё длительная борьба за то, чтобы первые шаги в сторону демократизации производства не вылились в «добровольное» самозакабаление трудящихся, в добровольный потогонный труд, в эксплуатацию стремления трудящихся к большей свободе экономического поведения.

Таким образом, сегодня, по-моему, вопрос о социалистичности или не социалистичности намеченных партией и правительством преобразований сводится к вопросу о соотношении принципиальных решений и реализующих их нормативных актов с потребностями развития социальной,

политической, экономической активности масс и потребностями в обеспечении социальной защищённости прав и свобод всех трудящихся.

Б. В. Ракитский. Нам важно сейчас подвести итоги сказанного и передать эстафету другим участникам обсуждения.

Итак, мы обсудили социальную политику в общем контексте перестройки. Пусть никого не смущает кажущаяся разногласия мнений. На самом деле всё это, как правило, индивидуализированные преломления сравнительно схожих взглядов. Там же, где обнаружились существенно разные позиции, мы этого не скрывали. В этом нет нужды.

Сейчас мало кто из обществоведов подробно обосновывает мнение, что сложившийся и существующий в СССР строй — это социализм. Но возьмите статью «К современной концепции социализма», опубликованную в «Правде» 14, 16 и 17 июля 1989 г., подготовленную секцией общественных наук Президиума АН СССР. Пафос статьи — обновление социализма, того социализма, который существует сейчас. Об этом обновлении говорится много, хотя ясного ответа на вопрос, доброкачественна ли сама обновляемая основа, статья, по-моему, не даёт. Видимо, этот вопрос перед её авторами и не стоял. Надо обновлять! А что обновлять? То, что есть. С таким прагматическим подходом не все согласны, это было заметно при нашем обсуждении.

Что же нам удалось установить?

.....

Печатается по тексту книги «Социальные ориентиры обновления: общество и человек» — М.: Политиздат. 1990. Раздел первый. Социальная политика в контексте перестройки. Стр. 33-42; 65-66; 79-82; 86-88; 90-93.

ПРАВО ПОЛНОГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО ВЕДЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ⁴³

1. ПРАКТИЧЕСКАЯ ОБОЗНАЧЕННОСТЬ ПРОБЛЕМЫ

Вопрос об экономическом содержании, способах реализации и особенно о субъекте права полного хозяйственного ведения стал в годы перестройки актуальным в практическом плане в 1990 г. в связи с принятием Закона СССР "О предприятиях в СССР" (4 июня 1990 г.). В законе была сделана попытка создать единую правовую базу функционирования предприятий различных форм собственности в условиях, когда борьба за характер реформирования хозяйственных отношений только ещё начиналась. Этот закон уже через полгода был заменён в России другим, потом появились Закон РСФСР "О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР" (от 3 июля 1991 г.) и Государственная программа приватизации государственных и муниципальных предприятий Российской Федерации на 1992 год, в основе которых лежит существенно иная концепция организации властно-хозяйственных отношений, чем концепции союзного и российского законов о предприятиях.

⁴³ *Научный доклад подготовлен в Центре труда и рабочего движения Института перспектив и проблем страны. Ответственный исполнитель — руководитель названного Центра Г.Я. Ракитская. В настоящем издании печатаются разделы 1-4, автором которых является Г.Я. Ракитская. Не печатается раздел 5 (автор раздела И.Н. Мысляева) «Аренда в государственном секторе как поливариантная промежуточная форма хозяйствования».*

Союзный закон 1990 г. был явным наступлением на зачатки производственной демократии, которые появились после введения в действие Закона СССР "О государственном предприятии (объединении)" от 30 июня 1987 г. Были значительно сужены права трудовых коллективов в области управления предприятием. Применение союзного закона, а затем приватизация уже на базе российского законодательства актуализировали старую теоретическую проблему: кто является (должен быть) субъектом прав, предоставленных государственному предприятию, — трудовой коллектив или же руководитель (директор), назначенный вышестоящим государственным органом. На практике этот спор стал борьбой за власть в хозяйстве (то есть по сути борьбой политической) на всех уровнях принятия решений — на законодательном уровне, в исполнительных структурах, на предприятиях. Протоборство носит политический характер в том смысле, что в основе его — не пристрастие к тем или иным теоретическим концепциям, а конкретно-исторические социальные интересы по присвоению (получению, сохранению) хозяйственных прав.

После принятия союзного закона о предприятиях началась кампания роспуска советов трудовых коллективов (СТК). Многие СТК, не видя смысла в своём существовании, самораспускались. Министерства и ведомства заключали контракты с руководителями предприятий без согласия трудовых коллективов, без согласования с ними условий контрактов. В ответ на деятельность законодателей и исполнительной власти возникло движение за сохранение (восстановление) прежних прав трудовых коллективов, за развитие механизмов самоуправления трудовых коллективов. Уже в 1990 г. были сформулированы более или менее строгие требования о передаче предприятий в полное хозяйственное ведение (ПХВ) трудовых коллективов или же в коллективную собственность занятых на предприятиях работников.

Требование о переходе предприятий в полное хозяйственное ведение трудовых коллективов является со-

ставной частью концепции демократической реформы собственности, к которой эмпирически пришли активисты низовых общественных движений и которая была оформлена на теоретическом уровне исследователями, стоящими на последовательно демократических позициях.

Российский Закон "О предприятиях и предпринимательской деятельности в РСФСР" (от 25 декабря 1990 г.) открыл возможность коллективам государственных (в том числе муниципальных) предприятий взять предприятия в своё хозяйственное ведение, но он не дал при этом никаких гарантий, что такое желание коллектива будет выполнено. Лишь отдельным трудовым коллективам удалось получить это право. Государственные органы предпочитают считать, что правом полного хозяйственного ведения на предприятии должен обладать не трудовой коллектив, а руководитель предприятия. Программа приватизации на 1992 год, носящая принудительный характер, исключила возможность даже временного перехода приватизируемых предприятий к форме полного хозяйственного ведения трудового коллектива.

Однако в связи с тем, что подавляющая часть государственных предприятий всё ещё не затронута приватизацией (а часть останется государственными в любом случае), изменение принципов реформирования отношений собственности в хозяйстве всё ещё реально возможно. Причём возможно даже без глобального аннулирования уже совершённых актов приватизации. Не исключено поэтому, что практическая значимость теоретических вопросов реализации права ПХВ не только сохранится, но и повысится.

2. ПРОТИВОБОРСТВУЮЩИЕ ВАРИАНТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

При разработке концепции полного хозяйственного ведения (суть, особенности, сфера применения, механизм

реализации) нельзя абстрагироваться от того, что за конкретными требованиями, законопроектами, законами и указами, касающимися этой формы хозяйствования, стоят представления о принципиально разных вариантах социальной организации хозяйства. Поэтому разумность, эффективность тех или иных предложений и требований, юридических норм могут быть правильно оценены только в контексте того варианта будущего, к которому они тяготеют. То, что логично и необходимо в одном варианте, в другом может оказаться неприемлемым. При этом попытки обосновать или отвергнуть необходимость каких-либо перемен предположениями о мере их экономической эффективности в обстановке острой социальной борьбы, как правило, никого не переубеждают и не служат основанием для принятия решений. Процесс становления новых форм экономической жизни осуществляется не по абстрактно-теоретическим соображениям, а как результат реального соотношения социальных сил, борющихся за перераспределение власти в обществе и в хозяйстве, за вариант, отвечающий их интересам.

Чем разнятся противоборствующие варианты организации хозяйства? Прежде всего: это варианты, относящиеся к переходному состоянию экономики. А всякий переход в той или иной мере есть процесс **совершающегося выбора**. Действуют разные общественные силы, каждая в пользу своего варианта организации хозяйства как наилучшего. Таким образом, в переходной экономике одновременно формируется и соперничает намного большее многообразие форм, нежели в допереходной и послепереходной. Для рассмотрения нашего предмета из этого следует, что нужно быть внимательным к разновидностям, казалось бы, одной и той же формы хозяйствования. Полное хозяйственное ведение, как уже начинает показывать складывающаяся практика переходного периода, может проектироваться, узакониваться и осуществляться в форме существенно отличных разновидностей. Это во-первых.

Во-вторых, переходное состояние экономики порождает перемены отношений собственности двух типов.

Один тип — полная перемена субъекта и типа собственности, то есть типа власти в хозяйстве и полновластного собственника — вершителя этой власти. К примеру, государственная собственность заменяется групповой или частной. Собственником вместо государства становится товарищество или частный собственник. Возможны и переходные смешанные состояния типа государственно-групповой или государственно-частной собственности. Все это — первый тип перемены собственности, отношений собственности. Другой тип — как бы расслоение совокупности власти в хозяйстве, и переход этой власти от собственника к собственнику слоями. К примеру, собственник остаётся прежний, но часть его полномочий начинает принадлежать иному субъекту, который собственником не считается. Подобная трансформация отношений собственности нередко встречается в тех странах, где эволюция собственности протекает не в революционной форме, а в форме затяжной постепенности. Так, западные страны избежали национализации земли, но предприниматель шаг за шагом отвоевал у землевладельца почти всю власть, связанную с хозяйствованием на земле. У собственника земли нередко осталось лишь право получать доход от земли. Применительно к рассмотрению трансформации государственной собственности в переходный период возможность "расслоения" отношений собственности может оказаться весьма существенным моментом

Наконец, третий фактор разнообразия вариантов организации хозяйства — появление в период перехода от тоталитаризма к демократии многих полноценных субъектов хозяйствования. Прежде полноценным субъектом была лишь правящая каста, да и то лишь в виде своего центра. Иные фигуры хозяйства обладали лишь отдельными исполнительными властными функциями, предоставленными им центром. Переходный период превращает эти фигуры либо в вовсе лишённые власти, либо в полноценных субъектов хозяйственной власти — собственников. Появляются и новые собственники, которые даже формально не были представлены среди осуществляющих

при тоталитаризме хозяйственную власть. Различие исходных позиций у формирующихся собственников оказывается существенным для формирования вариантов переходных состояний трансформации государственной собственности.

В переплетении отмеченных выше факторов, разнообразящих формы хозяйствования переходного периода, можно вычленил сейчас три главные тенденции.

Одна тенденция — переход от власти номенклатуры в хозяйстве к власти частного (индивидуального или группового) капитала и, соответственно, к доминированию частно-капиталистических форм хозяйствования (предпринимательства). В рамках этой тенденции возникают такие формы, в которых право участия в управлении предприятием связывается с имущественными правами, с долей в капитале. При этом совместному владению акциями ставятся искусственные преграды, а для перехода контрольных пакетов акций в руки частных лиц созданы самые благоприятные условия.

Вторая тенденция — трансформация государственно-номенклатурной власти в хозяйстве в собственность государственно-капиталистического типа и, соответственно, к преобладанию государственно-капиталистических форм ведения хозяйства. В 1990-1992 гг. использовались различные механизмы возникновения государственно-капиталистических форм хозяйствования: преобразование министерских структур в государственные концерны, ассоциации, акционерные общества, в которых полномочия представителей предприятий присваивали себе директора; прямая передача (делегирование) прав собственников руководителям предприятий, объединений по персональным спискам, которые составлялись в министерствах и объявлялись приказами министерского руководства; последнее изобретение реформы — передача государственных предприятий в доверительное управление (траст) частным лицам и фирмам.

Третья тенденция — переход от власти номенклатуры в хозяйстве к власти трудящихся и, соответственно, к

доминированию форм хозяйствования народно-демократического, социализированного характера, в которых трудящиеся имеют реальный доступ к управлению производством и к распоряжению его результатами. Этой тенденции соответствует право трудящихся на участие в управлении независимо от того, кому принадлежат имущественные права: государству или коллективу; право на участие в управлении предприятием связывается со статусом трудящегося — кто работает, тот и управляет.

Новые формы хозяйственных отношений, обладающие свойствами воспроизводимости и устойчивости, выкристаллизовываются постепенно. Ни одна из трёх тенденций ещё не утвердилась в качестве необратимо доминирующей. В ходе борьбы различных тенденций возникают и видоизменяются новые формы, одни отбрасываются, другие оказываются жизнеспособными, укореняются. Специфика полного хозяйственного ведения (или просто хозяйственного ведения) как одной из форм хозяйствования переходного периода может быть понята только с учётом наличия всех трёх главных тенденций в изменении хозяйственных отношений.

3. ПОЛНОЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ВЕДЕНИЕ КАК СПОСОБ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ЗВЕНА В ГОСУДАРСТВЕННОМ СЕКТОРЕ РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА.

ДВЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ФОРМЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Теоретическое обоснование необходимости провести в России форсированную тотальную приватизацию сводится к следующим главным положениям:

а/ частная собственность объявляется единственно нормальной, якобы "естественной" формой экономической жизни, соответствующей природе человека; ответственность за кризисное положение возлагается на вездесущность государства — утверждается, что государст-

венное управление хозяйством неизбежно вырождается в администрирование, в командование и пр. Получается, что надо отказаться от государственных форм ведения хозяйства и перейти к негосударственным, частным. При этом отождествляются государственно-номенклатурные формы собственности и хозяйствования (казарменные формы) с общественными, общенародными, отрицается возможность демократической организации управления в государственном секторе и возможность эффективного функционирования социализированных (в том числе коллективных) форм;

б/ возможность становления и функционирования рыночных отношений жёстко связывается с частной (и прежде всего с частно-капиталистической) собственностью. Утверждают, что без приватизации не может быть нормального рынка, подлинной конкуренции, не разовьются предпринимательские мотивации.

Первую группу аргументов не имеет особого смысла обсуждать в силу их ненаучности и в силу того, что они игнорируют историческую практику хозяйствования, в том числе зарубежную практику. Вторая группа аргументов является объектом длительных теоретических дискуссий о причинах и условиях существования товарного производства, товарно-денежных отношений. Если признавать в качестве необходимого условия рынка обособленность (хозяйственную самостоятельность) производственных звеньев, то проблема формирования рыночной экономики становится проблемой обеспечения необходимой и достаточной меры самостоятельности предприятий. Такой подход означает, что для функционирования рынка требуется отказ от всеохватывающей централизации, от командных методов управления хозяйством, требуется децентрализация ряда полномочий и ответственности. Другими словами, должен быть изменён характер взаимоотношений государства (государственных органов) с государственными предприятиями, что вовсе не требует ликвидации государственного сектора хозяйства как такового. В то же время формирование полноценных звеньев рыночного хозяй-

ства путём децентрализации функций и прав не следует путать с демократизацией хозяйственных отношений. Демократизация — это вовлечение в управление всех трудящихся. Самостоятельное звено рыночного хозяйства может функционировать как на основах внутрипроизводственной демократии, так и на основах недемократического самоуправления.

Формы хозяйствования в рыночной экономике различаются конкретным содержанием (объёмом) прав, которые имеет субъект хозяйствования, и его обязанностей перед обществом (государством), а также формами и мерой ответственности за результаты своей деятельности. Полное хозяйственное ведение следует рассматривать как одну (но не единственно возможную) из форм хозяйствования на основе государственной собственности, как один из способов функционирования звена государственного сектора рыночного хозяйства.

В российских законах, принятых в 1990 г., и в последующих нормативных актах категория "полное хозяйственное ведение" фигурирует как категория, относящаяся к имущественным правам. Так, в Законе РСФСР "О собственности в РСФСР" (от 24 декабря 1990 г.) зафиксировано следующее положение: "Имущество, являющееся государственной или муниципальной собственностью и закреплённое за государственным или муниципальным предприятием, принадлежит предприятию на праве полного хозяйственного ведения" (статья 24 Закона). Формулировка, разрешающая передачу в хозяйственное ведение предприятиям (в лице трудовых коллективов) имущества государственного предприятия или вклада государства в предприятие смешанной формы собственности, содержится в Законе РСФСР "О предприятиях и предпринимательской деятельности" от 25 декабря 1990г.

Однако взаимоотношения государственного предприятия с государством не сводятся к имущественным отношениям. Более того. Содержание категорий «собственность», «государственная собственность» нельзя сводить к имущественным правам как к правам по владению, поль-

зованию и распоряжению имуществом. Даже включение в объём понятия "собственность" права на получение дохода от использования имущества не делает трактовку собственности полноценной, если речь идёт о собственности в хозяйстве.

Как уже сказано выше, собственность в сфере хозяйственных отношений — это прежде всего власть в хозяйстве, которая реализуется в полном объёме прав и функций руководства (управления) хозяйством, в том числе в определении его целей, направлений развития, средств и методов достижения целей производства (включая организацию производства и труда) и в распоряжении результатами производства.

Рассматривая полное хозяйственное ведение как государственную форму хозяйствования, мы тем самым рассматриваем конкретный способ осуществления государством своих властно-управленческих функций в хозяйстве. Государство, оставаясь собственником (т.е. субъектом власти в хозяйстве), делегирует предприятию, функционирующему на праве полного хозяйственного ведения, часть функций и полномочий собственника — такие, которые необходимы и достаточны для функционирования рыночных отношений и для стимулирования предпринимательской активности. Государство оставляет за государственными органами управления хозяйством функции и полномочия, необходимые и достаточные для обеспечения сохранности и прироста производственного имущества как общественного достояния, для воздействия в случае необходимости на рыночную конъюнктуру, для регулирования процесса формирования общественных потребностей и удовлетворения потребностей, приоритетных с точки зрения государства.

В зависимости от хозяйственной ситуации и других конкретно-исторических факторов могут применяться различные системы норм и правил (модели хозяйственного механизма), обеспечивающие подчинённость функционирования звена перечисленным целям. Но можно выделить некую совокупность норм и правил, присутствие которых

при полном хозяйственном ведении представляется необходимым при любой модели. К ним мы относим следующие

а) нормы и правила, обеспечивающие устойчивость производственного профиля предприятия и определённую направленность его изменения;

б) требования, обеспечивающие прирост уставного фонда, который передан во владение предприятию. При этом предельные нормативы накопления подлежат законодательному регулированию, а конкретный норматив для данного предприятия должен определяться в договоре предприятия с соответствующим государственным органом;

в) нормы и правила, обеспечивающие реализацию права государства на размещение своих заказов (соответствующих профилю предприятия), в том числе обеспечивающие общественно нормальную их выгодность для предприятия; конкретный механизм реализации этого права также должен быть предметом договора;

г) нормы и правила, обеспечивающие полноту ответственности предприятия за результаты хозяйствования (в том числе в форме банкротства).

Таковы, на наш взгляд, особенности взаимоотношений государства с хозяйственными звеньями государственного сектора, если говорить о них в самом общем плане. Термин "полное хозяйственное ведение" при таком понимании этих особенностей правомерно употреблять как синоним терминов "полная хозяйственная самостоятельность", "полный хозрасчёт", "самоуправление государственного предприятия".

В предмет данной работы не входит рассмотрение полного объёма норм и правил, обеспечивающих подчинённость функционирования государственного воспроизводственного звена социально-экономической политике государства. Одни из этих норм (правил) в условиях многоукладности экономики должны быть едиными для всех форм собственности и хозяйствования (например, правила использования трудовых ресурсов,

нормы природопользования, система налогообложения). Другие нормы (правила) проистекают не из рыночного типа экономики, а из социально-классовой специфики общественной системы, из характера государственной власти. Это относится, в частности, к принципам распределения дохода между работниками предприятия, к принципам оплаты труда.

Социальная природа, социальное содержание полного хозяйственного ведения — точно так же, как и любой другой формы хозяйствования, в том числе внутризвенных форм организации производства (например, бригадной формы) — определяется тем, является ли общественная система, государственная власть буржуазно-демократической, народно-демократической или же недемократической. Оставляя за пределами работы особенности норм и правил, соответствующих каждому из названных типов общественных систем, мы должны однако специально остановиться на проблеме **субъекта** права полного хозяйственного ведения в переходной экономике.

Кому делегирует государство право полного хозяйственного ведения? В том, как решается этот вопрос, в чью пользу он решается, проявляется мера демократичности государства переходного периода. С другой стороны, от того, как решается этот вопрос, зависит сегодня степень мобилизации предпринимательских потенций трудящихся, занятых в государственном секторе хозяйства. Если право полного хозяйственного ведения делегируется трудовому коллективу, то при прочих равных условиях в дополнение к трудовой мотивации начинает действовать мотивация предпринимательского типа, аналогичная мотивации на коллективных предприятиях. Кроме того, передача предприятий в ПХВ трудовым коллективам открывает возможность возникновения многообразных форм собственности и хозяйствования на добровольных для трудящихся (демократических) основах. Всё это способствовало бы снятию социального напряжения, экономической стабилизации и в конечном счете — экономическому подъёму страны.

Рассуждая о нормах и правилах хозяйствования, мы говорили о полном хозяйственном ведении применительно к предприятию как к нерасчленённому целому. Но предприятие — это институт, через который реально могут действовать различные социальные субъекты.

В старой тоталитарной системе представителем государства на предприятии была администрация во главе с директором плюс, конечно, партийный комитет. В старой системе права государства как собственника не делегировались партийно-хозяйственной администрации. Она (администрация) была просто составной частью партийно-государственного аппарата, элементом единой машины, осуществляющей управление на командно-карательных принципах. (Рассуждая по аналогии, можно сказать, что рабовладелец не делегирует надсмотрщику свои права собственника раба). В тоталитарной системе администрация есть один из приводных ремней осуществления хозяйственной власти высшей кастой управляющих, правящих.

В переходной экономике (испытывающей импульс реформирования в сторону рынка и демократии) происходит, как мы говорили выше, расслоение функций и прав собственника.

В одном из вариантов этого расслоения функции собственника в объёме прав полного хозяйственного ведения делегируются непосредственно руководителям (директорам) предприятий. Представителем государства на предприятии становится его руководитель, а права предприятия как самостоятельного звена хозяйства становятся по преимуществу правами его руководителей. Форма заключения контракта руководителя с вышестоящим государственным органом в наибольшей мере соответствует этому варианту расслоения функций государства-собственника.

В рассматриваемом варианте руководитель предприятия по форме является наёмным государственным служащим. А на деле он является доверенным лицом государства (государственных органов). Все другие работни-

ки предприятия становятся (по мере развития рыночных механизмов и утверждения прав и свобод личности) наёмными у государства. Строго говоря, при делегировании права ПХВ руководителю предприятия он (руководитель) не является членом трудового коллектива. В этом разведении работников и руководителей по разные стороны отношения к власти в хозяйстве (администрация становится причастной к власти, а работник не только фактически, но и формально, то есть окончательно оказывается отчуждённым от власти) проявляется начало государственно-капиталистической организации хозяйства.

По социальному смыслу практически не отличается от рассматриваемого варианта (ПХВ предприятия в лице его руководителя) передача государством предприятия в доверительное управление (траст) кому-либо, а не трудовому коллективу.

Другой вариант расслоения функций собственника — делегирование функций в объёме прав ПХВ трудовым коллективам. Представителем государства на предприятии в этом случае является сам трудовой коллектив, а права предприятия как самостоятельного звена хозяйства становятся по преимуществу правами трудового коллектива. Такому варианту расслоения функций собственника в наибольшей мере соответствует заключение контракта руководителя предприятия с трудовым коллективом. Руководитель становится полноправным членом трудового коллектива. Он, как и каждый работник предприятия, нанимается коллективом.

Заметим, что Законом РСФСР "О предприятиях и предпринимательской деятельности" предусмотрены участие коллектива в найме руководителя предприятия, в определении условий контракта с ним. Это специфическая особенность неустоявшейся переходной формы, которая на практике редко реализуется и замещается механизмами фактического отстранения или же формального участия трудовых коллективов в определении персонального состава директоров и условий контрактов, заключаемых с директорами.

Переход предприятий в полное хозяйственное ведение трудовых коллективов открывает возможность становления и функционирования трудовых коллективов как субъектов демократического производственного (хозяйственного) самоуправления. Коллектив, работающий на основе ПХВ, формирует органы коллективного самоуправления, которые принимают окончательные решения (в рамках законов) по всем ключевым вопросам организации предприятия и его хозяйственной политики. Права и обязанности руководителя оговариваются в контракте с ним. Контракт надёжно защищает руководителя от произвола государственных структур и от произвола коллектива, если в нём оговорены права и обязательства коллектива по отношению к руководителю. Конфликты, связанные с невыполнением договора одной из сторон, решаются в судебном порядке.

Оба рассмотренных нами варианта расслоения функций собственника приводят к тому, что старый субъект собственности (государство) существенно трансформируется, меняется тип, содержание власти. Второй вариант несёт в себе возможности и потенции развития власти в хозяйстве по типу народно-демократической. Однако для реализации этих потенций нужен ещё целый ряд дополнительных условий, в частности блокировка механизмов, способных заместить деспотизм тоталитарного государства деспотизмом коллектива, подавлением интересов и прав личности в угоду корпоративным интересам.

4. ПОЛНОЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ВЕДЕНИЕ В ЧАСТНО-КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ СЕКТОРЕ

Закон РСФСР "О собственности в РСФСР" (статья 5) допускает применение формы полного хозяйственного ведения при любой форме собственности, в том числе и при частной форме собственности. Известная нам практика не даёт примеров ПХВ при частной собственности. И это не случайно.

Дело в том, что при государственной форме собственности, обозначавшейся в прежних Конституциях как

общенародная, трудовые коллективы (или предприятие) являются если и не фактически, то юридически составной частью собственника. Предоставление права полного хозяйственного ведения трудовому коллективу является признанием отчасти права собственности за трудящимися. Частный же собственник, дающий право ПХВ, должен был делегировать свою функцию собственника иному субъекту, не имеющему никаких прав на осуществление функций собственника. Частный собственник готов уступить часть своих прав собственности, расщепить своё право собственности и продать один из слоёв своих прав собственности какому-либо субъекту. Если он это делает, возникает **аренда**, где арендная плата есть как бы цена за "делегированную" часть прав частного собственника.

В отличие от аренды, найм управляющего не сопровождается расщеплением права собственности и образованием нового субъекта собственности.

Сказанное выше делает понятным, почему ПХВ при государственной собственности называют иногда бесплатной арендой. Если рассуждать в этом ключе, то аренду у частника можно назвать платным полным хозяйственным ведением. Трансформирующееся тоталитарное государство, сдающее в аренду государственные предприятия трудовым коллективам, подтверждает тем самым лишний раз, что государственная собственность была **совместной частной** собственностью номенклатуры.

*Печатается по тексту доклада, тиражированного
Институтом перспектив и проблем страны в 1992 г.*

ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЁРСТВА В ФРГ⁴⁴

Система регулирования трудовых отношений в ФРГ представляет для нас большой интерес. В этой области в Германии накоплены богатые традиции, опыт. Регулирование трудовых отношений в этой стране продумано до деталей на всех уровнях и, главное, оно действует, то есть законы существуют не только на бумаге, но и выполняются в реальной жизни. Рассматривая опыт ФРГ, важно осознать, что эта система, для которой характерна довольно-таки высокая степень защищённости работника, сложилась в результате длительной борьбы трудящихся за свои права.

Вмешательство государства в трудовые отношения в ФРГ имеет весьма ограниченный характер. Государство нормирует трудовые отношения лишь в той мере, в какой это признаётся необходимым для предотвращения негативных воздействий рынка на социально-экономическое положение наёмных работников. Предусмотрено равноправие мужчин и женщин в сфере трудовых отношений, право работника на оплачиваемый отпуск и оплату временной нетрудоспособности по случаю болезни. Государство устанавливает максимальную продолжительность рабочей недели, охранные нормы по условиям труда и ряд других узаконений, регулирующих условия найма.

В основном же облик трудовой жизни ФРГ определяется взаимодействием двух влиятельных социальных сил — профессиональных союзов и союзов предпринимателей. В Конституции ФРГ закреплён *принцип тарифной автономии*, который предоставляет предпринимателям и наёмным работникам право на свободные переговоры по

всем проблемам, касающимся организации заработной платы, без вмешательства государства.

Закон о тарифных соглашениях, заложивший правовую основу заключения и действия тарифных договоров, вступил в силу в 1949 г. В том же году было создано объединение немецких профсоюзов, а в 1950 г. было создано Федеральное объединение союзов работодателей.

Нынешние профсоюзы ФРГ, построенные по отраслевому принципу, объединяют более 40% наёмных работников. Крупнейшими профсоюзными объединениями являются: Объединение немецких профсоюзов, Профсоюз служащих ФРГ, Профсоюз государственных служащих ФРГ, Христианский Союз Профсоюзов.

Высшим органом немецких работодателей является Федеральное объединение союзов предпринимателей, наряду с которым существует ряд самостоятельных союзов предпринимателей. В составе союзов предпринимателей состоит около 80% всех работодателей ФРГ. В задачи Федерального объединения союзов предпринимателей входит определение политики в области тарифных вопросов, занятости, социального страхования, подготовки кадров, трудового права и других аспектов социальной политики. Однако юридическим лицом при заключении тарифных соглашений Федеральное объединение союзов предпринимателей не является. Эту функцию выполняют отраслевые, территориальные союзы или отдельные союзы предпринимателей.

Объединение немецких профсоюзов также не обладает правом на ведение и заключение таких договоров. Поэтому вторым партнёром при подписании тарифных соглашений выступают отраслевые профсоюзы.

Значение тарифных договоров в регулировании трудовых отношений чрезвычайно велико. К примеру, до объединения Германии тарифные соглашения регламентировали условия труда и его оплаты около 90% работников в производственных отраслях и непроизводственной сфере. В последние годы ежегодно заключалось около 8 тыс. тарифных соглашений, часть из которых заменяла

⁴⁴ Статья написана Ставницким Александром Владимировичем и Ракитской Галиной Яковлевной.

соглашения, утратившие силу в связи с истечением срока действия.

Решения об условиях найма и оплаты труда, закрепляемые подписанием тарифного договора, принимаются на разных уровнях. Тарифные договоры заключаются для округов, земель, реже для отдельных предприятий, Большинство тарифных договоров в промышленности заключается на уровне земель и округов.

Подписание тарифных соглашений по территориальному принципу, а не на национальном уровне — проверенная временем традиция, позволяющая, с точки зрения специалистов в области тарифного регулирования, полнее учесть местные особенности, защищать уровень трудовых гарантий, достигнутых в определённом регионе.

В зависимости от содержания различают: рамочные тарифные договоры, которые содержат общие положения, тарифные договоры по оплате труда; прочие тарифные договоры.

По сложившейся в ФРГ в последние десятилетия практике тарифные договоры по оплате труда выносятся на обсуждение и соответственно заключаются ежегодно, рамочные договоры действуют четыре-пять лет.

Основное различие между рамочным тарифным договором и тарифным договором по оплате труда заключается в том, что рамочный договор предусматривает регулирование тех сторон трудовых отношений, которые не требуют постоянного уточнения. В рамочном договоре оговариваются вопросы оплаты труда в обобщённом виде, методы дифференциации оплаты и оценки труда (аналитический или суммарный методы тарификации работ, методы оценки трудовых достижений и т.д.), продолжительность рабочего времени и отпуска и ряд других положений.

Как рамочное тарифное соглашение, так и тарифное соглашение об оплате обязательны для всех, кто их подписал. Однако на них ориентируются предприниматели и профсоюзы, не входящие в соответствующие объединения.

Изложенные в тарифном договоре положения действительны только непосредственно для сторон, заключивших тарифный договор. Однако §5 Закона о тарифных соглашениях гласит, что сфера действия тарифного договора может быть расширена, а его условия распространены на всех наёмных работников и работодателей отрасли. Решение о расширении сферы действия тарифного договора (объявление его обязательным для всех) принимается Федеральным министром труда в том случае, если действие этого тарифного договора распространяется не менее чем на 50% наёмных работников, занятых в отрасли. Для этого необходимо также согласие тарифного комитета, в состав которого входят представители высших органов союза работодателей и профессионального союза.

Если тарифные переговоры не приводят к заключению нового договора и терпят неудачу, то перед проведением забастовки вступает в силу особая форма посредничества. Как правило, созванная в равном числе из представителей предпринимателей и профсоюзов и возглавляемая нейтральным председателем комиссия попытается разработать обоюдно приемлемое предложение. Следует особо отметить, что в ФРГ не существует государственного принудительного разрешения конфликтов между предпринимателями и профсоюзами.

Если переговоры и посредничество не привели к заключению нового тарифного договора, то профсоюзы прибегают к забастовке, право на которую защищено Конституцией страны. Решение о стачке выносит президиум соответствующего профсоюза. Этому предшествует опрос членов профсоюза. Решение о забастовке выносится тогда, когда 75% членов профсоюза высказались за прекращение работы. Только признание стачки большинством членов профсоюза создаёт основу для успешной борьбы.

Право на объявление забастовки предоставлено только профсоюзам. Так называемые "дикие забастовки", т.е. забастовки, не поддержанные профсоюзом, являются противозаконными. Такой порядок в ФРГ принят, поскольку иногда рабочие спонтанно прекращают работу и выдвигают

гают требования, которые в правовом государстве успешно разрешаются судом, занимающимся разбором трудовых конфликтов.

Забастовка должна иметь конечной целью заключение тарифного договора. В противном случае она считается незаконной. Это в первую очередь относится к политическим требованиям, поскольку в буржуазной парламентской демократии политические проблемы решаются в установленном порядке соответствующими политическими институтами. Недопустимыми считаются также забастовки, объявленные во время действия тарифного договора и нарушающие обязательство сторон поддерживать производственный мир.

Участие в законной забастовке не влечёт за собой расторжения трудового соглашения с наёмным работником. В то же время при забастовке взаимные обязательства и права предпринимателей и наёмных работников приостанавливают свое действие. Это означает, что наёмные работники не выполняют своих производственных обязанностей и соответственно не получают от предпринимателя денежного вознаграждения. Взамен этого работники с профсоюзным стажем более трёх месяцев получают забастовочное пособие в размере 2/3 заработной платы. По окончании забастовки трудовое соглашение продолжает действовать со всеми вытекающими из него правами и обязанностями сторон.

Результатом забастовки или тарифных переговоров, протекающих в мирной форме, является подписание тарифного соглашения. Все тарифные соглашения в месячный срок после их заключения подлежат регистрации в земельном и федеральном тарифных регистрах, где ими могут воспользоваться все заинтересованные в этом лица и организации.

Одним из основных вопросов, решаемых в ходе тарифных переговоров, является установление условий и размеров заработной платы. В ФРГ отсутствует регулирование оплаты труда на государственном уровне. Нет государственного учреждения для разрешения тарифных кон-

фликтов или даже выполняющего надзорную функцию за единственным решением в стране вопросов оплаты труда.

В отличие от многих развитых стран, в Федеральной Республике Германии не установлен государственный минимум заработной платы, хотя Закон о минимальных условиях найма 1952 г. предоставляет Федеральному министру труда и социального развития право регулировать минимальный уровень заработной платы. Закон никогда не применялся на практике, прежде всего в интересах соблюдения принципа тарифной автономии.

Тарифные ставки рабочих и должностные оклады служащих, установленные тарифным соглашением, рассматриваются как минимально гарантированное вознаграждение за труд определённого количества и качества. Предприниматели и наёмные работники при оформлении трудового соглашения могут договариваться о более высоком вознаграждении за труд, чем это предусмотрено тарифным договором. Тариф гарантирован работнику вне зависимости от результатов хозяйственной деятельности предприятия.

В ходе переговоров о повышении тарифных условий оплаты профсоюзы ориентируются на рост цен и изменение стоимости жизни. Федеральное статистическое управление публикует соответствующие данные ежемесячно. Ежегодное повышение тарифных ставок рабочих и должностных окладов служащих, практикуемое в последние годы в большинстве отраслей народного хозяйства ФРГ, помимо стимулирующей функции выполняет роль компенсатора роста цен, заменяя специальные механизмы индексации заработков в связи с инфляцией, которые используются в ряде европейских стран.

Следует подчеркнуть, что отраслевые или региональные отраслевые тарифные соглашения устанавливают гарантии заработной платы по квалификационным группам, не отдавая решение этого вопроса на уровень предприятия. Вместе, в масштабе отрасли, профсоюзам легче защитить интересы работника, чем если бы они это делали на каждом отдельном предприятии.

Представление об абсолютных размерах ежегодного роста тарифных ставок рабочих и окладов служащих, а также о размерах дифференциации тарифной заработной платы по укрупнённым квалификационным категориям в металлообрабатывающей промышленности ФРГ даёт табл. I (I, с.с. 35, 42, 48).

Таблица 1

Размеры тарифных ставок рабочих и окладов служащих в металлообрабатывающей промышленности ФРГ (в марках ФРГ)

Наименование земель (округов)			
Категории персонала	Сев. Вюр-тенберг; Сев. Баден	Бавария	Нордхайм-Вестфалия
1	2	3	4
Неквалифицированные рабочие			
с 1.4.1987	10,19 в час	9,52 в час	10,27 в час
с 1.4.1988	1741 в мес	9,96 в час	10,75 в час
С 1.4.1989	1785 в мес	10,36 в час	11,18 в час
Квалифицированные рабочие			
с 1.4.1987	12,52 в час	12,52 в час	12,53 в час
с 1.4.1988	2139 в мес	13,11 в час	13,11 в час
С 1.4.1989	2192 в мес	13,63 в час	13,63 в час
Высококвалифицированные рабочие			
с 1.4.1987	16,89 в час	16,65 в час	16,65 в час

с 1.4.1988	2887 в мес	17,44 в час	17,44 в час
С 1.4.1989	2959 в мес	18,13 в час	18,13 в час
ОКЛАДЫ СЛУЖАЩИХ			
Низшая должностная группа			
с 1.4.1987	1671 в мес.	1470 в мес	1631 в мес.
с 1.4.1988	1704 в мес.	1499 в мес	1664 в мес.
С 1.4.1989	1747 в мес.	1536 в мес	1707 в мес.
Высшая должностная группа			
с 1.4.1987	4905 в мес.	4710 в мес	5128 в мес.
с 1.4.1988	5003 в мес.	4804 в мес	5231 в мес.
С 1.4.1989	5128 в мес.	4924 в мес	5362 в мес.

Примечание: Срок действия тарифных договоров 1.4.1987 – 31.3.1990

Выполнение работодателем тарифного соглашения на предприятии контролируется доверенными лицами профессионального союза и производственным советом. Что такое производственные советы, важно понять, во-первых, потому, что именно они представляют интересы наёмных работников на предприятиях ФРГ. Во-вторых, потому, что у нас сегодня явно прослеживается стремление руководства ограничить роль советов трудовых коллективов функциями такого типа, которые выполняют производственные советы. При этом, естественно, в условиях отсутствия в нашей стране сильных свободных профсоюзов и судебной защиты рассчитывать на достаточно широкие реальные права и реальную роль такого рода органов вряд ли приходится.

Не надо упускать из виду, что роль наших СТК, характер этого органа — иной, чем у производственного совета. Функции производственного совета, по нашим представлениям, практически не выходят за рамки функций профсоюзов. СТК же задуман как орган, реально участвующий в управлении предприятием, влияющий на решения. Его права (например, по российскому Закону о предприятиях и предпринимательской деятельности 1990 года) гораздо шире. Поэтому, когда нам в пример ставят западную практику, надо отдавать себе отчёт в том, что делают это зачастую для того, чтобы оправдать лишение трудящихся прав (правда, лишь формальных, а не реальных прав), а не для того, чтобы их расширить.

Функции, права и обязанности производственных советов в ФРГ закреплены в законе о статусе предприятия. Характерной особенностью трудовой жизни ФРГ, как уже отмечалось, является уважение закона и его соблюдение. Поэтому, излагая законодательные нормы, мы одновременно говорим и о практике. В этом мы убедились, посетив в конце 1991 г. ряд предприятий, расположенных как в западных ("старых"), так и в восточных ("новых") немецких землях.

В то же время необходимо отметить, что применение на предприятиях бывшей ГДР западногерманского законодательства осложняется по целому ряду причин. Среди них — кризисное состояние экономики, растущая безработица, правовая неподготовленность людей, отсутствие опыта организованного взаимодействия работников и работодателей в целях поиска взаимоприемлемых решений. Функции реальной (а не на словах) защиты интересов коллектива и его членов только ещё начинают осваиваться вновь созданными в "старых" землях производственными советами.

Важнейшая сторона деятельности производственного совета, по закону, — осуществление контроля за исполнением действующих законов, распоряжений, правил техники безопасности и, конечно, за соблюдением тарифного соглашения.

Производственный совет не регулирует условия найма, установленные тарифным соглашением, если иное не предусмотрено в самом тарифном соглашении. Производственное соглашение, заключаемое между работодателем и производственным советом, содержит те условия найма, которых нет в тарифном соглашении. Оно может также дополнять и конкретизировать тарифное соглашение применительно к условиям данного предприятия.

Особое место в работе производственных советов занимает представление интересов социальных групп, особо нуждающихся в защите: инвалидов, работников пожилого возраста, а также иностранных рабочих (содействие их адаптации на предприятии, созданию благоприятного климата на рабочих местах, где вместе трудятся иностранцы и немцы).

Производственный совет является также органом, интегрирующим инициативы снизу и способствующим их реализации. Законом предусмотрено право производственного совета ходатайствовать перед предпринимателем о проведении мероприятий, касающихся коллектива предприятия.

Закон признаёт право производственного совета на информацию: предприниматель обязан предоставлять производственному совету по его запросу полную и своевременную информацию, необходимую для выполнения задач совета.

Без участия производственного совета работодатель не может самостоятельно принимать решения по широкому кругу социально-трудовых вопросов. К ним относятся производственная и трудовая дисциплина; рабочее время, включая его временное сокращение или увеличение; разработка принципов предоставления отпусков и решения спорных вопросов; мероприятия по предотвращению несчастных случаев, охране здоровья и соблюдению правил техники безопасности; определение принципов оплаты, установления аккордной и премиальной оплаты и прочих вознаграждений, связанных с производительностью.

По перечисленным выше вопросам решение принимается совместно советом и работодателем. Если стороны не приходят к единому решению, то оно принимается примирительной комиссией. Решение последней заменяет единое мнение работодателя и производственного совета.

Производственный совет имеет довольно-таки широкие права в решении вопросов, касающихся организации рабочего места, трудового процесса и производственной среды. Работодатель обязан своевременно информировать производственный совет о запланированных в этой области мероприятиях. Если в результате этих мероприятий, с точки зрения производственного совета, условия труда не соответствуют требованиям гуманизации, возникают повышенные физические или психологические нагрузки, то производственный совет вправе потребовать предотвращения, снижения или компенсации нагрузок. Окончательное решение при возникновении разногласий выносит примирительная комиссия.

Участие производственного совета в установлении интенсивности труда, а следовательно, и его нормирования, показывает, что немецкий работодатель не всевластен в принятии решений по, казалось бы, чисто производственным вопросам. У нас же, и это не может не тревожить, навязывается идеология расширения прав работодателя в вопросах организации производства, распространяется мнение, что профсоюзам нецелесообразно вмешиваться в вопросы нормирования труда. В качестве аргумента иногда используются реальные факты: профсоюзы на предприятии, как правило, послушно подписывали раздел коллективного договора, посвященный установлению норм труда. Это так, но ведь у нас не было ни настоящих профсоюзов, ни настоящего коллективного договора.

Нашему читателю, возможно, будет интересно узнать, что производственный совет может также воздействовать на решения работодателя о приеме новых сотрудников и увольнении. Производственный совет должен быть в курсе всех предполагаемых сокращений персонала. Работода-

тель обязан сообщать ему о причинах увольнения. Увольнение без ведома совета предприятия недействительно. Спорные вопросы относительно законности увольнения решаются через суд.

Литература:

1. Statistik aus dem Gebiet des Arbeitsrechts (ohne Arbeitsschutz und der Löhne).

Печатается по публикации в сборнике статей «Производственная демократия: теория, практика и проблемы внедрения» – М.: Институт экономики РАН. 1992. Стр. 83-92.

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ К СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

В арсенале демагогических приёмов, призванных оправдать произвол доперестроечного тоталитарного режима, была классическая фраза: «идя на встречу пожеланиям трудящихся». Сейчас так никто не говорит. Однако методы обоснования групповых и личных позиций людей, причастных к власти, по сути мало изменились. Идеологи «шоковой терапии», принудительной форсированной приватизации не затрудняют себя вескими доказательствами, когда объявляют эту политику соответствующей интересам трудового населения России. Народные депутаты, призывая к учёту интересов народа, как правило, ссылаются на собственные частные наблюдения, на «поток» телеграмм и писем избирателей и т.п. Одна из причин таких шатких обоснований — явный дефицит честных серьёзных исследований тех представлений и требований, которые выдвигаются или поддерживаются самими трудящимися. Преобладают, напротив, полупрофессиональные методы поверхностного зондирования общественного сознания с помощью тенденциозно сформулированных вопросов. Тенденциозны чаще всего и толкования полученных ответов. Выводы подобных «социологических» разработок приходится отмечать как дезориентирующие.

Социально-экономическая политика демократического государства должна формироваться на основе научно-критического анализа и трезвого прогноза последствий осуществления избранных стратегий и прежде всего таких, как реакция массового созна-

ния на происходящие перемены, отношение к ним различных социальных групп. Результаты исследования, излагаемые в настоящей статье, могли бы как минимум способствовать более адекватному, неодностороннему пониманию властными структурами требований трудящихся к социально-экономической политике государства. От её корректировки с учётом состояния и тенденций трансформации массового сознания в существенной мере зависит сохранение в стране гражданского мира, да и само будущее России как демократического общества. Ещё более важной задачей серьёзного анализа современных идейных представлений и конкретных требований трудящихся является содействие формированию собственных идеологий трудящихся как самостоятельных, независимых субъектов социальной политики, способных согласованно и эффективно воздействовать на властные и управленческие структуры, чтобы добиться необходимого изменения социальной направленности реформ.

Обобщённые характеристики современной идеологии трудящихся

Массированную атаку на жизненный уровень населения, начавшуюся 2 января 1992 г., правомерно считать главной причиной консолидации, стабилизации и даже расширения реакционной политической оппозиции, которая спекулирует на реальных негативных для трудящихся результатах «реформистского прорыва», активизирует антирыночные настроения, подогревает экстремизм и изоляционизм в рабочем движении. Демократическая оппозиция «шоковой терапии» все ещё очень слаба из-за отсутствия достаточно массовых организованных движений в защиту интересов трудящихся. Рабочее и зародившееся независимое профсоюзное движения не имеют чётких

идейных платформ, не освободились ещё от гипноза господствующей официальной идеологии, которая представляет любую оппозицию «шоковой терапии» как гибельное противодействие необходимым для России реформам вообще.

Отсутствие у трудящихся собственных цельных идеологий — наиболее общая черта современного состояния общественного сознания и общественных движений. Она определила и в 1992 г., и в предшествующие три года характер и содержание требований, выдвигаемых или поддерживаемых трудящимися.

Говоря о несамостоятельности, нецельности (электичности) идеологии, мы подразумеваем под собственной и достаточно целостной идеологией трудящихся систему осознанных на теоретическом уровне идей и представлений о практических действиях, которая обладает следующими качествами:

во-первых, она адекватно отражает действительное (объективное) положение трудящихся в обществе и перспективы изменения этого положения;

во-вторых, выражает настоятельные текущие интересы трудящихся в форме требований, направленных на улучшение условий и способов их жизнедеятельности в данном обществе;

в-третьих, выражает коренные, стратегические интересы трудящихся — в форме задач (целей) политических движений, выступающих за радикальное изменение социально-экономического положения трудящихся, их места в социальной структуре общества (подобные стратегические задачи могут быть выполнены либо в процессе преодоления современного кризиса общественной системы, либо в более далекой перспективе).

Главная причина, из-за которой у трудящихся России нет собственной идеологии, обладающей свойствами целостности (системности) и соответствия их действительному положению, — *переходный характер социальной структуры*. В ходе разложения тоталитарного общества из его каст и сословий образуются новые устой-

чивые социальные группы (классы, слои), которые в условиях демократии сформируют собственные идеологические платформы, отражающие их специфические интересы — социально-профессиональные, коллективные, классовые. Но в настоящее время процесс классовообразования и нового социального расслоения находится ещё на начальном этапе. В старой системе трудящиеся были разрозненной массой политически бесправных полурабов-полукрепостных. И сейчас рабочие в массе своей не объединены в собственные свободные профсоюзы и иные организации, не создали своих политических партий, не используют в полной мере преимущества объединенной постановки своих требований и солидарных действий, направленных на их выполнение. Аналогичная картина характерна и для сельского населения, и для интеллигенции, живущей за счёт своего труда. Отсутствие собственных идеологий есть иное выражение того обстоятельства, что трудящиеся не являются ещё действительно самостоятельными субъектами хозяйственной и общественной жизни⁴⁵.

Особенности современных идейных представлений и конкретных требований трудящихся выступают как проявления или следствия отсутствия собственных целостных идеологий. Важнейшие из этих особенностей — разнотипность взглядов и практических требований; значительное запаздывание в осознании своего истинного положения и перспектив его изменения; отсутствие должной связи между экономической и политической борьбой, необходимой для эффективной защиты интересов и прав трудящихся.

⁴⁵ Подчеркнём, что категория «отсутствие собственных идеологий» фиксирует определённый характер идей, присущих массовому сознанию, но не означает, что у людей отсутствуют какие-либо личные взгляды, представления. Взгляды есть, но собственные идеологии трудящихся классов и социальных групп ещё только зарождаются, возрождаются.

Существенная разнотипность, разнородность взглядов и практических требований наблюдается в пределах каждой из старых социальных групп трудящихся. Характер общества, которое идёт на смену казарменно-кастовому, окончательно ещё не определился. Противоборство возможных вариантов будущего продолжается. Разнотипность требований проистекает в этих условиях из разных представлений о заинтересованности трудящихся в том или ином изменении своего положения в обществе и о целесообразности постановки тех или иных задач с точки зрения их реалистичности.

Одна из основных линий идейного размежевания (разнотипности взглядов и требований) — *отношение к реформе собственности*. Она обозначилась ещё за 1,5-2 года до начала «шоковой терапии», когда впервые были выдвинуты лозунги разгосударствления и приватизации. Взгляды и требования одного типа соответствуют позиции согласия с курсом на развитие частнокапиталистических отношений, «разгосударствление эксплуатации» или по меньшей мере позиции отказа от активного сопротивления этому курсу. Идеи и требования такого рода в целом не выходят за рамки более выгодной продажи трудящимися своей рабочей силы плюс улучшение условий труда и быта, страхования, социальной помощи. «Пусть эксплуатируют, лишь бы хорошо платили» — вот упрощенная формула этой идейной платформы, но она очень точно схватывает её суть. Данная позиция сформировалась в результате активнейшей деятельности либерал-реформаторов, в багаже которых ведущее место занимает пропаганда частной собственности как якобы естественной и наиболее эффективной формы экономической жизни.

Принципиально иная позиция возникла в рамках попыток сопротивления взятому курсу, она выступает прежде всего как стремление противостоять наступлению на зачатки производственной демократии, начавшемуся летом 1990 г. Осенью 1990 г. были сформулированы (правда, ещё не строго) требования передать государственные предприятия в управление (полное хозяйственное веде-

ние) или в собственность трудовых коллективов. Однако и здесь проявилась несамостоятельность идеологии: выдвижение этих требований чаще всего сопровождалось заверениями в том, что они не противоречат курсу на приватизацию, что речь идёт о неприятии номенклатурной приватизации, что полное хозяйственное ведение трудовых коллективов — всего лишь первый шаг на пути к коллективно-долевой или частно-акционерной собственности и т. п.

Ускоренная приватизация, осуществляемая в рамках «шоковой терапии», углубляет различия в отношении трудящихся к реформе собственности, но, с другой стороны, вынуждает активных участников общественных движений формулировать свои предложения и требования более полно и чётко, то есть заставляет двигаться в направлении создания цельных идейных платформ. Однако в целом приходится констатировать неготовность подавляющего большинства трудящихся к такому проведению реформы собственности, которое как минимум не ослабило бы их позиции и с большой вероятностью привело бы к реальному включению работников в хозяйственную власть.

Одно из следствий «шоковой терапии» — укрепление отношения к власти как к чужой (по принципу: «мы и они»), а к новым условиям жизни — как к очередному бедствию, к которому надо, как и к прежним, приспособляться, чтобы выжить. *Приспособленчество* выступает одной из форм люмпенизации массового сознания. По отношению к реформе собственности люмпенизированное сознание не содержит никаких идей ни «за», ни «против». Приспособленческая позиция — благодатная почва для процветания коррупции, мафиозности. Она на руку государственной и хозяйственной администрации, действующей так, чтобы коллективы не получили даже той доли имущества предприятий и власти на производстве, на которую могли бы претендовать при соблюдении законодательно установленных правил их раздела.

Тенденция к приспособленчеству, к отказу от выдвижения каких-либо требований к властям, к админист-

рации питается возрождением привычного для советских трудящихся чувства незащитности, страха перед произволом вышестоящих, «начальства». Главной причиной возрождения таких настроений всё отчетливее становится угроза потери работы в условиях надвигающихся массовых увольнений, массовых банкротств предприятий.

Факты свидетельствуют, что выбор варианта акционирования и другие решения, связанные с приватизацией, как правило, навязываются работникам администрацией. Причём при нарушении последней установленных процедур весьма сложно и чаще всего бесперспективно бороться за отмену её решений, за восстановление справедливости, законности. Коллективу для отстаивания своих прав нужны соответствующие институты — грамотные, независимые от администрации советы трудовых коллективов, профсоюзные комитеты, рабочие комитеты и пр. Независимость выборных органов — явление пока нечастое, а благожелательную юридическую помощь получить очень трудно. Ситуация усугубляется обычной неинформированностью работников предприятий о сути предстоящего им выбора, прямым запугиванием тех, кто не хочет поступать по указке администрации. Наиболее активных и грамотных, заявляющих о правах трудящихся, увольняют в первую очередь.

Рассеивание иллюзий, которое стало происходить при первых шагах приватизации, имело огромное положительное значение для развития наряду с идеологией и практикой приспособленчества других, гражданских типов идей и социального поведения. Новый толчок был дан становлению независимого профсоюзного движения и соответствующему этой форме борьбы комплексу представлений и экономических требований. Напрасные попытки перебороть администрацию, найти опору в коллективе или вне его — такой собственный опыт отторжения от приватизации подвёл активную часть трудящихся к осознанию необходимости их самоорганизации как наёмных работников в целях самозащиты. Этой линии прозрения соответствует *начальная стадия освоения идей и практики социального*

партнёрства. Здесь важнее всего не полутеоретический диалог в Российской трёхсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, а самостоятельные попытки рабочих вступить в новые отношения с администрацией предприятий, попытки использовать права, предоставленные Законом РФ «О коллективных договорах и соглашениях». Разработка проектов коллективных договоров, столкновения с администрацией, не желающей признавать новый профсоюз, обращение в суд по поводу необоснованных увольнений — все эти формы по необходимости постепенно осваиваются, хотя ещё и недостаточно для успешного отстаивания прав и интересов трудящихся. Нарастающая скрытая безработица, реальная угроза лишиться рабочих мест существенно тормозят формирование нормальных отношений социального партнёрства. В то же время 1992 год для многих разоблачил мифы о намерении правительства создать многочисленный слой собственников-производителей (так называемый средний класс), обеспечить равенство стартовых возможностей при приватизации, провести так называемую народную приватизацию на основе чеков-ваучеров.

«Отрезвление» трудящихся в ходе «шоковой терапии» дало новые стимулы движению *за производственную демократию, за коллективные формы собственности, за самоуправление трудовых коллективов*. Менее радикальные идеи и требования, соответствующие этому направлению противоборства, вообще-то не противопоставляются ни самой идее приватизации, ни главным принципам, по которым она проводится. Претензии ограничиваются получением возможно большей доли в капитале приватизируемых предприятий, больших возможностей участия в принятии управленческих решений. В нерадикальную тактику укладываются борьба за соблюдение процедур, предусмотренных нормативными актами, за использование всех «лазеек», которые они оставляют коллективам, а также стремление добиться от государственных органов каких-либо особых условий, особой схемы приватизации для своего предприятия. В ряде случаев

борьба за исключение из правил приносит успех, но из-за отсутствия согласованности действий разных коллективов она чаще всего терпит поражение, а на словесном уровне требования предоставить особые условия тем или иным трудовым коллективам легко отвести под лозунгом соблюдения законности. Более радикальные требования противопоставляются либо принудительной форсированной приватизации, либо приватизации как таковой. Предлагаются существенно иные подходы к реформе собственности, в том числе предусматривающие прекращение или приостановку приватизации.

Вторая из основных линий идейного размежевания трудящихся — отношение к изменению ситуации в *области социальной защиты населения*. До начала «шоковой терапии» последствия разрушения, расшатывания прежней системы социальных гарантий, которая обеспечивала большинству населения хоть и нищенское, но устойчивое социально-экономическое положение, в полной мере не ощущались. Правительство обещало населению в период перехода к рынку проводить социальную политику по формуле «защита слабых». На деле была реализована политика, характерными чертами которой явились: уход государства от ответственности за формирование нормального уровня и достойных условий жизни граждан; минимизация государственных расходов на социальную защиту; отказ от тактики опережающих мер в пользу запаздывающей и недостаточной поддержки явно деградирующих слоев населения; подмена принципа гарантированной социальной защиты эпизодической поддержкой (компенсированием); бессистемное проведение социальных мероприятий как вынужденных уступок под давлением «снизу», чтобы привлечь на свою сторону (или нейтрализовать) наиболее мощные политические силы. Такая политика привела к возникновению трёх тенденций в формировании требований трудящихся к системе их социальной защиты.

Для первой тенденции характерны требования возврата к старой системе социальных гарантий, которая

идеализируется трудящимися в сравнении с условиями «шоковой терапии». Её пороки как бы забываются, а на первый план выступает существовавшая определённая устойчивость положения, стабильность привычного уровня жизни. Массовое сознание «забывает», что гарантировался исключительно низкий уровень жизни, что защитой пользовались не все трудящиеся в равной мере (неравноправие крестьян, «лимитчиков» и др.). «Забывается» также, что условием стабильности и улучшения положения населения была жизнь по правилам тоталитарного общества, которое подавляло любые проявления индивидуальности, непослушание, протест и предельно ограничивало свободу выбора и возможности изменения условий и образа жизнедеятельности вплоть до прикрепления к месту жительства и к рабочему месту.

В основе требований возродить старую систему социальной защиты лежит порочное предположение о том, что можно взять из прошлого только «хорошее», сохранить его, но не брать при этом «плохое». В таких представлениях получает своеобразное новое дыхание *экономизм* в борьбе трудящихся за свои права и интересы, как нельзя лучше пригодный для политических спекуляций. «Обиженная» старая номенклатура, которая по тем или иным причинам не смогла прорваться к нынешнему разделу имущества и должностей с новой номенклатурой, незаметно, но прочно «упаковывает» популярные требования восстановить привычные социальные гарантии в один пакет с реакционными политическими лозунгами — такими, как восстановление имперского Союза ССР, прежних общественных отношений в целом. Не напоминая о жестокой эксплуатации трудящихся в старые времена, реакционная оппозиция вновь пытается утвердить в сознании людей образ прошлого строя как якобы справедливого, социалистического.

Для второго типа идей по социальной защите населения характерно стремление опереться на собственные силы, организовать самозащиту в условиях, когда нет доверия к государству, веры в надёжность его обещаний и

установлений. Позиции «отделения» трудящихся от государства соответствуют, например, такие требования, как разгосударствление социального страхования, установление строгой зависимости уровня социальной защищённости от индивидуальных заработков, предоставление населению социальных услуг только на основе платности. Сюда же следует отнести и требования о денационализации земли и жилищного фонда. Реализация социальной политики на принципах самозащиты трудящихся означала бы снятие с государства его обязанностей по контролю и регулированию важнейших параметров уровня и условий жизни трудящихся. Выступая за такую организацию социальной защиты, трудящиеся фактически дают «амнистию» государству, не желающему выполнять свои прямые функции.

Третий тип требований трудящихся в области социальной защиты тяготеет к концепции социальной рыночной экономики. Такие требования, если свести их в систему, предполагают проведение *демократической реформы системы социальной защиты*. Но демократической в буржуазном, а не социалистическом смысле. Цельных идеологий социалистического характера рабочее движение сегодня не выдвигает, а то, что называют социализмом в рамках требований возврата к прошлому, воспроизводит с той или иной степенью приближённости лжесоциалистические представления, принципы казарменного «социализма».

Главная тенденция, которая просматривается в требованиях третьего типа, — стремление к совершенно новой системе социальных гарантий, где старые формы должны приобрести иные черты, иной смысл. При этом государство должно быть гарантом *неснижения* достигнутого уровня и *неухудшения* условий жизни в важнейших, ключевых моментах. К элементам новой системы социальных гарантий могут быть отнесены такие требования, как гарантированность минимальной оплаты труда, повышение размера минимальной оплаты до того или иного уровня (претензии к величине минимума у разных социальных групп различны), индексация заработной платы в

соответствии с ростом цен, обеспечение доступности для трудящихся услуг социальной сферы — образования, медицины и пр., сохранение государственной системы социального страхования (а не отказ от неё) и развитие в дополнение к ней негосударственных форм социального страхования.

В документах одних и тех же организаций трудящихся, в ходе одних и тех же забастовок часто выдвигаются совершенно разнотипные требования, которые «тянут» в разные стороны, выражают разные тенденции. Попытки совместной реализации разнотипных требований порождают сложнейшие проблемы. Смешиваются также задачи стратегического характера с актуальными потребностями текущего момента. В этом отношении особенно показательно, что целая серия забастовок прошла в 1992 — начале 1993 г. лишь из-за задержек с выдачей заработной платы. В подобном невысоком уровне претензий проявляется в целом оборонительный характер борьбы трудящихся за свои права, её нерадикальность.

Сложившаяся ситуация подтолкнула рабочее движение, профсоюзы к формулировке таких предложений и требований, которые отвечают особенностям начальной стадии формирования рыночных отношений, но отвергаются идеологами «реформистского прорыва» как якобы противоречащие рыночной экономике. В первую очередь это требования обеспечить гарантированное отоваривание (по твёрдым ценам через карточки или иными способами) того или иного объёма основных предметов потребления, ввести общественный, рабочий контроль за указанным процессом; сюда относятся и все предложения по сдерживанию роста безработицы, в том числе требование запретить увольнения по инициативе администрации в период подготовки предприятий к приватизации. Следует подчеркнуть, что сторонники перехода предприятий в полное хозяйственное ведение трудовых коллективов и коллективной собственности с самого начала рассматривали эти формы как фактор, противодействующий скачкообразному возникновению массовой безработицы. В распоряжении сторонни-

ков производственной демократии теперь, когда блокада информации о предприятиях с собственностью работников на Западе прорвана, есть факты и цифры, свидетельствующие, что на коллективных предприятиях к увольнениям прибегают как к последнему резерву повышения эффективности производства, предпочитая использовать другие резервы и возможности. Идеологи «шоковой терапии» игнорируют мировой опыт, поскольку он расходится с их стремлением обеспечить ускоренное формирование частнокапиталистических форм хозяйствования.

Существенное запаздывание процесса осознания трудящимися своего истинного положения и перспектив его изменения («хвостизм») — эта особенность современного массового сознания является прямым следствием несамостоятельности идеологий трудящихся. К важнейшим факторам «хвостизма» относятся:

— во-первых, отсутствие серьёзного, постоянного, эффективного взаимодействия рабочих и производственной интеллигенции, включённых в общественные движения, с профессионально подготовленной гуманитарной интеллигенцией народно-демократической ориентации. Такое взаимодействие не налажено по двум причинам: из-за настороженного отношения рабочих и производственной интеллигенции к профессиональным гуманитариям, а также вследствие того, что подавляющая часть интеллигенции «ударилась» сначала в либерализм, а потом стала поддерживать идею сильной президентской власти во имя «реформистского прорыва». Народно-демократическая прослойка в гуманитарной интеллигенции оказалась немногочисленной, к тому же далеко не все её представители готовы к сложной деятельности по идеологическому обслуживанию общественно-политических движений;

— во-вторых, недостаток правдивой информации о положении трудящихся, рабочего класса на Западе; отсутствие должного осознания простого факта, что все завоевания трудящихся в развитых капиталистических странах — результат длительной классовой борьбы, ра-

бочего и профсоюзного движений, а не добровольных уступок господствующим классам.

Усиление оппозиционных настроений во всех социальных группах вследствие «шоковой терапии», расширение контактов с международным рабочим движением, с зарубежными профсоюзами будут способствовать, надо полагать, преодолению «хвостизма», формированию долгосрочной стратегии и более радикальной тактики социальной борьбы трудящихся, опережающей замыслы и действия, направленные против их интересов.

Отсутствие должной связи между экономической и политической борьбой — такова ещё одна из характерных черт современных идейных представлений и практических действий трудящихся. Условия «шоковой терапии» высветили её особенно ярко. Под должной связью мы имеем в виду такую, которая необходима и достаточна для эффективной защиты интересов и прав трудящихся, для реализации их социально-экономических требований.

Вплоть до августовских событий 1991 г. противостояние социальных сил развивалось как антиказарменная, общедемократическая революция. Политический аспект в этой борьбе был главным, доминирующим. Именно трудящиеся, а не номенклатура и не новые собственники-предприниматели составляли подавляющую часть участников массовых политических акций 1989—1990 гг. Экономические требования бастующих шахтёров очень быстро были дополнены политическими, причём радикальными, коренными для того периода, направленными на ликвидацию монополии КПСС на власть в обществе. Выдвижение шахтёрами политических требований в 1991 г. сыграло важнейшую роль в распаде СССР как имперского государства, в приходе к власти в России либеральных демократов. Однако среди идейных платформ, выдвинутых общедемократическим движением, не было таких, которые выражали бы на уровне политической стратегии специфические интересы и задачи трудящихся классов и социальных групп в разворачивающейся революции. Имеются в виду платформы, поддержанные широкими движениями, а

не разработки отдельных людей и авторских коллективов. В демократическом движении социально-групповые интересы были слабо дифференцированы. Такие задачи, как преодоление отчуждения трудящихся от собственности и результатов их труда, переход к рынку, обеспечение свободы предпринимательства и пр., фиксировались в самом общем виде.

С началом разгосударствления и приватизации обнаружилось, что понятие демократии в хозяйстве имеет разный смысл для людей, ориентированных на либеральные реформы, и для тех, кто стремится к реформам в интересах трудящихся классов и социальных групп населения. Однако идейное размежевание требований к системе хозяйствования не привело к сколько-нибудь явному размежеванию в политических платформах. Движения трудящихся, в том числе рабочее движение, остаются в целом в рамках экономизма. Найденная самими рабочими такая форма самоорганизации, как рабочие комитеты, не вышла за рамки осуществления функций параллельной структуры власти *на местах*. Близко подошло к борьбе за власть движение за производственную демократию. Но объектом противоборства стала хозяйственная власть опять же *на низовом уровне* — на предприятиях. Причём до самого последнего времени организации типа союзов трудовых коллективов всячески подчёркивали неполитический характер своей деятельности. Ни одной *массовой* политической организации, ни одной массовой партии, выражающей специфические интересы трудящихся и выросшей снизу, из рабочего или независимого профсоюзного движения, не возникло. 1992 год в этом плане мало что изменил. Трудящихся втягивают в борьбу за изменение персонального состава властных структур и по другим принципиальным (с точки зрения интересов трудящихся) вопросам организации государственной власти. Выдвижение экономических требований не увязывается в должной мере с задачей изменения социальной сути, характера власти, поисками наиболее подходящих для достижения указанной цели политических механизмов.

Типы переходного сознания и социальные портреты их субъектов (носителей)

Было бы неверно утверждать, что те или иные конкретные позиции, идеи, требования характерны для какой-либо социальной группы старой казарменной системы, самоопределяющейся в данный момент общественного кризиса. В лучшем случае можно говорить о тяготении рабочих, интеллигенции, отдельных слоёв этих социальных групп к тем или иным позициям, о преобладании каких-либо позиций в тех или иных слоях.

В основу социально-группового анализа идеологий в условиях радикальной смены общественных отношений, кризиса тоталитаризма должен быть положен методологический подход, диктуемый фундаментальным свойством таких исторических периодов — переходным характером социальной структуры общества. Разложение старых каст и формирование новых групп (классов) на уровне идеологии рождает различные типы переходного сознания. Конечно, достигнутое в ходе кризиса социально-экономическое положение влияет и на идеологию, и на социальное поведение людей. Но ведущим типобразующим фактором идейных платформ и практических действий в переходный период является не реальное положение в настоящем или в недавнем прошлом и даже не наиболее вероятное положение в будущем, а представления о *желаемом* положении. Причём особенность переходного сознания — устремлённость в разное будущее людей, принадлежавших к одной и той же старой социальной группе; в то же время взгляды и надежды людей, относившихся к разным кастам в старом обществе, тяготеют к одному и тому же варианту будущего.

Специфические свойства переходного сознания усложняют социальную структуру общества, множат общественные движения, противоборствующие социальные силы. Субъектами противоборства выступают уже не старые касты и ещё не новые классы, а элементы переходной, то

есть качественно трансформирующейся социальной структуры. Это группоподобные элементы: есть воспроизводимость некоторых общих свойств (в первую очередь представлений о желаемом будущем, о социальной роли в будущем обществе), но ещё нет устойчивой качественной определённости социально-экономического положения, системы интересов, идеологии. Уместно называть такие специфические элементы переходной социальной структуры за неимением лучшего термина «группоподобными социальными слоями».

По меньшей мере пять основных типов переходного сознания сосуществуют сейчас в идеологии трудящихся. Попробуем соотнести эти типы сознания с социальными портретами их носителей, которых мы называли группоподобными слоями.

Поддерживая или отрицая те или иные реформы, выдвигая конкретные требования, трудящиеся самоопределяются в реформируемой России в отношении того, каким они видят своё положение в России послереформенной. Эти представления о своём будущем тяготеют в основном к одной из следующих социальных ролей: наёмные (лично свободные) эксплуатируемые работники; трудящиеся-сохозяева (совладельцы); самостоятельные хозяева-предприниматели; авангард трудящихся, осуществляющий преимущественное или исключительное право на власть и управление в обществе и в хозяйстве; живущие, как раньше.

Основные типы переходного сознания обозначились ещё до «шоковой терапии». В 1992 г. дифференциация идеологий по пяти главным направлениям стала более отчётливой. При этом, конечно, ту или иную организацию, того или иного человека, то или иное движение можно относить к носителям определённой идеологии с известной долей условности, поскольку в требованиях, программных документах, во взглядах и тактике лидеров организаций и движений есть много непоследовательного, нестрогого и даже противоречивого.

В идеологии и социальной практике **согласных на роль наёмных эксплуатируемых работников** борьба за освобождение от жестокой эксплуатации, произвола, насилия достигает лишь уровня борьбы за их смягчение по сравнению с прежним временем. Реальное начало движению рабочих за смягчение эксплуатации положили шахтёрские забастовки 1989 г. В 1990 г. оно обрело идейную платформу независимого профсоюзного движения. Важнейшую роль в таком самоопределении сыграло создание Независимого профсоюза горняков.

К началу «шоковой терапии» новые профсоюзы состояли в основном из рабочих. Наряду с шахтёрами, лётчиками главной ударной силой зарождающегося профсоюзного движения стали работники ряда ключевых отраслей, обслуживающие технологии с принудительным ритмом,— авиадиспетчеры, докеры, работники коммунального и железнодорожного транспорта. В других отраслях активизация рабочего движения носила очаговый характер, охватывала небольшое число рабочих.

Шахтёры, а затем и новое профсоюзное движение в целом долгое время не могли найти общий язык со сторонниками производственной демократии, самоуправления трудовых коллективов, коллективной собственности. Претензии шахтёров в области перераспределения прав собственности ограничивались требованиями дать коллективам возможность самостоятельно распоряжаться частью произведённого продукта.

В «шоковую терапию» авангард рабочего движения — шахтёры, новые наиболее «сильные» профсоюзы — вошёл, добившись несколько лучших исходных условий, в том числе более высокой оплаты труда, чем работники других отраслей. Это послужило, к сожалению, одной из причин «окукливания» шахтёрского движения, развития сепаратизма. В частности, руководство Независимого профсоюза горняков России и часть лидеров шахтёрских рабочих комитетов не поддержали весной 1992 г. борьбу за повышение заработной платы работникам непроизводственной сферы. Похоже, положено начало формирова-

нию российского аналога западной рабочей аристократии, для которой характерно использование достигнутых преимуществ как фактора разрушения, а не укрепления солидарности трудящихся.

Нарождающаяся в России рабочая аристократия усваивает корпоративные идеи, свойственные групповому сознанию (в частности, сильно влияние новых кооператоров), а не идеи классово солидарного сопротивления. Идеология отделения от остальных трудящихся, находящихся в сравнительно невыгодном положении, оформляется под девизами отделения от государства, создания систем экономической самозащиты. Продвижение по этому пути способно усилить защищённость лишь части трудящихся и только на начальном этапе — до следующего витка инфляции. Обязательства государства «исчезают», а социальный риск для основной массы трудящихся возрастает. Самый активный отряд трудящихся становится, таким образом, носителем идеологии, «не дотягивающей» до уровня идеологии рабочего класса. Разъединение трудящихся в борьбе за свои права и интересы помогает осуществлять «шоковую терапию».

Активное влияние на формирование идеологии согласных на роль наёмных эксплуатируемых работников пытается оказывать руководство подновлённого прежнего официального профсоюза (ФНПР). У истоков такой позиции лежат ложные опасения, что с переходом предприятий в собственность работников профсоюзы станут не нужны. Лозунг «рыночным ценам — рыночную зарплату», выдвинутый ФНПР в 1991 г., был весьма недальновидным. До рыночной зарплаты далеко, поскольку освоение трудящимися практики социального партнёрства находится в зачаточном состоянии. Не удаётся организовать эффективную массовую борьбу даже в защиту поддержания нынешнего нищенского уровня жизни, просто за выживание.

Носителем идеологии согласных на роль наёмных работников становится также научная и творческая интеллигенция. Уход государства из социокультурной сферы, резкое сокращение финансирования науки, ухудшение ус-

ловий для функционирования собственной фирмы, творческой мастерской и пр. способствуют освобождению интеллигенции, бывшей в плену либерализма, от иллюзий и смыканию её требований с требованиями рабочих — повышение зарплаты, обеспечение работой. «Отрезвление» интеллигенции, надо надеяться, сыграет позитивную роль в становлении собственной идеологии рабочего класса, поскольку без помощи профессиональной гуманитарной интеллигенции рабочие не могут поднять свою идеологию до уровня строго научных общественно-политических концепций.

Идеология **выбравших роль трудящихся-создавателей (совладельцев)** в наибольшей мере, чем другие типы нереакционного переходного сознания, противопоставлена либеральным реформам. Другое дело, что сторонники демократического самоуправления предприятий не смогли за три года инициировать широкое движение за реформу собственности, соответствующую их требованиям.

В формировании движения за самоуправление трудовых коллективов, за собственность работников, а затем и в создании союзов трудовых коллективов как его организационных структур главную роль сыграли производственная интеллигенция и отчасти рабочие, приобщившиеся к некоторым функциям управления на производстве в качестве членов советов трудовых коллективов. Малая результативность движения была обусловлена ставкой его формальных лидеров на борьбу в коридорах власти, на попытки включить свои предложения в проекты законов при помощи депутатов без организации широкой поддержки таких действий в трудовых коллективах. Другая причина слабости движения, а также его расколов в 1992 г. — отсутствие единства по вопросу о том, должен или не должен применяться выкуп при переходе предприятий в собственность занятых на них работников. Согласно схеме демократической реформы собственности, эта проблема решалась без труда. Статус полного хозяйственного ведения коллектива дал бы ему широчайшие права. Данная форма скорее всего стала бы устойчивой в силу её выгод-

ности и коллективу, и обществу (государству). Именно поэтому экономически оправданным и социально справедливым был бы механизм выкупа трудовыми коллективами предприятий при добровольном их переходе от государственной формы собственности к коллективной (да ещё с применением схем по типу аренды с выкупом). Однако начавшийся фактический захват предприятий номенклатурой и разбогатевшими дельцами постоянно подпитывал идею бесплатной передачи предприятий в собственность коллективов. Вместо последовательного отстаивания принципов демократической реформы собственности усилия активистов движения постепенно сконцентрировались на борьбе за бесплатное получение возможно большей доли собственности.

Такая «хвостистская» тактика, если оценивать её по большому счёту, привела к поражению движения. Коллективы не получили ни права на управление государственными предприятиями, ни реальной возможности выкупить предприятия в свою собственность. При этом производственники оказались в гораздо более выгодном положении при разделе государственного имущества, чем остальные трудящиеся. Разумеется, выгоды их положения не идут в сравнение с выгодами хозяйственной номенклатуры, торгово-финансового капитала и коррумпированных властей.

В новом профсоюзном движении поначалу весьма настороженно относились к идее полного хозяйственного ведения трудовых коллективов из-за опасения, что полномочия собственников перейдут на деле к советам трудовых коллективов, а не к самим трудовым коллективам. Опасения имели основания, в частности, и потому, что активисты союзов трудовых коллективов часто «путали» права трудовых коллективов с правами их советов. И тем не менее в конце 1991 г. требование использовать механизм полного хозяйственного ведения трудовых коллективов для добровольного выбора формы собственности было поддержано самыми разными организациями трудящихся — Независимым профсоюзом горняков России, Но-

вым профсоюзом лётчиков, рабочими, находящимися в сфере влияния «Трудовой России», ФНПР.

Главная бомба, которую заложили либералы под единство трудящихся в отстаивании их права на власть в хозяйстве, — концепция создания так называемых равных стартовых возможностей. Производственная интеллигенция из советов трудовых коллективов не разглядела (за редким исключением), что добровольность смены формы собственности и применение приватизационных чеков не совместимы в рамках одной и той же реформы. Открытое акционирование исключило из доступного трудовым коллективам выбора все коллективные, в том числе неэксплуататорские формы собственности. Согласие на ваучеризацию было со стороны активистов движения — лидеров союзов трудовых коллективов — нарушением принципа солидарности. Они ещё до 1992 г. понимали, что законодатели предложили им компромисс сначала в виде льготной цены акций и возможности получить часть активов предприятий безвозмездно, а затем в виде бесплатно передаваемой части акций. Принятие этого компромисса означало фактическое предательство по отношению к остальному населению, усилиями которого также создавалось разделяемое ныне национальное богатство. Ваучер оказался пригодным как для демагогии властей, так и для успокоения совести активистов движения — лидеров союзов трудовых коллективов. Показательно, что после всех усилий реформаторов, направленных на разъединение трудовых коллективов, начинают возникать местные инициативы и механизмы, которые позволяют работникам предприятий объединить доставшиеся им акции в единый пакет.

Желающие стать самостоятельными хозяевами-предпринимателями, в том числе рассчитывающие в перспективе жить за счёт дохода от собственности. Это — кандидаты в мелкую и среднюю буржуазию, начинающие свой путь с создания мелких предприятий, основанных на собственном труде (индивидуальном или кооперированном), или со спекуляции. К ним от-

носятся фермеры, кустари, ремесленники, торговцы вразнос, мелкие спекулянты. Их устремления — сколотить устойчивое состояние, принанять работников и чем дальше, тем больше строить своё благосостояние на доходе от собственности (на эксплуатации).

В этом слое населения особенно много молодежи, верящей в свою счастливую звезду, в обещания президента и правительства. Нескрываемая ставка в их деятельности — на бесконтрольность, бездействие законов, аморализм периода первоначального накопления капитала. Данная часть трудящихся постоянно получает идеологическую подпитку от официальной пропаганды и в то же время шаг за шагом поляризуется. Многие прекращают дело или переходят на службу к мафиозным структурам.

Процветать указанная группа может только в период «шоковой терапии». Завершение первоначального накопления капитала поставит крест на всех достижениях и мечтах этого нового среднего класса.

Мнящие себя авангардом трудящихся с преимущественным или исключительным правом на власть и управление в обществе и в хозяйстве. Это экстремистский тип переходного сознания. Он выражается в требованиях передать всю полноту власти только рабочим от станка, которые могли бы «использовать для общего дела» интеллигенцию и прочих. Данный тип сознания возник как воплощение в жизни демагогической сталинистской вульгаризации известного Марксова положения о ведущей роли пролетариата в революции. Смысл вульгаризации — подмена идеи народовластия, народной демократии идеей власти исключительно рабочих, диктата рабочих, а на практике — властью номенклатуры, осуществляемой через рабочих.

В годы перестройки первый пик развития идеологии самозванного авангарда наблюдался, когда партийная номенклатура усиленно инициировала и всесторонне поддерживала Объединенный фронт трудящихся и подобные ему организации. В трудовой массе ОФТ не находил большой поддержки, а во время выборов 1990 г. экстре-

мисты слева получили повсеместно от 7 до 12% голосов. Падение империи и КПСС заставило идеологов самозванного авангарда сбавить тон. Однако начавшаяся «шоковая терапия» дала им шансы на поддержку масс. К экстремистам стали теперь прислушиваться те, чьё экономическое положение ухудшилось, а перспективы пошатнулись. При отсутствии широкого демократического рабочего движения, обладающего собственной идеологией, самозванный авангард привлекает в свои сети недовольных и обрабатывает их в духе экстремизма. Идеологами самозванного авангарда выступают, как правило, не рабочие, а ярые апологеты прежней системы — реакционные учёные и люмпен-интеллигенты.

Мечтающие о возврате к прошлому (утописты-консерваторы). Данный тип сознания трудящихся, строго говоря, не связан с переходом, с активным устремлением в будущее, с поиском своего места в нём. Это — пассивное обывательское сознание, готовое приветствовать любое улучшение своего нынешнего положения, но в принципе не способное выработать самостоятельную программу такого улучшения. Поэтому за образец берётся утраченное лучшее, чем ныне, материальное положение. Круг интересов сужен до материального положения семьи и обеспечения его устойчивости. Носители утопически-консервативного типа сознания происходят из разных каст старого общества, оказавшихся в новом обществе и особенно в условиях «шоковой терапии» в беззащитном положении.

Персональные изменения в правительстве во время и после VII Съезда народных депутатов РФ не привели к сколько-нибудь заметной перемене социально-экономического курса, к отказу от методов «шоковой терапии». Продолжающееся падение уровня жизни трудящихся, ухудшение условий занятости, усиление чувства неуверенности, незащищённости могут привести в конце концов к стихийным социальным взрывам. Но ещё более опасна люмпенизация населения, ведущая к его отказу от ценностей демократии, а следовательно, к возникно-

вению широкой социальной базы диктатуры любого толка вплоть до открыто фашистской. В то же время «шоковая терапия», ускоряя процесс классовообразования капиталистического типа, способствует становлению собственных идеологий трудящихся, самостоятельной идеологии рабочего класса. Тем самым она приближает время массового организованного сопротивления, эффективной экономической и политической борьбы трудящихся за свои права и интересы.

Печатается по тексту публикации в журнале «Вопросы экономики» 1993. № 4. Стр. 64-76.

ЗАЩИТА ИНТЕРЕСОВ ТРУДЯЩИХСЯ ПРИ РЕФОРМЕ СОБСТВЕННОСТИ

Смысл реформ, которые правительство России с одобрения Верховного Совета начало проводить с 1992 г., — подвести социальную базу под новую власть в России. Такой базой нынешнее руководство России считает частных предпринимателей. В стране идёт лихорадочное растаскивание народного достояния. Попытки представить этот ажиотаж как народную приватизацию провалились, так как трудящимся в конце концов достаётся лишь меньшая часть богатств и практически совсем не достаётся власти в хозяйстве. Происходит ускоренное создание крупных частных состояний за счёт понижения уровня жизни трудящихся, ухудшения их общего социально-экономического положения даже по сравнению с тем, что было при тоталитарном режиме.

Положение предприятий в обществе также претерпевает существенные перемены. Государство провозгласило свой уход из экономики. Оно стремится снять с себя функции общехозяйственного управления и защиты предприятий от хозяйственных рисков. Такой уход государства из экономики (разгосударствление) был бы оправдан, если бы он отвечал интересам повышения эффективности производства и роста благосостояния населения. Но и в этом случае разгосударствление должно было бы происходить на демократических началах. В России же оно осуществляется вовсе не демократически.

Принципиальные позиции

В процессе изменения прежней формы собственности трудовые коллективы не играют решающей роли. Выбор формы собственности не был и в настоящее время не является для них свободным. А именно в свободе выбора

трудовыми коллективами подходящей им формы собственности и заключается демократичность реформы предприятий. Риск реформирования предприятий правительство не доверило трудовым коллективам, оно стало само определять, какая форма собственности должна быть у предприятия. Предпочтение отдано частной капиталистической собственности, и тем самым приватизация оказывается всего лишь принудительным лейтмотивом реформы. Коллективам не предоставлена возможность выбирать между частной, коллективной и государственной собственностью. Общественная собственность вообще исключается правительством из числа возможных в перспективе, в том числе и при помощи ваучеризации. Усилия организаторов реформы в экономической области, в социальной сфере, в области изменения законодательства направлены на то, чтобы в России преобладали формы хозяйствования, основанные на частной собственности и эксплуатации наёмного труда.

Исторический опыт и современная зарубежная практика свидетельствуют, что существование односекторной (одноукладной) экономики невозможно. Сейчас у нас одновременно возникают и соперничают разные хозяйственные формы. Их намного больше, чем было раньше и будет после завершения переходного периода, когда один из укладов утвердится в качестве основного. Однако конкретные особенности хозяйственных форм, количественные пропорции между укладами и между разными формами хозяйствования в рамках каждого уклада не должны и не могут быть результатом решений руководящих органов, если, конечно, хозяйственная власть базируется не на принципах диктатуры. Никакие априорные расчёты экономической эффективности не являются аргументом в пользу тех или иных форм собственности и хозяйствования. Не играет определяющей роли и реальная конкуренция между предприятиями, хотя она — важный фактор утверждения жизнеспособных хозяйственных форм. Особенности и масштабы распространения различных форм собственности и хозяйствования формируются под ре-

шающим воздействием борьбы трудящихся за улучшение своих позиций на производстве, отражая фактическое соотношение социальных сил в каждой конкретно-исторической ситуации.

Нередко приходится слышать, в том числе от активистов как новых, так и старых профсоюзов, что рабочие в России живут скверно из-за отсутствия настоящего социального партнёра — частного собственника. Вот, дескать, придёт настоящий хозяин, наладит производство, тогда и рабочие заживут хорошо. Ведь частный хозяин, считают такие "защитники" трудящихся, не заинтересован в том, чтобы рабочие бастовали. Поэтому с ним легче договориться о хорошей зарплате, нормальных условиях труда и пр., чем с нынешним начальством. По этой логике получается, что чуть ли не главная забота трудящихся и профсоюзов — найти дельных частных хозяев и добиваться перехода предприятий в их собственность.

В действительности же более высокий, чем у нас, уровень жизни трудящихся и более развитая система их социальной защиты в ряде стран являются не результатом добровольных уступок господствующего класса-"партнёра", а именно *завоеваниями* рабочего и профсоюзного движения. Этот бесспорный факт всё ещё не осознан в полной мере. Но именно он должен стать стимулом активной, целенаправленной борьбы профессиональных и иных организаций трудящихся за отвоёвывание сейчас, на начальных этапах реформы, возможно более благоприятных для трудящихся позиций и в области распределения прав на имущество предприятий, на доходы, и в области распределения хозяйственной власти.

Собственность — это не только право, возможность владеть и распоряжаться имуществом, получать доход от его использования. Собственность — прежде всего власть, которая реализуется в праве собственника (субъекта собственности) на управление хозяйством, на распоряжение результатами его функционирования и возлагает на собственника ответственность за них. К кому переходит власть на производстве, кто становится субъектом хозяй-

ственной власти — вот чем определяется социальный смысл реформы предприятий. Но именно вопрос о распределении хозяйственной власти идеологи и организаторы реформ в России стараются всячески затушевать. Население пытаются убедить, что владение несколькими акциями или ваучер, сданный в инвестиционный фонд, делают человека собственником. Одна-две акции, пусть и голосующие, не дают реального доступа к управлению предприятием, не обеспечивают сколько-нибудь заметного влияния на процесс принятия решений, не определяют социально-экономическое положение человека и его семьи. Необходимым и главным источником средств существования для таких "акционеров" остаётся трудовое участие в производстве. Подобные владельцы акций являются по основным признакам своего социально-экономического положения *трудящимися*, а отнюдь не собственниками.

Три дороги в будущее. В настоящее время обозначались три главные тенденции в преобразовании форм собственности предприятий. Одна тенденция — переход фактической власти на предприятиях (собственности) от номенклатурной хозяйственной администрации к частному индивидуальному и частному групповому капиталу. В ходе такого реформирования становится явным и законным то, что существовало и раньше, но всячески скрывалось, — эксплуатация трудящихся как следствие их отчуждения от власти, управления и права распоряжаться произведённым продуктом.

Этой тенденции соответствуют те новые формы хозяйствования, в которых право на участие в управлении предприятием и на долю в его прибыли связывается лишь с имущественными отношениями и долей в капитале. При этом частный капитал стремится снять с себя ответственность за социально-экономическое положение наёмных работников и переложить её целиком либо на плечи государства, либо на плечи самих работников.

Вторая тенденция — преобразование власти в хозяйстве в собственность государственно-капиталистиче-

ского типа. Здесь также легализуются и узакониваются прежние отношения эксплуатации, отчуждения трудящихся от власти и управления.

Данной тенденции соответствуют все формы хозяйствования, в которых право на управление закрепляется за полномочными представителями государственных структур. Сюда относится и практика делегирования управленческих прав и функций руководителям предприятий, которые выполняют роль доверенных лиц государства, государственных органов.

Третья тенденция — переход власти на предприятиях от государственной и хозяйственной номенклатуры к трудящимся. На этой основе могут формироваться и формируются неэксплуататорские социализированные формы собственности и хозяйствования, при которых обеспечивается реальный доступ всех членов трудового коллектива (или его полномочных и подконтрольных ему представителей) к управлению производством, к распоряжению результатами труда.

В наибольшей мере неэксплуататорскому характеру собственности отвечает принцип "кто работает, тот и управляет", а также принцип распределения заработанного коллективом общего дохода пропорционально трудовому вкладу работников, а не по доле в капитале (по акциям и т.п.).

Неэксплуататорский, социализированный характер собственности может быть присущ как государственному, так и негосударственному секторам. Работники, занятые на предприятиях с таким типом собственности, являются трудящимися, поскольку источник средств их существования — собственный труд. Но их социально-экономическое положение существенно иное, чем положение наёмных работников частнокапиталистических и государственно-капиталистических предприятий. Они — трудящиеся-совладельцы, сохозяева своих предприятий.

Ориентеры и тактика самозащиты. Наличие разных тенденций в реформировании предприятий ставит перед рабочим и профсоюзным движением задачу выра-

ботки конкретной, не терпящей шаблона тактики, учитывающей как возможность влиять на характер формы собственности, так и необходимость специфических методов защиты прав, свобод и интересов трудящихся, когда характер новой социальной формы предприятия уже определился.

Следует отметить, что в России сейчас нет ни одной массовой политической организации, которая на деле, а не только на словах ориентировалась бы на интересы трудящихся. Провозгласившее себя неполитическим движение за реализацию интересов и прав трудовых коллективов в реформе собственности, которое пытались инициировать активисты ряда советов трудовых коллективов с середины 1990 г., не стало массовым и действенным, не смогло добиться значительных успехов в решении первоначально выдвинутых задач. Старые профсоюзы на большинстве предприятий также не выполняют роль организаторов сопротивления недемократическим и антирабочим акциям хозяйственной и государственной администрации. Новые профсоюзы на предприятиях — пока исключение, они ещё, как правило, малочисленны, их деятельность не стала решающим фактором противодействия принудительному изменению хозяйственных форм. Тем не менее именно профсоюзная форма объединения трудящихся может и должна сыграть главную роль в организации их противостояния ущемлению своих интересов со стороны новой государственной власти, новых хозяев производства. Деятельность политических организаций (партий, рабочих комитетов и др.) на предприятиях сейчас затруднена или запрещена. К тому же основная масса работников, и в первую очередь рабочие, не очень-то склонны идти в нынешние или создавать новые политические партии. Профсоюзы являются в этих условиях необходимой, наиболее доступной и наиболее понятной для трудящихся формой их самоорганизации и самозащиты.

Главная цель борьбы трудящихся, их профсоюзов применительно к частнокапиталистическому сектору — добиваться гарантий устойчивого, достойного социально-эко-

номического положения трудящихся (нормального уровня оплаты труда, занятости и пр.), создания эффективной защиты наёмных работников от социальных рисков, порожаемых рыночно-конкурентной экономикой как в масштабах общества, так и на самих предприятиях. Особенно актуальной, на наш взгляд, станет в ближайшее время задача создания или сохранения профсоюзов на частных предприятиях.

В области преобразования государственных форм хозяйствования профсоюзам следовало бы настаивать на праве трудящихся играть реальную роль в управлении предприятиями государственного сектора вплоть до перехода предприятий в управление (в полное хозяйственное ведение) трудовых коллективов. Одновременно стоит та же, что и в частнокапиталистическом секторе, задача борьбы за гарантии устойчивого, достойного социально-экономического положения трудящихся.

Борьба за становление неэксплуататорских, социализированных форм хозяйствования, за упрочение их позиций также должна стать одним из главных направлений деятельности профсоюзов. При этом на приватизируемых предприятиях профсоюзам надо отстаивать право трудящихся на собственность в производстве, выступать за максимальное участие работников в выполнении функций власти и управления на предприятиях, активизировать эту борьбу, быть её инициатором и организатором там, где она не ведётся. Занять заметное и тем более преобладающее место в экономике неэксплуататорские, социализированные формы собственности могут только при последовательно демократическом характере государственной власти. Этим и определяется связь чисто профсоюзной деятельности с политической, борьба профсоюзов за эффективное представительство трудящихся во властных государственных структурах, за государственную поддержку процесса становления социализированных форм собственности.

Абсолютно неверно, а для будущего существующих ныне профсоюзов как организаций трудящихся даже опас-

но расхожее утверждение, будто предмет заботы профсоюзов — условия трудовой жизнедеятельности лишь наёмных работников, а собственникам профсоюзы не нужны. На этом основании отрицается, что профсоюзы необходимы работникам коллективных предприятий и работникам, получившим при приватизации часть акций своих предприятий. Согласиться с этим — значит, во-первых, неправомерно сузить социальную базу и деятельность профсоюзов и, во-вторых, превратить существующие профсоюзы в фактических противников перехода предприятий в собственность работников, то есть по большому счёту сделать их помощниками и даже пособниками проведения реформ в интересах капитала, а не труда. Трудящимся предстоит осознать необходимость профсоюзных организаций на предприятиях с собственностью работников, на коллективных предприятиях и овладеть практическими навыками по налаживанию работы профсоюзов на них. Важнейшие характеристики и условия трудовой жизнедеятельности человека (уровень трудового дохода, условия труда, степень устойчивости занятости и пр.) при прочих равных обстоятельствах в решающей мере зависят от его профессии и квалификации. Именно отсюда проистекает общность социально-профессиональных интересов работников и первоочередных задач по их защите, а следовательно, и необходимость профессиональных объединений трудящихся при любых типах собственности и формах хозяйствования.

На коллективных и на государственных предприятиях с самоуправлением трудового коллектива возникнет проблема, как защитить права и интересы всех и каждого работника социально-профессиональной группы при неизбежном формировании и действии на таких предприятиях коллективной юрисдикции и коллективной морали. Произвол, деспотизм коллектива по отношению к работникам тех или иных профессий, нарушение и подавление законных прав и интересов личности в угоду коллективно-корпоративным интересам или же в угоду интересам каких-либо групп, обособившихся в рамках коллектива,

вполне способны заменить собой деспотизм тоталитарного государства и даже превзойти его. Защита трудящихся от деспотизма коллективов при опоре на Конституцию, законы и судебную власть — поле деятельности именно профсоюзов, и они должны быть готовы к этому.

Сейчас часто приходится сталкиваться с путаницей в вопросе о том, нужен ли коллективный договор при самоуправлении трудового коллектива. Каковы тогда стороны, субъекты договора в случае, если администрация подписывает контракт с коллективом? Кто здесь является работодателем? Между тем ответы на подобные вопросы не так уж сложны.

Коллективный договор на государственных предприятиях с самоуправлением трудового коллектива и на коллективных предприятиях, безусловно, нужен. И переговоры по его заключению могут носить ещё более содержательный характер, чем на предприятиях других форм собственности. Функцию работодателя на предприятиях социализированных форм собственности выполняет по поручению коллектива непосредственно администрация. И в этом отношении структура (схема) переговоров полностью схожа с таковой на предприятиях частных и государственно-капиталистических. Переговоры могут быть двух типов: между администрацией и трудовым коллективом; между администрацией и профсоюзами.

При переговорах администрации с коллективом сторонами являются представители администрации и орган, которому коллектив поручает вести переговоры. На социализированных предприятиях обе стороны выполняют поручение трудового коллектива. Но в задачу администрации входит обеспечение реалистического учёта производственно-хозяйственных аспектов деятельности коллектива, проблем и перспектив предприятия на рынке, в том числе учёт необходимости экономически целесообразных инвестиций. В задачу же органа, уполномоченного коллективом для переговоров с администрацией, входит отстаивание социально-экономических интересов трудящихся, причём не только их интересов как работников, но

и собственнических (например, достижение договоренности о размере и формах участия в прибыли предприятия, о конкретных способах осуществления коллективом своих полномочий собственника в области управления предприятием, о распределении управленческих функций между выборными органами коллектива и администрацией), семейно-бытовых интересов и пр.

При переговорах администрации с профсоюзами сторонами являются администрация, представляющая на социализированных предприятиях трудовой коллектив в целом, и профсоюз (профсоюзы), представляющий свою социально-профессиональную группу.

Сейчас трудно предугадать, какие конкретные организационные формы профсоюзов окажутся наиболее жизнеспособными и эффективными при самоуправлении трудовых коллективов на государственных предприятиях и на предприятиях с коллективной собственностью. Вполне вероятно, что здесь придётся защищать социально-профессиональные интересы работников (уровень оплаты труда, требования к условиям труда, к режиму рабочего времени и пр.), опираясь в первую очередь на региональные, отраслевые и общенациональные профсоюзы. Но сейчас, когда реформа предприятий ещё не завершена, трудящиеся, объединившись в пределах предприятий в действительно независимые от администрации профсоюзы, могли бы солидарно выдвигать свои требования. Нормы российского законодательства и международные нормы дают достаточно широкие права профсоюзам, открывают перед ними целый спектр возможностей, которые следует использовать в интересах трудящихся в полной мере.

Когда собственность государственная

Даже самые ярые сторонники крупномасштабной ускоренной приватизации признают, что она не может быть всеохватывающей, что часть предприятий, по крайней мере в обозримый период, останется в государственной собственности.

Если реформирование хозяйства будет идти в направлении перехода к рынку и демократизации экономических отношений, то способы управления государственными предприятиями должны претерпеть существенные изменения. Между тем формирование нового социального облика государственных предприятий наталкивается сегодня на тенденции, противодействующие их преобразованию в демократически самоуправляемые и самостоятельные звенья рыночного хозяйства.

Показательна в этом отношении идеология правительственной Программы углубления экономических реформ (июль 1992 г.). Отрицается, по существу, сама возможность формирования полноценного уклада товаропроизводителей на основе государственной формы собственности, а также правомерность полноценного участия работников в управлении государственными предприятиями. Программа допускает существование двух типов (двух категорий) государственных предприятий. Однако организация руководства предприятиями, отнесёнными к первой категории, мыслится как слегка модифицированное старое командование со стороны государственных органов, без перехода на рыночные начала во взаимоотношения предприятий с государством-заказчиком. А предприятия второй категории, работу которых предполагается строить на принципах полного коммерческого расчёта, останутся, как следует из упомянутой Программы, государственными лишь до поры до времени. При этом осуществление всех функций управления такими предприятиями, "пока они не будут проданы другим владельцам", задумано возложить на государственные органы, уполномоченные ими фонды, а также на Наблюдательные советы и Правления (дирекции), назначаемые государственными органами. Роль трудовых коллективов в управлении ограничивается их представительством в Наблюдательных советах, причём нетрудно догадаться, что в этих советах трудящиеся не будут иметь большинства голосов.

Какие представления и требования могут быть противопоставлены недемократической организации государ-

ственного сектора и усилиям по его изживанию как уклада рыночной экономики? Рассматривая эти вопросы, мы остановимся на двух элементах реформы государственных предприятий, к которым рабочее и профсоюзное движение должно, на наш взгляд, в первую очередь определить своё отношение, выработать собственные подходы.

Отношения государственного предприятия с государством. Функция государства в руководстве предприятиями заключается прежде всего в выработке и закреплении законами общих, действующих во всём хозяйстве норм и правил функционирования предприятий. Такие нормы и правила хозяйствования содержательно определяют права предприятий, их свободы и обязанности⁴⁶. Все конкретные формы взаимоотношений предприятия с государством должны регулироваться договором предприятия с соответствующим государственным органом, а не односторонними решениями, запретами или разрешениями вышестоящего "начальства".

В старой системе действовали не законы, а практика командования партийных органов через государственные и партийные структуры. Именно эти общие условия деятельности предприятий должны уйти в прошлое, уступить место демократическим законам и договорным отношениям.

В рыночной экономике, опирающейся на правовое демократическое государство, государственные предприятия могут и должны стать полноправными товаропроизводителями, самостоятельными звеньями хозяйства. Такая хозяйственная самостоятельность обозначалась раньше термином "полный хозрасчёт". Теперь говорят в этом же смысле о самоуправлении государственного предпри-

ятия, но чаще используется введённый юристами термин "полное хозяйственное ведение". Государство, оставаясь собственником, то есть субъектом хозяйственной власти, делегирует предприятию, функционирующему на праве полного хозяйственного ведения, часть функций и полномочий собственника. При этом за государством должны оставаться лишь такие полномочия и функции, выполнение которых необходимо и достаточно для решения следующих задач: обеспечения сохранности и прироста государственного имущества как общественного достояния; воздействия государства в случае необходимости на рыночную конъюнктуру; регулирования процесса формирования общественных потребностей и удовлетворения потребностей, приоритетных с точки зрения государства (общества).

Подчинённость функционирования государственного предприятия перечисленным задачам должна обеспечиваться на основе норм и правил хозяйствования:

- задающих производственный профиль предприятия, направленность его изменения;

- определяющих величину прироста уставного фонда, который передан предприятию. При этом предельные нормативы накопления подлежат законодательному регулированию, а конкретный норматив для каждого предприятия может определяться в договоре предприятия с соответствующим государственным органом;

- способствующих реализации права государства на размещение своих заказов, соответствующих профилю предприятия. При этом должна соблюдаться общественно нормальная выгодность государственных заказов для предприятий. Конкретный механизм реализации этого принципа также должен быть предметом договора;

- обеспечивающих полноту ответственности предприятия за результаты хозяйствования, в том числе и в форме банкротства⁴⁷.

⁴⁷ В этой схеме не отражены особенности норм и правил хозяйствования для государственных товаропроизводи-

⁴⁶ Начиная с конца 1991 г. президент Российской Федерации обладал особыми полномочиями, и многие вопросы экономической реформы регулировались не Конституцией и законами, а указами президента. В период с 21 сентября по 12 декабря 1993 г. в Российской Федерации не было федеральной законодательной власти, однако законы страны, а формально и Конституция продолжали действовать.

Изложенное понимание принципа полного хозяйственного ведения не является общепринятым. Однако оно соответствует задаче превращения государственных предприятий в полноценных субъектов рынка.

Настаивающие на вмешательстве государства в процесс оперативного руководства государственными предприятиями (в том числе при помощи включения государственных чиновников в состав руководящих органов предприятий) вольно или невольно смешивают два понятия: государство и государственный орган (государственный аппарат). А это, конечно, не одно и то же. Государство может быть правовым, демократическим. Непременный атрибут такого государства — приоритет законов, в которых фиксируются общегосударственные интересы (интересы общества в целом) и которые ограничивают действия исполнительной власти, государственного аппарата. В недемократическом государстве исполнительная власть принимает решения не на основе законов, защищающих равноправие и свободы граждан, а по собственному усмотрению. Она исходит при этом преимущественно из групповых, а не общегосударственных интересов. Такую исполнительную власть обычно называют бюрократической, хотя речь идёт скорее о произволе, диктатуре.

Государственный орган, чиновник, который руководит текущей деятельностью предприятия в отсутствие демократических законов или пренебрегая ими, не имеют права выступать от имени государства. Включаясь в непосредственное управление предприятием, чиновник, как правило, проводит в жизнь интересы группы, руководящей данной отраслью или данным производством. Это ведёт не к развитию рынка и конкуренции, а к монополизму и коррупции.

Концепция формирования полноценного, экономически эффективного уклада товаропроизводителей на ос-

телей, оказывающих бесплатные или льготные услуги (государственных учреждений здравоохранения, просвещения, образования и пр.).

нове государственной формы собственности альтернативна официальной. Она может послужить рабочему и профсоюзному движению опорой для действий в следующих направлениях: во-первых, чтобы противостоять демагогии, оправдывающей кампанию принудительной крупномасштабной приватизации — ведь все доводы её организаторов, направленные против государственной собственности, сводятся к тому, что рынок и эффективное хозяйствование могут якобы существовать только при частной собственности.

И, во-вторых, не допускать ущемления прав государственных предприятий как самостоятельных звеньев хозяйства. Провозглашённый до начала "шоковых" реформ принцип равноправия всех форм собственности был отброшен в ходе ускоренной приватизации. Нормативные акты и практическая хозяйственная политика нацелены на создание финансовых и иных преимуществ для приватизируемых предприятий, для частной формы собственности. Другими словами, буржуазная по своему характеру государственная власть отходит от демократических начал в организации хозяйственных отношений, не проявляет себя как власть буржуазно-демократическая. Трудящиеся заинтересованы, разумеется, в повышении эффективности хозяйства как необходимой предпосылки роста благосостояния, но не ценой отхода от демократии, от законности, не ценой углубления неравноправия.

Выступая против ущемления прав предприятий государственной формы собственности, рабочему и профсоюзному движению не следует поддерживать хозяйственную администрацию, когда она требует переложения всей полноты ответственности за результаты хозяйствования государственных предприятий на государство. Психология иждивенчества, понятная и более чем оправданная в условиях командно-карательного управления хозяйством, сегодня опасна тем, что помогает вытеснению государственного сектора. Она даёт основания говорить, что государственные предприятия всегда будут висеть тяже-

лым грузом на шее налогоплательщиков, так и останутся обузой для бюджета. Тем самым общественное мнение склоняют к тому, чтобы поддержать приватизацию предприятий, не считаясь с позицией и интересами конкретных трудовых коллективов. В рыночной экономике, опирающейся на защиту законом равноправия всех хозяйственных форм, государственное предприятие не может рассчитывать на особую финансовую поддержку государства только потому, что оно государственное.

При последовательном проведении демократических принципов в хозяйстве трудящиеся должны получить право участвовать в управлении государственным предприятием и в прибыли независимо от того, есть ли у них доля в капитале предприятия. Вот почему для трудовых коллективов так важно добровольно сохранить государственную форму собственности: за участие в управлении и в прибыли здесь не придётся платить (приобретать акции, выкупать предприятие) и вести тяжелую борьбу с частным собственником-капиталистом.

Отношения трудового коллектива с администрацией. Выше мы говорили о хозяйственной самостоятельности (полном хозяйственном ведении) применительно к предприятию как единому целому. Но предприятие — это институт, через который реально могут действовать различные субъекты.

В старой тоталитарной системе представителем государства на предприятии была администрация во главе с директором плюс, конечно, партийный комитет. Права государства как собственника не делегировались партийно-хозяйственной администрации. Она была просто составной частью партийно-государственного аппарата, элементом единой машины, осуществлявшей управление на командно-карательных принципах. Рассуждая по аналогии, можно сказать, что рабовладелец не делегирует надсмотрщику свои права собственника раба. В тоталитарной системе администрация предприятия есть один из приводных ремней осуществления хозяйственной власти высшей кастой управляющих, правящих.

В переходной экономике происходит расслоение функций и прав собственника. В одном из вариантов этого расслоения функции собственника в объёме прав полного хозяйственного ведения делегируются непосредственно руководителям (директорам) предприятий. Представителем государства на предприятии выступает его руководитель (директор), а права предприятия как самостоятельного звена хозяйства становятся по преимуществу правами его руководителя. Форма заключения контракта директора с вышестоящим государственным органом в наибольшей мере соответствует этому варианту расслоения функций государства-собственника⁴⁸.

В рассматриваемом варианте руководитель предприятия по форме является наёмным государственным служащим. А на деле он — доверенное лицо государства, государственных органов и, строго говоря, не является членом трудового коллектива. Все другие работники предприятия по мере развития рыночных механизмов и утверждения прав и свобод личности становятся наёмными у государства. В этом разведении работников и руководителей по разные стороны отношения к власти в хозяйстве проявляется начало государственно-капиталистической организации хозяйства. Администрация становится причастной к власти, а работник не только фактически, но и формально, то есть окончательно, оказывается отчуждённым от власти.

В социальном плане передача государством предприятия в доверительное управление (траст) кому-либо, помимо трудового коллектива, аналогична описанному выше варианту.

Другой вариант расслоения функций собственника — делегирование функций в объёме прав полного хозяйственного ведения трудовым коллективам. Такая возможность

⁴⁸ *Предприятия, отнесённые Программой углубления экономических реформ ко второй категории (корпоратизированные), близки к такому типу предприятий, но обладают меньшими, чем они, правами.*

предусмотрена действующим пока ещё Законом РСФСР "О предприятиях и предпринимательской деятельности", хотя и не гарантируется им. Представителем государства (всего общества) на предприятии в этом случае является сам трудовой коллектив, а права предприятия как самостоятельного звена хозяйства становятся по преимуществу правами трудового коллектива. Такому варианту расслоения функций собственника в наибольшей мере соответствует заключение контракта между руководителем предприятия и трудовым коллективом. Руководитель становится полноправным членом трудового коллектива и нанимается им, как и каждый работник предприятия.

Заметим, что предусмотренное Законом РСФСР "О предприятиях и предпринимательской деятельности" участие коллектива в найме руководителя предприятия, в определении условий контракта с ним — это особенность неустоявшейся, переходной формы, которая на практике редко реализуется и замещается механизмами отстранения или формального участия трудовых коллективов в осуществлении данных функций.

Переход предприятий в полное хозяйственное ведение трудовых коллективов открывает возможность становления и функционирования последних как субъектов демократического производственного самоуправления. Коллектив, работающий на основе полного хозяйственного ведения, формирует органы коллективного самоуправления, которые принимают окончательные решения (в рамках законов) по всем ключевым вопросам организации предприятия и его хозяйственной политики. Права и обязанности руководителя оговариваются в заключаемом с ним контракте. Контракт защищает руководителя от произвола не только государственных структур, но и коллектива, если в нём оговорены права и обязательства коллектива по отношению к руководителю. Конфликты, связанные с невыполнением договора одной из сторон, разрешаются в судебном порядке.

Оба варианта расслоения функций собственника приводят к тому, что старый субъект собственности — го-

сударство — существенно трансформируется. Меняется сам тип, содержание власти. Второй вариант несёт в себе возможность развития власти в хозяйстве по типу народно-демократической. Однако для реализации этих потенциалов нужен ещё ряд условий, в частности, блокировка механизмов, способных заменить деспотизм тоталитарного государства деспотизмом коллектива, подавлением личности в угоду корпоративным интересам.

В отстаивании и защите производственной демократии на государственных предприятиях у рабочего и профсоюзного движения, у советов трудовых коллективов, рабочих и стачечных комитетов одни и те же цели, единое поле борьбы. Успех её решает договорённость о координации действий всех организаций трудящихся, а не споры о том, кто именно должен бороться.

Интересы трудящихся требуют, чтобы законы гарантировали коллективу право выбрать конкретную форму полного хозяйственного ведения — "директорское" самоуправление или же самоуправление трудового коллектива. В случае выбора "директорского" самоуправления трудовой коллектив, профсоюзы должны получить законное право на реальное участие в управлении. Причём в законе следует оговорить минимальный круг управленческих функций трудящихся, а также порядок, в соответствии с которым отраслевые соглашения и коллективные договоры могут устанавливать более широкий круг таких функций, а также конкретные организационные формы участия трудящихся в управлении. Стоит напомнить, что Закон СССР "О государственном предприятии (объединении)" от 30 июня. 1987 г. давал довольно широкие полномочия трудовому коллективу и его выборному органу — совету трудового коллектива. Поэтому, возможно, имеет смысл добиваться восстановления ряда норм данного закона.

Распространенная сейчас пропаганда зарубежного опыта нацелена главным образом на то, чтобы убедить российских трудящихся в необоснованности их претензий на участие в управлении государственными и частнокапи-

талистическими предприятиями. Однако правда состоит в том, что зарубежный опыт даёт нам немало примеров участия трудящихся в управлении частными предприятиями. Желание трудовых коллективов участвовать в управлении государственными предприятиями следует считать ещё более обоснованным, если, конечно, руководствоваться при этом демократическими принципами, интересами трудящихся, интересами повышения эффективности производства.

Степень соответствия новых форм хозяйствования интересам самих трудящихся зависит от того, какие задачи поставит перед собой рабочее и профсоюзное движение и насколько последовательно и солидарно будет оно отстаивать свои требования. Имеет смысл напомнить, что возникшее в 1990 г. движение активистов трудовых коллективов за производственную демократию в государственном секторе, оформившееся в Союз трудовых коллективов, не дало реальных результатов как вследствие изменения первоначально выдвинутых требований в сторону уступок сторонникам принудительной приватизации, так и из-за отсутствия должного понимания и поддержки со стороны старых и новых профсоюзов.

В настоящее время позиции разных организаций трудящихся, новых и старых профсоюзов по вопросам реформы предприятий существенно различаются. Многие активисты новых профсоюзов связывают свои надежды на улучшение положения работников только с приватизацией. Такие представления навязываются официальной буржуазной идеологией, которая воздействует на характер требований рабочего движения. Профсоюзы, составляющие ФНПР, также не свободны от влияния нерабочей идеологии. На наш взгляд, преодоление несамостоятельности взглядов, представлений и требований является сегодня для рабочего и профсоюзного движения задачей номер один.

Печатается по тексту публикации в Журнале «Вопросы экономики» 1993. № 12. Стр. 19-28.

Текст статьи в несколько более расширенном виде использован Г.Я.Ракитской при подготовке двух разделов доклада под эгидой Международного фонда содействия социально-трудовым исследованиям. Доклад выдержал два издания:

Г.Я.Ракитская, Раздел 1. Позиция профсоюзов по принципиальным вопросам реформы предприятий. Раздел 2. Профсоюзы и преобразование форм хозяйствования в государственном секторе. — В кн.: «Реформа предприятий: задачи и возможные действия профсоюзов и других организаций трудящихся (материалы к совещанию «Профсоюзы и реформа предприятий»)». — М.: Международный фонд содействия социально-трудовым исследованиям. 1993. Стр. 5-28.

Г.Я.Ракитская, Раздел 1. Позиция профсоюзов по принципиальным вопросам реформы предприятий (вторая редакция). Раздел 2. Профсоюзы и преобразование форм хозяйствования в государственном секторе (вторая редакция). — В кн.: «Реформа предприятий: задачи и возможные действия профсоюзов и других организаций трудящихся». — М.: Международный фонд содействия социально-трудовым исследованиям. 1994. Стр. 7-29.

**БУДУЩЕЕ И НАСТОЯЩЕЕ РОССИИ
В ИДЕЙНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ И ТРЕБОВАНИЯХ
(из летописи четвёртой русской революции)⁴⁹**

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (задачи и структура работы; исполнители)

Часть I

ИСХОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ АНАЛИЗА И ЭКСПЕРТИЗЫ
ПОДХОДОВ К СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

§ 1. Назначение исходных положений

§ 2. Критерий уровня (степени) развитости идеологий
социальной политики

§3. Основные понятия, используемые при анализе
подходов к социальной политике

Часть II.

ОТНОШЕНИЕ К ЗАМЫСЛАМ РЕФОРМ И ИХ СОЦИАЛЬНЫМ
РЕЗУЛЬТАТАМ В ОСНОВНЫХ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ТЕЧЕНИЯХ. ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПОНИМА-
НИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

§1. Две радикально противоположные позиции в отно-
шении к социальным переменам (безоговорочная под-
держка и народно-демократическая оппозиция форсиро-
ванной капитализации)

⁴⁹ «*Будущее и настоящее России в идейных представле-
ниях и требованиях (из летописи четвёртой русской ре-
волюции)*» — это полный текст исследовательской раз-
работки по экспертизе и анализу подходов к социальной
политике со стороны разных социальных слоёв, групп и
политических сил России, выполненной в 1994-1995 гг. по
заказу Совета по социальной политике при Президенте
Российской Федерации.

1.1. Последовательная и безоговорочная поддерж-
ка курса на форсированную капитализацию (идеология
приобщения России к «цивилизованному западному миру»
в роли страны колониального типа)

1.2. Ориентировка на возможность становления в
России демократического неэксплуататорского обще-
ства, или народно-демократическая оппозиция форсиро-
ванной капитализации

§ 2. Позиции критической поддержки "шоковых" реформ

2.1. Ориентировка на капиталистическое будущее
России как независимого партнёра развитых капитали-
стических стран (идеология российского или русского
капитализма)

2.2. Российский вариант социал-реформизма (при-
знание неизбежности капитализации с пожеланиями или
требованиями смягчающих корректировок курса)

§3. Идеологии перехода к обновленному тоталитаризму

3.1. Обновленный тоталитаризм на основе соци-
альной ностальгии

3.2. Обновленный тоталитаризм в открыто фаши-
стском варианте (современный русский фашизм)

Часть III

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ЗАДАЧИ И ТРЕБОВАНИЯ РАЗ-
ЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП И ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ

§ 1. Теоретические предпосылки социально-группового
анализа состояния общественного сознания

§ 2. Социальные проблемы и требования согласных на
роль наёмных эксплуатируемых работников

§3. Социальные проблемы и требования формирую-
щегося капиталистического класса

3.1. Актуальные проблемы и основные требования
претендентов на роль крупной отечественной буржуазии

3.2. Актуальные проблемы и основные требования средних и мелких частных предпринимателей

§4. Требования к реформе собственности со стороны претендентов на роль трудящихся-сохозяев (совладельцев) предприятий

ЗАКЛЮЧЕНИЕ (краткие выводы)

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

(задачи и структура работы; исполнители)

Экспертиза и анализ различных подходов к социальной политике — один из этапов разработки проекта президентской программы "Стратегия и приоритеты социальной политики".

Необходимость инвентаризации, анализа и экспертной оценки представлений о социальной политике происходит из потребности в максимально возможной степени учесть при разработке программы:

а) специфику представлений о социальных проблемах и о сравнительной важности (приоритетности) разных проблем, обусловленную переходным характером современного российского общества;

б) плюрализм в понимании причин кризиса, в оценках современной социально-экономической ситуации и, соответственно, — в понимании необходимого (желаемого) содержания реформ;

в) наличие разнотипных (противоречивых) социально-экономических интересов в современной России, разномысленность требований к социальной политике, происходящую из различий конкретно-исторических интересов.

Экспертиза и анализ подходов к социальным проблемам позволяют составить реалистичное представление о состоянии общественного сознания и тенденциях его изменения, о степени идейной организованности общест-

ва, потенциальности его структуризации и возможных направлениях социальной активности значительных по численности и по влиятельности социальных сил. Тем самым создаётся научная основа для прогнозирования отношения в обществе к президентской программе.

Разработка создаёт предпосылки для целенаправленного отслеживания реакции в обществе на изменения в государственной социальной стратегии, для прогноза наиболее вероятных перемен в требованиях к социальной политике и в социальном поведении различных групп населения.

Опираясь на результаты представленного нами анализа можно будет предвидеть возникновение существенных расхождений в отношении к тем или иным социальным мероприятиям, степень глубины этих расхождений и (что главное) находить пути к сближению позиций, к выработке решений, приемлемых для разных социальных групп и политических сил. Разработка поможет реализации стратегических социальных решений, осуществлению приоритетов социальной политики прежде всего методом налаживания и укрепления взаимодействия и гражданской разрядки.

Работа состоит из трёх частей.

В первой части фиксируются исходные положения анализа и экспертизы, вводятся определения ряда понятий, которые используются во второй и третьей частях работы без дополнительных объяснений.

Во второй части рассмотрено разнообразие подходов к социальной политике и разные представления о социальных проблемах на уровне идейно-политических течений в общественном сознании современной России. Вычленены и охарактеризованы шесть основных идейно-политических течений, которые различаются по представлениям о целях реформ, по оценкам складывающейся в России системе социальных отношений и современной социальной ситуации в целом. Показано, как эти различия влияют на социальные требования, предъявляемые к ре-

зультатам и методам реформ, на саму постановку социальных проблем и на расстановку приоритетов социальной политики.

В третьей части представления о социальных проблемах и социальные требования к проведению реформ рассмотрены так, как они реально скомбинированы в идеологиях и платформах основных социальных групп и политических сил современного российского общества, то есть в увязке с конкретными субъектами общественной жизни современного переходного периода.

Работа выполнена **Г.Я.РАКИТСКОЙ** (руководитель Центра труда и рабочего движения Института перспектив и проблем страны АЕН, кандидат экономических наук) при участии **Б.Е. КРАВЧЕНКО** (редактор Агентства социально-трудовой информации, консультант Независимого профсоюза горняков России). В работе использованы материалы, предоставленные **В.В. ПРИБЫЛОВСКИМ** (редактор информационно-экспертной группы "Панорама").

Часть I

ИСХОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ АНАЛИЗА И ЭКСПЕРТИЗЫ ПОДХОДОВ К СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

§1. Назначение исходных положений

По меньшей мере три обстоятельства требуют предварительного введения ряда исходных положений, отражающих наше понимание сути и взаимосвязи тех явлений, которые составляют сферу социальных проблем и социальной политики как способа решения этих проблем.

Первое обстоятельство — необходимость очертить (и тем самым ограничить) круг явлений, представления о которых будут объектом нашего анализа. В противном случае мы рискуем потонуть в обширном потоке разнообразных суждений о социально-экономической ситуации в России, в обилии разноплановых и разномасштабных предложений, рекомендаций, требований к общественным преобразованиям.

Второе обстоятельство — необходимость зафиксировать, с каких позиций осуществляются нами анализ и экспертиза состояния общественного сознания.

Речь идёт о мировоззренческих (идейно-политических, или идеологических) позициях. Нельзя обойтись указанием на то, что это, скажем, социал-демократические или либеральные, социалистические или коммунистические, анархо-синдикалистские или фашистские и т.п. позиции, хотя бы потому, что в настоящее время в России подобные термины не ассоциируются с достаточно целостными и устойчивыми системами взглядов. Мировоззренческие позиции лучше всего зафиксировать на содержательном уровне, введя систему понятий, которую мы принимаем в качестве исходной для анализа складывающихся представлений о содержании, приоритетности и способах решения социальных проблем.

Не означает ли это, что наш анализ теряет свойство научности, становится тенденциозным, субъективистским? Нет, не означает. Напротив, он приобретает характер фундаментального научного анализа именно потому, что мы ведём его целенаправленно, с вполне определённой и явно обозначаемой (а не маскируемой) точки зрения. Результаты такого исследования могут успешно использоваться любыми заинтересованными лицами и организациями независимо от их взглядов, поскольку не придётся гадать, какова в действительности социально - политическая ориентация автора, не придётся специально её "вычислять", чтобы скорректировать выводы и оценки работы, основываясь на догадках об этой ориентации. Естественно, результаты данной работы наиболее полезны для тех (т.е. готовы для непосредственного использования ими), кто преследует при разработке социальной политики цели, близкие к нашей идейно-политической позиции.

Наконец, **третье обстоятельство** (и, пожалуй, самое важное) — это необходимость обеспечить специфический, экспертно-аналитический характер работы. Следует подчеркнуть, что работа не носит реферативный характер. Это — не справочник, не путеводитель по программным

документам и литературным источникам, не краткий пересказ их содержания. Это — целенаправленный научный анализ одной из сторон общественной реальности, а именно — состояния общественного сознания. При целенаправленном (целеориентированном) анализе общественных процессов исследуемые феномены рассматриваются не сами по себе и не только в аспекте их фактической динамики (т.е. в сравнении со своим прошлым состоянием), но рассматриваются обязательно в сравнении с должным (т.е. закономерным будущим) их состоянием — в сравнении с состоянием, сообразным объективно обусловленным целям социального развития (см. примечание 1). При этом в связи с возможностью развития общества разными путями, в разных направлениях (т.е. в связи с **многовариантностью будущего**) в качестве должного — закономерного будущего — состояния выступает **желаемое из числа реально возможных**.

Этот принцип требует пояснения, конкретизации применительно к исследованию общественного сознания, в нашем случае — применительно к анализу и экспертизе представлений о реальных социально-экономических процессах, целях и методах социально-экономических реформ.

При таком исследовании **должными** взглядами и представлениями (то есть соответствующими общественным функциям социально-политического знания и в этом смысле — сообразными **целям**) **правомерно считать** научно обоснованные целостные идеологии общественных преобразований.

§ 2. Критерий уровня (степени) развитости идеологий социальной политики

Научно обоснованная целостная (научная, что то же самое) идеология общественных преобразований — это **система осознанных на теоретическом уровне идей (взглядов) и вытекающих из них представлений о практических действиях, обладающая свойствами**

достоверности, полноты и реалистичности. Под достоверностью мы понимаем адекватность действительности, под полнотой — охват всех аспектов, существенных для данной области социальной практики, а реалистичность должна быть присуща стратегии и тактике достижения целей, а также социальным прогнозам.

Основываясь на этом общем определении, очертим более конкретные требования к содержанию научной идеологии социальной политики. Такая идеология должна включать в себя по меньшей мере:

1) оценку **состояния общества**, в том числе существующих и складывающихся социальных отношений, реального положения различных социальных групп, соотношения социальных сил и т.п.;

2) представления о **главных тенденциях** развития общества и о **перспективах** (возможных вариантах) изменения сложившегося состояния общества;

3) содержательную постановку **конкретно-исторических социальных проблем**, в которых отражаются реальные общественные противоречия, текущие и долгосрочные (стратегические) социально-групповые интересы; оценку **сравнительной важности** этих проблем, степени настоятельности реализации тех или иных интересов (определение приоритетов социальной политики);

4) реалистическую постановку **задач социальной политики**, обоснование **очерёдности** их решения на основе учёта приоритетов социальной политики и определения круга существенных факторов и условий, необходимых и достаточных для выполнения этих задач;

5) выбор (обоснование) **способов социально-организованных практических действий** (в том числе механизма взаимодействия социальных сил), обеспечивающих реализацию поставленных долговременных целей и ближайших задач.

Приведённое содержательное определение научной идеологии социальной политики должно быть положено в основу оценочных выводов в качестве **критерия степени (уровня) развитости** тех или иных идейных тече-

ний, а также программных установок конкретных движений и организаций.

Требование целостности и научности вовсе не означает, что мы считаем возможным или необходимым существование какой-либо одной-единственной научно обоснованной системы идей и представлений о социальной политике. Социальная структурность общества является причиной формирования и взаимодействия разных идеологий социальной, (и экономической тоже) политики. Соответствие требованию научной обоснованности и целостности означает, что каждый из комплексов идей и представлений берётся "не с потолка" и не является произвольным по составу своих элементов. **Целостность** обеспечивается наличием перечисленных выше пяти групп взаимосвязанных оценок и представлений. А о **научной обоснованности** можно говорить только в том случае, если данный комплекс идей и представлений адекватно отражает и оценивает как фактическое положение и специфические интересы социальных групп (группы), на роль идеологии которых претендует, так и их перспективы в данном обществе (возможности улучшения или ухудшения их общественного положения).

Возможность научной обоснованности **различных** подходов к социальным проблемам и социальной политике (то есть возможность одновременного существования разных систем научных знаний об общественных процессах) обусловлена тем, что обществу присуще отмеченное нами выше свойство много-, или разнвариантности его будущего состояния. Другими словами, существует (особенно в условиях общественных кризисов) возможность перехода общества к качественно различным состояниям, реальная возможность общественного развития по существенно разным направлениям. При этом вариант, который с точки зрения какой-либо части общества является прогрессивным (соответствующим её интересам, её идеологии), с точки зрения другой его части (других частей) может быть и чаще всего является регрессивным, реакционным, поскольку расходится с её интересами, с её идеологией.

Научная обоснованность каждой из идеологий выступает как адекватная (верная) оценка принципиальной возможности варианта развития, соответствующего этой идеологии; как определение условий, необходимых для его реализации, и степени вероятности формирования этих условий в сложившейся конкретно-исторической ситуации; как тесная связь этой идеологии с реальными социально-групповыми интересами; как способность данной идеологии предвидеть развитие социальной ситуации и будущие социальные проблемы; как, наконец, способность находить эффективные пути и способы решения конкретных проблем в целях осуществления избранного варианта общественного развития (избранного варианта будущего).

§3. Основные понятия, используемые при анализе подходов к социальной политике

В документах общественных организаций и движений, официальных документах властных структур и в специальной литературе термины "социальная политика", "социальные проблемы", "социальные результаты (последствия)", "социальная эффективность" и т.п. далеко не всегда употребляются в том смысле, который мы вкладываем в эти понятия при анализе подходов к социальной политике. Для нас важно ничего не упустить из того, что действительно относится к предмету нашего анализа, даже если относящиеся к нему идеи, практические рекомендации или требования названы их авторами не социальными, а как-то иначе — экономическими, экологическими и т. д. В то же время мы должны дать адекватную оценку тем идеям и установкам, которые претендуют на роль социально-программных, а на самом деле не дотягивают до этого уровня, ограничиваются представлениями об изменениях экономического или технико-экономического характера.

Деление общественных процессов на социальные, экономические, технико-технологические является общепринятым. С некоторых пор стали специально выделять ещё и экологические аспекты жизнедеятельности общест-

ва. Однако дискуссии о том, какие общественные процессы и какие результаты общественных процессов следует относить к той или иной категории, являются не более чем схоластикой в тех случаях, когда цель такого разделения не ясна, не определена. В русском языке термины "общественный" и "социальный" употребляются для обозначения не только соподчиненных понятий (род-вид; часть-целое), но и как синонимы. Всё, что происходит в обществе, носит, естественно, общественный характер, и в этом смысле любые процессы и результаты правомерно называть общественными, или социальными.

Отличать социальные цели (задачи) и социальные критерии, социальные результаты (последствия) и социальную эффективность от экономических (технических, экологических) целей, критериев, результатов, эффективности, а также отличать социальную политику в целом от экономической (научно-технической, экологической) политики имеет смысл и необходимо только в двух случаях:

1) для правильного определения субординации различных критериев при **выборе варианта преобразований** (направления развития общества в целом, тех или иных сфер жизнедеятельности общества, отдельных мероприятий на разных уровнях управления);

2) для правильной **оценки фактических результатов**, фактической общественной эффективности (или, что то же самое, социальной. социально-экономической эффективности) любых преобразований — как крупномасштабных, так и локальных.

И в первом, и во втором случаях разделение указанных категорий (целей, критериев, результатов, эффективности, политики) на социальные и другие (экономические, научно-технические и пр.) требуется для того, чтобы правильно выстроить последовательность процедур при принятии решений. Эта последовательность задаётся тем, что **социальным требованиям** (социальным целям, задачам, ограничениям) **придаётся приоритет** над всеми другими, в том числе — что особенно важно для нашего анализа — **над экономическими**. Это означает, что отбор

вариантов из числа реально осуществимых, а также оценка фактической эффективности осуществляются в первую очередь путём сравнения результатов варианта (возможных или реальных результатов) с социальными целями (задачами) и социальными ограничениями на способы достижения этих целей. Все другие соображения (в том числе соображения по минимизации затрат на достижение целей, т.е.экономические критерии) принимаются во внимание лишь на следующих шагах принятия управленческих и оценочных решений.

Очерченная нами принципиальная схема принятия решений имеет место в практике управления обществом, хозяйством, предприятиями **всегда**, даже если соответствующая ей последовательность процедур до конца не осознана.

Современным обществам присуща **социально-групповая структурность** и, соответственно, **противоречивость** социально-экономических интересов, а также (при прочих равных условиях) **разнонаправленность** активности различных социальных сил. В силу этого при выборе и оценке вариантов развития в качестве первоприоритетных (социальных) целей и результатов выступают те, что улучшают или хотя бы сохраняют достигнутое социально-экономическое положение социальных групп и (или) общностей, интересы которых выражают и проводят общественные институты (в том числе государственные органы), принимающие решения.

Опираясь на сказанное, укажем теперь, какой смысл мы вкладываем в основные понятия, используемые нами в ходе анализа и экспертизы подходов к социальной политике (см. примечание. 2).

Способ жизнедеятельности (образ жизни) — содержание и конкретные формы жизнедеятельности в их совокупности.

Сферы жизнедеятельности — трудовая (труд), семейно-бытовая (быт), досуговая (досуг), общественно-политическая.

Социально-экономическое положение (общественное положение; положение в обществе) — совокупность тех условий и способов жизнедеятельности людей, которые формируют устойчиво воспроизводимый в данном обществе **тип** (специфический характер) их реальной жизнедеятельности и обусловленные этим типом уровень, направленность и фактические возможности развития личности, то есть фактические возможности (степень реальной свободы) выявления, реализации и развития индивидуальных способностей и потребностей.

Элемент социальной структуры общества (структурная часть общества) — множество людей со сходным (одинаковым по сути, по характеру) социально-экономическим положением, существенно отличным от социально-экономического положения других членов общества, с однотипными интересами (объективно складывающимися на базе сходства общественного положения), и с однотипными представлениями о возможностях и путях изменения этого положения (однотипной идеологией).

Разновидности элементов социальной структуры — :

а) социальные (общественные) **группы** — классы, касты; внутриклассовые группы — социально-профессиональные, социально-демографические и др.; социальные слои, сословия и т.п.;

б) социальные **общности** — народы, нации, территориальные и территориально-этнические сообщества, трудовые коллективы, семьи.

Социальная (или общественная) группа — множество людей, однотипность (общность) системы интересов и идеологии которых обусловлена сходством их социально-экономического положения во всех сферах жизнедеятельности.

Подчеркнём, что особенности элементов переходной социальной структуры (социальной структуры переходного общества) будут нами специально определены в третьей части работы. Забегая вперёд, укажем новый термин, который мы вводим для фиксации этих особенно-

стей, — **абитуриентские, или претендентские социальные группы.**

Общественные организации. организованные общественные движения — внутренне структурированные объединения граждан, образованные на базе общности каких-либо их интересов для реализации и защиты этих интересов.

Политика (политические отношения) — конкретная форма (способ) общественного взаимодействия структурных частей общества. Различные сферы политики — социальная, экономическая, демографическая, научно-техническая, экологическая, культурная и пр. — выделяются в зависимости от того, по поводу какого круга явлений и процессов происходят эти взаимодействия.

Социальные силы (социально-политические силы; политические силы), или **реальные субъекты политики** (общественные, социальные субъекты) — общественные институты, адекватно выражающие (представляющие) и весомо отстаивающие (проводящие) интересы тех или иных социальных групп, социальных общностей по формированию целей, средств и механизмов развития общества, условий и способов жизнедеятельности членов общества.

Эти институты могут быть:

1) в правовом отношении — :

а) государственными, негосударственными;

б) легитимными (законными), нелегитимными (незаконными);

2) в организационном отношении —:

а) внутренне чётко структурированными (например, политические партии; общественные движения с устойчиво оформленной внутренней структурой; профсоюзы; государственные властно-управленческие структуры и т. п.);

б) внутренне мало или практически неструктурированными (например, массовые неорганизованные социальные движения типа стихийных выступлений, стихийных бунтов). В процессе стихийных действий, как правило, происходит самоорганизация неструктурированных соци-

альных сил (структуризация движений): формируются и начинают функционировать от имени массы в качестве реальных субъектов политического действия (взаимодействия) те или иные органы — комитеты, советы, лидеры, вожди, вожаки и пр.

Социальная база конкретного общественного института (*организации, движения, государственной структуры*), обеспечивающая его функционирование в качестве социальной силы, или реального субъекта политики, — *социальные группы (группа) или социальные общности, которые признают, что идеология и практические действия данного конкретного института действительно выражают и отстаивают их интересы, и в силу такого признания (доверия) готовы оказать и оказывают ему такую необходимую поддержку, которая придаёт этому институту (организации, движению, государственной структуре) весомость в обществе — силу, делает реальным субъектом социальной политики.*

Декоративные субъекты политики (субъекты псевдополитики) — организации, движения, государственные структуры, не имеющие собственной достаточно широкой (массовой) социальной базы и в силу этого не имеющие реального веса в политической жизни общества.

Социально-экономическая (социальная в широком смысле этого слова) политика — взаимоотношения и взаимодействие различных социальных сил (общественных субъектов) непосредственно и преимущественно по поводу сохранения и изменения **социально-экономического положения** социальных групп и социальных общностей, в том числе по поводу сохранения и изменения социально-экономического положения населения страны в целом.

Включение в содержание социальной политики взаимоотношений по поводу социально-экономического положения населения страны в целом не противоречит, как это может показаться на первый взгляд, тезису о социальной структурности общества и противоречивости социально-экономических интересов. Фактически дело обстоит

так, что разные социальные группы и политические силы имеют специфические, отличные друг от друга позиции на тот счёт, что соответствует или не соответствует интересам населения страны в целом (общенациональным интересам). Сейчас это ярко проявляется в разных представлениях о значении и путях обеспечения независимости России и гражданского мира в ней (государственной безопасности).

Субъекты социальной политики — социальные силы (общественные, социальные субъекты), реально влияющие на формирование и осуществление социальной политики.

Социальная политика в гражданском (демократическом) обществе — результат взаимоотношений и взаимодействия множества общественных институтов, адекватно представляющих интересы каждой из структурных частей общества в области сохранения и изменения её социально-экономического положения.

Социальная (социально-экономическая) **проблема** — осознанное расхождение (противоречие) между реальным социально-экономическим положением социальной группы, общности, реальными тенденциями (перспективами) его изменения, с одной стороны, и конкретно-историческими интересами данной группы, общности, — с другой.

Иначе говоря: социальная проблема — это специфическое для данной структурной части общества **восприятие** реального (объективного) противоречия.

Цель социальной политики (социальной программы) — конечный результат решения социальной проблемы, т.е. характеристики качественно нового (лучшего) социально-экономического положения объекта социальной политики (социальной группы или социальной общности).

Конкретные задачи социальной политики — конкретные рубежи в области продвижения к конечным результатам решения социальной проблемы.

Активная социальная политика (целенаправленная социальная политика) — политика, сознательно на-

правленная на решение актуальных социальных проблем, **на получение определённых позитивных** (по критериям субъекта социальной политики) социальных результатов и одновременно **на предупреждение отрицательных**, нежелательных социальных результатов (то есть результатов, противоречащих поставленным целям), в том числе результатов, угрожающих сохранению целостности и устойчивости общества в процессе его развития, миру (гражданскому миру) в нём.

Пассивная социальная политика — борьба с фактическими, реально возникшими отрицательными (по критериям субъекта социальной политики) социальными последствиями общественного развития.

Социальная защищённость — общественный порядок, при котором субъекты могут опираться на общественный строй при выдвижении и отстаивании своих интересов, при формировании и отстаивании своего положения в обществе. Каждому типу общества присущи свои принципы (тип) социальной защищённости.

Демократия — один из известных истории типов организации политических, то есть социально-групповых отношений (один из типов государства), при котором установление, правовое закрепление и защита личной свободы и равноправия граждан составляют предпосылку осуществления власти и управления как воли большинства активных граждан и в этом смысле — как воли народа, как народовластия.

Демократии адекватно обеспечение целостности общества и его устойчивости в процессе развития при помощи согласования противоречивых общественных интересов, то есть их взаимоувязка на основе признания нетождественности, разнообразия интересов и самооценности различных интересов.

Диктатуре в отличие от демократии адекватно обеспечение целостности общества при помощи игнорирования или прямого подавления интересов и действий, расходящихся с интересами правящей группы (касты), организация взаимоотношений с народом на основе непри-

знания самооценности социально-групповых, общественных и индивидуальных интересов, непризнания противоречивости общественных интересов и — в тенденции — непризнания какого-либо вообще разнообразия интересов.

Часть II **ОТНОШЕНИЕ К ЗАМЫСЛАМ РЕФОРМ** **И ИХ СОЦИАЛЬНЫМ РЕЗУЛЬТАТАМ** **В ОСНОВНЫХ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕЧЕНИЯХ.** **ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПОНИМАНИИ** **СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ**

Является расхожим и пропагандируется определёнными кругами представление о том, что главные "баррикады" в современной России разделяют приверженцев демократии и сторонников возрождения старого, тоталитарного общества (в лице "красно-коричневой" части непримиримой оппозиции). Однако без всяких оговорок это было верно по отношению к процессам, происходившим в 1988-1990 гг. в СССР. В тот период противоборство социальных сил развивалось как антиказарменная, общедемократическая революция. И в 1991 г., вплоть до августовских событий, основное противостояние проходило по линии борьбы за общедемократические политические преобразования, с одной стороны, и за сохранение старой системы политической власти, — с другой. В то же время изменение общей обстановки в стране позволило уже в 1990 г. выдвинуть в качестве очередной задачи государственной политики реформирование отношений в экономической сфере. С этого времени центр тяжести в социальном противоборстве перемещается с борьбы нового со старым на борьбу за тот или иной вариант будущих новых (или обновленных) социально-экономических отношений.

Очень скоро обнаружилось, что люди, ориентированные на интересы и устремления разных социальных групп, разных социальных слоёв, по-разному понимают такие понятия, как экономическая демократия, экономическая свобода, рынок, радикальная реформа собственности

и пр., вкладывают в них разный смысл. За, казалось бы, одними и теми же словами стояли (стоят и сейчас) ориентации на существенно разные по социальному содержанию экономические системы, другими словами; ориентации на различные по характеру социальные структуры общества. Именно эти расхождения стали с конца 1991 г. ведущим устойчивым фактором идейного размежевания социально-политических сил.

Ориентации на переход от современного состояния к разным вариантам социального устройства (к разным вариантам будущего) определяют на сегодняшний день разброс оценок складывающейся в России системы социальных отношений. Разные ориентации, конкретные представления и оценки тяготеют к одному из течений общественной мысли или же (в лучшем случае) являются составными элементами различных более или менее целостных идейно-политических концепций.

Наш анализ показал правомерным зафиксировать в современной России **шесть основных идейно-политических течений**, которые существенно различны по представлениям о возможных путях развития России, по характеру восприятия замысла и социальных результатов "шоковых" реформ, а также по принципиальному видению общественных проблем в России, по оценкам их сравнительной важности (приоритетности).

В данном разделе работы последовательно рассмотрены интересующие нас представления, относящиеся к каждому из этих основных идейно-политических течений. Стараясь выделить в каждом течении его концептуальное ядро, мы их назвали следующим образом:

- последовательная и безоговорочная поддержка курса на форсированную капитализацию (идеология приобщения России к "цивилизованному западному миру" в роли страны колониального типа);

- ориентировка на возможность становления в России демократического неэксплуататорского общества (народно- демократическая оппозиция форсированной капитализации);

- ориентировка на капиталистическое будущее России как независимого партнёра развитых капиталистических стран (идеология российского или русского капитализма);

- признание неизбежности капитализации с пожеланиями или требованиями смягчающих корректировок курса (российский вариант социал-реформизма);

- обновленный тоталитаризм на основе социальной ностальгии;

- обновленный тоталитаризм в открыто фашистском варианте (современный русский фашизм).

Речь далее пойдёт не о платформах конкретных организаций и движений, а именно о течениях общественной мысли, т.е. представления и требования, которые мы собрали воедино в качестве главных положений одного течения, можно найти в программах, заявлениях, лозунгах, научных работах и пр. людей и организаций разной политической самоидентификации. Социальные ориентации отдельных организаций, движений и тем более авторов научных концепций могут в основном или полностью укладываться в одно из шести идейно-политических течений. Организация или учёный могут быть даже единственными представителями того или иного течения мысли, его творцами (но это — редкий, крайний случай). Однако авторские концепции, политические и социально-экономические программы организаций и движений, как правило, гораздо богаче (конкретнее, содержательнее) и в то же время менее последовательны, менее строги, чем совокупность положений, которыми мы охарактеризовали каждое из основных идейно-политических течений.

Наша задача как раз и состояла в том, чтобы из разнообразия конкретных представлений, за фасадом самоидентификации и разных формулировок увидеть, во-первых, одинаковые или близкие по социальному содержанию мировоззренческие установки, представления и требования и, во-вторых, вычленили действительно разнотипные тенденции в общественном сознании, которые "тянут" Россию в разные стороны (в разное будущее), прояв-

ляется в различных оценках социальных перемен, в различных подходах и требованиях к социальной политике (см. примечание 3).

§1. Две радикально противоположные позиции в отношении к социальным переменам (безоговорочная поддержка и народно-демократическая оппозиция форсированной капитализации)

Идейно-политические течения, занимающие первые два места в приведённом выше перечне, являются радикально (в коренных вопросах) противоположными, в том числе и в отношении к социальным переменам в России. Обе эти крайние (радикальные) позиции обозначились ещё за 1,5 - 2 года до начала "шоковых" реформ, а в ходе самих реформ не только не сблизились, а напротив, противопоставились одна другой более резко, более содержательно. В реальных, типичных для 1992-1994 гг. социальных конфликтах (в том числе в забастовках) за конкретными требованиями, действиями и контрдействиями сторон, за характером уступок и компромиссов также просматривается наличие таких принципиально различных представлений о "хорошем" и "плохом", несправедливом и справедливом, которые в конечном счёте (в тенденции) тяготеют к одному из двух противоположных типов социальной организации общества и производства. Правда, эта разнонаправленность, по сути антагонистичность интересов далеко не всегда осознаётся субъектами конкретных конфликтов.

Размежевание на две радикально противоположные позиции в отношении к складывающейся социальной ситуации прослеживается по трём взаимосвязанным линиям:

- отношение к объявленным магистральным направлениям реформ;
- критерии оценки хода и социальных результатов реформ;

— отношение к фактическим социальным результатам реформ в соответствии со спецификой оценочных критериев.

Из числа магистральных направлений реформ, объявленных правительством с согласия Пятого съезда народных депутатов РСФСР в конце 1991 - начале 1992 г., к сфере нашего анализа относятся следующие (см. примеч. 4):

— создание здоровой смешанной экономики с мощным частным сектором; **форсированное развитие мощного частного сектора** при помощи крупномасштабной ускоренной приватизации государственной собственности; оживление на этой основе экономической активности прежде всего в сфере производства;

— *выдвижение* заслонов на пути дикой, стихийной, на криминальной основе личной приватизации *государственного имущества партийно-государственной элитой*;

— массовое и быстрое акционирование предприятий с распределением акций между государством и трудовыми коллективами и последующей продажей государственной части акций по рыночным ценам все желающим — **для быстрого отделения предприятий от государства**, изменения системы управления предприятиями, создания стимулов к повышению эффективности;

— **форсированный переход к рынку** на базе разового размораживания (либерализации) цен и приватизации;

— стимулирование развития предпринимательства, которое создаёт новые рабочие места и достаточно высокую зарплату; отработка в этом секторе механизмов **социального партнёрства**;

— *реорганизация налоговой системы в целях стимулирования производителей, предпринимателей*;

— признание **невозможности защиты государством** (отказ от защиты государством) **уровня жизни всего населения** на первом этапе реформ и осуществление мер прежде всего по социальной защите от обнищания наиболее уязвимых, наиболее нуждающихся слоёв населения

на основе неотложных социальных программ, адресной системы социальной помощи (в том числе **опережающие** либерализацию цен увеличение заработной платы, повышение уровня минимальной зарплаты, пенсии, стипендии)

— реорганизация оплаты труда для обеспечения трудящимся возможности честно заработать, самокомпенсировать рост цен, развязать личную инициативу; создание возможностей для реализации принципа **"рыночным ценам — рыночную зарплату"** на основе соответствующих ("рыночной") производительности;

— постепенное **подтягивание фиксированных доходов** работников бюджетных отраслей (в том числе врачей, учителей) к доходам занятых в рыночном секторе экономики;

— **приватизация жилья** и защита интересов граждан в ходе его приватизации (жёсткий заслон взяточничеству, бюрократизму и пр.);

— возрождение российского крестьянства и развитие рыночных отношений на селе при помощи **приватизации земли**, другой собственности колхозов, совхозов и обслуживающей крестьянина среды для преимущественного **развития фермерства** (среднего и мелкотоварного крестьянского предпринимательства); государственная финансовая и иная поддержка фермерства;

— глубокая **конверсия** оборонных производств;

— борьба со злоупотреблениями и коррупцией *во внешнеэкономической деятельности*;

— борьба с монополизмом и стимулирование конкуренции (для увеличения производства, улучшения качества товаров и снижения цен), **подрыв монополизма развитием мелких и средних** частных предприятий;

— *постепенное* улучшение жизни людей к осени 1992 г. на базе роста производства, снижения цен.

Особенности каждой из двух радикально противоположных позиций во взглядах на социальные перемены формируются отношением **к центральному направлению российских реформ** — к курсу на форсированное

"разгосударствление" эксплуатации (т.е. на переход от совместной собственности номенклатуры, существовавшей в форме государственной собственности, к индивидуальной и групповой частной собственности), на создание в российской экономике частно-капиталистического сектора в качестве доминирующего ("мощного"). Коренное (радикальное) расхождение позиций состоит в следующем:

одна позиция — социальные перемены оцениваются исходя из последовательной, без всяких оговорок и условий поддержки этого курса;

другая позиция — социальные перемены оцениваются исходя из ориентировки на возможность становления в России неэксплуататорского демократического общества.

Рассмотрим каждую из позиций.

1.1. Последовательная и безоговорочная поддержка курса на форсированную капитализацию (идеология приобщения России к «цивилизованному западному миру» в роли страны колониального типа)

Основной идейный багаж этой позиции составляют:

1) Признание **необходимости рынка** (рыночно-конкурентной экономики) для обеспечения рационального, эффективного хозяйствования.

2) **Отождествление рыночной экономики с частно-капиталистической экономикой**. Считается, что рынок, ориентирующийся на нужды общества, оперативно реагирующий на запросы потребителей, может существовать только на базе частной собственности, частно-капиталистического предпринимательства. В предельном варианте — представление о частной собственности как о "естественной", единственно нормальной форме экономической жизни и об общественной собственности (в любых её видах) — как о насилии над природой человека.

3) Отождествление демократизации экономических отношений с переходом к рынку.

Это положение занимает важнейшее место в идейно-теоретическом обосновании "шоковых" реформ. Рынок (предпосылкой которого, как утверждается, является частная и прежде всего частно-капиталистическая собственность) возводится в ранг необходимого условия и даже причины перехода к демократической политической системе: уверяют, что расширение сферы действия рынка, товарно-денежных механизмов, необходимость защиты свободы экономического поведения частных предпринимателей неизбежно (чуть ли не автоматически) приведут к демократизации политической системы.

Согласно этим представлениям выстраивается следующая субординация, логическая последовательность преобразований: приватизация (формирование субъектов рынка) — развитие рынка (от "дикого" к "нормальному", "цивилизованному") — формирование демократической политической системы. В такой логической цепочке политическая демократия оказывается следствием экономических преобразований. Способом же сдвинуть всю цепь преобразований в нужную сторону и обеспечить, как говорят идеологи реформ, "переход в точку невозврата" объявляется так называемая сильная власть, главная функция которой — преодолеть сопротивление рыночным реформам. При этом вопрос о характере этой сильной власти — демократическая она или диктатурная — предпочитают не обсуждать, так как стыдливо признают, что матерью рыночной демократии должна стать диктатура. (В ходу известная формула, что рыночная демократия означает: "свободный рынок плюс сильная полиция"). В то же время открыто говорится о том, что широкая социальная база новой власти, осуществляющей рыночные реформы, всё ещё отсутствует и возникнет лишь после завершения приватизации в лице нового слоя частных собственников. Тем самым складывается ситуация, много раз осмеянная критиками большевистских методов: народ не готов к счастью, но зато есть авангард, который не только готов, но и

намерен во что бы то ни стало и даже насильно привести народ к счастью.

4) Разнообразные суждения о **неэффективности нечастных форм собственности и хозяйствования** (коллективных, государственных), о неспособности трудовых коллективов самостоятельно, без частных хозяев наладить эффективное хозяйствование, рациональное управление предприятиями. Утверждается, что отсутствие (слабость) предпринимательских мотиваций у персонала государственных и коллективных предприятий приведёт в условиях рынка к "проеданию" прибыли, заблокирует деловую, в том числе инвестиционную активность, затормозит технический прогресс.

5) **Отождествление курса на капитализацию с переходом к так называемому свободному рынку.** Это проявляется, с одной стороны, как стремление к максимальному освобождению предпринимателей от государственного регулирования источников и уровня их доходов (свобода ценообразования, минимизация налогов и пр.), с другой стороны — как стремление к максимальному освобождению и предпринимателей, и государства от ответственности за формирование и поддержание параметров нормального (достойного) уровня и условий жизни работников.

За указанными взглядами и представлениями нередко лежит искренняя уверенность в том, что для развития рыночных отношений и предпринимательских мотиваций социально-экономическая обособленность производителей в обществе должна достигать как можно большей степени и что такую степень хозяйственной самостоятельности (экономической свободы), по логике своей социальной природы, даёт только частная собственность.

В то же время последовательная поддержка курса на форсированную капитализацию и на использование механизмов свободного рынка (по меньшей мере в переходный к капитализму период) проистекает не столько из абстрактно-теоретических рассуждений или искаженных

представлений о реальной практике капиталистических стран, сколько из заинтересованности определённых социальных слоёв в том, чтобы стать и утвердиться в качестве законно признаваемых владельцев частных капиталов, самостоятельно осуществляющих функции власти и управления в хозяйстве. Необходимой для реализации такого интереса представляется свобода от контроля в осуществлении хозяйственной власти и предпринимательской деятельности как со стороны государства, так и со стороны наёмных работников, трудовых коллективов.

Из конкретных направлений и методов "шоковых" реформ, в наибольшей мере влияющих на характер социальной структуры общества и на социально-экономическое положение населения, позиция безоговорочной поддержки общего курса на форсированную капитализацию признаёт **необходимыми и оправданными**:

- объявленную и применённую на практике в 1992-94 гг. крупномасштабную, по сути принудительную приватизацию, в ходе которой трудящиеся, трудовые коллективы были разъединены и, даже становясь собственниками значительного числа акций, не получили (за немногими исключениями) реального доступа к управлению приватизированными предприятиями;

- задуманную с самого начала послечековую денежную приватизацию, которая сейчас, через 3 года после начала шоковых реформ (в условиях резкого снижения уровня жизни большинства населения, непрекращающейся гиперинфляции, обесценения стоимости производственного имущества) должна стать в совокупности со скупкой акций у нищающей части населения мощным аккордом, завершающим концентрацию национального богатства России в руках немногих частных лиц;

- денационализацию земли для создания свободного рынка земли. Возможность полной свободы распоряжаться землёй (продать, заложить, сдать в аренду) рассматривается как предпосылка хозяйского отношения к ней, как условие возрождения российского крестьянства (развития фермерства);

- приватизацию государственного и кооперативного жилья и развитие залога жилья в целях формирования потенциального массового продавца жилплощади и создания свободного рынка жилищ. Основной аргумент в пользу свободной продажи и залога жилищ — что эта мера будет способствовать мобильности рабочей силы, экстерриториальности экономически активного населения и созданию общероссийского рынка труда;

- единовременное освобождение (так называемая либерализация) цен. Задачей этой меры объявлялось создание условий для развития нормальной конкуренции производителей, для обеспечения реальной открытости экономики на основе приближения цен к мировым.

Сторонники курса на форсированную капитализацию России признают негативный характер ряда социальных явлений и тенденций, возникших в ходе реформ. При этом в качестве **главного критериального требования** к результатам реформ, по которому оценивается их успешность или неуспешность, выступает **необратимость капитализации** ("переход в точку невозврата").

Исходя из этого критерия необходимыми (и в этом смысле положительными) выглядят процессы и результаты, которые как можно быстрее создают гарантию невозврата. Такой гарантией может стать возникновение из старых каст и сословий нового капиталистического класса, заинтересованного и способного эффективно защищать свой общественный статус и новый социальный строй в целом. Однако образование достаточно развитого, сильного в экономическом, политическом и идеологическом планах капиталистического класса — дело не скорое; Эту задачу нельзя выполнить в порядке осуществления каких-либо разовых мероприятий, принятия законов и указов. Старое сопротивляется нововведениям, а хищность капитала в период первоначального его накопления вызывает реакцию отторжения у тех слоёв населения, которые становятся его жертвами.

Медленные темпы формирования прочной социальной опоры курса на капитализацию, социальной базы власти, осуществляющей этот курс, — главная причина того, что позиция последовательной поддержки форсированной капитализации берёт на вооружение в качестве доминирующей идеи **быструю ликвидацию всех основ** прежнего общественного строя. Именно эта задача возлагается на "шоковые" реформы, которые на первый план — в качестве актуального, первоочередного — ставят не созидание устойчивого жизнеспособного нового (это требует времени), а **быстрое разрушение, уничтожение старого**. Считается, что новый строй может возникнуть лишь на обломках, на могиле прежнего. Одновременно идёт идейная и практическая борьба за то, чтобы социальный облик будущего посттоталитарного общества не стал народно-демократической альтернативой буржуазному обществу.

Логика такой социальной стратегии отвечает в полной мере интересам международного капитала, поскольку её реализация, разрушая тоталитарную Россию, в то же время не позволяет России вступить в мировое сообщество, в мировой рынок в качестве серьёзного конкурента развитым капиталистическим странам. Именно поэтому позиция последовательного и безоговорочного курса на форсированную капитализацию находит главную точку опоры **вне страны**. Поддержка этой позиции оказывается международным капиталом **в расчёте и на условиях возрождения России в постразрушительный (постпереходный) период как страны колониального типа** — с соответствующей структурой экономики, с соответствующим уровнем жизни населения.

Правомерно констатировать следующую парадоксальную ситуацию. Возложение ответственности за глубокий общественный кризис в бывшем СССР на вездесущность государства; атаки на государство и государственных чиновников как на источник всеохватывающей централизации, администрирования, бюрократизма, взяточничества, коррупции и пр. — всё это вылилось на пороге экономических реформ в лозунг "разгосударствления". На

деле же имеет место подчинённость идеологии и стратегии "шоковых" реформ, всех более или менее крупных конкретных акций руководящих этими реформами российских властных структур интересам международного капитала. Международные организации, проводящие эти интересы, выдвинулись (вопреки лозунгу "разгосударствления") на роль **единого сильного центра**, осуществляющего функции **жёсткого распорядительного руководства** российскими реформами — функции по сути **государственного** типа.

Особый вопрос, который по мере разворачивания "шоковых" реформ становится ведущим фактором идейного размежевания и практической схватки между различными группами формирующегося капиталистического класса. — это вопрос о судьбе военно-промышленного комплекса.

Конверсия военного производства была признана необходимой и включена в число объявленных главных задач реформ. Позиция безоговорочной поддержки курса на форсированную капитализацию признаёт необходимость нормализации социально-экономического развития, перехода к здоровой экономике на основе конверсии, демилитаризации. Этого требуют связанность национальных ресурсов в решающей мере с военным производством; невозможность продолжать гонку вооружений прежними темпами, содержать огромную армию и одновременно с этим "накормить и одеть народ". Но за признанием необходимости конверсии военного производства стоит ориентировка на "шоковую" демилитаризацию российской экономики, т.е. на прямое разрушение военного производства, связанных с ним хозяйственных и иных структур, его технологического и интеллектуального потенциала.

Отказ от конверсии военного производства в пользу разрушения военно-промышленного комплекса создаёт, конечно, гарантии невозврата к прошлому. Но этот отказ работает на формирование колониального настоящего и колониального будущего России.

Итак, для позиции последовательной и безоговорочной поддержки форсированной капитализации России характерен следующий принципиальный подход к оценке хода и социальных результатов реформ: производность оценочных критериев от принятия разрушительных целей в качестве главных целей реформ; принятие поддержки международного капитала на условиях, ведущих к колонизации России. Все процессы и результаты, не соответствующие или противоречащие такому подходу, таким критериям, воспринимаются как негативные, нежелательные, вредные. В частности, **негативную оценку** получают:

- переход значительного числа акций предприятий к рядовым работникам (членам трудовых коллективов). В числе аргументов против такого распределения прав собственности — опасность отпугнуть иностранный капитал от участия в российской приватизации, затруднить приток иностранных инвестиций;

- практически любые серьёзные меры по социальной защите населения от обнищания, поскольку, во-первых, основным источником формирования российского капитала может быть и является снижение уровня жизни большинства российских граждан, и, во-вторых, политика колонизации требует низкой цены рабочей силы в России. Утверждается, что повышение заработной платы, фиксированных доходов общественных иждивенцев раскручивает инфляцию;

- финансовая государственная поддержка (дотации, льготные кредиты и пр.) отечественных производств, оказавшихся в тяжёлом экономическом положении; оттяжки с введением в действие механизма банкротств; протекционистские требования и меры.

Заканчивая рассмотрение первой из двух радикально противоположных позиций в отношении к социальным переменам, подчеркнём следующее. Стремление обеспечить в короткие сроки необратимость капитализации России (следовательно, обеспечить быстрое формирование российского капиталистического класса), с одной стороны, и опора в реализации этой цели на поддержку

международного капитала, ведущая к колонизации России, с другой стороны, **выводят из зоны подлинно негативных оценок** резкое ухудшение социально-экономического положения большинства российского населения. Формирующемуся отечественному капиталу отказывают в протекционизме, но позволяют укрепляться непосредственно за счёт народа. Ему позволили также (вопреки объявленному) обогащаться и утверждаться при помощи "дикой, стихийной, на криминальной основе" приватизации, не выдвигают серьёзных заслонов на пути финансовых спекуляций, уклонения от налогов, взяточничества, коррупции и пр.

Процессы и результаты, которые оцениваются оппозицией "шоковым" реформам как разрушение материально-производственных и культурных основ цивилизованного образа жизни, как социальная деградация населения, выглядят с позиции, ориентированной на форсированную необратимую капитализацию, досадными, но неизбежными жертвами ("альтернативы нет"). Устойчивость процессов и результатов, неблагоприятных для большинства населения, объясняют недостаточно быстрыми темпами осуществления первоначальных замыслов реформ, отступлениями от радикальных методов преобразований. Ответственность возлагается на оппозицию, которая сопротивляется, требует и добивается уступок.

Вследствие выведения из зоны подлинно негативных оценок неблагоприятного воздействия реформ на российскую экономику и на социально-экономическое положение населения эти результаты выводятся также из числа тех, которые требуют первоочередного внимания и незамедлительных действий как объекты продуманной государственной социальной политики. В лучшем случае они признаются необходимыми в качестве объектов реагирования *post factum*, когда налицо усиление так называемой социальной напряжённости — прямая опасность или возникновение острых социальных конфликтов, угрожающих реализации общего курса реформ.

1.2. Ориентировка на возможность становления в России демократического неэксплуататорского общества, или народно-демократическая оппозиция форсированной капитализации

Отношение к социальным переменам в России с точки зрения позиции, считающей возможным становление в России в так называемый посттоталитарный период демократического неэксплуататорского общества (его называют по-разному — народно-демократическое, социалистическое), формируется в первую очередь следующими положениями из идейного багажа этой позиции.

1) Признание эксплуатации несправедливой.

Утверждается, что в старом обществе существовала жестокая эксплуатация трудящихся и что капиталистический вариант выхода из кризиса сохраняет эксплуатацию.

Источник (первопричина) эксплуатации усматривается в отстранённости трудящихся от власти в обществе и в хозяйстве, в результате чего:

а) частнокапиталистические собственники и капиталистическое государство получают возможность по своему усмотрению распоряжаться результатами труда наёмных работников; это, как правило, приводит к несправедливой с точки зрения трудящихся социальной дифференциации (доходы распределяются непропорционально трудовым вкладам);

б) государство, создавая гарантии неприкосновенности частной (частно-капиталистической) собственности, отдаёт тем самым приоритет интересам капиталистического класса по сохранению эксплуататорского характера отношений;

в) государство при прочих равных условиях (в первую очередь при отсутствии постоянного давления со стороны эксплуатируемых) не препятствует расширению и усилению эксплуатации, ухудшению социально-экономического положения тех слоев трудящегося населения, интересы которых не представлены достаточно весомо в структурах политической власти.

2) Признание **эксплуатации в принципе устранимой** на основе приобщения трудящихся (их полномочных и подконтрольных им представителей) к власти в обществе и хозяйстве, в первую очередь к государственной власти.

Считается, что последовательно демократическая власть способна выработать и обеспечить действие социальных механизмов, предотвращающих существование эксплуатации как устойчивого массового явления, формирующего социальную структуру общества.

3) Представление о **необходимости рынка** (рыночно-конкурентной экономики) как одного из атрибутов экономической демократии. Одновременно **отрицается, что политическая демократия является неизбежным следствием рыночных отношений.**

Следует подчеркнуть важность этого положения для понимания специфики рассматриваемой идейно-политической позиции, поскольку представления о рыночной экономике как капиталистической, отождествление перехода к рынку с переходом к капитализму широко распространены как в России, так и за рубежом не только среди сторонников капитализма, но и среди его противников.

Сторонники народно-демократических взглядов и представлений справедливо обращают внимание на то, что рынок и политическая диктатура вполне совместимы (о чём не только говорит теория, но и свидетельствует мировой исторический опыт), и на то, что политическая диктатура неизбежно вырастает из частно-капиталистического рыночного хозяйства, если нет постоянного противодействия этой тенденции со стороны общественных движений, отстаивающих демократию. Корень устойчивости демократии (и притом не ограничивающейся сферой рыночных отношений) видят в демократизации отношений на производстве (в развитой производственной демократии).

4) Положение о **необходимости государственного регулирования взаимоотношений хозяйствующих субъектов на рынке** (неприятие концепции так называемого свободного рынка).

Считается, что задача предупреждения несправедливой дифференциации доходов предприятий (непропорциональность доходов собственным усилиям трудовых коллективов, их вкладу в общественный эффект) может быть решена при помощи:

а) установления государством системы норм и правил хозяйствования, которые создают экономически равные исходные (стартовые) условия хозяйствования (в частности, при помощи введения платы за привлечённые ресурсы — материальные, трудовые, финансовые, природные);

б) государственной структурной и финансовой (налоговой в том числе) политики, блокирующей возможность для предприятий извлекать эффект от монополизации рынка.

5) Представление о **возможности и необходимости последовательно развитой производственной демократии (демократического самоуправления звеньев хозяйства)**, т.е. коллективного в рамках закона самоуправления трудовых коллективов.

Другими словами, считается, что функции власти и управления в пределах предприятий должны осуществляться самими трудящимися (как непосредственно, так и через свои выборные органы с привлечением к управлению подконтрольных трудовому коллективу профессиональных управляющих — с оплатой их труда по ценам рынка труда и на основах защиты законом и судебной властью прав и интересов управляющих).

6) Представление о необходимости и возможности при реальном доступе трудящихся к властно-управленческим функциям в обществе и в хозяйстве (в том числе на предприятиях) обеспечивать соответствие (пропорциональность) доли каждого работника в доходах предприятия личному трудовому вкладу — **распределение по труду**.

7) Представление о необходимости перераспределения части произведённого необходимого продукта при посредстве государства (через специальные фонды) для

обеспечения **гарантированной государством доступности для массового потребителя социальных и культурных благ** (образования, охраны здоровья, отдыха, обеспечения в старости и др.), для возвышения потребностей и потребления.

8) Положение о **возможности и необходимости разнообразия форм собственности и хозяйствования неэксплуататорского типа (государственных, коллективных, индивидуальных) и о праве трудовых коллективов на выбор формы собственности и формы ведения хозяйства**.

9) Положение о **неприемлемости безработицы (отрицание её правомерности и необходимости) и о неприемлемости принудительного характера труда**.

Считается, что задача государственной власти — обеспечить систему гарантий, защищающих право граждан на труд, на рабочее место и на общественно нормальный уровень трудового дохода.

Считается реальным в обозримые исторические сроки формирование (при помощи целенаправленной социальной и научно-технической политики) системы стимулов к труду (материальных, моральных, а также связанных с содержанием самого труда), которая способна обеспечить добровольность трудового образа жизни.

10) Признание необходимости **защиты государством свободы граждан на самоорганизацию, объединение** для отстаивания своих интересов во взаимоотношениях с государством и другими субъектами гражданского общества; признание права граждан на организованный мирный протест при отстаивании своих прав и интересов, на разнообразие форм протеста, включая экономические и политические забастовки.

Демагогическая пропаганда старого режима вдалбливала в массовое сознание миф о советском обществе как демократическом, неэксплуататорском, с общенародной собственностью, с равноправием наций и народов и т.д. и т.п. Конкретное словесное оформление изложенных

взглядов и представлений, составляющих идейный багаж позиции, ориентированной на возможность перехода от тоталитаризма к демократическому неэксплуататорскому обществу (будем называть её далее для краткости народно-демократическим течением), часто мешает неискушенным в науке и в политике людям отдифференцировать это течение общественной мысли и даже целостные научно-строгие концепции, которые находятся в русле этого течения, от качественно иных концепций и представлений, видящих возрождённую Россию в виде общества такого же типа, как бывший СССР. Часто подобное отождествление делается преднамеренно.

Предвосхищая специальное рассмотрение идейно-политического течения, ориентированного на возврат к прошлому под лозунгами возврата к справедливому для трудящихся (социалистическому) строю, отметим один из главных признаков, по которому его можно отличить от течения общественной мысли народно-демократической ориентации. Этот признак как раз и есть извращённые представления о прошлом, его неосознанная или сознательная идеализация. Народно-демократическое идейное течение исходит, во-первых, из того, что прежний строй был недемократическим, а потому (неизбежно) эксплуататорским — лжесоциалистическим, и, во-вторых, из того, что без демократии эксплуатация неустранима и что при этом наличие эксплуатации отличает буржуазную демократию от народной демократии и тем более от развитых форм народной демократии (от социализма).

Из характера основных положений народно-демократического идейно-политического течения вытекает **неприятие "шоковых" реформ в принципе**, поскольку они, по замыслу, переводят Россию на путь капитализации и тем самым отсекают (или существенно затрудняют, отодвигают в далекое будущее) вариант развития по пути к демократическому неэксплуататорскому обществу.

Для народно-демократического течения характерно также утверждение, что реально существовала не только возможность перехода к демократическому не-

эксплуататорскому обществу, но и другие альтернативы "шоковым" реформам, лежащие в русле капитализации, но более благоприятные для трудящихся. Утверждается, что государственная политика "шоковых" реформ есть политика государственной поддержки, содействия первоначальному накоплению капитала и что она сознательно проводится правительством за счёт народа по двум причинам:

во-первых, потому, что за счёт снижения уровня жизни трудящихся идёт формирование капиталов;

во-вторых, потому, что для функционирования капиталистических отношений требуется наличие многочисленного бедного и беднейшего населения, лишённого средств производства и поэтому вынужденного быть наёмным классом.

Из объявленных и фактически применяемых конкретных способов осуществления реформ и их социальных результатов **наиболее негативную оценку** получают те, которые ухудшили социально-экономическое положение трудящихся и при этом не открыли перед Россией перспективу выхода из кризиса в демократическое (пусть и в буржуазно-демократическое) общество с достойным уровнем жизни населения. Настойчиво акцентируется негативный характер следующих замыслов, процессов и результатов.

1) Недемократический характер реформы собственности. Реформа собственности оценивается как принудительная приватизация, лишаящая трудящихся реальных перспектив на власть и собственность в хозяйстве. Раздел национального имущества, крупномасштабное акционирование, использование ваучеров расцениваются как методы, позволившие ввести большинство трудящихся в заблуждение относительно результатов реформы собственности. Констатируется, что в России возникли не миллионы собственников предприятий, а миллионы владеющих несколькими акциями, и что это не даёт их владельцам ни существенной прибавки к доходу, ни возможности влиять на хозяйственно-управленческие решения.

Считается, что была возможность провести демократизацию собственности без раздела, а на принципах передачи государственных предприятий в управление трудовых коллективов.

Отмечается, что многие рядовые работники согласились на приватизацию и даже в значительном числе случаев требовали приватизации, так как действительно рассчитывали стать собственниками своих предприятий. Подчёркивается, что подобные надежды и расчёты были обмануты, поскольку не удалось противостоять номенклатурной приватизации и вряд ли удастся (без изменения государственной политики) противостоять мирными методами дальнейшему переделу собственности в пользу быстро формирующегося отечественного капитала и иностранного капитала.

2) Отсутствие в фактически осуществляемой социальной политике компонентов, обеспечивающих социальную защищённость широких слоёв населения от обнищания.

Акцентируется, что старая система социальных гарантий разрушена без замещения её новой системой социальных гарантий.

Отмечается, что правительственная социальная политика не укладывается в объявленную на переходный период к рынку формулу "защита слабых", что на деле государство полностью устранилось от ответственности за формирование нормального уровня и достойных условий жизни граждан, отказалось от тактики опережающих мер по социальной защите даже наиболее уязвимых слоёв населения в пользу тактики запаздывающей и недостаточной поддержки лишь явно деградирующих слоёв.

Негативно оценивается бессистемное проведение социальных мероприятий — по преимуществу в порядке уступок под давлением "снизу", в результате чего уровень жизни медленнее снижается не у тех, кто находится в худшем положении, а у тех слоёв трудящихся, которые применяют те или иные способы давления на правительство (в первую очередь забастовки) или же торгуют своей

поддержкой правительству (оказывают её в обмен на уступки).

3) Разрушительное влияние реформ на российскую экономику.

Разрушение производства, закрытие предприятий, сокращение рабочих мест, рост безработицы, возникновение условий, благоприятных для расхищения национальных ресурсов, квалифицируются как результаты сознательной политики деиндустриализации России, переводящей её в разряд стран третьего мира, стран колониального типа. Осуждается отказ в замыслах и в фактических акциях реформ от политики протекционизма по отношению к отечественным производителям.

4) Деградирующее воздействие реформ на российские народы.

Перемены в условиях и способах жизнедеятельности российского населения обобщаются выводом о том, что значительная часть населения и Россия как страна в целом **всё заметнее входят в процесс социальной деградации (одичания)**. Считается, что это прямое следствие принудительного резкого понижения уровня жизни и принудительного его удерживания в течение длительного времени существенно ниже того уровня необходимого продукта, который сложился до реформы. Термин "экономический геноцид населения" признаётся отражающим реальную фактическую направленность реформ независимо от того, кем он употребляется.

Отмечаются такие проявления социальной деградации, как разрушение системы стимулов к труду, трудовой морали; всё большее распространение психологии приспособленчества; рост организованной преступности, коррупции, а также разнообразных противоправных действий, вызванных потребностью людей как-то продержаться, выжить; увеличивающийся отток из страны наиболее квалифицированных людей, научной и творческой интеллигенции; декалфикация работников, вынужденных браться за любое подвернувшееся дело, дающее доход.

Как специфический для России фактор социальной деградации отмечается непривычный для большинства российского населения страх потерять работу. Этот страх парализует становление солидарного сопротивления "шоковым" реформам, заставляет трудящихся соглашаться с прямыми нарушениями их трудовых прав (в том числе с длительными задержками заработной платы, с повышением интенсивности труда, с ухудшением условий труда и пр.), определяет в целом невысокий уровень претензий, когда трудящиеся решаются на протест, на забастовки.

Подчёркивается, что в результате "шоковых" реформ утрачивается доверие к демократическим лозунгам и к политическим силам, выступающим за демократические ценности, если они используют лозунги, скомпрометированные расхождением надежд и обещаний с фактическими итогами реформ.

5) Расширение социальной базы **реакционной (недемократической) политической оппозиции**.

Это считается особо опасным для будущего России, российского народа. Отмечается, что реакционная оппозиция всё более умело спекулирует на реальных негативных для трудящихся итогах "реформистского прорыва", подогревает экстремизм в рабочем движении, активизирует настроения против любых демократических реформ хозяйства, склоняет часть российских граждан принять "в нагрузку" к обещаниям защитить их интересы такие компоненты идеологии реакционной оппозиции, как национализм и шовинизм, восстановление имперского Союза ССР, требования расправы с "врагами народа" и пр. **Тенденция фашизации массового сознания** оценивается как фактор, существенно увеличивающий вероятность реализации тоталитарного варианта будущего России.

С позиции, ориентированной на возможность становления в России демократического неэксплуататорского строя, **позитивными сдвигами** являются те, которые вносят демократические начала в общественную жизнь

или создают более благоприятные условия для борьбы за демократию.

С этой точки зрения главными (исторически прогрессивными) достижениями революционных процессов 1988-1991 гг. признаются ликвидация монополии КПСС на власть и распад имперского по своей сути Союза ССР.

В то же время утверждается, что с конца 1991 г. политическая власть стала проявлять себя как **буржуазная диктатура**, осуществляющая антинародные социально-экономические реформы. Отмечается, что государственная социальная политика со времени начала "шоковых" реформ расходится с интересами большинства населения, игнорирует самые насущные потребности народа, ориентирована на интересы меньшинства населения (на интересы формирующейся крупной буржуазии, причём приоритет имеет буржуазия, связанная с иностранным капиталом, — так называемая компрадорская буржуазия).

Исходя из приведённых выше общих оценок социальных перемен в России, формируются и представления о конкретно-исторических социальных проблемах и их приоритетах. Главная проблема ставится как проблема **политической демократизации**, как создание всех необходимых предпосылок для становления гражданского (многосубъектного) общества в целях разворачивания мирной борьбы различных социальных сил в процессе осуществления Россией исторического выбора своего будущего. Выдвигается требование жёсткого контроля (на основе демократических законов и создания действенных механизмов их реализации) за деятельностью фашистских и иных тоталитарных организаций и движений, пресечения их деятельности в случае её незаконного характера.

Для народно-демократической позиции характерно признание того, что ряд достижений демократической борьбы против тоталитаризма ещё не сведён на нет и что эти достижения в первую очередь состоят в начавшемся процессе формирования многосубъектного гражданского общества. Однако подчёркивается, что общественные и политические организации и прежде всего политические

партии носят во многом ещё декоративный характер, не являются реальными субъектами социальной политики, не имеют собственной, достаточно широкой и устойчивой социальной базы.

В рамках идейно-политического течения народно-демократической ориентации существуют разные представления о том, насколько реальна сегодня переориентация реформ на переход к демократическому обществу неэксплуататорского типа, осуществима ли такая задача в ближайший исторический период. Осознаётся, что для постановки такой задачи в качестве практического политического ориентира действий необходима опора на широкие, мощные движения трудящихся. Устойчивость и силу таким движениям способно придать только демократическое рабочее движение с собственными позитивными программами народно-демократических общественных преобразований. Констатируется, что такого рабочего движения в России ещё нет. В то же время считается, что ещё существует реальная возможность развития России по пути к демократическому капитализму — к обществу с политической демократией, в котором частно-капиталистическая собственность (основанная на эксплуатации наёмного труда) занимает ведущее место, но не является единственной, и в котором рыночная экономика существует в виде так называемой социальной рыночной экономики (т.е. действуют механизмы, обеспечивающие устойчивую и высокую степень социальной защищённости эксплуатируемых трудящихся и их семей от рисков (опасностей) рыночно-конкурентной экономики). Для такого развития необходимая поддержка "снизу" может стать достаточно широкой, но требуется реальная переориентация социальной политики на приоритет интересов трудящегося большинства населения.

Настаивая на таком принципиальном изменении социальной политики, народно-демократическая оппозиция выдвигает на первый план следующие социальные задачи.

Во-первых, осуществление **демократической реформы собственности** — такой, которая должна обеспе-

чить формирование новых многообразных форм собственности и хозяйствования на **добровольной** для трудящихся основе. Считается, что возможность проведения такой реформы появится, если отменить все акции приватизации, в ходе которых были нарушены законы, а также национализировать приватизированные предприятия со справедливым возмещением расходов новым собственникам, не нарушившим законы. Выдвигаются также требования государственной поддержки (в том числе требования принять соответствующие законы) процесса становления **производственной демократии** для обеспечения реальной причастности работников к осуществлению власти и управления на предприятиях всех форм собственности (в том числе государственной и частно-капиталистической).

Во-вторых, формирование **полноценной системы социальной защиты населения**, отвечающей демократическим целям и принципам, учитывающей в должной мере разнообразие и специфику конкретно-исторических социально-групповых и общественных интересов и проблем.

Признавая практическое отсутствие (слабость) в России демократического рабочего движения, сторонники народно-демократических взглядов весьма скептически относятся к развёрнутой ныне пропаганде идей и практики социального партнёрства, особенно когда эта пропаганда адресована исключительно или по преимуществу трудящимся, а не их потенциальным партнёрам (новым собственникам и администрации). У трудящихся России нет сегодня никаких реальных способов действий, которые могли бы вынудить государственных чиновников, новых собственников и администрацию предприятий осваивать на деле (а не на словах) практику социального партнёрства. Реальных механизмов, заставляющих их выполнять свои обязательства, всё ещё нет. Поэтому возникающие институты социального партнёрства (трехсторонние комиссии, тарифные соглашения, коллективные договоры и пр.) носят по преимуществу формальный характер, затушёвывают истинный характер складывающихся социально-трудовых отношений —

произвол по отношению к трудящимся, наступление на их права, свободы и интересы.

Связывая главную опасность тоталитарного будущего с обозначившейся тенденцией социальной деградации и с переходом всё большего числа обделённых реформами на сторону реакционной оппозиции, сторонники народно-демократических взглядов видят главный путь борьбы с этой опасностью в формировании широких демократических народных движений и в первую очередь организованного демократического и достаточно сильного рабочего движения **с собственной идеологией**. Поэтому разрушение производства, деиндустриализация, деклассирование трудящихся, развитие безработицы оцениваются негативно не только по социально-экономическим, но и по социально-политическим критериям как факторы, подрывающие возможность возникновения в России современного рабочего класса и сильного рабочего движения. С этой же точки зрения в приоритеты социальной политики попадают гарантии прав и свобод деятельности организаций трудящихся, в том числе профсоюзов. Осуждаются попытки ущемления их прав. Сильное демократическое рабочее движение рассматривается как главный, если не единственный, гарант перехода к демократии и устойчивости демократии, препятствующий скатыванию общества назад, к диктатуре.

§ 2. Позиции критической поддержки "шоковых" реформ

2.1. Ориентировка на капиталистическое будущее России как независимого партнёра развитых капиталистических стран (идеология российского или русского капитализма)

Нет необходимости характеризовать это идейно-политическое течение столь же обстоятельно, как идейный багаж позиции последовательной и безоговорочной поддержки курса на форсированную капитализацию. Принципиально, по главному социально-классовому со-

держанию они не различаются. Расхождения начинаются там, где разрушительное воздействие "шоковых" реформ напрямую затрагивает интересы формирующегося отечественного капитала.

Сторонники идеологии российского капитализма считают, что гарантом приобщения России к "цивилизованному западному миру" в качестве экономически развитой и политически самостоятельной страны является сильный отечественный капитал. Именно ему отводится роль главного носителя национально-государственных интересов России. **Негативную оценку** получают в связи с этим такие методы проведения реформ, которые ослабляют позиции отечественного капитала внутри страны и мешают ему занять прочные позиции на мировом рынке.

Концепция так называемого свободного рынка принимается в тех её аспектах, которые дают возможность отечественным предпринимателям извлекать максимальные выгоды из стихийно складывающейся экономической конъюнктуры. Одновременно с этим настойчиво выдвигаются требования государственного вмешательства и государственного регулирования в целях поддержки отечественного производства (отечественного капитала): требования жёсткой государственной политики протекционизма по отношению к ним; требования обеспечить приоритетную государственную финансовую и иную поддержку предприятиям, отраслям и хозяйственным комплексам, попавшим в ходе "шоковых" реформ в тяжёлое экономическое положение.

Ухудшение социально-экономического положения большинства населения оценивается с позиции ориентировки на сильный российский капитализм как неизбежная жертва. Однако появление проблемы бедности в России осознаётся как фактор, суживающий ёмкость внутреннего рынка и тем самым препятствующий развитию отечественного производства, отечественного производительного капитала. Осознаётся также опасность социальной дестабилизации в связи с обнищанием населения, поскольку она (дестабилизация) может прервать процесс развития

российского капитализма. Считают поэтому необходимым обеспечить населению "элементарные" условия существования путём регулирования уровней заработной платы и гарантированных доходов иждивенцев. Пропагандируют также мысль о том, что один из главных способов преодоления массовой бедности — это снятие препятствий для формирования класса богатых людей. Уверяют, что богатые люди по старой, как утверждается, традиции русского дореволюционного капитала, русского купечества станут, окрепнув, помогать бедным. Помощь бедным на основах благотворительности, развитие меценатства для поддержания гибнущей национальной культуры и политика экономического стимулирования (поощрения) предпринимателей к благотворительной деятельности — эти социальные идеи наиболее характерны именно для позиции, отстаивающей необходимость возрождения России на основах становления сильного самобытного российского (а то и прямее — русского) капитализма.

Следует отметить, что вполне закономерным для периодов становления капитализма является стремление новых собственников-предпринимателей не допустить формирования сильных организаций и движений трудящихся, способных эффективно отстаивать их интересы на производстве и в обществе. В России это стремление всё ещё редко воплощается в сознательной демагогии о социальном партнёрстве, хотя формально похожие на социальное партнёрство механизмы в наших современных условиях — весьма подходящий способ сохранить подчинённое, зависимое от администрации положение организаций трудящихся, в первую очередь профсоюзов (единственной оставшейся массовой организации работников на производстве). Для идеологии российского капитализма характерны, с одной стороны, остатки патерналистских представлений и ценностей, свойственных администрации предприятий в казарменные времена, а с другой стороны — всё более отчётливое проявление жёсткости по отношению к попыткам работников использовать старые профсоюзы и новые формы самоорганизации для действенной самозащиты. Эта жёсткость проявляется

по-разному вплоть до открыто-циничных высказываний о ненужности, невыгодности профсоюзов предпринимателям, о том, что они помеха нормальной работе предприятий. Имеет место практическое отсутствие профсоюзов на новых капиталистических предприятиях, попытки и всё учащающиеся случаи роспуска профсоюзов на приватизированных предприятиях под предлогом их ненужности работникам-акционерам (якобы ставшим собственниками). Один из показательных примеров жёсткости ("дикости", "нецивилизованности", как принято говорить) народившегося российского капитализма к эксплуатируемым им трудящимся — поручение Президента РФ руководителям Правительства, которое "пробил", если верить газете "Дело", генеральный директор "АвтоВАЗа" в ответ на то, что часть работников предприятия по инициативе активистов нового профсоюза решила бастовать из-за задержек зарплаты. Суть поручения — навести порядок, чтобы профсоюзы не "дезорганизовали" производство, а "конструктивно" работали (см. примечание 5).

В отличие от идейно-политического течения, допускающего колониальное или полуколониальное капиталистическое будущее России, идеология независимого российского (русского) капитализма включает в себя представления о необходимости восстановления ведущей экономической и политической роли России в отношениях с бывшими республиками СССР. С точки зрения народно-демократической оппозиции, эти представления выражают стремление к возрождению (в модифицированном виде) подчинённого положения бывших республик СССР по отношению к сильному имперскому Центру.

2.2. Российский вариант социал-реформизма (признание неизбежности капитализации с пожеланиями или требованиями смягчающих корректировок курса)

Идеология социал-реформизма со времени её обозначения в политическом спектре современной России значительно изменилась. В 1988-1990 гг. социал-рефор-

мизм выступал у нас (тогда ещё в СССР) под лозунгами борьбы за демократический социализм, который адекватен этому направлению политической мысли и политической практики в мировом рабочем движении, например, в рамках Социнтерна. Однако особенностью советского (а затем и российского) социал-реформизма с самого начала было признание необходимым (или неизбежным) для России стать на путь капитализма ("пройти через капитализм"), чтобы двигаться в сторону демократического социализма. Введение частной собственности, частно-капиталистического предпринимательства было объявлено необходимым для развития рынка, для эффективной экономики. Кое-кто из наших социал-реформистов договорился даже до того, что частная собственность — естественный и вечный атрибут социально-экономической жизни, необходимая предпосылка экономической и политической демократии.

В мировом рабочем движении социал-реформизм — это идеология постепенного отвоёвывания лучших для трудящихся позиций, постепенного смягчения эксплуатации при помощи принуждения капиталистического класса к компромиссам под давлением рабочего, профсоюзного движения. Такая идеология и стратегия родилась в начале века из осознания сложности задачи завоевания политической власти трудящимися в условиях слабости рабочего движения и укрепления политической, экономической и военной мощи капиталистического класса.

Отличительные черты идеологии социал-реформизма, возникшей на Западе в условиях жёсткого, хищнического отношения капитала к эксплуатируемому им труду, — политическая, экономическая и социальная демократия; разнообразие и равноправие разных форм собственности (а не приоритет частно-капиталистической); регулируемый рынок; социальная защищённость наёмного класса на основе ведущей роли государственных гарантий; принуждение капиталистического класса к перераспределению всё большей части доходов от экономической деятельности для финансового обеспечения социальной защиты трудя-

щихся и общественных иждивенцев; развитие различных форм участия трудящихся в управлении производством, в собственности и в доходах капиталистических предприятий.

В России в конце 80-х годов (в период перестройки) ситуация была иной — капиталистического класса (тем более мощного) ещё не было, а социалистические идеалы и ценности не были ещё скомпрометированы в глазах широких слоёв населения, не воспринимались лишь как демагогия КПСС, как несбыточные мечты, утопии.

Эти особенности России существенно повлияли на идейный багаж нашего социал-реформизма. Имеет смысл рассмотреть, почему он не получил большой самостоятельной политической роли в переходный период, а всё время как бы приплетается, припаривается к социальным силам, имеющим большие самостоятельные роли.

Родовая, сущностная черта социал-реформизма (всюду) — социально-политический компромисс: признание эксплуатации исторически несправедливой, в принципе устранимой, но на основе постепенного и длительного продвижения ко всеобщему признанию её несправедливой и ненужной. Такая позиция в тактическом, ситуативном плане (в конкретные периоды времени) практически смыкается с позицией социально-либеральной (то есть с позицией, для которой приоритет имеет защита свободы капиталистической эксплуатации). Так как социал-реформисты не считают устранение эксплуатации актуальным для данного периода, социал-либералы в прагматическом плане совершенно справедливо не видят существенных различий между собой и социал-реформистами. Подчёркнём ещё раз: коренным для социал-реформизма является вопрос об оценке эксплуатации лишь в принципе, вообще, в плане общечеловеческой справедливости, а в практическом плане — исключение борьбы с эксплуатацией из актуальных социально-политических задач на данном этапе развития общества.

Социал-реформизм западно-европейского толка сформировался в условиях капитализма и давал свои

оценки применительно к капиталистической эксплуатации. Идеино- политическое течение, возникшее в обстановке борьбы с тоталитаризмом в СССР и осознавшее себя как социал-реформизм (как умеренный борец за интересы трудящихся), могло бы идейно чётко оформиться, если бы в полной мере восприняло советское тоталитарное общество как эксплуататорское и определило бы своё отношение к этой конкретно-исторической форме эксплуатации в принципе и тактически. Однако ни один из потоков деятелей, из которых формировался российский социал-реформизм 1980-1990 гг., не дорос до этих позиций.

Первый поток кандидатов в социал-реформисты сформировался внутри тоталитарной партии (КПСС) и пришёл к лозунгам демократического социализма через попытки демократизировать тоталитаризм. При этом доброкачественность, социалистичность основ тоталитарного строя не подвергалась сомнению или по крайней мере этот вопрос не выдвигался на первый, принципиальный план. Передовые по времени ревизионисты-реформисты оформились в Демократическую платформу в КПСС, а через короткое время руководство КПСС в лице Яковлева, Горбачёва и Шеварднадзе подтянулось к позиции социал-реформизма и даже опубликовало проект программы демократизации КПСС. Главного для превращения этого крыла в социал-реформистское в его документах не было — не было признания существовавшего в СССР строя эксплуататорским. Строго говоря, это был не социал-реформизм, а **реформизм эксплуататоров**, реформизм сверху.

Тот же самый недостаток был и у второго потока кандидатов в социал-реформисты (социал-демократическая и демокommунистическая платформы в партии Демократический Союз, Социал-демократическая партия Российской Федерации и др.). Они также при осмыслении тоталитарной практики не выделяли такое её свойство, как эксплуатация. Они оказались жертвами радикально-либеральной пропаганды, утверждавшей, что эксплуатация, да и само деление на классы — дело устаревшее, что советский тоталитаризм есть социализм и более того — что со-

ветский тоталитаризм возник как якобы прямое следствие борьбы с частной собственностью, в которой боровшиеся с ней видели причину эксплуатации (то есть как следствие "пороков" марксистской доктрины, которую пытались применить на практике).

В результате для обоих потоков вопрос об эксплуатации оказался вообще за пределами актуальных для формирования их идейных платформ в период четвёртой русской революции. Те, кто не упустили из виду актуальности вопроса об эксплуатации, стали и становятся на народно-демократическую платформу, порывая практически с российским вариантом социал-реформизма. Последний же в свою очередь никак не может найти твёрдую почву для собственной идеологии и постоянно расщепляется, выступая донором для российского варианта социал-либерализма (позиция безоговорочной поддержки форсированной капитализации), с одной стороны, и для идеологии российского (или русского) капитализма, — с другой.

Практической мыслительной схемой для кандидатов в российские социал-реформисты неизбежно становится (для второго потока сразу, а для первого — чуть погодя) осознание следующей перспективы (логики развития): на первом этапе надо помогать переводить тоталитарное общество в капиталистический вид (похожий на западный), а уже потом, когда в России капитализм возникнет и укрепится, действовать по схеме европейской социал-реформистской модели. Такая конструкция исторического развития возникает в силу двух обстоятельств:

во-первых, в силу неумения учесть особенности собственной страны, понять сущность тоталитарного строя как эксплуататорского;

во-вторых, в силу готовности, "бороться" исключительно с капиталистом, а не с какой-либо иной социальной фигурой, причём бороться в форме социального партнёрства, а никак не иначе.

Вот откуда полная готовность формировать капиталиста и полная неготовность работать с трудящимися массами в интересах сопротивления наличной, фактиче-

ской эксплуатации, поскольку она всё ещё не похожа на цивилизованные взаимоотношения капиталистов с работниками как с социальными партнёрами. Отсюда же и непонятные на первый взгляд страстные призывы к социальному партнёрству в период беззастенчивого и практически беззаконного первоначального накопления капитала.

Российский социал-реформизм в силу отмеченных его конкретно-исторических странностей (несуразностей, абстрагирования от конкретной российской ситуации) не находит никакого контакта с трудовой массой и оказывается всё время на положении активиста-общественника при радикальном либерализме, идейно обосновывающем необходимость насильственного (по отношению к большинству трудящегося населения) первоначального накопления капитала, и при властях, осуществляющих соответствующие "шоковые" реформы.

Конечно, положение активиста-общественника не соответствует политическим амбициям заметных российских социал-реформистов и потому время от времени они меняют лозунги типа "ответственное сотрудничество" с правительством, "критическая поддержка" реформ и т.п. на лозунги демократической или конструктивной демократической оппозиции. Но все-то знают, что не имея поддержки в массах, эти активисты-общественники при буржуазной диктатуре всегда готовы опять сменить свои лозунги, чтобы при очередном распределении мест в органах власти не остаться в изоляции, прислониться к кому-нибудь более авторитетному, более сильному.

Идейная платформа российских социал-реформистов на протяжении 1991-1994 гг. складывалась не как собственная программа, а как реагирование на программы властей.

В силу своей идейно-политической ориентации российские социал-реформисты в целом поддерживали курс на форсированную капитализацию, усвоили вместе с большинством населения иллюзии относительно краткости трудностей переходного к капитализму периода. Социал-

реформисты ждали от реформ образования многочисленного так называемого среднего класса, развития массового среднего и мелкого предпринимательства, повышения общественного статуса квалифицированного наёмного труда. Эти процессы должны были, как представлялось, обеспечить социал-реформизму широкую социальную базу, поддержку электората, вхождение партий социал-реформистской ориентации в правящие государственные структуры. Ничего похожего не произошло.

В ходе реформ (начиная с первых месяцев 1992 г.) в социал-реформистском течении стало появляться оппозиционное отношение к методам "шока", но не к капитализации как таковой. Больше всего выражалось озабоченности по поводу так называемой номенклатурной приватизации: опасались, что выходцы из номенклатуры не смогут стать настоящими ("цивилизованными") капиталистами. С конца 1993 г. оппозиционное отношение к "шоковым" методам укрепилось, и сейчас в качестве наиболее актуальных (приоритетных) социальных задач ставится корректировка курса в направлении к социальному рыночному хозяйству и правовому демократическому государству (см. примечание 6).

Осуждаются такие социальные результаты реформ, как номенклатурная приватизация, по преимуществу спекулятивный характер экономической деятельности, монополизация экономики крупными промышленно-финансовыми группами, обнищание населения. Негативно оцениваются также те аспекты государственной социальной политики, которые препятствуют или затрудняют становление различных форм самоорганизации трудящихся для защиты своих прав и интересов. Осуждаются антипрофсоюзные тенденции в деятельности правительства и администрации.

Актуальной проблемой считается развитие отношений социального партнёрства по такому же типу, как в ряде развитых капиталистических стран. В этом пункте российский социал-реформизм существенно расходится с народно-демократической оппозицией, для которой характерно

подчёркивать, что в России сейчас нет необходимых условий для развития отношений социального партнёрства.

В российском социал-реформизме нет единства по вопросу об отношении к претензиям отечественного капитала на обеспечение приоритета своих интересов. Открытость экономики для иностранного капитала одни считают благом для России, а другие отстаивают необходимость ограничения свободы действий иностранного капитала в России и настаивают на поддержке, национального капитала.

В силу признания оправданности в целом главных акций реформ, направленных на крупномасштабную приватизацию (ибо капитализм считается нужным России), российский социал-реформизм всё ещё не смог выработать целостную систему радикальных требований к социальной политике, выполнение которых обеспечило бы в необходимой и достаточной степени учёт интересов широких слоёв российского населения, отвечало бы реальным насущным нуждам и требованиям трудящихся и стало бы основой достижения гражданского перемирия, гражданской разрядки в России.

§3. Идеологии перехода к обновлённому тоталитаризму

Характер и результаты российских реформ создают благоприятную почву для усиления **реакционной политической оппозиции**.

Из массового сознания постепенно начинает вытесняться достигнутое за последние годы: признание прежней общественной системы антигуманной; приверженность демократическим целям, выдвинутым четвертой русской революцией, отношение к ним как к прогрессивным, реально достижимым. Тем самым расширяется социальная база реакционной политической оппозиции.

При всех разновидностях взглядов и оттенков сторонники идей, характерных для реакционной оппозиции, сходятся в исключительно негативном отношении к ре-

зультатам российских реформ (они оцениваются как преступные, как противоречащие национально-государственным интересам России, подрывающие её экономическую и военную мощь, как прокладывающие путь к колонизации России, как геноцид населения). Спекулируя на очевидных разрушительных результатах реформ и напирая на обещания защитить народ при переходе власти в их руки, идеологи и политики из числа реакционной оппозиции выдвигают в качестве рецепта возрождения России недемократические (по содержанию) цели и методы борьбы. При этом один из демагогических приёмов — обвинение (справедливое обвинение) нынешних властей именно в отказе от демократических принципов взаимодействия с народом.

Идейно-политические течения внутри самой реакционной оппозиции различаются в первую очередь тем, какие конкретно идеалы и ценности из арсенала тоталитарных берутся на вооружение. Идеологи одних ветвей движения обращаются к особо реакционным, обычно сугубо имперским периодам исторического прошлого России. При этом родство с идеологией и политической практикой таких периодов может на словах отрицаться, но по сути речь всегда идёт о возрождении (с теми или иными модификациями) российского тоталитарного прошлого. Другие ветви движения берут за образец идеологию и политическую практику своих зарубежных предшественников или же претендуют на создание новых, самобытных образцов русского тоталитаризма. Но во всех случаях имеет место реальная устремлённость в такое будущее России, в котором власть и управление должны осуществляться по типу диктатуры, а не демократии.

Рассмотрим два главных потока (две главных тенденции) в разномасштабной идеологии реакционной политической оппозиции. Одна тенденция — прямая идейная преемственность с тоталитарным прошлым сталинистского типа, а другая — становление нового русского (усовершенствованного) тоталитаризма, открытого фашизма.

3.1. Обновленный тоталитаризм на основе социальной ностальгии

Социальные проекты, характерные для этого течения, представляют собой некий конгломерат, механическое соединение взятых из прошлой жизни отдельных элементов казарменного строя с элементами, заимствованными из демократических концепций, — для привлечения на свою сторону тех, кто сомневается в безупречности прошлого. Получается в итоге подновленная казарма, модернизированный сталинизм.

Основные положения обновленного тоталитаризма на основе социальной ностальгии сводятся к следующим.

1. Восхваление (апология) исторического пути СССР или же оправдание этого пути как "раннего" социализма, не успевшего развернуть всех своих преимуществ. При этом могут признаваться или не признаваться ошибки, просчёты, отступления от гуманистических (социалистических) принципов и даже преступления, но в целом прежнее общество объявляют или искренне считают обществом трудящихся, с властью трудящихся и защищавшим интересы трудящихся.

2. Требования восстановления СССР как якобы равноправного союза республик и народов. В распаде СССР усматривают чуть ли не главную причину нарушения нормального функционирования производства, разрушения хозяйственных связей, всех прочих бед и трудностей.

3. Восхваление прошлой военной мощи СССР как гаранта его независимости и сильных позиций в мире. Поддержка претензий военно-промышленного комплекса на сохранение его ведущей роли в экономике страны.

4. Апология прежних командных методов управления хозяйством. тотального контроля за экономикой, которые без всяких оснований отождествляются с демократическим централизмом и планомерностью управления якобы реально обобществлённым хозяйством. Требования

возврата к централизованно-государственным методам руководства хозяйством.

5. Противоречие между декларациями о демократии в хозяйстве и враждебным отношением к рынку. Воспроизводится тем самым отношение к рынку, свойственное старой командно-карательной системе.

6. Отождествление государственного с общенародным (национальным). Ставится знак равенства между государственными интересами и национальными интересами, государственной и народной властью.

7. Демагогическое заигрывание с трудящимися и особенно с рабочим классом, проистекающее из стремления быть руководящей и направляющей силой рабочего движения, единственным выразителем его интересов. За этим стоит стремление использовать рабочее движение во имя целей, которые самозванный авангард, тоскующий по прошлому, хочет навязать обществу.

8. Искажённое (упрощённое до неверности) представление об особой роли рабочего класса в революционном движении, доведение этой идеи до требования передать всю полноту власти в обществе и в хозяйстве рабочим. Тем самым вульгаризируется (в демагогическом сталинистском духе) известное положение К. Маркса о ведущей роли пролетариата в освободительном движении трудящихся, в народных революциях. Смысл вульгаризации — подмена целей демократического рабочего движения. Идея народной демократии (народовластия, опирающегося на законы, которые должны защищать равноправие и свободы всех трудящихся) подменяется идеей диктата рабочих, идеей власти исключительно рабочих и в интересах только или преимущественно рабочих.

9. Упор на конкретных виновников, "врагов" народа (Ельцин, его окружение, евреи и т.п.), которые оболгали народ, узурпировали власть и завели Россию в бездну "шоковых" реформ. Обещания быстрых перемен к лучшему в случае персональной смены руководства (смены вождей).

10. Идеализация прежних отношений социальной защищённости. Требование восстановить в полном объёме и на старых принципах прежние социальные гарантии, которые были в доперестроечном обществе.

Идеализация старой системы социальной защиты населения, требования восстановить её — важнейшие составляющие рассматриваемого идейно-политического течения. Они находят наибольший отклик среди обедневших и слабо защищённых слоёв населения, расширяют число склоняющихся на сторону организаций, выступающих с позиций социальной ностальгии. Для этого есть вполне объективные причины.

Положение большинства трудящегося населения в старой системе вспоминается как гораздо более защищённое в сравнении с условиями "шоковой терапии". Пороки прежней системы социальных гарантий как бы забываются, а на первый план выступает главное её свойство — то, что обеспечивалась определённая устойчивость положения, стабильность привычного уровня жизни. При этом массовое сознание отбрасывает, "забывает", что гарантированным был исключительно низкий уровень жизни и низкое качество социального обслуживания населения; что социальной защитой пользовались не все трудящиеся в равной мере (неравноправие крестьян, лимитчиков и др.); что условием стабильности и, тем более, условием улучшения положения была жизнь по правилам тоталитарного общества, которое подавляло проявления индивидуальности, непослушание, протест и предельно ограничивало свободу выбора и возможности изменения условий и образа жизни вплоть до фактического прикрепления к месту жительства, рабочему месту, поликлинике, школе и пр.

В основе требований возродить старые социальные гарантии, если они выдвигаются или поддерживаются трудящимися, чаще всего лежит неосознанное до конца наивное предположение, что из прошлого можно взять "хорошее", сохранить это "хорошее", но не брать при этом "плохое" — казарменно-карательный характер общественной системы в целом и всех её конкретных проявлений. В то же

время в таких представлениях получает своеобразное новое дыхание **экономизм** в рабочем и профсоюзном движении, в борьбе трудящихся за свои права и интересы, который как нельзя лучше пригоден для политических спекуляций реакционных социальных сил, реакционной оппозиции.

Идеологи и политики, выступающие с позиций социальной ностальгии, прочно упаковывают популярные требования восстановить привычный уровень и условия жизни, привычные гарантии в один пакет с другими, уже политическими лозунгами — восстановление имперского Союза ССР, прежних общественных отношений в целом. При этом, естественно, не напоминают о том, насколько жестокой была эксплуатация трудящихся в прежние времена, что уровень привычных социальных гарантий был весьма мал по сравнению с потребностями цивилизованного человека и что правящая каста (номенклатура) имела особые привилегии и гарантии, которые сама для себя установила. Разрушение старой системы социальных гарантий без замещения её новой эффективной системой социальной защиты трудящихся; политические спекуляции современных продолжателей дела КПСС на социальных следствиях политики первоначального накопления капитала — всё это подталкивает часть трудящихся не только к требованиям взять из старого "хорошее", но и к идеям типа "пусть диктатура, лишь бы была работа, бесплатный врач, бесплатное образование для детей" и т.п.

Следует подчеркнуть, что для политического течения, сочетающего ностальгию по прошлому с некоторыми формулами, которые выглядят как обновляющие тотализм, характерно именно **механическое** соединение этих двух черт.

Социальные механизмы, отвечающие интересам трудящихся (например, механизмы производственной демократии, передача предприятий в полное хозяйственное ведение трудовых коллективов, способы приватизации в пользу трудящихся и др.), слабо прописаны. Дело ограничивается по преимуществу общими лозунгами. А на уровне практической законодательной деятельности такого ро-

да механизмы включаются в общий поток нормотворчества, ориентированного на строительство капитализма, и на такой "компромисс" сторонники возврата к модифицированному тоталитарному прошлому идут.

Политические и социальные лозунги рассматриваемой идеологии носят в целом **демагогический** характер. В призывах типа: вернуть собственность народу, восстановить власть советов, возродить СССР и т.п. — содержится явно ложное изображение прошлого, в котором не было ни власти советов, ни народной собственности, ни социалистических республик, ни равноправного их союза.

Подытоживая, правомерно сделать вывод о том, что социальные требования, характерные для рассматриваемого идейно-политического течения, не обладают свойством конкретно-исторического подхода к социальной политике, игнорируют сложившуюся принципиально новую ситуацию в России (ситуацию первоначального накопления капитала и слабость рабочего движения). Эти социальные требования в классовом плане выражают стремления "обиженной" части номенклатуры (той, что не сумела по тем или иным причинам прорваться к разделу имущества и должностей с новой номенклатурой, с новым капиталистическим классом) вернуть прошлое и вместе с ним вернуть свое привилегированное положение в нём.

3.2. Обновленный тоталитаризм в открыто фашистском варианте (современный русский фашизм)

Открыто фашистское идейно-политическое течение, причём легально публикующее документы своих организаций, книги и статьи своих идеологов, — относительно новое явление российской действительности. Слова "фашист", "шовинист", "национал-социалист" в течение многих десятилетий носили в СССР и в России в том числе исключительно негативную, оскорбительную нагрузку. В обстановке "шоковых" реформ, породивших у многих

острое чувство незащитности, бессилия, страх потерять работу, не прожить на пенсию, не удержаться в новой роли самостоятельного мелкого бизнесмена и т.д.. обещания новых русских фашистов "навести порядок", покончить с преступностью, обеспечить всех работой, необходимыми средствами существования и пр. находят определённый отклик в рабочей среде, в других слоях населения (в том числе, у образованного сословия), особенно у тех, кто оказался на грани или за гранью социальной деградации.

"Зачем мне демократия, если я буду без штанов ходить" — эта нарочито грубая, циничная формула (её автор — А.С.Алексеев, председатель Конфедерации свободных профсоюзов России; см. примечание 7.) очень точно выражает социально-психологическую подоплеку появления социального иммунодефицита к опасному вирусу фашизма.

Современный русский фашизм в принципе не блистает новизной идейного багажа. Стоит только заменить слова "русская нация" на "немец" или "арийская раса" — отличия от предшественников практически сведутся к нулю. Есть в современном русском фашизме свои разновидности, которые роднят его либо с гитлеризмом, либо с фашизмом итальянского типа времён Муссолини. От фашизма сталинистского образца (как периода его расцвета, так и на этапе разложения режима во времена так называемого застоя), а также от неототалитаризма, ностальгирующего по сталинистскому прошлому, современный русский фашизм отличается тем, что не приемлет псевдомарксистскую и псевдосоциалистическую фразеологию.

Рассмотрение сталинизма (и его продолжения во времена так называемого застоя) как одной из конкретно-исторических форм фашизма не является общепринятым. Однако если исходить из того, что фашизм — это крайняя форма диктатуры, которая генетически может возникать не только из диктатуры капиталистического класса (буржуазной диктатуры), но и из диктатуры кастово обособившегося правящего слоя (получившего общепринятое для условий СССР название "номенклатура"). то казарменно-

кастовый строй в СССР по всем другим признакам правомерно считать крайней формой диктатуры, фашизмом. Отличия сталинизма от гитлеризма фиксируется на уровне деталей в демагогическом оформлении.

Некоторые исследователи фашизма (особенно западные, помнящие об антифашистской борьбе социалистов и коммунистов во время Второй мировой войны) никак не могут смириться с определением нашего тоталитарного строя как одной из форм фашизма. Они усматривают сущностную специфику фашизма в его антикоммунистической и антисемитской идеологии и практике. Однако наш казарменный строй, в основе которого лежали узурпация власти номенклатурой, предельное ограничение свободы социального поведения граждан, уравнивание трудящихся в несвободе, нищете и социальной пассивности, — этот строй ни в коей мере не был воплощением гуманистических составляющих коммунистической (марксистской) идеологии. Поэтому, строго говоря, этот строй был антиподом коммунизма (казарменным коммунизмом, псевдосоциализмом). Что же касается антисемитизма, то не имеет никакого значения, какой именно народ или народы записываются фашистами во враги коренной нации. Массовые репрессии сталинистского режима по отношению ко многим народам и государственная политика антисемитизма (в том числе в послесталинский период разложения режима) по сути, в коренных чертах не отличаются, а напротив, объединяют его с открытым фашизмом.

Идейный арсенал неототалитаризма в открыто фашистском варианте, который характеризует представления идеологов русского фашизма о социальных проблемах в России и путях их решения, состоит из следующих принципиальных положений.

1. Оценка разрушительных результатов реформ, проводимых "радикальными демократами", как геноцида в первую очередь и по преимуществу по отношению к **русскому** народу. При этом в качестве объекта геноцида могут упоминаться и другие коренные народы России, однако

забота о других российских народах выглядит крайне неубедительно, поскольку в конкретных программных установках упор делается на русскую нацию, русское крестьянство, русское государство, русскую армию, русскую молодёжь и пр.

2. Идея приоритета интересов русского народа (русской нации) в будущем русском национальном государстве вплоть до **отождествления государственных интересов с интересами русской нации**.

3. Утверждение о том, что в мировой истории (в том числе и в современный период российской истории) главным антагонизмом и движущей силой является **борьба наций**. В качестве антинациональных (антирусских) сил, **врагов русской нации** фигурируют: международная организованная сила, "взявшая в основу идеологию иудаизма"; "международная еврейская финансовая олигархия" (см. примечание 8); "нацмены из мафиозно-коррупцированных кланов"; иностранный капитал и его "выдвиженцы" из числа россиян (см. примечание 9) и т.п.

4. Отрицание противоречивости социально-групповых интересов и противоборства социальных групп (классовой борьбы). Призыв к русскому народу сплотиться во имя защиты общенациональных интересов, осознать себя единой нацией, **отказаться от социально-классового противоборства**.

Имеет смысл привести здесь одну из ярких формул русского фашизма, призывающую к "социальному партнёрству" в фашистском варианте: "Остановить экономическую диверсию против России можно только осознав себя единой Нацией и, понимая, что непримиримая классовая борьба работодателей и людей наёмного труда есть изверская марксистско-сионистская выдумка. Интересы работодателей и рабочих не должны сталкиваться в такой борьбе. Напротив, они должны способствовать развитию производства на основе общенациональных интересов" (см. примечание 10).

5. Установки на ярко выраженный **имперский** характер будущей России. Сюда следует отнести как установку

на унитарность государства, так и причисление к русской нации не только "великороссов", но и (без согласия с их стороны) "малороссов (украинцев)" и "белороссов".

6. Конкретные установки на создание системы социальной защиты населения исходя из целей **выращивания "чистой" русской нации** — охрана здоровья и генетической чистоты нации; охрана материнства и детства не как самоценной гуманистической установки, а в целях сохранения преобладающего количества русских в России; приоритетное право русской молодёжи на образование; националистически ориентированная система образования (изъятие из образования общечеловеческих ценностей). (См. примечание 11).

7. Государственный контроль над экономикой (в том числе в форме государственной собственности на природные богатства, землю) для того, чтобы покончить с коррупцией, с организованной преступностью, обеспечить **порядок во имя интересов вновь зарождающегося русского предпринимательства**. Протекционизм по отношению к русскому предпринимательству (капиталистическому, по контексту) для скорейшего его становления.

8. Обещания многоукладной экономики при **государственном контроле над экономикой**; обещания заботиться о возрождении русского крестьянства, государственная помощь крестьянину как "самой здоровой части нации" (см. примеч. 12).

9. Демагогические **заигрывания с рабочим классом**, но в отличие от неототалитаризма, использующего псевдосоциалистическую фразу, русские фашисты не сулят рабочим ни политической власти, ни собственности. Уверяют лишь, что государство будет **заботиться** о рабочих, об условиях их труда, заработке и пр.

10. Ярко выраженная ориентировка на **милитаризованную экономику** — на наращивание военной мощи (реконструкция военной промышленности, но не конверсия), на реализацию соответствующих военно-экономических государственных программ, на привилегированное, высоко статусное место офицерства в обществе.

11. Экспансионизм, выраженный в различных формах (от обещания привести русских солдат к чужим морям и до установки любыми средствами защищать интересы русских, живущих за пределами России). По сути прямая установка на будущие военные агрессии.

Идеологию русского фашизма отличает её целостность, увязанность всех её элементов между собой. Взять из фашистских концепций какие-либо элементы и предложить их в качестве объекта переговоров для достижения компромиссов — невозможно. Да и сами идеологи русского фашизма подчёркивают свою бескомпромиссность и готовность бороться до конца, не стесняясь в средствах, за реализацию своих целей в полном объёме. А для этого нужна власть, которую ни с кем, судя по всему, открытые русские фашисты делить не намерены.

Фашистская идеология привлекательна не просто для обездоленных, незащищённых, которым обещают улучшение материальных условий жизни, а в духовном плане — возможность и даже обязанность гордиться принадлежностью к "чистой" русской нации. Главная социальная база любой диктатуры — обнищавшие, неуверенные в своем будущем и к тому же не привыкшие, не умеющие постоять за себя, включиться в активное политическое действие, ждущие указаний и заботы "сверху". Эта социальная база распределяется сегодня в России между идеологами буржуазной диктатуры, ностальгического неототалитаризма и русского фашизма. Открытый фашизм может черпать и черпает свою силу в пассивном обывательском сознании, всё ещё свойственном значительной части российского населения. Это — прямое наследие советского тоталитаризма. Быть солдатом трудовой армии, не думать о завтрашнем дне, послушно исполнять волю вождей-командиров и за это иметь гарантии устойчивого материального положения и даже перспективу его улучшения, перспективу карьеры — вот чем удобен тоталитаризм и фашизм для пассивного обывателя. Таким обывателем можно манипулировать, он — резервная сила кон-

серватизма и реакции, социально слепая сила, ибо не видит, к каким следствиям приведут в конце концов на деле идеи обновления тоталитаризма.

К открытому фашизму тянутся также всякого рода неудачники, авантюристы, оболваненная недоучившаяся молодёжь, ищущие способы самоутвердиться. По наблюдениям ряда участников общественных движений демократической направленности, среди тех, кто не претендует на роль идеологов фашизма, но согласны быть его солдатами-исполнителями — особенно среди молодежи, — присутствует (как, кстати, и в проправительственной ДемРоссии) повышенный процент людей с явными психическими отклонениями, вплоть до умственной отсталости. Если это действительно так, то одним из путей сокращения резерва фашистских активистов становится радикальное улучшение общих условий жизнедеятельности населения, охрана здоровья народа, повышение экологической безопасности, борьба с алкоголизмом и наркоманией — словом, устранение и предупреждение факторов, вызывающих появление на свет людей с психическими отклонениями.

Имеет смысл подчеркнуть, что фашисты тоже говорят о здоровье народа — но о здоровье русской нации в первую очередь, а путь к здоровой нации лежит у них через борьбу за её чистоту и через расправу с теми, кто не согласен со славянским (русским) расизмом и наносит вред генофонду.

Призывы к расправам, обещания преследований в уголовном порядке, угрозы и запугивания всех, кто не согласен стать в строй и посвятить себя фашистскому делу, — всё это есть в русском фашизме, как и во всех других исторических разновидностях фашизма.

Целый ряд программных установок и призывов русского фашизма (приоритет интересов русских промышленников и предпринимателей, осуждение классового противоборства, восстановление ведущей роли военно-промышленного комплекса в экономике и др.) вполне соответствуют интересам и идеологии формирующегося российского капитализма и обозначают линии его возможного

(и уже фактического в ряде случаев) сотрудничества с современными русскими фашистами.

Главный путь к преодолению тенденции фашизации массового сознания лежит в области принципиального изменения социальной направленности реформ. Только таким способом можно оттянуть от фашистов (в том числе и от тех, кто всё ещё выступает под лозунгами возврата к якобы счастливому и якобы социалистическому прошлому) людей, обманутых идеологами "шоковых" реформ и обманываемых теперь идеологами русского фашизма. Надеяться на "перевоспитание" самих идеологов не приходится.

Часть III

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ЗАДАЧИ И ТРЕБОВАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП И ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ

§1. Теоретические предпосылки социально-группового анализа состояния общественного сознания

Во второй части настоящей работы представлены результаты анализа различий в отношении к социальным переменам в России в наиболее обобщённом виде — в форме шести основных идейно-политических течений, каждое из которых ориентировано на "свой" вариант будущего социального облика российского общества. Тем самым определены принципиальные различия в подходах к социальной политике. Было бы неверным упрощением утверждать, что субъектом каждого из шести идейно-политических течений является какая-либо социальная группа (группы) современного российского общества или какая-то конкретная общественно-политическая организация (организации). В лучшем случае можно говорить о преобладании на различных стадиях кризиса тоталитаризма и на разных этапах реформ определённых взглядов и требований среди тех или иных слоёв населения, о тяготении существующих политических организаций и движений к тому или иному течению общественной мысли.

Данный раздел работы содержит более конкретный уровень анализа. Наша задача — представить требования к социальной политике, понимание социальных проблем **в увязке с субъектами этих взглядов и требований, то есть в увязке с элементами социальной структуры современного российского общества и политическими силами, выражающими их интересы.** Чтобы провести такой поэлементный (социально-групповой) анализ необходимо в полной мере учесть историческое своеобразие современного этапа развития российского общества.

Это своеобразие чаще всего фиксируется весьма неточно в терминах следующего типа: переходный период от тоталитаризма к демократии; переход от социализма к капитализму; переход к рынку и т.п. Однако научно строгим является следующее определение современного этапа развития России: **кризис старой тоталитарной общественной системы и революционная (по коренным вопросам) социальная борьба по поводу путей выхода из кризиса — по поводу целей и методов преобразования общественной системы.** При этом, как показано во второй части нашей работы, одни социальные силы борются за то, чтобы переходный период стал переходом от тоталитаризма либо к буржуазной, либо к народной демократии, а другие ставят совершенно иные цели. Переходный (в строгом значении этого слова) период закончится, когда направленность преобразований окончательно определится и станет необратимой.

В настоящее время российское общество всё ещё находится в пределах переходного периода, то есть осуществляет в остром противоборстве социальных сил исторический выбор нового русла своего дальнейшего развития.

Фундаментальное свойство периодов исторического выбора (переходных периодов), в течение которых могут сменять друг друга разные по целям революционные и контрреволюционные фазы, — **переходное состояние социальной структуры общества.** В основу поэлементного (социально- группового) анализа взглядов, представ-

лений и требований к социальной политике должен быть положен методологический подход, диктуемый этим фундаментальным свойством (см. примечание 13).

Переходное состояние социальной структуры означает, что старые социальные группы российского общества (касты) разлагаются, из них формируются элементы новой социальной структуры, но **какой именно структуры, — этот вопрос для самих участников процесса остаётся пока ещё открытым.** На уровне идеологии в переходный период рождаются **различные типы переходного сознания.**

С начавшимися в обществе переменами связываются разные надежды, разные стремления, разные ожидания. Конечно, социально-экономическое положение людей в старом, дореформенном обществе, а также достигнутое ими положение в ходе реформ, сравнение своего положения с положением других членов общества — всё это влияет на взгляды людей и на характер их социального поведения. Однако **ведущим фактором,** формирующим однотипность конкретных требований и действий в переходный период, является совпадение (или близость) представлений людей о том, **какое место они предполагают, стремятся или согласны** занять в будущем (обновляющемся) обществе, другими словами — представления людей **о желаемом** ими своём социально-экономическом положении.

Поддерживая или отрицая те или иные конкретные акции реформ, выдвигая те или иные требования по сохранению или изменению условий своей жизнедеятельности, люди тем самым самоопределяются в реформенной России в отношении того, каким они видят своё социально-экономическое положение, свою социальную роль в России послереформенной (постпереходной).

Заметим, что в переходные периоды субъективные оценки вероятности осуществления тех или иных стремлений далеко не всегда адекватны реальным возможностям. Иначе говоря, переходное сознание непременно включает в себя множество иллюзий (утопий). Отсюда

проистекает, в частности, экстремизм в современном массовом сознании как одна из реакций на ситуацию, когда иллюзии развеиваются, надежды не сбываются.

Экстремизм не следует путать с радикализмом. Радикализм — это понимание действительных причин и тенденций, постановка задач достижимых, но вытекающих не из сиюминутных, а из долговременных, коренных интересов. В отличие от этого экстремистские задачи и требования не укладываются в реально возможные варианты развития. Попытки их реализации приводят к совершенно иным результатам. Пример: попытки установить в СССР вместо народовластия исключительно рабочую власть привели к узурпации власти партийно-государственной номенклатурой.

Важнейшая особенность переходного сознания — устремлённость **в разное будущее** людей, принадлежавших к одной и той же старой социальной группе (касте). В то же время взгляды и надежды людей, относившихся к разным кастам в старом обществе, могут тяготеть и тяготеют **к одному и тому же** варианту будущего.

Противоборство различных вариантов будущего — это процесс выдвижения и отстаивания разнотипных целей, задач, требований. А субъектами такого противоборства, то есть субъектами действий в соответствии с желаемым будущим, являются уже не старые касты и ещё не новые социальные группы, а элементы **качественно изменяющейся (переходной) социальной структуры**. Специфика этих элементов состоит в их **группоподобности**: есть воспроизводимость некоторых общих свойств — в первую очередь представлений людей о желаемом ими своём социальном статусе в будущем обществе (своей социальной роли, месте в нём), — но нет ещё устойчивой качественной определённости социально-экономического положения, системы интересов, целостной идеологии. Уместно называть поэтому элементы переходной социальной структуры **переходными социальными слоями**, или **абитуриентскими (претендентскими) социальными группами**.

Наша терминологическая проблема — обозначить неустойчивое, пробное (с весьма возможными попятными движениями) социально-экономическое положение тех сгустков людей, которых объединяет некоторые намечающиеся параметры не общественного положения даже, а параметры их общественного поведения, мотивов, намерений. Вот почему старое понятие “слой” употребляется здесь за неимением более подходящих старых терминов и одновременно предлагается (вводится) более точный, на наш взгляд, термин для определения элементов трансформирующейся социальной структуры — абитуриентские, или претендентские социальные группы.

Множество конкретно-исторических типов переходного сознания и их субъектов (абитуриентских социальных групп) гораздо шире, чем множество основных идейно-политических течений, а состав типов переходного сознания и содержание каждого из них гораздо изменчивее. К тому же в представлениях одного и того же абитуриентского слоя и организаций, выступающих с позиций этого слоя в реальной политической борьбе, есть, как правило, противоречащие друг другу идеи и требования (такие, которые не могут быть реализованы совместно), а то и вовсе нереалистичные.

Особенности переходного общественного сознания усложняют социальную структуру общества, множат противоборствующие силы. Много в понимании социальных проблем и в конкретных требованиях носит случайный характер или связано с чисто субъективными факторами, например, с конъюнктурным политическим подражателем. Однако основные типы переходного сознания (основные абитуриентские социальные группы) можно выделить по совокупности главных тенденций в процессах социальной трансформации, идейного размежевания. Исследования подобного рода не получили ещё должного развития в российском обществоведении. Поэтому мы не располагаем достаточно надёжной (научно обоснованной) картиной переходной социальной структуры. В то же время экспертиза и анализ, нацеленные на нужды практиче-

ской социальной политики, не может обойтись без определённых (пускай в значительной мере гипотетических) комплексных характеристик ряда типов переходного сознания, которые реализуются в структуре переходного общества как абитуриентские социальные группы.

При отборе конкретно-исторических типов переходного сознания, которые как минимум следовало включить в нашу экспертизу, мы опирались на представления о наиболее вероятных результатах начавшейся трансформации социальной структуры российского общества. А именно: мы полагаем, что наиболее вероятным для российского общества является сейчас становление социальной структуры буржуазной формации, в которой решающими (основными) социальными группами являются класс капиталистов и класс наёмных рабочих. До тех пор, пока не окрепло новое демократическое рабочее движение с собственной идеологией, вероятность народно- демократического будущего остаётся малой. В это же самое время и по этой же самой причине (отсутствие демократического рабочего движения с собственной идеологией) нарастает вероятность модификации будущего российского буржуазного общества в общество зависимого полукOLONиального типа с зачаточными, крайне неустойчивыми демократическими социальными механизмами, реально охватывающими лишь незначительное меньшинство населения. Основные модифицирующие факторы такого общества — расслоение буржуазии на компрадорскую и отечественную, а класса наёмных эксплуатируемых трудящихся — на включённых в мировой рынок, в мировое хозяйство и не включённых в него.

Опираясь на вывод о наиболее вероятной социальной трансформации российского общества, мы выделили два главных типа переходного сознания, которые характеризуются следующими представлениями людей о своей социальной роли в постпереходном (послереформенном) обществе:

— согласные на роль наёмных эксплуатируемых работников;

— видящие себя собственниками-капиталистами или же капиталистами-предпринимателями.

Одновременно с этим на третьем-четвёртом году реформ всё ещё остаются достаточно распространёнными надежды на продолжение (пересмотр результатов) приватизации в пользу трудящихся, на возможность становления коллективных и иных социализированных форм собственности, а также на возврат если не к прежним политическим порядкам, то к прежним уровню и образу жизни. Такие надежды скорее всего не сбудутся в ходе российских реформ. Однако при анализе типов переходного сознания нельзя игнорировать многочисленные группы с подобными надеждами. Поэтому в дополнение к двум выше названным типам переходного общественного сознания следует учитывать, по меньшей мере, существование следующих двух:

— желающие стать трудящимися совладельцами-сохозяевами;

— мечтающие о возврате к своему прежнему положению в обществе (в рамках этого типа переходного сознания есть существенные разновидности, специфика которых определяется тем, о возвращении к какой конкретно социальной роли мечтают).

Совокупность идей и требований, составляющих в целом или в основном тот или иной тип переходного сознания, гораздо легче обнаружить в документальных источниках конкретных движений и организаций, претендующих на выражение интересов каких-либо определённых слоёв населения, чем совокупность положений, которыми мы охарактеризовали главные современные идейно-политические течения. Однако и в данном случае следует подчеркнуть, что тип переходного (абитуриентского) сознания и сумма взглядов и требований той или иной конкретной организации, движения — вещи разные. Другими словами, конкретную организацию, конкретного человека и даже конкретное движение можно причислять к носителям того или иного типа переходного сознания с известной долей условности.

Основные типы переходного сознания обозначились ещё до "шоковой терапии". В ходе реформ, по мере прояснения их результатов происходит переопределение субъектами переходного сознания своих представлений о будущем и своём месте в нём.

§ 2. Социальные проблемы и требования согласных на роль наёмных эксплуатируемых работников

Курс на капитализацию, форсированное осуществление которого началось в 1992 г., был поддержан не только теми, кто рассчитывал стать легальными частными собственниками, свободными самостоятельными предпринимателями, бизнесменами. Он был также принят и активно поддержан значительной частью рабочих и подавляющей частью производственной, научной и творческой интеллигенции, которые поверили, что развитие капитализма в России быстро наполнит потребительский рынок, поднимет заработки, разрешит все другие острые социальные проблемы. Эта часть населения видела Россию по окончании краткого, как было обещано правительством, переходного периода к рынку развитой капиталистической страной европейского или североамериканского типа, а себя — в роли людей наёмного высокооплачиваемого труда. "Пусть эксплуатируют, лишь бы хорошо платили" — вот упрощённая формула социальных претензий согласных на роль наёмных эксплуатируемых работников, но она очень точно схватывает суть этого типа переходного сознания.

Надежда на существенное улучшение социально-экономического положения трудящихся, если они станут наёмными работниками у новых собственников-капиталистов, обусловила выдвижение на первый план (ещё до начала "шоковых" реформ) задачи **быстрого возникновения класса цивилизованных частных собственников-капиталистов**. Парадоксально, что эта задача была воспринята как отвечающая интересам трудящихся, как одна из наиболее актуальных для рабочего (!) движения.

Наиболее отчётливо такая постановка звучала из уст инициаторов создания и активных деятелей **новых профсоюзов**. Надо "сначала создать собственника" — этот тезис появился в новом профсоюзном (и в первую очередь в шахтёрском) движении с момента его возникновения и фигурирует в различных словесных модификациях в идейно-политических ориентациях большинства новых профсоюзов до сих пор. Под собственниками подразумеваются частные хозяева, способные организовать (с помощью подлинных профессионалов-управляющих) производство, поднять его эффективность, создать тем самым необходимые предпосылки для роста благосостояния трудящихся.

Ориентировка на появление цивилизованных частных собственников-предпринимателей тесно связана в идейной платформе претендентов на роль наёмных эксплуатируемых работников с задачей **становления отношений социального партнёрства** между наёмными работниками и работодателями (собственниками).

Предполагалось, что новые частные хозяева, капиталистические предприниматели станут **ответственными** социальными партнёрами наёмных работников, с которыми работники смогут вступать в договорные отношения, соответствующие нормальной рыночной экономике. Отмечалось, что государственные органы не являются такими ответственными партнёрами, что они не выполняют в должной мере функции стороны, которая, представляя интересы собственника, принимает на себя обязательства перед работниками и отвечает по этим обязательствам.

Идеологи рассматриваемой претендентской группы принимают за образец социального партнёрства социально-трудовые отношения, сложившиеся в ФРГ, Швеции и других западных странах, в которых реализована модель буржуазной политической демократии и капиталистического социального рыночного хозяйства. При этом упускается из виду, что достаточно высокая степень социальной защищённости трудящихся в этих странах и обеспечивающие её механизмы взаимодействия работников, работода-

телей и государства вовсе не являются автоматическим, так сказать, "естественным" (закономерным) следствием частно-капиталистической собственности, капиталистического предпринимательства, капиталистического рынка. Напротив, они сложились в этой части мира в результате стечения ряда специфических конкретно-исторических обстоятельств, в том числе и прежде всего в результате длительной борьбы рабочего и профсоюзного движения. Не принимались во внимание предупреждения учёных и политиков народно- демократической ориентации о том, что далеко не во всех странах "цивилизованные" капиталисты являются обычной социальной фигурой, а партнёрские отношения между эксплуататорами и эксплуатируемыми есть скорее исключение, чем правило для современного мира.

Типичными для социальной группы претендентов на роль эксплуатируемых наёмных работников являются такие принципы и тактика, которые мы наблюдаем у Независимого профсоюза горняков России (НПГР). НПГР сейчас, как и три года назад, представляет идеологию этого абитуриентского слоя наиболее полно и последовательно.

Восприятие задачи формирования цивилизованных частных собственников как актуальной для российских трудящихся характерно и для многих активных деятелей **старых профсоюзов**. Нередко приходилось ещё до распада СССР слышать и от рядовых членов, и от функционеров не только новых, но и старых профсоюзов, что рабочие живут скверно из-за отсутствия «настоящих» (то есть частных) хозяев, из-за того, что собственность якобы "ничейная". Подобного типа взгляды на прошлое характерны и теперь для тех идеологов профсоюзного движения, которые ориентируют его на принципиальную поддержку реформ, направленных на капитализацию России.

Мера радикальности конкретных социально- экономических требований претендентов на роль наёмных эксплуатируемых работников вытекает из того, что претенденты на такую социальную роль не замахиваются на преодоление эксплуатации как на стратегическую цель

рабочего класса и рабочего движения. В главном и в целом взгляды и практическая борьба этой абитуриентской социальной группы предполагают продолжение курса на капитализацию России с внесением элементов, обеспечивающих изменение направленности реформ в сторону **становления социальной рыночной экономики и правового демократического государства**. При этом после трёх лет реформ постановка проблемы появления "цивилизованных" собственников и проблемы развития новых социально-трудовых отношений видоизменилась в связи с тем, что реформы не только не сформировали новых "цивилизованных" собственников, но даже не внесли ещё полную ясность в вопросы о том, кто является реальным собственником, как отличить собственника от работодателя, от кого требовать партнёрских взаимоотношений.

Нынешняя стадия разгосударствления, акционирования и приватизации характеризуется незаверщённостью процесса формирования как субъектов частно-капиталистической и государственно-капиталистической собственности, так и работодателей (объединений работодателей), представляющих интересы собственников перед наёмными работниками. Такая незаверщённость, нечёткость распределения (расслоения) прав и функций собственников и работодателей между государственными органами (владеющими значительными пакетами акций), руководством акционерных обществ и администрацией предприятий позволяют потенциальным социальным партнёрам наёмных работников либо уклоняться от заключения тарифных соглашений, коллективных договоров, либо передоверять подписание соглашений и договоров лицам, не несущим по сути никакой юридической ответственности за их невыполнение. В связи с этим говорят о противодействии демократическим рыночным реформам со стороны чиновников, директорского корпуса, министерских аппаратов и пр.; о том, что фактические методы разгосударствления и приватизации узаконивают контроль над производством со стороны государственных чиновников, старой (безответственной) хозяйственной администрации. спекулятивного капитала; о неупоряд-

доченности вплоть до "дикости" складывающихся отношений между работниками и работодателями.

Неспособность (или нежелание) государственных властей противостоять снижению уровня жизни трудящихся, падению покупательной способности заработной платы; нарастание безработицы, угроза массовых увольнений; зачаточный и по преимуществу формальный характер институтов социального партнёрства — всё это заставляет сегодня рабочие и профсоюзные организации сосредоточивать своё внимание и активность на такого рода требованиях, которые носят **по преимуществу протестно-оборонительный характер**.

Приведём краткий (обобщённый) перечень конкретных социальных проблем и задач, которые осознаются сейчас как актуальные претендентами на роль наёмных у частных собственников-капиталистов или капиталистического государства, и требований, в которых данный тип переходного сознания предъявляет свои подходы к решению этих проблем и задач.

1. Создание действенных правоохранительных механизмов для преодоления массовых нарушений законных социальных и трудовых прав трудящихся и профсоюзов и прежде всего — для преодоления массовых нарушений элементарного права на регулярное и своевременное получение заработной платы, превращающих труд по сути в принудительный и полубесплатный.

2. Пресечение наблюдающейся в деятельности правительства и законодателей явной тенденции к принятию антирабочих и антипрофсоюзных правовых норм. Совершенствование нормативно-юридической базы социально-трудовых отношений с учётом необходимости сохранения благоприятных для работников прежних правовых норм (прежде всего — сохранения благоприятных для работников норм КЗОТ), а также с соблюдением как минимум международных норм, определяющих трудовые права и права профсоюзов.

3. Повышение реальной ответственности собственников, работодателей, государственных органов за нару-

шение законных прав и интересов работников и профсоюзов, за невыполнение обязательств, зафиксированных в соглашениях и коллективных договорах.

4. Осуществление структурной перестройки экономики на условиях и способами, предотвращающими возникновение массовой устойчивой безработицы.

5. Повышение гарантированной государством минимальной оплаты труда, пенсий, пособий, стипендий до уровня минимального потребительского бюджета — с учётом роста реальной стоимости жизни, замещения системы бесплатного предоставления социальных услуг населению платной системой, роста стоимости жилья и пр.; разумное сочетание платности и бесплатности социальных услуг.

6. Разработка и осуществление комплекса мер против ухудшения условий и охраны труда, в том числе повышение реальной ответственности собственников и администрации предприятий, всех должностных лиц за безопасные условия труда, нормальную работу систем жизнеобеспечения населения, экологическую безопасность.

7. Развитие (при поддержке государства) механизмов контроля за финансово-экономическим состоянием и деятельностью предприятий любых форм собственности со стороны работников, их представительных органов, профсоюзов, а также радикальное улучшение работы правоохранительных органов для пресечения тенденции перехода предприятий под контроль мафиозных структур, для преодоления экономической преступности, коррупции, финансовых махинаций администрации и новых собственников.

8. Существенное облегчение для работников предприятий предварительных процедур, обеспечивающих законность любых форм организованного мирного протеста при отстаивании ими своих прав и интересов, в том числе законность забастовок солидарности и забастовок с политическими требованиями.

Одна из изначально провозглашённых идей в области реформирования экономических отношений состоя-

ла в том, чтобы создать условия для возникновения разнообразных форм собственности и хозяйствования, обеспечить, как говорили, "плюрализм форм собственности". Положения, направленные на такой плюрализм, можно было найти ещё до начала "шоковых" реформ и в платформах организаций, заявлявших вообще-то о себе как о выразителях интересов тех работников, социальные претензии которых ограничиваются более выгодной продажей своей рабочей силы. К числу подобных положений относится требование использовать процедуры, которые позволили бы трудовым коллективам самим (добровольно) выбирать новую форму собственности и хозяйствования. Считалось, что на этой основе можно будет реализовать стремление части трудящихся к статусу сохозяев предприятий, к реальной причастности к управлению предприятиями. В качестве примера приведём выдержку из одного из документов, принятых в ноябре 1991 г. на Учредительном съезде Независимого профсоюза горняков России:

"Основной своей задачей НПГР выдвигает отстаивание социально-экономических интересов наёмных работников, считая, что большинство предприятий горной промышленности останется в государственной собственности. Но так как переход к рыночным отношениям предполагает изменение форм собственности и хозяйствования на отдельных предприятиях, а проводимое разгосударствление и приватизация идут в интересах старой и новой номенклатуры, НПГР будет настаивать на том, чтобы эти изменения проводились при участии трудового коллектива. Необходимо, чтобы в ходе проведения этих реформ трудящиеся имели реальную возможность добровольного и сознательного выбора. На первом этапе таких реформ необходимо добиться возможности взять государственные предприятия в полное хозяйственное ведение трудовых коллективов с делегированием им прав найма администрации и самостоятельного распределения доходов. Дальнейшие изменения форм собственности производить только на основании решения трудового коллектива".

Право трудового коллектива взять государственное предприятие в своё управление (хозяйственное ведение), стать, следовательно, представителем государства на предприятии, как известно, не было гарантировано (хотя такая возможность допускалась утратившим с 1 января 1995 г. силу Законом РСФСР от 25 декабря 1990 г. "О предприятиях и предпринимательской деятельности"). В настоящее время согласные на роль наёмных у новых собственников, а также многие из тех работников, кто осознали иллюзорность своих надежд на реальное участие в управлении предприятием по праву владельцев акций, находятся на пороге освоения (и начинают осваивать) новые представления и требования. Мы имеем в виду представления и требования о том, что наёмные работники должны иметь возможность реально участвовать в управлении предприятием по принципу "один работник — один голос", то есть независимо от организационно-правовой формы предприятия, а также независимо от того, имеют ли работники долю в собственности (имуществе) предприятия, от величины этой доли (числа акций и пр.).

Можно с большой долей уверенности предположить, что борьба за права наёмных работников, представителей (представительных органов) трудового коллектива, профсоюзов реально участвовать в управлении предприятием, контролировать деятельность администрации, за гарантированность таких прав на основе принятия соответствующих законов, соглашений и коллективных договоров станет в России в ближайшее время одним из главных направлений активности рабочего и профсоюзного движения. Способствовать его активизации в этом направлении будет, как нам представляется, более тесное знакомство россиян с зарубежной практикой, демонстрирующей самые разные формы участия работников в собственности, доходах и управлении предприятиями, высокую социальную и экономическую эффективность этой практики.

Приходится констатировать, что к началу 1995 г. ни старые, ни новые профсоюзы не набрали ещё реальную силу, способную защитить трудящихся от обнищания, про-

тивостоять наступлению на их права и свободы. Активные выступления, в том числе забастовки, имеют место по преимуществу в пределах общей поддержки политики правительства, от которого взамен ожидают и требуют уступок для своих профессиональных групп, для членов своего профсоюза. Достигнутые преимущества в положении профессиональной группы (более медленное снижение уровня жизни данной группы по сравнению с другими) выступают сегодня, как правило, фактором разрушения солидарности трудящихся, а не фактором её укрепления. Борьба рабочих и других наёмных трудящихся в силу её протестно-оборонительного и разрозненного характера не влияет сколько-нибудь заметно на характер идущих в России общественных преобразований.

До осознания необходимости политической самоорганизации рабочих так же далеко, как и в начале "шоковых" реформ. Нет ни одной сколько-нибудь массовой политической организации, выросшей из демократического рабочего, профсоюзного движения. В ходе забастовок выдвигаются, правда, не только сугубо экономические требования, но иной раз и требования типа "отставка правительства", "перевыборы президента" и т.п. Однако дальше персональных замен в органах власти эти требования не идут. Это во-первых. А во-вторых, так называемые политические требования не увязаны с задачами последовательной демократизации политических форм и механизмов. То, что в 1993-1994 гг. называют политическими требованиями забастовок, на самом деле выражает не политическую зрелость рабочего движения и даже не его политическую позицию, а приём торга с правительством за сугубо экономические уступки. Яркий пример — "политические довески" к требованиям шахтёров. То они требуют от президента разогнать Съезд народных депутатов (1993 г.), то досрочных выборов президента (1994 г.). Состав такой "политики" зависит от того, за что руководство готово уступить в данный момент. Правительство эту "игру в политику" понимает адекватно и лишь делает вид, что вроде бы побаивается.

Подводя итог изложению особенностей социально-го самосознания и социального поведения претендентов на роль наёмных эксплуатируемых работников, подчеркнём следующие моменты: малую организованность этого переходного социального слоя; слабое понимание в этом слое необходимости совместной солидарной борьбы за улучшение своего положения в обществе; разрозненность активных акций; отсутствие самостоятельной общей стратегии экономической борьбы; отсутствие собственной политической идеологии рабочего класса, без чего рабочее движение не может стать опорной силой демократических движений трудящихся. Другими словами, рабочего класса в социально-политическом значении этого слова (как "класса для себя") в России ещё нет, а потому и нет такого рабочего движения, которое могло бы осуществлять эффективное давление "снизу" на властные структуры, добиваться проведения демократической социальной политики, обеспечивать устойчивость демократических достижений в области социальных преобразований.

§3. Социальные проблемы и требования формирующегося капиталистического класса

К этому переходному социальному слою мы относим всех, кто пытается стать собственником-капиталистом, капиталистическим предпринимателем или уже фактически функционирует в такой роли. Этот слой формируется по преимуществу из высшей хозяйственной администрации (в том числе из директората бывших государственных предприятий), из людей, разбогатевших при старом режиме на теневой экономической деятельности, а также при помощи разнообразных и прежде всего спекулятивных финансовых операций в течение последних лет. К этому слою мы относим и тех, кто впервые встали или всерьёз намереваются встать на путь предпринимательства, не имея в прошлом ни опыта хозяйственной деятельности, хозяйственного руководства, ни сколько-нибудь значительного исходного капитала.

Состав актуальных социальных проблем и требований, предъявляемых к властям, различается у разных категорий рассматриваемого переходного слоя в зависимости от того, какое фактическое социально-экономическое положение та или иная категория реально занимает в настоящий момент трансформации общества.

Правоммерно зафиксировать по меньшей мере три категории претендентов в капиталистический класс, которые являются сейчас крупными, средними или мелкими промышленниками, финансистами, биржевиками и пр.:

а) формирующаяся крупная отечественная (национальная) буржуазия, связывающая свои планы на будущее и на своё место в нём с сохранением (восстановлением) и развитием отечественной экономики, с обеспечением экономической и политической самостоятельности России;

б) формирующаяся крупная компрадорская буржуазия, связывающая свои планы на будущее и на свое место в нём с продолжением курса, ведущего к колонизации России;

в) средние и мелкие предприниматели, связывающие свои планы на будущее и на свое место в нём с созданием гарантий для свободного (самостоятельного) частнокапиталистического предпринимательства, с упрочением и расширением своего бизнеса.

Охарактеризуем далее более подробно интересующие нас особенности социального самосознания двух из названных выше претендентских социальных групп — формирующейся крупной отечественной буржуазии; слоя средних и мелких частных предпринимателей.

3.1. Актуальные проблемы и основные требования претендентов на роль крупной отечественной буржуазии

Во второй части данной работы мы описали идейные основы курса на капитализацию и особенности идеологии российского (русского) капитализма. Стараясь не

повторять сказанное там, укажем теперь на более конкретные социальные проблемы, задачи и требования, которые осознаются как актуальные претендентами на ведущую роль в российской экономике и на равноправные отношения с иностранным капиталом. Причём сформулируем их преимущественно так, как они формулируются представителями (идеологами) самой этой группы. Основой излагаемых ниже положений послужил в первую очередь анализ программных документов и иных материалов "Российского союза промышленников и предпринимателей". (Заметим, кстати, что название этой организации удачно отражает неоднородность состава и переходный характер социально—экономического положения группы, претендующей на роль главного субъекта собственности и предпринимательства в России.)

Современные (к началу 1995 г.) претенденты на роль отечественных крупных капиталистических собственников- предпринимателей поддерживают курс на разгосударствление и приватизацию в целом и особенно в той мере, в какой он направлен на становление реальной самостоятельности предприятий и их руководителей, на создание хозяйской (собственнической) мотивации у высшей администрации, директоров бывших государственных предприятий..

В то же время для рассматриваемого переходного слоя характерно подчёркивать следующие, с точки зрения этого слоя, отрицательные стороны "шоковых" методов реформ и разрушительные следствия ошибок, допущенных в ходе реформ: нарушение сложившихся хозяйственных связей в рамках бывшего СССР; резкий спад и прямое разрушение производства, его научно-технического потенциала; тяжёлое финансовое состояние ряда отраслей. производств и предприятий; отсутствие активной государственной социальной политики, предотвращающей массовое обнищание населения; ущемление интересов российских товаропроизводителей в пользу интересов спекулятивного капитала, иностранных фирм и государственных чиновников; превращение России в сырьевой придаток

развитых стран, в источник дешёвых умов и дешёвых рабочих рук для мировой экономики.

Идеологи формирующейся крупной российской буржуазии настаивают на том, что ключевым звеном при продолжении реформ должно стать возрождение отечественного производства и становление национального капитала. Требуют, чтобы государство отказалось от ошибочной финансово-кредитной и ценовой политики, ведущей к свёртыванию производства. Считают, что осуществление действенных мер по прекращению спада производства, по обеспечению роста производства и платёжеспособного спроса населения является предпосылкой финансового оздоровления российской экономики.

Выдвигая конкретные предложения и требования, претенденты на роль крупной национальной буржуазии напрямую настаивают на таком изменении социально-экономической политики, которое обеспечило бы **приоритет интересов отечественных промышленников и предпринимателей.**

Одновременно с этим позиция претендентов на роль реальных хозяев российской экономики и на руководящее положение в обществе в целом обуславливает присутствие достаточно развитых элементов **социально ответственного (а не узко группового) подхода** к социальным проблемам и задачам в программных установках и требованиях организаций и движений, представляющих формирующуюся крупную национальную буржуазию. Это выражается, в частности, во включении в число актуальных социальных задач таких, как защита уровня жизни всех групп населения в ходе перевода России на рельсы капиталистического развития (в том числе и для того, чтобы обеспечить внутренний рынок для национального капитала), как сохранение и развитие национальной культуры, науки и пр.

Перечень более конкретных социальных проблем, задач и требований формирующейся крупной национальной буржуазии может быть представлен в кратком (обобщённом) виде следующим образом.

1. Реализация системы мер по сохранению производственного и научно-технического потенциала страны, по остановке спада производства и структурной перестройке экономики, по стимулированию товаропроизводителей для насыщения внутреннего рынка конкурентоспособными отечественными товарами.

2. Государственная финансовая поддержка: потенциально конкурентоспособных отечественных предприятий, отраслей и хозяйственных комплексов, оказавшихся в тяжёлом экономическом положении; проектов, соответствующих задачам структурной перестройки экономики и в первую очередь конверсии оборонной промышленности.

3. Проведение политики государственного протекционизма по отношению к отечественным предприятиям для обеспечения доминирующего их положения и конкурентоспособности отечественных товаров на внутреннем рынке.

4. Реализация механизма банкротств, системы вкредитования для преодоления и предупреждения в будущем кризиса неплатежей в хозяйстве, для "выбраковки" неэффективных производств и обеспечения возможности перехода неплатежеспособных предприятий к эффективным собственникам и управляющим.

5. Поэтапное реформирование налоговой системы в направлениях, обеспечивающих: стимулирование инвестиционной активности, структурной перестройки экономики, конверсии; преодоление массовых уклонений от уплаты налогов; повышение эффективности использования производственного имущества при снижении общей ставки налогообложения.

6. Разумное государственное регулирование рыночной экономики, в том числе контроль за внешней торговлей наиболее важными видами производственных ресурсов.

7. Принятие законов, обеспечивающих действенную, непротиворечивую и стабильную правовую базу для отечественного капитала и хозяйственной деятельности; укрепление законности и правопорядка в целях пресече-

ния коррупции, защиты прав собственности и предпринимательской деятельности от произвола чиновников.

8. Развитие партнёрских отношений между работодателями и профсоюзами с отказом от забастовок при соблюдении соглашений и коллективных договоров; объединение усилий работников и работодателей для спасения отечественного производства, для организации давления на правительство в целях выполнения им финансовых и иных обязательств перед предприятиями.

9. Проведение завершающих этапов приватизации, ориентируясь на следующие задачи: преодолеть распыление собственности между множеством мелких акционеров, ориентированных на "проедание" прибыли; стимулировать образование промышленно-финансовых групп; обеспечить преобразование сельскохозяйственных коллективных предприятий в новые эффективные организационные формы; не растерять кадровый потенциал предприятий, обеспечить возможность использования на приватизированных и государственных предприятиях профессионального опыта, компетентности их прежних руководителей и администрации, обеспечив условия для появления у них хозяйской и предпринимательской заинтересованности; предотвратить скупку за бесценок предприятий и иной недвижимости иностранными фирмами и гражданами.

10. Предотвратить тотальную коммерциализацию науки и отраслей социальной сферы.

11. Заблокировать процессы массового обнищания и люмпенизации населения; обеспечить элементарные условия существования для всех групп россиян; регулировать заработную плату с учётом роста стоимости минимальной потребительской "корзины"; гарантировать прожиточный минимум нетрудоспособным.

12. Предотвратить взрывоопасное углубление социальной дифференциации в российском обществе при помощи: блокирования механизмов инфляции; приближения уровня оплаты труда в бюджетной сфере к заработной плате в материальном производстве; финансового поощрения благотворительной деятельности предпринимате-

лей по смягчению бедности, по поддержке гибнущей отечественной науки и национальной культуры; реализации социальных программ финансовой поддержки и обеспечения занятости наиболее нуждающихся категорий населения (инвалидов, многодетных семей и др.).

13. Предотвращение обвального роста безработицы; поощрение экономической активности и эффективной занятости населения, в том числе на основе государственной поддержки крупных иностранных инвестиционных проектов и обеспечения необходимых экономических гарантий иностранным инвесторам.

14. Создание благоприятной политической обстановки для восстановления традиционных экономических и культурных связей, разрушенных в результате распада СССР.

3.2. Актуальные проблемы и основные требования средних и мелких частных предпринимателей

В настоящее время существует множество организаций, вполне адекватно выражающих интересы слоя новых средних и мелких частных предпринимателей. Наиболее ярко и ёмко, на наш взгляд, характеризуют самосознание этого слоя документы Общероссийского Объединения "Круглый стол бизнеса России", которые мы использовали в качестве главного источника для анализа и краткого изложения соответствующих представлений и требований.

Искренняя убеждённость в том, что полноправное и социально защищённое сословие средних и мелких частных собственников (предпринимателей) является базой рыночной экономики, опорой демократической власти и основой будущего благосостояния России. — ключевая социальная идея рассматриваемого типа переходного сознания.

Поддерживая в целом реформаторскую деятельность президента и исполнительной власти, мелкий и средний предприниматель в то же время обвиняет государственную власть в том, что она не выполняет с долж-

ной эффективностью и последовательностью свой прямые функции по защите интересов и прав тех, кто решился стать на путь самостоятельного бизнеса. Новый российский бизнесмен заявляет, что вопреки декларациям руководства о намерении продолжать реформы, всесторонне поддерживая и стимулируя развитие частного предпринимательства, не происходит реальный переход к конкретным действиям в этом направлении; что налоговая и инвестиционная политика, криминальные группировки и силовые структуры государства душат отечественный бизнес, выталкивают предпринимателей в теневую сферу или заставляют их прекратить свою экономическую деятельность.

С точки зрения вновь возникающей группы средних и мелких буржуа, главные препятствия и опасности для свободного предпринимательства и для самого института частной собственности в России — это коррумпированность чиновничества; рэкет сросшейся с чиновничеством мафии; бездействие и беспомощность правоохранительной системы; налоговый "беспредел", мешающий предпринимателям встать на ноги.

Исходя из оценки современной ситуации как неблагоприятной для нормального функционирования самостоятельных, российских бизнесменов, идеологи этой социальной группы и организации, созданные для защиты её интересов, выдвигают требование скорректировать государственную социально-экономическую политику так, чтобы она учитывала **интересы нарождающегося слоя свободных отечественных предпринимателей**. Утверждают, что такая корректировка обеспечит социальную стабильность российского общества и государства. В качестве первоочередных выдвигаются следующие конкретные проблемы и задачи.

1. Создание надёжной и стабильной (взамен постоянно изменяющейся) правовой базы, благоприятной для становления и развития частного бизнеса.

2. Обеспечение эффективной судебной и правоохранительной защиты частного бизнеса.

3. Последовательное проведение государственной политики протекционизма по отношению ко всем формам отечественного бизнеса.

4. Изменение налоговой политики и системы налогообложения для снижения налогового бремени, для стимулирования деловой и инвестиционной активности, создания новых рабочих мест.

5. Обеспечение доступности финансовых ресурсов для мелкого и среднего бизнеса, преодоление тенденции монополизации финансовых средств узким кругом фирм и банков; государственная поддержка создания новых частных предприятий.

6. Осуществление мер, обеспечивающих рост доходов населения как необходимого условия расширения ёмкости внутреннего рынка.

7. Переход руководства страны и всех властных структур на позиции социального партнёрства во взаимоотношениях государства с предпринимателями, что означает в первую очередь обязанность государства обеспечить защиту жизни, достоинства и собственности предпринимателей, использовать рыночные рычаги для решения проблем частного бизнеса взамен конфронтации, чиновничьего администрирования, произвола и командования.

8. Выработка и осуществление эффективных мер по борьбе с организованным преступным миром, ведущим войну против отечественных предпринимателей.

9. Обеспечение представительства интересов класса новых собственников в структурах государственной власти на всех её уровнях.

§4. Требования к реформе собственности со стороны претендентов на роль трудящихся-сохозяев (совладельцев) предприятий

Для переходного социального слоя, который мы обозначаем как "желающие стать трудящимися-сохозяевами (совладельцами)" характерны более или менее последовательные требования, предполагающие отказ от

принудительных методов реформирования собственности, от принудительной приватизации. Добровольность (для трудящихся) выбора новой формы собственности; возникновение на этой основе (а не по указке сверху) новых многообразных её форм; передача государственных предприятий в управление (хозяйственное ведение) трудовых коллективов — такие взгляды и требования существуют и распространяются в России. При этом их распространение, возрождение в значительной мере стимулируется тем, что администрация государственных и приватизированных предприятий начинает осваивать классические для капитализма (жёсткие) методы обращения с работниками, а также возрастанием угрозы массовых увольнений работников, банкротств предприятий.

Ключевая идея, которую разделяют все, кто претендует на роль трудящихся-сохозяев предприятий. — убеждение в том, что власть на производстве должна принадлежать трудящимися, трудовым коллективам. В требованиях, выражающих такое стремление, содержатся основные моменты концепции **демократической реформы собственности**. Эти требования сформировались в рамках движения за сохранение зачатков и развитие производственной демократии. Впервые более или менее чёткая схема такой реформы была выдвинута ещё в конце 1990 г. Союдами трудовых коллективов, а затем, к концу 1991 г. была поддержана самыми разными организациями рабочего и профсоюзного движения. Схема состояла в том, чтобы передать государственные предприятия в управление (хозяйственное ведение, по терминологии наших законов) трудовых коллективов, а затем обеспечить дальнейшее преобразование форм собственности на добровольной для трудящихся основе, а не при помощи навязывания им той или иной новой формы.

Центральным моментом концепции такой демократической (**точнее, буржуазно-демократической**) реформы собственности является именно *добровольность* выбора каждым коллективом подходящей ему новой формы собственности и хозяйствования (государствен-

ной или негосударственной, коллективно-долевой или коллективно-неделимой, частной с акционированием или какой-либо другой). Сторонники такой реформы убеждены, что в результате её осуществления возникли бы новые разнообразные формы собственности и хозяйствования как социализированного, так и капиталистического типа. Это был бы путь к эффективной конкурентной (рыночной) экономике и к социальной стабилизации в России. При условии общей демократической обстановки в стране соперничество разных хозяйственных форм привело бы в дальнейшем к утверждению в качестве основного, доминирующего такого уклада, который окажется наиболее эффективным в социальном и экономическом плане.

Простая логика буржуазно-демократической реформы собственности, отвечающая конкретно-историческим особенностям России (в частности, тому, что трудящиеся привыкли относиться к государственному имуществу как общенародному достоянию), неприемлема ни для прежней хозяйственной номенклатуры, желающей стать легитимными частными собственниками "своих" предприятий, ни для старых и новых владельцев крупных состояний, желающих свободной распродажи государственного имущества. А депутатский корпус периода начала "шоковых" реформ по большей части выражал и отстаивал интересы именно этих субъектов переходной социальной структуры.

Малая результативность движения, выражающего интересы претендентов на роль трудящихся-сохозяев предприятий, была обусловлена ставкой его формальных лидеров на то, чтобы "пробить" свои предложения в коридорах власти, а не на организацию широкой поддержки своей позиции в трудовых коллективах. Другая причина слабости движения, а также его постоянных расколов — отсутствие единства по ряду важных вопросов стратегии и тактики движения.

С самого начала не было единства по вопросу о том, должен или не должен применяться **выкуп** при пере-

ходе предприятий в собственность занятых на них работников. В схеме последовательно демократической реформы собственности эта проблема решалась без труда. Переход предприятий в управление трудовых коллективов (при сохранении предприятиями статуса государственных) дал бы трудящимся широчайшие права. Данная форма скорее всего стала бы устойчивой в силу её выгоды и для коллективов, и обществу. Именно поэтому применение выкупа предприятий в коллективную собственность работников (причём без принуждения к выкупу, а исключительно по желанию самих трудовых коллективов) было бы экономически оправданным и социально справедливым. При этом выкуп следовало осуществлять по рыночной цене, для формирования которой необходимо было отложить возможность приватизации государственных предприятий на несколько лет.

Однако начавшийся фактический захват предприятий номенклатурой и разбогатевшими дельцами постоянно подпитывал идею **бесплатной** передачи предприятий в собственность коллективов. Вместо последовательного отстаивания принципов демократической реформы собственности усилия активистов движения постепенно сконцентрировались на борьбе за то, чтобы коллективы получили бесплатно хотя бы долю в собственности, за размер этой доли, за льготы при выкупе, а также за предоставление особых, более выгодных схем приватизации для своих конкретных коллективов..

Такая "хвостистская" тактика, если оценивать её по большому счёту, привела к поражению движения. Правящие реформаторы сделали некоторые уступки, "идя навстречу пожеланиям трудящихся" (возможность бесплатного получения работниками части акций без права голоса или же приобретения работниками 51% акций по номинальной стоимости). Но эти уступки, создав видимость свободного выбора, на самом деле разъединили коллективы, создали на деле препятствия на пути к реальному участию работников в управлении приватизированными предприятиями. Для этого сначала была соз-

нательно заблокирована возможность передачи акций работникам в форме единого контрольного пакета. Теперь же администрация предприятий умело добивается того, чтобы разъединённые акционированием работники передавали свои голоса ей, присоединяясь к создаваемым ею трастам.

Приходится констатировать, что часть рабочих, причастных к движению за производственную демократию, упорно настаивая на немедленной бесплатной передаче предприятий в собственность трудовых коллективов (а не на бесплатной их передаче в управление коллективов) сыграла тем самым как нельзя лучше на руку принципиальным противникам коллективных форм собственности и демократизации управления в государственном секторе. Несправедливость раздела производственного имущества путём прямой бесплатной передачи государственных предприятий тем, кто на них в данный момент работает, была легко доказуема, чем и воспользовались в полной мере идеологи форсированной приватизации для осуществления недемократической реформы собственности.

Движение за власть и собственность трудящихся в хозяйстве переживает сейчас кризис. Однако есть признаки того, что идеи, выдвинутые этим движением на пороге "шоковых" реформ, начинают наконец-то осваиваться рядом политических организаций (в частности, организациями социал-демократической ориентации). Это может привести к выработке новой, более дальновидной стратегии, позволяющей реализовать принципы демократической реформы собственности и производственной демократии.

Следует подчеркнуть, что подавляющее большинство тех, кто хотел бы видеть себя в роли трудящихся-сохозяев, не увязывают сегодня осуществление своих стремлений с задачей исключения эксплуатации из жизни общества, не выдвигают эту задачу в качестве программной для движения за демократию на производстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ (краткие выводы)

Анализ и экспертиза подходов к социальной политике осуществлены в интересах уяснения достигнутой стадии формирования гражданского (многосубъектного) общества, определения возможной меры гражданского согласия и гражданской разрядки, направлений реального взаимодействия различных общественных сил в сфере социальной политики.

Переходное состояние общества стало реальностью. Прежние основы социального положения групп разрушаются или расшатаны, прежняя социальная структура ушла или уходит в прошлое. Новые основы социального группирования уже появились, расширяются и укрепляются, новая социальная структура кристаллизуется. В этой исторически преходящей обстановке мотивы и само поведение людей в обществе основаны в большей мере на субъективных представлениях о своём месте в будущем обществе, нежели на объективных параметрах прежнего или объективно вероятных параметрах будущего положения. Такой перевес субъективного в формировании массового поведения продолжится, пока не завершится переходный период, то есть пока продолжается борьба вариантов будущего, пока исторический выбор не принят окончательно большинством общества и не воплотился в устойчивой социальной структуре, признаваемой (добровольно или по принуждению) большинством влиятельных общественных сил.

Подходы к социальной политике (а в них адекватно отражены подходы к будущему России) препарированы в исследовании в двух аспектах:

- выделены основные идейно-политические течения и
- описано социальное самосознание основных элементов переходной социальной структуры — так называемых абитуриентских (претендентских) социальных групп.

Фундаментальная разработка такого плана осуществлена впервые и не имеет аналогов.

В современной России правомерно зафиксировать **шесть основных идейно-политических течений**. Они существенно различаются по представлениям о возможных путях развития страны, по характеру восприятия замысла и результатов шоковых реформ, а также по принципиальному видению общественных проблем в России, по оценкам их сравнительной важности (приоритетности). Если выделить в каждом из течений его концептуальное ядро, они могут быть названы следующим образом:

1. Последовательная и безоговорочная поддержка курса на форсированную капитализацию России.
2. Ориентировка на возможность перехода России от тоталитарного эксплуататорского общества, утвердившегося в СССР, в русло становления демократического неэксплуататорского общества с регулируемой рыночной экономикой (народно-демократическая идеология).
3. Ориентировка на капиталистическое будущее России как независимого партнёра развитых капиталистических стран (идеология российского или русского капитализма).
4. Российский вариант социал-реформизма (идеология поддержки ускоренной капитализации России лишь в принципе, сопровождаемая пожеланиями и требованиями смягчающих корректировок курса).
5. Обновлённый тоталитаризм на основе социальной ностальгии (апология исторической практики СССР с демагогическими рецептами возрождения России, основанными на ложном изображении тоталитарного прошлого как народно- демократического строя).
6. Обновлённый тоталитаризм в открыто фашистском варианте (современный русский фашизм).

Множество конкретно-исторических типов переходного сознания и их субъектов (абитуриентских социальных групп) гораздо шире, чем множество основных идейно-политических течений. Состав типов переходного сознания гораздо изменчивее, а содержание каждого из них и изменчиво, и в той или иной мере эклектично.

Доминирующими (исходя из наиболее вероятной трансформации российского общества) следует признать два главных типа переходного сознания:

- согласные на роль наёмных эксплуатируемых работников;

- видящие себя собственниками-капиталистами или же капиталистами-предпринимателями.

Остаточными (сохраняющими, но теряющими позиции) являются ещё два типа переходного сознания:

- желающие стать трудящимися совладельцами-сохозяевами;

- мечтающие о возврате к своему прежнему положению в обществе (в рамках этого типа переходного сознания есть существенные разновидности, специфика которых определяется тем, о возвращении к какой конкретно социальной роли мечтают).

Продланное исследование носит обобщающий характер и ценно в первую очередь своей методологией. Полученные содержательные результаты также весьма существенны для ориентирования в современной социально-политической обстановке в России.

Исследование может быть продолжено в направлении конкретизации. При этом полученные результаты способны выполнить функцию методологии и рабочей гипотезы как для прикладных исследований и разработок, так и для обобщающих исследований социальной динамики (социальной политики и процессов формирования новой социальной структуры).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О методологии, функциях и возможностях целенаправленного (целеориентированного) анализа общественных процессов в отличие от анализа, индифферентного к целям социально-экономического развития, см.: Ракитская Г.Я. Целеориентированный анализ как функция планомерного руководства общественно-экономическим развитием. — В сб.: «Политэкономические проблемы

функционирования социалистической экономики». — М.: ЦЭМИ АН СССР, 1986, с.140-152.

2. При определении состава и содержания основных понятий мы опирались на следующие научные работы: Ракитская Г.Я. Политическая система и хозяйственная власть: проблемы соответствия (Научный доклад) — М.: Институт экономики РАН, февраль 1994; Ракитский Б. Социальная защищённость и её типы. — "Вопросы экономики", 1992, N 7; Феоктистова Е.Н., Ракитский Б. В. Целевые комплексные программы как метод усиления целенаправленности планов. — «Известия Академии наук СССР. Серия экономическая», 1982, N 3.

3. Нетрудно увидеть, что наша классификация идейно-политических течений существенно отличается от других классификаций политических течений, предложенных современными российскими политологами. Причина различий — в подходах к анализу идейно-политического спектра. Большинство политологов ориентируется на самоидентификацию, на самоназвания и не придаёт должного значения тому, к какому варианту будущего действительно тяготеют те или иные программы и требования. Вот один из примеров такой поверхностной классификации ориентаций в политическом спектре современной России: либерально-демократическая; государственно-предпринимательская; коммуно-этатистская; державно-патриотическая (см.: «Партии и политические блоки в России». Выпуск первый. Подг. под рук. акад. Б.И.Ковалья (авторский коллектив: Б.И.Коваль, В.Б.Павленко). — М.: НИПЕК, 1993, с.10-16).

4. Эти магистральные направления сформулированы нами в сжатом виде на основании официальных источников (см. выступление Б.Н.Ельцина на Пятом (внеочередном) Съезде народных депутатов РСФСР 28 октября 1991 г. и др.).

5. Вот выдержка из поручения Президента Российской Федерации В.С.Черномырдину и С.А.Филатову, опубликованного в газете "Дело" [N 45 (79), ноябрь 1994]: "... нередко складывается ситуация, когда на одном предпри-

ятии одновременно действуют несколько профсоюзов (ФНПР, Соцпроф и др.) и некоторые из них вместо конструктивной работы свои действия направляют на дезорганизацию производства, дают возможность отдельным политическим группам использовать временные экономические трудности для нагнетания социальной напряжённости. Поручаю Вам предметно разобраться в сложившейся ситуации. Совместно с руководством профсоюзов выработать единые подходы, регламентирующие взаимодействие администрации предприятий и профсоюзов, разработать необходимые нормативные документы".

6. В этом отношении показательны "Программные тезисы Российского социал-демократического союза", принятые 30 октября учредительным съездом этого союза. Авторы "Программных тезисов" даже признали ошибочность своего первоначального отношения к происходящему в России (хотя признание ошибок не свойственно социал-реформистам вообще, исповедующим прагматический подход к политике, и российским социал-реформистам в особенности, абсолютизирующим тактику прагматических компромиссов): "Демократические организации, по инерции поддерживая государственно-политическое руководство РФ, не сразу осознали новые реалии: оказались концептуально ошибочными представления о либерализме и демократизме новой правящей верхушки, о возможностях влияния на её политику". (См.: Программные тезисы Российского социал-демократического союза. — "Солидарность", 1995, № 22(95), С.8-9).

7. Эта формула была произнесена весной 1994 г., когда Конфедерация свободных профсоюзов России (позже переименованная в Национальное объединение российских профсоюзов) вступила в альянс с открыто фашистским движением "Русское национальное единство" (См.: КСПР: от антикоммунизма до национал-социализма за четыре года. — Профсоюзное обозрение (Издание АСТИ), 1994, N 3, с.33).

8. См.: «Только молодая национальная элита, рожденная русской нацией, в борьбе спасёт Россию от пора-

божения». — А.П.Баркашов. Азбука русского националиста. — М.: "Слово-1", 1994, с. 90.

9. См.: «Декларация-соглашение о формировании национально-социального движения, ставящего своей целью внесение русской национальной идеи в рабочее движение России» (подписана А.П.Баркашовым и А.С.Алексеевым). — Профсоюзное обозрение (Издание АСТИ). 1994, N 3, с.39.

10. Там же, с. 39.

11. См., например: Основные положения программы движения "Русское национальное единство" по построению национального государства. — В сб.: А.П. Баркашов. Азбука русского националиста. М.: "Слово-1", 1994, с. 99-104.

12. Там же, с.102-103.

13. Названный методологический подход былработан и применён для анализа современных представлений и требований трудящихся в следующих работах, выполненных в 1993 г.: Ракитская Г.Я. На пути к собственной идеологии (идейные представления и требования трудящихся в ходе четвёртой русской революции) . — М.: ИЗ РАН, ИППС, КАС-КОР. февраль-октябрь 1993, 48 с.; Ракитская Г. Современные требования трудящихся к социально-экономической политике. — "Вопросы экономики", 1993, N 4, с. 64-76.

В третьей части мы используем как сам этот подход, так и конкретные результаты указанных работ в той части, в какой они не утратили своего значения.

Печатается по публикации в периодическом издании «Перспективы и проблемы России» Выпуск 2. — М.: 1995. Стр. 42-137.

РАБОЧИЙ КОЛХОЗ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

(впечатления и размышления

*о знаменитом опыте группы кооперативов
в городе Мондрагоне на севере Испании)*

***Участие рабочих в управлении – задача трудная,
но идти к этому можно и нужно***

Сейчас, возможно, мало кто помнит, что в 1990 г. в ответ на принятие Закона СССР “О предприятиях в СССР” советы трудовых коллективов нескольких десятков предприятий создали организацию Союз трудовых коллективов. Это было реакцией на те положения этого Закона, которые уничтожали зачатки производственной демократии, появившиеся в СССР в 1987 г.

В основе требований Союза трудовых коллективов лежало стремление не только сохранить зарождающуюся производственную демократию, но открыть возможность для развития и укрепления демократического коллективного самоуправления на предприятиях. Главные и наиболее перспективные требования звучали примерно так:

— предоставить трудовым коллективам государственных предприятий право взять предприятия по собственному решению в своё управление (в полное хозяйственное ведение трудового коллектива);

— представителем государства на предприятии, если оно находится в хозяйственном ведении трудового коллектива, является сам трудовой коллектив, а не директор, назначенный министерскими чиновниками;

— коллектив формирует органы самоуправления, которые принимают окончательные решения (в рамках законов) по всем *ключевым* вопросам организации предприятия и его хозяйственной политики;

— права и обязанности директора (руководителя администрации) определяются в контракте (договоре о найме директора), который заключает с директором трудовой коллектив и подписывают полномочные представители коллектива (совет трудового коллектива или иные выборные органы трудового коллектива);

— конфликты, связанные с невыполнением условий контракта одной из сторон, решаются в судебном порядке.

В 1990-1991 гг. сторонники ускоренной капитализации и противники производственной демократии приложили огромные усилия к тому, чтобы реформа предприятий в СССР пошла по другому пути — не в сторону привлечения трудящихся к управлению, а так, чтобы лишить рабочих и других рядовых работников каких-либо перспектив стать реальными собственниками, реально участвовать в принятии управленческих решений. В России правящие реформаторы взяли курс на форсированную приватизацию. При акционировании рабочие и другие рядовые работники получили по несколько акций, которые, как правило, не дали им ни существенной прибавки к доходу, ни возможности реально влиять на решения руководящих органов акционерных обществ и администрации предприятий.

На пороге российской приватизации и в ходе её ряд активистов Союза трудовых коллективов и немногие сторонники развития производственной демократии из числа научной интеллигенции пытались сделать достоянием широкой общественности тот опыт участия трудящихся в управлении (в том числе на базе коллективной собственности), который есть в ряде западных капиталистических стран. Этот опыт свидетельствует, что трудящиеся, рабочие могут эффективно вести хозяйство без частных собственников. Однако лозунги типа “спасёт Россию частный собственник, частный предприниматель”, “без настоящего хозяина (частного собственника) не может быть эффективного производства” и т.п. вдалбливались в сознание населения всеми средствами массовой информации. Неготовность большинства трудящихся к отстаиванию своих прав и интересов, слабость рабочего движения привели к

тому, что в России разрушается производство, растёт безработица, многие предприятия находятся на грани банкротства, национальные ресурсы распродаются за бесценок, а доходы от производства и финансовых спекуляций концентрируются в руках немногочисленных частных лиц, коррумпированного чиновничества, криминальных групп.

Самые разные политические силы начинают осознавать разрушительный характер российской реформы собственности, задумываются о том, как смягчить, изменить или аннулировать её результаты. Со ссылкой на зарубежный опыт предлагают принять законы, которые защитили бы права акционеров, дали бы **всем работникам** (а не только акционерам) право участвовать в управлении предприятиями и получать часть прибыли. Выдвигаются и более смелые требования: национализировать все предприятия или хотя бы те, при приватизации которых были нарушены законы, и провести реформу заново.

Реально ли надеяться на то, что итоги приватизации будут целиком отменены и реформа собственности начнётся сначала, на иных принципах? В ближайшее время это, видимо, маловероятно. Сегодня более реальная для трудящихся задача — добиваться участия в управлении предприятиями, чтобы поставить под свой контроль действия собственников и администрации.

К расширению участия трудящихся в управлении можно идти разными путями.

Можно добиваться принятия законов, гарантирующих такое участие. В этом отношении интересен опыт ФРГ, где законы чётко определяют круг прав работников частнокапиталистических предприятий на участие в принятии решений. В законах ФРГ подробно расписано, какие решения не могут приниматься без согласия полномочных представителей работников.

Можно добиваться, чтобы конкретные положения о правах трудового коллектива и его выборных органов на участие в управлении (на участие в решениях собственников и администрации, собственные управленческие пол-

номочия коллектива) были включены в отраслевые соглашения и в коллективные договоры на государственных и частных, в том числе акционерных, предприятиях.

Наконец, можно добиваться, чтобы государство содействовало переходу предприятий в собственность работников — хотя бы тех предприятий, которым грозит закрытие. Такой опыт существует в ряде стран, в том числе и в развитых капиталистических. Он используется в первую очередь как способ сохранить рабочие места, не допустить роста безработицы.

Знакомство с зарубежным опытом (ФРГ, США, Испания и др.) показывает лживость и демагогичность утверждений наших радикальных либералов-реформаторов о неспособности рядовых работников к самоуправлению, к участию в управлении. Нельзя верить тем, кто говорит, будто только частные хозяева-капиталисты могут эффективно хозяйствовать. Теория утверждает, а практика подтверждает, что эффективность, конкурентоспособность, выживаемость предприятий **не зависят от формы собственности**, а зависят **от профессионализма** принимаемых на предприятии решений и **от ситуации на рынке** (рыночной конъюнктуры). В рыночной экономике одни частнокапиталистические и коллективные предприятия разоряются, а другие работают успешно.

Участие в управлении, рабочий контроль — непростые функции. К этому надо идти и браться за это, отдавая себе отчёт в том, какие сложности придётся преодолеть, какие препятствия выставляют собственники и администрация, какие ошибки и тупики являются типичными. Надо к тому же хорошо понимать, что при капиталистическом в целом характере общественных отношений возможности развития производственной демократии ограничены. **Не следует переоценивать** значение для трудящихся коллективных и акционерных форм собственности, усматривать в них такое, чего они в принципе в условиях капитализма дать не могут — ни при буржуазной демокра-

тии, ни, тем более, при недемократических политических режимах.

Что мы хотели узнать в Мондрагоне

О реальных проблемах и трудностях, с которыми сталкиваются трудящиеся в осуществлении на предприятиях функций управления, лучше всего судить по опыту тех стран, где законы допускают участие работников в капитале (имуществе) предприятия и в управлении. Наиболее интересны в этом отношении предприятия, которые находятся в акционерной собственности работников (контрольный пакет у работников) и кооперативы.

О системе рабочих кооперативов в городе Мондрагоне (Испания) и его окрестностях у нас знают немногие, а если знают — то понаслышке, из третьих рук. На Западе об этих кооперативах, их истории и современном положении написано много. Есть публикации и на русском языке. Например, такие:

а) глава “Коллективная собственность на основе модифицированной модели Мондрагона”, написанная американскими исследователями Робертом Стоуном и Элизабет Боуман, в книге: «На пути к экономической демократии. Международный опыт». (Серия “Третий путь”). В 2-книгах; книга 1. М.: Экономическая демократия, 1994.

В этой же книге в главе “Самоуправление и коллективная собственность в Испании” рассказывается об испанских кооперативах вообще, а не только о кооперативах Мондрагона, и об испанских трудовых акционерных обществах. Авторы главы — испанцы Р.Франкуэза, Е.Самаранч;

б) глава “Социальные эксперименты бывают успешными” в книге Андрея Ивановича Колганова. «Коллективная собственность и коллективное предпринимательство. Опыт развитых капиталистических государств». (Серия “Третий путь”). — М.: Экономическая демократия, 1993;

в) глава “Мондрагона — федерация самоуправляющихся фирм в Басконии (Испания)” в книге Вадима Бело-

церковского «Самоуправление — будущее человечества или новая утопия?». М.: Интер-Версо, 1992.

При знакомстве с публикациями, при личных беседах с людьми, побывавшими в Мондрагоне, у меня появились вопросы, на которые ни публикации, ни устные беседы не дали ясных ответов.

Убеждённые сторонники производственной демократии, коллективной собственности иной раз критически оценивают ряд моментов в организации внутренней жизни кооперативов Мондрагона. Есть много суждений и предложений о том, как можно усовершенствовать рабочий кооператив, отталкиваясь от опыта мондрагонской группы кооперативов. Однако среди западных левых распространено **излишне восторженное**, на мой взгляд, отношение к мондрагонским кооперативам. Суть их оценок такова:

— система рабочих кооперативов Мондрагона — прообраз такого общества, в котором управляют сами трудящиеся;

— в кооперативах Мондрагона справедливо распределяются доходы;

— в кооперативах Мондрагона решаются на бесконфликтной основе социальные проблемы и противоречия.

Часто поклонники мондрагонских кооперативов в своих рассказах о них сосредоточивают внимание на фактах, которые доказывают высокую экономическую эффективность этих предприятий. Перечисляют наименования продукции, которые делают в кооперативах Мондрагона; называют страны, в которых она продается и т.п. Словом, всеми силами пытаются показать, что самоуправляющиеся предприятия могут конкурировать с другими, а рабочие кооперативы могут производить современную продукцию. У меня такие рассказы вызывают странное, даже неприятное впечатление. Я не очень понимаю, зачем доказывать, что рабочие, живущие в Стране Басков, способны работать не хуже других, в условиях современных технологий, производить продукцию хорошего качества. Гораздо важ-

нее, по-моему, постараться понять, **что не получается** в рабочих кооперативах Мондрагона, **почему не получается** и **какие уроки** следует из этого извлечь тем, кто стремится к развитию производственной демократии в своей стране, на своем предприятии.

Именно так мы с С.Л.Бертони понимали свою задачу, когда нам довелось летом 1995 г. побывать в Мондрагоне [С.Л.Бертони — координатор московского отделения Transnationals Information Exchange (TIE) — международной организации, осуществляющей функции независимой сети связи и обмена информацией в рабочем и профсоюзном движении].

Когда и кем была создана группа мондрагонских кооперативов

Город Мондрагон находится на севере Испании в Стране Басков — одной из автономных исторических областей Испании (баскское название этого города — Аррасат).

Кооперативы в Мондрагоне возникали и действовали более или менее успешно в разное время. Но первый кооператив (его название — УЛЬГОР) из той группы, которая теперь стала знаменитой и пристально изучается, был основан выходцами из рабочих семей в 1956 г. на базе купленной ими на свои средства небольшой обанкротившейся фирмы по производству электрических и других изделий для домашнего хозяйства (кухонные плиты и др.).

Сейчас группа кооперативов Мондрагона объединяет около 170 предприятий, в которых занято 20–21 тыс. человек. Это не разрозненные кооперативы, расположенные в одной местности, а по сути единая корпорация (что и отражает её испанское название — Mondragón Corporación Cooperativa). В корпорацию входят промышленные кооперативы (более 80), несколько сельскохозяйственных и жилищных кооперативов, технологическое училище, технологический исследовательский институт и другие организации, обслуживающие нужды всей корпо-

рации. Огромную роль играет банк, созданный самими кооперативами и обслуживающий их. В корпорацию входят сейчас и несколько кооперативов, расположенных за пределами города Мондрагона.

Об инициаторе создания и основателе мондрагонской группы кооперативов иной раз пишут, что он придерживался левых и даже социалистических взглядов, и называют «красным священником». Дон Хосе Мария Арисменди-Ариетта действительно был католическим священником. Но когда мы спросили в Мондрагоне о взглядах Арисменди, нам разъяснили, что левым (тем более, социалистом) его вряд ли можно считать. Нам объяснили, что Арисменди-Ариетта придерживался социальной доктрины католической церкви. Об этом упоминают и некоторые авторы, пишущие о Мондрагоне (например, Роберт Стоун и Элизабет Боуман). Какое отношение это имеет к кооперативной корпорации, основанной Арисменди? По мнению наших собеседников в Мондрагоне, — самое прямое.

Кооператив как способ выживания рабочих

В пятидесятых годах в Испании всё ещё существовал фашистский режим Франко. Профсоюзы, забастовки, левые партии были под запретом. Рабочее движение не имело никаких легальных возможностей отстаивать права трудящихся. В Стране Басков условия жизни большинства населения были одними из самых тяжелых в Испании — нищета, безработица, неграмотность. Арисменди нашёл, пожалуй, единственный в тех условиях способ, как можно людям самим, без посторонней помощи выжить в тяжелых условиях. Организация кооперативов вскладчину; очень напряженный (интенсивный) труд для того, чтобы кооперативы стали на ноги и завоевали свою нишу на рынке; невысокая зарплата для того, чтобы вкладывать подавляющую часть прибыли в производство, — всё это было для рабочих способом их **выживания, борьбой за суще-**

ствование, а не реализацией красивых идеалов производственной демократии, социализма.

В настоящее время, как и во времена Арисменди, в группе Мондрагонских кооперативов (как и во всех других кооперативах Испании) профсоюзы не могут защитить права и интересы рабочих, если рабочие являются членами кооператива. Член кооператива может вступить в какой-нибудь профсоюз, но с точки зрения испанских законов он — собственник, а не наёмный рабочий. Законы, определяющие права профсоюзов, членов профсоюза, а также трудовое законодательство распространяются в Испании только на наёмных рабочих. А права членов кооператива регулируют другие законы, которые относятся только к кооперативам.

Конкретно это означает, что государственные гарантии в области труда, продолжительности и режима рабочего времени, пенсионного обеспечения и др. — всё это не для рабочих-собственников (членов кооператива). Положения отраслевых соглашений между профсоюзами и предпринимателями также не относятся к членам кооператива. Кооперативы вынуждены были создать собственную систему социального обеспечения.

Нам рассказали, что в Мондрагоне стремятся к тому, чтобы заработная плата рабочих в кооперативах не отставала от заработной платы рабочих частнокапиталистических предприятий — от того уровня, который предусмотрен в соглашениях между профсоюзами и предпринимателями на предприятиях аналогичного отраслевого профиля. Но, повторяю, уровень зарплаты, по законам, может быть у членов кооператива меньше, чем на предприятиях других форм собственности. Низкая зарплата, более продолжительный рабочий день — это вполне законно, если такова воля органов, принимающих решения в кооперативах.

Здесь надо иметь в виду, что в группе мондрагонских кооперативов член кооператива, пока работает, получает только заработную плату. Часть прибыли распределяется между всеми членами кооператива (пропорцио-

нально их трудовым вкладам — уровню оплаты и отработанному времени). Двадцать лет назад было введено правило: своей долей прибыли работник не может воспользоваться в любой момент, когда захочет. Она перечисляется на специальные индивидуальные счета, и получить накопившуюся сумму можно только при увольнении, в том числе при уходе на пенсию. Член кооператива получает периодически наличными только банковские проценты, которые начисляются на сумму его индивидуального счёта.

Кооператив может при увольнении работника удержать в свою пользу часть суммы, накопившуюся на его индивидуальном счёте (до 20 % суммы). Это правило, как нам разъяснили, применяется не ко всем, а к некоторым категориям работников. Оно введено, чтобы предотвратить утечку кадров к конкурентам.

Получается, что реальный уровень жизни рабочего-собственника (члена кооператива) **мало чем отличается от уровня жизни наёмного рабочего**. Он, как и наёмный рабочий, живёт на зарплату. Но защищённость уровня оплаты и режима его труда не гарантирована ни государством, ни профсоюзом. К тому же возможность получить свою долю прибыли только при увольнении ставит работников в ситуацию сложного выбора: лишиться рабочего места в кооперативе, если понадобятся деньги, или же залезать в долги, чтобы не потерять работу.

Ограничения на свободу распоряжения заработанными средствами никак нельзя отнести к числу демократических норм внутренней жизни мондрагонских кооперативов. Конечно, отчисление части прибыли в резервные и другие общие фонды кооператива, из которых должны финансироваться развитие производства, социальные программы кооператива — это вполне нормальный порядок. Но ограничение права рабочих на распоряжение частью прибыли, предназначенной для их индивидуального потребления, роднит мондрагонские кооперативы с частнокапиталистическими предприятиями, а не отличает от них.

Подобные приёмы широко применяются во многих странах на частнокапиталистических предприятиях, практикующих участие рабочих в прибыли. Это позволяет собственникам-капиталистам сдерживать рост заработной платы под предлогом участия рабочих в прибыли предприятия и использовать по своему усмотрению и в своих интересах средства, вроде бы принадлежащие рабочим. Необходимость продержаться в условиях жёсткой конкурентной борьбы с предприятиями других форм собственности воздействует на внутренние порядки в кооперативах, **заставляет их поступаться принципами свободы и справедливости по отношению к отдельным работникам.**

Нужны ли рабочим-собственникам профсоюзы и демократическое государство

В истории существовали, существуют и сейчас разные конкретные формы производственных коллективов — община, артель, бригада, колхоз, коммуна, кибуц и пр.

Для рабочего и профсоюзного движения крайне опасно ставить знак равенства между коллективными и демократическими формами трудовой жизнедеятельности. Этим часто грешат (из самых лучших побуждений) многие противники капиталистической эксплуатации. Многие искренне думают, что коллективное владение имуществом предприятия и коллективное принятие управленческих решений — это и есть производственная демократия, которая лучше всего отвечает интересам трудящихся, лучше всего может их защитить от внешнего давления, внешнего произвола.

Однако последовательно демократические научные теории и жизнь конкретных предприятий доказывают, что характер отношений внутри производственных коллективов (социальная природа этих отношений) существенно зависит от характера общественного строя.

Только при действительно демократическом, **последовательно** демократическом характере обществен-

ной системы (без всяких уступок методам произвола, методам диктатуры) могут сложиться и устойчиво поддерживаться в коллективах демократические порядки.

Что значит демократический характер общественной системы? Это значит в первую очередь, что в обществе установлены, закреплены в законах и защищаются всей силой государства **личная свобода и равноправие** всех граждан.

Демократическим, следовательно, можно считать только такое коллективное управление, которое не ущемляет гражданские права и интересы работников во имя интересов коллектива или каких-либо его групп, не вынуждает работника подчиняться самодетельным артельно-бригадным нормотворчеству, юрисдикции (праву судить) и морали.

Интересам рабочих отвечает не любое коллективное самоуправление, а коллективное **демократическое** самоуправление — коллективное управление **в рамках демократических законов.**

Встречаются сторонники коллективного управления, которые считают нормальным, когда коллектив избавляется от тех, кто не всегда подчиняется его воле. Например, коллектив решает работать 10 часов, а кто-то отказывается выполнять это решение, так как по закону продолжительность рабочего дня меньше.

В СССР в период массового распространения бригадной формы организации труда (конец 70-х — начало 80-х годов) давление бригадных коллективов на отдельных работников было далеко нередким явлением. Из бригад выживали тех, кто не хотел считаться с производственными решениями бригадного большинства.

Невозможность опереться рабочему на закон, на профсоюз, чтобы защитить свои права; отсутствие реальной возможности найти защиту от произвола коллектива в суде и т.п. — вот что я имею в виду, когда говорю о зависимости недемократических отношений внутри коллектива от недемократического характера общественного строя.

Профсоюзы были в Испании запрещены в те годы, когда появились первые кооперативы будущей кооперативной корпорации. Примечательно, однако, что сам Арисменди, как мы выяснили, был принципиальным противником профсоюзов в кооперативных предприятиях.

Основатели мондрагонских кооперативов считали, что профсоюзы внесут в коллективы противостояние, конфликты. Можно предположить, что они представляли себе коллектив как кроткую массу, руководимую авторитетными человеколюбивыми пастырями.

Антипрофсоюзная позиция Арисменди и его последователей сказывается на характере социально-трудовых отношений в кооперативах Мондрагона до сих пор.

Члену кооператива нужно демократическое государство, нужен профсоюз. **Коллектив, коллективизм — это ещё не демократия и, конечно, это не социализм**, если под социализмом понимать строй, освобождающий трудящихся от эксплуатации, от произвола, защищающий права и интересы трудящихся.

Подтверждение этому теоретическому положению мы искали и нашли в Мондрагоне.

Направляясь в Мондрагон, мы поставили перед собой как одну из главных задачу разузнать, есть ли в мондрагонских кооперативах какие-либо социальные механизмы, похожие на профсоюзные, — такие механизмы, которые на деле выполняют функции профсоюзов по защите интересов отдельных работников, отдельных профессиональных групп от давления коллектива и администрации.

Литература о Мондрагоне весьма глухо касается этой темы. Касаясь проблемы конфликтов внутри коллектива, рассказывают обычно о знаменитой и единственной за всю историю мондрагонских кооперативов забастовке в 1974 г.

Бастовало более 400 членов кооператива. Они протестовали против введения таких изменений в оплату труда, которые создавали несправедливую, с их точки зрения, дифференциацию заработков.

Администрация уволила руководителей забастовки (более 20 человек), а общее собрание не защитило уволенных, поддержало решение администрации. Остальные бастовавшие были оштрафованы (в размере месячной зарплаты). А по поводу забастовок было принято специальное внутреннее решение, **запрещающее их проводить**. Уволенные были вновь приняты в кооператив лишь через четыре года.

В структуре управления мондрагонских кооперативов существуют **Социальные советы**. Они появились не сразу, а по мере выяснения необходимости как-то гасить назревающие трудовые конфликты. Социальные советы формируются из людей, избираемых членами кооператива в каждом цехе.

Социальный совет, по замыслу, должен быть органом, который помогает работникам осуществлять контроль за деятельностью администрации, содействует разрешению индивидуальных конфликтов, получает необходимую работникам информацию и пр. На практике Социальным советам **далеко не всегда удаётся выполнять эти функции**. Среди рабочих существует мнение, что Социальные советы находятся под влиянием администрации.

Следует учесть, что в конце 70-х — начале 80-х годов администрации мондрагонских кооперативов удалось избавиться от многих активных людей левых взглядов. Социальные советы действительно подпали под контроль администрации.

Сейчас некоторые из членов кооперативов, имеющие связи с левыми профсоюзами или вступившие в профсоюзы, начинают применять тактику внедрения в Социальные советы, чтобы преобразовать их изнутри в органы типа рабочих комитетов, т.е. так, чтобы они более активно и последовательно отстаивали интересы рабочих.

Считается, что рабочий-собственник не должен бастовать. Ведь он сам, а не капиталист терпит убытки от остановки производства. Забастовавшие в 1974 г. рабочие, видимо, понимали, что кооператив может понести убытки. Но реальная несправедливость, реальное ущем-

ление их интересов подсказало и метод борьбы с теми, кто с этими интересами не считался.

Забастовок в мондрагонских кооперативах больше не было. Мы спрашивали у членов Социального совета одного из кооперативов Мондрагона, *почему не было больше забастовок*.

Может быть, все проблемы решены?

Может быть, надо верить тем литературным источникам, в которых высоко оценивается деятельность Социальных советов, говорится, что теперь в Мондрагоне царит прочный социальный мир и почти полное согласие?

Жаль, конечно, но ответы были отрицательными.

Боязнь быть уволенными, потерять работу — вот что заставляет рабочих быть осторожными в формах выражения своего недовольства. В Мондрагоне и в целом в провинции Гипускоа, в которой находится этот город, найти работу нелегко. Люди дорожат рабочим местом.

К тому же, как нам пояснили, нельзя полностью понять, что происходит в мондрагонских кооперативах, если не учитывать национальный фактор, а также и патриархальность отношений в семьях и на производстве, всё ещё характерную для Страны Басков.

Борьба за автономию Страны Басков и за независимость Страны Басков — это часть истории Испании и одна из черт современной ситуации. Не буду оценивать цели этой борьбы с точки зрения их соответствия или несоответствия интересам трудящихся Страны Басков. Перескажу лишь мнение тех, с кем мы встречались в нашей поездке в Испанию: люди, которые реально сосредоточили в своих руках управление кооперативами, искусно манипулируют национальными чувствами рабочих-басков, обращаются к национальным чувствам, к национальной гордости, национальной солидарности, когда другие аргументы не действуют. Быть с администрацией — значит защищать Страну Басков. В таком духе администрация «воспитывает» рабочих.

Настоящие, полноправные профсоюзы и демократические законы, защищающие социально-трудовые права рабочих-собственников, нужны — так мы думали, когда направлялись в Мондрагон. И в этом убедились, когда были там.

Для российских рабочих этот вывод важен потому, что администрация приватизированных предприятий начинает занимать все более жёсткую позицию в отношении профсоюзов. На ряде предприятий администрации удалось убедить рабочих выйти из профсоюзов на том основании, что им как собственникам (акционерам) профсоюзы якобы не нужны.

На самом деле рабочим **не нужны** такие профсоюзы, которые работают по указке администрации, по указке владельцев контрольных пакетов акций.

Рабочим **нужны** свои собственные, независимые, боевые профсоюзы. Без них рабочий — будь он членом кооператива, акционером или наёмным у капиталиста — оказывается один на один с администрацией и один на один с родным коллективом, если заявляет о своих правах и интересах.

Кто реально управляет?

На предприятиях с собственностью работников, в том числе и в кооперативах, одна из главных проблем — как обеспечить реальное сознательное участие рядовых работников, рабочих в управлении, в принятии решений; как бороться с бюрократизацией управления в кооперативах. Эта проблема не нова для российских трудящихся, для трудящихся всех стран — бывших республик СССР.

На большинстве предприятий в СССР рабочие не смогли использовать те возможности участия в управлении, которые открыло принятие в 1987 г. Закона «О государственных предприятиях (объединениях)». Лишь немногие советы трудовых коллективов не стали ещё одним придатком администрации наряду с профсоюзными комитетами. Администрация быстро освоила способы манипу-

лирования общими собраниями и конференциями трудовых коллективов.

Сельскохозяйственные кооперативы в СССР (колхозы) были бесправны, все главные решения принимались не колхозниками, а партийными и хозяйственными чиновниками, волю которых проводил председатель колхоза. Возникшие в последние годы существования СССР такие формы, как коллективный и семейный подряд, внутрихозяйственная аренда могли стать реальным шагом по пути к внутриколхозной демократии, но развитию в эту сторону препятствовала недемократическая (командная) обстановка в стране.

Сейчас на приватизированных предприятиях работники-владельцы акций столкнулись с тем, что они не могут толком объединиться, чтобы их голоса были весомы на собраниях акционеров. И это — на тех предприятиях, где работники первоначально получили 51% акций. Часть рабочих стала теперь продавать свои акции. Часть — не продаёт, но передоверила свои голоса администрации или таким руководителям профсоюзов, которые поддерживают администрацию.

Зарубежная практика родила различные способы, позволяющие рабочим-акционерам объединять свои голоса.

В частности, в Испании существуют *трудовые акционерные общества* — предприятия, работники которых имеют в своей собственности не менее 51% акций. Законом предусмотрен следующий порядок: рабочие-акционеры избирают своего представителя в Совет директоров; этот представитель голосует всем пакетом акций рабочих и так, как его уполномочило собрание рабочих-акционеров. Отозвать и заменить его можно в любой момент.

Интересно, что испанский закон предусматривает возможность обеспечения кворума на собрании при помощи судебных исполнителей, если какая-либо группа рабочих-акционеров обращается в суд в связи со срывами собраний из-за неявок на них других рабочих-акционеров.

В ходе российской приватизации все способы такого рода были *сознательно заблокированы*, чтобы не допустить в акционерных обществах рабочего контроля, реального влияния коллектива на управленческие решения.

Что касается мондрагонских кооперативов, то в них ситуация в сфере управления больше всего напоминает колхозы СССР. Голосования на собраниях осуществляются по принципу «один человек — один голос». *Формально* у рабочих есть все права и возможности управлять кооперативом. *Но реально* в большинстве кооперативов есть группы (администрация или специалисты), которые готовят решения. Пользуясь пассивностью рабочих, недостаточной их информированностью о положении дел (часто администрация сознательно фильтрует и искажает информацию), а также излишней доверчивостью рабочих эти группы так или иначе проводят решения, которые считают нужными. И далеко не всегда эти решения выгодны всему коллективу, рабочим.

В мондрагонских кооперативах есть, казалось бы, все возможности для развития производственной демократии. ***Но она не складывается автоматически.*** Для того, чтобы производственная демократия была не формальной, а реальной, требуются сознательная активность рабочих, их стремление вникать во все дела кооператива, умение организоваться внутри самого кооператива. Такой активности и такого умения у рабочих мондрагонских кооперативов пока ещё недостаточно. Тут могли бы рабочим помочь их собственные профсоюзы — но профсоюзов в мондрагонских кооперативах нет.

Кооператив как коллективный эксплуататор

По испанским законам в кооперативах могут работать наёмные работники, которые не являются членами кооператива. Закон ограничивает число таких работников, устанавливая максимально допустимый процент наёмных

рабочих в общей численности работников (10% в одном кооперативе и больше, если у кооператива есть филиалы).

В литературе упоминают о том, что фактически в кооперативах Испании, в том числе и в мондрагонских, эта норма так или иначе обходится и в кооперативах работает больше наёмных, чем разрешает закон.

Но главное не в том, сколько наёмных рабочих имеет кооператив. Главное — каково **положение** наёмных. А положение это в корне отличается от положения членов кооператива.

Казалось бы, нет никаких принципиальных сложностей в такой организации дела, которая давала бы наёмным рабочим участвовать в принятии решений, касающихся их собственного положения на кооперативном предприятии. Не сложно и организовать дело так, чтобы рабочим начислялась доля в прибыли, пропорциональная их трудовому вкладу за время работы в кооперативе. Но таких порядков в мондрагонских кооперативах нет.

Наёмные рабочие не имеют права голоса на собраниях. У них нет права на долю в прибыли кооператива. Наёмные работают на основе временных контрактов и, стремясь к продлению контрактов, боятся выражать своё недовольство.

У наёмных есть право выбирать своих представителей для взаимодействия с администрацией, но для этого надо проработать в кооперативе не меньше трёх месяцев. Администрация старается перемещать наёмных из кооператива в кооператив, чтобы не дать им возможность воспользоваться правом на организованное представительство своих интересов.

По отношению к наёмным рабочим кооператив выступает как **коллективный эксплуататор**. И это опять же позволяет сделать вывод о сходстве социальной природы мондрагонских кооперативов с колхозами в СССР, которые самым откровенным образом эксплуатировали труд наёмных сезонных рабочих.

Система мондрагонских кооперативов в лице некоторых своих структур является учредителем и владельцем

чисто капиталистических предприятий (например, супермаркетов). Положение рабочих и других рядовых работников в таких предприятиях не имеет ничего общего с положением членов кооперативов. Они — наёмные эксплуатируемые работники, а часть прибыли таких предприятий является дополнительным источником средств для развития системы мондрагонских кооперативов.

Что даёт рабочим рабочий колхоз при капитализме

Я не хочу, чтобы у читателей сложилось впечатление, будто моё отношение к опыту мондрагонских кооперативов — резко отрицательное. Это вовсе не так.

Моя цель — обратить внимание на следующее обстоятельство: горячие поклонники мондрагонских кооперативов склонны многое преувеличивать в значении этого опыта для рабочих.

Возможно, причина подобных преувеличений в том, что источником информации о мондрагонских кооперативах были для них *лишь официальные документы* (закон, устав кооператива и т.п.); *беседы с администрацией*, а не с рабочими; статьи и книги, написанные *другими авторами*, не вникшими досконально в суть дела; рекламные проспекты корпорации.

Вспомним, как судили об СССР многие западные левые — не по реальным контактам с советскими рабочими и колхозниками, а по пропагандистским книгам, по дежурным речам партийных, комсомольских и профсоюзных руководителей, изображавшим наши порядки лучшими в мире.

Наш краткий визит в Мондрагон помог понять лишь некоторые стороны жизни системы мондрагонских кооперативов и теперь у нас к рабочим этих кооперативов ещё больше вопросов, чем было до поездки. Но главные предположения, с которыми я ехала в Мондрагон, подтвердились, и я могу их считать теперь доказанными.

Кооперативы мондрагонской группы — явление не совсем обычное для капиталистических стран. Их особенности коренятся не в самой кооперативной форме собственности, а в том, что эти кооперативы тесно связаны между собой технологически и организационно. В систему входят такие организации, которые обеспечивают устойчивое существование кооперативов: банк; организации, готовящие для кооперативов квалифицированные кадры; исследовательские организации и пр. Экономическая эффективность мондрагонской кооперативной корпорации достигается при помощи согласованности действий её частей, в том числе при помощи планирования инвестиций, планомерного создания новых рабочих мест и др.

Означает ли это, что систему мондрагонских кооперативов можно считать чем-то вроде «*миниатюрного государства самоуправляющихся трудовых коллективов*», где «*нет места отчуждению работников от результатов своего труда*», где «*члены коллектива ощущают себя подлинными хозяевами своих предприятий*»? (К такой позиции, склоняется, например, Вадим Белоцерковский.) **Нет. Не означает. И вот почему.**

Производственной демократии в полном значении этого слова здесь нет.

Права рабочих не гарантированы государством. Профсоюзы не действуют.

Существует фактическая эксплуатация рабочих-собственников руководящими структурами — *устойчивое лучшее* положение специалистов и управляющих обеспечивается за счёт рабочих. Разрыв между доходами рабочих, с одной стороны, специалистов и менеджеров, с другой, постепенно увеличивается и воспринимается рабочими как несправедливый.

Недовольство рабочих рядом порядков не выливается в открытые конфликты, не выходит наружу из-за страха рабочих потерять работу.

Кооперативы эксплуатируют труд наёмных рабочих.

Различия в зарплате разных категорий работников в мондрагонских кооперативах вроде бы и не велики: 1 к

4,5; в некоторых кооперативах — 1 к 6. За единицу принимается тарифная ставка рабочих ручного немеханизированного труда. Однако заработная плата работников аппарата управления корпорацией может превышать этот минимум в 15 раз. В то же время прибыль распределяется пропорционально зарплате (и отработанному времени). Поэтому реальный разрыв в размерах доходов, с точки зрения рядовых работников, слишком велик. По мнению же администрации, снижение доходов управляющих и специалистов грозит потерей профессиональных кадров. Это реальная проблема, которая существует в связи с тем, что менеджеры и специалисты, обслуживающие собственников частнокапиталистических предприятий, имеют доходы, во много раз превышающие зарплату рабочих.

Главное, что даёт рабочим членство в кооперативах Мондрагона, — **устойчивость занятости**. Это говорили нам в Испании все, кто судит с точки зрения интересов трудящихся.

Мы беседовали в Мондрагоне и с представителем администрации. Из этой беседы, из рекламных проспектов мы узнали много интересных фактов, свидетельствующих о высоком качестве продукции, о конкурентоспособности мондрагонских кооперативов. А краткая экскурсия на одно из предприятий убедила нас в том, что труд на этом предприятии организован рационально, технология вполне современная (хотя доля ручного неквалифицированного труда всё ещё высока). Правда, работники, не имеющие отношения к администрации, говорили нам, что на других предприятиях мондрагонской группы условия труда гораздо хуже, чем на предприятии, которое нам показали.

Вот таков мой отчёт перед рабочими России о поездке в Мондрагон. Каков общий вывод?

Всякая форма хозяйствования, которая поднимает активность работников и предлагает свои пути учёта и защиты интересов трудящихся, всегда должна нами, участ-

никами рабочего движения, приветствоваться. Опыт Мондрагона — наш опыт. Рабочие могут им гордиться. Но было бы глупо гордиться без досконального знания того, что происходит *на самом деле*. Потому что рабочее движение — это движение, которому дорог хороший опыт, которое всегда стремится его распространять, но которое никого не обманывает относительно плюсов и минусов, успехов и неудач того или иного опыта.

Активность рабочих и профсоюзов должна быть замешана на доброкачественных дрожжах, то есть:

- каков опыт на самом деле, мы знаем и ничего в нём не скрываем ни от себя, ни от других;

- мы предлагаем перенять опыт, если он вам нравится;

- мы призываем искать пути и возможности сделать ещё лучше, чтобы получить такие формы хозяйствования, которые избавили бы труд от эксплуатации, сделали бы его свободным.

Конечно, опыт кооперативной мондрагонской корпорации, как и другие подобные опыты, лишний раз убеждает, что бороться за освобождение труда на своём предприятии можно лишь в пределах, которые отводит этому имеющаяся в данном обществе государственная власть. Всякий опыт активности трудящихся в хозяйстве рано или поздно, но совершенно неизбежно подводит трудящихся к пониманию, что надо бороться и за свою народно-демократическую политическую власть в обществе. Но это уже совсем другая тема.

Впервые напечатано отдельной брошюрой

Г.Я.Ракитская. Рабочий колхоз при капитализме (впечатления и размышления о знаменитом опыте группы кооперативов в городе Мондрагоне на севере Испании). — В периодическом издании «Перспективы и проблемы России» Выпуск 3. М.: 1995. 24 с. На обложке название выпуска «Мифы правых и левых (сюжет первый: миф левых о Мондрагоне)»

С согласия автора перепечатано с небольшими сокращениями в виде статьи: Г.Я.Ракитская. Миф левых о Мондрагоне. Что мы хотели узнать в Мондрагоне. (перепечатка брошюры, изданной в 1995 г.). — Журнал «Альтернативы», 1996, № 2 (лето). Стр. 104-118.

Второе издание брошюры: Г.Я.Ракитская, Миф левых о Мондрагоне (рабочий колхоз при капитализме). 2-е издание. — В периодическом издании «Трудовая демократия» Выпуск 15. — М: ШТД. 1998. 26 с.

1995

=====

СОЦИАЛЬНАЯ ХАРТИЯ РОССИИ⁵⁰

ПОЯСНЕНИЕ

Публикуемый текст Социальной Хартии России является проектом, рассчитанным на превращение его в документ гражданского общества современной России путём подписания самыми разными общественными субъектами — от государственных органов до конкретных граждан России.

Договор об общественном согласии не был подписан многими влиятельными общественными силами. В то же время далеко не все из подписавших его сдержали свои обещания (договорные обязательства). Причина столь печального результата — игнорирование реального общественного раскола, глубины расхождения интересов и действий.

Предотвращение гражданской войны и обеспечение гражданского мира возможны в современных условиях не на крайних путях — либо открытая конфронтация, либо общественное согласие. Они возможны на реалистических путях гражданской разрядки.

Идея гражданской разрядки — главная в Социальной Хартии России. Объединение сил вокруг этой идеи, во-первых, сдержало бы резкие действия, разрушающие хрупкий гражданский мир. Во-вторых, оно объединило бы силы общества для борьбы с ещё большей опасностью, нежели даже гражданская война, — с массовой деградацией населения, с утратой Россией уровня цивилизованной страны, и весьма вероятно, к сожалению, — с утратой Россией своего собственного будущего.

СОЦИАЛЬНАЯ ХАРТИЯ РОССИИ

Содержание

Общественно-политические реалии современной России и множественность идеологий

Многообразие стратегий социальной политики и подходов к решению социальных проблем

Совместная позитивная работа на основах гражданской разрядки - реальный путь к усилению социальной политики, к созданию социального государства

Согласованные подходы к общероссийским приоритетным проблемам

Перемены в собственности и в социальной структуре

Переход к новой системе ценностей, к новым доминирующим идеологиям

Становление демократической системы социальной защищённости

Обеспечение условий возрастания общественно полезной и эффективной экономической активности

Политика доходов

Согласование действий федеральных и местных властей при осуществлении социальной политики

Подходы к механизму осуществления социальной политики в современной России

Недопустимость использования договоренностей Социальной Хартии России для политического давления и политической демагогии

⁵⁰ Авторы текста — Ракитский Б.В. и Ракитская Г.Я.

Подписание Социальной Хартии России

Формы и способы осуществления Социальной Хартии России

Заключительные положения

Настоящая Социальная Хартия России (далее — Хартия) является совместным документом политических и неполитических общественных сил, партий, организаций и движений, органов государственной власти и местного самоуправления, негосударственных учреждений и организаций, граждан России. По коренным вопросам развития страны подписавшие Хартию стоят на различных, подчас на противоположных позициях, не совместимых на основах согласия и сотрудничества как в настоящем, так и в будущем. В этих условиях подписавшие Хартию демонстрируют прежде всего готовность:

- понимать и уважать чужую позицию;
- отстаивать, распространять и утверждать в обществе собственную позицию на основе демократических и мирных форм общественной жизни;
- искать и находить реальное (пусть фрагментарное) пространство общей или разделяемой рядом общественных сил тревоги и озабоченности, проявляя склонность к взаимопониманию и взаимодействию;
- включаться в созидательные общественные процессы, отдавая приоритет интересам России.

Генеральная цель Социальной Хартии России — инициирование и налаживание процесса **ГРАЖДАНСКОЙ РАЗРЯДКИ**. Хартия охватывает преимущественно социальные проблемы, учитывая большую вероятность продвижения к взаимопониманию и взаимодействию, к гражданской разрядке именно по тем вопросам, которые касаются населения России, интересов и положения различ-

ных социальных групп, острых и неотложных социальных проблем.

Подписывая настоящую Хартию, мы подтверждаем не только намерения, но и готовность добиваться гражданской разрядки, а в перспективе — социального благополучия России. За каждым подписавшим — право на понимание проблем и перспектив России по-своему, так что подписание Хартии ни в малейшей мере не означает отступления от собственных позиций. Оно означает лишь, что позиция каждого из подписавших позволяет внести вклад в гражданскую разрядку, в поддержание гражданского мира в нашей современной России.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ИДЕОЛОГИЙ

С середины 80-х годов в нашей стране идёт процесс исторического выбора, Ослабление жёсткого контроля за хозяйственной и общественной жизнью привело к обозначению множественности экономических, социальных и политических интересов, к формированию различных идеологий, политических организаций, социальных сил и движений. Наметились демократизация, оживление борьбы за власть, продвижение к суверенности государственных образований на территории нашей страны.

Логика процесса и решительные действия ряда политических деятелей и сил подвели к событиям августа 1991 г., а затем ноября и декабря 1991 г. Ситуация переменилась коренным образом, и эта перемена была по-разному оценена в обществе. От полного одобрения до полного неприятия — таков фактический разброс оценок.

Столь же кардинальные расхождения вызвала в обществе и радикальная экономическая реформа, начатая с 1992 г. Эти расхождения вылились в острое политическое противостояние законодательной и исполнительной власти уже с конца 1992 г. События сентября-октября 1993

г. пресекли это противостояние. Они не разрешили конфликт по существу, не устранили его причины, а лишь перевели противостояние в иную фазу, в иные формы.

Противостояние политических сил, противостояние идеологий — важная, но не главная особенность современной России. Главными являются два обстоятельства, которые реально удерживают это противостояние в русле "худого мира", что лучше "доброй ссоры".

Первое обстоятельство — политическая и общественная пассивность большинства населения. Идеологии ещё не усвоены массами как собственные, не стали ещё для масс руководящими мотивами. Политические партии и организации в силу этого обстоятельства не представляют критической социальной массы и ограничиваются предвыборной борьбой и политическими маневрами на федеральной авансцене.

Второе обстоятельство — кардинальное изменение конфигурации власти после учреждения президентской власти и особенно после сентября-октября 1993 г. Произошедшее усиление власти Президента создало многократный перевес этой власти как над каждой из противостоящих политических сил, так и над ними, взятыми вместе. В создавшейся обстановке президентская власть имеет возможность беспрепятственно формировать курс преобразований, полностью контролировать ход экономических, политических и социальных процессов и пресекать любые отклонения от проводимого ею курса. Президентская власть возвысилась над противостоянием политических сил и идеологий настолько, что в состоянии сделать одну из них фактически господствующей в обществе. Президентская власть в состоянии также удерживать политическое противостояние и политическую борьбу в границах второстепенных по влиятельности политических процессов.

Перспективы России в ближайшие годы будут определяться тем, станут ли массы политически и общественно активными. Если массы не станут политически активными, то политическая жизнь в России выродится в де-

коративную. Если же политическая активность населения существенно возрастёт и расширится, то важным станет, к достижению каких целей будет направлена активность основных социальных групп, какие из них приобретут решающее влияние, как сложатся взаимоотношения активизирующихся масс и президентской власти.

Подписывая настоящую Хартию, мы исходим из желательности демократического пути развития России, предполагающего создание гражданского (реально много-субъектного) общества и правового государства. Повышение политической и социальной активности народа, различных социальных групп мы воспринимаем как фактор демократизации и возрождения России. Мы придаём первостепенное значение обеспечению мирных форм протекания этих процессов, какими бы быстрыми и бурными они ни были.

Вероятность немирных форм реально существует и, возможно, возрастает. Отсюда и нужда в гражданской разрядке. Гражданская разрядка как идея и процесс обеспечения гражданского мира в современной России не отрицает идеи и процесса гражданского согласия, имеющих место с апреля 1994 г. Однако политическая практика показала недостаточность и непрочность процесса гражданского согласия. Он не охватил значительную часть субъектов российского общества, не вовлек эту часть в процессы налаживания взаимопонимания и взаимодействия противостоящих политических сил и идеологий. Таким образом, гражданский мир не получил достаточной опоры снизу, со стороны большинства противостоящих сил и идеологий. Гражданская разрядка способна строить и построить такую опору гражданского мира.

Стремясь к гражданской разрядке и к обеспечению гражданского мира, мы, подписавшие Социальную Хартию России, считаем существенно важным открыто и с принципиальной полнотой декларировать наши подходы, намерения и оценки относительно настоящего, прошлого и

будущего России. Фиксирование позиций и разногласий облегчает и делает более свободным и эффективным поиск пространства взаимопонимания и полезного взаимодействия.

Вместе с тем разногласия и различия позиций отступают на второй план при возникновении очагов внутренней войны наподобие войны в Чечне или открытого применения военной силы к гражданскому населению. Мы солидарны в требованиях к властям исключить из жизни нашего общества и не допускать впредь военные действия правительства и массовые репрессивные и карательные акции против населения. Это элементарные требования, вытекающие из норм поведения властей в современном мире. Это предпосылки, без обеспечения которых гражданская разрядка так же нереальна в России, как оказалось нереальным общественное согласие.

МНОГООБРАЗИЕ СТРАТЕГИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ПОДХОДОВ К РЕШЕНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Согласовать противоречивые, зачастую прямо противоположные позиции непросто и, возможно, добиться этого сразу не удастся. Но, понимая, насколько опасно углубление противостояния и чем чревато предвзрывное состояние общества, мы обязаны, не медля, начать поиск путей к сближению. Необходимо спокойно разобраться в том, где расходятся и в чём близки, где совпадают наши интересы и цели. И на этой основе пойти, насколько это окажется возможным, на взаимные уступки, на выработку подходов и конкретных решений, приемлемых для всех сторон. Те задачи и требования, которые останутся за пределами такого согласования, мы должны отложить в порядке гражданской разрядки, политического перемирия. Мы уверены, что не призывы и не приказы жить в мире, а лишь опыт удавшихся терпеливых попыток сближения предотвратит углубление конфронтации и позволит со

временем найти взаимоприемлемые решения и там, где это сегодня представляется абсолютно невозможным.

Мирное согласование противостоящих социальных позиции предполагает готовность, настойчивое стремление к тому, чтобы внимательно определить суть, масштабы расхождений, их действительные причины. Надо прежде всего услышать и постараться понять друг друга. Мы не рассчитываем добиться идейного единства, переубедить оппонентов, навязать своё видение ситуации и проблем, принудить кого-либо к отказу от собственных взглядов, к капитуляции, к односторонним уступкам. Мы исходим из необходимости уважительного, предельно терпимого отношения к другим позициям, из признания закономерным многообразия интересов и подходов, из того, что в условиях исторической реальности острого идейного противостояния избежать внутренней войны и вывести страну на путь прогресса можно лишь совместными усилиями всех ответственных политических сил.

Мы констатируем, что основные расхождения между нами в оценках замысла и социальных результатов начатых реформ, в представлениях об актуальных социальных проблемах, главных направлениях и первоочередных задачах в сфере преобразования социальных отношений состоят в следующем:

1. Те из нас, кто являются сторонниками приобщения России к цивилизованному мировому сообществу, перехода от тоталитаризма к демократии через радикальные рыночные реформы на базе ускоренной приватизации государственной собственности и считают, что начатому курсу не было и нет альтернативы,

исходят из того, что главной причиной неэффективности советского хозяйства было всеобщее огосударствление; что отсутствие частной собственности препятствовало развитию нормальных рыночных отношений; что без частной собственности и рынка нельзя наладить рациональное хозяйствование, обеспечить развитие предпринимательских мотиваций, экономическую активность,

здоровую конкуренцию производителей, создать тем самым прочную основу для повышения уровня жизни населения;

выступают за продолжение и последовательное проведение начатых реформ во всех сферах; за ускорение приватизации предприятий, земли, жилья; за развитие свободного рынка земли и жилья;

уверены, что начатые реформы есть единственный путь к обеспечению российскому народу возможности жить так же достойно, как живут люди во всех цивилизованных странах;

не отрицают в принципе необходимости многообразия форм собственности, но видят в мировом опыте свидетельства того, что развитый, цивилизованный рынок может существовать лишь при наличии в экономике мощного частного сектора;

убеждены, что частный собственник, самостоятельный предприниматель нуждается не только в экономической демократии, гарантирующей свободу поведения на рынке, но и в защите своих социальных и политических прав и свобод, что приватизация и развитие на её базе рыночных отношений являются предпосылками демократического переустройства всей общественной жизни, создают гарантии невозврата к тоталитарному прошлому;

видят и отдают себе отчёт в том, что путь к преодолению тоталитарного прошлого, к созданию новой социально-экономической системы оказался нелегким; что не были предугаданы все сложности и проблемы переходного периода; что уровень жизни значительной части населения в ходе реформ понизился и всё ещё не удаётся переломить эту тенденцию, защитить от обнищания наиболее уязвимые слои населения, найти достаточные средства для реализации необходимых социальных программ;

считают необходимым **последовательно придерживаться** главных **направлений осуществляемого курса реформ** и **признают** важность следующих проблем и задач, решение которых **позволило бы снизить социальную напряжённость**, продолжить начатые радикальные пре-

образования при поддержке демократического мирового сообщества:

— стабилизация уровня жизни населения, предотвращение дальнейшего его снижения, исходя из невозможности обеспечить повышение уровня жизни для всех слоёв населения до стабилизации финансовой системы и подавления инфляции как условий стабилизации экономики в целом, а затем и её подъёма;

— обеспечение строго адресной системы социальной поддержки и социальной помощи наиболее нуждающимся слоям населения на основе определения, разработки и реализации ограниченного круга первоприоритетных социальных программ;

— торможение сокращения занятости на основе развития разнообразных форм экономической активности; социальная поддержка безработных, содействие им в поисках занятости;

— завершение начатой приватизации на принципах и в формах, обеспечивающих формирование слоя эффективных частных собственников во всех сферах и отраслях экономики с учётом особой актуальности привлечения иностранного капитала, иностранных инвестиций;

— развитие партнёрских отношений между работниками и работодателями на основе заключения и выполнения соглашений и взаимных обязательств, на основе отказа от таких требований и действий со стороны работников, которые раскручивают инфляцию, дезорганизуют производство, используют временные экономические трудности для нагнетания социальной напряжённости;

— укрепление законности и правопорядка, борьба с организованной преступностью в целях обеспечения нормальных условий для цивилизованного предпринимательства, для привлечения необходимых России иностранных инвестиций и кредитов.

2. Те из нас, кто считают прежний общественный строй в СССР тоталитарным эксплуататорским и являются сторонниками принципиально иного обще-

ственного строя — демократического неэксплуататорского с регулируемой рыночной экономикой,

исходят из того, что осуществляемые в России "шоковые" реформы, навязывающие стране капиталистический путь развития, противоречат интересам трудящегося большинства населения; что интересам трудящихся в полной мере отвечали бы реформы, направленные на становление: широкой, подлинно народной политической демократии; регулируемого государством рынка; социально-трудовых отношений, исключающих экономическую эксплуатацию как массовое устойчивое явление;

полагают, что в 1991-1992 гг. существовала общественная потребность и реальная возможность начать в России переход к рынку на базе демократической реформы собственности, в результате которой возникли бы на добровольной для трудящихся основе разные формы собственности, а в дальнейшем роль доминирующего экономического уклада перешла бы к наиболее эффективному в социальном и экономическом отношении;

констатируют, что форсированная крупномасштабная приватизация осуществляется по преимуществу в принудительном порядке, не оставляя трудовым коллективам реальную возможность самостоятельного выбора новой формы экономической жизни; что российские трудящиеся практически лишены перспектив на собственность в хозяйстве; что осуществляемая с 1992 г. социально-экономическая политика форсированными темпами создаёт в России исключительно глубокую социальную дифференциацию, что многочисленное бедное и беднейшее население не имеет сколько-нибудь прочных социальных гарантий сохранения нормальных источников средств своего существования;

не могут смириться с тем, что материальные и финансовые ресурсы страны сосредоточиваются в руках весьма узкого слоя людей и подпадают по преимуществу под контроль иностранного капитала; что Россия становится страной колониального типа с устойчиво нищенским уровнем жизни большинства населения, массовой безра-

ботицей и бездомностью, массовой преступностью; что для значительной части населения становятся мало или вовсе недоступными высшее и среднее профессиональное образование, медицинское обслуживание, нормальный отдых, услуги отраслей культуры, транспорта и связи; что осуществляемые реформы, разрушая материально-производственные и культурные основы сложившегося образа жизни, не приобщают Россию к современному цивилизованному миру, а ведут к социальной деградации значительной части населения и страны в целом, отбрасывают народ России на гораздо более низкий, чем прежде, уровень цивилизованности;

видят главные опасности для будущего России в том, что политика разрушения производства, деиндустриализации России ведёт к деклассированию трудящихся, подрывает возможность формирования в России современного рабочего класса и сильного демократического рабочего движения — главного гаранта перехода к демократии и устойчивости демократии; что демократические цели, ценности и лозунги, провозглашённые российским руководством, скомпрометированы расхождением фактических результатов и методов реформ с первоначальными обещаниями; что вследствие деградирующего воздействия правительственной политики на народное хозяйство, условия и способы жизнедеятельности населения начинают распространяться представления, идеализирующие тоталитарное прошлое, и получают всё более широкий отклик идеи и призывы вернуться назад, к прежнему строю;

вынуждены признать, что социальная ностальгия по прошлому у значительной части населения обусловлена разрушением прежней системы государственных социальных гарантий без замещения её новой эффективной системой социальной защищённости; что в старом тоталитарном обществе нищенское и бесправное положение трудящихся компенсировалось гарантиями стабильности привычного уровня жизни и общественного положения, защищённостью от рисков потерять работу, получить обес-

ценившуюся зарплату, не выучить детей, не получить медицинскую помощь, лишиться жилья;

убеждены, что первоисточником возникновения и обострения всех конкретных социальных проблем в современной России, в том числе межнациональных конфликтов, угрожающих распадом Российской Федерации, является недемократический характер государственной власти, которая приносит интересы большинства населения в жертву интересам формирующейся крупной буржуазии и иностранного капитала;

убеждены, что только в обстановке политической демократии будут найдены способы и формы осуществления социально-экономической политики, исходящей из необходимости прекратить разграбление национальных ресурсов, разрушение российской экономики и культуры, обеспечить возрождение и развитие России как политически и экономически независимой страны, гарантировать всем гражданам право на жизнь, на труд, на рабочее место и достойный заработок, на цивилизованный образ жизни;

понимают, что задача развития России как демократического неэксплуататорского общества с регулируемой рыночной экономикой не может быть выдвинута как реально достижимая в ближайшее время из-за отсутствия в современной России массовых движений трудящихся и в первую очередь рабочего движения, последовательно выступающих за такой (народно-демократический) вариант развития, и в связи с этим

солидаризируются со всеми требованиями, лежащими в русле борьбы с проявлениями буржуазной политической и экономической диктатуры, за защиту прав и свобод трудящихся по типу буржуазной демократии, за обеспечение социальной ориентированности формирующейся рыночно-капиталистической экономики на учёт интересов наёмных работников и всех других групп трудящихся, и в связи с этим

считают необходимым принципиальное изменение характера общественных преобразований, исходя

из приоритета интересов трудящегося большинства населения, что означает **наибольшую актуальность** следующих социальных проблем и задач:

— становление реальной политической демократии, гражданского многосубъектного общества; обеспечение реального равноправия наций; расширение самостоятельности субъектов федерации и развитие местного самоуправления для разворачивания мирной борьбы различных социальных сил за характер реформ и характер будущего российского общества;

— демократизация процесса реформирования собственности, в том числе на селе, исходя из необходимости добровольного для трудящихся и трудовых коллективов перехода к новым формам собственности и хозяйствования;

— развитие производственной демократии, обеспечивающей реальную причастность трудящихся к осуществлению власти и управления на производстве в целях стабилизации социальной обстановки и повышения эффективности производства;

— формирование целостной системы социальной защиты населения, исходя из необходимости учёта специфики насущных интересов и проблем каждой из социальных групп, в том числе защищённость государственными гарантиями: условий, необходимых для формирования общественно нормальных уровня и условий жизни (труда, быта, досуга) граждан; реальной доступности для массового потребителя социальных и культурных благ (образования, охраны здоровья, отдыха и пр.);

— исключение массовой безработицы из жизни общества как социально неприемлемого явления;

— осуществление опережающих мер по социальной защите населения при любых радикальных общественных преобразованиях.

3. Те из нас, кто видят в шоковых методах проведения реформ угрозу национально-государственным интересам России, поскольку эти методы разру-

шают отечественное производство, препятствуют формированию и нормальному функционированию национального капитала, ухудшают положение широких слоев населения, наёмных работников,

исходят из того, что советское общество нуждалось в рыночных реформах и социальных преобразованиях; что повышению эффективности производства, научно-техническому прогрессу, росту благосостояния народа препятствовали предельное огосударствление экономики, излишняя централизация, детальная регламентация и произвол в управлении хозяйством, отсутствие реальной самостоятельности предприятий и их руководителей;

поддержали в целом курс на разгосударствление и приватизацию в той мере, в какой он направлен на преодоление ситуации "ничейной" собственности, на создание хозяйской мотивации у товаропроизводителей, у директорского корпуса, у администрации предприятий;

вынуждены констатировать, что проведение реформ методом "шока" нарушило сложившиеся хозяйственные связи в рамках бывшего СССР, привело к резкому спаду и к прямому разрушению производства, его научно-технического потенциала; что руководство страны не принимает решительных мер по остановке разрушительных последствий своих ошибок, допущенных в ходе "шоковых" реформ; что не предпринимаются реальные шаги по сохранению и повышению конкурентоспособности отечественного производства на внутреннем и мировом рынке; что тяжёлое финансовое состояние ряда отраслей, производств и предприятий и отсутствие активной государственной социальной политики ведут к массовому обнищанию, физической и духовной деградации населения; что интересы российских товаропроизводителей ущемляются в пользу интересов спекулянтов, иностранных фирм и государственных чиновников; что Россия превращается в сырьевой придаток развитых стран, в источник дешёвых умов и дешёвых рабочих рук для мировой экономики;

настаивают на том, что гарантия будущего России как подлинно независимой страны и ключевое звено ре-

форм — возрождение отечественного производства и становление национального капитала; что для этого требуется отказ от ошибочной финансово-кредитной и ценовой политики, ведущей к свёртыванию производства, и переход к политике, обеспечивающей прекращение спада и рост отечественного производства и платёжеспособного спроса населения как предпосылок финансового оздоровления;

считают необходимым **существенное изменение социальной и экономической политики государства в целях сохранения и развития национальной экономики и культуры**, что предполагает ориентировку на приоритет интересов отечественных промышленников и предпринимателей при подъёме уровня жизни и социальной защите всех групп населения и требует первоочередного решения следующих проблем и задач:

— реализация системы мер по сохранению производственного и научно-технического потенциала страны, по прекращению спада производства и структурной перестройке экономики, по стимулированию товаропроизводителей для насыщения внутреннего рынка конкурентоспособными отечественными товарами;

— государственная финансовая поддержка: потенциально конкурентоспособных отечественных предприятий, отраслей и хозяйственных комплексов, попавших в ходе "шоковых" реформ в тяжёлое экономическое положение; проектов, соответствующих задачам структурной перестройки экономики и в первую очередь конверсии оборонной промышленности;

— проведение политики государственного протекционизма по отношению к отечественным предприятиям, обеспечивающее доминирующее их положение и конкурентоспособность отечественных товаров на внутреннем рынке;

— реализация механизма банкротств, системы вексельного обращения для преодоления и предупреждения в будущем кризиса неплатежей в хозяйстве, для "выборки" неэффективных производств и обеспечения воз-

возможности перехода неплатёжеспособных предприятий к эффективным собственникам и управляющим;

- поэтапное реформирование налоговой системы в направлениях, обеспечивающих: стимулирование инвестиционной активности, структурной перестройки экономики, конверсии; преодоление массовых уклонений от уплаты налогов; повышение эффективности использования производственного имущества при снижении общей ставки налогообложения;

- разумное государственное регулирование рыночной экономики, в том числе контроль за внешней торговлей наиболее важными видами производственных ресурсов;

- принятие законов, обеспечивающих действенную, непротиворечивую и стабильную правовую базу для отечественного капитала и хозяйственной деятельности; укрепление законности и правопорядка в целях пресечения коррупции, защиты прав собственности и предпринимательской деятельности от произвола чиновников;

- развитие партнёрских отношений между работодателями и профсоюзами с отказом от забастовок при соблюдении соглашений и коллективных договоров; объединение усилий работников и работодателей для спасения отечественного производства, для организации давления на правительство в целях выполнения им финансовых и иных обязательств перед предприятиями;

- проведение завершающих этапов приватизации, исходя из необходимости роста эффективности производства, на основе: преодоления распыления собственности между множеством мелких акционеров, ориентированных на "проедание" прибыли; стимулирования создания промышленно-финансовых групп; преобразования сельскохозяйственных коллективных предприятий в новые эффективные организационные формы; использование при приватизации и в управлении государственными предприятиями таких методов и форм, которые обеспечили бы хозяйскую и предпринимательскую заинтересованность руководителей и администрации предприятий, реализацию в

рыночной экономике их компетентности, профессионального опыта, ответственного подхода к управлению производством, к судьбе отечественной экономики; предотвращение скупки за бесценок предприятий и иной недвижимости иностранными фирмами и гражданами;

- предотвращение тотальной коммерциализации науки и отраслей социальной сферы;

- блокада процессов массового обнищания и люмпенизации населения; обеспечение элементарных условий существования для всех групп россиян; регулирование заработной платы с учётом роста стоимости минимальной потребительской "корзины"; гарантирование прожиточного минимума нетрудоспособным;

- предотвращение углубления социальной дифференциации в российском обществе при помощи: блокирования механизмов инфляции; приближения уровня оплаты труда в бюджетной сфере к заработной плате в материальном производстве; финансового поощрения благотворительной деятельности предпринимателей по смягчению бедности, по поддержке гибнущей отечественной науки и национальной культуры; реализации социальных программ финансовой поддержки, обеспечения занятости наиболее нуждающихся категорий населения (инвалидов, многодетных семей и др.);

- предотвращение обвального роста безработицы; поощрение экономической активности и эффективной занятости населения, в том числе на основе государственной поддержки крупных иностранных инвестиционных проектов и обеспечения необходимых экономических гарантий иностранным инвесторам;

- создание благоприятной политической обстановки для восстановления традиционных экономических и культурных связей, разрушенных в результате распада СССР.

4. Те из нас, кто разделяют курс на возрождение свободного среднего и мелкого предпринимательства в России, стали или намерены стать на путь самосто-

ятельного бизнеса, вложив свои капиталы и энергию в развитие народного хозяйства,

убеждены, что полноправное и социально защищённое сословие средних и мелких частных собственников (предпринимателей) является базой рыночной экономики, опорой демократической власти и основой будущего благосостояния России; что социально-экономическое и культурное возрождение России, прогресс российских народов зависит от судьбы нарождающегося отечественного частного предпринимательства;

поддерживая в целом реформаторскую деятельность Президента и исполнительной власти, в то же время **констатируют,** что государственная власть не выполняет с должной эффективностью и последовательностью свои прямые функции по защите интересов и прав отечественных предпринимателей;

подчёркивают, что вопреки декларациям Президента и Правительства о намерении продолжать реформы, всесторонне поддерживая и стимулируя развитие российского предпринимательства, не происходит реальный переход к конкретным действиям в этом направлении; что целый ряд непродуманных решений исполнительной власти в области социальной политики ведёт к негативным социальным последствиям, к дальнейшему обнищанию российского общества; что налоговая и инвестиционная политика, криминальные группировки и силовые структуры государства душат отечественный бизнес, выталкивают предпринимателей в теневую сферу или заставляют их прекратить свою экономическую деятельность;

видят главные препятствия и опасности для свободного предпринимательства и для самого института частной собственности в России в коррумпированности чиновничества; в рэкете сросшейся с этим чиновничеством мафии; в бездействии и беспомощности правоохранительной системы; в налоговом беспределе, мешающем предпринимателям встать на ноги;

считают необходимой **корректировку государственной социально-экономической политики, исходя**

из учёта интересов нарождающегося сословия свободных отечественных предпринимателей, что позволит обеспечить **социальную стабильность российского общества и государства** и предполагает **первоочередное решение** следующих проблем и задач:

— создание надёжной и стабильной, а не постоянно меняющейся правовой базы, благоприятной для становления и развития частного бизнеса;

— обеспечение эффективной судебной и правоохранительной защиты частного бизнеса;

— последовательное проведение государственной политики протекционизма по отношению ко всем формам отечественного бизнеса;

— изменение налоговой политики и системы налогообложения для снижения налогового бремени, для стимулирования деловой и инвестиционной активности, создания новых рабочих мест;

— обеспечение доступности финансовых ресурсов для мелкого и среднего бизнеса, преодоление тенденции монополизации финансовых средств узким кругом фирм и банков; государственная поддержка создания новых частных предприятий;

— осуществление мер, обеспечивающих рост доходов населения как необходимого условия расширения ёмкости внутреннего рынка;

— переход руководства страны и всех властных структур на позиции социального партнёрства во взаимоотношениях государства с предпринимателями, что означает в первую очередь обязанность государства обеспечить защиту жизни, достоинства и собственности предпринимателей, использовать рыночные рычаги для решения проблем частного бизнеса взамен конфронтации, чиновничьего администрирования, произвола и командования;

— выработка и осуществление эффективных мер по борьбе с организованным преступным миром, ведущим войну против отечественных предпринимателей;

— обеспечение представительства интересов класса собственников России в структурах государственной власти на всех её уровнях.

5. Те из нас, кто доверяли новой власти и поддерживали объявленный руководством России курс на демократические реформы, развитие рыночной экономики, разгосударствление и приватизацию как путь от прежнего антигуманного режима к свободному обществу с достойным уровнем жизни трудящихся, эффективными механизмами социальной защиты работников наёмного труда, но считают, что фактические результаты реформ не соответствуют обещанным народу,

видели Россию по окончании недолгого, как было обещано, переходного периода к рынку развитой демократической страной европейского или североамериканского типа, с гораздо более высоким и более защищённым, чем прежде, уровнем жизни народа;

восприняли реформы как курс на развитие экономической инициативы и ответственности, повышение эффективности производства, наполнение потребительского рынка, рост заработной платы и улучшение социальных условий жизни наёмных работников и членов их семей;

с тревогой констатируют, что уровень жизни широких слоёв населения, реальная покупательная способность заработной платы резко понизились; что существенно ухудшаются условия и охрана труда; что трудовое законодательство нарушается систематически и в массовом масштабе; что в деятельности правительства и законодателей явно просматривается тенденция к принятию антирабочих и антипрофсоюзных правовых норм; что особенно резко ухудшилось социально-экономическое положение работников бюджетной сферы, научной и творческой интеллигенции, работников, занятых в сельском хозяйстве;

констатируют, что фактические методы разгосударствления, акционирования и приватизации не сформиро-

вали "цивилизованных" новых хозяев, а узаконили контроль над производством со стороны государственных чиновников, хозяйственной администрации, спекулятивного капитала; что реформы ведут не к нормальным рыночным отношениям, а к развалу производства, к массовым остановкам предприятий, к превращению потенциально рентабельных предприятий в неплатёжеспособные;

считают, что для российского общества была и остаётся актуальной задача появления ответственных собственников (предпринимателей), заинтересованных в эффективном функционировании производства и способных организовать производство; что переход к новым формам собственности и хозяйствования должен происходить на добровольной для работников и трудовых коллективов основе с учётом того, что часть трудящихся стремится к более выгодной продаже своей рабочей силы на условиях наёмного труда, а другая часть — к положению сохозяев предприятий, к реальной причастности к управлению предприятиями;

подчёркивают, что становление отношений социального партнёрства между работниками, собственниками (работодателями) и правительством наталкивается на непонимание и сопротивление чиновников, директорского корпуса; что механизмы реализации социального партнёрства находятся в зачаточном состоянии, носят, как правило, формальный характер;

особенно озабочены тем, что в условиях развала производства теряют действенность любые мирные способы борьбы трудящихся за свои права и интересы, в том числе забастовки; что состояние судебной и правоохранительной систем не позволяет работникам отстаивать свои социальные и трудовые права; что правительство идёт на уступки лишь отдельным категориям работников, занятых в ключевых отраслях хозяйства; что практика морального осуждения и признания судами незаконными забастовок, проводимых из-за длительных задержек заработной платы, превращает для многих труд по сути в принудительный (и притом полубесплатный);

вынуждены признать современную ситуацию в области защиты социальных и трудовых прав далёкой от состояния, соответствующего демократическому правовому и социальному государству, которое отвечало бы как интересам граждан, так и требованиям Конституции Российской Федерации;

считают необходимым **изменение направленности реформ в сторону становления социальной рыночной экономики и правового демократического государства**, что означает **наибольшую актуальность** в настоящее время следующих проблем и задач:

- борьба с массовыми нарушениями социальных и трудовых прав трудящихся, с ущемлением прав профсоюзов на основе действенных правоохранительных механизмов и на основе совершенствования нормативно-юридической базы с учётом необходимости сохранения благоприятных для работников прежних правовых норм;

- повышение реальной ответственности собственников, работодателей, государственных органов за нарушение законных прав работников и профсоюзов, за невыполнение обязательств, зафиксированных в соглашениях и коллективных договорах;

- обеспечение реальных возможностей участия работников в управлении предприятиями (независимо от формы собственности) на основе принятия соответствующих законов;

- решение проблем структурной перестройки экономики на условиях и способами, предотвращающими возникновение массовой устойчивой безработицы;

- повышение гарантированной государством минимальной оплаты труда, пенсий, пособий, стипендий до уровня минимального потребительского бюджета — с учётом роста реальной стоимости жизни, с учётом замещения системы бесплатного предоставления социальных услуг населению платной системой и роста стоимости жилья; разумное сочетание платности и бесплатности социальных услуг;

- повышение реальной ответственности собственников и администрации предприятий, всех должностных лиц за безопасные условия труда, нормальную работу систем жизнеобеспечения населения, экологическую безопасность;

- борьба с тенденцией перехода предприятий под контроль мафиозных структур на основе развития (при поддержке государства) механизмов контроля за финансово-экономическим состоянием и деятельностью предприятий (независимо от формы собственности) со стороны работников, их представительных органов, профсоюзов, а также при помощи радикального улучшения работы правоохранительных органов;

- существенное облегчение для работников предприятий и всех граждан предварительных процедур, обеспечивающих законность любых форм организованного мирного протеста при отстаивании ими своих прав и интересов, в том числе законность забастовок солидарности и забастовок с политическими требованиями.

6. Те из нас, кто отрицают осуществляемый курс на капитализацию России как контрреволюцию, ведущую Россию к катастрофе, и считают необходимым возвращение на путь социалистического развития,

убеждены, что развал СССР и "шоковые" реформы правящего режима противоречат национально-государственным интересам России; что либерализация цен и приватизация разрушили экономику страны, привели к расхищению национальных ресурсов, криминализации общества, обнищанию и сокращению численности населения;

констатируют, что президент и правительство узурпировали власть в стране, отказались от демократических принципов взаимодействия с народом, принудительно завели страну в бездну "шоковых" реформ;

считают абсолютно неприемлемыми разрушение прежней системы социальных гарантий; всё усиливающееся обнищание большинства народа; возникновение и рост безработицы; аграрную политику, направленную на

разрушение коллективных хозяйств, на обезземеливание крестьян;

видят главные опасности для будущего России в том, что политика правящего режима подрывает экономическую мощь и обороноспособность страны; ведёт к колониальному порабощению России, к разрушению самобытной национальной культуры; развязывает межнациональные конфликты и ведёт к разрушению единства и целостности России; лишила трудящихся всех прежних социальных завоеваний и не создаёт никаких основ для выхода России из глубокого кризиса на путь социального и экономического прогресса;

признают, что социализм, построенный в СССР, не был свободен от ошибок; что были отступления от последовательной реализации социалистических принципов; что не успели проявиться в полной мере все потенциальные возможности социализма, но в то же время

исходят из того, что возрождение страны, её независимость и целостность, гражданский мир и дружба народов, благополучие и безопасность граждан не могут быть обеспечены при сохранении нынешнего антинародного, антинационального правящего режима; что только борьба против контрреволюции и возвращение к социализму в его обновленных формах спасут Отечество, откроют народу России путь в достойное будущее;

фиксируют, что возвращение на путь социализма означает возрождение народовластия в форме советов и в других формах; господство в экономике общественных форм собственности на средства производства; бесклассовое общество без эксплуатации, с распределением по труду; научное планирование и управление обществом и хозяйством;

констатируют своё стремление бороться за отстранение от власти правящего режима и за возвращение на путь социализма мирными законными методами;

исходят из того, что до восстановления народовластия и перехода на путь социалистического развития необходимо добиваться устранения катастрофических по-

следствий "шоковых" реформ для национально-государственных интересов России и для трудящихся как более благоприятных предпосылок для будущего кардинального поворота в развитии страны и в связи с этим

считают возможным и необходимым добиваться решения следующих **наиболее актуальных** социальных проблем и задач:

- сохранения целостности российского государства, его единства, обеспечения суверенитета России;

- восстановления единого союзного государства путём воссоединения бывших республик СССР;

- восстановления государственного контроля над экономикой, в том числе за деятельностью кредитно-финансовых учреждений; государственной монополии на внешнюю торговлю продукцией стратегического назначения, дефицитными видами сырья и другой продукции (для остановки спада производства, восстановления хозяйственных связей, прекращения разграбления национальных богатств, прекращения инфляции, повышения уровня жизни населения);

- государственного протекционизма по отношению к отечественным производителям; реформы налоговой системы в целях их стимулирования к инвестициям; действенных и жёстких мер по борьбе с вывозом из страны капиталов;

- реального представительства трудящихся в органах власти на всех уровнях;

- восстановления народного контроля над производством и доходами как способ борьбы с преступностью и с нарастающей социальной дифференциацией; введения прогрессивного налогообложения личных сверхвысоких доходов и крупных размеров личного имущества для уменьшения социальной дифференциации; ужесточения карательных мер по борьбе с экономической преступностью, расхищением собственности, спекуляцией, распродажей национальных богатств;

- возвращения народу имущества, присвоенного незаконным путём и вопреки общественным интересам в

ходе приватизации; восстановления общенародной или коллективной собственности на присвоенное незаконными путями имущество;

— изменения аграрной политики в направлении, исключающем частную собственность на землю, куплю-продажу земли;

— реальных мер по борьбе с безработицей на основе законов и на основе государственных и региональных программ;

— стабилизации и снижения цен на потребительские товары первой необходимости; восстановления социальных гарантий, защищающих право трудящихся на труд и отдых, на бесплатное образование и медицинское обслуживание, на жильё, на обеспеченную старость;

— государственной поддержки малоимущим слоям населения, молодежи, гарантирования нормальных условий жизни для военнослужащих и их семей, трудоустройства уволенных в запас или вышедших в отставку военнослужащих;

— осуществления мер по сокращению смертности, стимулированию рождаемости и многодетности на основе государственных программ.

СОВМЕСТНАЯ ПОЗИТИВНАЯ РАБОТА НА ОСНОВАХ ГРАЖДАНСКОЙ РАЗРЯДКИ — РЕАЛЬНЫЙ ПУТЬ К УСИЛЕНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ, К СОЗДАНИЮ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Подписавшие Социальную Хартию России полагают, что значительные резервы усиления социальной политики и создания социального государства в России — объединение позитивных усилий многих общественных групп, партий, движений, государственных и негосударственных органов и организаций на поприще заинтересованного обсуждения, уяснения и решения социальных проблем. Объединение позитивных усилий предполагает реальную доступность необходимой и достаточной информации, реальное, свободное и своевременное включение различных

общественных субъектов в обсуждение проблем, в подготовку, принятие и исполнение решений по важнейшим социальным вопросам.

Реальное включение в процессы социальной политики конструктивных усилий всего спектра общественных сил было бы значительным шагом к демократизации нашего общества, а тем самым и шагом к социальной разрядке. Такой шаг соответствует норме о многообразии идеологий и недопустимости превращения одной из идеологий в обязательную, государственную.

Подписавшие настоящую Хартию призывают Президента Российской Федерации и его Администрацию, Федеральное Собрание Российской Федерации, президентов, глав администраций и представительные органы субъектов Российской Федерации воспользоваться своими законными властными полномочиями и возможностями в интересах развития демократических форм осуществления социальной политики и становления в России социального государства.

Задача создания социального государства понимается нами как соединяющая в себе становление гражданского (реально многосубъектного) общества, правового государства и социально ориентированной рыночной экономики с высоким и надёжным уровнем социальной защищённости всех граждан. До решения этой задачи нам сейчас далеко, но прилагать усилия для её решения необходимо уже сейчас.

Задача создания социального государства кажется сегодня розовой мечтой, так как её актуальность затмевают две острейшие экстренные проблемы.

Первая — опасность необратимого отката назад (деградации) в уровне и качестве жизни, опасность утраты реальных достижений нашей страны в налаживании всеобщего доступного образования, современного здравоохранения, культурного обслуживания, обеспечения права на жилище. Уровень реальных доходов и реального потребления понизился в последние годы по официальным данным в среднем вдвое при одновременном возрастании

социального неравенства. Это значит, что большинство населения располагает сегодня средствами существования, реально не превышающими третьей части от дореформенного уровня. Десяткам миллионов людей, миллионам семей уже сейчас пришлось отказаться даже от части привычных потребностей, а тем более от планов улучшения (развития) семейного быта и досуга.

Опасность социальной деградации уже не призрак, а, к сожалению, признак повседневной жизни большинства населения России. Оно раскололось на три больших, хотя и неравных массива. Первый — те, кто выиграл от реформ и понимает это. Второй — те, кто пострадал от реформ и также понимает это. Третий — те, кто начал самостоятельную жизнь уже в новых условиях и воспринимает их без сопоставительных оценок (это дети и молодежь). Печать социального неблагополучия лежит на каждой из этих частей населения.

"Новые богатые" и преуспевающие в значительном своём большинстве страдают нравственной недостаточностью, склонностью к пошлой роскоши и подражательству чужим "стандартам успеха". Эти острые проблемы формируют оторванность от России, проявляющуюся и в намерениях эмигрировать, и в безразличии к перспективам и проблемам родной страны, и в судорожной приверженности символам российской истории и российской самобытности.

Большинство трудового населения страны (включая тех, кто уже не работает, но отдал свои силы честному труду) отброшено шокowymi реформами в искусственно созданную ситуацию выживания. Государство полностью или в существенной мере самоустранилось от выполнения своих обязанностей в социально-трудовой сфере, в поддержании элементарных общественных предпосылок налаживания коммунально-бытовой сферы и социальной инфраструктуры. Государство использует инфляцию как мощный рычаг своей шоковой экономической политики, заблокировав индексацию доходов и всё откровеннее

пренебрегая своей обязанностью защищать минимальный размер реального дохода.

При общем резком падении реальных доходов государство уже переложило и продолжает перекладывать на население расходы на жилищное строительство, содержание жилищ, содержание детей, санаторно-курортное обслуживание, оздоровление, просвещение, высшее образование, культурное обслуживание и другие нужды, бесплатное или льготное удовлетворение которых в советское время как бы оправдывало заниженную заработную плату, низкие размеры пенсий, стипендий и пособий. Отмена бесплатности и льготности без компенсирования в доходах — чувствительный удар по реальным условиям жизни. Такая отмена при вдвое-втрое пониженных доходах — реальный фактор утраты населением достигнутого уровня культуры и в труде, и в быту, и в качестве досуга.

В наибольшей мере признаки деградации наблюдаются у детей и молодежи, хотя эти группы населения меньше всего замечают это. Разрушающими факторами являются стандартизирующая и стерилизующая мысль "массовая культура", тотальное охаивание почти всего и вся, что составляет историю страны после февраля и октября 1917 г., формирование комплекса неполноценности в сравнении "со всем цивилизованным миром", порча программ школьного и высшего образования, апология индивидуализма, силы, богатства при резком понижении моральных требований и отсутствии моральных санкций. Государство не обеспечивает эффективную борьбу с преступностью, права и свободы граждан не защищаются, а их обязанности не востребуются с должной последовательностью и строгостью. В этих условиях детство и молодость оказываются социально незащищёнными и социально беспризорными.

Деградация населения с предельной жёсткостью проявляется в расширяющейся люмпенизации, захватывающей все три массива населения.

Деградация населения — не единственная экстренная проблема российского общества. Другая — опасность

утраты Россией самостоятельности своего экономического, социального и культурного развития. Среди подписавших Хартию есть и считающие опасность колонизации пропагандистской выдумкой, и считающие такую опасность мало вероятной, и считающие такую опасность самой большой уже в современной ситуации. Никто из подписавших Хартию не желает колонизации России и сознательно не содействует колонизации России. Никто из подписавших Хартию не препятствует деятельности, направленной на сохранение Россией свободы и самостоятельности её экономического, социального и культурного развития.

Предотвращение социальной деградации населения и защита самостоятельности экономического, социального и культурного развития России — вот два общероссийских поприща для совместной работы на основах социальной разрядки. Возможности взаимопонимания и общественно полезного взаимодействия здесь особенно велики, так как оба эти поприща предполагают борьбу **против** факторов социального неблагополучия. Из истории и из своего собственного опыта последнего десятилетия мы хорошо знаем, что в борьбе "против" могут объединиться и действительно объединяются даже те, кто в борьбе "за" разделён зачастую классовыми, групповыми, партийными или статусными интересами.

Взаимодействие и сотрудничество ради предотвращения деградации населения и недопущения колонизации России решают позитивную задачу огромной исторической важности — они отстаивают право России на демократическое прогрессивное развитие, на развитие российской государственности в форме социального государства.

Как конкретно искать и находить взаимное понимание и налаживать взаимодействие в борьбе с социальным неблагополучием, с угрожающими России социальными опасностями — это вопросы, удовлетворительные ответы на которые даст практика социальной разрядки. Подписывая настоящую Хартию, мы полны решимости продвигать

ся вперёд этим путём и вносить вклад в расширение и углубление социального взаимопонимания и социального взаимодействия.

СОГЛАСОВАННЫЕ ПОДХОДЫ К ОБЩЕРОССИЙСКИМ ПРИОРИТЕТНЫМ ПРОБЛЕМАМ

Социальная политика, если она будет осуществляться государством при понимании и активной поддержке субъектов гражданского общества, будет в состоянии поставить и решить полный круг актуальных социальных проблем. Часть из этих проблем являются приоритетными, то есть проблемами первостепенной важности. Взаимодействие в их постановке и решении подписавшие Хартию считают особенно желательными. Ниже предлагаются согласованные позиции относительно круга приоритетных общероссийских проблем социальной политики и согласованные подходы к их решению.

Подписавшие Хартию признают приоритетными общероссийскими проблемами следующие:

- проблема социально справедливой трансформации структуры общества на основе демократической реформы собственности;

- проблема перехода общества к новой системе ценностей, к новым доминирующим идеологиям на основе идеологического плюрализма и реальных демократических гражданских прав и свобод;

- становление демократической системы социальной защищённости (системы предотвращения, блокирования и компенсирования социальных рисков);

- обеспечение экономических условий, необходимых для предотвращения социальной деградации населения;

- обеспечение благоприятных условий возрастания общественно полезной и эффективной экономической активности;

— политика доходов, обеспечивающая достойный уровень и качество жизни, а также социально справедливую их дифференциацию;

— обеспечение сохранения достижений и дальнейшее улучшение во всех сферах жизнедеятельности (в сфере труда, в семейно-бытовой сфере, в сфере досуга и развития);

— обеспечение экологической безопасности и здоровья народа;

— предотвращение разрушения социальной инфраструктуры, придание новых импульсов развития отраслям социального обслуживания;

— формирование эффективного управления социальными процессами на местах на основе взаимодействия и взаимоусиления федеральной социальной политики и местных социальных политик;

— обозначение ясных перспектив развития для каждой социальной группы и социальной общности, создание благоприятных общественных условий для такого развития на основе прежде всего собственных усилий и собственной социально-экономической активности.

При всём разнообразии и множественности приоритетных проблем, при всём несовпадении наших подходов к их решению мы сходимся в одном: желательно и, надемся, реально возможно решать эти проблемы в мирных формах. У мирной общественной обстановки два великих преимущества. Во-первых, меньше потерь, каждая из которых углубляет раскол общества и создаёт неблагоприятные условия для будущего развития. Во-вторых, миром проблема решается быстрее и лучше.

Решение приоритетных проблем на основе гражданского взаимодействия предполагает для начала сближение позиций, нащупывание в самих проблемах и в подходах к ним того, что может нас объединять. Как правило, это не существо проблемы и не наши принципиальные подходы к её решению. Именно это нас обычно разъединяет. В своих намерениях достигнуть взаимопонимания и

нарастающего общественно полезного взаимодействия мы реалистически исходим из того, что различия наших позиций существенны, но не абсолютны. Вот почему есть основания для сближения, для снятия излишней конфронтационности, словом, — для добровольной гражданской разрядки.

С таких позиций мы и подходим к обозначению более или менее схожего видения приоритетных проблем пусть и с очень расходящихся точек зрения.

Перемены в собственности и в социальной структуре

Вопрос о собственности — это вопрос о власти в хозяйстве. Это коренной вопрос смены старого типа хозяйства новым. Он не может не быть предметом не просто острой, а по-настоящему бескомпромиссной борьбы. Наше общее желание состоит в том, чтобы кардинальные перемены в собственности (а в связи с этим и в социальном положении) не стали предметом гражданской непримиримости и причиной гражданской войны. Есть только один способ добиться исполнения этого общего желания — **демократическая реформа собственности и основанная на ней справедливая трансформация социальной структуры.**

Демократическая реформа собственности включает в себя, как минимум:

— изменение собственности исключительно на основе Конституции и законов, принятых демократически избранными представительными органами власти, представляющими большинство населения;

— обеспечение свободного выбора форм собственности и форм хозяйствования субъектами общественной и хозяйственной жизни;

— защищённость от принудительной смены форм собственности и хозяйствования;

— реальная возможность пресекать нарушения законного порядка смены форм собственности, восстановление законных форм собственности и хозяйствования;

— полное очищение общественной атмосферы от рэкета, коррупции и других способов давления и насилия в вопросах смены форм собственности и хозяйствования.

Подписавшие настоящую Хартию не признают результаты изменения форм собственности, достигнутые с нарушением законов Российской Федерации.

Защита законных результатов свободного выбора и перемены форм собственности и хозяйствования, отмена незаконных перемен — таковы направления наших возможных совместных действий по обеспечению демократической реформы собственности и демократического процесса смены и развития хозяйственных укладов в России.

Мы уверены, что отказ от принудительности в реформе собственности, обеспечение демократической реформы собственности оздоровили бы обстановку в стране, понизили бы отчуждённость населения от реформ. Если бы одновременно с поворотом к демократической реформе собственности государство в сотрудничестве со структурами гражданского общества обеспечило бы надёжную комплексную защиту типичных (и социально благоприятных и перспективных) массовых потоков социальной мобильности, то отчуждённость от реформ могла бы быть и вовсе снята. Речь идёт о государственной защите от больших рисков при перемене профессии, рода занятий, места жительства, социального статуса. Трансформация общественного положения миллионов граждан, составляющих ныне многочисленные социальные группы, без риска потерять достойное общественное положение — вот что создало бы (наряду с демократической реформой собственности) необходимые предпосылки восприятия хода и социальных результатов реформ как справедливых.

Содействовать справедливым демократическим реформам — наше общее намерение. Мы будем искать и находить практические пути и формы такого содействия.

Переход к новой системе ценностей, к новым доминирующим идеологиям

Время проведения радикальных реформ совпало со временем идеологической разоружённости общества, кризиса системы ценностей. Создавшийся вакуум заполняется теперь идеологиями и ценностями, претендующими на роль доминирующих в новых условиях. Конституция Российской Федерации и федеральные законы декларируют многообразие идеологий и недопустимость превращения какой-либо из них в государственную, обязательную для всех.

Такая последовательно демократическая конституционно-правовая установка заслуживает того, чтобы объединить силы для её защиты и осуществления в практической жизни. Многие в обществе, в том числе и многие из подписавших настоящую Хартию, наблюдают фактическое нарушение, неосуществлённость установки на недопустимость превращения одной из идеологий в государственную. Что касается многообразия идеологий, то оно вызывает медленно и крайне неравномерно. Создаются досадные и даже социально опасные перекосы, когда антигуманные, антидемократические, а также откровенно фашистские и профашистские идеологии и ценности распространяются и укореняются быстрее демократических, гуманистических.

Процесс идейно-духовного возрождения России идёт самотёком, стихийно, без надёжного перевеса активно усвоенных демократических, гуманистических идеологий. На российской духовной почве разбрасываются и прорастают зловредными всходами семена ряда таких идеологий и ценностей, которые противоречат желаемым перспективам возрождения России как свободного, демократического, лидирующего в духовно-нравственном и интеллектуальном отношении общества и государства.

Немалую озабоченность вызывает внешняя идейная экспансия. Россия сделала смелые и, надеемся, не-

обратимые шаги в сторону открытости для информации, обмена идеями, включается в мировое сознание и мировую культуру в полную меру своих возможностей. Это — завоевание, достижение. Но оно деформируется, во многом сводится на нет и даже переходит в свою противоположность, когда используется для насаждения извне низкопробной "массовой культуры", чуждых многим россиянам ценностей и идеологий. Уже сейчас можно констатировать возникновение и углубление духовного раскола в обществе, охватившего, в частности, и взаимоотношения поколений.

В целом идейно-нравственная ситуация в современной России чревата тупиком и катастрофой, так как передовые демократические и гуманистические правовые нормы существуют лишь в документах, тогда как практика реальной жизни всё явственнее сдвигается в антидемократическую сторону. Давно пора властям и субъектам гражданского общества приложить и объединить усилия к тому, чтобы сделать шаг от констатации абстрактных возможностей идеологического многообразия, прав и свобод человека и гражданина к рассмотрению степени реальности возможностей для социальных групп, занимающих неравное положение в обществе. При этом следует учесть фактически создавшееся положение, при котором властные структуры и капитал обеспечили себе устойчивый перевес в пропаганде и в культивировании удобных им идеологий и ценностей.

Для судеб нашей России важно определить пути укрепления в новых условиях таких ценностей, как справедливость, высокая нравственность в труде, в быту, в повседневном общении, социальная защищённость, взаимопомощь. Важно определить, каким образом новая Россия сохранит и усилит свою традиционную связанность с европейской культурой (включая и европейскую научную культуру) и не утратит эту связанность при интенсивнейших контактах с американской культурой и другими культурами.

Новые системы ценностей должны сформироваться в России свободно и на базе российской культуры, а не быть внедрёнными извне. Новые лидирующие идеологии должны выделиться также не в процессе подавления (или намеренного сдерживания вызревания) иных идеологий и уж тем более не в результате внедрения извне идеологий, лишённых связи с российской культурой.

Обеспечение перехода к новой системе ценностей, к новым лидирующим идеологиям на основе реального многообразия идеологий и реально демократических прав и свобод личности — один из действенных ресурсов обеспечения гражданской разрядки.

Становление демократической системы социальной защищённости

Реформы не будут успешными, если не приведут к улучшению социального положения большинства населения. Первые четыре года реформ уже дали улучшение ряда общегражданских параметров жизни (расширение законных прав и свобод, снятие множества запретов и ограничений, подрыв тоталитарных механизмов слежки, ostrакизма, идеологического пресса и т.п.). Но одновременно с этим стали заметно менее защищёнными условия нормального повседневного быта, труда, досуга, обучения, здравоохранения, культурного обслуживания. Этот перекос именуется обычно социальной ценой реформ. Цена эта уплачивается населением с января 1992 г., но результаты реформ пока что явно неблагоприятны для большинства. Социальное положение оценивается очень многими россиянами как ухудшившееся за годы реформ и под воздействием реформ. На повестку дня сама жизнь настойчиво ставит вопрос об обеспечении устойчивого социального положения для десятков миллионов граждан. В этом суть проблемы социальной защищённости как приоритетной общероссийской проблемы.

Существовавшая в СССР система социальной защищённости ("забота партии и государства о человеке и

его благо") имела свои недостатки, связанные именно с тоталитарным характером власти. Подрыв и устранение такого характера власти вовсе не следовало дополнять подрывом и разрушением социальной защищённости элементарных условий труда и его безопасности, быта, уровня и условий реализации доходов, социального обслуживания. Новое государство, объявившее себя демократическим, резко самоустранилось от дел социальной защиты населения. Конституция же Российской Федерации требует от государства быть социальным. Налицо явное расхождение практических дел и обязанностей нынешнего российского государства. Это расхождение должно быть устранено, в том числе и благодаря содействию, требованиям, давлению и помощи подписавших настоящую Хартию.

В новой системе социальной защиты государство должно стать и оставаться главным и самым мощным защитником общественного положения и населения в целом, и социальных групп, хотя и не единственным защитником. Его роль и социальная обязанность — это прежде всего обеспечение таких параметров социальной защищённости, которые относятся к национальной безопасности (сохранение самостоятельности развития страны, её культуры, предотвращение деградации и люмпенизации как населения в целом, так и более или менее многочисленных его групп). Кроме того государство обязано придавать действию всех субъектов общества в сфере социальной политики (в том числе и в социальной защите) скоординированный, объединённый вид (по характеру и общей направленности, но не по конкретным формам).

Средства государственной социальной защиты по значимости и надёжности, как правило, превосходят средства, обеспечиваемые иными субъектами (защитниками), и являются социальными гарантиями важнейших параметров социального положения. Мы, подписавшие настоящую Хартию, готовы активно поддержать форсированные и радикальные шаги к созданию в России системы необходимых и достаточных государственных социальных гарантий как на федеральном уровне, так и в субъектах

Российской Федерации. Мы рассматривали бы такие шаги как реальное продвижение к становлению социального государства.

Эффективными формами объединения усилий разных субъектов с области социальной защиты могут быть государственные (национальные) программы социальной защиты, координирующие действия государства и иных субъектов. Государственные (национальные) программы не исключают самостоятельных действий субъектов, они лишь обозначают и предлагают русло оптимального взаимодействия государства и иных субъектов в масштабе страны.

В ходе создания новой системы социальной защиты неизбежно придётся поставить и целенаправленно решить следующие проблемы:

- 1) определить круг социальных рисков, существенных настолько, что защита от них должна стать общественно и государственно организованным делом; определить способы социальной защиты, соответствующие (адекватные) степеням рисков;
- 2) распределить функции социальной защиты между государством и другими защитниками от рисков;
- 3) определить соотношения социальной самозащиты (и меру участия в ней государства), социального обеспечения и социальной помощи;
- 4) построить эффективную систему аккумуляции и расходования средств на социальную защиту;
- 5) обеспечить возможности объединения усилий на поприще социальной защиты (возможности социальной солидарности в борьбе с социальными опасностями).

При создании новой системы социальной защищённости в России придётся учитывать совершенно необычайное историческое обстоятельство — то, что государство, пошедшее на шоковые реформы, по крайней мере на период осуществления социального шока превращается из защитника от социальных опасностей (формально не переставая быть таковым) в самостоятельный и

притом сильно действующий источник социальных опасностей.

Обеспечение условий возрастания общественно полезной и эффективной экономической активности

В общем виде общероссийский приоритет в сфере возрастания экономической активности сводится к обеспечению условий возрастания общественно полезной и эффективной экономической активности. Общество и государство должны перейти от пассивной к активной социальной политике в этой сфере, то есть строить свою деятельность не в расчёте на смягчение негативных последствий реформ, а ставить социальные цели как условия осуществления экономических преобразований и добиваться реализации поставленных социальных целей. Это и будет сильная социальная политика социального государства.

Суть проблемы — добиться коренной перемены мотивов созидательной деятельности, гуманизировать социально-трудовые отношения, преодолеть отчуждённость людей от целей и результатов повседневной деятельности, сделать общественно полезную и эффективную деятельность социальной ценностью.

Экономическая активность — это совокупная хозяйственная (общественно организованная) деятельность всех субъектов общества, реальная база и источник средств существования и развития общества, экономическая основа цивилизованности и прогресса страны. Экономическая активность — это своего рода цепная реакция проявления, практического приложения и нарастания энергии народа.

Первая и всегда актуальная проблема — направление этой энергии в созидательное русло, предотвращение её разрушительных для общества проявлений и использований. В практическом плане это проблема отделе-

ния общественно полезной экономической активности от общественно вредной.

Развитие в кратчайшие сроки в должном объёме и на должном уровне государственной функции запрета по закону вредной для общества экономической деятельности — одна из первоочередных задач и экономической, и социальной политики. Это решает проблему реальности прав и свобод для экономически активных граждан и одновременно пресекает разрушительную для страны экономическую активность.

Законодательный запрет вредной для общества экономической деятельности — важная мера, но она — лишь предпосылка решения проблемы оздоровления сферы экономической активности. Не менее важны механизм правоприменения и поддержание правопорядка. В настоящее время должного правопорядка в сфере экономической активности нет. И в этом не только слабость исполнительной и судебной властей. Есть основание предположить, что в российском руководстве имеет место недооценка степени опасности для общества безнаказанности общественно вредной, неурегулированной законом или противозаконной экономической деятельности.

Немалое распространение получило теперь в России занятие общественно полезной деятельностью, но с нарушением законов. Такое ненормальное соединение добрых целей и негодных средств объясняется нередко нереалистичным законодательством, вынуждающим выбирать между закрытием дела и нарушением закона. Нельзя забывать, что даже вынужденные нарушения закона воспитывают неуважение к нему и питает настроения правового нигилизма. В переходных условиях, когда авторитет закона ещё зыбок, когда преимущества экономической активности на основе закона ещё не поняты и не усвоены, нарушения закона должны пресекаться непременно. Без этого отчуждения граждан от общества не преодолеть.

Следует уделить первостепенное и самое приоритетное внимание запрету по закону и практически полной

ликвидации теневого рынка труда. Теневой рынок труда охватывает не только запрещённую законом экономическую деятельность, в которую он вовлекает заметную часть экономически активных граждан. Помимо этого в общественно полезных сферах экономической деятельности широко распространены наём и использование рабочей силы с нарушением установленных законом трудовых прав и свобод. Одно из следствий этого — недобросовестная конкуренция между работодателями и между работниками, которая не допускается Конституцией РФ (ст.34 п.2). По сути дела массовое нарушение трудового законодательства низводит легальный рынок труда на положение теневого. Вот почему в современных условиях задача полной ликвидации теневого рынка труда охватывает:

- ликвидацию занятости в запрещённых законом видах деятельности;

- пресечение нарушений установленных законом трудовых прав и свобод.

Установление и поддержание правопорядка в сфере проявления экономической активности означало бы, что любая не запрещённая законом экономическая деятельность допускается лишь в незапрещённых законом формах, то есть в формах, не наносящих ущерба окружающей среде и не нарушающих прав и законных интересов иных лиц и субъектов общества.

По отношению к общественно полезной экономической активности социальная политика демократического общества и государства заключается в создании и обеспечении общественных условий, благоприятствующих развитию активности и её эффективному приложению. Варианты практического осуществления подобной политики в решающей мере зависят от вариантов распределения ресурсов.

Путь, выбранный в России для выхода из тоталитаризма, — разгосударствление и приватизация. Это вариант, определяющий неравную с самого начала доступность ресурсов для разных субъектов. На этой базе призывы к частной собственности и предпринимательству на

основе равных возможностей — не более, чем пропагандистский шум. Фактически экономическая активность с самого начала направлялась в два разных потока: создавались крупные частные состояния отнюдь не на основе собственных усилий новых собственников и создавалась атмосфера приработков и выживания для подавляющей массы населения.

Роднит два современных потока экономической активности их неэффективность. Ни новые богатые, ни новые бедные (выживающие) в России не связывают свою экономическую активность с современными и перспективными технологиями, наукой, образованием. Наоборот, произошёл и продолжается массовый переход от занятий индустриальных, от работы на крупных современных предприятиях к занятиям кустарным, примитивным, с повышенной интенсивностью и меньшей производительностью и сверх того — с худшими и более опасными условиями труда. Это не прогресс. Это деградация культуры труда и производства. Это одичание страны в жизненно важной сфере. Надежды на то, что это быстро пройдёт, что это схлынет и всё восстановится, возродится и станет процветать и радовать, — такие надежды лицемерны.

И власть, и общество просто обязаны озаботиться пресечением опаснейшей тенденции разрушения и деградации сферы трудовой жизнедеятельности населения, предложить меры, необходимые и достаточные для направления экономической активности в созидательное русло прогресса.

В ряду необходимых мер уже сейчас могут быть названы следующие.

1. Государственная долгосрочная программа реконструкции хозяйства России. Среди целевых установок программы в качестве приоритетной должна быть установка на достижение в течение 10- 15 лет надёжной занятости подавляющего большинства (не менее двух третей) трудоспособного населения страны на современных производствах и рабочих местах, конкурентоспособ-

ных по уровню производительности, условиям труда и культуре организации с рабочими местами и производствами в развитых зарубежных странах.

2. Государственная программа обеспечения полной занятости и предотвращения массовой безработицы на весь период реформ.

При всех трудностях и сложностях переходного периода массовая безработица должна быть исключена из числа социальных опасностей. Резкое понижение уровня жизни в период реформ, привычность для нескольких поколений полной занятости при неизменно благоприятной для работника конъюнктуре трудоустройства, высокий образовательный уровень трудоспособного населения — эти и ряд других факторов делают занятость не просто необходимой для жизни, но и главным признаком приемлемости или неприемлемости для человека рыночных реформ.

Помимо того, что массовая безработица угрожает существованию установившейся власти, она угрожает и национальной безопасности. Массовая безработица — причина нищеты, социальной апатии, моральной деградации и массовой преступности.

3. Программа содействия общественно полезному и эффективному предпринимательству могла бы дать долгосрочные ориентиры относительно общественных и государственных интересов, очертить основные условия подключения предпринимательской активности к достижению этих интересов, включая элементы государственных гарантий и страхования рисков. Уместен был бы в такой программе моральный стимул (рассчитанный как на тщеславие и честолюбие, так и на чувство высокого долга).

Программа содействия предпринимательству не сможет быть успешной, если будет строиться на зауженной базе только частнособственнического предпринимательства. Целесообразно предусмотреть содействие предпринимательству на основах коллективной групповой, кооперативной, государственной собственности.

4. Целесообразно поставить проблему **возвышения качества **экономической активности населения** и наметить направления её постепенного и последовательного решения.**

Речь идёт о прогрессивном развитии структуры экономической активности, состава занятий населения. В такой большой стране, как наша Россия, не стоит вопрос о преимущественной специализации населения на какой-либо группе занятий. Россия имеет и, надеемся, будет иметь полный комплекс современных отраслей хозяйства. Кризисное состояние экономики, разрушение ряда отраслей в переходный период породило отток трудоспособного населения, в том числе высококвалифицированных кадров из ряда отраслей в отрасли, требующие менее квалифицированного и менее эффективного труда. Поэтому потенциал трудовых ресурсов России используется сейчас в режиме не востребоваания, расточительности. Если такая ситуация продлится, то потенциал просто понизится, рабочая сила деквалифицируется. Таким образом, переходный период с его разрушительными шоковыми реформами породил задачу восстановления прежнего (дореформенного) качества занятий населения. Это во-первых.

А во-вторых, продолжает оставаться актуальной проблема прогресса в её обычной постановке. В мире продолжается научно-техническая революция. Уже не обновление техники, а обновление технологий стало критерием нормального темпа развития производства. В тоталитарных условиях исходный импульс прогрессивному развитию структуры народного хозяйства давали централизованные решения, подкреплённые инвестициями в новые отрасли, в реконструкцию отраслей, в НИОКР, в подготовку кадров по новым специальностям, в переквалификацию и повышение квалификации. Налаженная некогда система возвышения качества экономической активности теперь не может функционировать в прежнем виде, она парализована разрушением командной экономики. Но система-преемница, позволяющая перенести полезное в новые общественные условия, учесть особенности и законо-

мерности переходного состояния, всё ещё не создана. Более того, острая потребность её создания в масштабах России, похоже, не осознаётся. Вместо этого правительственные органы просто созерцают перемещения занятых из одних отраслей в другие, не сопоставляя эти перемещения ни с желаемой перспективной структурой занятости, ни с динамикой качества рабочей силы в стране.

Политика доходов

Формула общероссийского приоритета социальной политики, охватывающего проблему формирования и реализации доходов населения, примерно такова: "осуществление политики доходов, обеспечивающей достойный уровень и качество жизни, а также социально справедливую их дифференциацию".

На политику доходов распространяются общие принципы взаимодействия государства, субъектов хозяйства и граждан, в частности **обязанности государства выступать гарантом социальной устойчивости общества, защиты прав, свобод и интересов, а также ряда наиболее существенных параметров социально-экономического положения** населения в целом и составляющих его социальных групп, классов и общностей. Это обстоятельство крайне важно подчеркнуть.

В условиях 1992-1995 гг. оказались грубо нарушенными некоторые из фундаментальных законов распределения. Это основная причина краха политики доходов в условиях шоковых реформ.

Назрела острая необходимость осуществления действенных мер, в корне меняющих и нормализующих политику доходов. Среди этих мер ключевыми можно считать:

а) форсированное восстановление дореформенного уровня необходимого продукта (оплаты труда и социального обслуживания);

б) прекращение использования инфляции как инструмента экономической политики государства, в том числе и методом полной индексации доходов;

в) нормализация налоговой политики и налоговой системы;

г) запрет на использование правительством каких-либо базовых нормативов регулирования доходов кроме установленного законом прожиточного минимума (а как неотложная мера — запрет на использование так называемого физиологического минимума);

д) восстановление и гарантия внебюджетного характера расходования страховых фондов, сохранение обязательного государственного страхования как источника образования этих фондов;

е) восстановление системы компенсаций производственных рисков в сочетании с запретом социально недопустимых рисков на производстве.

Согласование действий федеральных и местных властей при осуществлении социальной политики

Расширение самостоятельности действий субъектов Российской Федерации и мест в осуществлении социальной политики — неотъемлемая составная часть демократических реформ и становления социального государства. Процесс, однако, осложняется тем, что федеральные власти своими решениями регулярно срывают попытки субъектов федерации и местных органов власти наладить и проводить местную социальную политику в пределах своих компетенций и полномочий. Перекаldывание на местные уровни управления обязанностей находить источники для проведения федеральных мероприятий подрывают финансовые основы социальных мероприятий на местах, лишают местную социальную политику системности и целостности.

Мы выступаем за такое разделение компетенции, прав и ответственности между федеральными и местными органами власти, которое не подрывало бы, а обеспечи-

вало целостность и устойчивость социальной политики как на федеральном, так и на каждом из местных уровней. Это на порядок повысило бы действенность социальной политики в государстве, устранило бы важную причину безответственного администрирования с федерального уровня и безответственного сепаратизма на местах. Стал бы защищённым ценный опыт социальной работы, накапливаемый на местах. У федеральных властей появилась бы реальная возможность перенести центр тяжести в своей социальной политике на её стратегию и обеспечение решения общероссийских приоритетных проблем.

Предпосылки для согласованной эффективной деятельности федеральных и местных властей уже имеются. Настало время налаживать новый практический порядок. Мы намерены активно содействовать этому.

ПОДХОДЫ К МЕХАНИЗМУ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Переход к демократии означает в сфере управления, в механизме осуществления социальной политики отход от монополии государства в управлении социальными процессами и реальное участие в этом управлении множества субъектов. При этом и государство, естественно, не может не выполнять своих функций. К большому сожалению, обстановка борьбы с тоталитаризмом искажала такой подход, допустила ход событий по неблагоприятному руслу. В том смысле неблагоприятному, что роль государства как субъекта социальной политики резко уменьшилась и оказалась явно недостаточной. Это во-первых. А во-вторых, задержалась демократизация самого государства, так что свою резко заниженную роль в управлении социальными процессами государство старается исполнять прежними методами, методами всевластного государства. Получается неэффективно, а нередко и вообще не получается, решения не выполняются, принимаются с опозданием, часто не соответствуют существу проблем.

Сложилась и продолжается ситуация, при которой государство не имеет в обществе реальных партнёров, способных участвовать в социальной политике не как объект, а как независимые от властей и достаточно влиятельные субъекты. Гражданского общества в России всё ещё нет.

С осени 1993 года в России оформилось новое устройство государственной власти, закреплённое в Конституции РФ от 12 декабря 1993 года. В новом устройстве государства президентской власти отведена определяющая и решающая роль во всех процессах управления, включая и социальную политику.

Новое устройство государственной власти позволяет определить приоритетные общероссийские проблемы социальной политики только президентской власти. Только президентская власть в состоянии теперь принимать стратегические решения относительно социального развития и налаживать практическое их осуществление.

Система действий президентской власти по проведению социальной политики не может не включать в себя определение целей, приоритетов и стратегических (генеральных) решений. Этот комплекс решений при нынешнем устройстве власти может подготавливаться и приниматься в форме Президентской программы.

Процесс гражданской разрядки на основе настоящей Хартии не может не считаться с реальным распределением власти в обществе. Мы готовы поддержать Президентскую программу стратегии и приоритетов социальной политики как общероссийский план действий. Само собой разумеющимся условием нашей активной поддержки является реальная возможность участвовать как в формировании, так и в осуществлении такой программы.

Формулируемые в настоящей Хартии идеи и предложения следует рассматривать не как альтернативные действиям властей в сфере социальной политики, а как фиксирующие интересы российского общества с присущими им сходствами и различиями.

Определение и осуществление первоочередных мер. Шоковая модель реформ не отрицала крайне неблагоприятных социальных результатов для большинства населения страны. Расчёт делался на то, что период шока (некомпенсируемого скачкообразного ухудшения условий жизни) продлится считанные месяцы и, население "продержится" и "потерпит". Это было бы чем-то вроде разового вклада (жертвы) населения в дело радикальных реформ.

Продолжение подходов, применённых в расчёте на кратковременный шок, однозначно оборачивается социальной деградацией населения и с высокой степенью вероятности — утратой Россией самостоятельности развития. Значит, логика обеспечения национальной безопасности подсказывает включение в президентскую программу мер, предотвращающих опасные для нации последствия. Дело шоковых реформ продвинуто настолько далеко, что корректировкам реформ по самым разным приоритетным направлениям придётся предпослать единовременные контршоковые неотложные меры. Они должны составить специальный блок президентской программы как особая форма реализации её задач.

Круг неотложных первоочередных мер может, как минимум, включать следующие:

1) меры по борьбе с бедностью и незаконным богатством. Это связанные меры. Именно незаконное обогащение является одной из основных причин катастрофической бедности;

2) меры, необходимые и достаточные для недопущения в России массовой безработицы. Для населения России обеспеченность работой является приоритетной ценностью, фундаментальным устоем причастности к обществу (нужности обществу), последней надеждой на завтрашний день. Поэтому правительство не вправе идти навстречу рекомендациям смириться с массовой безработицей пусть даже только на переходный период. Массовая безработица вызовет цепную реакцию распада общества. Она безусловно должна быть исключена из жизни общества.

Неотложные меры по предотвращению массовой безработицы могут базироваться только на увеличении инвестиций в производство. Установившийся ход реформ не сулит активизации частного капитала в сфере производственных инвестиций. Значит, надо менять условия для частного капитала, с тем чтобы возбудить его инвестиционную активность. До сих пор правительство "зазывало" частный капитал в инвестиции, пытаясь стимулировать вложения. По-видимому, наступает пора напомнить российскому частному капиталу, что он возник не на основе общественно полезной деятельности. Пора применить **жёсткость** к российскому частному капиталу и **заставить его** обеспечить достаточно ёмкий рынок труда. Государственные гарантии могут быть даны лишь иностранному частному капиталу при его участии в государственных инвестиционных программах;

3) меры в области жилищной политики, цель которых — предотвратить массовую бездомность. Нынешние тенденции складывания рынка жилищ ведут к массовой бездомности. Для России это недопустимо;

4) меры по предотвращению разрушения и фактической ликвидации отраслей социального обслуживания.

Все четыре направления минимально необходимых неотложных первоочередных мер относятся к комплексу мер по предотвращению социальной деградации.

Поскольку программа реформ не утверждалась каким-либо специальным государственным решением, не потребуется и специального документа по корректировке этой программы. Достаточно зафиксировать корректировки курса в послании Президента о положении страны или в другом президентском документе (кроме президентской программы). Надо дать возможность ветвям законодательной и исполнительной власти принять свои решения, отражающие эти корректировки курса реформ. Одновременно с этим корректировки курса могли бы быть отражены в Договоре об общественном согласии и в Социальной Хартии.

НЕДОПУСТИМОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОГОВОРЕННОСТЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ХАРТИИ РОССИИ ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДАВЛЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕМАГОГИИ

Подписание настоящей Хартии не влечёт каких-либо правовых последствий, не накладывает юридических обязательств, не сулит каких-либо привилегий и выгод подписавшим. Социальная Хартия России — это акция (процесс) и документ морально-политического значения, обозначающий готовность к участию в добровольной гражданской разрядке.

Снятие ранее совершённой подписи не говорит ни о чем, кроме отказа снимающего подпись от процесса гражданской разрядки в рамках настоящей Хартии.

Мы надеемся, что общественное движение за гражданскую разрядку, организующим документом которого явится Социальная Хартия России, приобретёт народную поддержку и общественный авторитет, станет влиятельным фактором защиты демократической перспективы России.

ПОДПИСАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ХАРТИИ РОССИИ

Социальная Хартия России может быть подписана любыми законно действующими органами государственной власти и местного самоуправления любого уровня, общественными организациями, партиями, движениями, творческими, религиозными, научными организациями, учреждениями и объединениями, профсоюзами, коллективами и администрацией предприятий любого профиля деятельности, юридическими лицами, гражданами России.

ФОРМЫ И СПОСОБЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ХАРТИИ РОССИИ

Социальная Хартия России, являясь документом и процессом гражданской разрядки, требует координации усилий таким общественным институтом, который был бы авторитетен для всех подписавших Хартию и участвующих в гражданской разрядке. Такой общественный институт мы, подписавшие Хартию, намерены создать, созвав **Общероссийскую конференцию “Социальная политика в интересах гражданской разрядки”**. На ней должны быть представлены все типы общественных субъектов, подписавших Социальную Хартию России.

Резолюции и рекомендации Общероссийской конференции носят информационно-ориентирующий характер и направлены на активизацию гражданской разрядки.

Общероссийская конференция вырабатывает конкретные формы и способы осуществления Социальной Хартии России и процесса гражданской разрядки.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Мы, подписавшие настоящую Хартию, убеждены в том, что обеспечение гражданской разрядки имеет ключевое значение для обеспечения благоприятных перспектив и успешного решения приоритетных проблем России.

Обеспечение гражданской разрядки, содействие гражданской разрядке стоит ныне в ряду самых благородных поприщ для каждого патриота России, для каждого сердца, любящего нашу Родину.

Честь, высокое чувство долга, чувства исторической причастности к добрым делам предков и исторической ответственности за судьбы потомков подвигают нас к подписанию Социальной Хартии России и к активному участию в гражданской разрядке.

Опубликовано:

В 1995 как материал к обсуждению на Президиуме Российской академии естественных наук. «Социальная Хартия России». Авторы текста Б.В.Ракитский и Г.Я.Ракитская. Без выходных данных. М.: 1995 54 с.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Социальная Хартия России. — В периодическом издании «Перспективы и проблемы России» Выпуск 4. — М.: Январь 1996. 55 с.

Печатается по тексту этих изданий.

1995

=====

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕФОРМА СОБСТВЕННОСТИ: УПУЩЕННАЯ ИЛИ РЕАЛЬНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ?

Сейчас мало кого надо убеждать, что истинная цель социально-экономической политики, проводимой российским руководством с 1992 г., — обеспечить быструю концентрацию национального богатства в руках немногих частных лиц и одновременно с этим создать многочисленный слой нищего населения, вынужденного стать наёмным классом у новых собственников. Сердцевину этой политики составляет крупномасштабная форсированная приватизация государственной собственности.

Чем дальше заходит приватизация, тем чаще и громче звучит её критика. Политические силы самой разной ориентации начинают осознавать негативность результатов реформы собственности, задумываются о том, как смягчить, скорректировать или аннулировать эти результаты. Со ссылкой на зарубежный опыт предлагают проекты законов, которые дают работникам право участвовать в управлении предприятиями и получать часть прибыли независимо от того, есть или нет у работников какая-либо доля в имуществе предприятий. Выдвигаются и более смелые требования: национализировать все предприятия или хотя бы те, при приватизации которых были нарушены законы, и затем провести реформу заново. Но как именно? На каких принципах? На этот счёт среди недовольных итогами реформы согласия нет.

Одни призывают, начав приватизацию сначала, обеспечить на этот раз справедливый раздел производственного имущества между всеми гражданами. Другие — к возрождению государственной собственности в прежнем или слегка модернизированном виде. В оппозиционных кругах, тоскующих по прошлому, употребляют формулы типа "возвратить собственность народу, трудящимся", как

бы забывая, что раньше фактическим собственником была правящая каста — номенклатуры. Выдвигаются проекты нового перераспределения собственности путём продажи или бесплатной передачи предприятий в коллективную собственность занятых на них работников. Предлагают также вернуться к государственной собственности и передать предприятия в полное хозяйственное ведение (управление) трудовых коллективов или же в коллективную аренду с правом выкупа. Есть и другие идеи, подчас весьма причудливые.

Главный порок подавляющего большинства предложений и требований критиков российской приватизации — стремление заранее найти одну или несколько хозяйственных форм, наиболее подходящих по тем или иным соображениям, и навязать их обществу. При этом обычно исходят из хороших побуждений. Однако подобное стремление роднит критиков шоковых реформ с теми, кто их задумал и осуществляет.

На пороге реформ их идеологи и организаторы заверяли, что они — за разнообразие (плюрализм, как тогда говорили) форм собственности. Между тем пропаганда, обслуживающая правящих реформаторов, настойчиво вдалбливала россиянам, что рынок будто бы может существовать только при частной собственности, частно-капиталистическом предпринимательстве. Договорились даже до того, что единственно нормальная, якобы "естественная" форма собственности — частная. А затем и на практике предпочтение было отдано частной, капиталистической собственности. Приватизация оказалась, таким образом, принудительным лейтмотивом реформ.

Особенностью преобразования предприятий стало не только принуждение к приватизации как таковой, но и принуждение к одному из вариантов акционирования, которые были сконструированы реформаторами. Раздача неголосующих бесплатных акций и смехотворных по стоимости ваучеров, запрет на создание закрытых акционерных обществ, блокирование возможности получения работниками акций в форме единого кон-

трольного пакета — весь этот тщательно продуманный комплекс мер предрешил дальнейшую трансформацию предприятий, приватизированных по любому из вариантов, в частнокапиталистические или государственно-капиталистические. Была создана лишь видимость добровольного выбора. На деле же трудовые коллективы были отстранены от принятия принципиальных решений, касающихся перемены формы собственности. Им не позволили выбирать между частной, коллективной и государственной собственностью, закрыли трудящимся путь к самостоятельному поиску новых способов своей экономической жизни, к историческому творчеству.

Значительная часть населения поддержала приватизацию только потому, что была введена в заблуждение относительно её фактических целей и неизбежных результатов. В большинстве случаев, когда инициатива приватизации исходила "снизу", рядовые работники понимали под приватизацией вовсе не то, что было задумано реформаторами и проведено в жизнь государственными чиновниками и администрацией предприятий. Вопреки обещаниям правящей группы, у нас возникли не миллионы собственников предприятий, а миллионы владеющих несколькими акциями, которые не дают их владельцам ни существенной прибавки к доходу, ни возможности влиять на хозяйственно-управленческие решения. Даже там, где приватизация была проведена по второму варианту (работники предприятия выкупили по номинальной стоимости 51% голосующих акций), рабочие и другие рядовые работники, как правило, не получили реального доступа к управлению. Теперь они, как и следовало ожидать, либо продают свои акции, либо входят под давлением администрации в создаваемые ею трасты, передавая тем самым ей свой голос.

Принудительность приватизации; предельное ограничение свободы трудовых коллективов в выборе и смене конкретной формы собственности и хозяйствования; отсутствие условий для развития производственной демократии, в том числе и на неприватизируемых предприяти-

ях, — всё это позволяет квалифицировать российскую реформу собственности как недемократическую.

Идеи и требования, направленные на принципиально иную, демократическую реформу собственности, возникли ещё в 1990 г. и вскоре приобрели характер законченной концепции. Правда, эта позиция редко проникает в широкую печать или же попадает туда в преднамеренно искаженном, фрагментарном виде, да ещё сопровождается недобросовестными комментариями. Суть концепции такова.

Исходная идея состоит в том, что собственность нельзя сводить к имущественным отношениям, т.е. к праву владеть и распоряжаться имуществом. Собственность — это прежде всего власть в хозяйстве. Собственность реализуется в управлении хозяйством, в распоряжении его результатами. Это означает, что собственником является или становится тот, кому принадлежит (переходит) хозяйственная власть, кто управляет предприятиями и экономикой в целом, принимает главные решения.

Понимание собственности как власти в хозяйстве означает, что начать или свести преобразования собственности к разделу производственного имущества — это заведомо отказаться от такой реформы, результаты которой отвечали бы интересам трудящегося большинства населения, открывали бы путь к демократической организации хозяйства. При бесплатном разделе имущества невозможно обеспечить справедливость раздела и создать так называемые равные стартовые условия. В то же время неприемлемо принуждать трудящихся к выкупу того, что создано их трудом. Раздел быстро создаёт рынок производственного имущества с массовым продавцом и, разъединяя коллективы, препятствует переходу к ним власти на производстве, превращению трудящихся в действительных собственников.

Важнейшее положение концепции демократической реформы собственности — принцип добровольности перехода трудовых коллективов к новым экономическим отношениям. А для этого нужно, чтобы трудовые коллек-

тивы играли решающую роль в выборе и перевыборе форм собственности и хозяйствования — государственной или негосударственной, коллективно-долевой или коллективно-неделимой, частной с акционированием или какой-либо другой, не предусмотренной, но и не запрещённой законом.

Избежать раздела и принуждения; создать условия для становления разнообразных форм собственности и хозяйствования на добровольной для трудящихся основе; обеспечить равноправие и возможность соперничества разных форм в конкурентной (рыночной) экономике и, следовательно, утверждение наиболее эффективного уклада в качестве основного, доминирующего — вот главные задачи и принципы демократической реформы собственности. Реформа будет отвечать этим задачам и принципам только при строгом соблюдении определённой последовательности её акций.

Более или менее чёткая схема последовательности конкретных акций демократической реформы была выдвинута в 1990 г. союзами трудовых коллективов, а затем, в конце 1991 г. её поддержали самые разные организации рабочего и профсоюзного движения. Первый шаг — предоставить трудовым коллективам право взять государственные предприятия в своё управление (хозяйственное, или полное хозяйственное ведение, по терминологии законов). Такая смена должна происходить без применения выкупа и исключительно по желанию самого трудового коллектива.

Второй шаг — предоставить трудовым коллективам право дальнейшего преобразования формы собственности и хозяйствования. Самоуправляющийся трудовой коллектив на государственном предприятии должен был, по замыслу, получить широчайшие права — от принятия окончательных решений (в рамках законов) по всем ключевым вопросам организации предприятия и его хозяйственной политики до найма по контракту профессионально подготовленных управляющих. Эта форма исключительно выгодна как для коллективов, так и для общества, стре-

мящегося к социально-экономической демократии. Трудовой коллектив имеет право отказаться от перехода к самоуправлению на государственном предприятии в пользу какой-либо иной формы. В этом случае экономически оправдано и социально справедливо, чтобы претендент на роль нового собственника (в том числе и сам трудовой коллектив) выкупил предприятие. Однако выкуп предприятия в собственность работников допустимо применять только в том случае, если гарантирована возможность перехода государственного предприятия в самоуправление коллектива, причём гарантирована законом, а не отдана на усмотрение чиновников.

Подчеркну важный момент. Согласно концепции демократической реформы собственности, реализацию права выкупа предприятий следовало отложить на несколько лет — до формирования рыночной стоимости предприятий, во избежание распродажи национального богатства за бесценок. Справедливости ради стоит напомнить, что среди активистов движения, выступавшего в 1990-1991 гг. за передачу предприятий на первом этапе реформы в полное хозяйственное ведение трудовых коллективов, не было единства по вопросу о том, должны или не должны работники платить выкуп при приватизации предприятий. Фактический захват предприятий номенклатурой и разбогатевшими дельцами постоянно подпитывал идею бесплатной передачи предприятий в собственность коллективов. Усилия активистов движения постепенно сконцентрировались на борьбе за то, чтобы коллективы получили бесплатно хотя бы долю в собственности, за размер этой доли, за льготы при выкупе, а также за предоставление особых, более выгодных схем приватизации для своих конкретных коллективов. Такая "хвостистская" тактика, если оценивать её по большому счёту, привела к поражению движения.

Хочу специально обратить внимание читателя на то, что соблюдение изложенных выше основных принципов и последовательности шагов при реформе собственности гарантирует её буржуазно-демократический харак-

тер, если законы защищают личную свободу и равноправие граждан и тем самым налагают запрет на социально-трудовые отношения феодального, рабовладельческого, общинного и т.п. типов. Однако, если к тому же законодательно установлены нормы и правила, которые предотвращают возникновение эксплуатации как массового устойчивого явления, формирующего социальную структуру общества, — перед нами путь к народно-демократической реформе собственности.

Не поздно ли сегодня, в 1995 году, говорить о демократической реформе собственности? Понятно, что без кардинального изменения государственной политики вряд ли удастся остановить дальнейший передел национальных ресурсов и власти в хозяйстве в пользу бывшей номенклатуры, "новых русских" и иностранного капитала. А для переориентировки государственной власти на демократические цели и методы требуется, как показывает западный опыт, мощное давление "снизу" — в первую очередь, со стороны организованного и самостоятельного рабочего и профсоюзного движения. В современной России сильного демократического рабочего и профсоюзного движения всё ещё нет. А потому нет и никаких реальных перспектив для осуществления и менее радикальных проектов, направленных на постепенное развитие механизмов участия работников в управлении государственными, приватизированными и новыми капиталистическими предприятиями. Нет поэтому более важной задачи, чем пробить тревогу и содействовать становлению демократических движений трудящихся, формированию собственной идеологии рабочего и профсоюзного движения. Концепция демократической реформы собственности является одним из элементов такой идеологии.

26 апреля 1995 г.

*Печатается по тексту публикации
в журнале «Рабочая политика». 1995. № 6. Стр. 29-33.*

ПОЧЕМУ РЕФОРМЫ В РОССИИ ИДУТ ЗА СЧЁТ ТРУДЯЩИХСЯ

Кому выгодны "шоковые реформы"?

В октябре 1991 г. Б.Н.Ельцин, испрашивая у депутатов полномочия на "реформистский прорыв", прямо сказал, что цель задуманной реформы — ускоренными темпами создать мощный частный сектор и что для этого придётся пойти на временное снижение уровня жизни населения. Личный авторитет Б.Ельцина, доверие к нему посеяли в рабочей среде, в других слоях трудящихся иллюзии относительно степени и длительности трудностей, которые их ждали. Тем самым было получено общественное согласие на политику первоначального накопления капитала. Обнищание народа, развал производства, рост скрытой и открытой безработицы — не побочные следствия реформы, а методы решения её главных задач.

Капитализм может существовать, если большинство населения вынуждено наниматься к частным собственникам, чтобы создавать своим трудом условия не только для своего существования, но и для благополучия капиталистов. Поэтому усилия буржуазных реформаторов направлены на появление многочисленного слоя бедных и беднейших людей, окончательно (то есть не только фактически, но и формально) лишённых средств производства, и на концентрацию ресурсов страны в руках немногих частных лиц.

В обмен на поддержку своих реформ международным капиталом правительство помогает ему колонизовать Россию, превратить её в страну "третьего мира" — с уровнем жизни гораздо ниже, чем прежде, с массовой безработицей, с неконкурентоспособной промышленностью, то есть в источник дешёвой рабочей силы и дешёвого сырья для стран "первого мира".

Под гипнозом официальной идеологии население России ни идеологически, ни организационно не было готово к борьбе за свои права и интересы, когда на него обрушились "шоковые" реформы. Разрозненные протесты, локальные забастовки не защищают от массированных атак правительства. Народно-демократическая оппозиция слаба, так как нет широких движений трудящихся с ясными самостоятельными целями. У трудящихся отсутствует собственная целостная идеология. А без неё успешное противостояние антинародной политике невозможно.

Рабочее движение всё ещё находится под гипнотизирующим воздействием официальной пропаганды, лживо изображающей начатые реформы как якобы единственно возможные для выхода России из кризиса. Трудящимся навязываются взгляды и действия, которые помогают старой и новой, "демороссовской" номенклатуре стать законными эксплуататорами-капиталистами.

Когда говорят о собственной целостной идеологии трудящихся, рабочего класса, имеют в виду, что платформы, программы, отдельные требования основаны на таких представлениях (идеях) о целях и о практических действиях, которые осознаны на теоретическом уровне и обладают следующими двумя свойствами. Во-первых, правильно отражают положение трудящихся в обществе и перспективы его изменения. Во-вторых, первоочередные и стратегические (коренные) интересы трудящихся разграничены. Первоочередные, то есть ближайшие настоятельные интересы предъявляются в форме требований по улучшению условий и способов жизнедеятельности трудящихся в данном обществе, а стратегические выражены как задачи политических движений, выступающих за кардинальное изменение социально-экономического положения трудящихся и их роли в осуществлении власти.

Собственная идеология трудящихся признаёт эксплуатацию несправедливой и устранимой. Один способ борьбы с эксплуатацией — постепенно отвоёвывать лучшие для трудящихся позиции путём достижения компромиссов с эксплуататорами (так называемый социал-

демократический, реформистский путь). Другой способ (революционный) — преобразование общества в народно-демократическое, в котором трудящиеся имеют реальный доступ к власти, управлению, к распоряжению результатами производства. Народная демократия должна использовать всю силу государства для защиты на основе законов личной свободы и равноправия граждан и для предотвращения эксплуатации как массового устойчивого явления. Различия двух стратегий — не в целях, а в методах борьбы. Для трудящихся чрезвычайно важно, чтобы и реформы, и революция шли мирно — без карательных акций, кровопролитий, без гражданских войн.

Из-за отсутствия сильного рабочего движения с самостоятельной идеологией четвёртая русская революция стала революцией буржуазной, а не народно-демократической. По этой же причине она проходит сейчас стадию буржуазной диктатуры, уже срывающейся в карательные акции, в провокацию кровопролитий.

Разнородность взглядов и требований в ущерб объединённым солидарным действиям, запаздывание в осознании сути происходящего ("хвостизм"), слабая связь между экономической и политической борьбой — основные черты современного, начального этапа развития российского рабочего движения.

Разнобой в ущерб солидарности

Взгляды и требования трудящихся существенно расходятся, когда речь идёт об отношении к реформе собственности.

Одна из позиций — отказ от претензий стать реальными хозяевами своих предприятий, согласие на роль эксплуатируемых наёмных работников. Формула "пусть эксплуатируют, лишь бы больше платили" очень точно выражает её суть. Борьба за освобождение трудящихся от эксплуатации и других форм угнетения достигает здесь лишь уровня борьбы за их смягчение. Шахтёрские забастовки 1989 г. положили реальное начало движению такой на-

правленности. В 1990 г. оно обрело платформу независимого (свободного) профсоюзного движения.

Сейчас в России существует около десятка авторитетных новых профсоюзов. На их счету — и забастовки, и попытки установить договорные (партнёрские) взаимоотношения с государством-эксплуататором, с администрацией предприятий. Но всё это, как правило, при общей поддержке руководством профсоюзов правительства, от которого взамен ожидают и требуют уступок для своих профессиональных групп, для членов своего профсоюза. Подобная тактика близка по типу к тактике западной рабочей аристократии, использующей полученные ею преимущества для разрушения, а не для укрепления солидарности трудящихся.

Идея защищать трудящихся как наёмных работников преобладает во всех руководящих структурах старых профсоюзов (ФНПР). У истоков такой позиции лежат ложные опасения, что профсоюзы станут не нужны трудящимся-создателям своих предприятий. В то же время в 1992 г. ФНПР была практически единственным крупным профобъединением, выразившим оппозиционные настроения и поддержавшим активное сопротивление "шоковым" реформам. К сожалению, эти достойные тенденции в дальнейшем не были усилены. ФНПР не смогла стать выразителем идеологии, отражающей заинтересованность и возможности трудящихся реально влиять на характер как экономических, так и политических преобразований.

Принципиально иная позиция — убеждение в том, что власть на производстве должна принадлежать трудящимся, что они должны стать реальными хозяевами предприятий. В требованиях, выражающих такое стремление, содержатся основные моменты концепции демократической реформы предприятий — добровольность выбора каждым коллективом подходящей ему формы собственности и хозяйствования; право каждого коллектива государственного предприятия, отказавшись от приватизации, взять предприятие без какого-либо выкупа в своё управление (в

своё полное хозяйственное ведение), самому нанимать администрацию.

Однако движение за производственную демократию также не является самостоятельным по идеологии. Многие его участники и прежде всего большинство лидеров союзов трудовых коллективов не сумели или не захотели чётко противопоставить себя курсу на ускоренную принудительную приватизацию. Акцентировалось неприятие номенклатурной приватизации, а полное хозяйственное ведение трудового коллектива стало рассматриваться по преимуществу лишь как первый шаг на пути к приватизации. Не было вовремя понято, что кроется за разделом народного имущества с помощью открытого акционирования и чеков-ваучеров. А те, кто предвидел следствия таких реформ, не опирались на широкую поддержку в коллективах. Они не были даже по-настоящему услышаны на предприятиях. Движение за власть и собственность трудящихся в хозяйстве переживает кризис. Преодолеть его можно на основе дальновидной стратегии и привлечения к идеям производственной демократии гораздо более широкого круга людей.

Вторая из основных линий, по которой существенно расходятся трудящиеся, — требования к системе социальной защиты.

Разрушение сложившейся системы социальной защиты населения без замены её новыми эффективными гарантиями порождает идею возвратиться к прежней системе. Старое идеализируется, его пороки как бы забываются, а на первый план выступает осознание того, что в то время обеспечивалась определённая устойчивость положения, стабильность хоть и нищенского, но привычного уровня жизни.

В основе требований трудящихся возродить старые социальные гарантии чаще всего лежит наивное предположение, что из прошлого можно взять "хорошее", но не брать при этом "плохое". Такая утопическая обращённость в прошлое как нельзя лучше пригодна для политических спекуляций реваншистских сил, которые упаковывают

требования восстановить привычные гарантии в один пакет с реакционными политическими лозунгами.

Есть другая тенденция в формировании идеологии социальной защиты населения — стремление опереться на собственные силы, "отделиться" от государства. Сюда относятся все идеи, направленные на установление строгой зависимости уровня социальной защищённости трудящихся от их индивидуальных заработков, на разгосударствление социального страхования, на предоставление населению социальных услуг только на основе платности, требования денационализации земли, жилищного фонда. Выступая за организацию социальной защиты на принципах "отделения" от государства, трудящиеся фактически дают амнистию государству, не желающему выполнять свои прямые функции.

Опора трудящихся исключительно на свои силы — это идеология складывающейся рабочей аристократии. Девизы отделения от государства, экономической самозащиты прикрывают стремление отделиться от других трудящихся, находящихся в худшем положении. Продвижение по этому пути способно усилить защищённость лишь части населения и лишь до нового витка инфляции.

Ещё один тип требований к социальной защите справедливо предполагает, что государство должно быть основным гарантом неснижения и неухудшения условий жизни трудящихся, что общество и государство должны нести главную ответственность за защиту трудящихся от обнищания, безработицы, от всех других социальных рисков (опасностей), порождаемых рыночно-конкурентной экономикой. Именно от этих функций освободило себя нынешнее российское правительство, начав "шоковую терапию".

В документах одних и тех же организаций трудящихся, в ходе забастовок часто выдвигаются разнотипные требования, совместная реализация которых невозможна, так как они "тянут" в разные стороны.

Как освободиться от хвостизма

Главная причина, из-за которой рабочее и профсоюзное движение не имеют своей долгосрочной стратегии и тактики, позволяющей опережать замыслы и действия, направленные против трудящихся, — отсутствие эффективного товарищеского сотрудничества с гуманитарной научной интеллигенцией народно-демократической ориентации. Его налаживанию мешают настороженное отношение рабочих к профессиональной интеллигенции; малочисленность народно-демократической прослойки среди гуманитариев. Подавляющая часть интеллигенции ударила сначала в буржуазный либерализм, а потом, как это свойственно либералам, боящимся народных движений, стала на сторону сильной исполнительной власти (читай: диктатуры).

Не удаётся преодолеть "хвостизм" и потому, что нет ещё должного понимания простой истины: улучшение положения трудящихся достигается не заботами мудрых вождей и не добровольными уступками господствующим классам, а борьбой самих трудящихся. Преодолению "хвостизма" должны помочь усиление оппозиционных настроений среди интеллигенции, её включение в рабочее движение, расширение контактов с зарубежным рабочим и профсоюзным движением, на счету которого все завоевания трудящихся в ряде развитых капиталистических стран.

Рабочее движение без рабочей политики

Вплоть до августа 1991 г. сопротивление социальных сил развивалось как антиказарменная, общедемократическая революция. Политический аспект в ней был главным — борьба против монополии КПСС на власть, против имперского характера СССР. Подавляющей частью участников массовых политических акций, забастовок с политическими, а не только экономическими требованиями были трудящиеся, а не номенклатура и не новые собственники. Но среди идейных платформ

общедемократической борьбы не было таких, которые на уровне политической стратегии выражали бы специфические интересы трудящихся классов и социальных групп в разворачивающейся революции. Мы имеем в виду платформы широких движений, а не разработки отдельных людей и авторских коллективов, которые, конечно же, существуют.

Обозначение различий в отношении трудового населения и возникающего капиталистического класса к "шоковым" реформам не привело к сколько-нибудь явному политическому размежеванию. Рабочее движение остаётся в целом в рамках экономизма. Найденная самими рабочими такая форма самоорганизации, как рабочие комитеты, не вышла за рамки параллельной власти на местах. Близко подошло к борьбе за власть движение за производственную демократию, но объектом противоборства стала хозяйственная власть опять же на низовом уровне — на предприятиях.

Ни одной массовой политической организации, ни одной массовой партии, на деле выражающей интересы трудящихся и выросшей из рабочего, из профсоюзного движения, не возникло. Социально-экономические требования не увязаны в должной мере с необходимостью изменения социальной сути, характера власти, с задачей поиска последовательно демократических политических форм и механизмов. Поэтому-то в 1993 году трудящиеся не смогли использовать в своих интересах кризис правительственного курса и его следствие — двоевластие. Отсутствие собственной политической позиции, неорганизованность трудящихся, растерянность перед лицом раздуваемого "конфликта властей" помогли, напротив, восторжествовать произволу над законностью и расчистило путь к открытой буржуазной диктатуре, на которую наброшена лёгкая вуаль марионеточной многопартийности.

Хотелось бы надеяться, что ближайшие 3-5 лет станут временем действенного массового сопротивления новым эксплуататорам, становления политических движе-

ний и организаций с собственной идеологией трудящихся, временем развития рабочего движения, солидарно и последовательно отстаивающего права, свободы и интересы всех трудящихся как своё коренное дело.

Печатается по тексту публикации в журнале «Рабочая политика». 1996. № 2. Стр. 5-11.

1996

=====

О ПРИРОДЕ ПРЕДПРИЯТИЙ С СОБСТВЕННОСТЬЮ РАБОТНИКОВ⁵¹

Г. Ракитская, к.э.н., старший научный сотрудник ИЭ РАН. Предприятия с собственностью работников (далее — ПСР) — это такие предприятия, основными или единственными собственниками которых являются работающие на них (трудовой коллектив). ПСР — своеобразная хозяйственная форма, ограниченно распространённая, способная в лучшем случае стать вспомогательным хозяйственным укладом, а в отдельных наиболее отсталых отраслях и сферах деятельности — возможно, основным.

Один из идейно-теоретических мифов левых состоит в трактовке ПСР как элемента социализма, в уповании на постепенное распространение этого уклада в хозяйстве и на превращение его в перспективе в доминирующий. Теория же и практика доказывают, что причинами возникновения и существования ПСР (будь то кооперативы, акционерные общества или другие формы) являются не борьба за социализм, за производственную демократию и не борьба с капитализмом и эксплуатацией, а иные причины. И капиталистическая, и тоталитарная, и народно-демократическая (социалистическая) государственная и хозяйственная системы могут оказывать содействие развитию ПСР. При этом каждая из общественных систем укрепляет свои основы благодаря функционированию ПСР.

ПСР возникают обычно вследствие хозяйственных и социальных трудностей в сравнительно отсталых отраслях или сферах повышенных хозяйственных и социальных

⁵¹ *Выступление Г.Я.Ракитской на Круглом столе «Приватизация и собственность работников», организованном Институтом экономики РАН, Фондом экономической реформы России и журналом «Вопросы экономики» и состоявшемся 14 марта 1996 г.*

рисков, а также в любых отраслях и сферах в периоды (в ситуациях) социальной напряжённости. Работники по собственному почину, при поддержке или по принуждению государства объединяют усилия для борьбы с социальными рисками и для выживания за счёт напряженного труда или более высокой сознательной самоорганизации. Таковы были колхозы (артели) в СССР, таковы кооперативы Мондрагона (Испания), кибуцы в Израиле и народные коммуны в Китае. Можно предположить, что таковы же предприятия, функционирующие на принципах ESOP (США).

ПСР не порождают своего собственного типа социально-экономических отношений, а осваивают господствующий в обществе. Работники-собственники оказываются в той же социально-экономической обстановке, которая доминирует в обществе, в той же *принципиально*, но *менее развитой*. Поэтому теоретически неверно (а для практики рабочего движения крайне опасно) ставить знак равенства между коллективными и демократическими и тем более неэксплуататорскими формами трудовой деятельности. Ущемление личных интересов и прав работников в угоду всему коллективу или каких-либо из его групп — обычное (закономерное) явление для ПСР в тоталитарных и буржуазных обществах.

Весьма поучителен в этом отношении опыт Мондрагонской кооперативной корпорации, на который горячие сторонники собственности работников обычно ссылаются как на якобы достойный распространения образец коллективного владения имуществом предприятий и коллективного управления. Однако судить о кооперативах Мондрагона (как и о любых ПСР) следует не по их уставным и другим нормативным документам и не по рекламным проспектам администрации, а по *реальному* положению работников. Краткая же его характеристика такова: производственной демократии в полном значении этого слова в кооперативах Мондрагона нет; уровень социальной защищённости рабочих-собственников ниже, чем наёмных работников капиталистических предприятий — социально-

трудовые права членов кооперативов не гарантированы государством и не защищаются профсоюзами; существует фактическая эксплуатация рабочих-собственников руководящими структурами; кооперативы эксплуатируют труд наёмных рабочих. Недовольство рабочих-собственников и наёмных рабочих в кооперативах Мондрагона не выливается в открытые конфликты из-за страха потерять работу, ибо главное (и крайне существенное!), что даёт рабочим кооперативная форма предприятия, — это *устойчивость занятости*.

Подобно тому как мастерские Веры Павловны (из романа Н.Г. Чернышевского “Что делать”) были жизнеспособны благодаря её мужу, ПСР нуждаются в поддержке и содействии со стороны внешнего окружения. Без этого они неконкурентоспособны экономически. Но их главная общественная функция — не обеспечение более высокой экономической эффективности, а повышение социальной устойчивости общества посредством подтягивания до приемлемого уровня социально-экономического положения определённого контингента трудящихся.

Призывы к передаче предприятий в собственность работников, понятые как обозначение *магистрального* направления реформы собственности, всегда бесперспективны и реакционны (с точки зрения интересов рабочего класса). В современных российских условиях развитие ПСР означало бы дополнительное перекалывание трудностей реформы на плечи трудящихся.

Печатается по тексту, опубликованному в журнале «Вопросы экономики» №8. 1996. Стр. 119-120.

**ПЕРСПЕКТИВЫ
И ПРОБЛЕМЫ РОССИИ № 25**
=====

Г.Я.Ракитская

**К КРИТИКЕ
ОБЩЕСТВЕННОГО
СОЗНАНИЯ
В НОВОЙ РОССИИ**

**(реформа собственности и
социально-трудовых отношений)**

Москва 2002

**К КРИТИКЕ
ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ
В НОВОЙ РОССИИ
(реформа собственности и
социально-трудовых отношений)⁵²**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Исходные подходы и задачи работы

**КЛЮЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ДВУХ ФРАГМЕНТОВ ИДЕЙНОЙ БОРЬБЫ**

**Фрагмент первый.
РЕФОРМА СОБСТВЕННОСТИ**

1. Уведомление об истоках мешанины в современном российском общественном сознании и жалком эклектизме в современном российском научном сознании
2. Восприятие собственности: научная категория и представления о ней (собственности) в активном и массовом обыденном сознании
3. Дикое представление о частной собственности как об абсолютной власти над вещью, имуществом
4. Критика государственной собственности в СССР.

⁵² Работа выполнена в Институте экономики Российской академии наук в 2000-2001 гг. по плану сектора методологии экономической науки Центра политэкономических исследований (тема: Методология сравнительного анализа институциональных структур. Раздел: Восприятие теоретико-экономических знаний и опыта в современной России: критическо-компаративистский анализ).

Концепция государственной собственности в СССР как совместной частной (кастовой) собственности номенклатуры.
Концепция “ничьей собственности”

5. Первые приступы к реформе собственности, их идейная основа и публичное обоснование
6. Идеи и практика номенклатурной приватизации (разделения общеноменклатурной собственности на частные групповые и индивидуальные состояния)
7. Реальные участники приватизации и их мотивы
8. Декларации и признания реформаторов относительно целей приватизации
9. Оформление классово ориентированного научного сознания в современной России и проявление его в проблематике реформ собственности
10. Представления трудящихся о преобразованиях собственности (Начало). Представления согласных на роль наёмных и эксплуатируемых работников
11. Представления трудящихся о преобразованиях собственности (Окончание). Представления претендующих на роль трудящихся-сохозяев (совладельцев) предприятий
12. Новая загадка собственности для российских либералов: сущность не является, имущество “не работает”

Фрагмент второй.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РАБОТНИКАМИ И РАБОТОДАТЕЛЯМИ

1. Реформа тоталитарных взаимоотношений между работниками и работодателями: общественное

восприятие в период предреволюционной и революционной ситуации (1987-1991 гг.)

2. Отношения между работниками и работодателями: общественное восприятие в период шоковых реформ и закрепления их социальных итогов (1992-1999 гг.)
3. Социально-трудовые отношения: общественное восприятие в постельцинский период так называемой государственной модернизации (2000-2001 гг.). Вероятные ближайшие перемены в общественном сознании

ИСХОДНЫЕ ПОДХОДЫ И ЗАДАЧИ РАБОТЫ

Общественное восприятие (или же восприятие обществом) знаний и опыта определим как вхождение знаний и опыта в состав социокультуры и превращение их (в воспринятом виде) в фактор исторического, то есть социально значимого действия и — в переходные эпохи — в фактор исторического выбора.

Под “*современной Россией*” будем понимать Россию с конца 80-годов, то есть со времени обозначения революционной ситуации в СССР. Будем называть период с конца 80-х годов применительно к России “*современной переходной эпохой*” в отличие от “*современного переходного периода*”, начало которому в России положил августовский (1991 г.) политический переворот.

В отечественном общественном сознании присутствуют представления, тяготеющие (в различных своих модификациях) к четырём существенно разным моделям-“образцам” экономики:

- капиталистический свободный рынок;
- капиталистическая социальная рыночная экономика;
- командная безрыночная экономика (в основе этой модели — представление о товарно-денежных отношениях как якобы причине социального неравенства и эксплуатации);
- социалистическая рыночная экономика (в основе этой модели — представление о социализме как обществе демократическом, не имеющем ничего общего с советским тоталитарным строем).

В научной литературе и программно-политических разработках присутствуют также в более или менее развёрнутом виде представления программного типа, соответствующие каждой модели, — переходные институциональные сценарии.

Под *направлением, или течением общественно-экономической мысли* будем понимать в данной работе совокупность представлений, тяготеющих к определённой модели-образцу экономики, в совокупности с представлениями об институциональных сценариях, ведущих к реализации этой модели-образца.

Вычленение основных, так сказать, “чистых” направлений экономической мысли — приём, позволяющий упорядочить и сопоставлять различные конкретные представления — отдельные идеи и комплексы идей, конкретные предложения и требования, реально выдвигаемые программы и лозунги. Уместно называть такие конкретные представления **содержательными формами** общественно-экономической мысли. Содержательные формы гораздо богаче (детальнее, разнообразнее) и в то же время, как правило, менее строги, менее последовательны, чем совокупность положений, которой можно охарактеризовать **суть** каждого из течений общественно-экономической мысли.

Анализ содержательных форм общественно-экономической мысли — это анализ реальных сложностей процесса общественного сознания, анализ того, как про-

бивается и продвигается общественная мысль к строгому научному знанию. Объектом анализа в данной работе являются именно содержательные формы общественно-экономической мысли.

В переходные эпохи вообще и в революционные в особенности процесс восприятия знаний и опыта идёт с повышенной интенсивностью, так что одно и то же поколение проходит не один, а несколько этапов восприятия. Решающее значение в этапировании восприятия имеет реальная этапность исторического перехода (трансформации) общества. Общественное массовое сознание и управленческое (политическое) сознание имеет свойство ускоряться и “скачком” становиться более объёмным и продуктивным, использовать для ускорения и возрастания продуктивности структурный ресурс фракционного дифференцирования (отход от устойчиво-инерционного массового сознания “среднего класса”), обеспечивать восприятие знаний и опыта в соответствии с потребностями этапов.

Вычленение идейных течений общественно-экономической мысли и анализ конкретных содержательных форм теоретического и программно-политического сознания должны учитывать различия тех проблем, которые объективно стояли перед советским (затем — российским) обществом на разных этапах современной переходной эпохи. Притом учитывать, что проблемы эти не носили общенародный характер, т.е. не были проблемами, стоящими перед страной в целом. Подобное бывает только в исключительных, чрезвычайных ситуациях, а во всех других случаях есть банальное восприятие общественной жизни.

Актуальные общественные проблемы существовали и видоизменялись в СССР и в России в дифференцированном — *социально-групповом* виде. Соответственно разные линии (тенденции) в развитии общественного сознания, особенности восприятия тех или иных конкретных составляющих знаний и опыта, история привлечения или отторжения тех или иных теоретических идей и практиче-

ских подходов – всё это может быть понято лишь с учётом различий интересов и проблем, соответствующих социально-групповой дифференциации общества и её динамики в переходную эпоху (от кастовой к претендентско-классовой и к новой устойчивой социальной дифференциации).

Говоря далее об общественном восприятии знаний и опыта, будем подразумевать под знаниями и опытом теоретические идеи, подходы, практический опыт любого происхождения – как отечественные, так и зарубежные, как современные (новые), так и рождённые в прошлом (старые).

Анализ содержательных форм общественно-экономического сознания современной России позволил выделить основные социально обусловленные **типы общественного восприятия** теоретико-экономических знаний и опыта: некритическое освоение, критическое освоение, сознательное отторжение, вульгаризация.

Некритическое освоение – восприятие знаний и опыта, исходя из установки на их *заведомую пригодность* к российским условиям (в общем случае – на их инвариантность к конкретно-историческим условиям).

Применительно к зарубежным научным достижениям и зарубежному практическому опыту некритический подход ярко проявляет себя, когда основным аргументом в пользу прямого их заимствования выступает формула “сделать так, как во всем цивилизованном мире”.

Разновидность некритического освоения знаний и опыта – настаивание на принципах и конкретных способах организации общественных процессов, которые были уместны (применимы) на предыдущих стадиях переходной эпохи, но утратили это свойство на следующих ее стадиях.

Критическое освоение – **восприятие знаний и опыта, исходя из установки на их соотнесение и их (при необходимости) модификацию в соответствии с российскими условиями** (в общем случае – в соот-

ветствии с конкретно-историческими общественными условиями).

Сама по себе эта установка не является гарантией от нереалистичных преобразовательных акций или же от результатов преобразований, существенно отличных от тех, на которые эти преобразования были рассчитаны. Гарантией является адекватная оценка конкретно-исторических условий. Но она далеко не всегда такова.

Сознательное отторжение – восприятие знаний и опыта как *заведомо непригодных* – либо непригодных к российским условиям, либо (применительно к новым научным знаниям) непригодных вообще.

Вульгаризация – восприятие знаний и опыта в существенно искажённом виде (упрощённом, оторванном от конкретно-исторического контекста и т.п.).

Вульгаризация может быть как результатом сознательного искажения, так и результатом научной малограмотности. Типичный пример вульгаризации: “рынок всё расставит (или расставляет) на свои места”.

Ныне, когда так называемые радикальные рыночные реформы позади, когда они осуществились по намеченному плану и дали ожидавшиеся реформаторами результаты, – ныне не приходится доказывать, что в стране произошла революция – смена типа власти в обществе и хозяйстве. Это настолько ощутимо и уже признано обществом, что термин “рыночные реформы” приходится снабжать эпитетом “так называемые” – чтобы оттенить, что за их первоначальным наименованием с самого начала скрывался (прятался) более ёмкий смысл, чем освоение механизмов рынка вместо опять-таки так называемых командно-административных методов.

Революция произошла, но её исторический характер всё ещё мучительно осознаётся. Общественное сознание свободной России (неважно при этом, что оно социально дифференцировано) вызревает так растянуто, фрагментарно и в столь зыбких промежуточных формах, что в нём всё ещё не сформировались отчётливые (не

единые для всех, а хотя бы основные, но массовидные) представления о таких, например, исторических явлениях и процессах, как:

- в каком обществе мы жили?
- могло или не могло всё оставаться по-прежнему?
- могли ли перемены быть иными и дать иные результаты?
- обратимы или необратимы произошедшие в стране перемены?
- какие реальные силы обеспечили перемены?
- устойчив ли исторически сложившийся порядок отношений и институтов? Способен ли он воспроизводиться сам, на собственной основе или требует жертв и “поддержки”?

— дошли ли преобразования до своего логического конца или цели ещё не достигнуты? Даже, допустим, если верить в официальную формулу цели реформ — “переход к рынку”, то перешла страна к рынку или нет? Даже в тоталитарном СССР (50-70-е годы) многие люди со смыслом спрашивали: “Разве это Советская власть? Разве это социализм?” В новой России редко кому из свободных граждан приходит в голову вопрос: “Разве это рынок?”

Общественное сознание отдыхает от вопросов. А потому и не пополняется ответами. Это одна из ипостасей деградации населения, вызванной экономическим геноцидом шоковых реформ.

Об этом надо помнить, обсуждая поставленную (избранную) тему.

Но надо и не забывать, что революция и революционные реформы в России 90-х годов произошли. А это значит, что они были подготовлены сдвигами в сознании и сопровождались восприятием (отражением) исторических событий общественным сознанием, включая научное сознание, сознание активной (действующей) части общества и обыденное (широкое массовое) сознание. Результаты изучения этих процессов излагаем в двух фрагментах, касающихся стержневых про-

цессов перехода от прежнего (тоталитарного) общественного устройства к новому, сложившемуся в России ныне⁵³: 1) общественное восприятие проблем реформирования собственности; 2) общественное восприятие проблем преобразования взаимоотношений между работниками и работодателями.

Эти два фрагмента, конечно, далеко не исчерпывают идейную сторону процесса исторического выбора в современной России. Критическо-сравнительный анализ всех существенно важных содержательных форм общественно-экономического сознания в переходную эпоху — дело весьма трудоёмкое. Наша задача скромнее — постановка проблемы, выработка методологии и её апробирование на двух фрагментах идейной борьбы. Ниже представлены основные выводы нашего анализа.

⁵³ *Вы спросите — к какому устройству? Извольте получить ответ по формуле, столь популярной в России в 90-е годы из-за туманности и замедленности созревания общественного сознания: “В СССР мы имели общественный строй, который имели, а сейчас в результате перехода к рынку имеем строй, который имеем”. Это русская разновидность типично американского прагматического метода мышления. Тот принципиально неспособен качественно определить исторически новое и глубокомысленно ставит своё “пост-” перед названием уходящего или почти ушедшего — постмодернизм, постиндустриальное общество. Если бы российское общественное (и даже научное) сознание было уверено, что за строй был в СССР, то обозначало бы современный порядок как “пост-социализм” или “посттоталитаризм” или, там, “пост-сталинизм”. В силу неясности в оценках прошлого от таких слов отказываются. Кое-кто из язвительных предлагает воспользоваться методом прагматического “пост-” и считать наш нынешний российский общественный строй постиндустриальным, поскольку до реформ индустрия в стране была, а теперь её нет.*

КЛЮЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДВУХ ФРАГМЕНТОВ ИДЕЙНОЙ БОРЬБЫ

Фрагмент первый. РЕФОРМА СОБСТВЕННОСТИ

1. Уведомление об истоках мешанины в современном российском общественном сознании и жалком эклектизме в современном российском научном сознании

Современное российское научное сознание сформировано под влиянием двух струй западного научного сознания:

- под влиянием марксизма и
- под влиянием в основном современной американской прагматической литературы либерального толка.

При этом марксизм претерпел крайнюю вульгаризацию. От него сохранились лишь термины и канва понятий, но наполнение понятий и представления о сущностных связях прямо противоположны историко-материалистическим — они являют собой экономический детерминизм (экономический материализм). Сталинизм как идеология безальтернативно внедрялся в научное, активное и обыденное массовое сознание несколькими поколениями подряд и целиком заполнил общественное сознание.

“Оттепель” и особенно “Пражская весна” дали глоток свежих мыслей и вызвали было частичный кризис сталинистского, насквозь метафизического мироосознания и мировосприятия. Но этот кризис был тоталитарной системой преодолен, а свежие мысли были задавлены и оттеснены в разряд вялотекущего нездорового вольнодумства, ревизионистских поползновений “с негодными средствами” и “ошибок теоретического характера”, диссидентства.

Разложение тоталитаризма в 60-е годы поколебало абсолютно не критическое отношение многих к “правильным истинам”. Но до осознанного критического отношения дело не дошло у 99% россиян. Процессы революции про-

изошли стремительно, в 2-3 года, к тому же в основном в столицах, так что многие не успели не только включиться, но и заметить их. В связи с этим новые общественные реалии нагрянули для многих внезапно, скопом. Они механически вытеснили старые реалии с их пьедестала аксиом и не подлежащих обсуждению истин. Пошёл процесс “вписывания в рынок” — для практиков; “интеграции в мировую науку” — для так называемых учёных; равнения на формы жизни и образчики (шаблоны) мыслей, “принятых во всём цивилизованном мире”, — для обывателей.

Процесс смены “правильного” набора мыслей пошёл, но, как говорится, куда же девать прежний умище? Он стал “неправильным”, “красно-коричневым”, но он вдолблен, он привычен, он свой прирождённый. Он часть социокультуры. Он действует, примешивается к прилежно и даже с энтузиазмом усвояемому прагматизму. Помесь получается презанятная.

Таково наше современное российское общественное “двуструйное” сознание. Эта эклектика позволяет как-то перебиваться обывателю, как-то приспособливаться к практике. Но для научной мысли эклектика есть состояние полураспада с вектором вырождения, исчезновения. Так погибает сталинистская апологетическая общественная “наука” в России, некогда спесивая и агрессивная, а ныне жалкая как в лакейском приспособленчестве, так и в крикливом обзывательстве.

2. Восприятие собственности: научная категория и представления о ней (собственности) в активном и массовом обыденном сознании

В своём полном объёме отношения собственности включают в себя и властно-хозяйственные отношения, и соответствующие им имущественные отношения. По-другому о том же самом можно сказать так: собственность есть комплекс (целостность) субъектно-субъектных (властных) и субъектно-объектных (имущественных) отношений, при этом субъектно-субъектные отношения являются

конституирующими, первичными, а субъектно-объектные — производными от них, определяемыми. Именно поэтому у К.Маркса, например, нет и не может быть категорий типа “собственность на средства производства”.

Зато суждения о собственности типа “собственность на то-то или то-то” — самые ходовые у тех, кто преподавал марксизм и изучал марксизм в советских вузах и системе партпросвещения. При этом “собственность на средства производства” играет роль своего рода краеугольной истины, объясняющей всё на свете, но в первую очередь характер способа производства. Речь не о том, что субъектно-объектные (имущественные) отношения не должны привлекаться для анализа характера общества и экономики. Речь о том, что сами имущественные отношения **качественно определяются** властными отношениями в хозяйстве, соответствующими властным отношениям в обществе.

Выведение характера власти в обществе и в хозяйстве за пределы отношений собственности означает сведение последних к имущественным отношениям. Тут происходит вульгаризация научной истины того же самого типа, что и фетишизация товара.

Фетишизация имущественных отношений весьма практична и “инструментальна” для обыденной жизни и хозяйственной практики, а значит и для обыденного и активного практического сознания в обществах, проходящих фазы социально устойчивого, стабильного развития. Ущербность фетишизирующего сознания обнаруживается лишь в фазах общественного системного кризиса и фазах революции и революционных реформ.

В нашей стране в 80-90-е годы случились как раз такие фазы. А потому фетишизация имущественных отношений сыграла свою роль в общественном осознании проблематики собственности, наложила отпечаток на идейное оформление реформ собственности — центральных, между прочим, в так называемых радикальных рыночных реформах.

Итак, каковы были исходные (к началу реформ) представления о собственности у обывателя и у хозяйственника? Они были точно такими же, как у любого официального советского политэконома-сталиниста. Вот типичные (и тогда привычные) формулы:

“Во всяком обществе отношения собственности на средства производства принадлежит ведущая роль, обусловленная тем, что основу экономической жизни общества образует совершающийся в определённой исторической форме процесс производства, который невозможен без соответствующих материальных факторов.

Собственность на средства производства, прежде всего на средства труда как активную их часть, характеризует сущность социально-экономических отношений, господствующих в данном обществе”⁵⁴.

“Собственность — исторически определённая общественная форма присвоения материальных благ, прежде всего средств производства. Характером собственности на средства производства определяется тип производственных отношений”⁵⁵.

“Наиболее глубокую основу социалистической системы хозяйства, всей совокупности производственных отношений социализма образует общественная собственность на средства производства. Она предопределяет целевую направленность производства, характер распределения, обмена и потребления результатов производственной деятельности, социальную структуру общества”⁵⁶.

⁵⁴ В.П.Шкредов. *Собственность*. Статья в “Экономической энциклопедии. Политическая экономия”. Т.3 1979. С.570.

⁵⁵ *Собственность*. — Советский энциклопедический словарь. 1984.

⁵⁶ *Политическая экономия. Учебник для вузов*. — М: 1988. С. 345.

В Конституции СССР значилось:

“Статья 10. Основу экономической системы СССР составляет социалистическая собственность на средства производства...”

Распространённое тогда понимание социалистичности (общественности) собственности на средства производства располагалось сугубо в плоскости “субъект-объект”:

“Утверждение общественной собственности на средства производства означает, что вещественные факторы производства уже не противопостоят работнику как нечто чуждое. Между ним и средствами производства теперь нет какой-либо социальной группы, монополизирующей присвоение средств производства. Здесь каждый является собственником средств производства, которые можно использовать лишь совместно”⁵⁷.

Подготовленное экономико-детерминистским научным методом массовое сознание советских людей было предрасположено судить о собственности исключительно как об имуществе по шаблону “чья вещь?”, целиком и полностью отрывая подобные суждения от вопроса “чья власть в обществе? чья власть в хозяйстве?”

В этом советское массовое сознание смыкалось с западным массовым сознанием и западной наукой типа “экономикс”, а во многом и с буржуазной политэкономией. Рассуждения о собственности в обществе низводились до плоскости иска о праве собственности в гражданском судопроизводстве, когда судья считает собственность вещным отношением и решает, чьей быть спорной вещи. Так трактуется собственность в Гражданском Кодексе. И что же тогда удивительного, что предприятие в ГК трактуется как имущественный комплекс?

Спорные вопросы собственности, связанные с властью в хозяйстве, решаются не в судах, а на баррикадах.

⁵⁷ *Политическая экономия. Учебник для вузов. — М: 1988. С. 346.*

Но это не приходило в голову ни простому советскому человеку, ни простому советскому политэконому-сталинисту.

Перестройка и революция востребовали серьёзные представления о собственности. Но их не оказалось в нужное время в нужных местах. Этим объясняется полная идейная разоружённость тех, кого революционные реформы экспроприировали. Этим же объясняется и хозяйственный финал реформ собственности, весьма обескураживший реформаторов.

3. Дикое представление о частной собственности как об абсолютной власти над вещью, имуществом

Если ты думаешь, как в приведённой цитате из учебника, что общественную собственность можно использовать только совместно, то тебе покажется логичным, что частную собственность можно использовать только единолично. Именно такое представление о частной собственности как об абсолютной власти над вещью, имуществом всплыло в массовом сознании большинства россиян, когда существовавшая в СССР государственная собственность стала подвергаться сомнению, критике и отторжению.

Цивилизованные формы частной собственности, сама субъектная структура частной собственности, разделение хозяйственно-властных функций, соучастие в хозяйственно-властных функциях разных субъектов — всё это оказалось вне массового сознания, вне активного практического сознания россиян в конце 80-х - начале 90-х годов. Наука обязана была об этом знать, но большинство учёных на этот счёт помалкивало, а тех, кто об этом кричал, — не слушали.

4. Критика государственной собственности в СССР. Концепция государственной собственности в СССР как совместной частной (кастовой) собственности номенклатуры. Концепция “ничьей собственности”

С самого начала перестройки оживилась критика государственной собственности, общественной собственности, социалистической собственности.

Основным направлением критики была констатация фактической отчуждённости работника и гражданина от существовавшей собственности. Научное сознание предоставило несколько интерпретаций такой фактической отчуждённости.

1. Была выдвинута концепция, согласно которой фактическая отчуждённость возникает вследствие излишней централизованности функций управления. Собственно говоря, это было продолжением идей, развивавшихся ещё в 60-е годы, когда обсуждались пути совершенствования хозяйственного механизма, проведения хозяйственных реформ, пафосом которых было расширение хозяйственной самостоятельности предприятий, отраслей, территорий. Напрямую здесь не говорилось о собственности, но говорилось об оптимизации структуры власти в хозяйстве.

2. Была выдвинута научная концепция о государственной собственности в СССР как о совместной частной (кастовой) собственности номенклатуры (касты назначенцев). Эта концепция наилучшим образом объясняла феномен отчуждённости. Она же опрокидывала представления об общественном строе в СССР как о социалистическом и о собственности в СССР как об общественной.

3. Имело хождение представление “общее — значит ничьё”, “государственное — значит ничьё”. Долгое время на это не обращали внимания (мало ли ходит неаргументированных суждений?). Но когда в конце 1989 г. и особенно в начале 1990 г. так стали рассуждать высокопоставленные члены Правительства СССР, стало понятно, что обыденное сознание поднято на уровень официальной

концепции и что власть имущим выгодно представлять госсобственность как ничью.

5. Первые приступы к реформе собственности, их идейная основа и публичное обоснование

Первые приступы к изменению отношений собственности в СССР состоялись в период перестройки и касались они, кстати сказать, не перераспределения имущества, а перераспределения властных полномочий в хозяйстве. В июне 1987 г. был принят Закон СССР “О государственном предприятии (объединении)”. Никогда до того реформаторские попытки не шли столь далеко. Были узаконены такие формы, как полное хозяйственное ведение трудового коллектива. Трудовой коллектив мог становиться субъектом ведения государственной собственности, подбирать и назначать работодателя, иметь Совет трудового коллектива как орган хозяйственной власти на предприятии, образовывать относительно автономный хозрасчётный доход коллектива.

Запахло не только демократизацией, но и вовлечением простого трудового народа в процессы перестройки. Обозначился шаг к реализации теории реального хозрасчёта и возникновению **социалистического товаропроизводителя, социалистического рынка** на базе государственной собственности. Окрепили идеи аренды, подряда, бесплатной аренды государственной собственности.

Всего через два с половиной года правительство Рыжкова-Абалкина решительно откажется от этого направления действий, а сразу же после начала шоковых рыночных реформ Е.Гайдар злобно и публично обругает закон 1987 г. как самый вредный и самый опасный из всех советских законов. Ещё бы! Это был один-единственный закон, исходивший из варианта выхода из тоталитаризма не в капитализм, а в социализм!

Годы перестройки были наполнены экспериментами с кооперативами, семейными подрядами, индивидуальными лицензиями, совместными предприятиями и пр.

Велись эти эксперименты с разными формами собственности таким образом, что было видно: они не всерьёз и не надолго, а под краткосрочную специальную задачу. Ни банковского контроля, ни нормального бухгалтерского учёта не предусматривалось. Отмывались (легализовались) средства, образовавшиеся в советское время как теневой капитал реального сектора (через приписки, через связанность партаппарата КПСС и спекулятивной торговой корпорты). Сроку было дано два года. Именно 2 года Горбачёв называл, когда его спрашивали, почему все эти странные структуры действуют вне элементарно положенного контроля. “Мы, — говаривал он, глядя сквозь растопыренные пальцы, — решили смотреть не слишком строго и дать им года за два окрепнуть”.

СП — особая глава в эпопее легализации теневого капитала и перепрыгивания “денег партии”. О коммерческой же деятельности “комсомольского капитала”, занимавшегося бесконтрольной и бессовестной коммерческой деятельностью под покровительством Правительства Рыжкова, можно рассказать больше.

1989 год стал переломным. Обозначилась необходимость кардинальной реформы собственности. И связано это было напрямую с угрозами для прежней системы политической власти.

6. Идеи и практика номенклатурной приватизации (разделения общеноменклатурной собственности на частные групповые и индивидуальные состояния)

В 1989 г. избран и стал работать Съезд народных депутатов СССР. Он обнародовал (сделал общественно обозначенными) два коренных противоречия тоталитарной системы:

- монополию КПСС на власть в обществе и в хозяйстве;
- имперский характер Союза ССР.

Антагонизмы обозначились и стали делить общественную активность и направлять друг против друга

власти и сторонников демократизации. Возникли массовые забастовки и даже Всесоюзная забастовка шахтёров, выдвинувшая среди прочих требование отмены статьи 6 Конституции СССР. Съезд народных депутатов СССР всё труднее поддавался контролю со стороны ЦК КПСС.

Именно под воздействием этих факторов правящая КПСС отбросила, как более ненужную, демагогию о социализме, об общественной собственности, о социалистической демократии. Вопреки Конституции СССР Правительство после своего заседания 4 января 1990 г. провозгласило лозунг *“Приватизация и разгосударствление государственной собственности!”* как лозунг практической политики.

Стало быть, процессы приватизации начаты не Ельциным и не в 1993 г., а Горбачёвым с 1990 г. Установка на разгосударствление собственности и приватизацию была выработана правительством Рыжкова-Абалкина в январе 1990 г. и одобрена Горбачёвым и высшим политическим руководством КПСС.

Попытки сохранить власть номенклатуры в хозяйстве, используя при решении этой задачи находящуюся в её руках государственную власть, получили название **номенклатурной приватизации**. Задача номенклатурной приватизации состояла в распределении совместной корпоративной (то есть совместной частной) собственности между конкретными членами номенклатурной касты. В 1990-1991 гг. этот процесс осуществлялся практически. При номенклатурной приватизации право собственности как бы делегировалось узкому кругу должностных лиц, происходила коммерциализация деятельности госпредприятий, но так, что результат оказывался примерно таким же, как при приватизации. Правительство, которое традиционно в течение десятилетий блокировало попытки расширения хозяйственной самостоятельности предприятий, вдруг стало инициатором быстрой децентрализации хозяйственной власти.

*Из выступления Н.И.Рыжкова, председателя
Правительства СССР в мае 1990 года:*

"Многие функции, которые сегодня выполняют министерства и ведомства, будут последовательно передаваться вниз, на уровень предприятий, объединений, ассоциаций, концернов. Целый ряд других обязанностей смогут взять на себя специализированные хозрасчётные организации, фирмы и иные свойственные рынку структуры. Конкретные преобразования тоже проводить надо, но лишь тогда, когда условия для этого созреют. Да, собственно, процесс этот уже идет. В настоящее время в стране действуют 24 концерна, 17 межотраслевых государственных объединений, 346 ассоциаций и консорциумов, а всего в народном хозяйстве образовано около 600 подобных объединений. Поэтому задача не в том, чтобы ликвидировать те или иные органы управления, а в перестройке экономических отношений и соответствующем перераспределении функций в народном хозяйстве".

Из проекта "Программы действий Кабинета Министров СССР по выводу экономики из кризиса". Апрель 1991 г.:

"... Правительство СССР считает правильным исходить из того, что в сфере преобразований собственности главная задача состоит не в разделе её между Союзом, республиками и регионами, а в трансформации государственных предприятий путём их разгосударствления и приватизации в самостоятельных и экономически ответственных товаропроизводителей. ...

В каждой отрасли (подотрасли) образовать несколько конкурирующих между собой организационных структур нового типа. Создавать акционерные компании (корпорации) и специальные холдинговые компании — держатели акций. Проводить линию на последовательное уменьшение доли акций (паёв),

остающихся в собственности государства. В течение 1991-1992 годов на этой основе принципиально изменить функции и содержание работы отраслевых министерств... Сократить количество отраслевых министерств".

*Из выступления Б.Н.Ельцина 28 октября 1991 г.
на V Съезде народных депутатов РСФСР:*

"... Наряду с мерами макроэкономической стабилизации в ближайшее время начнётся форсированное развитие мощного частного сектора в российской экономике.

Мы недозволительно долго дискутировали о том, нужна ли нам частная собственность. Партийно-государственная элита тем временем активно занималась личной приватизацией. Масштабы, предприимчивость, лицемерие в этом просто поражают. Приватизация в России идёт давно, но дико, стихийно, нередко на криминальной основе. Сегодня нужно перехватить инициативу, и мы намерены это сделать".

7. Реальные участники приватизации и их мотивы

Оппозиция власти КПСС ("демократы") выступила не против приватизации, а против её номенклатурного сценария. "Демократам" не хотелось, чтобы собственником оставались те же самые, кто составлял номенклатурную касту. Тем самым "демократы" раскрылись. Они показали, что истинной их целью было не введение частной собственности, а возведение самих себя в частные собственники. Придя к власти, "демократы" не остановили номенклатурную приватизацию, а включились в неё, вовсю используя для этой цели свою только что завоеванную власть, то есть став "новой номенклатурой".

Старая и новая номенклатуры (касты) были двумя легитимными (то есть законно оформленными) реальными участниками приватизации. Имелся и третий участник —

теневой капитал. В годы ельцинских реформ он легализовался и преуспел. Теневой (фактически преступный) капитал обогатил старую "коммунистическую" и новую "демократическую" номенклатуры своими криминальными способами обогащения. В итоге процесс приватизации в современной России приобрел по преимуществу криминальный (преступный) характер.

8. Декларации и признания реформаторов относительно целей приватизации

Представляют интерес подлинные высказывания тех, кто затевал и осуществлял приватизацию в России. Часть из них — сделанные политическими руководителями — уже приведена. Есть смысл дополнить коллекцию высказываниями идеологов.

Уместно подчеркнуть, что в определении общего направления реформы собственности лидеры КПСС и сторонники Ельцина сходились с самого начала. И те, и другие хотели частной собственности. Точнее: и те, и другие намеревались стать частными собственниками. Всё остальное — идеологическое прикрытие этой цели.

Поиск эффективного собственника не ставился как задача практической политики. Если бы вопрос ставился так, то актуальным был бы свободный выбор и переВыбор формы собственности и формы организации производства. Вместо такого демократического подхода к реформе собственности была использована принудительная приватизация, исходящая из наперёд заданной установки: эффективным собственником может быть только частный собственник. Так кастовый (номенклатурный) и классовый (новой буржуазии) интересы одержали верх над интересами нации.

Воспроизведём фрагменты подлинных высказываний на тему о реформе собственности.

*Из программы "Переход к рынку (500 дней)".
Август 1990г.*

(Реальные авторы программы — Г.А. Явлинский, Е.Г. Ясин и др. Первые подписи — С.С. Шаталин, Н.Я. Петраков):

"Право человека на собственность... реализуется посредством разгосударствления и приватизации, передачи государственного имущества гражданам"⁵⁸. Именно в возвращении собственности народу проявится в первую очередь социальная ориентация экономики. Это не акт реванша, а восстановление социальной справедливости, форма закрепления права человека на его долю в национальном богатстве страны, уже накопленном, и в том, что будет создано в будущем. Приватизация, что следует подчеркнуть особо, — это и форма распределения ответственности за состояние и уровень развития общества между всеми его членами, которые пожелают на себя эту ответственность взять. Приватизация должна быть абсолютно добровольной и не напоминать коллективизацию наоборот.

Собственность в руках каждого — это гарантия стабильности общества, одно из важных условий предотвращения социальных и национальных потрясений. Человек, имеющий собственный дом и земельный участок, которые он всегда может передать или оставить своим детям, человек, владеющий акциями или иными финансовыми активами, объективно заинтересован в стабильности общества, социальном и национальном согласии. И наоборот, наш печальный опыт показывает, сколь опасным для общества, для его нормальной жизни и развития является человек, которому нечего терять.

Программа предоставляет равные шансы всем. ... Для того чтобы приватизация не превратилась в способ легального и чрезмерного обогаще-

⁵⁸ Вот заметьте: речь об имуществе, а не о власти в хозяйстве. Это примечательно и не случайно. Это идеология.

ния немногих, сама процедура должна обеспечивать участие в ней самых широких слоев: практически каждый, даже не имея первоначально значительного капитала, сможет при желании получить свою долю национального богатства. Равенство возможностей будет обеспечиваться разнообразием форм приватизации, что даст возможность либо взять имущество в аренду, либо выкупить его в кредит, либо приобрести на паевых началах и т.д.

Принципиально важным является то, что государство не может и не должно бесплатно раздавать своё имущество. Собственность необходимо заработать, ибо в даровое имущество человек плохо верит и мало ценит. Вместе с тем часть государственного имущества следует считать уже заработанной людьми, и оно может быть предоставлено им бесплатно или за символическую плату. Речь в первую очередь идёт о давно занимаемых квартирах с минимальным метражом на человека, о небольших садовых участках и многом другом".

Из доклада группы экспертов Международного валютного фонда, Международного банка реконструкции и развития, Организации экономического сотрудничества и развития и Европейского банка реконструкции и развития (конец 1990 г.)⁵⁹:

"...Конечная цель реформы собственности заключается в приватизации почти всех предприятий в СССР. ...

Быстрая приватизация не только ускорит получение выгод от частной собственности, но может также принести государству доход в то время, когда оно нуждается в сокращении бюджетного дефицита и ликвидации излишней денежной массы. ...

Мы поддерживаем идею быстрой приватизации мелких предприятий путём прямой продажи отдельным лицам, кооперативам и т.д. Имущество должно продаваться открыто через систему хорошо рекламируемых аукционов и как можно скорее... Приватизация более крупных предприятий, несомненно, займёт больше времени и может быть осуществлена в основном двумя путями. 1) Прямая продажа или сдача в аренду отдельных производственных участков, стадий производства или услуг. 2) Как альтернатива приватизация крупных предприятий может проходить в два этапа: первый — коммерциализация путём преобразования предприятий в акционерные общества, которые первоначально будут находиться в собственности государственных холдинговых компаний, созданных для этих целей; второй — через прямые продажи акций или через продажи акций совместных фондов.

... Предлагалось, чтобы преференциальный режим при покупке собственности и акций предоставлялся трудовым коллективам. Однако опыт управляемых рабочими предприятий в других странах оказался печальным. Рабочие, контролирующие свои предприятия, как правило, стремятся к получению в короткий срок максимального личного дохода, что ограничивает наём новых рабочих и со временем приводит к истощению активов предприятий. Исходя из сказанного, полагаем, что доля акций, представляемая собственным рабочим в преференциальном режиме, должна быть значительно меньшей контрольного пакета, и эти акции следует распределять скорее на индивидуальной, чем на коллективной основе. При этом рабочие должны пользоваться такими же правами собственности, как и другие держатели акций, включая право продавать свои акции (а также приобретать новые акции) на рынке".

⁵⁹ См. "Вопросы экономики", 1991, № 3

Сейчас интересно читать всё это и задаваться вопросом: что здесь демагогия и что важно по существу. Демагогия при осуществлении программ на практике отпадает. Но демагог вроде Явлинского или Гайдара начинает говорить, что его замыслы не осуществились (где добровольность? где гарантии стабильности? Где то, где сё?). Более откровенные и циничные (хотя где уж быть циничнее Гайдара?) признают, что замыслы реформаторов осуществились сполна. Когда Ясина назначили Министром экономики, угодливые интервьюеры спросили: есть ли шанс, что программа "500 дней" начнёт, наконец-то, осуществляться. Е.Ясин не без удовольствия и не без гордости ответил, что она уже полностью осуществлена. Журналисты не поинтересовались, где добровольность приватизации, где гарантии стабильности, где то, где сё.

Оценки итогов приватизации со стороны самих реформаторов и новых крупных частных собственников, совпадают с оценкой Е.Ясина. Так, А.Б.Чубайс в интервью газете "Известия" 6 декабря 1995 года сказал:

"... В целом линия, избранная четыре года назад, оказалась жизнеспособной ...

... Распределение собственности в России, как, впрочем, и в других странах, происходит пропорционально существованию властных элит.

... За моей позицией — столетия. Я уверен: и мы, и наши дети, и внуки будут жить в России с приватизированным производством, с частной собственностью, и они, может быть, вспомнят наши теперешние дискуссии о "грабеже народа"."

9. Оформление классово ориентированного научного сознания в современной России и проявление его в проблематике реформ собственности

Осознание путей сохранения хозяйственной власти, перехвата хозяйственной власти, сопротивления процессам экспроприации населения — всё это получило отражение в научных обобщениях, анализе и предвидениях. Всё

более обозначающаяся противоречивость интересов разных социальных групп породила оформление классово ориентированных научных течений и исследований.

Основных научных направлений классового типа в современной России три:

— отражающие интересы капитала (в том числе и в первую очередь международного);

— отражающие интересы тех, кто хотел бы восстановления прежних порядков;

— отражающие интересы трудящихся и эксплуатируемых.

Изложенные выше представления о реформе собственности отражают интересы эксплуататоров (как прежних, так и нынешних). Представления жаждущих возврата прежних порядков выражаются лозунгом *"восстановить!"*. При этом не представлен анализ существа существовавшей в СССР собственности. Она по-прежнему считается ими общенародной и социалистической. Контраргументация с порога отвергается как злопыхательская. В последние годы культивируется новый аргумент: из факта, что стало ещё хуже, чем прежде, пытаются выжать вывод, что было хорошо. Всё это выводит представления жаждущих восстановления прежних порядков за пределы научного сознания.

Система представлений защитников шоковых реформ в основе своей несамостоятельна, заимствована на Западе. Собственных сколь-нибудь заметных теоретических разработок нет.

Наука, пытающаяся обслуживать трудящихся и эксплуатируемых, напротив, выдвинула ряд оригинальных концепций, теорий и положений, в том числе и относительно проблематики собственности. Это прежде всего:

— развитие представлений о собственности как о власти в хозяйстве;

— теория демократической реформы собственности;

— раскрытие классового эксплуататорского характера собственности в СССР;

— дифференцированный анализ представлений трудящихся о процессах преобразований собственности в 90-е годы в России;

— обоснование сущности реформ собственности в 90-е годы как процесса первоначального накопления капитала;

— раскрытие вздорности представлений о том, что рынок и демократия обеспечиваются “критической массой частной собственности”;

и др.

Научные наработки лишь отчасти освоены начавшимся новым демократическим рабочим и профсоюзным движением.

10. Представления трудящихся о преобразованиях собственности (Начало). Представления согласных на роль наёмных и эксплуатируемых работников

Курс на капитализацию, форсированное осуществление которого началось в 1992 г., был поддержан не только теми, кто рассчитывал стать легальными частными собственниками, свободными самостоятельными предпринимателями, бизнесменами. Он был также принят и активно поддержан значительной частью рабочих и подавляющей частью производственной, научной и творческой интеллигенции, которые поверили, что развитие капитализма разрешит все острые социальные проблемы. Эта часть населения видела Россию по окончании короткого, как было обещано правительством, периода перехода к рынку развитой капиталистической страной европейского или североамериканского типа, а себя — в роли людей наёмного высокооплачиваемого труда.

Парадоксально, что задача быстрого создания класса так называемых “эффективных”, “цивилизованных” частных собственников-капиталистов была воспринята как отвечающая интересам трудящихся, как

одна из наиболее актуальных задач для рабочего (!) движения.

Наиболее отчетливо такая постановка звучала из уст инициаторов создания и активных деятелей новых профсоюзов. Надо “сначала создать собственника” — этот тезис появился в новом профсоюзном (и в первую очередь в шахтёрском) движении с момента его возникновения и фигурирует в различных словесных модификациях до сих пор. Под собственниками подразумевались частные хозяева, которые (так сказать, по определению) заинтересованы в развитии производства, наладят производство, поднимут его эффективность, создадут тем самым необходимые предпосылки для роста благосостояния трудящихся, будут платить наёмным работникам хорошую зарплату и позаботятся к тому же о защите гражданских прав и свобод трудящихся, ибо, как представлялось, капиталистическим предпринимателям демократия нужна позарез.

Само собою понятно, что такая позиция имеет оборотной своей стороной убеждённость, что сами трудящиеся справиться с управлением производством никогда не смогут. Вопрос о том, что ведь и собственники сами не могут справиться с управлением, что работники могли бы нанимать профессионалов-управляющих не хуже частных собственников, — такой вопрос не рассматривается как актуальный.

Ориентировка на появление цивилизованных частных собственников-предпринимателей тесно связана в идейной платформе претендентов⁶⁰ на роль наёмных экс-

⁶⁰ *Претендентский тип массового сознания – признак переходной эпохи. Именно поэтому может показаться спорным наша квалификация нынешнего сознания рабочих как претендентского. Требуются исследования, которые выяснили бы, остаются ли у нынешних наёмных работников надежды на достойную работу и достойный заработок. Возможно, что за годы экономического геноцида трудовая масса деградировала настолько, что смирилась со своим недостойно низким заработком и жалким общест-*

плуатируемых работников с задачей становления отношений социального партнёрства между работниками и работодателями *(об этом специально – в разделе “Фрагмент второй”, пункт 2).*

Типичными для социальной группы претендентов на роль эксплуатируемых наёмных работников являлись такие принципы и тактика, которые наблюдались у Независимого профсоюза горняков России (НПГР).

Восприятие задачи формирования цивилизованных частных собственников как актуальной для российских трудящихся характерно и для многих активных деятелей старых профсоюзов. Нередко приходилось ещё до распада СССР слышать и от рядовых членов, и от функционеров не только новых, но и старых профсоюзов, что рабочие живут скверно из-за отсутствия "настоящих" (то есть частных) хозяев, из-за того, что собственность якобы "ничейная". Подобного типа взгляды на прошлое распространены и сейчас.

Одна из изначально провозглашенных идей в области реформирования экономических отношений состояла в том, чтобы создать условия для возникновения разнообразных форм собственности и хозяйствования, обеспечить, как говорили, "плюрализм форм собственности". Положения, направленные на такой плюрализм, можно было найти ещё до начала "шоковых" реформ и в платформах организаций, заявлявших вообще-то о себе как о выразителях интересов тех работников, социальные претензии которых ограничиваются более выгодной продажей своей рабочей силы. К числу подобных положений относится требование использовать процедуры, которые позволили бы трудовым коллективам самим (добровольно) выбирать новую форму собственности и хозяйствования. Считалось, что на этой основе можно будет реализовать стремление части трудящихся к статусу сохозяев пред-

венным положением, что характерно для широких масс в колониальных странах.

приятий, к реальной причастности к управлению предприятиями. В качестве примера приведём выдержку из одного из документов, принятых в ноябре 1991 г. на Учредительном съезде Независимого профсоюза горняков России:

"Основной своей задачей НПГР выдвигает отстаивание социально-экономических интересов наёмных работников, считая, что большинство предприятий горной промышленности останется в государственной собственности. Но так как переход к рыночным отношениям предполагает изменение форм собственности и хозяйствования на отдельных предприятиях, а проводимое разгосударствление и приватизация идут в интересах старой и новой номенклатуры, НПГР будет настаивать на том, чтобы эти изменения проводились при участии трудового коллектива. Необходимо, чтобы в ходе проведения этих реформ трудящиеся имели реальную возможность добровольного и сознательного выбора. На первом этапе таких реформ необходимо добиться возможности взять государственные предприятия в полное хозяйственное ведение трудовых коллективов с делегированием им прав найма администрации и самостоятельного распределения доходов. Дальнейшие изменения форм собственности производить только на основании решения трудового коллектива".

Право трудового коллектива взять государственное предприятие в своё управление (хозяйственное ведение), стать, следовательно, представителем государства на предприятии, как известно, не было гарантировано (хотя такая возможность допускалась утратившим с 1 января 1995 г. силу Законом РСФСР от 25 декабря 1990 г. "О предприятиях и предпринимательской деятельности"). В настоящее время согласные на роль наёмных у новых собственников, а также те, кто осознал иллюзорность своих надежд на реальное участие в управлении предприятием по праву владельцев акций, находятся на пороге освоения новых представлений и требований (и понемногу

начинают их осваивать). Мы имеем в виду представления и требования о том, что наёмные работники должны иметь возможность реально участвовать в управлении предприятием по принципу "один работник - один голос", то есть независимо от организационно-правовой формы предприятия, а также независимо от того, имеют ли работники долю в собственности (имуществе) предприятия, от величины этой доли (числа акций и пр.). Усилия немногочисленных учёных, пропагандирующих зарубежный опыт в этой области, пока не находят должного отклика ни у законодателей, ни у трудящихся.

11. Представления трудящихся о преобразованиях собственности (Окончание). Представления претендующих на роль трудящихся-сохозяев (совладельцев) предприятий

Для переходного социального слоя, который мы обозначаем как "желающие стать трудящимися-сохозяевами (совладельцами)", накануне и в первые годы шоковых реформ были характерны более или менее последовательные требования, предполагающие отказ от принудительных методов реформирования собственности, от принудительной приватизации. Принудительной приватизации противопоставлялись такие взгляды и требования, как добровольность (для трудящихся) выбора новой формы собственности; возникновение на этой основе (а не по указке сверху) новых многообразных её форм; передача государственных предприятий в управление (хозяйственное ведение) трудовых коллективов. Их распространение стимулировалось тем, что администрация государственных и приватизированных предприятий активно осваивала классические для капитализма (жёсткие) методы обращения с работниками, а также возрастанием угрозы массовых увольнений работников, банкротств предприятий.

Ключевая идея, которую разделяют все, кто претендует на роль трудящихся-сохозяев предприятий, — убеждение в том, что власть на производстве должна

принадлежать трудящимся, трудовым коллективам. В требованиях, выражающих такое стремление, содержатся основные моменты **концепции демократической реформы собственности**. Эти требования сформировались в рамках движения за сохранение зачатков и развитие производственной демократии. Впервые более или менее чёткая схема такой реформы была выдвинута ещё в конце 1990 г. Союдами трудовых коллективов, а к концу 1991 г. была поддержана самыми разными организациями рабочего и профсоюзного движения. Схема состояла в том, чтобы передать государственные предприятия в управление (полное хозяйственное ведение, по терминологии тогдашних законов) трудовых коллективов, а затем обеспечить дальнейшее преобразование форм собственности на добровольной для трудящихся основе, а не при помощи навязывания им той или иной новой формы.

Центральным моментом концепции такой демократической (точнее, буржуазно-демократической) реформы собственности является именно **добровольность** выбора каждым коллективом подходящей ему новой формы собственности и хозяйствования (государственной или негосударственной, коллективно-долевой или коллективно-неделимой, частной с акционированием или какой-либо другой). Сторонники такой реформы были убеждены, что в результате её осуществления возникли бы новые разнообразные формы собственности и хозяйствования как социализированного, так и капиталистического типа. Это был бы путь к эффективной конкурентной (рыночной) экономике и к социальной стабилизации в России. При условии общей демократической обстановки в стране соперничество разных хозяйственных форм привело бы в дальнейшем к утверждению в качестве основного, доминирующего такого из укладов, который окажется наиболее эффективным в социальном и экономическом плане.

Простая логика буржуазно-демократической реформы собственности, отвечающая конкретно-историческим особенностям России (в частности, тому, что трудящиеся привыкли относиться к государственному имуществу

ву как общенародному достоянию), была неприемлема ни для прежней хозяйственной номенклатуры, желающей стать легитимными частными собственниками "своих" предприятий, ни для старых и новых владельцев крупных состояний, желающих свободной распродажи государственного имущества. А депутатский корпус периода начала "шоковых" реформ по большей части выражал и отстаивал интересы именно этих субъектов переходной социальной структуры.

Малая результативность движения, выражающего интересы претендентов на роль трудящихся-сохозяев предприятий, была обусловлена ставкой его формальных лидеров на то, чтобы "пробить" свои предложения в коридорах власти, а не на организацию широкой поддержки своей позиции в трудовых коллективах. Другая причина слабости движения, а также его постоянных расколов — отсутствие единства по ряду важных вопросов стратегии и тактики движения.

С самого начала не было единства по вопросу о том, должен или не должен применяться выкуп при переходе предприятий в собственность занятых на них работников. В схеме последовательно демократической реформы собственности эта проблема решалась бы без труда. Переход предприятий в управление трудовых коллективов (при сохранении предприятиями статуса государственных) дал бы трудящимся широчайшие права. Данная форма скорее всего стала бы устойчивой в силу её выгоды и коллективам, и обществу. Именно поэтому применение выкупа предприятий в коллективную собственность работников (причём без принуждения к смене государственной формы на коллективную, а исключительно по желанию самих трудовых коллективов) было бы экономически оправданным и социально справедливым. При этом выкуп следовало осуществлять по рыночной цене, для формирования которой необходимо было отложить возможность приватизации государственных предприятий на несколько лет.

Однако начавшийся фактический захват предприятий номенклатурой и разбогатевшими дельцами постоян-

но подпитывал идею бесплатной передачи предприятий в собственность коллективов. Вместо последовательного отстаивания принципов демократической реформы собственности усилия активистов движения постепенно сконцентрировались на борьбе за то, чтобы коллективы получили бесплатно хотя бы долю в собственности, за размер этой доли, за льготы при выкупе, а также за предоставление особых, более выгодных схем приватизации для своих конкретных коллективов.

Такая "хвостистская" тактика, если оценивать её по большому счёту, привела к поражению движения. Правящие реформаторы сделали некоторые уступки, "идя навстречу пожеланиям трудящихся" (возможность бесплатного получения работниками части акций без права голоса или же приобретения работниками 51% акций по номинальной стоимости). Но эти уступки, создав видимость свободного выбора, на самом деле разъединили коллективы, создали на деле препятствия на пути к реальному участию работников в управлении приватизированными предприятиями. Для этого сначала была сознательно заблокирована возможность передачи акций работникам в форме единого контрольного пакета. Затем администрация предприятий стала умело добивается того, чтобы разъединённые акционированием работники передавали свои голоса ей, присоединяясь к создаваемым ею трастам.

Приходится констатировать, что часть рабочих, причастных к движению за производственную демократию, упорно настаивая на немедленной бесплатной передаче предприятий в собственность трудовых коллективов (а не на бесплатной их передаче в управление коллективов) сыграла тем самым как нельзя лучше на руку принципиальным противникам коллективных форм собственности и демократизации управления в государственном секторе. Несправедливость раздела производственного имущества путём прямой бесплатной передачи государственных предприятий в собственность тех, кто на них в данный момент работал, была легко доказуема, чем и воспользо-

лись в полной мере идеологи форсированной приватизации для осуществления недемократической реформы собственности.

Движение за власть и собственность трудящихся в хозяйстве переживает сейчас кризис. Соответствующие представления отошли на периферию общественного сознания и возрождаются по большей части в уродливой форме в конфликтах, связанных с переделом собственности и сменой персонажей в директорских креслах. Итоги отдельных попыток “захвата” предприятий работниками (например, история борьбы работников Выборгского целлюлозно-бумажного комбината) лишний раз свидетельствуют о том, что без государственной поддержки становление и нормальное функционирование коллективной формы собственности и производственной демократии в капиталистической экономике не имеют никаких реальных перспектив.

12. Новая загадка собственности для российских либералов: сущность не является, имущество “не работает”

Реформы, начатые с января 1992 года, были в основном завершены в течение 1995 года. С тех пор из правительства то и дело слышались утверждения, что пора переходить к новому этапу (или циклу) реформ. О содержательных задачах говорилось неопределённо. Но новое определялось чётко: от инфляционного этапа переходим к инвестиционному.

Президент и Правительство ожидали, что собственность “заработает”. Они полагали, что раздача государственного имущества и отрезанного от доходов трудящихся образует частную собственность. Они стали жертвой того же заблуждения, что и “несчастный господин Пил”, о котором К.Маркс упоминает в “Капитале”. Этот самый господин, как и наши реформаторы, не понимал, “что обладание деньгами, жизненными средствами, машинами и другими средствами производства ещё не делает чело-

века капиталистом”, “что капитал не вещь, а общественное отношение, опосредованное вещами”. У г.Пила имущество не заработало. И у наших реформаторов не заработало. И, похоже, они никак не поймут, почему. И подсказать некому. Потому что “учёные” при наших реформаторах читают не те книги, в которых это объясняется.

Фрагмент второй. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РАБОТНИКАМИ И РАБОТОДАТЕЛЯМИ

В пределах современной переходной эпохи в России в идейной и практической борьбе по поводу характера отношений между работниками и работодателями (сердцевины социально-трудовых отношений) правомерно выделить три разных периода. Они отличаются друг от друга как по основному содержанию представлений и требований, так и по главным противоборствующим социальным силам.

1. Реформа тоталитарных взаимоотношений между работниками и работодателями: общественное восприятие в период предреволюционной и революционной ситуации (1987-1991 гг.)

В этот период идейная и практическая борьба по поводу преобразования тоталитарных отношений между работниками и работодателями не выделялась как самостоятельный фронт борьбы. Она была включена в общедемократическую борьбу против всевластия тоталитарного государства, произвола номенклатурной (и особенно номенклатурно-партийной) администрации. Сама формула “*работник — работодатель*” приобрела актуальность позже, а в пределах первого периода стороны социально-трудовых отношений обозначались по преимуществу в таких понятиях, как “*трудящиеся — государство*”, “*рабочие — администрация*”, “*трудовой коллектив — директор*” и т.п.

Расхождения по вопросу об облике демократии и свободы в социально-трудовой сфере воспринимались в первые годы политической активизации как досадный фактор, мешающий консолидации демократических сил, и до поры до времени находились как бы на заднем плане в общественном сознании.

В то же время с самого начала общедемократической борьбы состав конкретных представлений и конкретных требований, касающихся перемен в отношениях между *трудящимися* (рабочими, трудовым коллективом, рядовыми работниками) и *государством*, между *трудящимися* и *администрацией предприятий*, был более или менее последовательной проекцией на социально-трудовую сферу существенно разных течений в концептуальном сознании. Эти течения в свою очередь выражали позиции и интересы разных социальных сил, противоположность которых полностью проявилась позже, в период революционно-шоковых реформ новой власти.

Одно из этих течений выражало позиции и интересы претендентов на роль частных собственников-капиталистов, капиталистических предпринимателей. Существенно важным фактором, повлиявшим в дальнейшем на характер преобразований в социально-трудовой сфере (и в целом — на исторический выбор России в пользу капиталистического общественного строя), была позиция значительной части зарождающегося нового профсоюзного движения. Это была “внесённая” в движение силами, в общем-то горстки, отечественных учёных либерально-западной ориентации идея о необходимости “приобщения страны к цивилизованному западному миру” (идея эта была и остаётся до сих пор “руководящей” в отечественном либерализме). Уровень социальных претензий трудящихся, соответствующий этой социальной ориентации, выражается формулой: “Пусть эксплуатируют, лишь бы хорошо платили”.

Второе течение выражало позиции и интересы претендентов на роль трудящихся-сохозяев (совладельцев) предприятий. С переходом государственных пред-

приятий в коллективную собственность работников (в той или иной конкретной её форме) связывалась возможность преодолеть отчуждение трудящихся от управления предприятиями, от результатов производства и исключить эксплуатацию из жизни общества, если коллективная собственность станет господствующим хозяйственным укладом. Взаимоотношения между работниками и работодателями представлялись как выполнение функций работодателя администрацией, работающей по поручению и под контролем трудового коллектива.

Сторонники самоуправления трудящихся на основе коллективной собственности грешили по меньшей мере недооценкой политических предпосылок такого коренного общественного преобразования, как преодоление эксплуататорских отношений. Недооценкой таких предпосылок, как изменение типа государства, характера политической власти в обществе, государственная поддержка становления и функционирования социализированных и, тем более, неэксплуататорских отношений в коллективном секторе.

В качестве опоры отечественным сторонникам самоуправления на базе коллективной собственности служила довольно-таки скудная, из вторых рук и подчас весьма искажённая информация (искажённая и в сторону идеализации, и в сторону дискредитации — в зависимости от позиции информатора) о зарубежном опыте возникновения и функционирования предприятий с собственностью работников (в частности, американской системы ЭСОП, кооперативной корпорации в г. Мондрагоне на севере Испании)⁶¹.

Третье течение стояло на позициях демократической реформы собственности (*о сути её сказано выше — см. “Фрагмент первый”, пункт 11*). Такая реформа откры-

⁶¹ В 1995 г. мне удалось самой побывать в Мондрагоне и убедиться в том, что отчуждение рядовых работников от управления, эксплуатация — это проблемы, которые в кооперативах Мондрагона далеко не закрыты, не решены.

ла бы путь к появлению действительного многообразия форм собственности. Она повысила бы до высокой степени вероятности возможность осуществления такого варианта будущего, в котором эксплуатация была бы устранена как массовое устойчивое явление, формирующее социальную структуру общества. Это был бы кардинально новый (для человечества, а не только для России) тип социально-трудовых отношений, в том числе отношений между социальными фигурами работника и работодателя.

Представления, относящиеся ко второму и третьему течениям, — о развитии производственной демократии в формах привлечения к управлению трудящихся, рабочих, расширения прав трудовых коллективов, выборности руководителей, заключения контрактов между трудовым коллективом и нанимаемой им администрацией и т.п. — все эти представления и их весьма немногочисленные последовательные сторонники в научных и политических кругах не нашли ни в 1987-1989 гг., ни позже опоры в устойчивых массовых движениях. Более того. И в новом профсоюзном движении, и в руководстве старых профсоюзов преобладало настороженное отношение к идеям производственной демократии и, особенно, к идее коллективной собственности. Такое отношение проистекало, с одной стороны, из опасений, что фактически от имени трудового коллектива будет выступать прежняя администрация с её «менталитетом» командования, произвола и т.п. С другой стороны, оно проистекало из опасений, что профсоюзы как представители интересов работников перед работодателем станут вообще не нужны, если предприятия перейдут в собственность или в управление трудовых коллективов. Этот второй аргумент был решающим среди тех, что противодействовали формированию единых позиций профсоюзов и сторонников производственной демократии в вопросах реформирования социально-трудовых отношений. Существенную, если не главную роль в том, что профсоюзы занимали позицию *против* производственной демократии, сыграли отечественные учёные и

политики либерально-западной ориентации. Они, безусловно, *сознательно старались замолчать или исказить зарубежный опыт*, свидетельствующий о необходимости механизмов профсоюзной (по функциям) защиты работников при любых формах собственности.

Реальные попытки демократизации производства были выхолащены, а новые формы приспособлены к нуждам всё ещё прочной старой системы. События в стране разворачивались по сценарию общедемократической революции, главными направлениями которой были борьба республик с имперским центром и борьба с монополией номенклатуры КПСС на власть.

В этих условиях проблемы типа: как изменить собственно трудовые отношения, как защитить трудовые права, чем заменить казарменную организацию труда и пр., хотя и обсуждались в профсоюзных кругах, на научных конференциях и в специальной литературе, но в целом были на периферии общественного внимания. Они переместились ближе к центру общественного внимания лишь с началом шахтёрских забастовок в середине 1989 г. и выдвинулись на передний план в 1990 г. в связи с разработкой и попытками осуществления программ перехода к рынку.

И тут обнаружилось, что демократическое политическое движение, основной костяк которого составляла в 1987-1989 гг. разночинная интеллигенция и которое развивалось, мало пересекаясь с рабочим движением и в отрыве от реальных проблем жизнедеятельности трудовых коллективов, породило и несёт в себе ценности и установки, ориентированные на лишение трудящихся перспектив на власть в обществе и в хозяйстве. Проблему «*чем заменить казарменную форму организации труда?*» большинство участников демократического движения решило для себя в пользу предпринимательства, основанного на капиталистической (причём, на индивидуальной и групповой, а не государственной) собственности и применении наёмного труда. При этом эксплуатация наёмного труда частным собственником-капиталистом либо вообще отри-

цалась, либо воспринималась как “естественная”, “вечная”, в принципе неустраняемая. Состав и либеральных, и социал-демократических представлений о взаимоотношениях труда и капитала был “внесён” в российское общественное сознание (в том числе в научное сознание) в своих наиболее примитивных или же в наиболее циничных формах.

Прежние, казалось бы, несущественные расхождения переросли в идеологическое размежевание. Поначалу все вроде бы говорили о необходимости ликвидировать отчуждение трудящихся от собственности, от результатов труда. Но постепенно выяснилось, что демократия применительно к хозяйству, производству, труду – понятие с разными смыслами для людей, ориентированных на интересы и устремления разных социальных групп, разных каст и сословий разлагающейся тоталитарной системы. Доминирующей установкой в демократически ориентированной части научного и политического общественного сознания была установка на отказ от “коммунистической утопии”, якобы доказавшей свою антигуманную суть при попытках её реализации в СССР, на необходимость перенесения на отечественную почву ценностей и социальных механизмов западной демократии как единственно возможного антипода казарменному строю, сложившемуся в СССР.

Эта установка сформировала основные черты того типа научного и политического сознания, который преобладал к моменту августовского (1991 г.) политического переворота:

а) восприятие взаимоотношений между трудом и капиталом, сложившихся в период “золотого тридцатилетия” в нескольких развитых странах Западной Европы, как нормальных, обычных для любой капиталистической страны;

б) сознательное или же неосознанное игнорирование реальных трудностей, проблем, противоречий, стоящих на пути реализации такой “цивилизованной” модели вообще и в России, в частности;

в) вульгаризированные (упрощённые) представления о содержании и путях становления отношений социального партнёрства между работниками и работодателями в капиталистическом обществе;

г) сознательное отторжение, замалчивание, искажение (в лучшем случае – игнорирование в силу малознания) зарубежного опыта участия трудящихся в собственности, прибыли и управлении предприятиями – не только европейского опыта, но и опыта США, Японии.

В условиях такого состояния общественного сознания новая российская власть без сколько-нибудь существенного сопротивления трудящихся за короткий срок (буквально за несколько месяцев в течение 1992 г.) изменила ситуацию таким образом, что проблема формирования новых взаимоотношений между работниками и работодателями приобрела принципиально иной, по сравнению с прежним, смысл.

2. Отношения между работниками и работодателями: общественное восприятие в период шоковых реформ и закрепления их социальных итогов (1992-1999 гг.)

С формальной точки зрения начало второго периода – выход в свет Указа Президента РСФСР Б.Ельцина № 212 от 15 ноября 1991 г. “О социальном партнёрстве и разрешении трудовых споров (конфликтов)”. Последовавшие затем (в 1992 г. и позже) указы, законы, а также организационные нововведения (создание Российской трёхсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений и др.) создали вполне приличную институциональную основу для развития взаимоотношений между наёмными работниками и работодателями по типу отношений социального партнёрства. Эта база была сформирована реформаторами в предположении, что намеченная форсированная приватизация и последствия так называемой “либерализации” цен вызовут не только недо-

вольство, но и сопротивление трудящихся и что использование испытанных в Европе механизмов социального партнёрства поможет смягчить противоречия, предупредить социальные конфликты.

Идея развития социального партнёрства, *целиком заимствованная с Запада*, причудливым образом соединялась в умах либерал-реформаторов с замыслами обеспечить первоначальное накопление капитала в первую очередь и в основном за счёт трудящихся в обстановке фактического введения моратория на правопорядок. Чего здесь было больше — *сознательной демагогии, сознательной вульгаризации или же некомпетентности* — это теперь не так уж важно. Важно, что общественное сознание несколько лет билось над разрешением одной и той же проблемы — *есть в России социальное партнёрство или его в России нет, созданы или не созданы в России необходимые условия для социально-партнёрских отношений между наёмными работниками и работодателями.*

Идеологи социального партнёрства для России, выступавшие от имени науки и (в профсоюзах) от имени трудящихся заявляли или же действительно считали, что новые частные хозяева, капиталистические предприниматели станут ответственными социальными партнёрами наёмных работников, с которыми работники смогут вступать в договорные отношения, соответствующие “нормальной” рыночной экономике. Отмечалось, что государственные органы не являются такими ответственными партнёрами, что они не выполняют в должной мере функции стороны, которая, представляя интересы собственника, принимает на себя обязательства перед работниками и отвечает по этим обязательствам.

За образец социального партнёрства принимались социально-трудовые отношения, сложившиеся в ряде развитых капиталистических стран (ФРГ, Швеция и др.), в которых реализована модель буржуазной политической демократии и капиталистического социального рыночного хозяйства. При этом упускалось (и сейчас по большей части упускается) из виду, что достаточно высокая степень социальной защи-

щённости трудящихся в этих странах и обеспечивающие её механизмы взаимодействия работников, работодателей и государства вовсе не являются автоматическим, так сказать, “естественным” (закономерным) следствием частнокапиталистической собственности, капиталистического предпринимательства, капиталистического рынка. Напротив, они сложились в этой части мира в результате стечения ряда специфических конкретно-исторических обстоятельств, в том числе и прежде всего в результате длительной борьбы рабочего и профсоюзного движения. Не принимались во внимание предупреждения учёных и политиков народно-демократической ориентации о том, что далеко не во всех странах “цивилизованные” капиталисты являются обычной социальной фигурой, а партнёрские отношения между эксплуататорами и эксплуатируемыми есть скорее исключение, чем правило для современного мира.

Восприятие идей социального партнёрства российским общественным сознанием как заведомо пригодных для России — один из наиболее ярких примеров *некритического отношения* к чужому опыту. Но это верно только для тех случаев, когда ратующий за социальное партнёрство в России действительно не способен осознать несовместимость социального партнёрства с условиями шоковых реформ и дрейфом России в сторону периферийно-колониального капитализма с криминальным уклоном.

Довольно широко распространены представления о том, что социальное партнёрство в России уже складывается, что появились существенные элементы социального партнёрства. Приводятся аргументы: работает Российская трёхсторонняя комиссия, заключаются Генеральное и другие соглашения, коллективные договоры на предприятиях, во многих субъектах Федерации приняты законы о социальном партнёрстве, не хватает для полной картины закона об объединениях работодателей и ещё кое-каких малостей. Такие аргументы — от формального подхода к делу, а не от осмысления ситуации по существу.

История не знает и, видимо, не даст примеров социального партнёрства в условиях, подобных современ-

ной переходной эпохе в России. Эти условия — хищническое и криминальное по преимуществу первоначальное накопление капитала; разрушение производства в ходе реформ (“деиндустриализация”); плохо работающий, мало эффективный реальный сектор экономики; теневой капитал и теневое производство, сравнимые по масштабам с работающими в законном поле; рост открытой и скрытой безработицы, слабость рабочего и профсоюзного движения, а в целом — процесс социальной деградации страны и её населения.

Если же несовместимость отношений социального партнёрства с российскими современными условиями осознана, то тогда призывы к социальному партнёрству и разговоры о появлении “элементов” социального партнёрства являются откровенной демагогией, проистекающей из вполне определённой социально-политической позиции.

Социальное партнёрство — это, с одной стороны, *способ защиты капиталистического класса* от напора профсоюзного и политического движений наёмных трудящихся в условиях относительного равновесия социальных сил. Такое равновесие имеет место лишь при мощном, организованном, солидарном движении трудящихся. С другой стороны, в условиях сильного стабильного капитализма социальное партнёрство *позволяет трудящимся добиваться устойчивых социальных гарантий* ценой отказа от стратегии коренного переустройства общества на неэксплуататорских началах.

Взаимоприемлемые *временные компромиссы*, составляющие суть классовых взаимоотношений в буржуазно-демократическом социальном государстве, предполагают **равносилность взаимодействующих классов** — наёмных эксплуатируемых трудящихся и частных собственников. В противном случае институты социального партнёрства приобретают декларативный, формальный характер, что, собственно, и имеет место в России.

Социальное партнёрство требует совершенно иной позиции, иной политики государства и иного, как теперь

говорят, “менталитета” работодателей. У нас же трудящихся призывают “войти в положение” администрации или правительства, вынуждают наёмных работников во имя якобы спасения предприятий и страны поступаться самыми элементарными социально-трудовыми правами вплоть до права получать заработную плату, не говоря уже о праве на достойную оплату труда. Трудящиеся пока ещё не способны организовать действенное реальное сопротивление, “надавить” на работодателей, правительство и законодательную власть с тем, чтобы принудить их к социальному партнёрству не на словах, а на деле.

Критически оценивая идеологию и зарубежную практику социального партнёрства с точки зрения её перспектив в России, нельзя упускать из виду новейшие тенденции трансформации социально-трудовых отношений в связи с глобализацией капитализма. В России эти тенденции проявились весьма отчётливо с самого начала “шоковых” реформ, которые (вместе с их современными продолжениями) правомерно квалифицировать как *глобализационные реформы*.

Глобализация разрушает обособленность национальных рынков труда и национальных систем социальной защиты населения, создаёт всемирное пространство конкуренции за рабочие места, уровень оплаты труда, социальные гарантии, экологическую безопасность. Социально-трудовые отношения трансформируются в сторону расширения пространства эксплуатации, усиления эксплуатации, обновления и ужесточения её форм. Всё большая часть человечества (по прогнозам — до 80% в конечном счёте) оттесняется от участия в формировании средств и условий общественного развития, от их использования для прогресса созидательной деятельности — “исключается” из общества. “Исключённые” из общества вытесняются, выбрасываются в *социальную резервацию* с суррогатными, стандартизированными, человекоподобными формами жизнедеятельности, имитирующими интеллектуально-творческую, социально-политическую и даже сексуальную активность.

Не социальное партнёрство с международным капиталом-монополистом, задающим такой антигуманный вектор общественного развития, а *солидарность* трудящихся, причём и солидарность работающих с теми, кто "исключается" из общества, должна стать на деле, а не на словах постоянным принципом, законом рабочего и профсоюзного движения. Не может быть удовлетворительного решения проблемы гуманизации целей и способов жизнедеятельности мирового сообщества, если вместо совместной согласованной (в масштабах планеты) борьбы угнетённых и эксплуатируемых те, кому удастся не потерять работу, будут "партнёрствовать" со своими работодателями, не заботясь о своих братьях по классу, работающих в худших условиях или же навсегда лишившихся работы и перспектив достойного существования.

По ходу реформ постановка проблемы появления "цивилизованных" собственников и проблемы развития новых социально-трудовых отношений видоизменялась, поскольку реформы не только не сформировали новых "цивилизованных" собственников, но даже не вносили полную ясность в вопросы о том, кто является реальным собственником, как отличить собственника от работодателя, от кого требовать партнёрских взаимоотношений. Приведу краткий (обобщенный) перечень конкретных социальных проблем и требований, которые в период проведения шоковых реформ и закрепления их итогов были осознаны как актуальные претендентами на роль наёмных работников у частных собственников-капиталистов или капиталистического государства.

1. Создание действенных правоохранительных механизмов для преодоления массовых нарушений социальных и трудовых прав трудящихся и профсоюзов и прежде всего — для преодоления массовых нарушений элементарного права на регулярное и своевременное получение заработной платы, превращающих труд по сути в принудительный и полубесплатный.

2. Пресечение наблюдающейся в деятельности правительства и законодателей явной тенденции к принятию антирабочих и антипрофсоюзных правовых норм. Совершенствование нормативно-юридической базы социально-трудовых отношений с учётом необходимости сохранения благоприятных для работников прежних правовых норм (прежде всего - сохранения благоприятных для работников норм КЗОТ), а также с соблюдением как минимум международных норм, определяющих трудовые права и права профсоюзов.

3. Повышение реальной ответственности собственников, работодателей, государственных органов за нарушение законных прав и интересов работников и профсоюзов, за невыполнение обязательств, зафиксированных в соглашениях и коллективных договорах.

4. Структурная перестройка экономики на условиях и способами, предотвращающими массовую устойчивую безработицу.

5. Повышение гарантированной государством минимальной оплаты труда, пенсий, пособий, стипендий до уровня минимального потребительского бюджета (в более мягком варианте — до уровня прожиточного минимума) — с учётом роста реальной стоимости жизни, замещения системы бесплатного предоставления социальных услуг населению платной системой, роста стоимости жилья и пр.; разумное сочетание платности и бесплатности социальных услуг.

6. Разработка и осуществление комплекса мер против ухудшения условий и охраны труда, в том числе повышение реальной ответственности собственников и администрации предприятий, всех должностных лиц за безопасные условия труда, нормальную работу систем жизнеобеспечения населения, экологическую безопасность.

7. Развитие (при поддержке государства) механизмов контроля за финансово-экономическим состоянием и деятельностью предприятий любых форм собственности со стороны работников, их представительных органов, профсоюзов, а также радикальное улучшение работы

правоохранительных органов для пресечения тенденции перехода предприятий под контроль мафиозных структур, для преодоления экономической преступности, коррупции, финансовых махинаций администрации и новых собственников.

8. Существенное облегчение для работников предварительных процедур, обеспечивающих законность организованных акций мирного протеста и давления при отстаивании своих прав и интересов, в том числе забастовок солидарности и забастовок с политическими требованиями.

Мера радикальности конкретных социально-экономических требований к работодателям (государству, частным собственникам, администрации предприятий) со стороны претендентов на роль наёмных эксплуатируемых работников вытекает из того, что претенденты на такую социальную роль не замахиваются на преодоление эксплуатации как на стратегическую цель рабочего класса и рабочего движения⁶². В главном и в целом взгляды и практическая борьба этой социальной группы предполагают внесение в российский капитализм элементов, обеспечивающих изменение направленности развития в сторону становления социальной рыночной экономики и правового демократического государства.

3. Социально-трудовые отношения: общественное восприятие в постельцинский период так называемой государственной модернизации (2000-2001 гг.). Вероятные ближайшие перемены в общественном сознании

Перемены в общественном восприятии проблемы взаимоотношений работников и работодателей по сравне-

⁶² Традиционный термин "рабочий класс" сегодня в контекстах, подобных нашему, целесообразно было бы видоизменить и говорить о "рабочническом классе", т.е. о более широком круге наёмных работников, чем собственно рабочие.

нию с предыдущей стадией переходной эпохи следует обсуждать в контексте обозначенных главой государства В.В.Путиным изменений в социально-экономическом курсе, в социальной политике и с учётом того, что к реализации этого курса (на уровне выработки программных и организационно-институциональных решений) правительство реально приступило.

Первое, в чём следовало бы в связи с этим разобратся, — а каковы, собственно, особенности заявленного курса, чем он отличается от прежней линии?

В научных и профсоюзных кругах в последнее время активно обсуждается вопрос о соответствии нового курса, программных правительственных решений конституционному определению России как социального государства. Констатируется и аргументируется несоответствие этого курса социальному государству. Это, без сомнения, правильная оценка. Невозможно противопоставить ей какие-либо серьёзные доказательства обратного. Но имеет ли смысл направлять пафос научно-критического анализа в первую очередь и в основном на то, чтобы доказывать, разъяснять очевидное? Тем более разъяснять это тем властным структурам, которые открыто настаивают на отказе от идеи реализации в России принципов социального государства.

В Посланиях Президента РФ Федеральному собранию РФ (2000 и 2001 гг.) нет ни слова о социальном государстве, о социально ориентированной экономике, когда речь идёт о стратегических установках государства. То же самое — в "Основных направлениях социально-экономической политики Правительства РФ на долгосрочную перспективу" (так называемой "программе Грефа"). Напротив, в этой программе политика модернизации ясно противопоставлена курсу на социальное государство и провозглашается политика, отвечающая созданию "субсидиарного" государства. Её суть — произвольное ограничение функций и ответственности государства в сфере формирования условий жизнедеятельности населения, произвольное установление приоритетов социальной политики.

Обоснованием необходимости такой политики служит расплывчатая и декларативная формула "ограниченных финансовых возможностей".

Именно поэтому бессмысленными выглядят "разоблачения" Президента и Правительства. Да, заявленный курс не соответствует социальному государству. Это не скрывается, не маскируется. Президент и Правительство совершенно сознательно взяли курс на произвольное сужение социальных гарантий (их круга, объёма, масштаба охвата населения), а не на формирование такой системы гарантий, необходимость и эффективность которой обосновывалась бы социальными критериями. При этом открыто признаётся, что не на общество, не на государство, а в первую очередь и в основном на собственные силы должен опираться человек, чтобы обеспечить устойчивость своего социально-экономического положения, улучшить его, защититься от социальных рисков. "Каждый сам в ответе за своё счастье или несчастье", — так обычно характеризуют суть этой модели социальной политики.

Тенденция к отказу от демагогической маскировки реальной социальной политики — новый момент по сравнению с предыдущим периодом. Шоковые реформы начались в России с Указов Президента о социальном партнёрстве. И затем в течение восьми лет разговорами о создании и совершенствовании системы социального партнёрства прикрывалась фактически противоположная практика. Критики ельцинских реформ потратили много сил на разъяснение, доказательство того, что в России нет условий для социального партнёрства, социального государства, социальной рыночной экономики.

Теперь, в связи с тенденцией к отказу Президента и Правительства от демагогической маскировки социальной политики, представляются вполне логичными такие перемены на институциональном уровне, как либерализация социального законодательства, в том числе и в первую очередь трудового законодательства. Вполне логично ожидать и попытки скорректировать Конституцию РФ в той части, где речь идёт о социальном государстве, под пред-

логом, что в противном случае реальная социальная политика будет отходить от норм действующей Конституции.

Последовательная линия президентско-правительственных структур на принятие Трудового кодекса, расходящегося с принципами социального государства, социального партнёрства, была очевидной⁶³. Эта линия полностью соответствует тем обязательствам по реформе рынка труда, которые были включены в "Меморандум Правительства РФ и Центрального Банка о политике экономической и финансовой стабилизации" от 16 июля 1998 г., подписанный С.Кириенко и С.Дубининым:

"... Ограничения в области расторжения трудовых соглашений препятствовали эффективной реструктуризации предприятий и распределению рабочей силы в экономике. До 1 ноября 1998 г. правительство внесёт новый проект КЗоТ, который приведёт законы о труде в соответствие с требованиями рыночной экономики. Кодекс установит реалистичный минимум социальных гарантий, повысит роль индивидуальных трудовых соглашений, включая более упрощённую процедуру расторжения индивидуальных трудовых соглашений (такую, как исключение необходимости согласования вопроса с профсоюзами и требований нахождения альтернативного трудоустройства), и расширит возможности для заключения срочных трудовых соглашений и договоров о совместительстве. В Кодексе будут содержаться также положения, позволяющие обеспечить ориентирование социального партнёрства на заключение и применение коллективных соглашений на уровне отдельных предприятий ..."⁶⁴.

⁶³ "Пережитком" демагогической маскировки выглядит включение в новый Трудовой кодекс (введённый в действие с 1 февраля 2002 г.) специального раздела под названием "Социальное партнёрство в сфере труда".

⁶⁴ См. газета "Солидарность", 1998, № 15. Газета сообщает, что в этом меморандуме "описывается политика,

"Старый КЗоТ не соответствует требованиям рыночной экономики" — этот аргумент выдвигался в качестве главного в пользу правительственного проекта. При этом сторонники правительственного проекта уходили от серьёзного обсуждения вопроса о том, соответствует ли этот проект принципам *социальной рыночной экономики*.

Суть противоположной позиции, которая выкристаллизовалась в ходе борьбы по поводу изменения КЗоТ: *старый КЗоТ ни в коей мере не препятствует развитию рыночной экономики; старый КЗоТ затрудняет развитие рыночной экономики либерального типа*. Признавалось, правда, что в наших условиях старый КЗоТ затруднял развитие по либеральному сценарию по преимуществу *формально*, поскольку не удавалось добиться его соблюдения. Он нарушался постоянно и в массовом масштабе.

Если оценивать более строго суть и терминологическую сторону дискуссий по поводу характера социальных (в том числе социально-трудовых) отношений в России, то придётся констатировать, что для их характеристики вообще-то не подходят такие определения, как "социализированные" (соответствующие социальному государству, осторожному капитализму) или "либеральные" (соответствующие жёсткому капитализму). Такая типизация социальных отношений правомерна, когда речь идёт о развитых капиталистических странах. Терминология и обсуждаемые проблемы заимствованы из реальности таких стран. Но Россия со времени шоковых реформ оказалась на периферии мировой капиталистической системы. В России разрушительные, социально деградирующие процессы преобладают над процессами прогрессивно-созидательными. Правовые нормы демократического содержания (и Конституция, и старый КЗоТ, и многие другие) были фасадом, за которым на деле сложился и развивается пе-

которую Россия намерена осуществлять в контексте обращения за финансовой поддержкой со стороны МВФ" и что этот документ "представлен на странице МВФ в Интернете".

риферийно-колониальный капитализм. В связи с этим и в теоретическом, и в практическом планах актуально определиться по вопросу о том, каковы необходимые условия для становления и устойчивого функционирования буржуазной демократии вообще и, тем более, буржуазно-демократического социального государства.

Буржуазная демократия и демократическое социальное государство европейского (так называемого рейнско-альпийского) типа — продукты социально-классовых взаимодействий, а не результат введения институциональных норм, законов, Конституций. Конечно, те или иные институциональные нормы облегчают или затрудняют действие демократических социальных механизмов, содействуют их реализации или осложняют её. Но реальная демократия и реальное социальное государство — результат общественной активности, массовой профсоюзной и политической, а не кулуарно-парламентской борьбы.

Следует учитывать, что тенденция отхода европейских стран от модели социального государства, социальной рыночной экономики, обозначившаяся с середины 70-х годов, объясняется не только и не столько начавшимся экономическим кризисом, сколько кризисом рабочего, профсоюзного и традиционного левого политического движений. Другими словами, это был кризис институционально-субъектной обеспеченности модели социального государства.

А у нас? Самым важным достижением четвёртой русской революции является то, что получили право на жизнь институты гражданского общества — разные идеологии, разные научные школы, различные независимые общественные и политические организации и движения. Сейчас, как и 10 лет назад, гражданское (многосубъектное) общество находится в России в зачаточном состоянии. Социальные субъекты, действующие на политической сцене, и в первую очередь те, кто выступает от имени трудящегося большинства населения, по большей части являются формальными, декоративными. За ними нет реальных массовых движений, а потому их деятельность

слабо коррелирует с интересами социальных групп, на представительство интересов которых они претендуют. Это относится и к руководящим структурам профсоюзов и партий, и к парламентским фракциям, и к органам власти субъектов Федерации.

Один из показательных в этом отношении примеров — позиция руководства ФНПР, озвученная, например, заместителем председателя ФНПР В.С.Гончаровым на Всероссийской научно-практической конференции “Реальная социальная политика в условиях государственной модернизации: опыт, проблемы, перспективы” (13-14 марта 2001 г). В выступлении было сказано, что *профсоюзы не против главной идеи правительственной программы — идеи самофинансирования человека через труд; профсоюзы её поддерживают; но в “программе Грефа” отсутствуют условия для реализации этой идеи — повышение доходов граждан.*

Другой, ещё более показательный пример — заявления руководителей той же ФНПР (представленные во многих публикациях и выступлениях заместителя председателя ФНПР А.Исаева) в том, что *согласованный с ФНПР новый Трудовой кодекс будет содействовать развитию социального партнёрства работников и работодателей.* И это говорится о законе, который существенно уменьшает права профсоюзов, отнимает у них, в частности, признанное международными нормами право на объявление забастовок, существенно расширяет права работодателей в области увольнения работников, заключения срочных контрактов и пр.

Противоположная позиция (за сохранение благоприятных для трудящихся норм старого КЗоТ) была представлена в общественном сознании и в общественных движениях весьма слабо. Новые профсоюзы, выступившие против либерализации трудового законодательства, не имеют критической массы членства, достаточной для организации мощного сопротивления. К тому же они раскололись на попрание тактики и не смогли (и, видимо, не смогут в ближайшее время) противостоять наступлению на права трудящихся и профсоюзов.

Но если самый многочисленный из профсоюзов — ФНПР, объединяющий почти 40 млн. человек, не противостоит такому наступлению, то *кто же тогда в России способен отстоять курс на социальное государство?* К сожалению, реальная ситуация именно такова: **в России отсутствует институционально-субъектная обеспеченность** идеи социального государства, социальной рыночной экономики, социального партнёрства. Иначе говоря, в России нет достаточно массовых организованных социальных сил, понуждающих государство и капитал к соответствующему социальному поведению.

Точно так же **не имеет пока что шансов на реализацию в России** и либеральная модель социально-трудовых отношений американского типа — модель эффективной защиты трудящихся от социальных рисков с опорой на собственные силы, а не на государственные социальные гарантии. Эта модель предполагает такой уровень оплаты труда, который позволяет достойно жить и в трудоспособном возрасте, и в старости. Но в России сколько-нибудь массовые акции давления на власть происходили до сих пор отнюдь не под лозунгами обеспечения занятости и достойной оплаты труда. Они происходят, как правило, из-за задержек нищенской (ниже прожиточного минимума) заработной платы, а в последнее время в ряде регионов — уже из-за отключения систем жизнеобеспечения населения.

Слабость негосударственных субъектов социальной политики, профсоюзного и политического движений трудящихся, зачаточное состояние гражданского общества — вот главные причины отсутствия в России системы социальной защиты населения по типу развитых капиталистических стран (как либерального, так и социализированного типов). Общественное сознание начинает постепенно осваивать это обстоятельство.

Необходимость социального государства в России часто обосновывают утверждением, что принципы такого государства соответствуют “менталитету” бывших советских людей. Такое утверждение абсолютно неверно.

В СССР-ские времена утвердилось и существовало в течение жизни нескольких поколений казарменно-кастовое общество, в котором государство было единственным реальным субъектом социальной политики. Система социальной защиты населения строилась в СССР на принципах **тоталитарного социального государства**. Устойчивость социального положения, формировавшая так называемую уверенность в завтрашнем дне, гарантировалась "заботой" партии и правительства (государственным, так сказать, патернализмом), а не конфликтно-компромиссными политическими взаимодействиями социальных субъектов гражданского общества. Результатом такого социального механизма было насильственное уравнивание всех в нищете, несвободе и социально-политической пассивности. Несогласные репрессировались.

В буржуазно-демократическом обществе параметры социального положения трудящихся складываются не по доброй воле правящих структур, а в ходе и в итоге социально-классовой борьбы. **Демократическое социальное государство** есть в первую очередь результат завоеваний рабочего класса, организованных движений трудящихся.

Демократическое социальное государство и тоталитарное социальное государство — совершенно разные типы государств, кардинально противоположные типы. Им соответствуют противоположные типы массового общественного сознания (разные "менталитеты").

Демократическое общество формирует активных граждан, способных к солидарным совместным действиям для отстаивания своих прав, свобод и интересов, своего человеческого достоинства.

Казарменное общество формирует социально разрозненных, политически пассивных людей, задавленных страхом репрессий, не способных к самоорганизации, к совместной борьбе.

Характер массового общественного сознания, доставшийся России в наследство от СССР, позволил и позволяет практически беспрепятственно осуществлять в

России глобализационные реформы. Их "шоковое" начало, переведя население в режим выживания, существенно затормозило прогрессивную трансформацию массового общественного сознания и социального поведения трудящихся. Современное состояние массового общественного сознания — важнейший фактор, затрудняющий становление демократического общества, демократического государства, тем более — демократического социального государства. Перспективы демократии в России, перспективы отхода от социальных отношений периферийно-колониального капитализма однозначно связаны со становлением общественных сил, способных эффективно противостоять закреплению сложившихся тенденций.

Печатается по тексту, опубликованному в периодическом издании "Перспективы и проблемы России" Выпуск 25. — М.: Институт перспектив и проблем страны. 2002. 56 с.

ТЕНДЕНЦИИ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В РОССИИ (гипотеза)⁶⁵

Понятия и общий подход

Социальная дифференциация — сложившаяся в данном обществе система существенных различий социального положения, отражающая закономерности (и тенденции) формирования и перспективного развития общества, а в их контексте — и свойства его современного состояния. Тип социальной дифференциации соответствует типу общества. Устойчивые типы общества обеспечивают воспроизводимую социальную дифференциацию. Неустойчивые (кризисные, деформированные) общества не обеспечивают воспроизведения социальной дифференциации на закономерных (глубинных) социальных основаниях, что означает не отсутствие в них социальной дифференциации, а отсутствие устойчивости последней.

Социальная структура общества — это содержательная форма его устойчиво воспроизводимого внутреннего устройства (общественного строя). Одновременно с этим социальная структура является обобщённым выражением социальной дифференциации, а тенденции трансформации социальной структуры — тенденциями устойчивых (исторически закрепляющихся) перемен социальной дифференциации.

Социальное положение (социально-экономическое положение, общественное положение, положение в обществе) — устойчиво воспроизводимый в данном обществе тип жизнедеятельности людей (в том числе тип индивидуальной жизненной судьбы), который формируется сово-

купностью реально доступных им *общественных условий и способов жизнедеятельности* и определяет фактические возможности, направленность развития личности и, в конечном счёте, — *социальный тип личности*.

Социальное положение является основной комплексной характеристикой жизнедеятельности структурных частей общества (социальных групп, общностей) и населения в целом. В состоянии и динамике этой характеристики непосредственно выражаются, проявляются основания, цели и результаты социальной политики.

Среди общественных условий, формирующих социальное положение всех членов общества и элементов его социальной структуры (социальных групп, социальных общностей), наиболее важными являются следующие.⁶⁶

1. Общественное устройство (общественный строй), в котором закреплено генеральное распределение ролей в обществе, в первую очередь разделение на эксплуататоров и эксплуатируемых, господ и подчинённых.

Принципиально важно, осуществляется ли прогресс на основе эксплуатации или эксплуатация не допускается. В обществах, развивающихся на основе эксплуатации, значительная (обычно большая) часть общества оказывается объективно (и субъективно) отчуждённой от установившихся порядков, не воспринимает их как свои, считает их навязанными. Реальный внутренний раскол общества, основанного на эксплуатации, предопределяет главную линию социальной дифференциации, антагонистический тип социальной структуры и главную проблему социальной политики — проблему обеспечения гражданского мира, социального компромисса, социального партнёрства, как минимум — социального перемирия.

⁶⁶ Более подробно см. Б.В.Ракитский. *Социальная политика, социальная защита, самозащита трудящихся в обществе. Часть первая. Социальная политика. — В периодическом издании "Трудовая демократия". Выпуск 9. М: Институт перспектив и проблем страны, 1997.*

⁶⁵ Авторы Б.В. Ракитский и Г.Я. Ракитская. *Текст доклада на Международной белорусско-российско-украинской конференции 14 ноября 2002 г. в Москве.*

2. Власть в обществе как способ поддержания социальной устойчивости. Существенно важен тип (модель) доминирования господствующих классов во власти, варьирующий от прямой диктатуры до социального партнёрства.

3. Власть в хозяйстве (собственность). Собственность — это прежде всего властно-хозяйственные отношения, то есть разделение на тех, кто принимает в хозяйстве самые важные, а то и все решения, и тех, кто обязан их только исполнять. В распределении имущества это разделение на господ и подчинённых отражается и закрепляется. Но основными, определяющими в собственности являются не имущественные, а именно властно-хозяйственные отношения.

Собственность — это проекция общественного устройства и распределения власти в обществе на экономическую сферу. В обществах, где доминирует частная капиталистическая собственность, социальное положение частных собственников воспроизводится и упрочивается за счёт сохранения социального неравенства и подчинённого положения социальных групп, занятых наёмным трудом. Это абсолютный закон. Модели социального рыночного хозяйства и социального партнёрства позволяют смягчать жёсткость действия этого закона.

4. Экономические условия — комплекс условий обеспечения средств существования и развития, необходимых и достаточных для воспроизведения и общественно нормальной эволюции социального положения социальных групп и общностей. Сюда относятся не только доходы, но и условия просвещения, образования, здравоохранения, обеспечение жилищами, коммунально-бытовыми услугами, уровень благоустройства населённых мест и т.п.

5. Экологическая безопасность (уровень экологических опасностей как в природной среде, так и в поселениях, и в сфере производства).

6. Защищённость от социальных опасностей (социальная защищённость) — тот общественный поря-

док, в котором субъекты могут опираться на общественный строй при выдвижении требований по улучшению или отстаиванию своего положения в обществе.

Параметры социального положения — конкретные измерители социального положения, его качественно-количественные характеристики (показатели и оценки), система которых позволяет достоверно и с необходимой и достаточной определённой судить о реальном, прогнозируемом или программируемом социальном положении и комплексно оценивать его состояние (достигнутый рубеж).

Параметры социального положения применяются также при определении качественных соотносительных уровней (состояний) благосостояния (нищета, достаток, бедность, богатство и др.).

Исходя из обозначенных методологических посылок, мы и выдвигаем гипотезу тенденций социальной дифференциации в современной России, *выстроенную на видении тенденций трансформации социальной структуры*. Этот подход ничуть не отрицает исследовательских результатов, касающихся дифференциации доходов, потребления, имущественной обеспеченности, дифференциации систем ценностей, реальных возможностей, реальности прав и свобод, социальной защищённости, экологической защищённости и иных конкретных параметров социальной дифференциации. Он опирается на них и способствует их интегрированию в целостное представление о тенденциях различий в социальном положении.

О социальной дифференциации в СССР как об исходной

С сожалением приходится констатировать, что отечественное обществознание утратило ту методологическую высоту в исследованиях социальной структуры, которой оно достигало в конце XIX — начале XX столетий, вплоть до установления в конце 20-х годов XX века тоталитарного строя. Постепенно понятия “социальная струк-

тура” и “социальная дифференциация” фактически вышли из творческого научного употребления, окостенев в виде формулы “два класса и прослойка” и “различия между городом и деревней, между умственным и физическим трудом”.

Легализация (реанимация?) социологии в период оттепели 50-х годов мало изменила положение. Свободные научные исследования социальной структуры и социальной дифференциации отсутствовали, а статистика о различиях в доходах, заработках, имущественном положении была засекречена, её использование в научных публикациях не допускалось цензурой.

Вот почему суждения о социальной структуре и социальной дифференциации в СССР пока что не базируются на научных исследованиях. Априорные утверждения И.В.Сталина о том, что советское общество состоит из рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции, следует перевести из разряда аксиом в разряд весьма сомнительных гипотез. Работы М.Джиласа и М.С.Восленского в своё время нанесли свои незабываемые удары по сталинской декларации относительно социальной структуры общества в СССР. Ещё прежде были работы В.Сержа (В.Л.Кибальчича (1890-1947)).

С нашей точки зрения, более подходящая гипотеза о характере социальной структуры и социальной дифференциации в СССР такова.

В СССР в результате сталинской контрреволюции (конец 20-х — начало 30-х годов XX века)⁶⁷ сложилась и воспроизводилась социальная структура, свойственная тоталитарным обществам, то есть кастовая социальная структура. Её характерные свойства:

⁶⁷ *Ракитский Б.В. Общество, в котором мы жили в СССР. (Ко вторым Кронродовским чтениям, май 1999 г.). — В периодическом издании “Перспективы и проблемы России” Выпуск 12. — М.: Институт перспектив и проблем страны, май 1999.*

— формирование социального положения тех или иных социальных групп не путём их самостоятельного общественного действия, а путём установления правящей кастой “положенного” каждой из “категорий населения”;

— ограничение социальной мобильности, сведение её в тенденции к разрешённой и организуемой исключительно “сверху”;

— тотальная социальная сегрегация населения по принципу разделения и закрепления функций в тоталитарном обществе;

— использование тоталитарной власти как средства усиленной эксплуатации. В СССР это доходило до массового использования рабского труда заключённых и полукрепостного труда колхозников.

Вопрос о социальной структуре общества в СССР в 30-80-е годы важен в плане научной оценки исходного состояния трансформаций (перемен) социальной структуры, происходящих под влиянием революционных реформ в России 90-х годов и сейчас. Исходное состояние социальной дифференциации (особенно основания дифференциации, состав особо влиятельных факторов, направленность) содержит в себе те инерционные потенции, которые “не пускают” в жизнь новые социальные отношения, затрудняют перемены, делают их лишь условно устойчивыми, содействуют скрадыванию, дезавуированию и утрате нового, его деформированию и перерождению. Короче, в исходном состоянии социальной дифференциации коренится по крайней мере часть инерционных факторов, противодействующих сдвигам в социальной структуре, особенно в периоды социальных реформ и социальных революций.

Характер и направленность перемен после 1991 года

Характер перемен в социальной дифференциации в России после 1991 г. предопределён характером общественного развития. Относительно последнего имеются

разные оценки и суждения, продиктованные в конечном счёте идеологическими (классовыми) различиями позиций. С нашей точки зрения, на рубеже 80-90-х годов в России произошла антитоталитарная и антиимперская революция (четвёртая русская революция). Реформы, последовавшие за перехватом и сменой типа политической власти (от мая 1990 г. до августа 1991 г.), имели ярко выраженный революционный характер. Их общая направленность — уход от тоталитарных порядков. Провозглашённый целевой вариант — выход к буржуазно-демократическому капиталистическому обществу. Фактически обозначившаяся траектория — выход в периферийный капитализм колониального (полуколониального) типа с выполнением политической властью функций колониальной администрации.⁶⁸

С уверенностью можно констатировать, что прежняя, характерная для тоталитаризма кастовая социальная дифференциация устранена с исторической сцены. Номенклатура как правящая каста тоталитарного строя перестала существовать. Вместе с этим перестали существовать и другие касты и сословия прежнего строя. Ликвидация монополии номенклатуры на власть, провозглашение прав и свобод, ликвидация командно-карательного механизма управления обществом открыли **возможность** формирования в России социальной структуры классового и даже классового демократического типа. К сожалению, эта возможность остаётся до сих пор абстрактной, практически не реализуется. Вариант выхода к классовой демократической социальной структуре и социальной дифференциации блокируется рядом влиятельных причин.

⁶⁸ Другие реальные, но ещё менее благоприятные варианты обозначены в кн. Г.Я.Ракитской «Марксистская версия социальных институтов и институциональных преобразований. Опыт анализа и актуального продвижения методологии». — М.: Институт перспектив и проблем страны, 2000. С.75-83.

Две причины, блокирующие возникновение в России классово-демократической социальной дифференциации

Самая влиятельная из этих причин — *глобализационный характер реформ*⁶⁹, наложившийся на и без того напряжённый и даже разрушительный процесс форсированного первоначального накопления капитала. Объединённое разрушительное влияние международного и новорождённого российского капиталов привели в экономическому геноциду населения (официальная оценка Государственной Думы ФС РФ в мае 1999 г.) и к перевесу разрушительных действий над созидательными⁷⁰. В силу этого процессы и тенденции новой социальной дифференциации в России в принципе не могут быть описаны способами и методами, применяемыми для описания социальной дифференциации в устойчиво воспроизводимых и развивающихся обществах. В методологическом отношении этот вывод — ключевой, фундаментальный.

Вторая по влиятельности причина остановки формирования классово-демократического общества в современной России — отсутствие чувства человеческого и гражданского достоинства в массе российского населения. Тоталитаризм за несколько поколений вытравил это чувство, сделал его потенциально опасным, отпугивающим. Оживление гражданского сознания и гражданского действия в период перестройки и революции длилось всего 3-4

⁶⁹ Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я. *Глобализация капитализма как новейший этап социальной организации человечества (глобализация социальной непримиримости). Материалы к научно-геополитической конференции «Глобализация и антиглобализм»*. Москва, 9 ноября 2001 г. — М.: 2001. 36 с.

⁷⁰ Ракитский Б.В. *Мера разрушения при революциях: теоретические подходы и практика преобразований в современной России*. — В кн. «Шансы российской экономики». М: Издательство ТЕИС. 1997. С.68-73.

года и сосредоточилось в основном в столицах, не затронуло предприятия, трудовые коллективы. Шоковый характер реформ с его режимом “выживания” пресёк этот процесс. Структуры гражданского общества не успели развиться и свернулись. Широких политических и солидарных профсоюзных действий в последние годы не наблюдается.

Абрис массового социального нездоровья (несозидательности)

Экономический геноцид лишил массу трудового населения мест работы по специальности, снизил уровень доходов и потребления в среднем в 8 раз, парализовал правоприменение, а тем самым заблокировал развитие правопорядка в социально-трудовой сфере и элементарную социальную защищённость, развернул процессы массовой деградации всех сфер жизнедеятельности и отторжения от общества (люмпенизации) многих миллионов людей. В массовом сознании распространились негуманистические и профашистские ценности. Криминальный сектор превосходит по влиянию хозяйствование в правовом поле. Психология неповиновения властям и закону стала внутренней параллельной составляющей социальной психологии.

Причины и признаки реставрационных тенденций

Борьба старого и нового происходит по известному закону: пока не возникло и практически не укрепилось жизнеспособное новое, до тех пор у старого есть реальное преимущество как у привычного и более опытного. По этой именно причине старое реставрируется, чаще всего уже в новой вроде бы оболочке.

Блокирование и остановка созидательных социальных процессов привели к тенденциям реставрации в современной России существенных характеристик социального положения и социальной дифференциации, свойственных прежним тоталитарным порядкам. В ряде отноше-

ний складывающиеся ныне параметры и особенно перспективы социального положения даже более антигуманны, нежели имевшие место в тоталитарном СССР.

Имеются основания для вывода, что в современной России мало влиятельных факторов, препятствующих восстановлению прежнего (дореволюционного, дореформенного) типа социальной дифференциации, но имеются весьма влиятельные факторы, для которых всё ещё привычный прежний характер социальной дифференциации может служить резервом, подспорьем.

Из этих факторов самым влиятельным является прямое использование власти для раздела и передела собственности, для крупных перераспределений ресурсов (в том числе и фонда потребления, необходимого продукта) в пользу капитала, для усиления эксплуатации. Первоначальное накопление капитала ещё не завершилось, идёт интенсивный передел однажды разделённого на частные собственности. Создавшийся капитал не защищён прежде всего от власти. Теперешние правящие социальные группы называют не номенклатурой, а элитами. Но есть между “элитами” и номенклатурой существенное сходство: они образованы в решающей мере не хозяйствованием, а властными решениями. Назначенность властью, подчинённость власти, возможность устоять лишь **при поддержке**⁷¹ власти. Не о власти закона, не о его верховенстве тут речь, а о возможностях исполнительной власти и гаранта Конституции менять закон или обеспечивать бездействие закона. В классовых демократических обществах не власть создаёт собственников, а собственники нанимают власть. В России до такой ситуации далеко, а главное, что сдвиги происходят не в сторону демократии, а в сторону укрепления влияния политической

⁷¹ *Поддержка, положенность — категории сузубо тоталитарные, свойственные кастовой системе. В этой связи см. статью Б.В.Ракитского “К пересмотру всей нашей точки зрения на распределение” (Журнал “Вопросы экономики” №11, 1990 г.).*

власти на процессы собственности (властно-хозяйственные отношения). Правящие социальные группы формируются не как классы, а скорее как касты (как “семьи”), хотя называются теперь элитами.

Это существенно. Хотя Россия признана страной с рыночной экономикой, рынок здесь разительно отличается от конкурентного рынка. Конкуренция происходит не в сфере понижения издержек, а в сфере власти; победителя в конкуренции определяют не заказчики поставок и покупатели товаров, а совсем иные заказчики и отношения бизнеса с властью.

В свете такой особенности на многое надо смотреть не сквозь призму учебника по рыночной экономике. В частности, на возможности и перспективы малого и среднего предпринимательства, на пресловутый средний класс и проч.

Деформированность (кризисность, тупикивость) процессов социальной дифференциации в современной России

Парадоксальность нашей исторической ситуации (полосы) состоит в том, что реставрационные тенденции в современной России рассматриваются и воспринимаются (даже наукой) как признаки и тенденции возрождения страны. Считается, что “нахватав и окучив” национальные богатства в частную собственность, “семьи”, олигархи и прочие новые элиты, начнут, наконец, возрождать Россию. Стандартная российская карамазовщина, заваренная не только на чуде, тайне и авторитете, но и на тысячелетней монотипности общественной жизни, то есть на бессубъектности большинства. Вера в созидательные устремления власти. Это наша российская непреходящая иллюзия (химическая национальная идея).

Недемократичность реформы собственности, преобладание прямых властных решений в формировании властно-хозяйственных элит заложили основы моратория на правопорядок, культивирования коррупции власти, на-

растания теневых секторов хозяйства и криминальных методов управления хозяйством. Сформировались социальные группы коррупционеров и теневых дельцов, происходит их сращивание. Имеет место хозяйственное двоевластие. Стало быть, социальная структура формируется в деформированном, кризисном режиме. Социальные группы и силы, порождённые деформированностью процессов, подобно раковой опухоли, не станут перерождаться в доброкачественные, а будут разрушать до конца общество, на котором они паразитируют.⁷²

⁷² *Послушаем здравые выводы на этот счёт серьёзных учёных: “Надо признать и прямо сказать, что союз бюрократии и буржуазии уже второй раз за последние сто лет российской истории демонстрирует своё социальное банкротство. В 1917 году неспособность лучших представителей российской буржуазии даже подступить к разрешению крайне обострившихся экономических и социально-политических противоречий обернулась третьей русской революцией. Реформаторские слои советской бюрократической элиты, придя к власти в начале последнего десятилетия XX века, открыли дорогу росту предпринимательской элиты и сами активно включились в этот процесс. Однако этот союз не принёс России социального возрождения и экономического процветания.*

... Можно, конечно, возлагать надежды на разного рода частичные улучшения, вводимые правительством и администрацией Президента, равно как и обольщать себя экспортными успехами сырьевых отраслей и отдельными примерами эффективной предпринимательской деятельности. Этого может хватить лишь для того, чтобы становящаяся капиталистическая система выжила. Но на этой основе невозможно даже надеяться на то, чтобы сохранить существующий разрыв с развитыми странами, не говоря уже о том, чтобы его уменьшить. Фактом остаётся то, что правящая элита психологически и практически не ориентирована на серьёзные изменения, не говоря уже о более долгосрочных стратегиях и планах”. (О стратегии российского развития. Аналитиче-

Глубочайшее формирующее воздействие на процессы социальной дифференциации и перемены в социальной структуре оказывает глобализационный характер реформ, проведённых в России Международным валютным фондом и Всемирным банком реконструкции и развития.

Советники властных персон России рассуждают о глобализации до уморы неадекватно. Вроде того, что процесс этот обоюдоострый, как палка о двух концах. Кто умеет пользоваться глобализацией, тот выигрывает, а проигравший, мол, пусть плачет. Или вот так: “К рубежу третьего тысячелетия Россия утратила положение страны-сверхдержавы и столкнулась с угрозой оказаться на периферии формирующегося нового мира. Опасность остаться за рамками процессов глобализации, становления открытого сообщества и постиндустриальной, информационной экономики является для России всё более реальной”⁷³ Между тем всё описанное — не угрозы, а свершившиеся факты. И умения пользоваться выгодами глобализации не оказалось даже в зародыше, и Россия оттеснена на периферию мирового хозяйства. И перспективы — считай, никакие.

Одной из теорий, объясняющих существо процессов современной глобализации, стала ныне теория социальной резервации. Она имеет своим предметом (целью изучения, объяснения) качественно новые взаимоотношения господствующих классов с социальными группами “лишних” людей.

“Лишние люди” — социальное явление, причиной которого является устройство общества на началах эксплуатации. Именно применение к обществу, к населению критериев, исходящих из верховенства частных интере-

сов, приводит к оценкам части населения как “лишнего”, то есть не требующегося для достижения частных целей господствующих классов. Так как частные классовые цели и интересы господствующих классов преподносятся в виде общественных целей и интересов (а подчас и в виде общечеловеческих и даже естественных, данных самой человеческой природой), оценка части населения как “лишних людей” приобретает форму общественного мерила, общественного критерия.

В относительно скрытом виде отношение к части населения как к “лишним людям” существует в любом эксплуататорском обществе. В античном рабовладельческом мире имел место пролетариат — низшие неимущие, а с I века деклассированные слои. В феодальных обществах деклассированная часть населения существовала в виде бродяг, “социального дна”. Скачкообразно повышается доля “лишних людей” с переходом к капитализму. Здесь впервые “лишние” для целей капиталистического воспроизводства делятся на бесперспективных “лишних” и “резервную армию труда”. Безработные (“резервная армия труда”) могут считаться исторически первой формой того явления, которое с конца XX века стало принято называть социальной резервацией.

Логика развития капиталистической эксплуатации как общественной системы приводит капитал и его государство к необходимости отчасти смягчать социальную несправедливость. Делается это путём обеспечения для части “лишнего” населения особых условий существования, при которых исключение “лишних” из полноценного и полноправного участия в общественных делах фактически закрепляется, но потребности массы целенаправленно деформируются, сводятся к стандартизированным и удовлетворяются на уровне, вполне удовлетворяющем “лишних” людей. То есть возникает социальная группа довольных граждан, лишённых основных гражданских ценностей — участия в обществе в качестве субъектов реального исторического творчества.

ский доклад Горбачёв-Фонда. Сентябрь 2002. Авт. Коллектив под руководством В.И.Толстых. Стр.106-107).

⁷³ *Основные направления социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу. Проект, представленный Г.Грефом 22.6.2000. Самая первая фраза текста.*

В общем плане такое “гармоничное” распределение ролей в обществе обозначено в постановочно-концептуальном виде Ф.М.Достоевским в “поэме о Великом Инквизиторе” (“Братья Карамазовы”, книга “Pro и contra”). В плане практической политики эксплуататорских классов социальная резервация как новый тип исключения “лишних” из истории и из исторической перспективы приобрела значение в центрах капиталистической цивилизации в XX веке. Этот тип, скорее всего, будет взят капиталом на вооружение в XXI столетии, что, пожалуй, примирит большинство с глобализацией.

Этот новый тип — **резервации** сперва для десятков, затем для сотен миллионов, а если понадобится, то в конце концов — и для миллиардов. У людей в резервациях будет всё по их умело сформированным стандартным потребностям, всё — за исключением участия в реальной истории, то есть за исключением свободы.

Технологии, которые будут систематизированы и усовершенствованы в резервациях, уже нарабатываются. Есть первые крупные успехи: массовая культура, массовые зрелища для “фанатов”, провоцирование социальной активности спецслужбами, разыгрывание спектаклей “Борьба с глобализацией”, “Борьба за чистую планету”, современные СМИ, бульварная литература, наркомания и т.п. Там, где масса вдруг начинает действовать вне связи с предшествующими своими жизненными проявлениями, — ищи технологии резервации. Любое зомбирование массы или личности толкает в сторону разрастания предпосылок оформления резерваций.

Глобализация устроила гигантский полигон на просторах России. Шоковые реформы применили к народу России экономический геноцид. Деградация приняла массовый характер. Российское жизненное пространство наполовину расчищено для международного капитала. Станет нас поменьше — и вполне вероятно образование резервации для выживших народов России.

Собственно говоря, наша Россия — уже резервация. Народ уже 10 лет не имеет возможности созидательно ра-

ботать, делать, производить, творить то, что способен. По крайней мере, был способен. Если произойдет нормализация, то за счёт чего? За счёт того, что народ приступит к работе или за счёт так называемого вождя рента фактора?

В XIX в. выдвигалась идея “откупиться” от буржуазии и мирным путем исключить эксплуатацию из жизни общества. Сегодня роли переменялись, и уже мировой капитал предлагает большинству мирового человечества уступить право самому делать историю за стандартное потребительское изобилие.

Всемирная резервация для большинства, с завидными для нищего и бездомного условиями потребления, — в обмен на свободу. Исключение большинства из реального исторического действия — в обмен на стандартное потребительское изобилие. Это суть социальной резервации. Это главная угроза XXI века.

Но это угроза для свободного человека. Для раба, которого не тяготит рабство, — это рай, это процветание, это — светлое будущее.

Такое будущее капитал смело может предлагать и уже предлагает. На пути к такому будущему он заставит народы всех без исключения стран преодолеть многие трудности, развяжет кризисы и катастрофы.

Соглашаться и партнёрствовать с эксплуататорской цивилизацией — значит соглашаться на резервацию для большинства. Не соглашаться на резервацию — значит становиться социалистом, бороться за освобождение от эксплуатации. Выбор, собственно говоря, всё тот же, что и в XIX, что и в XX веках. Но в XXI, есть основания полагать, он будет сделан окончательно.

Практические меры социального сегрегирования

Дело социальной дифференциации в России по модели периферийного социума не ограничивается возникновением опасных тенденций и всё более отчётливым

проявлением их зримых признаков. Существует и осуществляется государственная программа сегрегации населения. В её основе — пресловутая программа Г.Грефа, разрабатывавшаяся в закрытом порядке и так и не доведённая демократическим образом до сведения большинства.

В данном материале нет возможности развёрнуто обосновывать такую серьёзную и политически значимую оценку проводимой правительством программы. Авторы готовы при необходимости представить достаточную научную аргументацию.

Суть дела в том, что правительство продолжает социальный и экономический курс, выработанный МВФ в 1990 г. и осуществлявшийся начиная с 1992 г. В этой стратегии населению отводилась роль донора глобализационных реформ и форсированного первоначального накопления капитала. Принудительное донорство осуществлялось методом конфискационной социальной политики. Планомерное разрушение производства методом конфискаций оборотных средств, “открытой экономики”, монетаристской финансовой политики лишило большинство населения перспектив продуктивной и полной занятости, перевело значительную часть занятости в форму скрытой безработицы и теневой занятости.

Однако до 2000 г. правительство проводило в целом политику шокового пресса на всё население. С 2000 г. модель пресса изменилась. Вводятся субсидиарные инструменты, рассчитанные фактически на окончательное разграничение населения на “перспективное” и “бесперспективное”. В субсидиях сосредоточатся все убывающие средства на социальные нужды, и эти средства будут расходоваться фактически только на часть населения. Имеющаяся сеть учреждений социального хозяйства будет испытывать уже традиционное “недофинансирование”, но процессы общей деградации этих учреждений сменятся процессами интенсивного свёртывания их сети, опустошения в смысле социального обслуживания все больших территорий. Собственно, это уже и наблюдается.

Жилищно-коммунальная реформа, особенно пенсионная реформа — первые очереди программы сегрегации.

Процессы социального отторжения (дезинтеграции)

В ходе шоковых реформ и в ходе проведения программы сегрегации сложился многомиллионный слой социально отторгнутых людей. Массовая деградация занятий, трудовой, досуговой, семейно-бытовой жизнедеятельности привела к тому, что стала массовой люмпенизация. “Социальное дно” оценивается сегодня специалистами в 20-30 миллионов граждан России. Помимо бедствий для каждого социально отторгнутого, люмпенство несёт в себе и социально-политическую угрозу: оно — готовая социальная база открытого фашизма.

Экспортный сектор и занятые в нём

Капитал, занятый в экспортирующих отраслях российской экономики, чувствует себя вписавшимся в глобализацию. Из всего, что есть в России, его интересует только сотрудничество с правительством. Проблемы большинства населения для такого капитала — большая и посторонняя обуза. Трудящиеся, занятые в экспортирующих отраслях, воспроизвели ныне тип кастового сознания, бывшего столь распространённым в СССР в отраслях, пользующихся приоритетным вниманием государства (ВПК, угольная промышленность, гражданская авиация, МПС и др.). Это социальная психология “промышленного казачества”.

В тех местах России, где появляются предприятия ТНК, рецидивы социальной психологии “промышленного казачества” всегда возникают.

Трудящиеся в реальной экономике. Влияние открытой экономики

Занятые в реальной экономике России не имеют реальных перспектив. Причина — периферийное место российского хозяйства в мировом капиталистическом хозяйстве.

Призывы к развитию малого и среднего бизнеса в этих условиях суть не более чем провокация и заведомый обман. Открытая периферийная экономика — зона стабильной неконкурентоспособности и узкого внутреннего рынка. Если внутренний рынок вдруг расширяется, на него приходит поставщик (не капитал, а именно поставщик) из развитой страны.

Основные сценарии социальной дифференциации

Сценариев социальной дифференциации для современной России, *если сохранятся и пока сохраняются сложившиеся тенденции*, всего три.

Первый. Капитал экспортирующих отраслей остаётся основой экономики и находит общий язык с властью. Тогда несколько миллионов занятых в этих отраслях и в государственной власти занимают положение колониальной рабочей аристократии и колониальной администрации. Для остального населения — социальная резервация в перспективе (ёмкостью на 30-35 миллионов). До момента сокращения численности населения примерно вдвое — социальное прозябание и социальное дно.

Второй вариант. Власть пробует взять решительный верх над капиталом. “Социальное дно” провоцируется на борьбу с виноватыми в народных лишениях. Фашизация страны. Режим колониального фашизма с хунтой. Возрастающая зависимость от “первого мира”. Для большинства населения — знакомая старшим поколениям “казарменная” социальная справедливость, “забота партии и правительства о благе народа”.

Вариант третий. Власть пробует сделать Россию нужной лидерам империализма в борьбе с международным терроризмом. Россия берёт на себя функции мирового спецназа. Имперская идеология, укоренённая в российском “менталитете”, и социальная психология российской военщины делают этот вариант и желаемым, и приемлемым для большинства населения.

Все три варианта — не радостные.

Но для иных вариантов нужны иные активные социальные силы. Например, массовое демократическое движение трудящихся и эксплуатируемых. Пока его нет. А потому нет и оснований для иных научных вариантов прогноза социальной дифференциации. Увы!

Опубликовано в Периодическом издании “Перспективы и проблемы России” Выпуск 26. Угол атаки. Выступления, публицистика, постановки вопросов. Год 2001-2002. – М.: 2002. Стр. 3-22

Опубликовано в Журнале “Экономика и общество” 2002. №12. Стр. 134-146.

ШКОЛА ТРУДОВОЙ ДЕМОКРАТИИ

ИНСТИТУТ ПЕРСПЕКТИВ И ПРОБЛЕМ СТРАНЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

РАКИТСКАЯ Галина Яковлевна

РАКИТСКИЙ Борис Васильевич

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА И САМОЗАЩИТА ТРУДА

Часть первая

НОРМАЛЬНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
И РИСКИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
(СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ)

Москва, 2002

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА И СОЦИАЛЬНАЯ
САМОЗАЩИТА – ЧТО ЭТО ЗА ПОНЯТИЯ,
ЧТО СТОИТ ЗА НИМИ В ЖИЗНИ?

ЧТО ЗАЩИЩАЕТСЯ ПРИ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЕ?
НОРМАЛЬНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

ДЕЛАЕМ ПРАКТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ ИЗ УЧЕНИЯ
О НОРМАЛЬНОМ СОЦИАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ

КАК ВЫРАБОТАТЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
О НОРМАЛЬНОМ СОЦИАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ
ТРУДЯЩИХСЯ?

1. Метод представления о нормальном
как о привычном для многих, для большинства
2. Метод “Нормальная доля заработка в цене
продукции”
3. Метод оценки нормальности по аналогии

ЧТО УГРОЖАЕТ НОРМАЛЬНОМУ СОЦИАЛЬНОМУ
ПОЛОЖЕНИЮ ТРУДЯЩИХСЯ?
СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ

НОРМАЛЬНЫЕ И НЕНОРМАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ
В СОЦИАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ ТРУДЯЩИХСЯ
И В СОЦИАЛЬНЫХ РИСКАХ

*Основные направления перемен при переходе
к капиталистическим условиям хозяйствования*

*Закономерные перемены в труде и в жизни
трудящихся при переходе к капитализму*

*Деформации в социально-трудовых отношениях,
возникшие в ходе шоковых реформ в России*

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА И СОЦИАЛЬНАЯ САМОЗАЩИТА — ЧТО ЭТО ЗА ПОНЯТИЯ, ЧТО СТОИТ ЗА НИМИ В ЖИЗНИ?

Защита, заступничество... Что тут объяснять? Благородное дело. Ограждение от опасности, от враждебных действий, от посягательств. Эти житейские понятия взяты для описания определённых взаимоотношений людей в обществе, для наименования специализированной системы общественных и государственных функций и учреждений. Социальной защите придаётся нередко очень большое значение в государственном и общественном устройстве.

Вот пара примеров на этот счёт.

Изданная в 1999 г. Советом Европы монография “Социальная защита в Европейской социальной хартии” начинается следующими словами:

“Социальная защита в целом признана краеугольным камнем европейской социальной модели. Будучи движущей силой социального сплочения и гарантией экономического процветания, социальная **безопасность** играет во всех европейских странах центральную роль. Даже недавние радикальные изменения социальных и экономических реалий Европы не поставили под сомнение необходимость сохранения социальной защиты и защиты членов общества от социальных рисков. Признавая социальную защиту как основополагающее социальное право, Европейская социальная хартия содействует его укреплению, устанавливая минимум гарантий на европейском уровне”.

Получается, что значение социальной защиты в жизни общества нельзя переоценить. Скорее можно недооценить, а это чревато неблагоприятиями в обществе, **небезопасно** для миллионов людей, для народа в целом.

Другой пример — записи в Конституции Российской Федерации. Вот текст статьи 7:

“1. Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

2. В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты”.

Как видим, и Конституция нашего государства уделяет социальной защите первостепенное внимание.

В Конституции СССР понятие “социальная защита” не применялось. Власти предпочитали понятие “забота государства о благе народа”. Но суть от этого не менялась. Любое государство, каким бы ни был в нём идеологический, политический и экономический порядок, обладает механизмами (организационными формами, институтами) социальной защиты.

Пора раскрыть понятие “социальная защита”, то есть достаточно полно и строго определить его существо, содержание и основные формы осуществления в реальной жизни.

Сперва очертим тот круг вопросов, на которые должно **содержательно** отвечать понятие (категория) “социальная защита”. Главные вопросы таковы:

- **что** именно защищается?
- **кто** именно защищает?
- **от чего** защищают?
- **какова мера** (уровень, степень) защиты?
- **каковы основные принципы, способы, формы** защиты?

Начнём шаг за шагом продвигаться по этому кругу вопросов.

ЧТО ЗАЩИЩАЕТСЯ ПРИ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЕ? НОРМАЛЬНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Люди живут не по одиночке и не в изолированных друг от друга пространствах, а общностями и в обществах. Примеры общностей — семьи, народы, соседства, трудовые коллективы и т.п. Что касается общества, то оно для людей и их общностей является как бы единой большой средой обитания, в которой они находят условия своего существования и развития. В этом смысле такие условия (условия жизни) суть **общественные условия**.

Общественные условия жизни существенно различаются для разных людей и их разных общностей. Различия эти на житейском уровне хорошо заметны как различия основных проблем. У одних проблемы с устройством на работу, с жильём, с пропитанием; у других — с карьерой, охраной, с надёжной “крышей”, с “отмыванием” денег; у третьих — с сохранением капитала, лоббированием, дачей взятки, с надёжностью услуги... Существенное различие, разнотипность набора самых острых жизненных проблем — верный признак различия **социального положения**, устойчивой социальной сгруппированности в разные общественные группы — классы, касты, социальные группы, слои. Все они — устойчивые элементы общественной структуры.

Социальное положение — основная комплексная характеристика жизнедеятельности населения в целом и его составных частей. Социальное положение формируется как результат действия системы существенных факторов (причин), которые образуют общественные условия существования и развития структурных частей общества.

Среди общественных условий, формирующих социальное положение, наиболее важными являются вот какие:

1. **Общественное устройство (общественный строй)**, в котором закреплёно генеральное распределение ролей в обществе, в первую очередь разделение на эксплуататоров и эксплуатируемых, господ и подчинённых.

Принципиально важно, осуществляется ли прогресс на основе эксплуатации или эксплуатация не допускается. В обществах, развивающихся на основе эксплуатации, значительная (обычно большая) часть общества оказывается объективно (и субъективно) отчуждённой от установившихся порядков, не воспринимает их как свои, считает их навязанными. Реальный внутренний раскол общества, основанного на эксплуатации, предопределяет главную проблему социальной политики — проблему обеспечения гражданского мира, социального компромисса, социального партнёрства, как минимум — социального перемирия.

2. **Власть в обществе** как способ поддержания социальной устойчивости. Существенно важен тип (модель) доминирования господствующих классов во власти, варьирующий от прямой диктатуры до социального партнёрства.

3. **Власть в хозяйстве (собственность)**. Собственность — это прежде всего властно-хозяйственные отношения, то есть разделение на тех, кто принимает в хозяйстве самые важные, а то и все решения, и тех, кто обязан их только исполнять. В распределении имущества это разделение на господ и подчинённых отражается и закрепляется. Но основными, определяющими в собственности являются не имущественные, а именно властно-хозяйственные отношения.

Собственность — это проекция общественного устройства и распределения власти в обществе на экономическую сферу. В обществах, где доминирует частная капиталистическая собственность, социальное положение частных собственников воспроизводится и упрочивается за счёт сохранения социального неравенства и подчинённого положения социальных групп, занятых наёмным трудом. Это абсолютный закон. Модели социального рыночного хозяйства и социального партнёрства позволяют смягчать жёсткость действия этого закона.

4. **Экономические условия** — комплекс условий обеспечения средств существования и развития, необходимых и достаточных для воспроизведения и обществен-

но нормальной эволюции социального положения социальных групп и общностей. Сюда относятся не только доходы, но и условия просвещения, образования, здравоохранения, обеспечение жилищами, коммунально-бытовыми услугами, уровень благоустройства населённых мест и т.п.

5. **Экологическая безопасность** (уровень экологических опасностей как в природной среде, так и в поселениях, и в сфере производства).

6. **Защищённость от социальных опасностей (социальная защищённость)** — тот общественный порядок, в котором субъекты могут опираться на общественный строй при выдвижении требований по улучшению или отстаиванию своего положения в обществе.

Можно и продолжить перечень существенных общественных условий, совокупность (а, вернее, целостность) которых и создаёт то реальное поприще (пространство) жизнедеятельности, которое отображается понятием “социальное положение”. Можно и продолжить. Но мы обозначили **самые важные** группы (направления, обобщённые типы) общественных условий, как бы пеленгующих социальное положение (обозначающих место той или иной социальной группы в обществе). Места в обществе у разных социальных групп очень даже разные, но способ их качественного “замера”, способ определения — един.

Разворачивая каждую из шести основных характеристик социального положения, приходится выражать каждую из них конкретно своеобразными параметрами. **Параметры социального положения** — это уже конкретные измерители социального положения, его качественно-количественные характеристики (показатели и оценки), система которых позволяет достоверно и с необходимой и достаточной определённой судить о реальном, прогнозируемом или программируемом социальном положении и комплексно оценивать его состояние (достигнутый рубеж).

К примеру, характеризуя социальное положение по общественному устройству, вполне уместно рассудить, как меняется доля той или иной социальной группы в совокуп-

ном хозяйственном результате. На одном из семинаров Школы трудовой демократии рабочие подсчитали, как падала доля из заработка в цене продукции. Это вполне достоверный параметр усиления эксплуатации. В масштабах общества расчёт идёт в принципе подобным же образом. Так, правительство РФ в конце 1999 г. признало в официальной публикации, что доля заработка в валовом внутреннем продукте за годы ельцинских реформ упала с 50% до 30%. Да и сам валовый внутренний продукт уполовинился. Значит, степень эксплуатации получающих заработок резко возросла.

Рассуждая об экономических условиях, уместно привлечь такие параметры-измерения, как размер среднедушевых денежных доходов и реальных (учитывающих рост цен) доходов, размеры жилплощади и имущества, состав доходов и расходов семьи и др. По пятой группе не обойтись без показателей загрязнения местности, воздуха. И так далее.

Конкретные параметры социального положения применяются также при определении качественных соотносительных уровней благосостояния (нищета, достаток, бедность, богатство и другие). Эти уровни называются **социальными состояниями**, о них стоит сказать здесь самое существенное.

Состояния общественные (социальные) — сравнительные типы общественного (социального) положения людей, общностей и социальных групп. Каждое из конкретных общественных состояний объективно формируется, научно выделяется и общественно осознаётся в сравнении с **нормальным** для данного конкретного общества. В классовом (и кастовом) обществе нормальное реально дифференцировано, то есть существует не как некое единое состояние, а как единство (совокупность), система существенно различных состояний. Тем не менее имеется (складывается) некое представление о разграничительных свойствах благополучного и неблагополучного для данного общества состояний (положений).

Благополучные социальные состояния характеризуются обычно указанием на свои положительные основания. Например: богатые, домовладельцы, землевладельцы, зажиточные, живущие в достатке и т.п.

Неблагополучные социальные состояния, напротив, характеризуются указанием на отсутствие многих или некоторых условий общественно нормальной жизнедеятельности, что и является признаком социального неблагополучия или социальных лишений. Например, бездомные, безземельные, безработные, неграмотные, бедные, нищие, социально уязвимые, беспризорные, беженцы, вынужденные переселенцы и т.п.

И в тех суждениях, которые уже высказаны, и в последующих встречается и будет встречаться понятие **“нормальное социальное положение”**. Во всей социальной политике, во всей профсоюзной работе, во всей классовой борьбе трудящихся понятие “нормальное социальное положение” является опорным, как та печка, от которой надо танцевать. Уверенно представляя нормальное, можно определять отклонения от нормального, степень таких отклонений, их допустимость или недопустимость, терпимость или нестерпимость. Поэтому уделим внимание **нормальному, общественной норме.**

Нормальное (общественная норма) есть такое состояние общественных явлений и процессов, которое характерно для социальной устойчивости общества, то есть для периодов и ситуаций, когда противоречия интересов социальных групп (классов) не обострены настолько, что перед обществом стоит вопрос о существенном изменении (или корректировке) системы общественных отношений.

Нормальное существует одновременно и в объективном, и в субъективном планах (смыслах). Нормальное социальное положение объективно в том смысле, что его основные характеристики и параметры складываются и воспроизводятся на основе реального состояния общества и экономики, отражают общественные цели и сложившуюся направленность развития. Одновременно с этим

нормальное социальное положение не является неким состоянием, всецело предопределённым экономикой, темпами её развития или упадка, состоянием и действием природных сил, наличием или отсутствием полезных ископаемых, изношенностью основных фондов и тому подобными “бездушными” и “бессознательными” факторами. Напротив, именно сознательно действующие социальные и политические силы на базе одной и той же экономики предлагают создать и действительно способны создать разные варианты соотношений социального положения богатых и бедных, работающих и неработающих, бездомных и обеспеченных жильём, работающих и надзирающих и т.п. Нормальное социальное положение, его конкретно-историческая структура и состав состояний очень и очень во многом зависят именно от сознательного действия социально-политических сил, **от их соотношения.**

Общество структурно, то есть состоит из общественных групп, существенно различающихся по их социальному положению. К степени различий (дифференциации) социальных положений понятие “нормальное” применимо в той же мере и в том же смысле, что и ко всем общественным явлениям. Нормальная социальная дифференциация — это общественные различия, которые существуют при социальной устойчивости общества.

Одни и те же социальные положения разных социальных групп, одна и та же социальная дифференциация могут быть нормальными или ненормальными в зависимости от их восприятия общественными группами. Социально-психологические оценки справедливого и несправедливого, общественно допустимого и недопустимого, подлежащего сохранению или решительному изменению — вот что формирует понятие и меру нормального. Социально-психологическое оценочное восприятие тех или иных общественных явлений как нормальных или ненормальных становится “материальной силой”, если овладевает массовым сознанием, по крайней мере массовым сознанием достаточно влиятельных общественных групп. “Материальной” силой в том смысле, что становится реальным

(как минимум, реальным потенциальным) фактором общественных перемен.

ДЕЛАЕМ ПРАКТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ ИЗ УЧЕНИЯ О НОРМАЛЬНОМ СОЦИАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Что следует из сказанного об общественно нормальном (об общественной норме)? Следует, как минимум, несколько важнейших выводов для практической социальной политики:

1. Нелепо провозглашать нормальным всякое фактически сложившееся социальное положение и тем самым отмечать претензии социальных групп на улучшение сложившегося положения. Мерило общественно нормального (общественной нормы) проистекает не из свершившегося факта как такового, а из соответствия свершившегося социального положения социокультуре данного общества и конкретно-историческому этапу развития данного общества. Социокультура (культура социума, общества) — это накопленный динамический (промежуточный) результат цивилизованности данного народа. Социокультуре присущи система ценностей, уровень, традиции, направленность развития.

Очень часто, говоря о социокультуре, поминают самобытность, своеобычность, “особую статью” (выражение Ф.И.Тютчева применительно к России). Всё это и правомерно, и весьма уместно, если при этом не уводятся в тень общие закономерные свойства, присущие разным социокультурам.

Если нас интересуют общие закономерности, то полезно обратиться к международным документам, фиксирующим представления международного сообщества о нормальном социальном положении и пытающимся выразить эти представления в виде согласованных, общепризнанных, рекомендуемых или обязывающих подходов, принципов, норм. Ведь каждая страна, каждый народ обладает самобытной культурой, а различия социокультур иной раз крайне значительны. Поэтому в международных

документах на первое место неизбежно, по необходимости выдвигаются общие закономерности формирования и воспроизведения нормального положения социальных групп в любом обществе.⁷⁴

Достижением второй половины XX века явилось принятие Организацией Объединённых Наций (ООН) 10 декабря 1948 года Всеобщей декларации прав человека и формирование в дальнейшем группы документов, обобщённо называемых Международным биллем о правах человека. В Европе соответствующая работа привела к выработке и введению в действие Европейской социальной хартии. Положения этих документов широко использованы в Конституции Российской Федерации (1993), а подчас дословно в неё включены. Обобщённое представление о нормальном социальном положении удачно, на наш взгляд, выражено словами из статьи 7 Конституции РФ: **“условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие человека”**.

Следовательно, оценивая фактическое социальное положение и определяя, является ли оно общественно нормальным или существенно отклоняется от общественной нормы, следует решить, имеются ли у данной социальной группы общественные условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие человека.

Ельцинские шоковые рыночные реформы, вергнувшие трудящихся в режим выживания, не обеспечивали условий для достойной жизни и свободного развития. Не обеспечиваются такие условия для подавляющего большинства населения России и до сих пор. Все объяснения, разъяснения и мифы властей и их интеллектуальной obsługi (СМИ, либеральных учёных, пропагандистов) насчёт объективных якобы причин резких ухудшений следует отмечать как лживые и лукавые. Регресс в социальном по-

⁷⁴ Конечно же, здесь требуется существенная оговорка. Международное сообщество вырабатывает подходы, принципы, нормы, имея в виду демократические общества.

ложении большинства населения не может быть объективно необходимым и не подлежит оправданию. Оправдывать политику социальной деградации — бесчестное дело.

2. Представления о достойной жизни и свободном развитии человека, об обеспечивающих их общественных условиях — результат серьёзного обдумывания, обобщения опыта, глубокого анализа, выработки **целостной системы** качественных и количественных характеристик. Возникает естественный вопрос: стоит ли овчинка выделки? Надо ли затрачивать так много усилий квалифицированных и опытных людей, чтобы выработать представления о нормальном социальном положении? О, да! Несомненно, стоит. Особенно стоит серьёзно отнестись к этой работе профсоюзному и рабочему движению.

Применительно к обществу в целом выработка представлений о нормальном социальном положении важнейших социальных групп (классов) ведётся сразу несколькими общественными науками совместно. Если правительство намерено хозяйствовать эффективно и обеспечивать социальную устойчивость общества, то оно просто вынуждено представлять себе социальные условия спокойствия в обществе, пути уменьшения недовольства масс, особенно самых активных социальных групп. Классовые же организации наёмных и эксплуатируемых заинтересованы в выработке представлений об общественно нормальном с позиций интересов своего класса, с позиций трудового большинства народа.

Так что применительно к обществу в целом представления (в том числе и научные) об общественно нормальном всегда существуют **в классово раздвоенном виде**: в виде представлений, выражающих интересы эксплуататоров, и в виде представлений, отражающих интересы эксплуатируемых. В классовом обществе и не может быть иначе. При этом господствующие классы всегда выставляют и пропагандируют свои представления как единственно якобы верные, якобы единственно научно обоснованные и — более того — единственно якобы отвечающие

здравому смыслу. Вспомните “умного” Гайдара в пору, когда он насиловал Россию. Он прямо заявлял, что никто ничего здравого не предлагает, здоровыми объявлялись только зверские шоковые реформы. Ну, Гайдар, конечно, персонаж карикатурный. Но вот Нобелевский комитет, присуждающий Нобелевские премии по экономике. Он охотно присуждает “нобелевку” очевидному безумцу Ф.А. фон Хайеку, М.Фридмену и другим подобным, у которых Капиталистический Рынок есть Господь Бог. Но этот Комитет никогда не присудит “нобелевку” разработкам, направленным на уничтожение эксплуатации как общественной системы.

3. Рассмотрим природу представлений капитала (класса капиталистов) об общественно нормальном. Зачем нам их рассматривать? Затем, что логику классового противника надо **понимать**. Не принимать, не становиться на его позицию, не “входить в положение” собственника и работодателя, не убеждать себя в конструктивности социального партнёрства и не готовить себя к “партнёрским” уступкам, **а правильно представлять себе**, как рассуждает, из чего исходит и к чему клонит наш всегдашний классовый противник.

Эксплуатация трудящихся — дело живое, хищничество и жадность в этом деле оборачиваются для класса эксплуататоров в целом ощутимыми потерями, если вызывают раздражение населения, а вслед за тем — и активное сопротивление. Правительство призвано обеспечивать общественно спокойную обстановку эксплуатации, ограничивать аппетиты особо хищной части капиталистических собственников в интересах надёжности и благоприятности социальных условий эксплуатации для всего капитала в целом. Именно этим вызваны правовые ограничения действий работодателей, не говоря уж о крупных перераспределениях части эффекта в пользу трудящихся в так называемых социальных рыночных экономиках.

Всегда надо помнить, что общественно нормальное (общественная норма), вырабатываемая по представлениям капиталистического государства, отражает пред-

ставления об этой норме господствующих классов, по преимуществу класса капитала. Именно это и закрепляется в законах. Капиталистическое устройство общества и хозяйства таково, что капиталисты-предприниматели конкурируют между собой, а **конкурентоспособность обеспечивается в решающей мере минимизацией издержек**. У кого ниже издержки, тот при одинаковой цене на рынке получает больше прибыли и тем самым преимущество в развитии. Затраты на наёмного работника (на зарплату, на страхование, на социальное обустройство на предприятии, на условия труда и т.п.) — это издержки для капитала. Удельный (в расчёте на единицу проданного товара) рост этих затрат — это понижение конкурентоспособности, понижение удельных затрат — напротив, наращивает конкурентоспособность. Те нормы затрат на наёмного работника, те нормы условий труда, которые записаны в законах, — это нормы, которыми капиталисты защищаются друг от друга как от конкурентов. Каждому хочется понизить затраты за счёт работников, но нельзя позволять конкурентам опережать себя в этой гонке жадности. Вот и появляются нормы закона, ограничивающие жадность каждого отдельного предпринимателя какой-то мерой.

Социальное законодательство в капиталистическом государстве — это всегда способ самозащиты предпринимательства как класса в целом от разрушительности конкуренции между предпринимателями. Конкуренция без нарушения законных норм эксплуатации называется у них добросовестной, а конкуренция с нарушением законных норм эксплуатации называется у них недобросовестной. Стало быть, существует у них такое понятие — совесть эксплуататора. И они придают первостепенное значение обеспечению эксплуатации “по совести”. Смотрите, например, Конституцию Российской Федерации. Статья 8 устанавливает, что в Российской Федерации гарантируется поддержка конкуренции, а статья 34 уточняет: “2. Не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию”.

4. Рассмотрим теперь природу классовых представлений наёмных и эксплуатируемых об общественно нормальном социальном положении.

Первое, что необходимо подчеркнуть и что очень туго доходит до профсоюзников (особенно до выборных профруководителей наших прежних отраслевых профсоюзов, объединённых в ФНПР), — это азбучная истина: в законах прописано **наихудшее из допустимых** в данном обществе в данное время социальное положение наёмных и эксплуатируемых трудящихся. Законы пишут, во-первых, чиновники, нанятые капиталом, и депутаты, в большинстве своём сознательно отстаивающие интересы именно капитала. Если по инициативе правительства и депутатов что и записано в законах в пользу работников и их семей, то исключительно из потребности обеспечить надёжную для капитала в целом атмосферу эксплуатации, пресечь недобросовестную конкуренцию. Но сами условия “добросовестной” конкуренции выстраиваются законодателями так, чтобы обеспечить классу капитала **максимально возможную в сложившихся условиях меру эксплуатации** наёмных работников, да и остального населения тоже.

Именно поэтому и применяется принцип “ин фаворем” (принцип неухудшения), не позволяющий ухудшать норму, зафиксированную в законе, ни в каких “менее важных” правовых актах (постановлениях исполнительной власти, в приказах администрации, в коллективных договорах, в отраслевых и региональных соглашениях, в индивидуальных трудовых договорах). Профкомы же профсоюзов ФНПР в последние годы очень часто подписывали колдоговоры, включающие ухудшающие нормы в сравнении с КЗоТ, а в конце концов ФНПР и её представители в ГосДуме пошли на сговор с Правительством и в 2001 году ухудшили сами нормы трудового законодательства. Правил же для профсоюзов при любых переговорах о заключении любых договоров и соглашений является отказ от каких-либо уступок. Предмет переговоров — всегда

только улучшение условий для работников по сравнению с нормами законов.

Это во-первых. Во-вторых, формируя свои представления о нормальном социальном положении, профорганизация ли, трудовой ли коллектив, партия ли трудящихся, класс ли трудящихся и эксплуатируемых в целом должны рассуждать, отталкиваясь не от наличного положения дел, а от нормального. В России, например, мы раздавлены шокowymi реформами. Правительство искусственно сдерживает процессы восстановления прежнего нормального уровня доходов, с восторгом вещает о приростах реальных доходов на 2-3 процента в год. Такими темпами дореформенный уровень доходов будет достигнут разве что внуками или правнуками. Приняв сложившийся в ходе экономического геноцида уровень жизни за исходную точку рассуждений о нормальном социальном положении, мы лишаем наши экономические требования достойного смысла, капитулируем перед государством и капиталом, бессовестно ограбившими народ.

Надо понять, что представления о нормальном социальном положении (об условиях, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека) — не досужие фантазии и не игра безответственного ума, а осознание реального положения трудящихся, их места в обществе, их справедливых претензий на часть результата их труда. Осознав своё нормальное социальное положение, сравнив его с фактическим, уяснив “перебор” в эксплуатации, мы в состоянии выстроить наши достойные, а не крохоборские классовые требования к администрации, к правительству, к государству.

КАК ВЫРАБОТАТЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НОРМАЛЬНОМ СОЦИАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ ТРУДЯЩИХСЯ?

На семинарах Школы трудовой демократии мы не раз ставили перед рабочими и профсоюзными активистами задачи, суть которых сводилась к выработке представ-

лений о нормальном заработке, нормальном доходе, нормальных условиях занятости, условиях труда. Должны сообщить, что такие задания почти всегда (за исключением, может быть, семинара в профсоюзах “Башкирских авиалиний” в Уфе в 2002 г.) вызвали замешательство товарищей. Похоже, что вырабатывая свои требования к администрации, даже свободные (новые) профсоюзы мыслят методом “некоторого улучшения сложившегося положения”, “решения конкретной обострившейся проблемы” и не берут в расчёт нормальное социальное положение, общественную норму. Пожалуй, именно поэтому даже новым свободным профсоюзам недостаёт наступательности. О профсоюзах ФНПР и говорить нечего.

Тем не менее, когда на семинарах в Ульяновске, в Челябинске, в Тольятти, в Москве, в Миассе работа над выработкой представлений о нормальном, скажем, заработке велась в учебных группах, рабочие очень быстро самостоятельно предлагали способы (при том разные) выработки представлений о нормальном. И выходили на реальные, соответствующие жизни параметры. Так, в Челябинске осенью 1999 г. семинар пришёл к выводу, что нормальная зарплата — в среднем 400 долларов США. В Ульяновске (январь 2000 г.) авиастроители сочли нормальной зарплату в 350 долларов месяц. Примерно такие же размеры нормального заработка рабочие обосновывали и на других семинарах. В Миассе на семинаре в октябре 2002 г. водители и другие работники городского пассажирского транспорта посчитали, что нормальный доход на рабочую семью — это сегодня 30000 рублей в месяц, при этом заработок основного в семье работника должен был бы составлять 20000 рублей в месяц.

Размеры признанного нормальным и размеры фактически сложившегося сегодня различаются, как минимум, в 3-5 раз. Разрыв, прямо скажем, огромный. Но он правдиво отражает ситуацию. Трудовой народ ограблен и понимает, что ограблен. Сил для борьбы за справедливое (нормальное) социальное положение нет. Главный ресурс этих сил — солидарность — не освоен, пропадает втуне. Но

если бы солидарность была и силы для сопротивления и наступления на работодателя были, то справедливым и реальным требованием было бы повышение доходов в 3-5 раз незамедлительно, а кроме того требования по созданию современных рабочих мест, существенному улучшению условий труда и др.

Выработка и усвоение массой трудящихся обоснованных представлений о нормальном социальном положении (об условиях, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека) — фактор мобилизации профсоюзной и политической активности трудящихся. Требования к администрации и к правительству получают обоснованный достойный масштаб, они становятся настолько значительными и существенными, что есть смысл за них как следует побороться. И в то же время приходит твёрдое убеждение в справедливости высоких требований.

Какими же способами можно вырабатывать представление о нормальном социальном положении трудящихся?

Прежде всего надо критически отнестись к показателям, которые правительство подсовывает нам как якобы научно обоснованные и нормальные. Это расчёты так называемой потребительской корзины, это установленный федеральным законом минимум заработной платы, это, наконец, утверждаемый федеральным правительством прожиточный минимум. Совсем недавно (осень 2002 г.) правительство установило прожиточный минимум в размере 1816 рублей в месяц на человека (57 долларов США). Минимальная зарплата установлена федеральным законом на уровне 450 рублей (14 долларов США. Это 8,4 цента в час). Через год минимальную зарплату обещают поднять аж до 600 рублей (через год это будет примерно 16-17 долларов США, в расчёте на час — 10 центов). При этом новый Трудовой Кодекс гласит:

“Статья 133.

Минимальный размер оплаты труда... не может быть ниже размера прожиточного минимума трудоспособ-

ного человека”. Значит, по закону минимальная зарплата уже сейчас должна быть не ниже 1816 рублей (всего-то навсего 34 цента в час).

Что можно сказать о таких показателях и таком государственном регулировании оплаты труда в стране? Это форменное и неприкрытое издевательство над трудящимся человеком.

И это ведь касается не только заработков и доходов! Издевательство касается буквально всех характеристик социального положения. К примеру, зарплату правительство намеренно удерживает на уровне оплаты почти дармового труда, а вот квартплату при этом гонит вверх.

Поэтому не станем обращаться к правительственным цифрам. Выработаем свои представления о нормальном.

Есть несколько способов выработать представления о нормальном социальном положении трудящегося и его семьи.

Самый лучший способ — смоделировать нормальное социальное положение. Смоделировать — значит сделать хоть и упрощённое и приблизительное, но всё же жизненное описание того, как нормально в наше время должна жить самая обыкновенная семья наёмного и эксплуатируемого работника. Надо описать, как сказано в Конституции РФ, “условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие” людей. Перво-наперво следует для этого составить перечень самых важных качественных характеристик жизни, а потом стараться “довести” их до количественных нормальных измерений.

Например, можно начать с того, что вся жизнь человека и его семьи протекает в трёх сферах: трудовая, семейно-бытовая, досуговая. Нормальное положение в трудовой сфере предполагает условия занятости, режим работы, продолжительность труда и отдыха, оплату, условия профессионального развития, страхование и т.п. Семейно-бытовая сторона жизни обеспечивается наличием жилья, его благоустройством, доступностью бытовых ус-

луг, услуг здравоохранения, обучения детей, условиями отдыха и т.п.

При составлении перечня важных качественных характеристик социального положения уместно воспользоваться описанием прав и принципов в международных документах. В качестве приложения к этой брошюре мы печатаем выдержки из Европейской социальной хартии. В её первой части важнейшие права и принципы перечислены. Остаётся только “примерить” их к нашим привычкам, представлениям, традициям, к нашей социокультуре. Примерить не к сложившимся в последние годы печальным обстоятельствам кругом ограбленных людей, не к установкам на “выживание”. Заметьте это. “Применять” (то есть конкретизировать, описывать, развёртывать) международно признанные права и принципы надо к характерным для многих из нас представлениям о нормальном социальном положении как об условиях, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Моделирование нормального социального положения — дело важное, интересное, доказательное, но трудоёмкое и требующее терпения, знаний, опыта. Такие разработки хорошо бы вести на научной профессиональной основе для всего класса наёмных и эксплуатируемых, для регионов, для отдельных отраслей. ФНПР, располагая средствами, могла бы это осилить. Но не делает, не заказывает таких разработок. В то же время руководители ФНПР сокрушаются, что у профсоюзной рядовой массы слишком неразвитые представления о своём нормальном социальном положении, слишком заниженные требования, слишком большая готовность считать, что требовать бесполезно и добиться всё равно ничего нельзя.

Когда все вместе создадим свой Интернациональный Рабочий Университет, мы такие научные разработки нормального социального положения трудящихся обязательно наладим. А пока придётся обходиться более простыми методами. Например, такими:

1. Метод представления о нормальном как о привычном для многих, для большинства. В нашей

стране сейчас ситуация для большинства трудовых семей такая: недоступным в ходе шоковых реформ стало удовлетворение тех потребностей, которые были привычными ещё 10-15 лет назад. Потребление одних товаров и услуг пришлось “ужать”, от других вообще отказаться как от роскоши. Большинство трудовых семей чувствует это абсолютное обеднение, обнищание, лишённость. Это касается буквально всего из жизненно необходимого: питания, одежды, транспорта, детсадов, лечения, врачебного обслуживания, обучения детей, жилищных условий. Это касается и условий труда, и отношений с администрацией, и условий оплаты.

Опыт обсуждения проблемы нормального социального положения на семинарах рабочих в Школе трудовой демократии показал, что люди правильно понимают проблему, рассуждают по-деловому, здраво и совместными усилиями успешно вырабатывают представление о своём нормальном социальном положении, отличающемся от фактически сложившегося положения.

2. Метод “Нормальная доля заработка в цене продукции”. Это очень простой метод, но отвечает он не на все вопросы, а только на вопрос о нормальном уровне заработка. Этот метод можно успешно применять в интересах рабочего контроля, в интересах обоснованных требований к администрации — требований как индивидуальных, так и коллективных.

Метод основан на том, что доля заработка в цене продукции отражает устойчивое соотношение живого труда (затраченного в период производства продукта или услуги) и других факторов, образующих цену. Возьмём пример.

Продукт А продаётся на рынке по 1200 рублей за штуку, а продукт Б — по 240 рублей за штуку. Структура цены (слагаемые цены) такая (вникните в таблицу 1).

Комментируем таблицу 1 и ведём на её основе счёт.

Пусть в нашем примере в месяц производится 2000 продуктов А и 4000 продуктов Б. Цена без НДС составит:

1000р. х 2000 + 200р. х 4000 = 2800000р.
 Цена продаж (с НДС) составит:
 2800000р. + 2800000р. х 0,2 = 3360000р.

Таблица 1

	продукт А		продукт Б	
	руб.	%	руб.	%
Материальные затраты (сырьё, материалы, полу- фабрикаты и др.).....	450	45	80	40
Затраты на электроэнергию	50	5	12	6
Износ оборудования	10	1	2	1
Оплата труда (без зарплат администрации) ⁷⁵	100	10	48	24
Налоги, включаемые в издержки:				
— единый социальный налог (ЕСН).....	35	3,5	17	8,5
- другие налоги.....	18	1,8	4	2
Другие издержки.....	137	13,7	11	5,5
Всего издержки.....	800	80	174	87
Прибыль и все доходы администрации.....	200	20	26	13
Цена без НДС.....	1000	100	200	100
Налог на добавленную стоимость (НДС).....	200	20	40	20
Цена продажи покупателю	1200		240	

Фонд оплаты труда составит:
 100р. х 2000 + 48р. х 4000 = 392000р.
 Доля заработка в цене продукции без НДС:

⁷⁵ Вот это, товарищи, ключевой момент. Считайте зарплату (а лучше все доходы) управленческого персонала (от мастера и до самого верха) отдельно от зарплат наёмного эксплуатируемого персонала. В форме больших зарплат и иных доходов начальства фактически движется часть прибыли.

392000р. : 2800000р. = 14%
 Доля заработка в цене продукции с НДС:
 392000р. : 3360000р. = 11,67%

Представим себе, что через какое-то время ситуация изменилась. Чубайс погнал вверх цены на электроэнергию, выросли цены на сырьё, изменились налоги и т.п. И зарплата увеличилась.

Цены на продукты тоже поднялись. Продукт А стал продаваться на рынке по 1500 рублей за штуку, а продукт Б — по 360 рублей за штуку. Структура цены (слагаемые цены) теперь такая (вникните в таблицу 2).

Таблица 2

	продукт А		продукт Б	
	руб.	%	руб.	%
Материальные затраты (сырьё, материалы, полу- фабрикаты и др.).....	550	44	135	45
Затраты на электроэнергию	100	8	24	8
Износ оборудования	11	0,9	2,7	0,9
Оплата труда.....	115	9,2	57	19
Налоги, включаемые в издержки:				
— единый социальный налог (ЕСН).....	40,3	3,2	20	6,7
— другие налоги.	21,3	1,7	6	2
Другие издержки.....	162,4	13,0	16,3	5,4
Всего издержки.....	1000	80	261	87
Прибыль и все доходы администрации.....	250	20	39	13
Цена без НДС.....	1250	100	300	100
Налог на добавлен. стоим.	250	20	60	20
Цена продажи.покупателю.	1500		360	

“Расценка” за продукт А выросла со 100 до 115 рублей (на 15%), а за продукт Б — с 48 до 57 рублей (на 18,75%). Разве плохо в наши-то трудные времена? Однако посчитаем долю заработка в цене продукции.

Допустим, произошли сдвиги в структуре выпуска. Теперь производится 1800 продуктов А и 5000 продуктов Б. Цена без НДС составит:

$$1250\text{р.} \times 1800 + 300\text{р.} \times 5000 = 3750000\text{р.}$$

Цена продаж (с НДС) составит:

$$3750000\text{р.} + 3750000\text{р.} \times 0,2 = 4500000\text{р.}$$

Фонд оплаты труда составит:

$$115\text{р.} \times 2000 + 57\text{р.} \times 4000 = 458000\text{р.}$$

Доля заработка в цене продукции без НДС:

$$458000\text{р.} : 3750000\text{р.} = 12,21\%$$

Доля заработка в цене продукции с НДС:

$$458000\text{р.} : 4500000\text{р.} = 10,18\%$$

Итак, вот результат: доля заработка в цене продукции сократилась с 14% до 12,21% в цене без НДС, а в цене с НДС — с 11,67% до 10,18%. Работники вправе настаивать на неснижении доли заработка в цене продукции. Заработок рос, но медленнее цены (в любом её измерении — хоть с НДС, хоть без НДС). Если бы он рос вровень с ценой, то получалось бы, что “расценка” за производство продукта А должна была бы вырасти со 100 рублей до 125 рублей (цена без НДС 1250р. $\times$ 10%), а по продукту Б — с 48 рублей до 72 рублей (цена с НДС 300 рублей $\times$ 24%). Значит недодано по продукту А по 15 рублей за штуку, а по продукту Б — по 24 рубля за штуку. А всего при сохранении прежней доли заработка в цене продукции за весь объём производства должно было быть заплачено 525000 р. ($375000\text{р.} \times 14\%$), а заплачено фактически только 458000. Недоплата — 67000 р. А если посчитать долю заработка в цене с НДС (по такой цене покупает потребитель, то есть и мы с вами, когда тратим зарплату), то надо было начислить зарплаты за весь объём производства 525150 рублей ($4500000 \times 11,67\%$). Недоплата 67150р. 150 рублей прикарманило государство. Это, конечно мелочь, так что считать можно по любой цене (с НДС или без НДС) — итог примерно одинаков.

Продолжаем наш счёт. Фактически средняя зарплата (и фонд оплаты труда, если количество работников не менялось) выросла на 16,83%. А должна была вырасти на

33,97%. Немалая разница. Поэтому вполне справедливым будет требовать повышения среднего заработка на 17-20%.

Само собой разумеется, что работодатель засмеётся нам в лицо: “Вы что же, не понимаете, что взять денег неоткуда: энергия дорожает, материал дорожает, налоги душат... Вы хотите обанкротить предприятие! Хотите остаться без рабочих мест... Призовите к здравому смыслу ваших безумных и безграмотных профсоюзных вожakov! Вместо того, чтобы осуществлять социальное партнёрство, они громоздят несуразные требования”.

На это мы предъявим нашему работодателю такие аргументы. Цена нашей продукции ведь тоже выросла (на 25% по продукту А и на 50% по продукту Б). За счёт этого получено выручки (без НДС) на 1 миллион 700 тысяч рублей больше ($4500000 - 2800000$). Из этого прироста выручки прирост оплаты труда составил только 66000 рублей ($458000 - 392000$), или 3,88% ($66000 : 1700000$). А каков был прирост прибыли и всех доходов администрации?

По таблице 1 считаем сумму прибыли и всех доходов администрации.

$$200\text{р.} \times 2000 + 26\text{р.} \times 4000 = 400000 + 104000 = 504000\text{ р.}$$

Теперь по таблице 2.

$$250\text{р.} \times 1800 + 39\text{р.} \times 5000 = 450000 + 195000 = 645000\text{ р.}$$

Прибыль и все доходы администрации **выросли на 141 тысячу рублей, то есть на 27,98%**. 141000 р. прибавки составила от общего прироста реализации 8,29%.

Допустим, сырьё, энергия и всё на свете дорожает. От этого растут издержки и цены. Но отчего же цена труда оказывается “крайней”? Почему она-то не растёт, как и другие цены, а гораздо медленнее (это отставание в росте и даёт уменьшение заработка в цене продукции).

Но кто на производстве принимает решения и обязан по должности изыскивать способы понижения издержек или сдерживания их роста? Разве рабочие? Нет, не рабочие, а управленцы. Именно поэтому работники впра-

ве требовать сохранения доли своего заработка в цене продукции, а управленцы должны нести ответственность рублём за неумение эффективно выполнять свою работу. Недоплату в размере 67150 рублей можно и нужно возместить из 141000р. прироста прибыли и всех доходов администрации.

Это самый справедливый вариант решения вопроса. Может быть и компромисс. Рассуждаем компромиссно (партнёрски):

1) из 1700000р. прироста выручки на прирост оплаты труда пришлось 66000р. и на прирост прибыли и всех доходов администрации 141000р. Итого “всему коллективу” 207000 р.

2) исходное соотношение доли оплаты труда работников и прибыли и всех доходов администрации было таким: 392000 : 504000, то есть как 1:1,286. Давайте в этой же пропорции по-партнёрски разделим весь прирост в 207000р. Рабочим достанется 90551р. ($207000 : 2,286$), а администрации и собственникам 116449р. Разница - 24551р. Столько надо передать от работодателя работникам. Компромисс “отвоёвывает” работникам почти 37% несправедливой недоплаты. Однако 63% недоплаты (42599р. из 67150р.) остаётся у работодателя. Но если сил для давления на администрацию маловато, то можно идти и на компромисс.

Как ни крути, а решающее слово в вопросе о справедливости всегда за соотношением сил.

Последнее замечание о методе определения нормального уровня оплаты по доле заработка в цене продукции. Применим ли этот метод в случаях, когда шоковые реформы обваливают уровень заработка и резко понижают долю заработка в цене продукции? К примеру, по официальному признанию Правительства РФ (2000 г.), доля оплаты труда в валовом внутреннем продукте страны снизилась с 50% при начале реформ до 30% в 1999г. Подобная картина и по отраслям, и по предприятиям. Можно ли сегодня брать за нормальную долю заработка в цене продукции до начала реформ (1989, 1990, 1992 годы)? Несомненно, можно. И нужно. Уровень всех компонентов цены производимой продукции поднялся быстрее, чем цена труда. Это значит, что работника держат при реформах за донора их осуществления. Действует, стало быть, дополнительный канал эксплуатации. Работники вправе не мириться с этим, сопротивляться этому, требовать восстановления дореформенного соотношения. Приведённая цифра Правительства РФ даёт основание требовать немедленного повышения уровня заработка на 65-70% ($50\% : 30\% = 1,6667$).

3. Метод оценки нормальности по аналогии⁷⁶.

Этот метод — весьма для нас знакомый, ходовой. Только мы его применяем чаще всего не на пользу, а в ущерб себе. Например, потеряли, допустим, в зарплате, в льготах, получили извещения о повышении квартплаты, мучаемся от отключения отопления, электричества. Ворчим, ругаем власти или начальство. Но обнаруживаем, что и у других те же беды. Или сами власти говорят нам: ничего не поделаешь, времена такие трудные, всем тяжело, надо всем вместе потерпеть. Ну, раз всем вместе, то ладно, отвечаем. Со всеми вместе не обидно. О том, что все вместе можем надавить, потребовать, заставить перестать издеваться над людьми, мысль как-то не приходит. Мы, дескать, люди не злобные, к трудностям привычные, нам главное, чтобы не обидно, чтобы “как у всех”.

Так вот и получилось, что за 11 лет (после 1991 г.) у большинства трудящихся семей осталась лишь десятая часть покупательной способности, исчезла надёжная занятость, значительно повысилась доля квартплаты в семейных бюджетах и т.д., а воспринимается это уже вроде как и нормальное. И если правительство повышает минимум оплаты или пенсий раз в год на 150 рублей (при росте цен в среднем на 15%, а на транспорт — на 50%, на оплату услуг — на 50%,

⁷⁶ *Аналогия - сходство. Аналог — нечто соответственное, соразмерное, сходное в каких-то важных отношениях. Аналогичный — сходный, соответственный.*

на электроэнергию — на 50%, на телефон — на 100%), то мы уже готовы поддакивать правительству и журналистам, что “жизнь, мол, налаживается”.

Нам надо бы применять метод оценки нормально-сти по аналогии не как успокоительное для себя средство, а как инструмент оценки социальной справедливости во взаимоотношениях труда и капитала, властей и народа. Ведь благодаря четвёртой русской революции глаза развязаны, изо рта кляп вынут, “железный занавес” убран. Ездим по миру без разрешения и соизволения властей, видим, слышим, читаем, что угодно, разговариваем, с кем хотим и о чём хотим. Есть интернет. Нет цензуры. Есть свободная пресса (не одна же только продажная). Есть честные учёные, стоящие на стороне народа, а не только “персоны гранта”, славящие за иностранные деньги шоковые реформы и мероприятия правительства.

Короче, у трудящихся и их организаций есть полная и свободная возможность узнать, выяснить, своими глазами посмотреть, как живут, трудятся, оплачиваются люди на сходных (аналогичных) предприятиях в других странах. Ведь так называемая “открытая экономика” поместила наши и аналогичные иностранные предприятия в одно рыночное конкурентное пространство. Цены на продаваемые товары близки по уровню. А доля заработков в цене проданных товаров? Близка ли она по значению у нас и у таких же трудящихся за рубежом? Скажем, нефть гонят за рубеж по одинаковой (мировой) цене, ведь так? А уровень заработка у российских и иностранных нефтяников разве одинаковый или близкий? А у пищевиков? А у учителей?

Разница всегда не в нашу пользу. Значит, кто-то получает “фору” за счёт трудящихся, а толкует нам о трудных временах. Наши дельцы завалили западный рынок дешёвым стальным прокатом. А за счёт чего дешевизна? Уж не за счёт ли более передовых технологий, самой высокой в мире производительности труда, самой высокой и эффективной организации труда и производства? Нет, конечно. За счёт почти даровой рабочей силы. В 70-е годы XX века за одинаковый с западноевропейским уровнем

труд в СССР платили 25-30% западноевропейской зарплаты, сейчас в среднем — 1,5-2%.

Интересуйтесь аналогами. Поезжайте на схожие предприятия в страны Западной Европы. Конкретно и подробно расспросите своих товарищей-рабочих о их труде, быте, зарплате, социальном обслуживании, социальном страховании. Сделайте выводы. Укрепитесь в представлениях о том, что нормально, а что ненормально.

Только не забудьте, пожалуйста, поинтересоваться, надеются ли они только на власти и на дружбу (партнёрство) с работодателями или считают нужным и обязательным бороться за своё положение каждый год, каждый месяц, каждый день.

ЧТО УГРОЖАЕТ НОРМАЛЬНОМУ СОЦИАЛЬНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ ТРУДЯЩИХСЯ? СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ

Нормальное социальное положение — это то, чем трудящийся и его семья дорожат. Это для них социальная ценность. Её непросто добыть, непросто и удерживать. Она подвергается опасностям нарушения и даже разрушения. Откуда берутся опасности, насколько они велики? Насколько значимы нарушения?

Когда речь ведётся о нарушении нормального социального положения, имеются в виду, сами понимаете, не любые перемены в жизни человека и его семьи, а такие, которые серьёзно ухудшают общественные условия их существования и развития. Социально значимым нарушением можно считать существенное отклонение от социальной нормы какого-либо (или нескольких) важнейших параметров социального положения той или иной социальной группы (*О параметрах социального положения говорилось выше*).

Угрозы (опасности) нарушения нормального социального положения называются рисками. Риски нарушения нормального социального положения имеют разную природу, то есть возникают и могут воспроизводиться по

разным причинам (стихийные бедствия, военные действия, эпидемии, революции, государственные перевороты, демографические взрывы и провалы и т.п.). В системе рисков выделяются **социальные риски**.

Социальные риски — риски социального происхождения; вероятные опасности, угрозы нарушения нормального (для данного общества) социального положения, вызываемые неустраняемыми для данного общества причинами, корнящимися в самом его конкретно-историческом устройстве. Социальные риски возникают и существуют не в чрезвычайных, а в обычных (нормальных) условиях развития общества, закономерно (а не случайно) сопровождают нормальное функционирование общества и — более того — имеют своими причинами именно базовые общественные отношения, нормальные (повседневные, регулярные) общественные порядки.

Пример. Частная капиталистическая собственность является общественной формой (предопределяет общественное устройство) капиталистического воспроизводства. На рынке труда частные предприниматели вправе нанимать не больше работников, чем им требуется для экономически эффективного хозяйствования. Общество и государство не в праве навязать им приоритет критериев социальной эффективности (например, приоритет не прибыльности, а полной занятости). В связи с этим всегда существует вероятность, что суммарный спрос на рынке труда окажется меньше суммарного предложения. Постоянная вероятность излишка предложения равнозначна постоянной опасности для части работников оказаться без работы. Риск безработицы вытекает, следовательно, из главенства частной капиталистической собственности в организации общественного производства, из подчинения развития хозяйства всего общества частным интересам капитала. Риск безработицы — типичный риск социального происхождения. Примеры других социальных рисков — риски бездомности, безземельности, бедности, стандартизации потребления (“массовая культура”), социального отторжения (опускания на “социальное дно”, люмпенизации).

В форме социальных рисков проявляются их глубинные причины — социально-классовые антагонизмы, отношения эксплуатации.

Конкретный состав социальных рисков меняется в ходе общественного развития и постепенно (в фазах эволюций) и скачкообразно (в фазах революций и революционных реформ).

В России скачкообразное изменение системы социальных рисков произошло в ходе четвёртой русской революции и революционных реформ 1990-х годов.

НОРМАЛЬНЫЕ И НЕНОРМАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В СОЦИАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ ТРУДЯЩИХСЯ И В СОЦИАЛЬНЫХ РИСКАХ

Вполне закономерно, что время от времени в обществе происходят революции и революционные реформы, возникают переходные состояния. По этой причине случаются глубокие (коренные) преобразования, затрагивающие положение людей в обществе и перестраивающие всю систему социальных рисков. Иначе и быть не может: ведь система социальных рисков — это составная часть общественного строя.

Основные направления перемен при переходе к капиталистическим условиям хозяйствования

Обратите внимание: вся специфика труда как процесса социального, а не только сугубо производственного, **проистекает** — из чего? — **из того, что работник — не только рабочая сила**, пригодная для выполнения конкретных функций в производстве, **а и человек, гражданин, член общества**. То есть работник, будучи фигурой производственной, является в то же самое время фигурой общественной, включён не только в производство, но и в более масштабную, чем производство, систему — в общество.

Существенные (принципиальные) перемены в труде, в жизни трудящихся происходят в силу отмеченной

специфики как в связи с переменами в организации производственного процесса на предприятиях, так и в связи с переменами в общественном устройстве. При переходе к капиталистическим условиям хозяйствования серьёзно меняются и общественное устройство, и организация труда на конкретных предприятиях. Нужно принять во внимание и то, и другое, и притом не порознь, а во взаимосвязи.

В России переход к рыночным капиталистическим условиям хозяйствования происходит деформированно, то есть наперекосяк. Из-за этого придётся обсудить поставленную проблему как бы в двух ракурсах:

1) какие закономерные перемены в труде и в жизни трудящихся должны были бы произойти, если бы развитие шло нормально, без перегибов, без перекосов, без “прыжков в рынок” и иной дури, без небывалого размаха “прихватизации”, коррупции и криминала;

2) какие отступления от нормального хода, какие извращения в социально-трудовых отношениях возникли в силу шокового и преимущественно разрушительного метода осуществления рыночных реформ в России.

Закономерные перемены в труде и в жизни трудящихся при переходе к капитализму

Рыночные условия хозяйствования в СССР, а затем в независимой России должны были бы возникнуть как результат ухода (отхода) от тоталитарной модели хозяйствования, продиктованной тоталитарным режимом, существовавшим в СССР с конца 20-х годов (начиная с так называемой сталинской эпохи).

Попытки реформировать тоталитарную экономику и в её составе тоталитарные социально-трудовые отношения предпринимались, начиная с 50-х годов, но не имели успеха. Последствиями безуспешного реформирования стали процессы и тенденции разложения и загнивания тоталитарной системы. В социально-трудовой сфере это выразилось в ослаблении материальной и особенно моральной заинтересованности в труде, в прекращении доминирования инициативной мотивации и выдвигании на роль

доминирующей сугубо исполнительской мотивации, в ослаблении трудовой дисциплины и трудовой морали. Не имея демократических гражданских прав и свобод, трудящиеся не развивались как граждане, как субъекты управления трудом, социально-трудовых отношений, социальной политики. Существовало множество структур типа общественных организаций в социально-трудовой сфере (профсоюзы, общества рационализаторов, социалистическое соревнование, советы ветеранов, общественный контроль и т.п.), но масса трудящихся состояла в них в основном как пассивный наполнитель.

В 60-80-е годы трудящиеся стали всё шире вовлекаться в процессы разложения системы (в приписки, в липовые встречные планы, в теневую деятельность, в массовое мелкое воровство на производстве — так называемые “несуны”). Нездоровые отношения складывались между рабочими и работниками администрации, начиная с мастеров. Основная причина — фактическое бесправие рабочих, невозможность защиты своих законных трудовых и социальных прав в суде. Протесты трудящихся против унижений подавлялись, вплоть до расстрелов (самый известный пример — расстрел правительством Хрущева манифестации забастовавших рабочих в Новочеркасске 1-3 июня 1962 года)⁷⁷.

Переход к капиталистическим условиям хозяйствования — процесс вторичный, первичный же — переход общества от тоталитарного режима к демократии, к модели гражданского общества и правового государства. Процессы и тенденции загнивания, разложения и вырождения возникли и окрепли в СССР именно потому, что из попыток реформ жёстко исключалась демократизация общества и хозяйства. Тоталитарный режим справедливо вос-

⁷⁷ Об этом см. книгу “Новочеркасск 1-3 июня 1962 г. Забастовка и расстрел”. Серия “Не дам забыть...” Страницы истории рабочего движения. — М.: Институт перспектив и проблем страны. 1997. 77 с.

принимал демократию как свой антипод, в этом коренилась его неспособность к самореформированию.

Путь к оздоровлению обстановки в обществе и в хозяйстве открывала демократическая антитоталитарная революция, включающая как устранение тоталитарного политического режима, так и демократическую реформу управления хозяйством и управления трудом.

Критерием верного направления и успеха демократических реформ является, без всякого сомнения, возникновение реальной многосубъектности в обществе и в хозяйстве (это главный признак гражданского общества, отличающий его от тоталитарного, в котором единственным реальным субъектом является правящая каста — номенклатура, — узурпирующая всю полноту и общественной, и хозяйственной власти). Демократические реформы управления трудом также состоят в устранении монополии на это управление, в развитии реальной многосубъектности в социально-трудовой сфере.

Давайте рассмотрим это фундаментальное утверждение на примере реальных социально-трудовых процессов и отношений.

Возьмём, к примеру, занятость. Как управлялся этот социально-трудовой процесс в тоталитарных условиях? Так, как в армии управляют “личным составом”. Труд (по закону) был обязателен для каждого трудоспособного. Для каждого предприятия вышестоящая организация устанавливала штатное расписание с пределом общей численности и структурой персонала. Временами запрещалась перемена места работы по собственному желанию. Кроме этой крайней применялись иные меры вынужденного для работника закрепления на производстве. Территориальные перемещения организовывались властями, самостоятельные перемещения труда по территории страны затруднялись (наличие прописки как обязательное условие приёма на работу и т. п.), а за рубежом — прямо запрещались. Избыточная рабочая сила либо административно раскреплялась по предприятиям, либо затруднялось её высвобождение предприятиями.

Таким образом, перемещение рабочей силы в хозяйстве, её распределение по предприятиям происходило без рынка труда (если не считать процессы увольнения и устройства на работу, не имеющие общественно организованной институциональной формы). Существовавший в СССР институт организованного набора кадров можно лишь с большой натяжкой уподоблять бирже труда в рыночном хозяйстве.

К сказанному никак нельзя не добавить прискорбный факт массового использования в тоталитарном СССР принудительного труда. В 30-50 годы и даже позже это был ГУЛАГ (массовые репрессии кроме политической функции имели и экономическую: применялось своего рода рабство, хотя проблема эта историками изучена лишь фрагментарно). В 60-80-е годы массовое распространение получил труд “химиков” — осуждённых на отбывание сроков наказания “на стройках народного хозяйства”. К принудительному труду могли быть также отнесены: труд многих советских колхозников и труд призванных в армию, используемых не для исполнения воинского долга, а как даровая рабочая сила.

Что важнее всего отметить, анализируя практику управления занятостью в тоталитарном обществе? Думается, крайне ограниченные возможности самостоятельных решений и действий работника. Установленная государством система занятости не была рассчитана на действительно свободный выбор работником места и качества работы. Выбрать можно из предлагаемого, но это предлагаемое имеет очень серьёзные ограничения, увязанные с ограничением гражданских прав и свобод работника, а также с ограничениями самостоятельности действий непосредственного работодателя. В случаях работы в исправительно-трудовых лагерях ограничение гражданских прав прослеживается предельно чётко. Но и на воле человек был не совсем на воле (обязательность прописки, порядок получения жилья и особенно перемены места жительства, характеристики с предыдущего места работы, негласные указания о дискриминации по национальному признаку

при приеме на работу — в частности, насчёт евреев в 50-80-е годы, прибалтов в их республиках при приёме на оборонные заводы, представителей депортированных народов и т.д.). Прекрасные нормы КЗОТ и Конституции СССР были сами по себе, а тоталитарная практика им явно не соответствовала по самим принципам своего устройства, а не только в смысле ошибок и “перегибов на местах”.

Генеральное направление изменений в обществе — уход от тоталитаризма к демократии — означает кардинальную перемену в мере **реальной свободы** человека в обществе, в любой из сфер жизнедеятельности, в том числе и в социально-трудовой сфере, и в сфере занятости. В этой сфере работник должен стать полноценным субъектом действий, свободно и самостоятельно определяющим свою занятость во взаимодействиях с обществом и государством. Это означает, как минимум, следующее:

- а) запрет по закону принудительного труда;
- б) отмену обязательности труда для каждого трудоспособного (такова норма буржуазной демократии; социалистическая же демократия предполагает запрет паразитического образа жизни и эксплуатации человека человеком);
- в) развитие рынка труда;
- г) недопущение недобросовестной конкуренции на рынке труда;
- д) верховенство закона в регулировании проблем занятости.

Эти направления перемен меняют сам **характер** занятости. Внешне вроде бы всё остаётся более или менее по-прежнему: взаимодействуют работники, руководители производства, государство и его органы. Но это уже совсем другие работники, руководители производства и тем более совсем иное государство.

При тоталитарных порядках государство всецело берёт на себя решение всех без исключения важнейших вопросов занятости, доводя регламентацию нередко до мелочных предписаний. Оно изначально исключает любые свободы в сфере формирования занятости, загоняя прак-

тику в разрешительный режим (“что не разрешено, то запрещено; допустимо только разрешённое”). Управленцы на предприятиях обязаны выполнять всё предписанное государством, даже когда это нарушает права и свободы граждан и вредит интересам производства и общества. Работник оказывается под двойным гнётom — государства-эксплуататора и администрации, не считающейся с законом, а следующей инструкции сверху и дополняющей инструкции своими ужесточениями. Работник фактически ограничен в гражданских правах и свободах, а отсюда его несвобода в сфере занятости.

При демократических порядках функции государства меняются кардинально (то есть коренным образом, по самому своему характеру), хотя в составе и порядке процедур управления изменения могут быть менее заметны. Работники и работодатели действуют свободно, все ограничения указаны в законах и только в законах. Государство обеспечивает невозможность для каких-либо органов власти ограничить действия работников и работодателей в большей мере, чем предусматривает закон. Все, что не запрещено **законами (и только законами)**, — дозволено.

Мы рассмотрели, как должно меняться управление занятостью. Точно в таком же ключе можно рассмотреть и другие сферы и процессы, входящие в социально-трудовую сферу: организацию труда на производстве, условия и охрану труда; оплату труда; социальные риски для трудящихся и защиту от них и т.п. В итоге получились бы следующие выводы:

1. Переход от тоталитаризма к любой форме демократического устройства общества приводит гражданские права и свободы в активный (актуальный, реально востребуемый) вид, к развитию более или менее полноценной многосубъектности взамен тоталитарной бессубъектности большинства населения. Для трудящихся это имеет воистину революционное значение, ибо, во-первых, трудящиеся реально включаются в гражданскую жизнь, а, во-вторых, процессы труда и увязанные с трудом перестают регулироваться командно и быть тотально подконтроль-

ными центру, становятся предметом и результатом социально-политических (то есть социально-групповых) взаимодействий.

2. Государство перестает командовать трудовыми отношениями (термин “государственный патернализм” совсем не подходит для характеристики командно-карательных отношений: ничего “отеческого” в тоталитарном государстве нет), заменяется демократическим государством, издающим законы и обеспечивающим их применение и верховенство. Для управления трудом такая перемена означает переход от защищённости “справедливостью командира” к защищённости справедливостью закона и гарантиями не только государства, но и общества. Становится реально доступной судебная защита социально-трудовых прав и свобод, что качественно превосходит защиту через обращение в партбюро, в профком и с письмом-жалобой в газету или на имя генерального секретаря ЦК правящей тоталитарной партии.

3. Помимо более надёжной защиты прав появляется то, чего реально не было и в принципе не могло быть в тоталитарном обществе: реальные свободы, возможность иметь пространство самостоятельного свободного действия, пространство, не зарегулированное мелочными запретами и не требующее конкретных разрешений для появления чего-либо нового, ещё не бывалого. Для управления трудом это означает возможности порождения трудящимися удобных для них и всё более эффективных форм и процедур формулирования, предъявления и отстаивания своих групповых и классовых социально-трудовых интересов. Такие же возможности открываются и перед работодателями. Управление трудом, становясь демократическим, существенно усиливается и становится гораздо более социально эффективным благодаря тому, что подпитывается возрастающей активностью всех социальных групп в социально-трудовой сфере при повышении эффективности и гибкости государственной власти.

4. Сложившиеся при тоталитаризме формы управления трудом имеют свойство инерционности, как и всякие

иные формы жизни, покидающие историческую сцену, вытесняемые с неё. Они привычны для большинства населения. В случае выхода из тоталитаризма эта инерционность, связанная с привычностью, резко усиливается не просто пассивностью населения, а его приученностью к несвободе, к “красным флажкам” разрешительного порядка жизни. В результате процессы демократизации социально-трудовой сферы идут с отставанием от возможностей, создаваемых антитоталитарной революцией, идут в режиме “невостребованности” трудящимися своих прав и свобод. В этих условиях возрастает функция государства, связанная с необходимостью поддерживать и культивировать активизацию трудящихся, освоение обществом демократических, гражданских, правовых форм протекания социально-трудовых процессов и отношений.

Деформации в социально-трудовых отношениях, возникшие в ходе шоковых реформ в России

Шоковые методы осуществления реформ в России существенно деформировали развитие общества и хозяйства в сравнении с логикой закономерностей перехода от тоталитарного к демократическому обществу, от тоталитарного хозяйства к рыночному, от командно-карательного типа управления хозяйством и трудом к демократическому. Деформации оказались столь глубокими и значительными, что сложившиеся тенденции не выводят Россию ни к демократии, ни к рыночному хозяйству. Это обстоятельство нельзя упускать из виду. Нельзя рассуждать о современной российской практике как о рыночной и демократической. Нельзя и исходить из того, что рыночность и демократия уже, дескать, есть, уже завелись, но пока не окрепли, не развились, не проявили себя в полную силу. Дело складывается, к сожалению, не так: надо ещё доказать, что фактические перемены идут в русле созидания, а не только разрушения как хозяйства, так и общества. Отметим основные принципиальные отступления от закономерной логики демократических преобразований, прямо касающиеся перемен в управлении трудом.

а) Шоковые методы реформирования ввергли большинство населения в тяжелейшее экономическое положение, поставили выше других задачу биологического выживания фактически ценой деградации всех сфер жизнедеятельности (труда, быта, досуга, общественной активности). Вместо становления человека, семьи, коллектива, территориальной общности как субъектов гражданского общества получилось углубление разобщенности, отчужденности от общества, возрастание враждебности и агрессивного индивидуализма. Массовое распространение стали получать явления асоциальные и антисоциальные. Оказался заблокированным основной фактор оздоровления общества, экономики и социально-трудовой сферы — возрастание гражданской активности, общественно полезной и социально эффективной инициативы, предприимчивости, самостоятельности, ответственности. Ведь все эти благотворные процессы могут возникать и развиваться только в обществе и при помощи общества. В обстановке шокового воздействия на большинство населения парализуются в первую очередь именно коренящиеся в большинстве народа факторы благотворных перемен. Шок, допустимость которого очень и очень спорна даже на период месяцев, растянулся на несколько лет и стал губительным.

б) Государство, намеренное по своей Конституции быть или стать социальным, в течение нескольких лет действует прямо противоположным образом. Оно не является основным институциональным гарантом защиты большинства населения от социальных рисков, а само выступает источником основных социальных рисков (в этом ведь вся суть шоковой модели реформирования). Устранившись от выполнения своих конституционных обязанностей в регулировании социально-трудовой сферы, перейдя от демократического к шоковому методу её регулирования, государство открыло возможности деградации труда, разрушения его как основной социальной ценности.

в) Труд во всё большей степени попадает в сферу незаконных и преступных занятий. Одновременно с фор-

мированием “хозяйственного двоевластия” формируется и два типа управления трудом. В то время как в законном секторе экономики управление трудом деградирует, в теневом секторе складывается своё особое управление трудом, разрушительное для общества и губительное для перспективы страны. Складывается ситуация, сходная с состоянием организма, пораженного раковой опухолью. Раковые ткани растут и развиваются, нимало не беспокоясь о том, что их развитие есть гибель всего организма (включая и раковую опухоль). Теневой рынок труда, теневой сектор приложения труда — не зародыш жизнеспособного нового, а конец нежизнеспособного старого состояния социально-трудовой сферы, причём конец, наступающий не в ходе развития, а как результат разрушения без перспективы.

г) Одностороннее подчинение реформ задаче форсированного первоначального накопления капитала не позволило поставить и начать решать коренную задачу демократизации трудовых отношений — задачу формирования законности и правопорядка в трудовой сфере. В угоду интересам претендентов на собственность и власть в хозяйстве государство фактически парализовало механизм правоприменения. В результате при наличии достаточной правовой базы отсутствует элементарный правопорядок, элементарная защищённость прав и свобод трудящихся. Положение ухудшилось даже в сравнении с тоталитарным бесправием. Рабство возобновилось, хотя теперь оно осуществляется не под конвоем, а в виде вынужденной бесплатной работы.

д) Провозглашаемые лозунги социального партнёрства выглядят как глумление над самой этой идеей. В России нет не только более или менее равных по силе сторон для социального партнёрства, но даже и просто фактического равноправия работника и работодателя, что требуется при демократии, а тем более при социальном партнёрстве. Государство не только не пытается компенсировать социальную беспомощность трудящихся, но всецело действует на стороне работодателя и исключительно

в интересах работодателя. Социальное партнёрство в этих условиях приобретает облик безоговорочной капитуляции работника перед работодателем, согласие на любые условия работодателя, в том числе и на противозаконные действия.

Отмеченные и иные деформации стали ныне причиной нового кризиса социально-трудовой сферы. Задачи преодоления этого кризиса объективно выдвинулись в ряд приоритетов государственной политики. Удовлетворительная стратегия выхода из опасного для общества состояния до сих пор не выработана. После 17 августа 1998 года положение скачкообразно усугубилось и осложнилось. Опасность финансового банкротства страны (дефолта) отвела внимание государства и общества от предельного состояния кризисности социально-трудовой сферы. Трудящееся население в очередной раз используется как донор решения задач, связанных с геополитической зависимостью России. Это усугубляет необеспеченность национальной безопасности народа России.

(Продолжение и окончание — во второй части)

Печатается по тексту публикации:

Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. Социальная защита и самозащита труда. Часть первая. Нормальное социальное положение и риски социального происхождения (социальные риски). — Период. издание “Трудовая демократия” № 44. — М.: Школа трудовой демократии. 2002. 48 с.

ШКОЛА ТРУДОВОЙ ДЕМОКРАТИИ

**ИНСТИТУТ ПЕРСПЕКТИВ И ПРОБЛЕМ СТРАНЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК**
=====

РАКИТСКИЙ Борис Васильевич

РАКИТСКАЯ Галина Яковлевна

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА И САМОЗАЩИТА ТРУДА

Часть вторая

**СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ
И СПОСОБЫ СОЦИАЛЬНОЙ САМОЗАЩИТЫ**

Москва, 2002

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА — ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВО

Смысл и содержание социальной защиты
Социальная защита — конституционная
обязанность государства
Принципы устройства системы социальной
защиты
Способы (направления) социальной защиты.
Уровни надёжности защитительных мер
Социально-экономическая природа средств
для социальной защиты. Типы защиты
Формы собирания (аккумуляции) средств
на социальную защиту и формы финансирования
социальной защиты

ЗАЩИТА ТРУДОВЫХ ПРАВ НА ОСНОВЕ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ТРУДОВОГО КОДЕКСА

САМОЗАЩИТА СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ

Коварство нового ТК РФ
Самозащита трудящихся — это область
не столько гражданских прав, сколько гражданских
свобод
Точный смысл понятия “самозащита
трудящихся”
Простейшие способы самозащиты трудящихся

КЛАССОВО ОРГАНИЗОВАННЫЕ ФОРМЫ САМОЗАЩИТЫ ТРУДЯЩИХСЯ В ОБЩЕСТВЕ

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА — ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВО

Человек, его реальная повседневная жизнь и опасности, проистекающие из самого устройства общества, — вот стержень проблемы социальной защиты. Конечно, радикальный способ защититься от опасностей — коренным образом перестроить сам общественный порядок, ибо в нём содержатся причины опасностей. Это революция. Она не так просто делается. К ней надо готовиться, её идеями — проникаться, её бои и победы приближать, её искусству — учиться. Счастливы поколение, делающее революцию. Но и трагично. Высокие идеалы и цели становятся разменной монетой в руках политических ловкачей, подменяются мелочными схватками за власть, за богатство. Старые опасности сменяются новыми опасностями для человека и его семьи. Задача защититься от рисков возобновляется. Только состав и острота социальных рисков становятся несколько иными. Человечество, научившись делать революции (ведь в каждой стране уже случались революции), всё никак не выучится использовать их на благо большинства народа, на благо трудящегося большинства.

Именно по этой причине и революционеры, и до смерти боящиеся революций политики и обыватели имеют прочную общую платформу действий — дело социальной защиты. Что подлежит защите? Нормальное социальное положение. От чего надо его защищать? От рисков существенного нарушения. Постоянно действующие риски — социальные риски, укоренённые в самом общественном устройстве. **Защита нормального социального положения от социальных рисков называется социальной защитой.**

Смысл и содержание социальной защиты

Обратитесь, пожалуйста, ещё раз к выписке из европейского документа о социальной защите⁷⁸. Прочувствуйте, какое важнейшее место отводится социальной защите! Она — “краеугольный камень европейской социальной модели”. Она обеспечивает социальную безопасность. Она признаётся основополагающим социальным правом.

Осмыслим эти высокие слова применительно к жизни человека в обществе. Они означают, что европейское представление о нормальной жизни человека в обществе базируется не на том, что каждый исключительно сам за себя и одинок в противостоянии опасностям. Напротив, человек вправе рассчитывать на общество как на реальную опору в борьбе с невзгодами, особенно с такими, с которыми ему в одиночку нипочём не справиться. В одиночку не пересиличишь опасности, порождаемые общественной системой, государством, традициями, обычаями. Отсюда и центральная содержательная идея социальной защиты — создать механизм общественного и государственного систематического противодействия социальным рискам. Общество осознаёт, что устроено рискованно для

⁷⁸ Изданная в 1999 г. Советом Европы монография “Социальная защита в Европейской социальной хартии” начинается следующими словами:

“Социальная защита в целом признана краеугольным камнем европейской социальной модели. Будучи движущей силой социального сплочения и гарантией экономического процветания, социальная безопасность играет во всех европейских странах центральную роль. Даже недавние радикальные изменения социальных и экономических реалий Европы не поставили под сомнение необходимость сохранения социальной защиты и защиты членов общества от социальных рисков. Признавая социальную защиту как основополагающее социальное право, Европейская социальная хартия содействует его укреплению, устанавливая минимум гарантий на европейском уровне”.

людей, и устраивает механизмы надёжной опоры для человека в его противостоянии опасностям нарушения нормального социального положения. Вот что основное для понимания социальной защиты.

Мы говорим “социальная защита нормального социального положения”, хорошо понимая, что для большинства населения стержнем социальной защиты неизбежно оказывается социальная защита труда. Ведь образ жизни большинства — трудовой. С трудом, с его условиями и организацией, с оплатой, с доступностью и перспективами трудового поприща у большинства связаны основные параметры жизни.

Социальная защита — конституционная обязанность государства

Нас, россиян, очень часто упрекают в неготовности к демократическим формам общественной жизни. Упрёки справедливы, хотя их глубинный смысл не доходит не только до нас, но и до упрекающих. Аргументы чаще всего приводятся не шибко веские: типа того, что, дескать, надо дружно ходить на выборы, чтобы демократически формировать власть.

Главные-то аргументы в пользу демократии лежат на большей глубине! Главное в том, чтобы народное большинство реально, практически освоило государственность как цивилизованную форму жизни. Государственность же предполагает и то, чего у нас в России отродясь не бывало.

Например, отродясь не бывало у нас, чтобы государство, начиная от его главы и вплоть до госслужащего самого низшего ранга, ощущало обязанности перед народом в целом и перед каждым гражданином отдельно. Вместо ощущения обязанностей — сплошь и рядом господская сановная спесь, чиновничье хамство, взяточничество, безответственность, бездушие и бессовестность. Да ещё произвол и безнаказанность. Бывало это в более или менее прикрытых формах (как в брежневскую эпоху), а чаще

— как сейчас, в открытую. Если это демократия, говорят люди, то лучше без неё. Это во-первых.

А во-вторых, не было и нет в народе такого ожидания, что государство всерьёз начнёт и станет выполнять свои полезные для людей функции. Ну, хотя бы само не будет нарушать им же установленные законы. Не говоря уж о том, чтобы поддерживать законный правопорядок и обеспечивать верховенство закона⁷⁹. У народа и мысли нет обращаться с государством как в чём-то народу обязанным. Есть мысль просить, кланчить, ждать щедрот. Но, конечно, не требовать. А демократический тип отношения народа к государству — именно требовательный. Его суть — напоминать, не давать забывать государству о его обязанностях, требовать установленных законами гарантий, а вместе с тем и помогать государству полнее и качественнее выполнить его функции.

До такой демократии у нас далеко. Мы говорим государству спасибо, если оно не нападает на невинного, не карает просто так, не творит произвола. Между государством и народом в России лежит вековая пропасть отчуждённости. Это, к сожалению, факт. Поэтому никто не поднимает скандала, когда перед выборами глава города или района впрямую предупреждает: если такие-то и такие-то не будут избраны — тепло и электричество отключим. А выборы у нас по преимуществу в холодное время года.

⁷⁹ *“Нужна диктатура закона”, — говорит теперешний гарант Конституции, первым же своим указом освободивший предшествовавшего гаранта Конституции от уголовного преследования за дела в период президентства. При этом не потребовалось менять п.1 ст.19 Конституции РФ — “Все равны перед законом и судом”. То, что сначала было даровано указом, чуть позже закреплено федеральным законом. При этом никто в государстве не шелохнулся и не обратился в Конституционный Суд за оценкой конституционности освобождения кого-либо от уголовной ответственности.*

Фактор взаимной глубокой отчуждённости властей и народа сказывается на построении и действии всей системы социальной защиты. В Конституции и в законах — всё ладно и складно. В реальной жизни — как придётся, то есть “по усмотрению”, “по указанию”, “по стечению обстоятельств”, “в пределах финансовых возможностей”.

И тем не менее надо знать конституционные обязанности государства в деле социальной защиты. Чтобы, накапливая силы, учиться **заставлять государство** эти обязанности исполнять. Заставлять государство — это сей-час самое важное дело демократических сил, самый реальный вклад в демократическое развитие России. Рельсовые баррикады, забастовки, пикеты, проваливание на выборах очередных “партий власти”, не выполняющих свои предвыборные обещания, — это реальный вклад в демократию. Просить и канючить, унижаться перед властями, холопски верноподданичать — вычет из демократии.

В чём конституционные обязанности государства перед народом, перед гражданами в области социальной защиты?

Конституция Российской Федерации, признаваемые ею общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации представляют собою правовую основу социальной защиты. На этой основе выстраивается конкретная законодательная практика (готовятся и принимаются законы) и конкретная правоприменительная практика в сфере социальной защиты. По крайней мере, так **должно быть** в правовом государстве и в гражданском демократическом обществе.

Кардинальные перемены в общественном строе, произошедшие в России после 1991 года, коренным образом изменили не только практику и ситуацию социальной защиты, но и сами подходы к социально-защитительной деятельности. В новых условиях основными ориентирами развития этой деятельности провозглашены следующие положения Конституции Российской Федерации:

— "Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства" (статья 2). **Обязанность!** Обратите на это внимание.

— "...Россия есть демократическое федеративное правовое государство..." (статья 1.1).

— "Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека." (статья 7.1).

— "В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с ... Конституцией." (статья 17.1).

Действующая Конституция Российской Федерации очерчивает не только круг прав и свобод человека и гражданина, но и состав социально-защитительных действий:

"В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты" (статья 7.2).

Этот круг защитительных действий является минимальным для демократического общества и выполняется как гарантированный государством. Из этого не следует, что социальная защита — дело (функция) одного только государства. Нет, это дело всего демократического общества, то есть и государства, и других субъектов общественного действия.

Принципы устройства системы социальной защиты

В демократическом обществе система социальной защиты устраивается на следующих основных принципах и обладает следующими свойствами:

1. **Защита от социальных рисков — дело общественное (синоним — социальное).** Социальные различия (существенная разница, разнотипность общественного положения) и социальные риски (опасности) действуют в сторону нарушения устойчивости общества, подталкивают его к системному кризису, к революции. У общества по этой причине всегда есть потребность и необходимость объединительных взаимоотношений с людьми, общностями, социальными группами. Социальная защита — составная часть этой объединительной работы.

Её смысл — обеспечение устойчивости общества как целостного образования (социальной устойчивости). И идеологии, и конституции, и право, и мораль, и система экономических отношений исходят из той или иной социализированности человека (органической включённости человека в общество) и его защищённости обществом. Общество для человека должно быть средой обитания, защищённой от разрушительных опасностей. Общественная природа человека односторонне отражена известным (и правильным) наблюдением: "нельзя жить в обществе и быть свободным от общества". Не менее существенно отметить, что свободным можно быть только в обществе и при помощи общества, при защите со стороны общества.

Акции защиты многообразны. **Когда речь идёт о системе социальной защиты, имеется в виду совокупность общественно организованных защитительных действий, общественная система защиты в обществе и при помощи общества.** Это первая смысловая нагрузка слова "социальная" применительно к защите.

2. **Универсальный (то есть всеобщий, всегдашний) предмет и объект социальной защиты —**

нормальное социальное положение. Нормальное — не значит одинаковое для всех. Нормальное различается у разных социальных групп. Об этом мы уже говорили выше. Так вот: предметом социальной защиты является социальное положение каждой из социальных групп, составляющих нормальную социальную структуру общества.

Общество не обязано защищать только те социальные группы и общности, которые образуются как враждебные обществу и деятельность которых порождает опасности для нормального социального положения граждан. Этот принцип не может быть распространён без оговорок на политическую деятельность, на профсоюзы, на освободительные демократические и революционные организации и движения. Деятельность таких организаций, движений, групп относится к обеспечению прав и свобод, связанных с социальной самозащитой (об этом будет дальше сказано). Стремление преследовать за освободительную демократическую, революционную и самозащитную деятельность — извечный позыв недемократических реакционных государств и режимов. Именно для того, чтобы дать отдушину реакционным силам, в буржуазно-демократических конституциях содержатся расплывчатые (при желании как резина растягивающиеся) записи. Например, в части 5 статьи 13 Конституции РФ можно прочесть:

“5. Запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на ...разжигание социальной ...розни”.

Допустим, мы с вами социалисты, то есть последователи научного учения о том, что причиной главных социальных бед является система эксплуатации и что только устранение эксплуатации как системы и установление демократической власти народа способны избавить человечество от войн, терроризма, национализма, безработицы, бездомности, безземельности, бесправия и других зол. И вот мы создаём организацию, поднимаем движение, пропагандируем последовательный революционный гуманизм, призываем к выступлениям против эксплуататорской

системы, готовимся отогнать от власти коррупционеров и всех этих чубайсов, ельциных, коржаковых, гайдаров, киряенков, ясиных, потаниных, зюгановых, примаковых, абрамовичей, березовских и их пособников не для перемены лиц, а для перемены системы. Вот тогда нам и заявят, что мы разжигаем социальную рознь. Чубайс уже пугал: “Если будете пересматривать результаты приватизации, — будем стрелять!!” Так что не во всём можно положиться на Конституцию РФ. Из-под демократической одёжки торчат эксплуататорские рожки.

3. Универсальная (то есть всеобщая, всегдашняя) функция, задача социальной защиты — понижать, блокировать, компенсировать социальные риски (те опасности серьёзного нарушения нормального социального положения, которые происходят из самого устройства данного общества).

4. Система социальной защиты с самого начала должна строиться, исходя из дифференцированного (нормально неравного для данного общества) социального положения. Система социальной защиты должна непременно охватывать всех без исключения граждан, все общности, все социальные группы.

Этот принцип был нарушен при проведении шоковых реформ, начиная с 1992 г. Президент Б.Н.Ельцин озвучил такие небывало жёсткие принципы построения системы социальной защиты, которые в науке получили название “доктрины Ельцина”. Суть этой доктрины — отказ от всеобщности социальной защиты (от охвата защитой всех граждан) и переход к социальной защите “по возможности государства”. Б.Н.Ельцин так и заявил: “Наши возможности таковы, что мы будем помогать прежде всего наиболее нуждающимся социальным группам”⁸⁰

Самое примечательное и самое жёсткое в “доктрине Ельцина” — резкое сокращение круга субъектов, чьё со-

⁸⁰ **Выступление Б.Ельцина на V Съезде народных депутатов РСФСР 28 октября 1991г. — Газета “Советская Россия”, 29 октября 1991г.**

циальное положение подлежит социальной защите. Фактически вся социальная защита суживалась до защиты так называемых социально уязвимых слоев общества. Принцип всеобщности социальной защиты не был признан реформаторами. Исключённые из круга социально защищаемых должны были защищать свое социальное положение от социальных рисков сами. Сюда попали и предприниматели, и работающие по найму, и не только они.

На доктрине Ельцина построена жестокая по отношению к населению “Программа Г.Грефа” (в части системы социальной защиты).

Переключка с доктриной Ельцина (фактически её подтверждение) встречается в выступлениях Президента России В.В.Путина. Так, например, в своём Послании Федеральному Собранию РФ 2000 года В.В.Путин сказал:

“Политика всеобщего государственного патернализма сегодня экономически невозможна и политически нецелесообразна. Отказ от неё диктуется как необходимостью наиболее эффективного использования финансовых ресурсов, так и стремлением включить стимулы развития, раскрепостить потенциал человека, сделать его ответственным за себя, за благополучие своих близких.

...У нас нет другого выхода, кроме как сокращать избыточные социальные обязательства и строго исполнять те, которые мы сохраним...

...Социальную политику будем проводить на принципах общедоступности и приемлемого качества базовых социальных благ. А помощь предоставлять прежде всего тем, чьи доходы существенно ниже прожиточного минимума. Дети министров могут обойтись без детского пособия, а жёны банкиров — без пособия по безработице”⁸¹.

Не обращайтесь внимания на популистские атаки на детей министров и жён банкиров. Их не ущемят. Задумай-

тесь над существом подхода. Например, над тем, что не всякий, имеющий доход ниже прожиточного минимума, дожждётся необходимой государственной помощи. Обещана такая помощь “прежде всего тем, чьи доходы **существенно ниже** прожиточного минимума”.

5. Социальная защита, как уже отмечено, — функция общества. Однако общество структурно, и каждый элемент общественной структуры выступает не только как объект, но и как субъект социальной защиты. Исключение составляют тоталитарные общества, в которых структурные части лишены активных общественных самостоятельных функций. Гражданское же общество непременно многогосубъектно.

Двойственная роль элементов социальной структуры (быть и объектом, и субъектом социальной защиты) предполагает развитую сеть взаимных прав, свобод и обязанностей общества (во всей его структурной сложности) и каждого из элементов общественной структуры.

Социальная защита, таким образом, — функция общественная, но многосубъектная. Ни в коем случае нельзя исходить из того, что в системе социальной защиты роль одних — быть всегда социальными защитниками (субъектами защиты), а роль других — всегда быть только защищаемыми (объектами социальной защиты). Такая конфигурация социально-защитительной деятельности характерна только для тоталитарных (и близких к ним диктаторских) обществ. В гражданском обществе социально-защитительная функция общества выполняется множеством субъектов, что придаёт этой функции свойства **ВЗАИМОЗАЩИТЫ** (именно взаимной защиты, а не самозащиты субъектов и не конгломерата “защита государства плюс самозащита субъекта”).

6. Государство в нормальном (гражданском) обществе является не единственным, а одним из субъектов социальной защиты. Конечно же, место государства в системе социальной защиты — не рядовое, а особенное. Тем не менее, это не единственный субъект социальной защиты в гражданском обществе. На государство возлагаются

⁸¹ **ГОСУДАРСТВО РОССИЯ. Путь к эффективному государству. (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). - М.: 2000. Стр. 22-23.**

такие социально-защитительные функции общества, которые не могут быть выполнены иными субъектами социальной защиты.

Глубинная, сущностная связь государственности и классовости предопределяет специфику государственных функций в системе социальной защиты. В этой системе государство обязано решать **политические** вопросы, то есть принципиальные вопросы взаимоотношений классов. Центральным является вопрос взаимоотношений господствующих в обществе классов (социальных групп) и негосподствующих, подчинённых классов (социальных групп).

Суждение "Государство есть машина политического подавления, машина классового господства в обществе" верно, но односторонне. Государственный механизм власти, действительно, может использоваться господствующими классами для ущемления социального положения негосподствующих классов ради укрепления и улучшения положения господствующих, а также для перекладывания трудностей и жертв во имя крупных общественных преобразований преимущественно на негосподствующие классы. В этих случаях государство осуществляет функцию защиты социального положения и активной поддержки социальных притязаний только господствующих или по преимуществу господствующих классов (социальных групп). Такая односторонность действий государства чревата обострением социальных антагонизмов, что ведёт либо к революции, либо к разрушению общества из-за деградации угнетённых классов. Нарушается социальная устойчивость данного общественного строя, ради которой и существует государство.

Стало быть, у государства должна быть и иная задача — сдерживать безрассудную алчность господствующих классов, удерживать в норме социальное положение негосподствующих (подчинённых) классов (социальных групп), защищать их нормальное социальное положение от разрушительных опасностей, исходящих от господствующих классов — хозяев государства. Если угодно, государство обязано удерживать в русле социального пере-

мирия (мира) классовую борьбу по поводу социального положения, защитить нормальное социальное положение от риска посягательств класса-антагониста. В деятельности так называемых социальных государств при капиталистическом общественном строе (в социальном рыночном хозяйстве) функция защиты от притязаний класса-антагониста демонстрируется и практически, и на уровне идеологических принципов (социальное партнёрство).

Случается, что подчинённые классы (социальные группы) ослаблены до такой степени, что вынуждены идти на социальное партнёрство, а то и капитулировать под давлением господствующих классов без всяких признаков организованного сопротивления. В этих случаях государство, выражая стратегические интересы господствующего класса, а не отдельных его представителей, окорачивает социально опасные для класса в целом действия и налаживает необходимую "социальную осторожность". Государство берёт на себя защиту того предела в социальном положении, нарушение которого обрушивает социальную устойчивость общества, но защитить который подчинённые классы не в силах.

Такова **политическая функция государства в системе социальной защиты**. Помимо неё есть и **неполитические, организационные**. К ним относятся в первую очередь координация социально-защитительных функций многообразных субъектов гражданского общества, установление и контроль за проведением в жизнь процедур (правил) социально-защитительной деятельности, ряд других функций организатора взаимодействий в гражданском обществе. Если бы не было классовости и государства, эти неполитические функции всё равно надо было бы выполнять, ибо общество есть структурное целое (структурным целым является и система социальной защиты). Однако в классовом обществе эти неполитические организационные функции присоединяются к главным политическим функциям государства и выполняются слитно.

При построении и функционировании системы социальной защиты различение политических и неполитиче-

ских функций государства обязательно. В противном случае возникнет отрицательный эффект "общего аршина", шаблонности решений, что даёт одновременно два минуса — ослабление одних функций и бюрократизацию других.

Неполитические функции государства в области социальной защиты могут быть в значительной мере децентрализованы и даже делегированы негосударственным органам и институтам при общем достаточном контроле со стороны государства за принципиальным единством подходов и направленностью выполнения этих функций. Политические же функции государства в сфере социальной защиты не подлежат разгосударствлению.

Лозунг разгосударствления социальной защиты — принципиально ложный лозунг. Он возникает из праведной борьбы с тоталитарным государством. Но будучи принят как стратегия, курс на разгосударствление социальной защиты ведёт к разрушению социально-защитительной функции общества, которая при его классовой структуре немыслима без государственной компоненты (наряду с негосударственными формами защиты). В основе стратегии разгосударствления — игнорирование классовой структуры общества и антагонизма классовых интересов. Такое игнорирование может в определённых обстоятельствах (при шоковых реформах, например) быть формой одностороннего обеспечения интересов господствующих классов.

Способы (направления) социальной защиты. Уровни надёжности защитительных мер

Если учесть степени опасности социальных рисков для нации, для устойчивости общественного строя, для нормального положения социальных групп, если учесть также реальные возможности общества противостоять этим опасностям, то можно выйти на определение необходимого и достаточного разнообразия способов социальной защиты. Получаются такие способы (направления):

— **недопущение социальных рисков** (методами запрета, нормативного регулирования или иными методами),

— **сдерживание социальных рисков** (методами блокирования, временного ограничения и др.),

— **предупреждение** (упреждающие меры смягчения) социальных рисков на основе негосударственных защитительных действий субъектов гражданского общества (разнообразные меры давления на источники потенциальной опасности, протесты, демонстрации способности к сопротивлению, методы нравственного воздействия, самоуправленческие меры и т.п.),

— **компенсирование** (материальное и моральное) социальных рисков. Компенсировать — значит как бы уравновесить возникшее ухудшение каким-то улучшением социального положения, так чтобы в общем и целом смягчить отклонение от нормального, привычного хода жизни.

— **социальное вспомоществование** (милосердие, благотворительность).

Многообразные защитительные меры существенно различаются по уровню надёжности для защищаемых. Различия в надёжности защитительных мер отражают реальную неодинаковость общественного положения (влиятельности) самих защитников (защищающих субъектов).

Меры **государственной** социальной защиты по значимости и надёжности, как правило, превосходят защиту, обеспечиваемую иными субъектами (защитниками). Это обстоятельство отражается в виде выделения класса **социальных гарантий, или государственных социальных гарантий.**

Степень надёжности социальных защитительных средств (мер) иных субъектов может быть очень велика, но объективно она уступает государственным гарантиям.

Сейчас в России меняется общественный строй, осуществились революционные реформы, произошло убыстренное первоначальное накопление капитала (перераспределение имущества в обществе). Социальная структура решительно переменилась и продолжает ме-

няться. Вследствие этого не только соотносительная сила, но даже круг и состав субъектов социальной защиты быстро и существенно меняются, шаг за шагом продвигаются к завершённому, относительно устойчивому виду. И только один субъект — государство — хотя и меняется в ходе реформ, но от начала до конца обязан занимать своё место стратегически сильнейшего и надёжнейшего субъекта социальной защиты.

Отсюда **особая роль государственных гарантий в переходных условиях**. Они — стержень и каркас всей системы социальной защиты в переходном обществе. Все остальные меры не столь надёжны, не столь устойчивы и не столь постоянны по своему составу (набору) и по составу проводящих их субъектов. Они могут быть рассмотрены и применены не иначе, как дополнительные к государственным социальным гарантиям.

Социально-экономическая природа средств для социальной защиты. Типы защиты

Средства для социальной защиты — не благотворительность, а объективная общественная необходимость (потребность). Социальная защита входит в состав объективно необходимых общественных условий существования и развития, является ценностью и объективной общественной потребностью, составной частью культуры жизнедеятельности данного народа в данных конкретно-исторических условиях. Этим полностью и в достаточной мере определяется социально-экономическая природа средств для социальной защиты. Они есть **часть необходимого продукта**. В этом качестве необходимые и достаточные средства для социальной защиты должны обеспечиваться в ходе общественного воспроизводства, составляя часть стоимости и цены рабочей силы, издержек производства, фонда потребления, стоимости жизни и т.п.

За пределы необходимого продукта выходит лишь та часть средств для социальной защиты, которая образу-

ется на началах благотворительности. Государство и государственные органы не вправе заниматься благотворительностью. Она противоречит природе государства, его функции аккумулятора (собирателя) и распорядителя общественных средств в соответствии с необходимыми общественными потребностями.

По вероятности возникновения социальные риски можно разделить на случайные и неизбежные. Например, для человека неизбежными можно считать те опасности, которые связаны со стадиями жизненного цикла (детство, молодость, образование семьи, старость). Остальные более или менее случайны для отдельного человека. Могут быть найдены способы разделения рисков на неизбежные и случайные и для общностей, и для социальных групп.

Неизбежные риски (для человека и семьи это недостаточность средств в пору выращивания и воспитания детей, понижение доходов в старости и др.) легко предвидеть, к их наступлению можно загодя подготовиться. Подготовка состоит в резервировании части доходов. За счёт этого резерва и происходит (или поддерживается) в определённые периоды необходимое потребление. Широко распространена практика, когда общество берёт на себя резервирование части доходов и обеспечивает их расходование по назначению при наступлении неизбежных для человека рисков. Эта практика называется **общественным иждивением** (часть её — социальное обеспечение). **Источником ресурсов для общественного иждивения выступает социальное резервирование**⁸².

⁸² На это мы просили бы обратить внимание молодых работников. Им сегодня вбивают в головы, будто они, молодые, кормят пенсионеров. Это злонамеренная ложь правительства. Средства на содержание пенсионеров зарезервированы за годы их работы. Но правительство конфисковало эти средства в 1992 г., начав Пенсионный Фонд России с нуля, не перечислив в него ни копейки из накопленных на пенсии. Накопленные до 1992 г. страховые средства — несколько сотен миллиардов долларов — на-

Другой вид защиты возникает, когда риски случайны для отдельного человека, но закономерны для массы (сообщества). В этих случаях также может возникать объединение усилий в ожидании опасностей. **Это солидарная самозащита, страхование.**

Социальное резервирование и социальное страхование — основные типы формирования ресурсов для социальной защиты человека и семьи. Но эти же типы вполне подходят для нужд социальной защиты более крупных общностей и социальных групп. Другое дело, что они реже для этого применяются. Однако примеры из практики указать можно. К их числу относится стипендиальная система в образовании (и в подготовке кадров).

Есть третий тип формирования ресурсов. Это **бюджетные ассигнования и благотворительность.** Разница между бюджетными ассигнованиями властей и благотворительностью, конечно, очень существенная, но их природа схожая. Это **ассигнования на социальную помощь.**

Потребность в социальной помощи (вспомоществовании) существует оттого, что в обществе возникают ситуации, когда риску подвергнуты люди, не участвовавшие и не участвующие даже в минимально необходимой общественной мере в системе резервирования средств для иждивения и в системе солидарной самозащиты (страховании). Речь идёт не о детях или инвалидах, а о некоторой части людей, чьё участие в социальном резервировании и социальном страховании почему-либо отклонилось от общественной нормы. Общество (власти или благотворители) помогает им из источников, в формиро-

ходятся в составе госсобственности. Пенсионерам же стали выплачивать нищенскую пенсию из текущих страховых взносов в пенсионный фонд. Таким образом, ставится под угрозу обеспеченность в старости и тех, кто ныне молод. Проводимая ныне пенсионная реформа социально опасна прежде всего для теперешней молодёжи, которая и в ус не дует.

вании которых защищаемый не принимал эквивалентного (полноценного) или даже минимально достаточного участия. Ассигнования на социальную помощь не содержат в себе ни отношений возвратности, ни отношений солидарной самозащиты. Здесь имеет место иждивение за счёт общества без резервирования, то есть попросту говоря нахлебничество. Без него цивилизованное общество не обходится, но это нахлебничество.

Социальное страхование, социальное обеспечение и социальная помощь — три разновидности социальной защиты, в которых защищаемые занимают разное положение. Это различие возникает в первую очередь из различия потребностей, как отражение структуры объективных потребностей в социальной защите. Все три типа защиты и три типа формирования ресурсов для них имеют место лишь в достаточно развитом (цивилизованном) обществе. Наличие всех трёх типов формирования ресурсов для социальной защиты, а также необходимая и достаточная полнота каждого из трёх потоков (в сравнении с объективными потребностями) — надёжный признак развитости и благополучия (некризисности) общества.

Формы собирания (аккумулирования) средств на социальную защиту и формы финансирования социальной защиты

Средства на социальную защиту постоянно надо собирать (аккумулировать) и тратить в соответствии с их **изначальным защитительным предназначением.** Процессы эти взаимоувязаны, непрерывны и представляют собою часть общественного воспроизводства.

Момент **изначального защитительного предназначения** средств надо бы подчеркнуть особо. Вокруг этого момента постоянно ведётся борьба. У нас в России правительство развернуло и выиграло эту борьбу после государственного переворота 1993 года. В результате завоевания демократической четвёртой русской революции 1991г. в области организации социаль-

ной защиты к настоящему времени почти полностью утрачены.

О каких завоеваниях демократической революции идёт речь? Иной раз встретишь странные утверждения: “С точки зрения финансового обеспечения социальных расходов в переходной экономике России чётко просматриваются три этапа, имеющие существенные различия. Первый этап — 1991-95гг. — характеризуется наращиванием государственных расходов на социальные нужды. Это период экстенсивного увеличения средств...”⁸³ Это, конечно же, суждение по недоразумению. Государственные расходы на социальные нужды и в этот, и в последующие периоды не только не выросли в реальном исчислении, а резко сократились. Население России сокращалось и вместе с этим сокращалась покупательная способность пенсий, стипендий, пособий, ветшали школьные и больничные здания, стали совсем нищими врачи, учителя, преподаватели вузов и библиотекари, воспитатели детских учреждений... Какое наращивание средств? Разве что наращивание цифр в рублях, но никак не покупательной способности, не реальной обеспеченности. Покупательная способность пенсии, например, “наросла” примерно со 120 долларов в 1991 г. аж почти до 40-50 долларов в настоящее время!

Нет, государственные расходы на социальные нужды в целом и на социальную защиту в частности резко сократились. Политика экономического геноцида населения включала в себя крупномасштабную конфискацию средств на социальную защиту. Только средств, накопленных к 1991 г. для пенсионного обеспечения, было конфисковано, по расчётам Б.В.Ракитского, на 1200 миллиардов долларов США. Были конфискованы личные денежные сбережения (в 1992 г. и в 1998 г.), были конфискованы в 1998 г. три четверти покупательной способности задолженности по заработной плате (всего 7-8 млрд долларов США).

⁸³ “Социальная политика. Учебник” — М.: Изд. “Экзамен”. 2002. Стр. 518.

Имеет место постоянное недофинансирование отраслей социального хозяйства из бюджетов.

Когда мы говорим о достижениях демократической революции в области организации социальной защиты, то имеем в виду именно **новый, демократический порядок организации** всего дела собирания и расходования средств на социальную защиту. Такой порядок, который, между прочим, защищает эти средства от конфискации государством (то ли напрямую, как в 1992 г., то ли через устраиваемую правительством некомпенсированную девальвацию, как в 1998 г.)

Вникнем в демократическую модель организации социальной защиты. Эта модель была введена федеральными законами в 1991—1992 гг.

Формой собирания (аккумулирования) средств на социальную защиту выступают, как правило, целевые фонды, а на социальную помощь — бюджетные (сметные) ассигнования.

Целевой характер социально-защитительных фондов должен гарантироваться государством и охраняться законом и всеми возможными способами общественного воздействия, влияния и давления. Такие фонды **никогда не должны консолидироваться (встраиваться, включаться, вливаться) в государственные, региональные и местные бюджеты**. В демократическом обществе руки у исполнительной власти должны быть коротки настолько, чтобы они не могли дотянуться до средств социально-защитительных фондов (пенсионного, социально-страхового, медицинского страхования, страхования от безработицы, страхования от производственного травматизма).

Случаи консолидирования социально-защитительных средств в бюджет в форме объединения резервных и страховых платежей с налогами недопустимы для демократического гражданского общества. Они должны рассматриваться без всяких исключений как покушение государственных и местных властей на неприкосновенность негосударственной (совместной и личной) формы собственности на необходимый продукт.

Собирание средств на социальную защиту в бюджет (или через бюджет) с последующим выделением (перечислением) через бюджет (из бюджета) средств в фонды для социальной защиты не может быть оправдано никакими экономическими или организационными соображениями и является опаснейшей деформацией демократической финансовой системы, игнорирующей принципы гражданского общества.

Потоки социально-защитительных средств должны существовать не иначе как отдельно от потоков налоговых и бюджетных средств,

Целевые социально-защитительные фонды в демократическом гражданском обществе всегда должны быть внебюджетными, самостоятельными, не сообщающимися с государственными и правительственными (бюджетными) средствами.

Коренная проблема финансирования социальной защиты по общенациональным нормам (финансирование государственных гарантий) состоит в увязке текущих и перспективных нужд (задач) социальной защиты. В решении этих вопросов невозможно обойтись без участия государства и ряда других субъектов, определяющих хозяйственное развитие и осуществляющих социальную политику в целом.

Так, государство, обязанное обеспечивать социальные гарантии, включая гарантии социальной защиты, устанавливает минимальные размеры пенсий, стипендий, страховых платежей застрахованным. При этом оно не может снять с себя обязанности обеспечивать соответствующие гарантии в перспективе. Не являясь собственником социально-защитительных фондов, государство неизбежно участвует в реализации прав собственности, регулируя минимальные нормы распоряжения и пользования средствами фондов. Модель социального государства в связи с этим наиболее благоприятна для дела социальной защиты. Но и социальное государство не гарантировано от риска бюрократизма. Отсюда потребность и при социальном государстве поддерживать высокую меру незави-

симости внебюджетных социальных фондов от государства и демократические методы управления фондами.

В мелких и узко специализированных фондах проблемы целесоответствия и справедливости финансирования более наглядны: обозримы и поддаются контролю со стороны непосредственных конечных пользователей (защищаемых). В крупных фондах, обеспечивающих финансирование государственных гарантий, контроль со стороны пользователей неизбежно приобретает опосредованный характер и требует привлечения и вмешательства сил (субъектов гражданского общества), способных влиять на социальную и экономическую политику в стране.

Такова в общих чертах демократическая модель организации социальной защиты.

Введя эту модель Указами Президента и федеральными законами в 1991-1992 годах, правительство и законодательная власть после государственного переворота 1993 года стали шаг за шагом последовательно эту модель разрушать. Сперва была отменена подчинённость Пенсионного Фонда России непосредственно законодательному органу. Президент сам стал править пенсионным фондом, отменил индексацию пенсий и ввёл произвольные президентские надбавки. Потом обязательные страховые платежи во внебюджетные фонды были объявлены налогами (что совершенно игнорирует их социально-защитительное предназначение). Правительство Черномырдина фактически принудило внебюджетные фонды вложить свои средства в государственную авантюру — финансовую пирамиду ГКО и ФКО, лопнувшую в августе 1998 г. Имеются основания подозревать правительство в крупных нецелевых изъятиях из этих фондов (на избирательную кампанию Ельцина в 1996 г., на войну в Чечне и др.). С 2001 г. сбор страховых средств был передан правительству (в форме единого социального налога). Государственный (внебюджетный) фонд занятости населения был вовсе ликвидирован. Пенсионная реформа по Зурабову фактически уничтожает независимость Пенсионного Фонда России от правительства. По-

нижен страховой тариф в Фонд социального страхования. Ведётся в соответствии с Программой Г.Грефа работа по созданию гибрида — медико-социального страхования. Цель этой работы — не увеличить, а сократить средства на соответствующие функции социальной защиты.

Изменённая организация системы социальной защиты делает возможной и организационно обеспеченной конфискацию страховых средств правительством в обмен на его ничего не значащие обещания гарантировать права граждан. Напомним ещё раз, как говорил о ранее данных обещаниях гарантий новый Президент сразу после своего избрания:

“Утвердилась государственная ложь, и в этом зале, наверное, уместно будет об этом сказать — мы принимаем многочисленные законы, заранее зная, что они не обеспечены реальным финансированием. Просто из политической конъюнктуры продавливаем то или другое решение. У нас нет другого выхода, кроме как сокращать избыточные социальные обязательства и строго исполнять те, которые мы сохраним. Только так можно восстановить доверие народа к государству”⁸⁴

Насчёт государственной лжи Президент В.В.Путин стопроцентно прав. А вот насчёт избыточности социальных обязательств вовсе неправ. Государство в период экономического геноцида не только не давало избыточных обязательств, но сняло с себя даже самые элементарные обязательства, в недопустимой мере и притом оскорбительно демонстративно пренебрегая своими конституционными обязанностями в социальной сфере.

И кроме того, вот хотя бы только новая пенсионная реформа — что это такое, как не принятие заведомо финансово не обеспеченного решения? Какое уж тут восстановление доверия народа к государству!? Тут под доверие

⁸⁴ **ГОСУДАРСТВО РОССИЯ. Путь к эффективному государству. (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства).** — М.: 2000. Стр. 23.

заложено взрывное устройство на много лет вперёд. Вся “Программа Г.Грефа” — такое взрывное устройство. Правда, доверия народа к государству и без того давно уже не наблюдается.

ЗАЩИТА ТРУДОВЫХ ПРАВ НА ОСНОВЕ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ТРУДОВОГО КОДЕКСА

С 1 февраля 2002 года в России действует новый Трудовой Кодекс. По сравнению с прежним КЗоТ трудящиеся потеряли часть защищённого законом правового пространства. Уровень установленных законами гарантий трудовых прав сузился и понизился. Сопротивление этому сужению и понижению было в ГосДуме, но не было поддержано сколь-нибудь заметным сопротивлением самих трудящихся.

Трудящиеся не сопротивлялись введению нового Кодекса отчасти потому, что не имеют действенных массовых политических и профсоюзных организаций, то есть в России всё ещё отсутствует влиятельное массовое демократическое рабочее движение. Сказалась и соглашательская (“партнёрская”) позиция ФНПР. Но в немалой мере трудящиеся никак не реагировали на урезание их трудовых прав и потому, что права эти были только на бумаге, а не в жизни. В жизни давно уже имеет место игнорирование трудового законодательства и работодателями, и работниками, и правительством. Чего стоит один только факт массовой трудоузанности в теневом и прямо криминальном секторах! А ведь и при вполне легальной занятости сплошь и рядом нарушаются законные права трудящихся, в том числе и по сговору самих трудящихся с работодателями.

Кому же мешал прежний КЗоТ? Кто требовал переписывания трудового законодательства? Не трудящиеся, не профсоюзы, не работодатели. И не правительство. Правительство лишь уступало настойчивому давлению Международного валютного фонда и Всемирного банка реконструкции и развития — организаций, представляю-

щих интересы международного финансового капитала, проводящего глобализационные реформы в России. Есть документы, подтверждающие зависимость правительства от этих организаций, в том числе и в вопросах урезания законных прав трудящихся.

Так, в середине 1998 г. Правительство России клянуло у МВФ очередной заём (транш в 15 млрд. долл.). При этом отчитывалось о проделанной работе и давало обещания на будущее. Пересмотр КЗоТ к тому времени был уже в числе невыполненных пунктов предыдущих обязательств. Документ называется: **“Меморандум Правительства Российской Федерации и Центрального Банка Российской Федерации о политике экономической и финансовой стабилизации” 16 июля 1998 г.** (подписи: “Сергей Кириенко — Премьер-министр Правительства РФ; Сергей Дубинин — Председатель Центрального банка РФ”). Опубликован в обратном переводе с английского газетой “Солидарность” №15, 1998. Текст Меморандума был представлен на странице МВФ в Интернете.

В “Меморандуме...” имеется и такой вот пункт:

“Реформа рынка труда

35. Ограничения в области расторжения трудовых соглашений препятствовали эффективной реструктуризации предприятий и распределению рабочей силы в экономике. До 1 ноября 1998 г. правительство внесёт новый проект КЗоТ, который приведёт законы о труде в соответствие с требованиями рыночной экономики. Кодекс установит реалистичный минимум социальных гарантий, повысит роль индивидуальных трудовых соглашений, включая более упрощённую процедуру расторжения индивидуальных трудовых соглашений (такую, как исключение необходимости согласования вопроса с профсоюзами и требований нахождения альтернативного трудоустройства), и расширит возможности для заключения срочных трудовых соглашений и договоров о совместительстве. В Кодексе будут содержаться также положения, позволяющие обеспечить ориентирование социального партнёрства на заключение и применение коллективных

соглашений на уровне отдельных предприятий. Это будет также способствовать созданию эффективных институтов, которые обеспечат применение индивидуальных и коллективных соглашений, разрешение коллективных трудовых споров и выполнение требований трудового законодательства”

То, что не удавалось правительству Президента Ельцина, провело в жизнь правительство Президента В.В.Путина. Обещания, данные в “Меморандуме...”, выполнены, новый Трудовой Кодекс введён в действие. Депутаты и руководство ФНПР заслужили благодарность Правительства и Президента.

Настало время осваивать оставшееся пространство социальных прав и гарантий в сфере труда и других непосредственно связанных с трудом отношений.

Особенность создавшихся теперь условий в том, что хождение по судам с исками к работодателю, занимавшее почти всё время и все силы руководителей и активистов многих свободных профсоюзов, теперь лишено прежней почвы. Придётся, видимо, переносить центр тяжести профсоюзной работы с правозащитной (через суд) деятельности на собственно профсоюзную, то есть на терпеливое, постепенное и неуклонное выковышивание сплочённости, настойчивости и солидарности в борьбе. Именно в этом спасение трудящихся от жестокостей капиталистической эксплуатации и пособнического бездействия властей в области защиты трудовых прав и свобод. Давление, давление и ещё раз давление на капитал и пособничающие ему власти — вот что должно стать нормальным, повседневным образом жизни рабочего человека и рабочего класса, всех трудящихся и эксплуатируемых классов.

Действующий Трудовой Кодекс содержит подробное описание общих принципов трудового законодательства, основных институтов (то есть правил и регулирующих органов), процедур, государственных социальных обязательств (гарантий и компенсаций) в сфере труда.

Часть пятая Трудового Кодекса (раздел XIII) содержит описание системы защиты трудовых прав работников.

Общая конфигурация этой системы обозначена в статье 352 ТК РФ:

“Статья 352. Способы защиты трудовых прав работников.

Основными способами защиты трудовых прав и законных интересов работников являются:

- государственный надзор и контроль за соблюдением трудового законодательства;
- защита трудовых прав работников профессиональными союзами;
- самозащита работниками трудовых прав”.

Последующие статьи раздела XIII развёрнуто описывают устройство и регламенты защиты трудовых прав работников, начиная от государственного надзора и контроля за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, и кончая правовыми вопросами проведения забастовок.

В задачу этой книжки не входит обсуждение и комментирование статей Трудового Кодекса. Это обширное и постепенное дело для каждой профорганизации. Да и для каждого работника тоже. Законы надо знать. Не просто услышать о них, а иметь в своём собственном распоряжении и всегда под рукой полный текст Трудового Кодекса Российской Федерации. Надо читать текст, вдумываться в смысл, обсуждать с товарищами, накапливать вопросы насчёт неясных мест (их немало), наводить справки, получать разъяснения органов по труду (включая Министерство труда и социального развития РФ —туда писать по адресу: 103706 Москва, Биржевая площадь, 1. Минтруд РФ. Правовой департамент. Ответ, разъяснение Министерства есть официальный документ правительства).

Важная стадия вызревания и организованного постоянного давления на работодателя и на власти — уяснение работниками и профорганизациями своих прав и обязанностей властей и работодателя. С этого начинает на-

растать уверенность в себе и чувство человеческого и гражданского достоинства. А дальше — продумывание действий по защите своих законных прав и интересов, осуществление этих действий, извлечение уроков из многих промахов и поражений, из поспешных и нерешительных действий, из предательства лидеров и штрайкбрехеров, но и радость побед, и счастье солидарности, и счастье защищённого ею человеческого и гражданского достоинства.

Классовая борьба — дело нелёгкое, напряжённое, а нередко и опасное. Но дело это — благородное, справедливое, настоящее. Скажем прямо: нет для трудящегося и эксплуатируемого иного способа остаться Человеком, не опуститься до положения рабочей скотины, чем активное и постоянное, солидарное участие в классовой борьбе.

САМОЗАЩИТА СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ

Коварство нового ТК РФ

В Трудовом Кодексе РФ самозащита работниками трудовых прав названа в числе основных способов защиты трудовых прав и законных интересов. Содержательно-му описанию самозащиты посвящена целая глава 59. Глава маленькая, поэтому приводим её полностью:

“Глава 59. Самозащита работниками трудовых прав

Статья 379. Формы самозащиты

В целях самозащиты трудовых прав работник может отказаться от выполнения работы, не предусмотренной трудовым договором, а также отказаться от выполнения работы, которая непосредственно угрожает его жизни и здоровью, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами. На время отказа от указанной работы за работником сохраняются все права, предусмотренные настоящим Кодексом, иными законами и другими нормативными правовыми актами.

Статья 380. Обязанность работодателя не препятствовать работникам в осуществлении самозащиты

Работодатель, представители работодателя не имеют права препятствовать работникам в осуществлении ими самозащиты трудовых прав. Преследование работников за использование ими допустимых законодательством способов самозащиты трудовых прав запрещается”.

При первом прочтении этой главы возникает недоумение: почему закон выгораживает для самозащиты такое малое пространство? Получается, что вся самозащита сводится к отказам, да и то в пределах, предусмотренных (ограниченных) федеральными законами. Почему в самозащиту не вошли претензии к работодателю, предложения и требования по улучшению условий индивидуального трудового договора, по улучшению условий труда и т.п.? Сто лет назад русские рабочие требовали, например, от администрации вежливого обращения. Хамство администрации (которого и ныне сколько угодно) *непосредственно* не угрожает жизни и здоровью рабочего. Оно унижает человеческое достоинство трудящегося. Если хамство творится на улице — одно дело. Но если хамит и унижает начальник, мастер, охранник, расчётчик — это нарушение именно трудовых прав работника. ТК РФ не предусматривает самозащиты от унижения человеческого достоинства работника администрацией. А стало быть, можно и преследовать работника за отстаивание своего человеческого достоинства в отношениях с начальством или мелкой сошкой из администрации (эта мелкая сошка из администрации обычно хамит и унижает работника больше любого начальника). Ну как же, возразят, почему же можно преследовать, кто это сказал? ТК РФ написал. Вот, пожалуйста:

“Преследование работников за использование ими **допустимых законодательством** способов самозащиты трудовых прав запрещается”.

Самозащита человеческого достоинства **не предусмотрена** главой 59 ТК РФ. А **допускает** её законодательство или нет — бог весть. Поэтому остаётся открытым

вопрос, запрещает ТК РФ или не запрещает администрации преследовать работника за отстаивание своего человеческого достоинства. Допустим, за решительный отказ выполнять указание начальника, сделанное в грубой или, тем более, в оскорбительной форме.

На АвтоВАЗе был случай. Штамповщица Перова Анна Ильинична возмутилась хамским отношением охраны на проходной, оскорбительной подозрительностью и бесцеремонностью осмотра личных вещей. Это была акция самозащиты именно трудовых прав работника. Охрана задержала её на несколько часов. Администрация не предприняла ничего в ответ на эту акцию самозащиты. Только решительная и солидарная защита профсоюза поставила охрану и администрацию на место.

Вопрос самозащиты человеческого достоинства — это один из примеров. На производстве есть много и других поводов для обоснованных актов самозащиты. Поэтому посмотрим на проблему самозащиты с более общих позиций, нежели смотрели на неё составители ТК РФ и голосовавшие за него депутаты и сенаторы.

Самозащита трудящихся — это область не столько гражданских прав, сколько гражданских свобод

Зацепимся за толком не объяснённое, но употреблённое в ТК РФ понятие “использование работниками **допустимых законодательством** способов самозащиты трудовых прав”. Допустимое, если по точному смыслу, совсем не то же самое, что упомянутое в законе. “Что законом не запрещено — то дозволено” — это принцип демократического (запретительного) права. В разрешительном (недемократическом) праве на каждое действие надо иметь разрешение, то ли записанное в законе, то ли в приказе, то ли в справке с печатью, то ли в решении партбюро правящей партии режима. При запретительном (демократическом) праве необходимо и достаточно знать только запреты, записанные в законе. Не нарушай этих (подчёр-

киваем, не чьих-то, а лишь государственных законодательных) запретов — и ты в пространстве дозволенного, допустимого законодательством.

Полагаем, что именно так следует трактовать статью 380 ТК РФ. В законе нет запретов на какие-либо формы самозащиты работниками трудовых прав. Значит, все формы самозащиты следует относить к допустимым законодательством. Значит, “преследование работников за использование ими допустимых законодательством способов самозащиты трудовых прав запрещается”.

Видимо, так рассуждали авиадиспетчеры, голодавшие в порядке самозащиты и выигравшие коллективный трудовой конфликт. Бастовать им запрещено законом, а голодать пока не запрещено. Принуждать голодать в знак протеста запрещено, а самим использовать способ, непосредственно угрожающий жизни и здоровью, не запрещено.

Это, товарищи, не казуистика и не выкрутасы. Это реальная необходимость обживания предоставляемого обществом правового пространства. Если бы рабочее демократическое движение было мощнее и влиятельнее, то власти и работодатели не рискнули бы преследовать за акции самозащиты трудовых прав. Пока мы не нарастили классовую солидарность, приходится защищаться гражданскими правами и свободами, зафиксированными в законах и кодексах, писанных не нами, а работодателями, не в интересах работников, а в интересах работодателей.

Правовая система нынешней России существует, конечно, больше на бумаге, чем в жизни. Она оживает и более или менее начинает действовать, если это надо властям или капиталу. Если надо трудящимся, её заклинивает. Но вот что для нас важно:

1) нынешняя правовая система России скопирована с западной буржуазной демократии, скопирована “на вырост”. В этой правовой системе учтён опыт двухсотлетней классовой борьбы труда и капитала;

2) опыт этот отлился в систему гражданских взаимоотношений, при которой САМОЗАЩИТА ТРУДЯЩИХСЯ

В ОБЩЕСТВЕ — НЕ ЭПИЗОДИЧЕСКИЙ ФАКТ, НЕ РАЗОВАЯ АКЦИЯ, не всплеск, не моментная реакция трудящихся на кризисно острую несправедливость и непосильную тяжесть, а ОБРАЗ ЖИЗНИ НАЁМНЫХ РАБОТНИКОВ В УСЛОВИЯХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ.

Вот что важнее всего — **регулярность, систематический характер самозащиты трудящихся в обществе**. Без этого невозможно эффективное сопротивление трудящихся несправедливостям любой капиталистической системы, будь она бандитской или социально-партнёрской.

В период шоковых реформ (начиная с 1992 г) трудящиеся России освоили немало в деле защиты своих прав и интересов. Прежде всего научились пользоваться законами, судами, коллективными договорами, переговорами с администрацией. Это очень важно. Но недостаточно. Выиграны тысячи судебных процессов, но их исполнение, как правило, было крайне затруднено. Государство издаёт и издаёт законы, но не торопится наладить механизмы их применения. Где, например, специализированные трудовые суды? Без них просто невозможен цивилизованный рынок труда. Его и нет. Множество и других проблем упирается в нежелание государства обустроить социально-трудовую сферу как сферу верховенства закона, как сферу безусловного правопорядка.

Переломить сознательное нежелание государства полностью, как предписывает Конституция, исполнять свои обязанности по обеспечению социально-трудовых прав и свобод можно только одним способом — давлением на государство снизу. Вот этот психологический барьер — осознание необходимости постоянного и нарастающего давления на государство со стороны трудящихся — всё никак не даётся нашему народу. Давления снизу нет, если не считать немногих забастовок, пикетов, голодовок, иных протестных действий. Практически не принимает участия в давлении на власти молодёжь.

Трудовой народ капитулировал перед бессовестными и жестокими реформаторами. Будем надеяться, не

окончательно. Если всё же давление снизу станет усиливаться, то в дополнение к правозащитной деятельности резко вырастет самозащитная деятельность, основанная не только и не столько на правах, но прежде всего на гражданских свободах. Практическое освоение гражданских свобод, обретение эффективного пользования ими как политическим ресурсом — это и есть освоение демократии, это и есть реальное превращение трудящихся в свободных людей.

Точный смысл понятия “самозащита трудящихся”

В самом общем плане социальная самозащита — это социальная защита собственными силами. Социальная самозащита — это такие действия и такая деятельность, которые **противостоят опасностям нарушения нормального социального положения** того (или тех), кто предпринимает защитительные действия или ведёт защитительную деятельность. Вроде бы понятно и исчерпывающе точно. Однако такого представления о самозащите более или менее достаточно, когда живешь в обществе одиноким волком, рассчитываешь исключительно на свои личные силы. Ну, как, например, у нас в последние годы — в эпоху шока-геноцида и выживания, когда каждый сам за себя и ни на кого надежды нет.

К счастью, человек и его семья живут в обществе. Государственная форма организации жизни общества даёт трудящимся и их семьям большие возможности. В частности, это касается государственных гарантий и других государственных защитительных мер по поддержанию нормальных условий жизнедеятельности, нормального социального положения каждой из социальных групп. Государственность — эффективный ресурс усиления социальной защиты.

Точно так же эффективным ресурсом самозащиты является возможность вести её не разрозненно, не каждый сам только за себя, а на основах полезного взаимо-

действия, взаимопомощи, взаимоподдержки, объединёнными усилиями, в совместных формах. **Самозащита сильнее и успешнее, когда она ведётся вместе. А вместе — это и есть общественно, в общественных формах.**

Вся история самозащиты трудящихся — это по сути дела история порождения и освоения трудящимися приёмов, навыков, способов, форм общественного взаимодействия на поприще осознания, предъявления и отстаивания своих жизненных интересов.

Вдумайтесь, пожалуйста, в логику развития самозащиты трудящихся. Она тем более развита и эффективна, чем полнее трудящиеся осваивают общественные формы действия (по принципу “действуем вместе”) и чем активнее при этом действуют. Самозащита трудящихся наиболее действенна тогда, когда она отражает их общие интересы и ведётся массовыми силами сплоченно, настойчиво и солидарно. Но такой силы самозащита трудящихся достигает, как показывает историческая практика, только как составная часть революционной классовой борьбы, суть (конечная цель) которой — самоосвобождение труда от эксплуатации.

На уровне **политической** революционной силы рабочий класс и другие трудящиеся классы и социальные группы действуют далеко не всегда. Гораздо чаще они не поднимаются до уровня политического классового действия, не ставят перед собой стратегических целей переустройства общества, слабо организованы, политически мало активны, а нередко подпадают под влияние политической пропаганды эксплуатирующих классов. Поэтому самозащита ведётся, как правило, впосилы, не наступательно, а оборонительно. Основные возможности совместного общественного самозащитительного действия оказываются не использованными трудящимися.

С учётом сказанного можно дать два точных и правильных определения самозащиты трудящихся.

Первое. В развитом виде самозащита трудящихся — это их активное участие в политике вообще и в со-

циальной политике в частности в качестве самостоятельного субъекта политических взаимодействий, осознающего, предъявляющего и отстаивающего интересы всего трудового народа, рабочего класса, других трудящихся классов и социальных групп.

Второе. Чаще всего самозащита трудящихся — это индивидуальные или совместные действия, направленные либо против опасностей ухудшения сложившегося (привычного) социального положения, либо на его частичное или постепенное улучшение.

Простейшие способы самозащиты трудящихся

Самозащита трудящихся в одиночку. Каждый из нас, когда на него прёт опасность нарушения привычного порядка работы, оплаты, получения льготы, начинает соображать, как предотвратить эту неприятность или приспособиться к ней. Ход мысли и сами подходы к пониманию проблемы во многом зависят от состояния морали, то есть от того, что принято считать хорошим или плохим, допустимым или недопустимым не только по меркам общества, но и самого человека, морокующего над возникающим осложнением своей привычной жизни.

Обстановка реальной жизни и раньше постоянно ставила трудящегося, и теперь ставит перед проблемами “добыть копейку” и “защитить трудовую копейку”. Это всем знакомые задачи с расценками, с нормами, с “выгодным нарядом”, с прогрессивкой и т.п. Немаловажные повседневные проблемы возникали и возникают в связи со временем работы и отдыха, отгула, компенсации, отпуска, сменного режима.

Трудящийся осознаёт и решает подобные вопросы прежде всего своими силами. Он часто пытается построить свои особенные (“хорошие”) взаимоотношения с мастером или другим начальником. Бывает, что такие особые отношения строятся на товарищеских или просто на здоровых принципиальных основах: хорошего работника начальство и отмечает, и привечает. Но не редкость и со-

всем иные основания, при которых в ходу не только “угощение”, но и мзда, и повышенная послушность, и поддакивание начальству, и — бывает, к сожалению, — доносителство, осведомление начальства о настроениях и намерениях товарищей.

Когда человек рассчитывает и может рассчитывать только на себя самого, не все из нас выбирают собственное человеческое достоинство и совесть. Угрозы ухудшения жизни, разные неприятности склоняют к тому, чтобы поступаться и достоинством, и совестью. Заманивают на это и посулы улучшений и продвижений. У дрогнувшего человека обычно только одно более или менее вразумительное оправдание перед собой и перед людьми: семью кормить надо. Сейчас, в ходе рыночных реформ внедряются, правда, новые моральные ориентиры. Среди них личный успех, конкурентоспособность, приспособляемость любой ценой, обеспечение “крыши”, а главное — деньги, чем больше, тем лучше. Деньги у них как бы всё оправдывают и всё позволяют.

Защитить своё нормальное социальное положение в одиночку практически невозможно. Приходится поступаться совестью и достоинством. Только такие уступки обеспечивают преимущества перед другими работниками. **Самозащита в одиночку выливается рано или поздно в конкуренцию между работниками**, что очень на руку и работодателю, и частному собственнику. Для рабочего же человека и для трудового коллектива такая конкуренция опасна, а иногда и губительна.

Простейшие способы взаимодействия при самозащите трудящихся. Самые простые формы взаимодействия при социальной самозащите трудящихся складываются при обыденных контактах людей в труде, в быту, в общественной жизни. Понимание, сочувствие, моральная поддержка — всё это обычные проявления жизни вместе, в обществе. Из них произрастает солидарность.

Первые проблески солидарности как ресурса самозащиты появляются тогда, когда окружающим небезраз-

лично, чего и какими способами добивается человек. Он может действовать сам по себе, без расчёта на поддержку, а иногда и скрывать свои хлопоты, но мир не только тесен, а ещё и прозрачен. Особенно мир трудового коллектива. Люди могут не лезть в душу, но видят, понимают и догадываются. Складывается отношение к человеку, к его поведению, к целям и способам действий. Что-то осуждается и не приветствуется, а чему-то сочувствуют и готовятся при случае поддержать.

Общественное мнение, атмосфера в коллективе, добрый совет, выраженное одобрение — это ещё далеко не всё, чем могут помочь и реально помогают люди друг другу в поисках справедливости, в отстаивании интересов. Мы называем такие формы взаимодействия при самозащите простейшими не в том смысле, что они не содержат в себе сложных переживаний. Простейшие они в смысле отсутствия организованности. Они как бы естественны для вместе работающих и соседски живущих людей. Здесь классово-групповое социальное положение проявляется совсем не обязательно и часто не играет главной роли. Просто люди, похожие на тебя своими занятиями, бытом и образом жизни, могут полнее и быстрее понять твои заботы и интересы. Но это совсем не обязательно. Будни эксплуатации научают людей не только сочувствию, но и безучастности, не только солидарности, но и конкуренции.

Самозащита с помощью суда. В демократическом обществе реально существует и действует механизм поддержания ПРАВОПОРЯДКА. Он включает в себя, во-первых, ПРАВО (законные основания, законодательно установленные и конкретизированные властью нормы взаимоотношений в обществе, а также свободы как сферы взаимоотношений, в которых обществом дозволяются любые не запрещенные законом действия), а, во-вторых, ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ, то есть исполнение законов в реальной жизни.

Демократический механизм правопорядка защищает граждан силами общества и государства. От чего он их

защищает (точнее, призван защищать)? От таких действий или такого бездействия, которые приносят в жизнь гражданина неблагоприятные изменения, не допустимые в данном обществе.

Мы с вами знаем, что нарушения правовых норм происходят сплошь и рядом, особенно в частных фирмах и особенно там, где предприниматель не допускает создания профсоюза или чинит препятствия деятельности профсоюза, членству в профсоюзе. Складывается ситуация, когда право есть, а должное, нормальное правоприменение отсутствует. В итоге нет правопорядка в социально-трудовой сфере.

В такой вот обстановке и при отсутствии в стране мощного демократического рабочего и профсоюзного движения трудящиеся и профсоюзные организации в последние годы принялись обращаться в суды с исками к работодателям. Никогда прежде не было такого внимания и интереса со стороны простых людей и низовых профорганизаций к текстам законов, к порядку обращения в суды, к процессу рассмотрения споров в судах, к возможностям обжалования и исполнения судебных решений. Это положительный сдвиг в полезную сторону. Это повышение активности в деле самозащиты.

Одно время обращение в суды так увлекло людей, что многие из лидеров вновь образовавшихся профсоюзов искренне полагали, что в хождениях в суды и должна состоять их основная работа. Чуть погодя жизнь расставила всё по своим местам.

Освоение трудящимися и их организациями механизмов демократической судебной самозащиты своих прав, свобод и интересов — очень ценное дело. Это позволяет лучше уяснить свои законные права и на своём опыте убедиться, насколько демократична, надёжна и благоприятна для трудящегося реально существующая не только судебная власть, но и вся власть в обществе вообще, и весь общественный строй.

Трудящиеся обратились к судебным формам самозащиты в основном потому, что остались в шоковых усло-

виях практически полностью беззащитными. И главная причина этой беззащитности — отсутствие мощных солидарных действий всех трудящихся вместе. Иск в суд стал соломинкой, за которую хватался каждый из утопающих по одиночке. Спасало это? В некоторых случаях — да. Но в большинстве случаев — нет.

Чтобы закон работал, чтобы суд работал, чтобы судебные решения исполнялись, мало обратиться за защитой к государственной власти. Надо ещё иметь то, что **заставит** буржуазное государство действовать в полном соответствии с конституцией, с законами, с общепризнанными международными принципами и нормами. И вот это “ЧТО ЗАСТАВИТ” — тоже рычаг, орудие самозащиты трудящихся в обществе. То есть законы трудящимся очень нужны, и суды нужны. Нужно знание законов и умение действовать в сложившейся правовой обстановке. Но для успешной самозащиты, для исполнения законов этого мало. Требуется еще и СПОСОБНОСТЬ ТРУДЯЩИХСЯ НАСТОЯТЬ на исполнении законов, на уважении обществом, государством, работодателями социально-трудовых прав, свобод и интересов.

А вообще-то говоря, интересен вот какой вопрос. Предположим, демократический строй работает идеально. Все налажено и действует без подталкиваний и протестов со стороны работников, без жлобства и стремлений работодателя и государства нарушить закон, ущемить работника. Словом, как в красивой сказке или в учебнике про социальное партнёрство. Правопорядок образцовый. Закон превыше всего и без всяких с нашей стороны усилий. Есть тогда предмет для самозащиты трудящихся в обществе или они могут всецело положиться на государство как на защитника интересов граждан, в том числе и наёмных работников?

Правильный для трудящихся ответ такой: **самозащита трудящихся в обществе нужна всегда, даже при идеальном исполнении законов.** Почему? А потому, что демократия не отменяет того основополагающего факта, что капиталистическое общество состоит из клас-

сов с противоположными интересами. Капитал — это такая конструкция интересов и действий, которая предназначена для превращения наёмных трудящихся в постоянных доноров обогащения частных собственников. В этом суть устройства частной собственности как капитала. Можно пресечь усилиями капиталистического государства способы обогащения не по правилам “цивилизованной эксплуатации”, но сама-то эксплуатация, эксплуатация “по правилам” есть фундамент, душа, существо капиталистического (буржуазного) общества. Слово “буржуазный” в применении к обществу означает не то, что все общество состоит из буржуев, а то, что всё в нём устроено с максимальными удобствами для частных капиталистических собственников (буржуев).

Буржуазный парламент готовит и принимает законы, буржуазный суд судит по этим законам, буржуазное правительство исполняет эти законы, буржуазная прокуратура наблюдает за исполнением этих законов. Но сами-то законы написаны для гладкого осуществления процесса эксплуатации наёмного труда капиталом. Закон фиксирует наихудшее из возможных (допустимых) положений трудящихся в обществе, всякое нарушение закона — это ухудшение положения трудящегося, выходящее за допустимые обществом пределы.

Когда эксплуататор и его управляющий (работодатель) пытаются нарушить закон в свою пользу, трудящимся приходится защищаться. Но когда эксплуататор и работодатель действуют строго по закону, трудящимся всё равно надо защищаться. Смысл этой самозащиты трудящихся — настоять на таких условиях труда и его оплаты, которые были бы для трудящихся более благоприятными, чем описанные в законах. Закон ведь не запрещает иметь лучшие условия, он запрещает только иметь условия хуже, чем зафиксировано в законах.

Так что социальная самозащита трудящихся — это нормальная составная часть буржуазного устройства общества. Ненормальная ситуация складывается, если трудящиеся не сопротивляются капиталу, не занимаются са-

мозащитой. У нас в России, например, в условиях шоковых реформ ситуация стала совсем катастрофической в первую очередь по причине непротивления трудового народа грабительским реформам. Эксплуататор грабил, потому что он так устроен, он иначе не может. Но из-за того, что трудящиеся всё ему позволяли, эксплуататор распустился донельзя, просто вконец обнаглел и “оборзел”.

Мы, трудящиеся, не уделили должного внимания воспитанию наших буржуев (раз уж не вопротивились их появлению как класса). Пора нам поработать над историческими ошибками. Пора вплотную заняться самозащитой трудящихся в обществе.

Начальные формы организованной самозащиты трудящихся. Начальные организованные формы самозащиты трудящихся — это коллективная жалоба, коллективное требование или коллективный протест. Словом, это действия при конфликте, в котором одной из сторон оказывается группа трудящихся (коллектив). Коллективный интерес состоит в защите от опасности или несправедливости, и эта общность интереса заставляет действовать вместе, согласованно. Возникает потребность в самоорганизации.

Имейте в виду, что некоторые люди, которым хочется всё делать побыстрее, считают возможным искусственно обострить коллективный конфликт, чтобы “рас-тормозить людей”, “пробудить от спячки”, “переломить пассивность”, “дать толчок к организованности”. С нашей точки зрения, никакие эксперименты над людьми и их коллективами недопустимы, а всякая попытка подгонять и подталкивать со стороны — это провокация. Только сами трудящиеся могут решаться на протест, на коллективный конфликт. Разъяснять суть событий и проблем, выковы-вать убеждения и организованность на принципах самоорганизации — это одно дело. А подталкивать и подначивать к активным выступлениям против администрации и властей нет ни смысла, ни необходимости, ни оправдания. Нельзя, не находясь в коллективе, не участвуя в классо-

вой борьбе непосредственно, подталкивать к выбору рискованных форм самозащиты.

Вот почему настоящий революционер никогда не становится ни в позу вождя, ни в позу учителя. Да, протестное массовое сознание и готовность к протесту, к сознательному активному сопротивлению, к социальной самозащите вызревают изнурительно медленно. Да, люди часто нерешительны, когда, казалось бы, абсолютно ясно, что нельзя не действовать. Да, люди не привыкли к самостоятельным массовым действиям, они опасаются и побаиваются непривычных действий, трудно на них решаются. Однако идеология народно-демократического (то есть социалистического) движения решительно отвергает такой вариант классовой борьбы, при котором масса трудящихся, слепо поверившая и доверившаяся лидеру (вождю), не шибко-то задумываясь, действует по его призывам и указаниям. Ситуации могут быть, конечно, разные и люди разные, и их “чутье правды” разное. Но как общее правило остаётся всё же не вождистский, а товарищеский подход к рабочей массе, сформулированный Владимиром Ильичём Ульяновым (Лениным): **рабочий человек должен (в праве) все знать и обо всем судить сознательно.** Во времена Великой Октябрьской социалистической революции и после неё рабочие с гордостью говорили о себе как о *сознательных* пролетариях. В этом подчеркивании *сознательности своих общественных действий* — высокое гражданское достоинство и гражданская ответственность.

Риск начальных форм протеста и предъявления требований, может быть, даже выше, чем во время хорошо организованной забастовки или даже на баррикадах. Потому что классовая организация борьбы блокирует и понижает риски социального противостояния.

При начальных формах организованной самозащиты отчётливо проявляются свойства людей как общественников, намечаются возможные активисты, организаторы, будущие лидеры. Между прочим, настоящие лидеры и организаторы рабочего движения произрастают не из тех, кто громче всех и заводнее всех, а как раз из внимательно

слушающих и долго решающихся. Рабочее дело вообще и социальная самозащита трудящихся в частности не терпят суетливости, говорливости и метаний.

Подвижничество («и один в поле — воин»). Есть одна особенность складывания рабочего движения: люди активизируются и усваивают азбуку своего общественного, классового положения не одновременно.

Простая ведь мысль: если ты наёмный работник — значит, тебя будут эксплуатировать, превращать в эффективный источник возрастания капитала; причём чем ты безотказней и покорней, тем сильнее будут выжимать всё, что смогут. Для этого у собственника на службе квалифицированный работодатель с полным и лучше рабочего оплачиваемым штатом специалистов, мастеров, начальников. Стало быть, если хочешь работать и зарабатывать нормально, а не как скотина, которую кормят, чтобы просто не подохла раньше времени, приходится быть человеком, помнить, что у тебя есть гражданские права и возможности противостояния жадности капитала. Приходится постоянно, изо дня в день, а не от случая к случаю выполнять свою **общественную** обязанность наёмного работника — вести классовые взаимоотношения с капиталом (с частным собственником — через своего конкретного работодателя, с классом капиталистов — через обслуживающую его общественно-политическую систему). Это и называется вести классовую борьбу труда и капитала, то есть выживать при капитализме. Мы в России эту борьбу практически не ведём — вот и не выживаем, а шаг за шагом сходим на нет.

Всё это — как дважды два. Но люди до этого идут долго, вкруголя, как бы даже отгоняя от себя саму мысль о классовой борьбе как о чём-то утомительном и нежелательном. Ожидают, что всё как-нибудь само устроится и без них. И вот до некоторых, наконец, доходит, что всё же неправильно себя убаюкивать и прикидываться “небойцом”, простым добрым человеком, которого вечно дураят и обманывают (это наша, русских, любимая маска). Люди начинают обращаться к товарищам с вопросами и

разговорами, предлагают подумать, что надо бы сделать, проявляют инициативу сопротивления капиталу и работодателю, пробуют настаивать на соблюдении хотя бы писаных законов. Остальная масса в это время всё играет “в простых обманутых людей” и инициаторов не поддерживает.

Инициаторы, активисты попадают на заметку, их начинают прижимать и выдавливать, шельмовать и подлавливать. А масса “простых обманутых” помалкивает и про себя удовлетворённо смекает: “хорошо, что я не ввязался, а то были бы одни неприятности”. В итоге активисты сгорают, устают, оказываются растоптанными. Нередко возникает глубокая обида на товарищей, не сделавших даже того, что легко было сделать в знак поддержки и солидарности. Вот говорят, что мы народ добрый. Может быть. Но на сочувствие и даже на минимальную солидарность со справедливой борьбой в наших же интересах — с этим мы народ не скорый. Увы!

Долго ли, коротко ли, но приходят к потребности классового сопротивления, к потребности проявления человеческого и гражданского достоинства новые наши товарищи — из тех, кому ещё недавно удобнее казалось строить из себя “простых людей”, обманутых и задуренных. Их ждёт та же участь, что и предыдущих активистов и инициаторов. Так у нас “идёт процесс” оживления рабочего движения.

В такой вот обстановке некоторые люди сознательно решают бороться без расчёта на поддержку товарищей, бороться в одиночку. Бессмысленное это занятие — в одиночку вести классовую борьбу? Ведь не за себя такие люди борются — за нас за всех. Значит, борьба их не личная (лично они обычно работники хорошие и при бесконфликтности начальством бы очень ценились). Борьба их без всякой натяжки классовая. Это богатыри, подвижники. Совесть им не позволяет прикидываться глупыми и задуренными. Трудно им в смысле жизненных осложнений, но на душе зато кошки не скребут — они отстаивали и свободно проявляют свое человеческое и гражданское достоинство.

Не подумайте, что зовём вас в подвижники. Ни боже мой! Для этого нужен и твердый характер, и человеческим достоинством надо дорожить больше, чем многим и многим на свете. Просто просим понимать таких людей. Понимать и уважать.

Солидарная самозащита от отдельных конкретных рисков. Практика самозащиты трудящихся включает в себя разнообразную взаимопомощь. Житейская взаимопомощь (по-семейному, по-родственному, по-соседски, по-дружески) оказывается на основах взаимного расположения или обычая. В её основе — доброта и доверие. В трудовых коллективах также возникают доброта и доверие: не зря говорят люди, что коллектив — трудовая семья. Но коллектив большой, кроме доброты и доверия в нём возникают и иные основания для взаимопомощи. Прежде всего это схожие заботы, схожие конкретные трудности, преодолевать которые легче, опираясь друг на друга, на коллективную помощь в трудные времена. Для этого в коллективе **организуется** взаимопомощь, благодаря чему даже мало знакомые люди могут помогать друг другу. Это солидарная взаимопомощь, организованная солидарная самозащита трудящихся.

Всем известный пример такой солидарной самозащиты — кассы взаимопомощи. Сейчас то же самое возникает в виде обществ взаимного кредита. Конкретные трудности бывают разными, а потому разными бывают и организации для солидарной самозащиты от них.

Дело солидарной самозащиты трудящихся от конкретных рисков может разрастаться до общественно значительных масштабов, до страховых систем. Особенно если государство хоть чуть-чуть помогает этому.

К примеру, в царской России в 1912 году был издан Страховой закон. На его основе стали создаваться специальные учреждения для социального страхования рабочих — больничные кассы. Первая больничная касса была создана в марте 1913 года в Петербурге при заводе Невского стеаринового общества. К середине 1916г. в России было

2253 больничных кассы (1,8 млн.членов).⁸⁵ Больничные кассы управлялись правлениями, избранными на общих собраниях рабочих. Средства формировались из взносов рабочих (1-3% от заработка), “приплат” предпринимателей (2/3 от взносов рабочих) и сумм штрафов. Больничные кассы выдавали пособия по болезни и несчастным случаям, создавали амбулатории и больницы для рабочих. Часть больничных касс обслуживала рабочих одного предприятия, были и такие, которые обслуживали рабочих нескольких предприятий одной отрасли.

Недавно в Уфе свободный профсоюз “Башкирских авиалиний” создал независимый страховой фонд. Определён круг страховых случаев и гарантированные размеры страховых выплат. Источник фонда — добровольные взносы страхующихся. Поручкой тому, что “не кинут” — свой свободный профсоюз и реальное демократическое самоуправление фондом. Об этом опыте Школа трудовой демократии обязательно расскажет в своих изданиях.

КЛАССОВО ОРГАНИЗОВАННЫЕ ФОРМЫ САМОЗАЩИТЫ ТРУДЯЩИХСЯ В ОБЩЕСТВЕ

Профессиональные союзы как организация для самозащиты трудящихся. Общества взаимопомощи подготовили появление профессиональных союзов, то есть организованных объединений трудящихся по профессиям (по роду их трудовой деятельности). Такие объединения (коалиции) становились массовыми с переходом к фабричному производству.

Жгучей проблемой было отстаивание уровня заработной платы, борьба за её повышение. Союзы трудящихся, ставившие в качестве главной задачу достижения более выгодных условий продажи рабочей силы, назывались в Англии тред-юнионами⁸⁶

⁸⁵ К.Е.Балдин. Больничные кассы. — Статья в Энциклопедии “Отечественная история”. Том 1. 1994г. Стр.265

⁸⁶ От английских слов *trade* (ремесло, профессия) и *union* (объединение).

Позже профсоюзное движение сделало новые шаги и стало понимать свои общественные задачи более широко. Однако осталось среди трудящихся и части профорганизаторов и то первоначальное представление: дело профсоюзов — бороться за более выгодные условия продажи рабочей силы (размер зарплаты и условия труда), и не надо, мол, примешивать к этому другие задачи; для других задач — совсем другие, не профсоюзные организации. Такие представления, такое обуженное понимание общественных задач и дел профсоюза называется в наше время тред-юнионизмом.

Тред-юнионизм — тоже идеология самозащиты трудящихся. Только она сужает поле самозащиты до борьбы с одним из социальных рисков (недостаточность оплаты труда). Однако в реальной жизни и риски, и потребности защиты от них, и возможности самозащиты не разложены по полочкам одно отдельно от другого и рядом с другим. Всё сплетено, всё спутано в один клубок под условным названием “социальное положение трудящихся”. Поэтому и современные формы самозащиты трудящихся имеют столь же объединённый вид, как и проблемы, над которыми они бьются.

В последние годы, когда стали образовываться новые профсоюзы, возникло и активно обсуждается до сих пор расхождение в понимании круга необходимых и достаточных функций профсоюзов. Новые (свободные) профсоюзы всё ещё слабы и малочисленны, у них нет достаточных средств, а часто и элементарно необходимых условий для успешной работы (помещений, транспорта, оборудования, например). Они не могут не решать задачу, на чём сосредоточивать свои главные усилия. Они разумно ставят на первое место вопросы борьбы за улучшение условий труда, его организации и оплаты. Заняться улучшением бытовых условий работников — для этого у них ещё нет ни сил, ни возможностей. А старые профсоюзы занимаются “социалкой” и “бытовкой”, упуская по сложившейся в СССР традиции задачу самозащиты в области

условий, организации и оплаты труда. Отсюда и спор: что правильно и что неправильно.

Между тем обе стороны в споре равно правы и неправы. Правы, когда утверждают, что надо активно заниматься тем, чем они занимаются. Неправы, когда утверждают, что не надо заниматься тем, чем они не занимаются. Просто ни те, ни другие профсоюзы не поднимают в полном объёме и с должной настойчивостью весь круг профсоюзных дел по самозащите трудящихся.

В современных условиях профсоюзы могут работать эффективно только как организации самозащиты трудящимися своего социального положения в целом, не выбрасывая из своих задач никаких существенных для трудящихся жизненных проблем. Сил для охвата всех проблем у профсоюза может не хватать, но стремиться к охвату всех существенных для людей проблем если не немедленно, то в перспективе надо. Кстати, надо не забывать и о реальном ресурсе для такого охвата — активности самих людей. На то ведь и САМОзащита. Кроме деятельности профкома должна быть в профсоюзе и деятельность самих “профсоюзных масс”. Или это несбыточная мечта?

Профессионально-политические союзы. Под воздействием шоковых реформ в последние годы в России практически приостановился процесс демократизации жизни. Массовое народно-демократическое рабочее движение по-прежнему отсутствует. Нет влиятельных политических партий и организаций, которые отражали бы интересы трудящихся и представляли бы их в политической жизни.

А между тем в России в 1989-1991 гг. произошла четвертая русская революция, а революционные реформы продолжались все 1990-е годы. Политикой пропитано в стране буквально всё, и ещё неизвестно, кто сильнее влиял и влияет на ход политических событий и на политические результаты, — политически активные граждане и организации или политически пассивные. Понятно, что профсоюзы не могли и не могут в этих условиях стоять в

стороне от политики, даже если бы очень этого хотели. Реальная жизнь не даёт стоять в стороне. Во всём мире профсоюзы не стоят в стороне от политики.

Одна из развитых форм участия профсоюзов в политике — профессионально-политические союзы. Сегодня это остро необходимый шаг в сторону политической культуры, в сторону усиления позиций трудящихся в общественной практике.

Цели и поле деятельности профессионально-политического союза в сравнении с типичным профсоюзом значительно шире и, можно сказать, мощнее. Здесь трудящиеся объединяются не только для самозащиты интересов людей одной профессии, а для защиты и развития, например, общественно ценнейшей отрасли социального обслуживания (школьного дела как института национальной российской культуры, санаторно-курортного дела как специфической особенности именно российского здравоохранения и т.п.). Свойства политического приобретает профсоюз лётного состава или профсоюз авиадиспетчеров, если они включают в круг целей своей борьбы повышение безопасности полётов. Вообще, если трудящиеся и иные граждане организуются для выступлений за общественно значимые улучшения, то возникает признак социального движения. Любое социальное движение по сути своей политическое. Через обретение свойств социально-политического движения профсоюзы преодолевают свою ограниченность (намерение защищать интересы людей только своей профессии).

Скажем кстати, что несомненным признаком политического профсоюза является сознательная готовность солидаризироваться (не на словах, а в реальной борьбе) с иными профсоюзами. Формами такой солидарности являются забастовки солидарности, пикеты солидарности и иные массовые солидарные выступления. В российских профсоюзах (даже в свободных) готовность к солидарным выступлениям наблюдается крайне редко, да и то в неразвитых формах. Не было ни одной забастовки солидарности с бастующими учителями или медиками. Это о многом

говорит. Говорит не в пользу современного российского профсоюзного и рабочего движения.

Хотя продвижение в сторону создания жизнеспособных профессионально-политических союзов у нас мало-помалу идёт. К сожалению, гораздо медленнее, чем того требует обстановка.

Общественно-политические организации и партии трудящихся. А теперь никак нельзя не предоставить слово Карлу Марксу. 150 лет назад он изучил историю и накопленный к тому времени опыт самозащиты английских трудящихся и просто и ясно объяснил саму логику возмужания и нарастания общественной организованности и общественной значимости рабочего движения. С тех пор ход событий много раз и во многих странах подтвердил правильность Марксова видения закономерностей развития рабочего движения.

“В Англии, — писал Карл Маркс,⁸⁷ — рабочие не ограничились частичными коалициями,⁸⁸ не имеющими другой цели, кроме преходящей стачки, и исчезавшими вместе с её прекращением. Были созданы постоянные коалиции, тред-юнионы, которые служат оплотом рабочих в их борьбе против предпринимателей. ...Организация этих стачек, коалиций, тред-юнионов шла одновременно с политической борьбой рабочих, составляющих в настоящее время под именем *чартистов* большую политическую партию.

Первые попытки рабочих к объединению всегда принимают форму коалиций.

Крупная промышленность скопляет в одном месте массу неизвестных друг другу людей. Конкуренция раскалывает их интересы. Но охрана заработной платы, этот общий интерес по отношению к их хозяину, объединяет их

⁸⁷ К.Маркс. *Нищета философии. Параграф V. Стачки и коалиции рабочих.* — Маркс К. и Энгельс Ф. *Сочинения. 2-ое издание. Госполитиздат, 1955г. Том 4. Стр. 182-183.*

⁸⁸ *Коалиция — это объединение, союз.*

одной общей идеей сопротивления, *коалиции*. Таким образом, коалиция всегда имеет двойную цель: прекратить конкуренцию между рабочими, чтобы они были в состоянии общими силами конкурировать с капиталистом. Если первой целью сопротивления являлась лишь охрана заработной платы, то потом, по мере того как идея обуздания рабочих в свою очередь объединяет капиталистов, коалиции, вначале изолированные, формируются в группы, и охрана рабочими их союзов против постоянно объединённого капитала становится для них более необходимой, чем охрана заработной платы. До какой степени это верно, показывает тот факт, что рабочие, к крайнему удивлению английских экономистов, жертвуют значительной частью своей заработной платы в пользу союзов, основанных, по мнению этих экономистов, лишь ради заработной платы. В этой борьбе — настоящей гражданской войне — объединяются и развиваются все элементы для грядущей битвы. Достигши этого пункта, коалиция принимает политический характер.

Экономические условия превратили сначала массу народонаселения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, эта масса является уже классом по отношению к капиталу, но ещё не для себя самой. В борьбе, намеченной нами лишь в некоторых её фазах, эта масса спланивается, она конституируется как класс для себя. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами. Но борьба класса против класса есть борьба политическая”.

Итак, логика развертывания отношений наёмных работников и капиталистов (частных капиталистических собственников и их управляющих) шаг за шагом ведёт ко всё большей самоорганизованности рабочего класса. В силу этой логики самозащита трудящихся шаг за шагом прогрессирует от случайных и временных акций и организаций к устойчивым, от немногочисленных — к массовым. Возникает организация по своему масштабу и по своему значению общерабочая, классовая. Политическое дейст-

вие становится и остаётся самой эффективной формой самозащиты трудящихся.

А теперь припомните, что больше всего пропагандируют работодатели, обслуживающие капитал средства массовой информации, а также профлидеры, нацелившиеся на продвижение то ли в администрацию, то ли в какие-либо структуры власти? Они закливают рабочих и вообще “здравомыслящих людей” не заниматься политикой, держаться подальше от этого “грязного дела”. А почему они это нам внушают? А потому, что их грязной политике мы можем противопоставить свою безупречно чистую и от начала до конца справедливую рабочую политику — политику самозащиты интересов трудящихся и самоосвобождения труда от эксплуатации.

Политическое возмужание трудового народа России идёт всё ещё донельзя медленно. Политические организации и партии трудящихся вроде бы время от времени возникают, но признания в трудовой массе не получают. Не наживляется гаечка на резьбу. На политической арене нам морочат голову явно не наши “защитники” рабочих интересов: зюгановцы, анпиловцы, тюлькинцы, жириновцы, а теперь вот еще явлинские, селезнёвы, горбачёвы, райковы и пр.

Сейчас ситуация у трудящихся России аховая. Люди часто задают вопрос: чего же ожидать дальше, что же делать? Ожидать ничего ни от кого не надо. А делать надо — самим включаться и товарищей вовлекать в самозащиту интересов трудящихся. В любых уже возникших формах и в ещё невиданных, которые придумаете сами.

А когда станет тесно бороться за интересы трудового народа в неполитических формах, смело политизируйте их. Создавайте свои чисто политические организации и партии. Чем больше и чем разнообразнее, — тем оно для нашего рабочего дела и лучше. Главное, что дело это у нас общее.

Пикеты и баррикады — формы самозащиты трудящихся. Забастовки принято называть крайней ме-

рой самозащиты. Это верно для нормальных ситуаций. Забастовка парализует производство, угрожает экономическим ущербом собственнику. Собственник и его управляющий (работодатель) становятся сговорчивее, они выслушивают требования работников и ищут возможный компромисс, идут в чём-то на уступки. Понуждает их к этому риск экономического ущерба от забастовки.

В России кипучего роста производства сейчас на большинстве предприятий нет. Экономический ущерб от забастовки либо отсутствует, либо незначителен. Забастовка как способ самозащиты не так действенна, как при нормальном развитии и тем более при экономическом подъёме. А взаимоотношения труда и капитала, труда и власти обострились, как никогда. Поэтому крайняя форма протестного самозащитительного действия изменилась.

В обстановке шоковых реформ более или менее действенными стали массовые пикеты и баррикады. Пикеты применяются обычно против властных структур. Таким был, к примеру, пикет горняков на Горбатом мосту возле Дома правительства в июне-октябре 1998 г. Нередко применяются пикеты региональных администраций. Задача пикетов — обратить внимание властей на протест, на проблемы населения.

Баррикада — это, в изначальном смысле слова, заграждение, применяемое в уличных боях. В наше время роль баррикады выполняет перекрытие транспортных магистралей (железной дороги, улицы, моста). Иногда пикет стоит возле магистрали, угрожая перекрытием. Так было в Ярославле в 1998 году. То, что называют в России “рельсовой войной” — это политическая борьба на баррикадах. Потому что трудящиеся вступают в борьбу с властями, призванными поддерживать порядок на транспорте. Баррикады наносят экономический и моральный ущерб обществу. И это делает слух властей более чутким. Они не только угрожают, но начинают и думать о том, как решить проблемы, с которыми сталкиваются стоящие на баррикадах.

Современное состояние и перспективы самозащиты трудящихся. Хорошо было бы обрисовать всё разнообразие форм, приёмов и способов, которые применяются ныне трудящимися для самозащиты. Получилась бы целая энциклопедия народного сопротивления и народного приспособления к реальным опасностям жизни в современном нашем обществе при современных властях. Но эта немыслимо большая учётно-описательная работа никем не сделана. Не сделана, по-видимому, из-за того, что в час социальной опасности у людей нет потребности и привычки раскрыть и почитать справочник, а есть привычка и потребность обдумать ситуацию самому или вместе с товарищами. Тем более, что социально опасные ситуации не повторяются как свои точные копии, а разнообразятся, притом нередко до неузнаваемости.

Так что карманные справочники и инструкции по самозащите от социальных рисков, если и появятся, то, похоже, не так скоро. А вот представить себе, в каком состоянии находится дело самозащиты трудящихся в России, какие тут перспективы, — это очень полезно и возможно уже сейчас.

Первое, что надо отметить, — это **общая обстановка в стране, общие условия жизни трудового народа.**

Во времена СССР самозащита трудящихся, по сути дела, скукожилась, усохла до чистой видимости. Забота о благе человека провозглашалась делом партии, правительства, ВЦСПС, ВЛКСМ, но не самих трудящихся. Именно в условиях тоталитарного режима КПСС профсоюзная работа выродилась в деятельность профкома, профком стал помощником администрации. Более или менее сохранявшейся формой самозащиты были жалобы и письма трудящихся в вышестоящие органы с просьбой помочь, вмешаться, оградить, поправить положение, наказать обидчика и т.п. Заметьте, что трудящиеся ничего не могли требовать и не требовали, — они просили. Даже заявление (казалось бы, как гордо звучит — заявление!) на-

чиналось словами “прошу Вас”. Прямо как прошение в царские времена!

Тоталитарный режим КПСС целенаправленно разрушал и предотвращал возникновение всякой солидарности, всякой самоорганизации населения. Поколениями лю-ди привыкали жить в готовых и неизменных, не ими придуманных и не ими изменяемых формах. Регламентация жизни была мелочной, всепроникающей, жёсткой. Места для общественно самостоятельного действия не оставалось никакого, вернее, не предусматривалось.

Социальная пассивность как самое распространённое ныне зло, отсутствие человеческого достоинства у большинства — это, без всякого сомнения, наследство тоталитарного (фашистского) режима КПСС с его командно-карательными методами управления, с его “заботой партии и правительства о благе народа”. Мы выходим из казарменно-”социалистического” режима — вот чего нельзя упускать из виду, если хотим понять суть происходящего у нас в России и особенно — если хотим понять причины поразительно губительного бездействия трудового народа.

Отсутствие у трудящейся массы навыка, потребности и способности к самозащите дополнилось шоковым ударом в ходе ельцинских реформ. Народ был повержен в обстановку целенаправленного истребления (геноцида). Методом истребления выступили не газовые камеры, не массовые расстрелы, а резкое и недопустимо масштабное сокращение объёма жизненных средств (в среднем втрое, а для большинства трудящегося населения — вчетверо и впятеро ещё до августа 1998 года и не менее чем в 8-10 раз — на сегодняшний день). Средств существования стало постоянно не хватать для удовлетворения общественно необходимых (нормальных) потребностей. Так что перед каждым отдельным человеком, перед каждой семьёй выросла до угрожающих масштабов опасность деградации и даже гибели от голода, холода, безработицы, нищеты, разгула преступ-

ности, насилия. Выжить хоть как-нибудь, выжить ценой одичания — вот какой выход предложили ельцинские реформы.

Выжить можно было только одним способом: организованно, всем народом сопротивляясь ельцинским реформам, учинённому ими геноциду. Сорвать эти реформы — единственный способ выжить. Но люди, воспитанные в социальной казарме, не видели этого, а даже если бы и видели, не смогли бы действовать вместе, политически организованно. Жизнь поставила перед нами задачу шагнуть сразу к высшим, политическим формам социальной самозащиты трудящихся. А многие из нас даже о низших формах такой самозащиты понятия не имели.

Отсюда и первая оценка современного состояния самозащиты трудящихся: **привычка к социальной пассивности у массы трудящихся плюс тяжелейшая придавленность жестокими истребительными реформами Ельцина**. Это два фактора (две причины), решающим образом препятствующие возникновению достаточного сопротивления гибельным для народа реформам, достаточной социальной самозащиты.

Второе важное обстоятельство — “ловушки” для возникающей общественной активности.

Трудовая масса, как уже отмечалось, пассивна. Её оживление, активизация начинается как бы точечно, очагово, не враз. Люди и группы людей созревают для социального действия неравномерно, не одновременно. И вот, представьте себе: человек понял, что надо действовать, сопротивляться, а кругом него люди, как в летаргическом сне, пассивны. Он к одному, к другому — не слышат, не откликаются. Ищет единомышленников, ищет, с кем быть вместе, вместе действовать. И кого же он может найти? Кого он мог найти в последние 10 лет?

Гайдара, Явлинского, Шохина, Кириенко? Но они — за эти проклятые реформы.

Жириновского? Он всё крыл и кроет. В первые годы реформ люди голосовали за него, пока не разобрались, за что он на самом деле и чего стоит.

Лужкова с Примаковым? Но у них только видимость заинтересованных в облегчении жизни народа. Примаков вот, пока был во главе правительства, и банкам помог, и олигархам. А работникам и пенсионерам девальвацию 1998 года практически никак не компенсировал. Лужковское ОВР в Госдуме прямо из штанов выпрыгивало, чтобы только присоединиться к проправительственным фракциям “Единство” и “Народный депутат”. Именно депутаты от ОВР внесли инициативный вклад в проталкивание ТК РФ (особенно А.К.Исаев) и в разрушение демократически устроенного внебюджетного Пенсионного Фонда России (особенно Е.М.Примаков).

Зюганова? Анпилова? Патриотический так называемый союз? Да, эти были против Ельцина и его реформ. Пойти с ними? Немало людей из рабочих идёт с ними, не видя и не желая видеть (вот что поражает!), что по сути, по настроениям это не защитники интересов народа, а защитники интересов тех, кто раньше был у власти и хотел бы снова властвовать ну, если и не так, как, бывало, в СССР, то по крайней мере в компании с властью предрешающими.

Теперь появилась Народная партия (главный — Г.Райков) и партия “Единая Россия” (Б.Грызлов, С.Шойгу, Ю.М.Лужков и др.). Эти, не прячась, проталкивают жестокую программу Г.Грефа, принимают по сути дела антиконституционные законы, ухудшающие и ухудшающие положение трудящегося большинства. Их критикует партия хуйвейбинов — “Союз правых сил”. Но критикует за недостаточную жёсткость по отношению к народу. Чтобы узнать, за что выступает “Союз правых сил”, не надо читать программу. Достаточно припомнить “дела” поделщиков из этого союза — А.Б.Чубайса, С.В.Кириенко, Е.Т.Гайдара, Б.Е.Немцова (этот в 1993 г. призывал расстреливать Съезд народных депутатов, а в 1998 г. преследовал перекрывавших магистрали как уголовников), Е.Г.Ясина.

Ищет, ищет прозревающий трудящийся человек своих. Но **ищет он до сих пор не своих товарищей** по возможной будущей социальной самозащите, **а своих защитников**. Отсюда и шансы у разных генералов, губернаторов, вообще у персонажей, известных по телепередачам.

Желание к кому-то **прислониться** — вот причина, по которой активизирующийся человек постоянно попадает в “ловушки” к разного сорта вождям и “заступникам”. Вся возникающая, слабая ещё, одиночная и очаговая энергия сопротивления уходит на подпитку деятелей, об интересах трудящихся не беспокоящихся, от этих интересов далеких.

История шахтёрского движения с 1989 года — яркий пример того, что в такие “ловушки” попадают не только отдельные люди, но и целые социально-профессиональные группы. Их способность действовать солидарно и активно обращается в полный ноль, если затягивается в “ловушку”.

Третий момент из оценки современного состояния самозащиты трудящихся — **тяга к рабским формам протеста**.

Смотрите, как протестуют наши товарищи. Голодают. Один, демонстрируя безысходность своего положения, бросился в ствол шахты. Просят дать обещание выполнять закон... Все эти действия основаны на стремлении вызвать к себе жалость или сострадание. Или, может быть, на стремлении пробудить у хозяев и властей чувство справедливости, совесть. Но в том-то и дело, что и совесть, и понятия о справедливости у хозяев и властей совсем не такие, как у трудящихся. А вызывать к себе жалость и сострадание — не очень-то достойное дело для взрослых и дееспособных людей. Почему не очень достойное? Потому что за этим стоит признание социальной неполноценности, социальной ущербности трудящихся.

Рабочее движение не может быть успешным на такой основе. Вот почему “жалостные” формы протеста в

принципе не могут вызывать массовой солидарной поддержки. Голодающим в знак протеста можно посочувствовать, но глупо было бы призывать, например, к всеобщей голодовке.

К формам протеста, основанным на рабском сознании, можно отнести разные петиции, письма, молебны, посылку ходоков-просителей и т.п.

Четвертое. Одна из форм проявления рабского сознания в современной России — так называемое социальное партнёрство. Почему же, спросите Вы. Ведь само слово “партнёрство” означает, как будто, взаимное уважение и сотрудничество более или менее равных по силе (по значению) сторон. Все верно: слово это означает. Но в жизни во взаимоотношениях работодателей и наёмных работников нет ничего похожего на хотя бы примерную равноценность сил. Поэтому в российских условиях социальное партнёрство означает на деле, как правило, капитуляцию трудящихся и их профсоюзов перед администрацией. Брехня о социальном партнёрстве унижительна для трудящихся и является позором профсоюзов, принявших игру в социальное партнёрство в условиях современной России.

Пятое. Применение забастовок как формы самозащиты трудящихся было крайне затруднено и ограничено в условиях ельцинских реформ. Значительная часть производства разрушена. Бастовать на остановленном или полуостановленном предприятии бессмысленно. Механизм забастовки предполагает, что собственник несёт ущерб от забастовки, а потому идёт на удовлетворение требований бастующих.

Следует отметить, что подавляющая часть забастовок носит в последнее время “просительный” характер: сделать то, что положено по закону, чаще всего — выплатить заработанные деньги. Это, конечно, важно и нужно. Но забастовки могут дать больше, быть средством наступления и давления на работодателя и собственника, да и на власти тоже. Ресурс забастовок используется пока слабо. Быть может, это потому, что нередко реальным орга-

низатором забастовки является не профсоюз или стачком, а администрация.

Забастовки могли бы быть применены в теневом секторе. Но там работники имеют мало прав, а уж права на протест и забастовку точно не имеют. Теневой сектор не терпит и профсоюзов. Придавленные ельцинскими реформами, трудящиеся вынужденно шли и до сих пор идут в теневой сектор. Но для развёртывания самозащиты это неподходящая сфера, так как она вообще за пределами правового пространства.

В нашей практике консультирования профсоюзов и рабочих активистов был случай, о котором стоит рассказать. В одной государственной транспортной компании часть работников решила воспользоваться благоприятным моментом. Администрация хотела избавиться от убыточного подразделения. Работникам светило увольнение по сокращению штатов в связи с ликвидацией подразделения. Они решили создать закрытое акционерное общество (ЗАО) и продолжить работу подразделения уже на основе частного риска. Контрольный пакет в ЗАО предполагалось отдать инициатору и “мотору” этого дела. Хороший общий друг. К тому же обещал “не обижать”, вместе управлять, вместе доходы делить. Стоял за создание в ЗАО с самого начала свободного профсоюза и за действенный профсоюзный (рабочий) контроль.

Профорг пришёл к нам советоваться. Мы поинтересовались, за счёт чего ЗАО станет прибыльным? Оказалось, капиталовложений пока нет, но из доходов подкопятся. Все остальные факторы производства и издержек — прежние. Так за счёт чего? Оказывается, за счёт отвода “в тень” части производственной деятельности, что даёт экономию на налогах. Эту экономию и предполагалось делить между работниками.

Вопрос у пришедшего на консультацию профорга был отчётливый: как вести переговоры с администрацией, как заключать коллективный договор, как судиться с администрацией в условиях, когда профсоюз знает о теневой

деятельности и все члены профсоюза добровольно в ней согласились соучаствовать. Мы объяснили, что во внеправовом пространстве демократии нет и быть не может, что здесь регуляторы иные (разборки, угрозы, устранения, самосуд, обращение к авторитетам и т.п.). И свободным профсоюзам во внеправовом пространстве делать нечего. Разве что служить ширмой, как делает это часть профкомов ФНПР на предприятиях, где администрация ворует и сотрудничает с криминалом.

Шестое. Конкуренция между работниками в России старательно культивируется работодателями, а общественное мнение и профсоюзы ей противостоят мало. Само понятие “штрайкбрехер” (в буквальном переводе с немецкого — “разрушитель, ломатель забастовки”) у нас не в ходу. Люди, выступившие реально как штрайкбрехеры, как орудие борьбы работодателей с их товарищами, не понимают своей позорной роли. Между прочим, это ещё одно свидетельство отсутствия не только рабочего движения в стране, но и классового самосознания рабочей массы. Рабочие есть — рабочего класса нет. Такова формула нашей слабости на переживаемом этапе истории.

Налаживание солидарной самозащиты трудящихся без борьбы с конкуренцией между работниками просто невозможно. Видимо, в будущем предстоит пережить целую бурную полосу воспитания элементарной порядочности в отношениях товарищей по труду, чувства уважения к борьбе товарищей за свои (и твои тоже) законные права, свободы и интересы.

Седьмое. Организации трудящихся (профсоюзы, даже профессионально-политические движения, стачкомы, забасткомы) начали возникать почаще, чем в последние годы. Но по-прежнему не возникло ещё ни политических партий, ни общественно-политических движений, ни иных политических организаций, которые стали бы своими, надёжными демократическими формами политической массовой активности трудящихся. От имени трудящихся говорят сегодня зюгановы, глазьевы, анпиловы, шмаковы,

но трудящиеся не ощущают их своими представителями. И ощущения трудящихся не обманывают.

Лучшая самозащита — историческое наступление. И тем не менее Россия переоформляется политически. Перегруппировывается. Расширяется пространство сознательного участия трудящихся в политике. Политика проникает в толщу народа, в низы. До массовых действий доходит редко. Но мысль оживает. Массовыми становятся не те выводы, которые правители вбрасывают через продажные и послушные газеты и ТВ, а **свои** выводы. Доходит...

Подступает, чувствуется, новый рубеж. На очереди какой-то новый шаг.

А, может быть, даже два шага.

Ситуация сейчас сложилась такая. **Самостоятельное историческое выступление** трудящихся России реально обозначилось и крепнет. Речь идёт о непрекращающейся череде организованных протестных акций с реальными требованиями. Выступление — это первый, с трудами и с долгими колебаниями давшийся шаг.

Нынешние выступления самостоятельны в том смысле, что не кто-то призвал и к своим политическим интересам приспособил, а сами трудящиеся включаются в активное противостояние властям, существующему режиму **как системе**. Как системе! — чувствуете политический накал?

Нынешние выступления приобретают исторический характер в том смысле, что действовать начинает масса трудящихся, трудовой народ. Когда действует такой субъект, — он творит историю.

Наконец, что значит — “выступление”? А то, что **трудящиеся решили открыто противопоставиться системе и показывают это**. Вот и всё. Выступление, если оно ограничивается демонстрацией противостояния, к коренным переменам не ведёт и само собой рассасывается. Оно для властей неприятно, но неопасно. Власти даже и поддержать могут — материально или сочувствием.

Благоприятное для трудящихся развёртывание массового политического выступления — это дорастание его до **самостоятельного исторического наступления**.

Вот это был бы второй шаг.

Наступление — это не требования или призывы добровольно уйти в отставку или национализировать что-то, или дать дотацию, или отдать заработанную копейку. Это всё из программы выступления. Наступление рабочего класса и всех эксплуатируемых на эксплуатирующую систему начинается тогда, когда трудящиеся начинают готовиться сами осуществлять государственную и хозяйственную власть.

Наступление рабочего класса начинается с создания реального рабочего контроля, стачкома, совета депутатов трудящихся на предприятии, в посёлке, в городе. Рабочий класс создаёт свои органы власти, у государственной власти ещё не находясь. Проследите за реакцией властей и их прессы на выступления трудящихся. Они реально начинают бояться и визжать от страха только тогда, когда возникают зачатки власти самих трудящихся. Двоевластие, кричат! Вот! Вот это слово, обозначающее реальное начало исторического наступления трудящихся, — формирование двоевластия, параллельных структур власти.

Подготовка двоевластия, а затем и само двоевластие никакими законами не запрещены. Трудящиеся практически начинают делать то, чего власти делать не хотят или не способны. Люди это видят, а потому начинают созданные трудящимися структуры уважать, предпочитать, поддерживать, в них участвовать, готовиться превратить их в полноценные и полноправные органы власти. Так всегда бывало при мирном ходе народной революции.

От реальной работы по развитию народной демократической власти, власти на перспективу надо, конечно, отличать акции, в ходе которых собственники и власти просто используют рабочих как массовку. Так часто быва-

ет при современных переделах собственности. Одна банда “наезжает” на другую банду, чтобы отнять завод, комбинат или разрез. Глядишь, и трудовой коллектив вовлечён в защиту старого буржуа против нового. Бывает, что и люди страдают при таких действиях. Так было, например, на Выборгском целлюлозно-бумажном комбинате. Омерзительно, когда леваки, бредящие немедленной пролетарской революцией, помогают в подобных случаях буржуям дурить трудящихся.

До исторического наступления предстоит ещё дорасти. Нервничать, психовать, устраивать вспышки, пока ещё не скоплены силы, не выработан опыт **классового (то есть сознательного массового) действия** — значит проявлять нетерпение в деле, где попытки повторяются с великим трудом. Но общая логика предстоящих фаз классовой борьбы в России должна быть ясна. Эта логика проста: завоёванное не удержать, если снижаешь давление на работодателя. Результаты исторического выступления можно удержать, только если основательно готовишься и осмоторительно втягиваешься в историческое наступление.

Впервые напечатано двумя брошюрами (первая часть и вторая часть) в периодическом издании “Трудовая демократия” № 44. — М.: Школа трудовой демократии. 2002. 48 с. и “Трудовая демократия” № 45. — М.: Школа трудовой демократии. 2002. 78 с.

Перепечатано двумя брошюрами: первая часть — Чернигов. ШТД Украины. Сентябрь 2003. 44 с.; вторая часть — Чернигов. ШТД Украины. Сентябрь 2003. 54 с.

Перепечатан раздел части первой: «Как выработать представления о нормальном социальном положении трудящихся?» — В кн. “Актуальные проблемы профсоюзной борьбы и развития профсоюзов: материалы к семинару” — Периодическое издание “Бюллетень Школы трудовой демократии” Выпуск №30. М.: ШТД-ИНФОРМ. 2006. Стр. 33-43

Текст брошюр использован при написании глав 14, 15 и 16
Учебника по программам высшего классового образования
«СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ: российские
и международные принципы, нормы, проблемы» — М.:
ИППС. 2008. Стр. 466-597. Авторы Учебника Б.В.Ракитский,
Г.Я.Ракитская, М.Д.Мандель.

СОДЕРЖАНИЕ ТРЕТЬЕГО ТОМА

<i>Ракитский Борис Васильевич</i> НОВОЕ УЧЕНИЕ О СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ И О СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ (вступительная статья к третьему, четвёртому и пятому томам «Основных трудов» Г.Я.Ракитской)	5
1982 Социально-трудовые аспекты совершенствования хозяйственного механизма	27
1983 Преобразования в труде в условиях интенсификации Производства	47
1986 Основное противоречие трудового коллектива как основа его системного исследования	76
1986 Проблемы и направления развития социально-трудовых отношений в СССР	79
1986 О социальной позиции заводского социолога при изучении факторов повышения эффективности труда	145
1986 Проблемы развития личности в социалистическом трудовом коллективе	154

1986	
Рецензия о монографии «Труд в капиталистическом производстве: проблемы управления»	166
1987	
Самоуправление на производстве: проблемы и перспективы развития	174
1987	
Совершенствование организации фундаментальных исследований в научных учреждениях	190
1988	
Памятная записка научно-практической конференции «Производственное самоуправление: опыт, теория, перспективы»	212
1988	
Развитие социалистического отношения к труду	251
1989	
Учитывать специфику перестройки при постановке и решении проблем занятости	271
1989	
СОЦИАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ОБНОВЛЕНИЯ:	
ОБЩЕСТВО И ЧЕЛОВЕК	
Раздел первый.	
Социальная политика в контексте перестройки <i>(Извлечения из текста раздела)</i>	276
1992	
Право полного хозяйственного ведения: теоретические проблемы реализации в условиях различных форм собственности	302

1992	
Практика социального партнёрства в ФРГ	318
1993	
Современные требования трудящихся к социально-экономической политике	330
1993	
Защита интересов трудящихся при реформе собственности	355
1994-1995	
БУДУЩЕЕ И НАСТОЯЩЕЕ РОССИИ	
В ИДЕЙНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ И ТРЕБОВАНИЯХ	
<i>(из летописи четвёртой русской революции)</i>	376
1995	
РАБОЧИЙ КОЛХОЗ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ	
<i>(впечатления и размышления о знаменитом опыте группы кооперативов в городе Мондрагоне на севере Испании)</i>	478
1995	
СОЦИАЛЬНАЯ ХАРТИЯ РОССИИ	502
1995	
Демократическая реформа собственности: упущенная или реальная возможность?	557
1996	
ПОЧЕМУ РЕФОРМЫ В РОССИИ	
ИДУТ ЗА СЧЁТ ТРУДЯЩИХСЯ	564
1996	
О природе предприятий с собственностью Работников	573

2000-2001	
К КРИТИКЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ	
В НОВОЙ РОССИИ (реформа собственности и	
социально-трудовых отношений)	576

2002	
Тенденции новой социальной дифференциации	
в России (<i>гипотеза</i>)	636

2002	
СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА И САМОЗАЩИТА ТРУДА	
Часть первая. Нормальное социальное положение	
и риски социального происхождения	
(социальные риски)	656

2002	
СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА И САМОЗАЩИТА ТРУДА	
Часть вторая. Система социальной защиты	
и способы социальной самозащиты	699

Научное издание

Ракитская Галина Яковлевна

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ

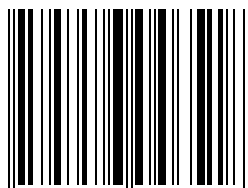
ТОМ ТРЕТИЙ

**Теория и практика
социально-трудовых отношений.
Социальная политика**

Школа трудовой демократии имени Г.Я. Ракитской
119361, Москва, Озёрная улица, 25-287
Тел. (495) 437-04-97

Подписано в печать 22.11.2017.
Формат 60х90/₁₆. Объем 48,25 усл. печ. л.
Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-98604-651-8

9 785986 046518

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
тел. (495) 287-06-19 e-mail: probel-2000@mail.ru